

№ 9 (152) 2013
Выпуск 24

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов
кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

Юридический институт НИУ «БелГУ» в системе высшего образования России (к 20-летию юридического института НИУ «БелГУ»).

О.Н. Полухин 5

Новые задачи юридической науки. **Е.Е. Тонков 7**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Герменевтика права: проблема интегративной трактовки. **Г.А. Борисов, В.А. Носков 11**

«Я»-образ как особая правовая реальность межсубъектных взаимодействий. **В.П. Иванский 19**

Формирование кадрового состава органов предварительного следствия в России во второй половине XIX – начале XX века. **Т.Н. Ильина, И.Н. Куксин 34**

Дефект техники законодательства в сфере противодействия экстремистским проявлениям. **Н.В. Кузьмина 39**

Участие российских офицеров в формировании социально-правовых основ отечественной кооперации. **В.В. Невлев 46**

«Правовая идентичность»: волевой фактор. **Е.В. Резников 55**

К проблеме места и роли системы учреждений исполнения наказаний в механизме государства. **В.В. Россихин 58**

Е.В. Спекторский о кризисе современного государства. **В.Г. Рутман 68**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Экспертиза муниципальных правовых актов как средство обеспечения их качества. **Н.В. Вантеева 74**

Развитие принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин в России. **В.Г. Ермаков, С.А. Москаленко 81**

Роль межотраслевой конвергенции в развитии категории «риск». **М.В. Мархгейм, А.Е. Новикова 89**

Конституционный формат территории в странах Содружества независимых государств. **А.Н. Нифанов 103**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА**

Проблемы реализации принципа единства юридической судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов в наследственных правоотношениях. **А.Б. Акиньшина 110**

Организационно-правовой механизм регулирования рынка ценных бумаг Европейского Союза. **Н.И. Акинфиева 115**

Понятие и виды хозяйственных правоотношений в системе лесного сектора экономики Украины. **А.М. Бровдий 126**

Регламентация исполнения внедоговорных регулятивных обязательств. **В.Н. Игнатенко 137**

Крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект предпринимательского правоотношения. **В.А. Хрисанов, В.Л. Михайликов 143**

Содержание процессуально-ограничительных правоотношений. **Е.Д. Проценко, Б.В. Макогон 147**

К вопросу о содержании принципа правовой определенности. **В.С. Сиденко 154**

Наука гражданского права в представлениях профессора Г.Ф. Шершеневича по материалам сочинения «Наука гражданского права в России». **С.В. Тычинин, Д.И. Романенко 159**

Правовая природа и значение инкотермс для регулирования предпринимательских правоотношений. **Г.П. Тонкова, А.С. Федоряченко 167**

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

О.А. Волкова, доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

С.А. Никольский, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Г.В. Мальцев, доктор юридических наук, профессор (РАНХ иГС при Президенте РФ)

А.Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

М.В. Мархейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

П.И. Орлов, кандидат юридических наук, профессор (Харьковский экономико-правовой университет)

М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

С.В. Тычинин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

С.Ф. Шумилин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 22.05.2013.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 44,64
Тираж 1000 экз.
Заказ 212

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Понятие разумного срока уголовного судопроизводства. **И.М. Алексеев 173**

Преступления против конституционных прав человека: обстановка, способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений. **Н.И. Амрахов 180**

Особенности самоконтроля судьи при рассмотрении уголовных дел. **А.Ю. Астафьев 186**

Специально-криминологическое предупреждение налоговых преступлений в Украине. **А.В. Иванов 195**

О разграничении судебной экспертизы, предварительных исследований и консультаций специалиста в уголовном судопроизводстве.

Н.П. Каторгина 199

О разработке типовых вопросов судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов. **М.Л. Подкатилина, Е.И. Галяшина 204**

Негласные следственные действия в новом УПК Украины. **В.Г. Уваров 214**

Цели уголовно-процессуальной деятельности следователя: понятие и законодательное закрепление. **С.Ф. Шумилин 218**

К вопросу о правовых способах борьбы с проституцией. **А.В. Ююкин 231**

Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. **Ю.П. Якубина 237**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста при производстве некоторых следственных действий на стадии предварительного расследования краж. **И.Н. Кислицина 241**

Идентификационные признаки исполнителя текстового электронного документа. **И.М. Комаров, М.Ю. Третьяков 251**

Структура и функции частной теории криминалистических операций в досудебном производстве. **И.М. Комаров 257**

К Первой Всероссийской конференции «Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис, конвергентные технологии, трансгуманистические проекты»

Трансформация природы человека в контексте «постчеловеческого будущего». **В.А. Долин 264**

Моделирование когнитивной эволюции – перспективное направление будущих исследований. **В.Г. Редько 273**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Социальная память как символический капитал. **Д.А. Аникин 282**

Православный медиадискурс региональной периодики. **Л.А. Гулюк 288**

Онтологические основания «виртуального человека». **Р.А. Дунаев, А.Н. Черняков 217**

Утопия как образ будущего. **И.В. Желтикова 302**

Философия политической толерантности в либерализме.

Ю.В. Назарова 312

Сущность гуманизма и тенденции его трансформации в условиях современного образования. **Л.А. Петрова 321**

Социально-этический потенциал русской философии в современном образовании. **Б.А. Попов 326**

Отражение глобального кризиса культуры в образовании. **Д.В. Пчельникова 330**

Взаимодействие языка и культуры в процессе обучения русскому языку как иностранному (на примере русских и китайских паремий).

Д.И. Ромеро Интриаго, О.Н. Кравченко 335

О некоторых современных проблемах формирования ценностных ориентаций в общественном сознании России через призму русской религиозной философии. **О.В. Сенина 340**

О некоторых предпосылках идеал-реализма. **А.В. Усачев 346**

Доверие профессионального медийного сообщества к различным типам медиатекстов: опыт экспериментального исследования. **Т.Р. Красикова 352**

Понятие зла в религиозной философии Л.Н. Толстого. **Е.Д. Мелешко 357**

Социально-психологическая реабилитация детей с задержкой внутриутробного развития. **М.А. Набережная 363**

Религиозная этика как нормативная трансрегуляция. **В.Н. Назаров 369**

Сведения об авторах 375

Информация для авторов 379

**№ 9 (152) 2013
Issue 24**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,
Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,
Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,
Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

Chief editor

V.P. Rimskiy
Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev
Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov
Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov
Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

Law institute of national research university «BelSU» in the system higher education of Russia (on the 20th anniversary of law institute of national research university «BelSU»). **O.N. Polukhin 5**

New challenges of jurisprudence. **E.E. Tonkov 7**

ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Hermeneutike of law: the problem of integrative interpretation. **G.A. Borisov, V.A. Noskov 11**

«The inner man»-pattern as a spacial legal reality of intersubjective cooperation. **V.P. Ivanskiy 19**

The formation of cadre of preliminary investigation bodies in Russia in the second half of XIX – the beginning of XX century. **T.N. Il'ina, I.N. Kuksin 34**

Defect of equipment of legislation in the sphere of opposition to the extremist manifestations. **N.V. Kuzmina 39**

Participation of Russian officers in formation of the socio-legal basis of native cooperation. **V.V. Nevlev 46**

"Legal identity": volitional factor. **E.V. Reznikov 55**

To problem of place and role of system of establishments of execution of punishments in mechanism of the state. **V.V. Rossikhin 58**

E.V. Spektorsky about crisis of the modern state. **V.G. Rutman 68**

ACTUAL PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

The expert examination of municipal legislative enactments as the way of the guarantee of their quality. **N. V. Vanteeva 74**

Development of the principle of equal rights and freedoms for men and women in Russia. **V.G. Ermakov, S.A. Moskalenko 81**

The role of inter-sectoral convergence in the development of the category of «risk». **M.V. Marhgeym, A.E. Novikova 89**

Constitutional aspect in the area commonwealth of independent states. **A.N. Nifanov 103**

ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

Problems of realization of the principle of unity of legal destiny of the land lot and strongly related objects in hereditary legal relationship. **A.V. Akinshina 110**

The legal mechanism for regulating the securities market of the European union. **N.I. Achinfieva 115**

Concept and types of economic relations in the forestry sector of the economy of Ukraine. **A.M. Broudii 126**

The regulation of the execution of regulatory non-contractual obligations. **V.N. Ignatenko 137**

Peasant (farmer) economy as the subject of enterprise legal relationship. **V.A. Hrisanov, V.L. Mikhailikov 143**

Content of the procedural and restrictive relationship. **E.D. Procenko, B.V. Makogon 147**

To the question about the content of the principle of legal certainty. **V.S. Sinenko 154**

Science of civil law in representations by professor G.F. Shershenevich based on materials work « science of civil law in Russia». **S.V. Tychinin, D.I. Romanenko 159**

The legal nature and significance of incoterms for the regulation of business relations. **G.P. Tonkova, A.S. Fedoryashchenko 167**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

O.A. Volkova, Doctor of sociology, Professor (Belgorod National Research University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

G.V. Maltsev, Doctor of law, Professor (Russian Academy of National Economy)

A.D. Maydanskiy, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

M.V. Marhheim, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

P.I. Orlov, Candidate of Law, professor (Kharkiv University of Economics and Law)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod National Research University)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 22.05.2013
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 44,64
Circulation 1000 copies
Order 212

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078
Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL TRIAL

The concept of reasonable term of criminal proceedings. *I.M. Alekseev* 173

The crimes against constitutional human rights: crime situation, its preparation, modus operandi and concealment of crime. *N.I. Amrahov* 180

Particularities of judge's self-control in criminal procedure. *A.Y. Astafiev* 186

The specially-criminological prevention of tax crimes in Ukraine.

A.V. Ivanov 195

Differentiation of forensics, preliminary investigations and consultations of a legal procedure specialist. *N.P. Katorgina* 199

On the issue of typical question formulation development to the extremist material linguistic examination. *M.L. Podkatilina, E. I. Galyashina* 204

Private investigatory (search) actions in new KPK Ukraine. *V.G. Uvarov* 214

Purpose of criminal procedure investigator: concept or institutionalized.

S.F. Shumilin 218

To the question against prostitution. *A.V. Jujukin* 231

Peculiarities of criminal proceedings in regard to some individuals.

Yu. P. Yakubina 237

ACTUAL PROBLEMS CRIMINALISTICS

Help and consulting activity of the specialist criminalist by production of some investigatory actions at the stage of preliminary investigation of thefts.

I.N. kislitsina 241

Identification of signs of contractor text electronic document. *I.M. Komarov, M.Y. Tretyakov* 251

The structure and functions of particular criminalistic acts' theory during pre-judicial inquiry. *I.M. Komarov* 257

Toward the First Russian conference "Global future 2045: anthropological crisis, convergent technologies, transhumanistic projects"

Transformation of human nature in context of post-human future.

V.A. Dolin 264

Modeling of cognitive evolution: perspective direction of future research.

V.G. Red'ko 273

THESIS

Social memory as symbolical capital. *D.A. Anikin* 282

The semantic maxims of the orthodox periodicals of Belgorod region.

L.A. Gulyuk 288

Ontological basis of "virtual individual". *R.A. Dunaev, A.N. Chernyakov* 297

Utopia as an image of future. *I.V. Zheltikova* 302

Philosophy of political tolerance in liberalism. *Y.V. Nazarova* 312

The essence of humanism and the trends of its transformation in the conditions of modern education. *L.A. Petrova* 321

Social and ethnic perspective of Russian philosophy in modern education.

B.A. Popov 326

Reflection of the global crisis of culture in education. *D.V. Pchelnikova* 330

A language and culture interaction in the process of teaching Russian as a foreign language (on the material of Russian and Chinese paroemias).

D.I. Romero Intriago, O.N. Kravchenko 335

About some modern problems of formation of valuable orientations in public consciousness of Russia through the prism of Russian religious philosophy.

O.V. Senina 340

Some premises of ideal-realism. *A.V. Usachyov* 346

Trust of mass media professionals to different types of media texts: experimental research. *T.R. Krasikova* 352

Notion of "evil" in the religious philosophy of Leo Tolstoy. *E.D. Melechko* 357

Socio-psychological rehabilitation of children with intrauterine growth retardation. *M.A. Naberezhneva* 363

Religious ethics as a normative transregulation. *V.N. Nazarov* 369

About authors 375

Information for authors 379

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НИУ «БелГУ» В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ (К 20-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА НИУ «БелГУ»)

В современном обществе образование стало одной из самых обширных сфер человеческой деятельности. Причем оно определяется как важнейший элемент инновационного развития государства и общества. Российская система образования является значимым фактором сохранения места России в ряду ведущих стран мира, ее международного престижа. Вследствие этого сфера образования выступает важнейшим фактором воспроизводства современного общества, условием прогрессивного существования наций и народов. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, являясь инновационным вузом и поддерживая современные приоритетные научные направления, непосредственно участвует в этих фундаментальных процессах, находясь при этом в числе признанных лидеров. Так, Министр образования РФ Дмитрий Ливанов в ходе поездки по Белгородской области отметил: «Мы рассматриваем Белгородский госуниверситет не как региональный вуз, а как общероссийский. Его значение вышло на такой уровень. БелГУ является одним из лидеров высшего образования в России».

Одним из направлений, развиваемых в Белгородском государственном национальном исследовательском университете, является сфера юридического образования и науки. Совершенно очевидно, что на современном этапе развития России этому вектору должно уделяться пристальное внимание. И в дело развития современного юридического образования существенный вклад вносит Юридический институт НИУ «БелГУ», 20-летие создания которого отмечается в этом 2013 году.

Отмечая значение юридического образования в современном обществе, нельзя не обратить внимание на весьма широкую сферу его применения. В наше время юридическая профессия охватывает огромный спектр деятельности человека в обществе, включая область законодательной, исполнительной и судебной власти, органов управления всех уровней, руководство различными организациями, службу в правоохранительных органах, адвокатскую и нотариальную деятельность, работу юрисконсульта, бизнес-юриста, юриста-политолога, юриста-финансиста, юриста-экономиста, научную и преподавательскую деятельность. В условиях сегодняшнего дня правовые знания нужны любому человеку, ибо без юридически грамотных людей невозможно создание цивилизованного, свободного гражданского общества и строительство подлинно правового, демократического, справедливого и эффективного государства. Вследствие этого, среди всего многообразия проблем современного юридического образования в России (финансовых, административных, организационных и др.) одно из важных мест занимает выработка основных направлений подготовки юридических кадров.

В основе юридического образования должна лежать модель юриста, ориентированная на потребности общественного развития и юридической практики. Поэтому юридическое образование предполагает овладение юридической деятельностью как в ее системном представлении, так и с учетом особенностей конкретно юридической деятельности. Юридический институт НИУ «БелГУ», учитывая данные обстоятельства, постоянно совершенствует учебный процесс, корректируя его направленность в соответствии с потребностями общества (это и традиционная подготовка специалистов и бакалавров по специальности (направлению) «Юриспруденция»; и открытие новых специальностей «Судебная экспертиза» и «Правовое обеспечение национальной безопасности»; и широкий спектр программ магистерской подготовки).

Высокое качество подготовки выпускников (а их за годы существования юридического факультета и ныне Юридического института более 5 тысяч), соответствующее современным запросам рынка труда, подтверждается тем, что они уже на протяжении

15 лет успешно работают в органах исполнительной и законодательной власти страны и органах местного самоуправления, судах, правоохранительных органах, адвокатуре и юридических службах организаций, а также в зарубежных странах. И в деле обеспечения государства, в целом, и белгородского региона, в частности, высококвалифицированными специалистами – юристами особо значимую роль играет профессорско-преподавательский состав Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета. Именно к сфере профессиональной ответственности преподавателя относится формирование профессионального юридического правосознания, понимания основных принципов и ценностей права. Качество подготовки профессиональных специалистов именно в данной области имеет принципиальное значение для любого государства. Этому и в современной России уделяется особое внимание. Так, к примеру, согласно Указу Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 года №599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» одной из наиболее важных и необходимых мер по модернизации юридического образования является формирование правосознания обучающихся путем привития нетерпимости к коррупционному поведению и уважительного отношения к праву и закону. Прививать нетерпимость к коррупционному поведению и уважительное отношение к праву следует в процессе формирования правосознания студентов-юристов, прежде всего, посредством профессионального юридического образования. Причем, под юридическим образованием должна пониматься не только форма передачи необходимых профессиональных знаний и навыков, но и трансляция правового опыта, правовых ценностей и идеалов.

Формирование высокого уровня правосознания должно стать центральной идеей всего юридического образования, поскольку от качественного решения данной задачи напрямую зависит профессиональный уровень выпускника: его компетентность, практическая готовность к будущей профессии, устойчивость к профессиональной деформации и многое другое.

Юрист, обладая развитым правовым сознанием, должен стать активным носителем правовой культуры, идей демократии и справедливости и, следовательно, успешно участвовать в решении проблем укрепления законности, повышения правовой культуры и правосознания населения.

**Ректор Белгородского государственного
национального исследовательского
университета, доктор политических наук,
профессор**

О.Н. Полухин

УДК 343.359.2

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ**Е.Е. ТОНКОВ***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: etonkov@bsu.edu.ru*

В статье, посвященной 20-летию образования Юридического института НИУ «БелГУ», определяются новые задачи, стоящие перед юридической наукой на современном этапе развития России. Показано, что трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования, а государственная деятельность в условиях рыночной экономики не может осуществляться в тех же юридических формах и пределах, что и прежде.

Ключевые слова: личность, государство, право, функции, полномочия, власть.

Создание 20 мая 1993 года юридического факультета стало знаковым не только для университета, но для всей Белгородчины. За прошедшие годы факультет окончили около 5000 специалистов – юристов высшей квалификации, которые составляют сегодня фундамент правового пространства региона. В современном демократическом государстве, на статус которого претендует Россия, в сфере юриспруденции находится не только применение права, но и правовая защита общества от диктата государственной воли.

Наша страна, к сожалению, не является ни колыбелью теории правового государства, ни полигоном для убедительного освоения ее практики. Его идеи, возникнув во времена античности, научное оформление получили в известных работах Ж.Ж. Руссо, теории общественного договора, трудах немецких философов и правоведов. В России же до сих пор отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные правовому государству и правозащитной деятельности, хотя в Конституции РФ закрепляется характеристика правового государства и его элементов.

Не случайно даже Председатель Конституционного Суда страны, не так давно избранный на очередной срок полномочий, размышляя о влиянии социально-государственного кризиса на правовую систему, озадачился вопросом, куда сегодня движется Россия – к праву или хаосу¹.

Все это подчеркивает потребность обеспечения новым методологическим инструментарием проблемы реализации государством своей конституционной обязанности защищать права и свободы человека и гражданина. Одним из таких инструментов может стать придание самостоятельного статуса правозащитной функции государства, что находится в русле прогрессивной тенденции к детализации функций государственной деятельности и соответственно усложнению их классификации. Указанная тенденция не является случайной, а сформировалась в результате развития всей государственности, в частности, усложнения государственной деятельности по масштабности и содержанию задач и функций, демократизации общества, возрастания роли правительственных органов всех звеньев и т.д.

Нетрудно заметить, что озвученный Президентом страны В.В. Путиным курс сопровождается очевидным усилением значимости четкого функционирования государственной власти. Возрастание доли участия государства в экономике и социальной политике рассматривается как вынужденная мера и пока, несмотря на высказываемые некоторыми учеными опасения, не означает свертывания рыночных реформ.

Государственная власть как социальный феномен характеризуется особым статусом в силу известных особенностей ее субъекта, выделяющих государство из других институтов общества, поэтому только расширение диапазона ее влияния может обеспечить макроэкономическую стабильность и сбалансированность бюджета. Используя авторитет и силу публичной власти, административный ресурс аппарата, государственный механизм

¹ Зорькин В. Россия: движение к праву или хаосу?// Российская газета. – 2012. – 26 января.

выполняет роль мощного активатора общественной жизни, способного организовать эффективное управление обществом, реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности.

Новая политико-правовая реальность во многом затрагивает тем или иным образом практически все формы общественной жизни и предполагает необходимость переосмысления сложившихся позиций и точек зрения на иной методологической основе. Эта потребность объясняется тем, что созданная при социализме теория правового регулирования не в состоянии объяснить происходящие перемены в политической и правовой системе. Политико-правовая модернизация является одновременно и содержательной характеристикой всей правовой системы общества. Если в 90-х гг. XX века мы наблюдали разрушение монополии государственной собственности и сопровождение этого процессом приватизации, ухудшение общего экономического положения страны, в результате чего произошло снижение уровня жизни значительной части населения, то в настоящее время осуществляется перераспределение прав собственности при очевидном государственном вмешательстве в этот процесс.

Очевидно, что государство пока не справляется с возложенными на него функциями, а его контрольно-надзорная деятельность также не отвечает философии осуществляемых реформ, что наглядно продемонстрировали выявленные негативные деформации Министерства обороны. Поэтому совершенствование государственной деятельности должно осуществляться координированно, на основе единой концепции, с учетом взаимозависимости функций государства, хотя они отличаются друг от друга содержанием и, соответственно, характером действий, способов, методов, средств их реализации, а также направленностью юридических процедур и последовательностью их использования.

Трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Государственная деятельность в условиях рыночной экономики не может осуществляться в тех же юридических формах и пределах, что и прежде.

Как подчеркивает Н.И. Матузов, в решении вопроса о сущности права, правовой системы необходима уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство².

Поэтому главной задачей ближайшего будущего является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации. Модернизация юридических форм осуществления функций государства, их совершенствование могут придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению кризиса, становятся одним из определяющих факторов развития демократии, становления гражданского общества, построения правового государства.

Не случайно, ушедший недавно из жизни выдающийся правовед и мыслитель С.С. Алексеев отмечал, что «сложившиеся правовые формы являются средствами, инструментами... оптимального решения социальных задач»³.

Новая правовая перспектива не может основываться на простой совокупности юридических норм и рациональности создающего их государства вне практики правовой коммуникации, обеспечиваемой с помощью функций государственной деятельности. Наряду с расширением сферы деятельности государства, изменения его направленности в сторону обеспечения прав и свобод человека и гражданина, возникает необходимость в уточнении функций современного социального государства. При таком подходе возможны дальнейшие теоретические и конституционно-отраслевые разработки сущности и содержания функций государства с учетом его модернизации; уточнение приоритетных направлений деятельности государства и его органов в сфере защиты прав человека; развитие конституционной системы и структуры такой защиты; выработка критериев участия публичных структур в реализации правозащитной функции государства. Эти и иные возможности, опосредованные обособлением и развитием правозащитной функции государства, могут позитивно сказаться на состоянии защиты прав человека в России.

² См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 103.

³ Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С. 351.

Решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы до настоящего времени превалируют в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию сущности функций государства и юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось, что дает нам основания на собственное представление о ней.

Особое значение имеют новые подходы к оценке и формированию государственной деятельности. В любом государстве, как и в любой науке, должен существовать основной, ведущий методологический подход. Не единый и обязательный для всех, а преобладающий, доминирующий, выступающий базой методологического инструментария той или иной науки⁴.

Результатом анализа существующих подходов к оценке соотношения политики и права становится понимание того, что до настоящего времени в научной среде не сложилось однозначное представление о методологии исследования проблемы. Изменившиеся экономические, политические и социокультурные условия неизбежно обуславливают перенос акцентов с интересов общества на интересы личности. Это существенно влияет на саму парадигму управления обществом, иницируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют осмысления и обоснования на теоретико-методологическом уровне.

В начале века нынешнего российское общество не осознавало всех масштабов опасности, которую несет расширение неконтролируемого рыночного пространства. Общественное мнение в отношении значимости государственного управления, укрепления так называемой «вертикали власти» длительное время не формировалось или произвольно складывалось в искаженном виде, пока социально-экономические проблемы не затронули интересы активной части населения страны.

Выступления политиков, руководителей органов законодательной и исполнительной властей, ученых, представителей творческой интеллигенции, в которых была представлена вызывающая тревогу объективная картина развития ситуации в стране, обращалось внимание на необходимость принятия экстренных мер по усилению государственной власти, не смогли своевременно консолидировать общество для реального решения возникших проблем. Вот почему, руководствуясь логикой развития суверенной российской государственности, учитывая вызовы современности, мы убеждены в приоритетной роли самостоятельной правозащитной функции государства.

На наш взгляд, в современном цивилизованном демократическом государстве обособление правозащитной функции приобретает характер тенденции. На это указывают, во-первых, положения международных актов в части, касающейся защиты прав человека; во-вторых, нормы новых конституций, в той или иной степени отражающих обязанность государства защищать права и свободы человека; в-третьих, признание юрисдикции международных правозащитных органов, опосредующее ответственность государства, допустившего нарушение прав и свобод человека.

Особого внимания в данном аспекте заслуживает Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (1998 г.), согласно которой именно государство несет основную ответственность и обязанность поощрять и защищать права человека и основные свободы.

В России законодателем созданы необходимые фундаментальные основы для реализации демократических правовых принципов. Теперь необходимо сформулировать четкую концепцию природы и содержания функций государства и юридических форм их осуществления в современных условиях с выходом на практические рекомендации правового регулирования соответствующего спектра проблем.

---

⁴ См.: Сырых В.М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: сб. ст. Вып. 1 / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2005. – С. 15–44.

Правовая действительность в российском обществе нередко упрощается искусственно, однако количество правовых проблем в социуме не уменьшается. Имеющийся массив научной информации, к сожалению, не дает достаточного понимания общественных процессов и явлений. Кроме того, актуальность новых задач юридической науки усиливается тем, что общество больше всего заинтересовано не только в объяснении причинно-следственных связей или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого выхода из создавшегося положения. Поэтому исследование в сфере юридических основ совершенствования государственной деятельности не может ограничиться объяснительной или прогностической функцией, а обязано довести познание до предложения реальных мер. Методологическим инструментом дальнейшего развития функций государства должна стать соответствующая государственная политика, направленная на оптимизацию управления исследуемым процессом.

Белгородская юридическая школа за короткий срок сумела занять одно из ведущих мест в отечественной юриспруденции и уверенно претендует на лидирующие позиции в отечественном правоведении. Фундаментальные работы белгородских теоретиков права, цивилистов, конституционалистов, без преувеличения, стали классикой юридической науки и публикуются многочисленными тиражами в самых престижных издательствах. Поэтому мы выражаем обоснованную уверенность, что новые задачи юридической науки вполне по плечу белгородскому университетскому правоведению.

Тем не менее, не отрицая в связи с этим значимости совершенствования законодательства, мы полагаем возможным утверждать, что самые точные правовые нормы, как и самое обстоятельное правовое регулирование, не принесут успеха без эффективной государственной политики с участием институтов гражданского общества. Закон, выступая в виде правового символа власти, способен мобилизовать большей частью только государственные структуры, тогда как эффективное государственное управление является общественным и политическим делом.

Обязанностью государства является обеспечение стабильности и своевременная локализация кризисных ситуаций в обществе. Оно регулирует устремления общества в целом, но, кроме того, в государственной деятельности отражаются базовые ценности и ожидания граждан, составляющие органическую основу поддержания режима равновесия в государстве.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
2. Зорькин В. Россия: движение к праву или хаосу? // Российская газета. – 2012. – 26 января.
3. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003.
4. Сырых В.М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2005.

NEW CHALLENGES OF JURISPRUDENCE

E.E. TONKOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

In an article on the 20th anniversary of Law institute of National Research University «BelSU», identifies new challenges of jurisprudence at the present stage of development of Russia. It is shown that the transformation of the nature of property relations necessitates a modification of the legal regulation of relations, and state activity in a market economy can not be in the same legal forms and limits as before.

Key words: individual, state, law, functions, credentials, power.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.1

ГЕРМЕНЕВТИКА ПРАВА: ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАТИВНОЙ ТРАКТОВКИ

Г.А. БОРИСОВ¹⁾
В.А. НОСКОВ²⁾

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: borisov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: noskov@bsu.edu.ru

Статья посвящена развитию идеи о синтезирующей философии права и интегративном типе правопонимания в отечественной теории права. Уточняются представления о ключевом значении базовых естественно-правовом и юридико-позитивистском типах правопознания, рассматриваются их метаморфозы как в связи с формированием ряда надпозитивных подходов к познанию сущности права, так и ориентированных на познание внутренних закономерностей развития права с помощью эмпирических методов. Углубляются представления о социологической трактовке права, о формально-догматической методологии и новой трактовке технологической стороны правопознания. Ставится вопрос о неизбежности востребования интегративного типа понимания права и дальнейшем развитии идей о современных теоретико-методологических его основаниях.

Ключевые слова: герменевтика права, тип правопознания, юснатурализм, юридический позитивизм, универсализм в понимании права, интегративное понимание права, гражданское общество, правовое государство, социологическая трактовка права, формально-догматическая методология правопознания, технологическая трактовка права, юридическая техника.

Современное развитие правовой системы обусловливается процессами секуляризации, гуманизации, демократизации жизни общества, стимулированием многообразных форм, механизмов и способов социального самовыражения человека, раскрепощения его творческих сил и способностей. В то же время в этих судьбоносных процессах право играет не только роль «объекта», т. е. производного фактора, но и роль «субъекта» – их активной стороны. Это выражается в стремлении ключевых участников (актеров) формирования, развития и структурирования государственно-правовой жизни опираться на право и законодательство как фундаментальный ориентир и регулятор, придающий движению социальной реальности устойчивый, последовательный и предсказуемый характер. Иными словами, социальные процессы неизбежно нуждаются в адекватном юридическом оформлении с актуализацией не просто факта обозначения, фиксации их бытия, но факта их *легитимного бытия*, т. е. их правовой оценки, во многом определяющей тем, какие типы правопонимания закладывались в теоретико-методологические основания трактовки феномена права.

Не пренебрегая на всеобъемлющую картину того, что в историческом разрезе было сделано для прояснения самого понятия «право», ограничимся анализом трех точек зрения, ставших классическими в мировой философской и политико-правовой мысли.

По мнению Т. Гоббса, генезис права следует выводить из естественного состояния человека, когда имеет место «война всех против всех»¹. Соответственно, возникающее естественное право позволяет человеку «делать все что угодно и против кого угодно»². В качестве реакции на освященную естественным правом необузданную свободу и вседозволенность возникает то, что предписано разумом, а отнюдь не является результатом соглашения людей – естественные (моральные) законы, которые, однако, сами по себе не являются безусловным императивом, ибо очевидно, что предписания можно как исполнять, так и игнорировать. Подобная дилемма устраняется в гражданских законах, инициированных, созданных и получающих свою реализацию благодаря государству. Отсюда в концепции Т. Гоббса вырисовывается редукция права (в своих высших проявлениях) к порядку, гарантом которого является государство вне зависимости от того самодовлеющей или подчиненной силой обществу оно является. Следовательно, свобода как субстанция права вначале являет собой обусловленную природой человека вседозволенность, затем – санкционированные разумом моральные ограничения и, наконец, – политические ограничения, освященные авторитетом и силой государства. Именно последняя форма права воплощает собой, по мнению Т. Гоббса, высшую регулятивную силу общества.

Трактовка И. Канта права осуществляется в рамках требований практического (волевого) разума, ибо «практическое есть все то, что возможно благодаря свободе»³. Свобода – коррелят личности, руководствующейся «категорическим императивом» или априорным нравственным законом, который гласит: «Поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом»⁴. Отталкиваясь от данной идеи, И. Кант соотносит мораль и право, соответственно, как внутренний (мотивирующий) и внешний (принуждающий) регуляторы поведения человека. В рамках данной взаимосвязи право изначально выступает как производное от морали, но и последняя существует постольку, поскольку признается значимость правового фактора в жизнедеятельности общества и государства. В итоге интерпретационная модель права у И. Канта представлена логической цепочкой в лице морали – права – правового государства, где каждое звено рассматривается не только с точки зрения его большей или меньшей значимости (как у Т. Гоббса), а в аспекте учета его детерминантных (определяющих) и дериватных (производных) свойств по отношению к другим звеньям этой цепочки. Исходя из этого, моральный критерий становится высшим мерилем всего того, что имеет отношение к правовой реальности в различных ее формах и проявлениях.

Философия права Гегеля занимает исключительное место в силу того, что «до Гегеля понятие «право» не употреблялось в столь широком значении, охватывающем всю ту область, которая обозначается им как сфера объективного духа»⁵. Согласно Гегелю, право как выражение свободы, не может существовать вне диалектического процесса объективации духа, включающего в себя такие ступени своего развития, как абстрактное право, мораль, нравственность. Каждая из этих ступеней обладает «своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений»⁶. Относительно абстрактного права является непосредственная свободная воля единичного лица, морали – рефлексированная в себя частная свободная воля, нравственности – субстанциальная воля «как соответствующая своему понятию действительность в субъекте и тотальность необходимости»⁷. Именно в сфере нравственности право и мораль достигают абсолютного единства, переходят друг в друга и сливаются между собой. В свою очередь, нравственность как завершение объективного духа воплощается в семье, гражданском обществе, государстве, венчая собой в данных моментах своего развития регулятивную пирамиду общества.

Таким образом, на примере анализа трех выше изложенных классических интерпретаций права можно прийти к выводу, что признание свободы в качестве субстанции права есть общепризнанная истина, что, однако, закономерно и неизбежно подразумева-

¹ Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М., 1964. – С. 152.

² Там же. Т. 1. – С. 306.

³ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. – М., 1964. – С. 658.

⁴ Там же. Т. 4. Ч. 1. – М., 1964. – С. 279.

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2005. – С. 505.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 90.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М., 1977. – С. 329.

ет плюрализм точек зрения, порожденный стремлением перейти от абстрактного (потенциальной свободе) к конкретному (актуальной свободе) в деле прояснения данного вопроса. Выходит, что в одном случае право изначально «отягощено» гражданским законом (Т. Гоббс), во втором – моралью (И. Кант), в третьем – нравственностью (Г. Гегель). Но в любой из этих концепций получают прописку темы, мотивы и контуры юснатуралисткой, позитивистской, социологической и иных трактовок права, что свидетельствует об их непреходящем значении для политико-правовой мысли как в прошлом, так и в настоящем.

Если принять отмеченное обстоятельство как данность, то приходится констатировать, что формирование и развитие права есть история противоборства различных типов правопонимания, т. е. различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как специфическое явление социальной жизни⁸. В условиях и в ходе отмеченного противопоставления отчетливо просматривалась господствующая тенденция опоры каждого из этих типов правопонимания на идею *универсализма*, т. е. обобщенное понимание права. Она может здесь выступать либо в качестве ключевой детерминанты иных его трактовок, либо в виде притягивающей, аккмулирующей их силы, либо как фактор, аннигилирующий, упраздняющий все то, что содержат оппонирующие по отношению к нему (данному подходу) интерпретации права.

Универсализм в правопонимании тяготеет при этом к преобладанию, даже абсолютизации какого-либо одного из его типов, в основе которого лежит определенная правовая реальность. Она трактуется как некая «однородность» в том смысле, что ее можно подогнать под единую объяснительную схему (норму) только данного правового типа, поскольку иные подходы к объяснению права в свете обозначенной установки становятся излишними и не востребованными. Подобная универсалистская ограниченность приводит к тому, что одна из интерпретаций права объявляется «легитимной», а другие – нет, что автоматически ведет к принижению, а зачастую, к игнорированию их эвристического потенциала, в конечном счете, к обеднению представлений о самой правовой жизни общества. Выход видится в *интегративном* понимании права – вполне очевидной альтернативе универсалистским интенциям в герменевтике права.

Интегративное понимание права исходит из признания разнородности правовой реальности, соответственно использования различных типов правопонимания как отражения этой разнородности с тем принципиальным допущением, что свою эвристическую ценность каждый из подходов к правопознанию может проявить, лишь соотносясь с другими его типами. Поскольку сама разнородность этой реальности не безусловна, то есть носит относительный характер, то очевидность интегративной интерпретации права никто не оспаривает, хотя признание этой идеи не трансформируется в ее надлежащее обоснование, поскольку все это осуществляется в основном на уровне абстракций – общих рассуждений, а не в русле конкретики – их предметного «заземления». О. В. Мартышин, например, отмечает: «Не лучше ли... не искать универсальное понятие, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно, и лишь их совокупность дает разностороннее представление о праве?»⁹.

Обоснованность высказанного соображения очевидна, хотя при этом нельзя не видеть ее декларативности, то есть того, что она сформулирована в общих чертах и, соответственно, не подкрепляется анализом конкретных социальных проблем, событий или фактов. Можно предположить, что интегративная трактовка природы права выступает в качестве противостоящего фактора по отношению к *поэлементно-структурной его герменевтике*. Это подразумевает трактовку правовой жизни общества как разнородной реальности, но с акцентом на то, что ее составляющие в известной степени самодостаточны и, следовательно, нуждаются лишь в «своем» типе правопознания, позволяющем более или менее точно отразить, понять их природу. Проблема, таким образом, заключается в избегании крайностей, с одной стороны, универсалистских, с другой – сепаратистских предпочтений в трактовке права. Апелляция к праву при этом – это одно, а его трак-

⁸ См. : Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. – М., 2008. – С. 41.

⁹ См. : Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 17.

товки – другое, поскольку соответствующие истолкования сами детерминированы как «высокими» теориями, так и «приземленными». В первом случае задается ориентация на понимание *абстрактной сущности права*, а во втором – его *конкретной сущности*. С точки зрения предельного абстрагирования сущность права видится в первооснове, которая «накладывается» на социальную реальность, изначально олицетворяющую собой принципиально однородное социальное бытие.

Смысл такой однородности в том, что все его фрагменты (элементы) подвержены правовому управляющему воздействию, осуществляемому по единым, универсальным и однозначно трактуемым «правилам игры», которые задаются соответствующим типом правопонимания, становящимся в этих условиях самодостаточной регулятивной силой и, следовательно, не нуждающейся в использовании потенциала других правовых регуляторов (типов правопознания). Парадигма абстрактной сущности права представляется убедительной, но с одной принципиальной оговоркой – она «работает» в рамках теории «вообще», но отнюдь не тогда, когда эта теория опредмечивается, экстраполируется, преломляется, т. е. используется как инструмент объяснения и понимания феноменологических (проявляющихся) форм правовой жизни. Ведь именно в ходе подобного анализа обнаруживается гетерогенный характер этой жизни, ее очевидная неоднородность, разнокачественность и многоликость. А это самый весомый довод в пользу понимания *конкретной сущности права*, ориентированной как раз на учет данных обстоятельств. Следовательно, в реальном (актуальном) познании обнаружение, собирание, обобщение, приращение знания относительно социальной и правовой реальности заключено не на путях противопоставления, а на основе сопряжения, или, если угодно, интеграции эвристического потенциала различных типов правопонимания, поскольку то, что убедительно трактуется в рамках одной интерпретации права, представляется неубедительным в рамках другого его истолкования.

Правопонимание, таким образом, – это герменевтика (трактовка) права с точки зрения двух взаимосвязанных познавательных стратегий, одна из которых апеллирует к праву как таковому, другая – к социальной реальности, которую оно (право) призвано отразить и объяснить. Образующаяся в этой связи дилемма свидетельствует о том, что, либо социальная реальность должна подгоняться под существующий тип правопонимания, либо, наоборот, эта реальность (или какой-либо ее фрагмент) в решающей степени определяет уместность использования того или иного типа правопонимания. Думается, что второй путь более плодотворен, так как в его основе лежит принципиальное допущение – признание *гетерогенного характера* этой реальности, ее разнородности, что предполагает сосуществование различных качеств в рамках ее бытия. Качество, как известно, есть тождественная с бытием определенность (Г. Ф. Гегель). Разнородность правовой реальности, таким образом, порождена спецификой уровней жизнедеятельности общества, его сфер, состояний, механизмов развития, «проблемных полей» и т. д.

Вместе с тем, подобное допущение неизбежно предполагает корреляцию – соотносительность с познавательным процессом, в котором смысловым ядром являются концепции правопознания. Каждая из них в своем прикладном назначении отвечает за «конкретное качество», а не за «качество вообще», поскольку не претендует на универсализм в объяснении социальной реальности, а реализует свои эвристические возможности *партикулярно*, «отвечая» за тот или иной модус ее бытия.

Из каких правовых позиций, например, можно исходить, если анализировать проблему взаимосвязи гражданского общества и правового государства? По сути дела речь здесь идет о возможности и необходимости решения проблемы *порядка*, которая с точки зрения Т. Гоббса считается важнейшей, если не главной проблемой общества. Порядок – это не столько «фатальный», сколько «условный» факт, ибо он являет собой диалектическое единство устойчивости и неустойчивости, постоянства и изменчивости, преемственности и разрыва применительно к историческому развитию. Выражаясь метафорически, социальный порядок – это не «подарок», а «приз», за который нужно бороться, используя весь арсенал средств. Но в этой связи возникает вопрос о том, кто уполномочен использовать данные средства. Здесь приходится констатировать двойственность самих основ порядка, ибо он должен в идеале поддерживаться, с одной стороны, *правовым государством*, а, с другой – *гражданским обществом*. Порядок, таким образом, существует,

воспроизводится, трансформируется благодаря наличию двух «проблемных полей» (полюсов) – *свободы* как коррелята гражданского общества и *справедливости* – коррелята правового государства. Свобода в своем эмпирическом «приземлении» есть атрибут конкретных индивидов – носителей *персональной ответственности* по отношению к социальному миру, тогда как *тотальная ответственность* с не меньшей очевидностью атрибутируется государством, отвечающим за порядок в масштабах всего общества. Если редуцировать (упростить) приведенные характеристики такого соотношения, то можно сделать вывод о том, что на индивидуальном уровне свобода «поглощает» справедливость, а на уровне государства – наоборот, справедливость первична, а свобода вторична.

Уже это допущение рождает сомнение относительно правомерности использования одного типа правопонимания применительно к интеракции правового государства и гражданского общества, ибо здесь приходится соединять, стыковать противоположные миры, воплощающие, с одной стороны, «горизонтальные» (в лице гражданского общества), а с другой – «вертикальные» (в лице правового государства) процессы, связи и отношения. Получается, что исследование проблематики взаимодействия гражданского общества и правового государства обусловлено императивностью *правового дуализма*, ибо и то, и другое олицетворяют предполагающие друг друга, но не тождественные основы социальной и правовой реальности.

Выше обозначенные методологические акцентировки можно развернуть и конкретизировать следующим образом. Если исходить из исторически сложившегося деления права на «натуральный» и «искусственный» блоки, то гражданское общество востребует в качестве своей правовой характеристики «естественное право», тогда как суть правового государства наиболее адекватно отражается в юридической версии «позитивного права». В объеме понятия формально-догматической методологии в интегративной трактовке находит свое место также исследование и понимание государства с позиции различных методологических подходов: от легистского – к технологическим интерпретациям¹⁰.

Неоспоримым при этом становится тот факт, что гражданское общество состоит из свободных людей, осознающих свои права и обязанности, способных защищать их от чрезмерной опеки со стороны государства на основе четкой артикуляции своих интересов, практической реализации корпоративной (ассоциативной) солидарности, позиционирования себя в качестве равноправного партнера государства. Однако подобные социальные качества и свойства атрибутивно предполагают естественно-правовую оболочку, так как они осознаются как *правовые нормы, возвращенные «снизу», рожденные самой природой человека*, а не дарованные «сверху», по желанию и воле государства. Только в данном контексте эти нормы становятся легитимной саморегулирующей силой общества. Иная трактовка, в частности, с позиции другого типа правопонимания становится не убедительной, «зависает в воздухе», теряет свою релевантность.

А с позиций какого типа правопонимания уместна трактовка проблемы правового государства? Здесь сам ход исторического процесса подсказывает, что «природные права» человека могут проявляться как в позитивном, так и в негативном аспекте. Например, оборотной стороной свободы является не только ответственность, но и *эгоизм* – абсолютизация «собственного» индивидуального и корпоративного самовыражения одних лиц при одновременном игнорировании прав, запросов и интересов других лиц. Причем подобная интенция может быть оправдана ссылкой именно на естественно-правовую природу человека. Можно, конечно, возразить, что выше означенный негативный тип личности воспроизводится *социальными условиями*, провоцирующими подобные устремления, расширяющими масштабы эгоистического самовыражения человека.

Но, как представляется, наряду с выше обозначенными условиями, актуализируется проблема *предисловий* – наличия четко артикулированных норм юридического позитивного права. Их формальным источником становится государство, отвечающее за порядок в обществе с точки зрения *справедливости*, то есть обеспечения первичности социального по отношению к индивидуальному, интересов и запросов общества по отно-

¹⁰ См.: Корнев В.Н. О некоторых методологических подходах к исследованию государства. // Российская юстиция. – 2009. – № 12. – С. 66-68; Четвернин В.А. Понятие права и государства : Введение в курс теории права и государства. – М. : Дело, 1997. – С. 83-104 и др.

шению к намерениям и желаниям отдельных индивидов и т. д. Позитивное право в аспекте подчеркивания приоритета ценности порядка вкупе с гарантией обеспечения и реализации ценности свободы личности есть правовое государство. В «сухом остатке» получается, что гражданское общество и правовое государство как ключевые акторы социальной жизни являются носителями, соответственно, естественного и позитивного начал в праве и, таким образом, продуцируют, рождают, задают соответствующие типы правопонимания – *естественно-правовой и юридика-позитивистский*. Последние становятся базовыми среди всех других научных подходов к правопознанию.

Хотя при этом необходимо признать, что характеристика реальных взаимоотношений гражданского общества и правового государства приводит к метаморфозам названных *ключевых* (базовых) типов правопонимания. Это получает свое воплощение, с одной стороны, в условиях формирования ряда надпозитивных подходов к познанию сущности права, порожденного самой природой человека в его взаимодействии с теми факторами, которые трансцендентны по отношению к праву (мировоззренческие, психологические, аксиологические, теологические, нравственные, антропологические и др.).

С другой стороны, в направлении отвлечения от «внешнефакторного» воздействия на право и акцентировки внимания на познании собственной нормативной природы права с использованием познающими субъектами специфических приемов, способов и средств научного поиска, формируется множественность исследовательских направлений, нацеленных на собирание, описание, обобщение, возведение в принцип реально существующих правовых явлений. Объектом научного анализа здесь становится исключительно позитивное право с точки зрения того, как оно устроено и образовано независимо от его содержания, т.е. в облике действующего законодательства. Как объективное, так и субъективное право здесь познается как данность, представлено в накопленном обширном законодательном материале и в равноценной совокупности знаний о внутренних его закономерностях, в соответствии с которыми оно существует, развивается, приобретая в этом процессе новые качества. С помощью эмпирических методов законодательные предписания могут лишь уточняться, но не формулироваться изначально, как это имеет место, допустим, в естественно-правовой концепции правопознания.

Юридический позитивизм, как уже отмечалось, рассматривается как явление собирательное. Оно охватывает ряд других концепций правопознания, определяющих саму сущность права, исходящих из того, что исследовательской базой для его определения являются действующие юридические решения (законы, правовые акты судебной власти), а также другие реальные правовые явления – правовой порядок, правовые отношения, правосознание и др. Модуль классического (догматического) позитивизма, например, с учетом названных особенностей эмпирической основы оценивается здесь как исходный. В нём право рассматривается не только как объективированные юридические решения, но и как преобразованное законодательство в таком качестве, при котором выявленное содержание реальных законоположений в максимальной степени эффективно можно применить к каждому конкретному случаю. В научных исследованиях данный тип правопознания именуют юридической техникой и формально-догматическим методом. Последний не является чем-то извне занесенным в право. Напротив, он становится единственным способом верного практического владения им¹¹.

Названные разновидности юридического позитивизма не исключают формирование других его направлений, которые, в частности, ассоциируют право с целями и интересами субъектов правовых отношений (юриспруденция интересов), с фактическим правопорядком, с «правом в действии», которое противопоставлялось «праву в книгах», с фактическими юридически значимыми действиями субъектов (прагматический позитивизм). Востребованность названных моделей юридического позитивизма обусловлена тем обстоятельством, что сформулированные государством нормы должны воплотиться на практике, равно как и естественные права человека необходимо наполнить содержанием через конкретные процедуры и механизмы их артикуляции, реализации и защиты. Связующим звеном здесь являются *решения правового характера*, принимаемые госу-

¹¹ См.: Усков О.Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология: Учебное пособие. – Белгород : БелГУ, 2007. – С. 10-12.

дарственными органами либо с опорой на существующие законы, либо путем правотворчества в форме прецедентов, но замыкающиеся, в конечном счете, на правах и законных интересах конкретных граждан. В этом отношении большое значение приобретает *социологическая трактовка права, прагматический позитивизм*, который становится одной из ведущих, задающих выходы и на проблему *легизма* – правового государства с точки зрения эффективности принятых правовых решений, и на проблему *юснатурализма* – гражданского общества с точки зрения защиты естественных прав человека.

Прагматической составляющей процесса социализации (развертывания) легизма и юснатурализма, в частности, является *формально-догматическая методология правопознания*. Здесь нужно, с одной стороны, принимать во внимание то, насколько продуктивно и целеустремленно структуры власти и уполномоченные лица (в лице чиновничества и служащих) овладевают буквой и духом закона с вытекающими из этого алгоритмами их действий и процедур. С другой стороны, в какой степени граждане государства владеют знаниями данных ипостасей (форм) правовой реальности с целью адекватного реагирования на изменяющиеся условия и обстоятельства, реализации и защиты своих прав и законных интересов. В рамках догматического контекста взаимодействия гражданского общества и правового государства на первый план выходит *технологическая трактовка права*, тогда как мировоззренческие, аксиологические, нравственные, психологические и иные надпозитивные подходы становятся герменевтической калькой второго порядка.

На технологический контекст формально-догматической методологии в последнее время все чаще обращается внимание. Эта сторона формально-догматической методологии именуется в юридической литературе как юридическая техника. Она определяется как «система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»¹².

В результате получается, что, например, правовая оценка гражданского общества – это одно, правового государства – это другое, реального взаимодействия гражданского общества и правового государства – это третье, догм (канонов) этого взаимодействия – это четвертое и т. д. В каждом из этих случаев один тип правопонимания играет ведущую роль, а остальные – вспомогательную роль.

При всей, на первый взгляд, несовместимости, проанализированные типы правопонимания представляют собой некое диалектическое (противоречивое) единство, особенно в прикладном аспекте, т. е. в их использовании в качестве познавательного инструментария применительно к конкретным явлениям, событиям и процессам социальной жизни. Этот парадигмальный симбиоз неизбежно востребует интегративное понимание права, выступающего в этой связи как система, где каждый ее элемент (тип правопонимания) одновременно играет роль причины (детерминанты) по отношению к другим элементам и роль следствия (деривата). Какой тип правопонимания становится «причиной», а какой тип «следствием» определяется познавательным контекстом – целью и задачами, объектом и предметом исследования, мировоззренческо-методологической ангажированностью познающего субъекта и т. д. Ясно в связи с этим то, что интегративная методология правопонимания востребуется тогда, когда она формируется и обозначается не как «в себе бытие», но как «для себя бытие». Это равнозначно реальному применению, использованию данной методологии в анализе социальной реальности в аспекте подчеркивания ее многообразия, многоликости, разнородности, диалектического характера развития, не сводимого к тому, что кажется «очевидным», ибо ипостась «очевидного» может быть также тем, что уводит в сторону познающую мысль, затушевывает существо возникающих проблем и, следовательно, провоцирует аберрации (отклонения) в их изучении, понимании и оценке.

¹² Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Волгоград, 2010. – С. 8.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М. : Мысль, 1990.
2. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1964.
3. Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / М.Л. Давыдова. – Волгоград, 2010.
4. Кант И. Сочинения в шести томах. В 6 т. Т. 3. / И. Кант. – М., 1964.
5. Корнев В.Н. О некоторых методологических подходах к исследованию государства. // Российская юстиция. – 2009. – № 12.
6. Маргышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. – 2003. – № 6.
7. Нерсесянц В.С. Философия права. – М. : НОРМА, 2005.
8. Усков О.Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология: Учебное пособие. – Белгород : БелГУ, 2007.
9. Четвернин В.А. Понятие права и государства : Введение в курс теории права и государства. – М. : Дело, 1997.

HERMENEUTIKE OF LAW: THE PROBLEM OF INTEGRATIVE INTERPRETATION

G.A. BORISOV¹⁾
V.A. NOSKOV²⁾

*¹⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: borisov@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: noskov@bsu.edu.ru

Clause is devoted to the idea of philosophy of law and integrated type of law interpretation in the national theory of law. There are given more details concerning the key meanings of natural and positive types of law, there are regarded their metamorphoses in the light both super positive approaches to the cognition of law essence and the orientation to investigate the inner development of law, there are analysed the sociological, technological and dogmatic interpretations of law, there are highlighted the problem of actualization of integrated type of law, there are investigated the contemporary theoretical and methodological foundations of law as productive ideas and a relevant cognition strategy in studying of social and juridical reality.

Key words: hermeneutike of law, type of law interpretation, juridical positivism, universalism in understanding of law, integrated understanding of law, civil society, law state, sociological interpretation of law, dogmatic methodology of understanding of law, juridical technique.

УДК 340.11

«Я»-ОБРАЗ КАК ОСОБАЯ ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МЕЖСУБЪЕКТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В.П. ИВАНСКИЙ*Российский университет
дружбы народов**e-mail: ivansky_valera@mail.ru*

В статье раскрываются научные подходы к понятию «Я»-образ. Рассматриваются стадии процесса образования права, в котором «Я»-образ выступает его основополагающим компонентом. Кроме того, исследуются такие правообразующие факторы как архетипы, эгрегор и эйдос.

Ключевые слова: «Я»-образ, правообразование, информация, коммуникация, правосознание, феноменология, коллективное бессознательное.

В настоящее время юридическая наука (правоведение) нуждается в новых методологических подходах, которые способствовали бы взглянуть на право как на сложную, многомерную психосоциокультурную систему человеческого бытия. Именно использование синергетического, феноменологического и информационного подходов позволяет исследовать следующие научно-правовые проблемы:

1. *Понятие и сущность «Я»-образа как субъекта внутреннего процесса правообразования*

В центре современных представлений о природе человека находится идея человека как информационно-энергетической сущности. Выражением такой сущности выступает «Я»-образ как состояние непрерывного творения человеком самого себя и соответствующего образа права. Обоснование идеи права как особого нормативного порядка, отраженного в общественном сознании – коллективном «Я», возможно только исходя из представлений о коммуникативной природе человека.

Философские и психологические словари по-разному определяют значение категории «Я». Так, например, философский словарь дает следующее понятие: «Я-фундаментальная категория философских концепций личности, выражающая рефлексивно осознанную самоидентичность индивида»¹. При определении «Я» как Эго мнения авторов сходны в том, что «Я (Эго) – часть (сфера) человеческой личности, которая осознается как Я и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия. Оно обеспечивает непрерывность и последовательность поведения, реализуя личную точку отсчета, благодаря чему события прошлого (сохраняемые в памяти) соотносятся с событиями настоящего и будущего (представленными предвидением и воображением). Я не совпадает ни с психикой, ни с телом, хотя телесные ощущения формируют ядро раннего опыта индивида...»². При этом в «Большой психологической энциклопедии» уточняют, что «Я – в психологическом смысле обозначает феноменальное Я, сознание эмпирической индивидуальности и совокупности психофизических детерминант, посредством которых субъект определяет и осознает себя. Понятие Я отсылает к факту первичной индивидуации, которая характерна только для человека. Таким образом, Я означает устойчивую и неизменную реальность, которая выступает в качестве субстрата всего множества биологических, психологических и социальных переживаний и нацелена на осознание единства и идентичности одного и того же субъекта, связующего собой дисперсные временные переживания, относящиеся к нему. В метафизическом смысле Я является субстанцией и обозначает душу, отличную от эмпирического сознания»³. Однако психологический словарь называет «Я» – «Я-концепция». Я-концепция (англ. self-concept) – раз-

¹ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 862-863.

² Философский энциклопедический словарь / [и др.]; ред.-сост. Е.Ф. Губский. – М.: Инфра-М, 2009. – С. 510-511.

³ Словарь философских терминов / науч. ред. профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 715-716.

вивающаяся система представлений человека о самом себе, включающая: а) осознание своих физических, интеллектуальных, характерологических, социальных и пр. свойств; б) самооценку; в) субъективное восприятие влияющих на собственную личность внешних факторов⁴. Согласно другой точки зрения «Я» (Эго) обозначает «сферу личности, характерную внутренним осознанием самой себя и осуществлением приспособления личности к реальности. Также результат выделения человеком самого себя из среды, позволяющий ему ощущать себя субъектом своих физических и психических состояний, действий и процессов, переживать свою целостность и тождественность с самим собой, в отношении прошлого, настоящего и будущего. «Я» формируется в деятельности и общении. Изменяя в деятельности предметный внешний мир и взаимодействуя с другими людьми, субъект отделяет свое «я» от чужого «я», непосредственно переживая свою неидентичность другим объектам. «Я» оценивается субъектом в «я-концепции», образуя ядро личности. «Я» один из компонентов структуры личности.»⁵.

Таким образом, психологические и философские словари по-разному определяют и толкуют «Я». Ни в философской, ни в психологической науке, несмотря на многочисленные работы, посвященные этой теме, к настоящему времени не сложилось единого взгляда на интерпретацию и структуру этого феномена.

В современной психологии существует общепринятая трактовка двойственности «Я». Осознание самого себя включает в себе двойное «Я»:

- «Я» как субъект деятельности (активное, субъектное или экзистенциальное «Я»);
- «Я» как объект рефлексии (феноменальное, рефлексивное «Я» или Я-концепция)⁶.

В научной литературе «самость» личности рассматривается как совокупность индивидуальных восприятий и воспоминаний, а «Я-концепция» (Я-образ) как абстрактное выражение всех существенных признаков «самости» в представлении самого человека и окружающих⁷.

Философский аспект «Я» рассматривался в трудах Канта. Самосознание является необходимой предпосылкой нравственности и моральной ответственности. А о личности он писал: «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем «Я», бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он личность...»⁸.

Р. Декарт считает «Я» врожденным образованием. Декарта интересует не конкретное, индивидуальное «Я», а субъект познания вообще. Р. Декарт прямо приравнивает познающее «Я» к душе. Он считает, что душа, в силу своей нематериальности, более легко познаваема, чем тело⁹.

Согласно утверждению Дж. Локка, «Я» зависит от сознания, «Я» – это сознающая, мыслящая сущность, заинтересованная собой. Эта заинтересованность предполагает наличие самосознания в психологическом смысле. Дж. Локк считает, что рефлексивные идеи производны от жизненного опыта: только достигнув зрелого возраста и накопив знания о внешнем мире, люди начинают размышлять серьезно о том, что происходит внутри них¹⁰.

⁴ Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М.: Прайм-Еврознак, 2003 – С. 573-574.

⁵ Большая психологическая энциклопедия: более 5000 психол. терминов и понятий / А.Б. Альмуханова, [и др.]. – М.: Эксмо, 2007. – С. 493-494.

⁶ Конева И.А. Особенности образа Я младших подростков с задержкой психического развития: дис. ... канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2002. – С. 13.

⁷ Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие: В 2 кн. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – Кн.2: Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения. – С. 17-33; Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. – М.: МГУ, 1980. – С. 74-77.

⁸ Кант И. Соч. в 6 т. – М., 1966. Т. 6. – С. 357.

⁹ Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. – С. 283.

¹⁰ Локк Д. Избранные философские произведения. В 2-х т. – М., 1960. Т.1. – С. 338, 347.

У Фихте «Я» выступает как универсальный субъект деятельности, который не только познает, но и творит из себя весь окружающий мир, отрицательно определяемый как «не-Я»¹¹.

В зарубежных психологических концепциях не всегда наблюдается единство в терминологическом определении понятия Я-образа. Так, для обозначения данного процесса используются различные единицы: в концепции З. Фрейда¹² – сознание, в гуманистической психологии К. Роджерса¹³ – «Я-концепция» и т.д.

Вместе с тем, «Я» в русском языке очень многозначно и одно из его значений активно используется при изложении теории З. Фрейда, где «Я» выступало в качестве эквивалента Ego, описывающего одну из трех подсистем личности. В теории К. Роджерса термин «self», который тоже переводится словом «Я», имеет иное содержание, не совпадающее (или лишь частично совпадающее) с фрейдовским Ego: это рефлексия, психическое отражение человека самого себя, самосознание.

Отметим, что для англоязычных авторов, в том числе для К. Роджерса, характерно синонимичное использование рефлексивных терминов «self» («Я»), «self-concept» («Я-концепция») и «self-image» («Я-образ»), т.е. применение терминов, характеризующих компоненты рефлексивного Я человека, для описания этого психологического образования как целого. Подобная традиция становится характерной и для русской психологической лексики. В рамках этой традиции нами будет использоваться термин «Я-образ» как синонимичные понятия «Я», «Я-концепция» при исследовании внутреннего процесса правообразования в качестве элемента, имеющего первостепенное значение по сравнению с другими его компонентами.

2. Структура внутреннего процесса образования права

Извечные проблемы преодоления правового нигилизма, повышения эффективности правового воздействия на социальные отношения и многие другие не будут решены обществом (государством) до тех пор, пока не произойдет качественное переосмысление роли, назначения и сущности права. Важное место в решении этих вопросов должно отводиться направленности правотворческой политики, заключающейся в том, что сначала исследуются закономерности внутреннего процесса правообразования, связанные с формированием правовых (информационных) образов и конструированием норм права в сознании человека как информационно-энергетической сущности¹⁴, а затем уже изучаются внешние социальные и правовые закономерности. Только в этом случае мы можем рассчитывать на создание эффективного механизма правового регулирования. К числу искомых социально-правовых закономерностей относятся те, которые связаны с процессом образования двух ипостасей бытия права – внутренней и внешней.

В юридической литературе прошлых лет вопросам правообразования существенное внимание уделяли В.В. Степанян¹⁵, И.П. Малинова¹⁶, А.А. Соколова¹⁷. На современном этапе развития отечественной юридической науки историко-теоретическому изучению процессов формирования права в России посвятил монографию и диссертационное исследование А.Ю. Калинин¹⁸. В.В. Трофимовым защищена докторская диссертация на тему: «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», в которой итог правообразовательного процесса связывается с этапом социализации пра-

¹¹ См.: Фихте И.Г. Сочинения. Работы 1792-1801. Вступительная статья П.П. Гайдено. – М., 1995. – С.504.

¹² Фрейд З. Я и Оно: сочинения. М.; Харьков: Эксмо; Фолио, 2006. – С. 864.

¹³ Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: «Прогресс», 1994.

¹⁴ На сегодняшний день насчитывается около трех основных подходов к происхождению и пониманию сущности человека: эволюционный (Ч. Дарвин), космологический (божественный) и информационно-энергетический. В нашей статье человек рассматривается как многоплановая информационно-энергетическая парадигма.

¹⁵ Степанян В.В. Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе. – Ереван, 1986. – С. 14-17.

¹⁶ Малинова И.П. Философия правотворчества. – Екатеринбург, 1996. – С. 12.

¹⁷ Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования. – Мн.: ЕГУ, 2003. – 160 с.

¹⁸ Калинин А.Ю. Методологические основы изучения процессов формирования права в России. – М., 2009. – С.14-18; Калинин А.Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (историко-теоретическое исследование). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2010. – С. 4-9.

вовых норм, а также с введением в научный оборот в русле характеристики процесса правообразования понятия так называемого «внутреннего источника права»¹⁹.

В настоящее время в российской юриспруденции в должной мере не исследованы проблемы генезиса правовой информации, конституирования правового образа и нормы права как элементов внутреннего процесса правообразования. Кроме того, многие положения теории правотворчества, как и теории правообразования в целом, требуют учитывать новые данные общесоциальных наук: философии, социологии, психологии, логики и специально-научных правовых теорий – генетического подхода в правоведении²⁰, социологии правотворчества²¹, психологической теории права²², аналитической юриспруденции²³, теории правовых отношений²⁴. Однако при всей оригинальности выдвинутых идей и положений, говорить о том, что создана комплексная общетеоретическая правовая концепция формирования права, как представляется, пока преждевременно. На наш взгляд, решить вышеуказанную проблему возможно только на основе аккумуляции мощного потенциала теоретических и практических данных из различных областей науки. Особая роль в формировании теории внутреннего процесса правообразования принадлежит психологии права, которая представляет собой отдельное направление научных исследований, связанных с познанием объекта общей теории права и разработкой психологического инструментария таких исследований. С его помощью можно исследовать право с позиции его первооснов, первопричин, т.е. выйти на процесс генезиса и конституирования правового образа, ментального должного правила поведения – нормы права.

Внимание исследователей, изучающих проблемы правообразования в современной юридической доктрине, направлено преимущественно на внешние процессы правообразования и внешние правообразующие факторы. Причина этого кроется в преобладающем в российском правоведении и юридической практике позитивистском (нормативистском) понимании права, а, следовательно, в применении ограниченного арсенала методов познания многогранности правовой реальности. Поэтому построение целостной концепции правообразования возможно только на основе привлечения модернизированных методологических подходов, например, синергетического (Г. Хакен, И. Пригожин)²⁵, феноменологического (Э. Гуссерль, П. Амселек, С. Гойар-Фабр и др.)²⁶.

¹⁹ См.: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2011. – С. 9-16.

²⁰ См., напр.: Генетико-интеграционный подход к типологии общества /Е.А. Шапиро. // Политические и правовые системы. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2001. – С. 44-62; Трофимов В.В. О факторах правообразовательного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 4. – С. 11-17; Черненко А.К. Типология правопонимания: генетический анализ // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 1. – С. 70-74.

²¹ Плахов В.Д. Социология права: Темы дискуссии /В.Д. Плахов. // Юридическая мысль. – 2002. – № 5 (11). – С. 12 – 20; Сагун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... докт. юриди. наук. – Нижний Новгород, 2002. – С. 253-271; Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – С. 348-370; Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве /В.В. Лапаева. – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 114-124.

²² Петражицкий Л.И. Очерки философии и права. Выпуск первый. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. – СПб. Типография. Ю.Н. Эрлих, 1900г. – С. 138; Новгородцев П.И. Психологическая теория и философия естественного права // Юридический вестник. – 1913. – Книга III. – С. 5-34; Овчинникова А.В. Проблемы правогеиза и онтологии права в психологической теории Л.И. Петражицкого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2006. – С. 24; Головина Л.Ю. Развитие положений психологической теории понимания права в XX веке // Юридические науки. – 2007. – № 1. – С. 8-14; Мережко А.А. Методологические основы психологической теории международного права // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 48-61.

²³ Золкин А.Л. Аналитическая школа права и аналитическая философия // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2005. – № 2. – С. 63-66; Оглезнев В.В. Историческая реконструкция становления аналитической юриспруденции // История государства и права. – 2011. – № 15. – С. 7-10.

²⁴ Трофимов В.В. Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс (Общетеоретический аспект): Дис. ... канд. юрид. – Тамбов, 2001. – С. 123-142; Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – С.83.

²⁵ См., например, Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – С.164; Жидков П.С. Правовая реальность в контексте синергетического подхода // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 104. – № 12. – С. 367-371.

²⁶ Одним из характерных примеров феноменологического подхода к праву является концепция С. Гойар-Фабр, изложенная ею в работе «Очерк феноменологической критики права» (1970). С. Гойар-Фабр провозглашает постижение права посредством применения философской редукции, то есть через отстранение от всех

При ее разработке должны быть объединены как современные методологические, так и новые теоретические подходы к исследованию процесса образования права в юриспруденции.

В правовой науке не раз предпринимались попытки понять и объяснить механизм формирования и развития права, однако каждый из подобных опытов решения данной научной проблемы акцентировал интерес лишь на внешней стороне сложного и многопланового процесса правообразования. Вместе с тем, процесс правообразования включает в себя две имманентно взаимосвязанные стадии – внутреннюю и внешнюю. Внутренний процесс правообразования начинается с отражения в памяти членов социума внешних жизненных обстоятельств (ситуаций) в форме символов, которые являются фундаментом, во-первых, для правового информациогенеза; во-вторых, для конституирования правового «Я»-образа индивида; в-третьих, для построения должных правил поведения – ментальных (мысленных) норм права; и заканчивается моментом преобразования правового «Я»-образа, запечатленного в памяти человека в виде определенной последовательности символов, во внешнюю знаковую систему.

Иными словами, внутренний процесс правообразования включает в себя три этапа. Первый начинается с зарождения правовой информации, выступающей строительным материалом для формирования правовых образов в сознании человека. Второй – конституированием в сознании индивида образа в соответствии с правовым паттерном²⁷, закрепленного в памяти человека. И третий этап заканчивается мысленным процессом конструирования должных правил поведения (ментальных правовых норм), представляющих общественную ценность, в результате многократного и длительного взаимодействия информационных «Я»-образов членов этноса по поводу взаимных прав и обязанностей. Внешний процесс правообразования начинается с момента трансформации обозначенной в сознании правовой нормы во внешнюю объективированную форму – знаковую систему, то есть придание мысленным нормам права, сохраненным в памяти человека, внешней официальной формы выражения, а также признание их жизненной ценности социумом (легитимация).

3. Правовой информациогенез и формы его проявления

Прежде, чем охарактеризовать узаконные выше стадии внутреннего процесса правообразования, хотелось бы в контексте данной статьи уточнить понятие правовой информации. Обычно к правовой информации относят, прежде всего, правовые акты, а также всю информацию, которая связана с правом: материалы подготовки законопроектов и другие нормативно-правовые акты, материалы их обсуждения и принятия, учета и упорядочения, толкования и реализации правовых норм, материалы изучения практики применения этих норм, то есть правовая информация – это массив правовых актов и тесно связанных с ними справочных, нормативно-технических и научных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности²⁸. В русле нашей концепции правообразования информацию следует подразделить на два вида – внешнюю и внутреннюю. Информацию, которая получила внешнюю знаковую объективацию, мы будем именовать внешней правовой информацией. Под внутренней информацией понимаются содержательные сведения, заключенные в том или ином сообщении, необходимые для конструирования психического образа. Сообщением может быть какой-либо текст, передаваемые данные, значение какого-либо параметра, команда управления и т.д. В связи с тем, что

предыдущих теорий права, когда идет подготовка почвы для чистого описания мира права. Следующий шаг – проведение критической редукции для поиска принципов права и основ права. В этом случае осуществляется рефлексивное описание мира и его внутреннего источника в сознании.

²⁷ Edward de Bono. *The Mechanism of Mind*. – New York: Penguin, 1969, re-edited 1990. – Концепция паттерна у де Боно вообще напрямую связана с тем, как устроена память. Память запечатлевает и накапливает следы поступающей в восприятие информации, позволяя им самоорганизовываться в виде особых форм – паттернов. Необыкновенным свойством паттерна является его способность активизироваться целиком при активизации любой своей части, то есть любая часть паттерна является кодом, немедленно запускающим весь паттерн. Такая система кодирования чрезвычайно эффективна, поскольку для передачи огромных массивов информации практически не требуется времени. Благодаря этому же свойству паттерны становятся для людей средством коммуникации.

²⁸ См., напр.: Пискунова С.С. *Правовая информация как средство формирования правового сознания граждан: Дис. ... канд. юрид. наук.* – М., 2004. – С. 44-59.

сообщение может иметь форму, не приспособленную для передачи, хранения и других информационных процессов, то могут применяться различные способы преобразования сообщения как дискретизация²⁹ и кодирование с целью получения сигнала. Сигналом называется средство передачи сообщения. В общем виде сигнал – это однозначное отображение сообщения, всегда существующее в некотором физическом воплощении³⁰. Если же акцентировать наше исследовательское внимание на внутренней правовой информации, то ею будем называть такие сведения, которые влияют на процесс конструирования правового образа в сознании субъекта.

Таким образом, необходимыми компонентами внутреннего процесса правообразования являются внутренняя информация, психический образ («Я»-образ) и ментальная правовая норма. Связывающей основой всех этих компонентов выступает память.

Правовое бытие человека всегда сопровождается информационными процессами. Именно информациогенез, протекающий в сознании индивида, изначально лежит в основе формирования «Я»-образа в соответствии с видом информации, содержащейся в ячейках памяти человека. В математических теориях связи (Р. Хартли, В.И. Шестаков, К. Шеннон и др.) разработана общая структурная схема информационного процесса, обязательными элементами которого являются источник информации, приемник информации и канал связи между ними³¹.

В большинстве определений внешней правовой информации, которая, несомненно, связана с внутренней информацией, присутствует четыре основных компонента: процесс отображения субъектом объекта правовой реальности, о котором передается информация, передающий информацию (источник информации), воспринимающий информацию (приемник информации), сама информация³². Выделение этих компонентов позволяет построить теоретическую модель внутреннего правового информациогенеза и форм его проявления:

1) отражение внешних жизненных обстоятельств (ситуаций) правовой действительности (содержательные сведения) в психике индивида в форме определенных образов (общений), которые в русле концепции нашей статьи могут быть первичными – эмоциональными (чувственными, сенсорными) и вторичными – ментальными (мысленными);

2) преобразование образов-сообщения (кодирование) в символы для хранения (передачи, потребления и других информационных процессов) в памяти человека и коллективного бессознательного. Память запечатлевает и накапливает следы поступающей информации, позволяя им самоорганизовываться в виде особых форм – паттернов. В этом смысле память устроена в виде паттернов, имеющих способность активизироваться целиком при активизации любой своей части (голографическая память). В связи с тем, что поступающая информация имеет различное содержание, то соответственно хранится она также в виде разнообразной конфигурации символов, выражающих это содержание информации. Если информация имеет правовое содержание, то расположенные в определенной последовательности символы отражают этот правовой характер информации в форме паттернов – правовых паттернов. Следовательно, образ, закрепленный в форме правового паттерна, мы можем называть правовым;

3) формирование эмоционального образа в психике субъекта в соответствии с правовым паттерном на основе непосредственного чувственного восприятия внешних содержательных сведений о правовой реальности (правовой информации) – правовой эмоциональный образ;

4) конструирование правового ментального образа посредством установления связей между правовыми эмоциональными образами. Именно это установление связей ме-

²⁹ Дискретный – лат. раздельный, прерывающийся. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / В современной орфографии. – Петербург: Издательское общество «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1907-1909. – С. 46.

³⁰ Более подробно см.: Ильин В.А. Телеуправление и телеизмерение. – М.: «Энергоиздат», 1982. – С.34.

³¹ Семенюк Э.П. Информационный подход к действительности. – М., 1988. – С.35.

³² Уханов В.А. Человек в информационно-техническом мире: учебное пособие. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 1999. – С. 17.

жду образами и переживается человеком как понимание³³. В процессе мыслительной деятельности происходит осознание индивидом установившихся связей и отношений между определенными эмоциональными образами. Человек, являясь носителем сознания, во-первых, с помощью познавательного-психического процесса обеспечивает установление связей и отношений между своими многочисленными образами; и, во-вторых, тем самым, создает «Я»-образ или образ «Я». В этом смысле осознание нам представляется как процесс образования связи образа «Я», являющегося результатом процесса сознания, с другими образами, возникающими в психике³⁴. В область сознательного входят образы, связанные с образом «Я», а в область бессознательного (коллективного и индивидуального) – не связаны с образом «Я»;

5) взаимодействие (коммуникация) правовых ментально-эмоциональных образов «Я» субъектов посредством передачи информации с помощью различных дискретных кодовых сигналов;

6) потребление информации другими субъектами путем ее декодирования, которое предполагает понимание передаваемого содержания, выявление смысла поступившего сообщения;

7) конструирование должных правил поведения (правовых норм), представляющих общественную ценность, в результате взаимодействия сенсорно-мысленных «Я»-образов членов этноса;

8) фиксация ментальных норм права в определенной знаковой форме в тексте документа (правовая информация, правовые знания).

Итак, к внутреннему правовому процессу информациигенеза следует отнести с 1 по 7 этапы, а 8-й – к внешнему.

4. Конституирование в сознании индивида правовых (информационных) образов

Для исследования понятия «правовой образ», которое является основополагающим и ключевым в нашей статье, необходимо обратиться к природе психики человека, состоящей из двух компонентов, различающихся видом отображения объективной реальности. Первый вид отображения – сенсорное (образное), второй знаковое (вербальное). В этом смысле одна и та же объективная реальность в психике индивида представлена одновременно двумя формами субъективного отображения: сенсорной (образной) и знаковой (вербальной). Это же положение можно отнести и к правосознанию человека. В учебниках по теории государства и права правосознание субъекта так же состоит из двух элементов – правовой психологии и правовой идеологии. По сути, правовая психология отображает правовую реальность в богатстве многомерных, многозначных и противоречивых связей как целостный правовой образ. Тогда как правовая идеология способна отразить из огромного потока информации о свойствах и связях объективной правовой реальности только ограниченный объем непротиворечивой правовой информации. Ввиду многообразия, многомерности и многозначности связей, отображающихся в правовой психологии, правовой образ не может быть полностью представлен индивидуально трансформированными единицами общественного опыта, а, следовательно, он также не может быть полностью осознан; в связи с чем, большую его часть следует рассматривать как неосознаваемое психическое – так называемое коллективное бессознательное, которое будет нами рассмотрено ниже в формах правового архетипа, эгрегора и эйдоса. Осознанным может быть только вербальное отображение правовой действительности и ограниченная часть сенсорного отображения правового бытия, не противоречащая вербальному. В связи с тем, что индивидуальное правосознание не существует в отрыве от коллективного бессознательного (неосознаваемой психики), в общее понятие правового образа мы будем включать правовые образы, порожденные как психикой, так и образы, существующие независимо от психики человека. В этом смысле правовые образы нами рассматриваются в духе учения Платона и Аристотеля.

³³ См.: Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учебное пособие. – СПб: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1997. – С. 178.

³⁴ См.: Корниенко А.Ф. Процессы мышления, понимания, сознания и осознания // Психология когнитивных процессов / Материалы 3-й международной научно-практической конференции, Смоленск, 14-15 мая 2009 г. / Под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова (сборник статей). – Смоленск: Универсум. – С. 47-54.

Исходя из взглядов Платона, образы – это копия существующих изначальных идей, которые находятся вне нашей реальности. Образы первичны, а сам человек и его восприятие – вторичны. Однако, согласно Аристотелю, источником образов является не идеальный, а материальный мир, точнее данные наших органов чувств о нем³⁵. Мир науки выбрал путь Аристотеля. Поэтому для многих современных психологических теорий свойством психики (сознания) является отражение. Большинство авторов рассматривают образы как порождение психики и отвергают саму возможность существования образа без восприятия, то есть образы не могут существовать в отсутствие человека, который мог бы их воспринимать.

В современном гуманитарном познании понятие «образ» имеет два актуальных смыслообразующих основания, проистекающих из европейской традиции осмысления социальной действительности. Это богословская теория, в которой речь идёт об образе божьем и об иконе как образе; научное познание – философия и психология, рассматривающие образ как элемент психофизического механизма отношений человека с окружающей действительностью. Богословская традиция трактовки образа – это понимание образа как объективного, то есть отражения чего-то объективно существующего, но доступного человеческому восприятию только в «отражённом» состоянии, в форме образа. Официальная психологическая традиция, напротив, рассматривает образ как субъективное, исходящее от человека-субъекта.

Вся история развития понятия представляет собой диалектическую смену философских представлений об образе, основанных на античной философии и теологических понятиях, и психологических и психоаналитических трактовках и интерпретациях этого понятия. В истории культуры развитие представлений об образе шло по спирали, от платоновских копий, через представления об образах как отражении действительности субъективным сознанием, к представлению об априорной преданности образов сознанию и психической деятельности, но уже не божественной или трансцендентной сущностью, а природой. То есть образы стали трактоваться как имманентно присущие человеческой психике.

В основе дефиниции понятия «образ» всегда лежит представление об отражении действительности либо об определённом взаимодействии с ней. В культурологическом понимании используется тот же принцип, который нашел свое выражение в работах О. Шпенглера, Ю. Лотмана, М. Бахтина, А. Лосева и многих других исследователей. В культурологии образ – это представление субъекта культуры об объекте. Причём, действуя в реальном мире, субъект рассматривает субъективный образ, существующий в его сознании, как сам объект и действует исходя из этого. Следовательно, не явления реального мира предопределяют поведение субъекта в культуре, а их образы³⁶.

Что касается современной психологии, то в ней даже не утвержден общепринятый термин для обозначения психических образов, не говоря уже о термине «правовой образ» в юриспруденции. Рассматривая одну и ту же группу образов, например, о воображаемых картинах, одни авторы называют их психическими образами, другие – мысленными образами³⁷, третьи – вторичными образами³⁸, воображаемыми образами³⁹, иногда даже появляются сочетания типа ментальные образы или психологические образы.

Наиболее широкое значение имеет выбранный нами термин – «психические образы», именно он обычно употребляется как аналог слова «образ» вообще, и включает в

³⁵ Белова С.С. Субъективная оценка интеллекта другого человека: эффект вербализаций // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования. – М.: ИПРАН. – 2004. – С. 39-62. См. также: Платон. Диалоги. / Составитель, редактор издания и автор вступительной статьи А.Ф. Лосев. Автор примечаний Л.А. Тахо-Годи. Перевод с древнегреческого С.Я. Шейнман-Тонштейн. – М.: Мысль. Редакции философской литературы, 1986. – 607 с.; Аристотель. Сочинения в 4-х т.: Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 550.

³⁶ Жаданова Н.И. Образы и стереотипы маскулинности в европейской культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-н/Д, 2012. – С. 12, 13.

³⁷ Косслин С. Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия / Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. – М., 2011. – С. 97-109.

³⁸ Гостев А.А. Психология вторичного образа: Субъект, феноменология, функции. Диссертация доктора психологических наук. – СПб, 2001. – С. 148-184.

³⁹ Сартр Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. – СПб: Наука, 2001. – С. 318.

себя все психические образы. А наиболее часто встречается термин «мысленные образы» (А.А. Гостев, Дж. Ричардсон, С. Кросслин), он означает то же, что и «психические образы». Как определял это А.А. Гостев: «Мысленные образы, т.е. образы, имеющие преимущественно внутренний информационный источник, составляют подавляющую часть множества образных явлений»⁴⁰.

Более строгое определение дал Р. Хольт, он же представил развернутую классификацию образных явлений. «Мысленный образ: смутное субъективное воспроизведение ощущения или восприятия при отсутствии адекватного сенсорного воздействия; в бодрствующем сознании представлен как составная часть мыслительного акта. Включает образы памяти и образы воображения; может быть зрительным, слуховым или любой другой сенсорной модальности, а также чисто вербальным»⁴¹. Обратим внимание, что для Хольта мысленные образы – это именно мысленные – они продукт мыслительной деятельности человека, и они не образны в прямом смысле этого слова, т.е., не картинки⁴².

Многие из сказанных выше тезисов можно отнести и к понятию образа в правоведении. Именно информационный образ индивида лежит в основе зарождения права, находящего свое внешнее выражение в юридических документах, закрепленных в знаковой форме в правовых актах, юридических прецедентах, договорах и правовых обычаях. «Образ» есть осуществляющаяся победа идеи, то есть естественного права. Можно условно признать, что естественно-правовой образ есть «идеал», воображаемый мыслящим воображением; однако с тою оговоркою, что этот идеал и сам по себе метафизически реален и, далее, воображен в своем эмпирическом осуществлении. Это не значит, что Гегель всегда разумеет определенный правопорядок, исторически осуществленный каким-нибудь народом⁴³. Когда Гегель рассуждает о привычных для юриста юридических понятиях, которые для философов являются «явлениями», феноменами, он имеет в виду правовые «образы». И это также является отличительной чертой онтологии права у Гегеля⁴⁴. Для современной онтологии права вопрос об образах в праве имеет существенное значение. В теории права этим практически не занимаются⁴⁵. «Образы» у Гегеля сохраняют, во-первых, свое самодовлеющее значение «спекулятивно необходимых ступеней Духа» и, во-вторых, свою творческую действительность в мире, ибо они остаются незримыми и невесомыми деятелями, бессознательно сообщающимися людским душам и направляющими их к свободе⁴⁶. Следовательно, образ выступает как целостное, глубокое, содержательное отражение правовой действительности.

Поскольку «образное» состояние информации является текучим и неустойчивым, то цементирующей основой, выступает образ «Я» (или «Я»-образ) – это относительно устойчивая, осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими. Образ «Я» выступает как установка к себе самому, и в самом себе индивид своими действиями и поступками представлен как в другом. Поэтому правовой «Я»-образ индивида представляет собой устойчивую группу связей, существующую в памяти (правовой паттерн), в соответствии с которыми индивид формирует свою правовую мотивацию, цели, свое отношение к себе и окружающему его миру⁴⁷.

⁴⁰ Гостев А.А. Образная сфера человека. – М.: ИПРАН, 1992. – С. 15.

⁴¹ Holt R.R. Imagery: the Return of the Ostracized. – «American Psychologist», 1964. – Т. 19. – № 4. – P. 254–264 // <http://www.psychology-online.net/articles/doc-746.html>.

⁴² Более подробно см.: Березина Т.Н. Психические образы в структуре образной формы // Психология и психотехника. – 2012. – № 1. – С. 13–25.

⁴³ См.: Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – М., 1918. – С. 301–303.

⁴⁴ Гаджиев Г.А. (критическое исследование юридического концепта действительности). – М., 2013. – С. 63–65; Гегель. Философия права. – М., 2009. – С. 98.

⁴⁵ См.: Радбрух Г. Философия права. – М., 2004. – С. 118.

⁴⁶ Кеचेбян С.О. О понятии естественного права у Канта и Гегеля // Вопросы философии и психологии. – 1915. – № 128. – С. 154

⁴⁷ Более подробно см.: Иванский В.П. Правовая защита сферы частной жизни в США: теория и практика. / Учеб. пособие. – 2010. – С. 41–43; С. 76–82; Тюнис Л.Ю. Проблема профессионального развития личности в психолого-педагогических исследованиях // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 3; Алексеева Л.В. Правовое самоуправление личности // Юридическая психология. – 2011. – № 1. – С. 34–40; Козлова Н.В. Характеристики самоактуализирующейся личности, находящейся на этапе профессионального становления // Юридическая психология. – 2012. – № 2. – С. 19–23.

Именно самосознание («Я»-концепция) обеспечивает возможность транслировать жизненный опыт будущим поколениям через генетическую наследственность⁴⁸. На формирование правового (информационного) «Я»-образа субъекта влияет коллективное бессознательное, выступающее в форме архетипа, эгрегора и эйдоса. Если эйдос⁴⁹ выступает идеальной формой бытия мира (права), то архетип⁵⁰ и эгрегор⁵¹ являются духовным наследием, одна часть которого представляет собой весь жизненный правовой опыт, накопленный человечеством, а другая – правовой опыт конкретного социума (правовая культура), который может базироваться как на всеобщем человеческом опыте (архетипах), так и не соответствовать ему, то есть правовой эгрегор – это общее информационное поле определенного социума, своего рода, общий для общества психологический шаблон, в соответствии с которым существует единое понимание фрагментов правовой действительности.

Таким образом, коллективное бессознательное «Я» субъекта несет в себе черты предшествующего состояния закодированного правового (информационного) образа и, как следствие, порождает генетическую преемственность прежней стадии развития.

5. Конструирование правовых норм взаимодействующими «Я»-образами субъектов как должных правил поведения, обладающих социальной ценностью (ментальная норма права)

Изучая право с позиций генетического подхода, осуществляя поиск его социальных оснований, необходимо исходить из того, что его источники и основу следует искать в

⁴⁸ См. Трофимов В.В. Правовой интерес и правовая идея в структуре правообразовательного процесса современного российского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 9. – С. 375-381; Рыбаков В.А. Развитие национального права: генетический аспект // Вестник Омского университета. – 2007. – № 2. – С. 15-20; Рахматуллин Р.Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2011. – № 4. – С. 43-47.

⁴⁹ Эйдос (др.-греч. εἶδος – вид, облик, образ) – в феноменологии Гуссерля обозначает сущность, всеобщее, универсалию. Понятие Э. восходит к идеализму Платона, в котором оно имело значение прообраза, начала, субстанциальной идеи. Эйдосы постигаются в ходе так называемой «эйдетической редукции». Схватывание Э. предполагает опыт идеации, т.е. «усмотрения сущностей» (Wesensschau), которая мыслится Гуссерлем по аналогии с чувственным восприятием. См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2000-2001. – С. 34.

См.: Кузьмин А.В. Правовое учение И.В. Михайловского: Эйдологическое направление российской философии права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1998. – С.20.

Правовой эйдос выражает априорные структуры, которые познающий субъект открывает в своем сознании путем выявления сущности правовых норм, институтов и т.д. Речь идет о том общем, что выделяется в качестве обоснования различных правовых систем и не зависит от специфики и исторического контекста конкретных явлений.

⁵⁰ Архетипы представляют собой бессознательные образы, идеи и представления идентичные у всего человечества и поэтому образуют всеобщее основание душевной жизни каждого человека, будучи по природе своей сверхличным. Таким образом, архетипы – это духовное наследие всего, что было пережито человечеством, фундамент индивидуальной психики. К.Г. Юнг: «Архетипы – это психические первообразы,.... это система установок, являющихся одновременно и образами, и эмоциями». См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 16-34.

Правовые аспекты архетипов (или правовые архетипы) были исследованы в следующих работах: Арановский К.В. Конституционная традиция и ее распространение в Российском обществе: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2004. – С. 41; Овчинников А.И. Правовое мышление: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – С. 48; Синоков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 1995. – С. 6; Абдурахманова И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009. – С.63; Калинин А.Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (историко-теоретическое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2010. – 533 с.; Чайка В.Н. Элементы бессознательного в правовой реальности России: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2006. – С.183; Тюрин М.Г. Архетипы национальной правовой культуры: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2008. – С. 193; Сидоров С.А., Честнов И.Л. Гражданское общество, государство и право: онтологические основания юридической науки: Монография. – СПб, 2002. – С. 149-150.

⁵¹ Эгрегор – это энергоинформационное образование социума (этноса), формирующего единое ментальное поле (информационное поле), оказывающее влияние (воздействующее) на поведение членов этого сообщества. Эгрегор еще также называют коллективным бессознательным. Вследствие этого, энергоинформационное поле того или иного этноса, имеющего общую идею о праве, именуют правовым эгрегором.

Болезне подр. см: Толстой В.С. Гражданское информационное право. – М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – С. 296; Петин И.А. Принцип системности, его значение и отражение в уголовном праве России. – М.: Юрист, 2007. – С. 298.

феномене взаимодействия индивидов – внеформационной⁵². Правообразование – информационный процесс по интеграции в общее правовое пространство многочисленных взаимодействий ментально-эмоциональных образов «Я» индивидов по поводу установления (поиска) взаимных (коррелирующих) «возможных и необходимых» действий (прототипов субъективных прав и обязанностей), легитимации и легализации (позитивно-правового оформления) найденных образцов правового общения в социально-правовой жизни. Коммуникация является тем элементарным процессом, который конституирует социальную реальность⁵³. И именно эта деятельностная коммуникация информационных «Я»-образов индивидов порождает должное правило поведения – мысленную норму права, представляющую социальную ценность. Мотивом взаимодействия правовых «Я»-образов человека служат потребности в его развитии. Поскольку преемственность – это «необходимый компонент развития», она «выступает особым видом связи, обеспечивающей самосохранение... развивающейся системы», важнейшим фактором самодетерминации процесса, самоопределяемости его этой сложившейся основой⁵⁴.

Все многообразие способов бытия правовых норм (правовых явлений) сводится, как справедливо отметил В.А. Четвернин⁵⁵, к трем видам. Во-первых, это правоотношение, то есть отношения, подчиненные правовым нормам; сюда входит поведение субъектов, связанных субъективными правами и юридическими обязанностями, а также действия и решение, направленные на установление правоотношений. Во-вторых, это правосознание, то есть представления о праве, существующие в сознании субъектов права. В-третьих, это источники или носители информации о праве – авторитетные юридические тексты, письменные и устные, к которым относятся и авторитетные высказывания о праве, и официальные юридические документы, и оформленные договоры частных лиц. Хотелось бы дополнить, что нормы права – это не самостоятельный вид правовых явлений, а правила должного, которые проявляются посредством правовых явлений, объективируются в правовых явлениях. В этом смысле содержание правовых явлений можно обобщить или выразить в правовых нормах – правилах, определяющих субъективные права и юридические обязанности. Наша статья посвящена возникновению нормы права как мыслительной конструкции должного правила поведения (ментальной правовой нормы), зафиксированной общественным сознанием. В процессе обмена информацией ментальная конструкция приобретает словесно-знаковую форму выражения.

Как уже было отмечено выше, для возникновения и развития ментальной нормы необходимо взаимодействие информационных «Я»-образов индивидуумов, на формирование которой оказывают влияние их паттерны. Энерговектором конструирования паттернов индивида является коллективное бессознательное (эйдос, архетип и эгрегор) и жизненный опыт, приобретенный им в течение жизни. Внешними формами проявления коллективного бессознательного выступают историческая (социальная) память⁵⁶, правовой менталитет⁵⁷, правовое мышление⁵⁸ и язык, обуславливающие национальную направленность конституирования и развития ментальных норм права.

Таким образом, «Я»-образ может выступать одновременно в двух ипостасях своего правового бытия:

1) как духовная самоосознающая сущность человека – субъект, который, во-первых, активно взаимодействует с другими «Я»-образами по формированию должных правил поведения (ментальных норм права). Во-вторых, динамично принимает участие в по-

⁵² Трофимов В.В. Правообразовательный процесс: общетеоретический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 8. – С. 379-388.

⁵³ Феофанов К.А. Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 50.

⁵⁴ Завьялов М.П., Расторгуев В.Н. Единство и преемственность сознания. – Томск, 1988. – С. 114.

⁵⁵ См.: Четвернин В.А. Введение в курс общей теории государства и права. – М., 2003. – С. 16-28.

⁵⁶ Более подр. см: Круглов В.К. Историческая память: преемственность и трансформация. «Круглый стол» // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 78; Устинов В.Б. Жизненное пространство личности в обществе риска // Вестник российского философского общества. – 2002. – № 4. – С. 35.

⁵⁷ Более подр. см: Байниязов Р.С. Правосознание и российский менталитет // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 35-36.

⁵⁸ Более подр. см: Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культура – антропологические проблемы // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 38.

строении, в том числе изменении, своего генетически переданного информационного образа посредством укрепления либо его реконструкции в соответствии с прямым и обратным переводом информации. В-третьих, взаимодействие правовых «Я»-образов индивидов порождает нормативность права, то есть выработку общих правил поведения, являющихся социальной ценностью. Кроме того, нормативность права означает единообразное понимание членами социума ценности правил поведения – норм права, связанных с их взаимными правами и обязанностями. Одинаковое понимание содержания норм права происходит в результате достижения субъектами права единой вибрационной частоты взаимодействующих «Я»-образов посредством передачи друг другу сведений (кодовых образов). И последнее, вербальная и невербальная коммуникации между правовыми «Я»-образами индивидуумов осуществляются посредством передачи информации с помощью различных дискретных кодовых сигналов;

2) как источник права (объект), выражающийся в том, что «строительным» материалом для его конструирования является, во-первых, правовая культура общества, формирующая правовой эгрегор, то есть общие представления людей о праве (правовой образ), передающиеся из поколения в поколение на уровне коллективного бессознательно. Во-вторых, весь правовой опыт человечества (правовые архетипы). В-третьих, человеческий опыт самого индивида. И последнее, помимо человеческого опыта всеобщего и локального – коллективного «Я», вечную и неизменную основу составляет эйдос – божественное «Я». Отсюда следует, что правовой «Я»-образ может выступать в качестве объекта, который конструируется двумя потоками информации: опытом неосознаваемого психического (правового архетипа, эгрегора и эйдоса) и осознаваемым жизненным опытом человека, зафиксированным в его ячейках памяти.

Список литературы

1. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998.
2. Философский энциклопедический словарь / [и др.]; ред.-сост. Е.Ф. Губский. – М.: Инфра-М, 2009.
3. Словарь философских терминов / науч. ред. профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005.
4. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М.: Прайм-Еврознак, 2003.
5. Большая психологическая энциклопедия: более 5000 психол. терминов и понятий / А.Б. Альмуханова, [и др.]. – М.: Эксмо, 2007.
6. Конева И.А. Особенности образа Я младших подростков с задержкой психического развития: Дис. ... канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2002.
7. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие: В 2 кн. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – Кн.2: Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения.
8. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. – М.: МГУ, 1980.
9. Кант И. Соч. в 6 т. – М., 1966. – Т. 6.
10. Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950.
11. Локк Д. Избранные философские произведения. – В 2-х т. М., 1960. – Т.1.
12. См.: Фихте И.Г. Сочинения. Работы 1792-1801. Вступительная статья П.П. Гайденко. – М., 1995.
13. Фрейд З. Я и Оно: сочинения. М. – Харьков: Эксмо; Фолио, 2006.
14. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: «Прогресс», 1994.
15. Степанян В.В. Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе. – Ереван, 1986.
16. Малинова И.П. Философия правотворчества. – Екатеринбург, 1996.
17. Соколова А.А. Социальные аспекты правообразования. – Мн.: ЕГУ, 2003.
18. Калинин А.Ю. Методологические основы изучения процессов формирования права в России. – М., 2009.
19. Калинин А.Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав (историко-теоретическое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2010.
20. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2011.

21. Генетико-интеграционный подход к типологии общества / Е.А. Шапиро. // Политические и правовые системы. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2001.
22. Трофимов В.В. О факторах правообразовательного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 4.
23. Трофимов В.В. Правовой интерес и правовая идея в структуре правообразовательного процесса современного российского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 9.
24. Черненко А.К. Типология правопонимания: генетический анализ // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 1.
25. Плахов В.Д. Социология права: Темы дискуссии // Юридическая мысль. – 2002. – № 5 (11).
26. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002.
27. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. – Ростов н/Д: Феникс, 2001.
28. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. – М.: Юридическая литература, 1987.
29. Петражицкий Л.И. Очерки философии и права. Выпуск первый. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. – СПб: Типография. Ю.Н. Эрлих, 1900.
30. Новгородцев П.И. Психологическая теория и философия естественного права // Юридический вестник. – 1913. – Книга III.
31. Овчинникова А.В. Проблемы правогенеза и онтологии права в психологической теории Л.И. Петражицкого: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2006.
32. Головина Л.Ю. Развитие положений психологической теории понимания права в XX веке // Юридические науки. – 2007. – № 1.
33. Мережка А.А. Методологические основы психологической теории международного права // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1.
34. Золкин А.Л. Аналитическая школа права и аналитическая философия // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2005. – № 2.
35. Оглезнев В.В. Историческая реконструкция становления аналитической юриспруденции // История государства и права. – 2011. – № 15.
36. Трофимов В.В. Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс (Общетеоретический аспект): Дис. ... канд. юрид. – Тамбов, 2001.
37. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981.
38. Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007.
39. Жидков П.С. Правовая реальность в контексте синергетического подхода // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 104. – № 12.
40. Edward de Bono. The Mechanism of Mind. – New York: Penguin, 1969, re-edited 1990.
41. Пискунова С.С. Правовая информация как средство формирования правового сознания граждан: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
42. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / В современной орфографии. – Петербург: Издательское общество «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1907-1909.
43. Ильин В.А. Телеуправление и телеизмерение. – М.: «Энергоиздат», 1982.
44. Семенюк Э.П. Информационный подход к действительности. – М., 1988.
45. Уханов В.А. Человек в информационно-техническом мире: учебное пособие. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 1999.
46. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учебное пособие. – СПб: изд-во СПб. ун-та, 1997.
47. Корниенко А.Ф. Процессы мышления, понимания, сознания и осознания // Психология когнитивных процессов / Материалы 3-й международной научно-практической конференции, Смоленск, 14-15 мая 2009 г. / Под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова (сборник статей). – Смоленск: Универсум.
48. Белова С.С. Субъективная оценка интеллекта другого человека: эффект вербализаций. // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования. – М.: ИПРАН, 2004.
49. Платон. Диалоги. / Составитель, редактор издания и автор вступительной статьи А.Ф. Лосев. Автор примечаний Л.А. Тахо-Годи. Перевод с древнегреческого С.Я. Шейнман-Тонштейн. – М.: Мысль. Редакции философской литературы, 1986.
50. Аристотель. Сочинения в 4-х т.: Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1976. – Т.1.
51. Жаданова Н.И. Образы и стереотипы маскулинности в европейской культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2012.

52. Кослин С. Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. / Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. – М., 2011.
53. Гостев А.А. Психология вторичного образа: Субъект, феноменология, функции. Диссертация доктора психологических наук. – СПб, 2001.
54. Сартр Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. – СПб: Наука, 2001.
55. Гостев А.А. Образная сфера человека. – М.: ИПРАН, 1992.
56. Holt R.R. Imagery: the Return of the Ostracized. «American Psychologist», 1964. – Т. 19. – № 4. – P.p. 254–264 // <http://www.psychology-online.net/articles/doc-746.html>.
57. Березина Т.Н. Психические образы в структуре образной формы. // Психология и психотехника. – 2012. – № 1.
58. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – М., 1918.
59. Гаджиев Г.А.: (критическое исследование юридического концепта действительности) / Г.А. Гаджиев. – М., 2013.
60. Гегель. Философия права. – М., 2009.
61. Радбрух Г. Философия права. – М., 2004.
62. Кечекьян С.О. О понятии естественного права у Канта и Гегеля // Вопросы философии и психологии. – 1915. – №128.
63. Иванский В.П. Правовая защита сферы частной жизни в США: теория и практика. / Учеб. пособие. – 2010.
64. Тюникс Л.Ю. Проблема профессионального развития личности в психолого-педагогических исследованиях // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 3.
65. Алексеева Л.В. Правовое самоуправление личности // Юридическая психология. – 2011. – № 1.
66. Козлова Н.В. Характеристики самоактуализирующейся личности, находящейся на этапе профессионального становления // Юридическая психология. – 2012. – № 2.
67. Рыбаков В.А. Развитие национального права: генетический аспект // Вестник Омского университета. – 2007. – № 2.
68. Рахматуллин Р.Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2011. – № 4.
69. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2000-2001.
70. Кузьмин А.В. Правовое учение И.В. Михайловского: Эйдологическое направление российской философии права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1998.
71. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991.
72. Арановский К.В. Конституционная традиция и ее распространение в Российском обществе: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2004.
73. Овчинников А.И. Правовое мышление: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2004.
74. Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1995.
75. Абдурахманова И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009.
76. Чайка В.Н. Элементы бессознательного в правовой реальности России: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2006.
77. Тюрин М.Г. Архетипы национальной правовой культуры: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2008.
78. Сидоров С.А., Честнов И.Л. Гражданское общество, государство и право: онтологические основания юридической науки: Монография. – СПб, 2002.
79. Толстой В.С. Гражданское информационное право. – М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009.
80. Петин И.А. Принцип системности, его значение и отражение в уголовном праве России. – М.: Юрист, 2007.
81. Трофимов В.В. Правообразовательный процесс: общетеоретический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 8.
82. Феофанов К.А. Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии // Социологические исследования. – 1997. – № 3.
83. Завьялов М.П., Расторгуев В.Н. Единство и преемственность сознания. – Томск, 1988.
84. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории государства и права. – М., 2003.
85. Круглов В.К. Историческая память: преемственность и трансформация. «Круглый стол» // Социологические исследования. – 2002. – № 8.

86. Устинов В.Б. Жизненное пространство личности в обществе риска // Вестник российского философского общества. – 2002. – № 4.

87. Байниязов Р.С. Правосознание и российский менталитет // Правоведение. – 2000. – № 2.

88. Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культура – антропологические проблемы // Правоведение. – 2003. – № 2.

«THE INNER MAN»-PATTERN AS A SPACIAL LEGAL REALITY OF INTERSUBJECTIVE COOPERATION

V.P. IVANSKIY

*Peoples' Friendship University
of Russia*

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

The article describes the scientific attitude to the «the inner man» pattern concept. The author envisages the stages of law formation when «the inner man» pattern is its' fundamental component. Furthermore, the article examines such investitive factors as archetypes, egregore and eidos.

Key words: «The inner man» pattern, law formation, information, communication, sense of justice, phenomenology, the collective unconscious.

УДК 343.16

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Т.Н. ИЛЬИНА¹⁾
И.Н. КУКСИН²⁾

*¹⁾ Курский государственный
университет*

e-mail: profkuk1944@mail.ru

*²⁾ Московский городской
педагогический университет*

e-mail: profkuk1944@mail.ru

В статье рассматривается опыт формирования корпуса судебных следователей в России во второй половине XIX – начале XX века. Авторы с позиции современных требований оценивают порядок комплектования кадрового состава судебных следователей. Также в статье рассмотрены способы преодоления кадрового дефицита судебных следователей в России во второй половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: кадровый состав, органы предварительного следствия, судебный следователь, кандидаты на судебные должности.

Расследование преступлений выступает одной из важнейших функций органов внутренних дел. Реформа всей правоохранительной системы, проходящая в нашей стране очередной этап, тесно связана с модернизацией кадрового обеспечения следственных органов. Реализация так называемой «Дорожной карты» (road map)¹ в правоохранительной сфере ставит перед Российской Федерацией задачу не только преобразования органов предварительного следствия, но и интеграции с правоохранительными органами зарубежных государств, в том числе стран-СНГ. В этом отношении политика, осуществляемая государствами СНГ, существует и в основном апробируется в направлениях, с использованием принципов и форм, в целом аналогичных применяемым в Российской Федерации. При этом нельзя отрицать, что содержание такой политики может иметь свою национальную специфику. Так, Украина и Казахстан заявили о поэтапном преобразовании органов внутренних дел, а Украина о готовности реорганизовать милицию в полицию².

В 2007 г. между отдельными государствами-участниками СНГ было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере подготовки кадров для органов внутренних дел³, согласно которому государства обязуются взаимодействовать при осуществлении подготовки кадров для органов внутренних дел в учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования. Однако таких шагов явно недостаточно.

Двадцатилетняя практика существования органов следствия Российской Федерации показала, что сложившийся механизм отбора кадров не является достаточно эффективным, а соответственно не в полной мере обеспечивается выполнение поставленных перед правоохранительными органами задач. Политика экстенсивного формирования следственных органов, связанная с количественными показателями в ущерб качественным, на сегодняшний день себя полностью исчерпала. Проведенная переаттестация, в ходе реализации закона о полиции, предусматривающая увольнение не соответствующих определенным требованиям сотрудников, не смогла решить проблему принципиального обновления и повышения профессионализма кадрового состава органов внутренних дел. В большинстве случаев на службу в полицию были переведены те же сотрудники милиции, с их положительными и отрицательными качествами.

¹ В мае 2003 года на саммите ЕС и России в С.-Петербурге, согласно договоренности о расширении дальнейшего сотрудничества в целях создания четырех общих пространств между ЕС и Россией – «Дорожная карта». В качестве одной из сфер интеграции было провозглашено создание общего пространства свободы, безопасности и правосудия.

² Министерство внутренних дел Украины – http://www.rbc.ua/rus/tag/ministerstvo_vnutrennih_del (дата обращения – 4 апреля 2013 г.)

³ Соглашение о подготовке кадров для органов внутренних дел (полиции) и внутренних войск государств-участников Содружества Независимых Государств от 25 мая 2007 г. // сайт Исполнительного комитета СНГ – <http://www.cis.minsk.by/> (дата обращения – 4 апреля 2013 г.)

Надо полагать, что дестабилизирующим фактором кадровой ситуации является ослабление внимания к процессам отбора, расстановки, обучения и воспитания следователей. А ведь именно квалифицированный следователь – это залог успешного разрешения уголовного дела и в итоге – справедливого правосудия. В условиях реформ всегда происходит определенный подъем исторического аспекта проблемы. На наш взгляд, является интересным обратиться к истории комплектования следственных органов в России во второй половине XIX – начале XX в. с тем, чтобы иметь возможность использовать накопленный поколениями опыт.

Судебные следователи как институт предварительного следствия был учрежден реформой 8 июня 1860 г.⁴ Важным нововведением реформы стало отделение следствия от полиции: судебные следователи становились чиновниками Министерства юстиции. Кроме гарантии независимости судебные следователи наделялись гарантией несменяемости. Также за ними закреплялся статус государственных служащих.

Современники и потомки неоднозначно оценивали проведенную реформу. По общему мнению, следствие являлось самым проблемным элементом дореформенной системы правосудия. Однако на перспективы дальнейших преобразований точки зрения разделились. Одни считали, что реформировав следствие, можно избавиться от основных пороков отечественного правосудия и тем самым улучшить состояние всей судебной системы без дальнейших преобразований. Другие полагали, что введение института судебных следователей было целесообразно только в рамках грядущей судебной реформы и являлось ее первоначальным этапом⁵. Современные исследователи отмечают, что до введения в действие судебных уставов 1864 года результаты деятельности нового судебно-следственного аппарата были плачевными⁶. Представляется, что причин такого положения несколько. Во-первых, прогрессивные начала института судебных следователей (независимость, несменяемость) не могли ужиться с архаическими принципами построения всей системы правосудия. Во-вторых, сформировать кадровый состав следственных органов, согласно новым требованиям, к тому же в краткие сроки, оказалось невозможным и должности судебных следователей часто замещали бывшие полицейские работники.

Дело в том, что закон предусматривал довольно жесткие условия для получения должности судебного следователя. Одни из них носили общий характер, т.е. были одинаковы для всех должностей в органах правосудия, другие являлись особыми, которые были необходимы для судебных следователей.

Среди общих оснований можно выделить те, которые нашли свое отражение в нормативных актах, и те, для которых не требовалось законодательного закрепления. К последним относились – дееспособность, а также отсутствие заболеваний, препятствующих исполнению возложенных на них обязанностей. Общими требованиями, зафиксированными в законе, являлись русское подданство и достижение 25-летнего возраста⁷. К общим основаниям также можно отнести нравственный ценз. Закон не допускал в систему правосудия лиц, которые были обвинены по суду, общественному приговору или постановлению духовных властей. Согласно Учреждению судебных установлений, эти должности не могли занимать: лица, находящиеся под следствием, исключенные из судебного ведомства, объявленные несостоятельными должниками, состоящие под опекой за расточительностью. Неспособными к занятию должности судебного следователя, считались исключенные из корпорации присяжных поверенных (адвокатов). Также, несмотря на то, что законом было определено, что никто не может быть наказан за преступление и проступки иначе как по приговору суда, вступившего в силу, указом Сената⁸ было запрещено допускать до следствия лиц, оставленных в подозрении⁹.

⁴ Высочайше утвержденное Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. № 35890.

⁵ Головачев А.А. Десять лет реформ. СПб, 1872. – С. 177-180

⁶ Мамонтов А.Г. Следственная реформа 1860 года в России: опыт системного исследования // Российский следователь. 2007. № 8. – С. 34.

⁷ Судебные уставы Александра II. Ч. III. СПб, 1867.

⁸ Сборник узаконений и распоряжений, изданных с 20 ноября 1864 г. по 1 января 1868 г. в дополнение и разъяснение Судебных Уставов. СПб: Тип. Прав. Сената, 1868. – С. 279.

⁹ Оставление в подозрении – особая форма разрешения уголовного дела, действовавшая в России до судебной реформы 1864 года, при которой подсудимый не признавался виновным и не приговаривался к наказанию, но при этом он не признавался невиновным.

Нравственный ценз, имевший место в Российской империи, имеет определенные сходства с современными ограничениями для работников правоохранительной системы. Но при этом понимание сути морально-нравственных качеств кандидата различаются. Сейчас речь идет в первую очередь о достойной модели служебного поведения, не превышении служебных полномочий и проч. В XIX в. под благонадежностью понимали, прежде всего, неучастие соискателя должности в антиправительственных организациях, нелегальной печати. Сведения о будущих следователях сообщались с предыдущего места службы или учебы. Так, небольшое замечание университетского суда или негативный отзыв прокурора могли послужить основанием недопущения к должности. Например, известный адвокат П.Н. Карабчевский не смог начать свою карьеру в судебном ведомстве, так как участвовал в студенческих беспорядках и университет отказался выдать ему «свидетельство о благонадежности»¹⁰.

Кроме этого от претендента требовалось наличие юридического образования и стаж работы в суде не менее трех лет¹¹. Как было замечено выше, судебный следователь пользовался правом несменяемости, поэтому подбор кадров на эту должность должен был быть более тщательным. Решалась проблема кадрового дефицита двумя способами. Во-первых, это постоянная корректировка заявленных в законе требований к следователям. Уже в 1865 г. циркуляром Министерства юстиции № 8535 было разрешено принимать в судебные следователи лиц с высшим образованием (не обязательно юридическим)¹². В 1866 г. министр юстиции в очередном циркуляре позволил в случае нехватки лиц, удовлетворяющих всем условиям «к временному исполнению обязанностей судебного следователя допускать ... других лиц»¹³. Таким образом, в число судебных следователей мог попасть почти каждый. При этом был преодолен критерий несменяемости, так как «других лиц» назначали временно. Однако проблема недостатка специалистов не могла быть решена только снижением требований к судебным следователям. Необходимы были квалифицированные юристы, способные грамотно осуществлять предварительное следствие. Поэтому другим способом восполнения недостаток кадров решалась путем назначения судебными следователями кандидатов на судебные должности.

Кандидаты на судебные должности – это особый институт, созданный в ходе судебной реформы 1864 г. Его первоначальной целью была практическая стажировка лиц, начинающих работу в судебном ведомстве, имевших при этом юридическое образование¹⁴. Основными занятиями кандидатов являлось исполнение обязанностей низших канцелярских должностей, а при успешности и усердии их выполнения, стажеры могли быть командированы к исполнению обязанностей судебных следователей, присяжных поверенных, иногда товарищей прокуроров¹⁵. Получалось, что за время стажировки кандидат познакомится с большинством обязанностей чиновника судебного ведомства, и в дальнейшем сможет грамотно и четко действовать в качестве конкретного должностного лица. Однако жизнь внесла определенные коррективы в представленный порядок. Например, исполнение должности судебного следователя становилось обязательным условием кандидатской стажировки.

Закон указывал обращаться к стажерам в тех случаях, когда сил и времени штатных следователей не хватало, чтобы справиться с производством следствий. Практика выработала целую систему применения следственной деятельности кандидатов.

В провинциальных судах существовал хронический недостаток следователей, что определяло высокий процент кандидатов, постоянно командированных к исправлению следственных функций. Вспомогательная сторона следственной кандидатской деятельности по этой причине перевешивала сторону подготовительную, обучающую. Практика приглашала кандидатов, прежде всего, помочь следователям, а приобретение следственного опыта и обучение следственным действиям оставляла на самих кандидатов.

¹⁰ Карабчевский П.Н. Около правосудия. – СПб: Тип. С.-Пб. Т-ва Печат. и Изд. дела «Труд», 1902. – С. V-VI.

¹¹ Судебные уставы Александра II. Ч. III. СПб, 1867. – Ст. 202-203.

¹² Циркуляр Министерства юстиции № 8535 от 15 октября 1865 г. «О порядке замещения вакантных должностей участковых судебных следователей» // Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции с 1 января 1865 г. по 1 мая 1870 г. СПб, 1870.

¹³ Циркулярные предписания Министра юстиции // Журнал министерства юстиции. 1866. Кн. 9. – С. 31.

¹⁴ Судебные уставы Александра II. Ч. III. СПб, 1867. – Ст. 407.

¹⁵ Судебные уставы Александра II. Ч. III. СПб, 1867. – Ст. 409-417.

Конкретные поводы, определяющие занятия должностей кандидатов на судебные должности могли быть следующими: открытие вакансии в следственном участке, болезнь или отпуск следователя, переизбыток дел в следственном участке, обязательные для каждого кандидата занятия по следственной части¹⁶.

Анализ функций при выполнении кандидатами обязанностей судебных следователей, а также объема прав, предоставленных стажерам, дает основание говорить о функционировании трех форм следственной деятельности кандидатов:

- командировка в помощь следователю без права производства следствий;
- командировка с правом производства следствий;
- исправление должности судебного следователя, т.е. самостоятельное заведывание следственным участком.

При первой форме следственной деятельности кандидат мог выполнять только секретарские обязанности при следователе: вести канцелярские книги, составлять сообщения, представления, отношения и даже проекты постановлений для следователя. Но при досмотрах, допросах, обысках, экспертизах, кандидат выступал в качестве обучаемого стажера.

Вторая форма – командировка в помощь судебному следователю с правом самостоятельного производства – расширяла сферу деятельности кандидатов. Хотя кандидат состоял при следственном участке, но действовал фактически независимо от него, непосредственно производил следственные действия и лично отвечал за них¹⁷. В этом случае стажер впервые становился настоящим следователем, а именно – самостоятельно производил следствия под наблюдением членов прокуратуры и окружного суда. Подобная форма командировки требовала от кандидата значительной подготовки, поскольку им приходилось работать самостоятельно. К тому же обычно кандидатам отдавали старые, трудные, залежавшиеся дела, решить которые было не под силу не только кандидатам, но и опытным сотрудникам следственного аппарата. Однако, нужно отметить, что порой кандидаты своим усердием добивались успеха в совершенно безнадежных делах и доводили их до суда¹⁸.

Третья форма – исправление кандидатами на должности по судебному ведомству должности судебного следователя – требовала от стажера таких же качеств, как и для постоянного занятия этого места, так как неопытный и неблагонадежный кандидат мог сделать значительные ошибки, которые окажут влияние на дело и на положение заинтересованных в нем лиц.

В целом, кандидаты на судебные должности, формально командированные к выполнению отдельных следственных действий, делали фактически всю работу, ввиду сильной загруженности следственных участков и медленного движения дел. Имело значение и то, что за слишком долгое разбирательство судебным следователям Министерством юстиции часто выносились предупреждения, а прокуратуре предписывалось тщательнее наблюдать за движением дел в следственных участках. Вся документация, составленная кандидатами на судебные должности, в обязательном порядке подшивалась в документы окружных судов¹⁹.

Круг дел, которые доверялись кандидатам на судебные должности для производства следственных действий, не отличался от дел, которые вели собственно судебные следователи. Это дела о подлогах, растратах, кражах, ограблениях, разбое, двоебрачии, нанесении увечий, изнасилованиях и преступлениях против церкви. Исключение составляли только дела о государственных преступлениях, а также особо тяжких преступлениях против личности.

Кандидаты, за редким исключением, достаточно успешно справлялись со своими обязанностями, что отмечали судебные следователи в своих представлениях окружному суду.

Резюмируя, отметим, что кандидаты на судебные должности сыграли существенную роль в становлении института судебных следователей, полностью обеспечив предварительное следствие квалифицированными кадрами. Но в то же время эта вынужденная мера привела к лишению судебных следователей права несменяемости. К 1898 году прак-

¹⁶ Муравьев Н.В. Кандидаты на судебные должности. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. – С. 76.

¹⁷ Указ. соч. – С. 84.

¹⁸ Указ. соч. – С. 85.

¹⁹ Государственный архив Курской области Ф. 32. Д. 152. Л. 8.

тически весь следственный аппарат состоял из исполняющих обязанности кандидатов на судебные должности: из 1487 судебных следователей только 154 были назначены министром юстиции²⁰.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века была решена кадровая проблема органов предварительного следствия. Министерство юстиции не отказалось от высоких квалификационных требований, которые предполагались для судебных следователей. Однако опыт комплектования следственной части позволяет сделать вывод, что реформа правоохранительной системы не может быть осуществлена без достаточных предпосылок. В настоящее время такими предпосылками являются подготовка специалистов, обладающих не только теоретическими знаниями, но и практическими навыками, а также повышение конкурентоспособности профессии следователя.

Список литературы

1. Министерство внутренних дел Украины – http://www.rbc.ua/rus/tag/ministerstvo_vnutrennih_del (дата обращения – 4 апреля 2013 г.)
2. Соглашение о подготовке кадров для органов внутренних дел (полиции) и внутренних войск государств-участников Содружества Независимых Государств от 25 мая 2007 года // сайт Исполнительного комитета СНГ – <http://www.cis.minsk.by/> (дата обращения – 4 апреля 2013 г.)
3. Высочайше утвержденное Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. № 35890.
4. Головачев А.А. Десять лет реформ. СПб, 1872.
5. Мамонтов А.Г. Следственная реформа 1860 года в России: опыт системного исследования // Российский следователь. 2007. № 8.
6. Судебные уставы Александра II. Ч. III. СПб, 1867.
7. Сборник узаконений и распоряжений, изданных с 20 ноября 1864 г. по 1 января 1868 г. в дополнение и разъяснение Судебных Уставов. СПб: Тип. Прав. Сената, 1868.
8. Карабчевский П.Н. Около правосудия. – СПб: Тип. С.-Пб. Т-ва Печат. и Изд. дела «Труд», 1902.
9. Циркуляр Министерства юстиции № 8535 от 15 октября 1865 г. «О порядке замещения вакантных должностей участковых судебных следователей» // Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции с 1 января 1865 г. по 1 мая 1870 г. СПб, 1870.
10. Циркулярные предписания Министра юстиции // Журнал министерства юстиции. 1866. Кн. 9.
11. Муравьев Н.В. Кандидаты на судебные должности. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. репринтная копия.
12. Государственный архив Курской области Ф. 32. Д. 152. Л. 8.
13. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. II. СПб: Тип. Прав. Сената, 1900. 47 с.

THE FORMATION OF CADRE OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY

T.N. IL'INA¹⁾
I.N. KUKSIN²⁾

¹⁾ *Kursk State University*

e-mail: profkuk1944@mail.ru

²⁾ *Moscow City Pedagogical University*

e-mail: profkuk1944@mail.ru

The present article is devoted to the problem of self-control of a judge in criminal trial. The author considers procedural and ethical aspects of judge's self-control. A special attention is given to the interaction of judge and other participants of criminal trial. The author proposes some changes in legislation aimed at improving the efficiency of judge's self-control.

Keywords: self-control of a judge, internal conviction, recusation, abuse of rights.

²⁰ Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. II. СПб: Тип. Прав. Сената, 1900. – С. 19.

УДК 343.85

ДЕФЕКТ ТЕХНИКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ

Н.В. КУЗЬМИНА*Костромской государственный
технологический университет**e-mail: Kuzmina.nat@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме дефектности законодательства в сфере предупреждения и борьбы с экстремизмом и выявлению ее причин. Настаивается на необходимости формирования целостной многоуровневой системы предупреждения экстремистских и террористических проявлений в России. Разработаны некоторые рекомендации по устранению дефектов уголовно-правового регулирования противодействия экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, формы экстремистской деятельности, уголовно-правовые нормы, судебная практика, система противодействия.

В социально-правовой мысли России и зарубежных стран до настоящего времени нет единого понимания экстремизма. В традиционном понимании экстремизм (от фр. *extremisme*, от лат. *extremus* – крайний) – это приверженность к крайним взглядам и, в особенности, мерам (обычно в политике).

В современной России термин «экстремизм» используется в основном в двух целях: 1) для уголовного преследования общественных активистов, членов оппозиционных движений, независимых журналистов; 2) для обозначения националистических взглядов и движений. Вместе с тем, становится понятно, что явление экстремизма многофакторно как в плане понимания его причин (политических, психологических, религиозных, социально-экономических, духовных и т.д.), так и в плане многообразных форм его проявления и взаимодействия с другими социальными явлениями.

В России юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в ст. 1 федерального закона №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Принятием в 2002 г. данного закона¹ законодатель стремился привести в соответствие с реалиями начала XXI в. уголовное законодательство. В частности, были внесены изменения и дополнения в УК РФ по криминализации ряда деяний экстремистской направленности, а именно: изменено название и редакция ст. 280 УК РФ и введены новые правовые нормы – ст. 282¹ и 282² УК РФ, в которых закрепляется уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации. Появление указанных новелл в УК обусловлено тем, что деяния, составляющие объективную сторону составов преступлений, предусмотренных ст. 280, 282¹ и 282² УК РФ, включены, согласно ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в понятие экстремистской деятельности (экстремизма).

Однако наряду с вышеперечисленными деяниями ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает и иные формы противоправной деятельности, которые запрещены российским уголовным законодательством. В частности:

1. Деятельность религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват и присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности;

¹ «О противодействии экстремистской деятельности»: Закон РФ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. – 2002, 30 июля.

возбуждение расовой, национальной или религиозной деятельности, а также социальной розни, связанной с насилием или с призывом к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда исключительности, превосходства, либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной и языковой принадлежности.

2. Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешивания, а также создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования.

3. Публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий.

4. Финансирование указанной деятельности, либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств (руководство либо пособничество указанным выше преступлениям).

Помимо этого, одной из форм экстремистской деятельности, согласно рассматриваемому закону, является осуществление террористической деятельности. Содержание этого понятия определяется в ФЗ «О противодействии террористической деятельности» от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ, из которого следует, что к экстремистским также следует отнести и деяния, которые входят в понятие терроризм.

Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ в примечание ст. 282¹ УК РФ было внесено дополнение: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса». Соответствующие дополнения в качестве квалифицирующих признаков были внесены в ряд составов Особенной части УК РФ.

Итак, исходя из анализа действующего законодательства, назовем группы уголовно-правовых норм, которые позволяют государству реализовывать вышеназванные направления по борьбе с экстремизмом.

Во-первых, это отдельные проявления экстремизма, которые сами по себе признаются уголовно наказуемыми. Это преступления, предусмотренные ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», 282¹ «Организация экстремистского сообщества», 282² «Организация деятельности экстремистской организации». В этих преступлениях экстремизм проявляется в наиболее концентрированном виде.

Во-вторых, в ст. 282¹ УК РФ законодатель указывает на ряд преступлений как на деяния, посредством совершения которых осуществляется экстремистская деятельность. В данной норме имеется указание на преступления, предусмотренные ст. 148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», 149 «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них», 213 «Хулиганство», 214 «Вандализм», 243 «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» и 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения».

В-третьих, экстремизм является идейной и духовной подпиткой терроризма², а последний, в свою очередь, наиболее опасной формой проявления экстремизма. В этой связи к преступлениям экстремистской направленности следует отнести: террористический акт (ст. 205 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ).

² Афанасьев К.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. – М., 2001. – С. 205–219.

В-четвертых, к числу преступлений экстремистской направленности следует отнести и акты преступлений, которые для экстремистской деятельности имеют характер сопутствующих и, как правило, направлены на облегчение совершения других преступлений (в частности, вышеуказанных). К таким преступлениям следует отнести: убийство (ст. 105 УК РФ); причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111, 112 и 115 УК РФ); истязание (ст. 117 УК РФ); похищение человека (ст. 126 УК РФ); незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ); торговля людьми (ст. 127¹ УК РФ); использование рабского труда (ст. 127² УК РФ); клевету (ст. 129 УК РФ); оскорбление (ст. 130 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ); захват заложника (ст. 206 УК РФ); организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ); бандитизм (ст. 209 УК РФ); организацию преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта, либо железнодорожного состава (ст. 211 УК РФ); массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ); хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ); незаконные приобретение, передача, сбыт хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222 УК РФ); незаконное изготовление оружия (ст. 223 УК РФ); хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ); подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ); наемничество (ст. 359 УК РФ).

В-пятых, наряду с криминализацией некоторых деяний экстремистского свойства уголовный закон довольно строго оценивает экстремистскую мотивацию любых преступлений, признавая мотив национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды обстоятельством, отягчающим наказание (п. «е» ст. 63 УК РФ). Кроме этого, данный мотив предусмотрен в преступлениях против жизни и здоровья в качестве квалифицирующих признаков (ст. ст. 105 ч. 2 п. «л», 111 ч. 2 п. «е», 112 ч. 2 п. «е», 115 ч. 2 п. «б», 116 ч. 2 п. «б», 117 ч. 2 п. «з», 119 ч. 2, 213 ч. 1 п. «б», 214 ч. 2 УК РФ.).

Также к числу преступлений, посредством совершения которых возможно осуществление экстремистской деятельности, ранее предлагалось относить: нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ); массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ); организацию объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ); вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ), а также преступления против мира и безопасности человечества³.

Экстремистские устремления могут лежать у истоков едва ли не любого умышленного преступления, хотя бы и кражи, совершаемой не столько из корысти, сколько ради того, чтобы досадить лицу, имеющему другую национальность или исповедующему другую религию. Кроме того, выделяется сугубо генетическая линия связи экстремизма с преступностью. Фашистская, шовинистическая, религиозно-фанатическая идеология и психология нередко выступают в роли непосредственно действующих субъективных причин и условий преступности.

В российском уголовном законодательстве присутствует достаточный инструментарий для противодействия экстремизму. Вместе с тем, его нельзя признать эффективным. Судебно-следственный процесс по таким делам максимально затягивается.

Примером может послужить дело К. Душенова. Летом 2006 г. прокуратура возбудила уголовное дело по материалам, опубликованным в журнале «Русь Православная» – в спецвыпуске, посвященном 10-летию смерти митрополита Иоанна (Снычева). Именно

³ Противодействие политическому экстремизму: теория и судебно-следственная практика // Российская юстиция. – 2000. – №4. – С. 11.

в нем была размещена статья под названием «Россия с ножом в спине. Еврейский фашизм. Геноцид русского народа» (рецензия на одноименный документальный фильм) за подписью Константина Душенова. Факт распространения одноименного фильма тоже не остался без внимания. Дело было возбуждено по ст. 282 УК РФ. Только в феврале 2010 г. К. Душенову был вынесен обвинительный приговор Кировским районным судом г. Санкт-Петербурга за разжигание межрелигиозной и межнациональной розни. Также экстремистскими была признана деятельность редакции журнала «Всерусский собор», а именно статьи директора проекта «Всерусский собор» Виталия Розе «Великий перелом» и «Щит божий», опубликованные в № 3 и 4 за 2006г.⁴

Исходя из предложенных законодателем дефиниций, в правоприменительной практике не всегда можно точно квалифицировать конкретное преступление как экстремистское в силу размытости объективных признаков экстремистских преступлений и сложности доказывания экстремистских мотивов. Причины дефектности законодательства в сфере предупреждения и борьбы с экстремизмом лежат как в плоскости нарушения правил юридической техники, так и в недооценке сложной природы этого социально-негативного явления, в котором переплетаются противоречия социального, политического, экономического, национально-этнического, психологического, идеологического и иных планов.

Формирование нормативно-правовых основ противодействия экстремизму является лишь частью целостной многоуровневой системы предупреждения экстремистских и террористических проявлений и должно проходить в соответствие с реализацией других элементов этой системы. Следует согласиться с Д.В. Новиковым в том, что меры по регулированию этнорелигиозного экстремизма и блокированию его крайних форм должны включать, по крайней мере, репрессивно-правовые, политико-правовые, социально-экономические и функционально-репрессивные меры⁵.

Репрессивно-правовые меры направлены на сокращение социальной базы поддержки этнорелигиозных экстремистов. Предполагается создание пакета нормативных актов, которые четко бы определяли процедуру правовой квалификации «этнорелигиозного экстремизма» по трем основным направлениям: насильственное посягательство на конституционные основы государства (принцип территориальной целостности); на национальные интересы страны; на конституционные права и свободы граждан⁶.

Следует отметить запаздывание в совершенствовании федерального законодательства в данной области по сравнению с законодательным процессом Северокавказского региона. В 1999 г. в Дагестане был принят закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», в котором «создание и функционирование ваххабитских и других экстремистских организаций» признается «противоречащим Конституции РД» и «угрожающей территориальной целостности и безопасности республики», а потому законодательно запрещено⁷. Аналогичные законы в 2000 г. приняты в Чечне и Карачаево-Черкесии.

Однако запрет экстремистских организаций не привел к преодолению этнорелигиозного экстремизма, который перешел на нелегальное положение и стал расползаться по другим регионам. Более того, были созданы репрессивно-правовыми методами условия для радикализации и переходу на экстремистские позиции умеренных ваххабитов.

Принятый позднее Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» не разрешил сложившуюся ситуацию положительно. Кроме указанных выше неточностей, данный закон обладает еще одним серьезным недостатком, состоящем в репрессивной направленности при расширительном толковании «политического экстре-

⁴ Дело «Руси Православной» пытаются сдвинуть с мертвой точки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru>

⁵ Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия [Электронный ресурс]: Политико-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2003 (Из фондов Российской Государственной библиотеки). – С. 132.

⁶ Там же. – С. 133.

⁷ Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Собрание Законодательства Республики Дагестан. – Махачкала. – 1999, 30 сентября.

мизма», поглощающего деяния, соответствующие политическому пониманию «радикализма». Например, согласно закону в религиозном экстремизме по признакам разжигания религиозной вражды можно обвинить любую конфессию, адепты которой признают свою религию единственно истинной. Закон ориентирует правоохранительные органы на борьбу с явлениями, не представляющими серьезной общественной опасности.

Принципиальным является принятие четкой концепции взаимоотношений государства и конфессий. Исследования показывают, что в России в целом и на Северном Кавказе в частности, население выступает за светский характер государственного устройства⁸. В этой связи предпочтительна деэтнизация и деконфессионализация политики, т.е. создание законодательных и институциональных условий, которые бы переводили этничность и религию из политической сферы в духовно-культурную.

Правовыми методами следует также предупреждать саму возможность аккредитации в стране и регионах представительств зарубежных радикальных конфессиональных организаций, активность здесь исламских эмиссаров, тоталитарных сект, их преподавательской деятельности в духовных учебных заведениях России иностранцев, неконтролируемого направления на учебу за границу будущих священнослужителей.

Целесообразно усиление процедурно-нормативной защиты традиционных конфессий и верующих-традиционалистов в субъектах.

Целью **политико-правовых мер** выступает оптимизация отношений государства с религиозными объединениями и поддержка традиционных конфессиональных структур, а также проведение различного рода политико-организационных мероприятий направленных против этнорелигиозного экстремизма. В настоящее время деятельность Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, а также соответствующих структур на Северном Кавказе с точки зрения противодействия этнорелигиозному экстремизму не достаточно эффективна. Необходимы соответствующие условия для взаимодействия конфессии, повышения их образовательного уровня, устранения дефицита богословской литературы. Заслуживает внимания предложения о проведении экспертизы и оценки всей исламской литературы, поступающей из-за рубежа и издаваемой в стране, а также просветительской деятельности РПЦ.

Блок социально-экономических мер в деле противодействия экстремизму включает в себя действия, направленные на подрыв и ликвидацию экономической базы экстремистов. Следует ввести запрет финансирования экстремистских и террористических организаций и международные санкции за нарушение запрета, эмбарго на поставки оружия и боеприпасов экстремистским группировкам; мониторинг распространения оружия массового поражения (ядерного, химического и бактериологического) с жесткими международными санкциями в отношении государств, виновных в передаче подобного оружия или технологии его производства экстремистским группировкам и т.д.

Функционально-репрессивные меры призваны решительно пресекать любые попытки деятельности этнорелигиозных экстремистов при помощи мер государственного принуждения. Однако необходим федеральный контроль, чтобы эти меры не выходили за пределы правового поля.

Устранение дефектов уголовно-правового регулирования противодействия экстремизму должно проводиться в рамках реализации всей рассматриваемой здесь системы практических мер и при опоре на понимание многообразной природы экстремизма и этнической преступности в целом⁹.

Учитывая наличие коллизий в действующем законодательстве между признаками преступлений экстремистской направленности и экстремизмом (экстремистской деятельностью), целесообразно включить в перечень признаков, характеризующих преступления экстремистской направленности, признаки, включенные в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Наряду с категорией престу-

⁸ Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия [Электронный ресурс]: Политико-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2003 (Из фондов Российской Государственной библиотеки). – С. 135.

⁹ Кузьмина Н.В. Методология и методика в теоретико-правовых исследованиях этнического девиантного поведения // Научный Вестник Уральского академии государственной службы. – 2011. – № 4(17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2011/04/36/>

плений экстремистской направленности, в теории уголовного права следует выделять категорию преступлений, отнесенных указанным выше законом к экстремистской деятельности (экстремизму). Совокупность этих двух групп можно объединить понятием «экстремистские преступления». Возможно, следует объединить такие преступления в одну главу или раздел Уголовного кодекса РФ с их четкой и емкой дефиницией.

Предлагаем ввести новый раздел в УК РФ «Преступления, совершенные по мотиву ненависти и вражды». Основанием выделения этого раздела может явиться субъективная сторона составов преступлений. Целесообразно в этом разделе дать понятие мотива ненависти и вражды, классифицировать преступления, совершенные по этому мотиву, по их степени тяжести. В этом случае следует четко определить наказания по преступлениям небольшой и средней тяжести, тяжким и особо тяжким преступлениям, предусмотренным статьями Особенной части УК РФ, совершенным по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотиву ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы. Здесь стоит не соглашаться с теми авторами, которые предлагают дополнять квалифицирующими признаками, указывающими на мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотивы ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы, целый ряд статей УК РФ¹⁰. Совершенно очевидно, что любое преступление может быть совершено по указанным мотивам, и, в таком случае, нас ожидает чрезмерное расширение Уголовного кодекса.

Предлагаем под мотивом идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы понимать побуждение к совершению преступления на основании наличия неприязненных отношений к другой стороне (лицу, группе лиц) исходя из ее принадлежности к иной социальной группе, национальности (народу, народности, этносу), расе, религии (конфессии), культуре.

Далее. В целях упорядочения уголовного законодательства предлагается внести дополнение в ст. 210 УК РФ, а именно ввести ч. 2.1 «Создание преступного сообщества по национально-этническому признаку и участие в таковом» в качестве квалифицирующего состава.

В связи с нетехнологичностью содержания ст. 282.1 УК РФ предлагается ее новая редакция: «Содействие экстремистской деятельности» (по аналогии со ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности»):

Статья 282.1 УК РФ «Содействие экстремистской деятельности»:

«Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, и преступлений, предусмотренных статьями 136, 141, 295, 205.1, 205.2, 206, 208, 212, 278, 279, 319, 360 настоящего Кодекса по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также предусмотренных статьями 280, 282, 282.2 Кодекса, финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, —

наказываются лишением свободы на срок от четырех до восьми лет.

Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, — наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

Примечание. 1. Под финансированием экстремизма в настоящем Кодексе понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, а также преступлений, предусмотренных статьями 136, 141, 295, 205.1, 205.2, 206, 208, 212, 278, 279, 319, 360 настоящего Кодекса по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также предусмотренных статьями 280,

¹⁰ Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: Автореф. дис...канд юрид. наук. — Москва, 2010. — С. 11.

282, 282.2 Кодекса либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости дополнения квалифицирующими признаками, указывающими на мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, статей: 110 УК РФ (доведение до самоубийства); 125 УК РФ (оставление в опасности); 126 УК РФ (похищение человека); 127 УК РФ (незаконное лишение свободы); 129 УК РФ (клевета); 130 УК РФ (оскорбление); 131 УК РФ (изнасилование); 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера); 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества); ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение памятников истории и культуры); ст. 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля).

Вместе с тем, как указывалось выше, целесообразнее преступления этнической направленности и экстремистские преступления выделить в отдельный раздел в УК РФ «Преступления, совершенные по мотиву ненависти и вражды», нежели дополнять статьи Особенной части УК РФ квалифицирующими признаками.

Список литературы

1. «О противодействии экстремистской деятельности»: Закон РФ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. – 2002, 30 июля.
2. Афанасьев К.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. – М., 2001. – С. 205–219.
3. Противодействие политическому экстремизму: теория и судебно-следственная практика // Российская юстиция. – 2000. – №4.
4. Дело «Руси Православной» пытаются сдвинуть с мертвой точки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru>
5. Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия [Электронный ресурс]: Политико-правовой аспект : Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2003 (Из фондов Российской Государственной библиотеки).
6. Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Собрание Законодательства Республики Дагестан. – Махачкала. – 1999, 30 сентября.
7. Кузьмина Н.В. Методология и методика в теоретико-правовых исследованиях этнического девиантного поведения // Научный Вестник Уральской академии государственной службы. – 2011. – № 4(17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2011/04/36/>
8. Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: Автореф. дис...канд юрид. наук / В.В. Ревина. – Москва, 2010. – С.11.

DEFECT OF EQUIPMENT OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF OPPOSITION TO THE EXTREMIST MANIFESTATIONS

N.V. KUZMINA

Kostroma State Technological University, candidate of juridical science

e-mail: woltgam@rambler.ru

Article is dedicated to the problem of the defectiveness of legislation in the sphere of warning and fight with the extremism and to the development of its reasons. It insists itself on the need for the formation of the integral multilevel warning system of extremist and terrorist manifestations in Russia. Some recommendations regarding the elimination of the defects of the criminal- lawful regulation of opposition to extremism are developed.

Key words: extremism, the form of extremist activity, criminal-lawful standards, judicial practice, opposition system.

УДК 355.332:334.73.021"18"

УЧАСТИЕ РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

В.В. НЕВЛЕВ*Белгородский университет
кооперации, экономики
и права**e-mail: kaf-srp@bukep.ru*

Статья посвящена изучению проблемы участия российских военных в зарождении и становлении правовых основ отечественной кооперации. Исследуя большой круг источников, позволяющих воссоздать историко-правовую ретроспективу, автор стремится к объективной оценке вклада российских офицеров в историю и теорию кооперативного движения.

Ключевые слова: английские предкооперативы, декабристы, российские военные, зарубежные походы, гвардейские офицеры, потребительское общество, устав, правовое положение кооперации.

Долгое время в истории мирового кооперативного движения считалось, что основоположниками потребительской кооперации были англичане. Аргументы в пользу данной точки зрения выдвигались серьезные. Англия является первой страной капитализма, первые прообразы кооперативов появились там же.

В местечке Фенуик, что в Шотландии, 12 ткачей в 1769 г. организовали потребительское общество по продаже муки. В 1777 г. были созданы потребобщества в Бирмингеме и близ портового города Глазго – в селе Гован. В первой трети XIX века в Англии числилось около 500 потребительских обществ. Все они вскоре разорились, так как не выдержали конкуренции с крупными торговцами и не имели правовых оснований для организации деятельности.

28 ткачей из г. Рочдейла, который находился в промышленно развитом графстве Ланкашир, в октябре 1844 г. зарегистрировали устав Рочдейлского потребительского «Общества справедливых пионеров». Это общество долго считалось первым юридически оформленным потребобществом в мире, так как оно выработало устав и принципы потребительского кооператива. Кооператив получил международное признание благодаря грамотной формулировке и четкому исполнению принципов деятельности¹.

Однако мировое кооперативное сообщество ошибалось – правовыми основоположниками потребительской кооперации были россияне, точнее – российские военные. Восстановлению исторической справедливости способствовало обнаружение С.П. Днепровским в архивах Исторического музея Москвы подлинника устава кооперативного объединения «Большая артель», датированного 1831 г². Данный документ, а также дальнейшая работа, проведенная С.П. Днепровским, В.А. Кригером, И.И. Курьяном и М.К. Яковенко, позволила существенно обогатить историю потребительской кооперации России.

Именно кооператив «Большая артель», созданный в 1827 году в читинском остроге ссыльными декабристами (приобретший организационно-правовой статус с момента принятия его устава в 1831 г.), является первым потребительским кооперативом России, отвечающим требованиям кооперативного движения. Это обусловлено присутствием ряда специфических социально-экономических и правовых признаков: организации деятельности на основании принятого на общем собрании устава; создания кооператива на добровольных началах инициативной группой; наличия паевых взносов; равенства прав участников артели; функционирования «временной» и «постоянной» комиссий (аналогов ревизионной комиссии и выборного руководящего органа).

Таким образом, пионерами российского кооперативного движения стали отправленные в ссылку в Забайкалье декабристы, которые создали первый потребительский кооператив несколькими десятилетиями ранее отмены крепостного права и социально-

¹ Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. – М.: Вита-Пресс, 2005. – С. 29-30.

² Днепровский С.П. Кооператоры. 1898-1968. – М.: Экономика, 1968. – С. 383.

экономических реформ, в период последних дней феодализма. Их начинания были обусловлены объективными потребностями существования в сложных условиях, выжить в которых можно было лишь за счет кооперации взаимных усилий³.

Большинство декабристов были российскими офицерами, которые участвовали в освободительной Отечественной войне 1812 г., служили в элитных гвардейских полках. Вот как описывает их гвардейскую службу Г.М. Ефремова – профессор из Новосибирска, в статье «Истоки российской кооперации»⁴.

«В отличие от армии, офицеры гвардейских частей по своему происхождению принадлежали к высшему обществу, и служба в гвардии для них была необходимой ступенью в дальнейшей карьере. Но пребывание в гвардии, даже при умеренном образе жизни, требовало больших материальных затрат, так как офицеры не только жили за свой счет, но и, по обычаям гвардейских полков из личных денег выдавали своим солдатам награжденные, частично покупали провизию для улучшения их питания, устраивали полковые школы, содержали приюты для детей сверхсрочнослужащих.

Вступая в гвардию, офицеры получали дворцовые звания и были обязаны нести службу при дворе, для чего была необходима дворцовая форма (парадная, бальная, парадное оружие и т.д.), причем самого высшего качества, ее заказывали только у поставщиков двора. Кроме этого, для службы требовались и обычные мундиры, походное обмундирование, обувь, амуниция, оружие и много другое, что заказывалось у других, более дешевых поставщиков. Естественным решением этой материальной проблемы была организация производства необходимых вещей, которое было реализовано в виде экономического общества: офицеры вносили паевой взнос на организацию мастерских и заказывали в них требуемые им вещи, что было значительно дешевле»⁵.

Второй причиной создания гвардейских экономических обществ («складчины») послужил опыт жизни офицеров в походных условиях. После победы в Отечественной войне 1812 года на территории России русская армия продолжила свое триумфальное шествие по странам Европы, где воевала до 1814 г. В зарубежных походах российские офицеры прониклись не только республиканским духом и масонством, но и идеями кооперации.

Во Франции и Германии они соприкоснулись с предпосылками создания потребительских обществ. Во Франции такие общества занимались закупкой угля и продажей продуктов по более низким ценам для ткачей Лиона. В Германии – кооперативы организовывали покупку муки, овощей, дров и других товаров для рабочих. Конечно, эти кооперативные начинания не могли пройти мимо пытливого русского ума, любопытного до всего западного. Все это послужило дополнительным толчком переноса европейского кооперативного опыта на российскую почву, но с русским названием.

«Так уже в 1814 г. в гвардейском Семеновском полку была основана «Офицерская артель», одним из инициаторов которой стал будущий декабрист Иван Якушкин. Среди офицеров Генерального штаба возникла «Священная артель», ее членом был друг А.С. Пушкина – Иван Пущин. Впоследствии и Пущин и Якушкин стали в Сибири активными участниками «Большой артели»⁶.

Большинство будущих декабристов были масонами. Вернувшись из заграничного похода, многие офицеры русской армии и гвардейских частей вступили в масонские ложи. Масонство проникло даже в высшие круги царского двора и приняло угрожающий характер. Оно стремилось создать всемирное религиозное братство, а точнее, добиться всемирного господства. Многие в масонстве связано с мистикой, некоторые идеи перекликались с коммунистическими. Последнее было использовано декабристами при создании потребительских обществ.

В 1822 г. масонские ложи указом императора Александра I были запрещены. Возродились только в начале XX века масонской фракцией в Государственной думе. После

³ Невлев В.В. Эволюция кредитной потребительской кооперации в России: теоретико-правовое исследование / Монография. – Белгород: Изд-во БУКЭП, 2012. – С. 30-32.

⁴ Кооперация: история и современность // Материалы междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 2011 г. – Новосибирск: СУПК, 2011. – С. 31-34.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 31-32.

октября 1917 г. масонство и все его ложи были ликвидированы указами советского правительства⁷.

Тогда – в 20-е гг. XIX века, масонство ушло в подполье. Но были созданы три тайных общества – Северное, Южное и Кавказское. Основная цель обществ – свержение самодержавия, уничтожение крепостного права, установление республиканской власти в России. После переворота планировалось создание временного революционного правительства, наделенного высшей властью в стране. Мысль о создании такого правительства впервые была высказана в 1820 году на петербургских совещаниях Союза благоденствия⁸.

Среди русских офицеров из плеяды декабристов было много известных мореплавателей и полярных исследователей. Они не только внесли большой вклад в российскую географическую науку, но и планировали будущее обустройство сибирских и прилегающих к ним территорий⁹. У декабристов были и иные планы.

К.Ф. Рылеев, более известный нам как поэт и один из лидеров движения декабристов, был одновременно и предпринимателем. Он возглавлял крупнейшее в России акционерное предприятие – Российско-американскую компанию. На ее средства декабристами конспиративно была организована в 1820-е гг. морская экспедиция в Русскую Америку. Планировался после антиправительственного переворота вывоз царской семьи за границу – на Аляску¹⁰. В 1918 г. по первому варианту плана советского правительства, аналогично, предусматривалось отправка семьи Николая I в Русскую Америку. Но тогда царская семья смогла доехать только до Омска¹¹.

Вооруженные восстания декабристов против самодержавия, предпринятые 14 декабря 1825 г. в Санкт-Петербурге и 29 декабря на Украине, потерпели поражения. Кавказское общество в восстании участия не принимало. Его планировалось использовать в случае победы восставших войск в северной столице и на Украине. Кавказским корпусом должен был командовать легендарный генерал А.П. Ермолов – покоритель Кавказа¹².

Царское правительство жестоко расправилось с восставшими. К следствию по делу декабристов было привлечено 579 человек, не считая матросов из гвардейских экипажей и солдат из полков, которые присутствовали на Сенатской площади и в Тульчине на Украине.

121 участника мятежа сослали на каторгу и в сибирскую ссылку. Остальных разжаловали в солдаты и отправили в действующую армию на Кавказ. Свыше тысячи солдат и матросов прогнали сквозь строй, десятки из них были забиты до смерти. Более двух тысяч солдат были переведены воевать на Кавказ или сосланы в Сибирь на каторгу. Руководители движения – П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин и П.Г. Каховский были казнены¹³.

Первые декабристы, закованные в кандалы, прибыли на каторгу в октябре 1826 г. – на Благодатный рудник. Осенью 1827 г. их перевели в Читю – в специально отстроенную тюрьму. Условия содержания были ужасные, тюремный паек – мизерный. Он составлял два пуда муки и 1 руб. 98 коп. в месяц на человека, что было рассчитано на медленное угасание каторжан.

С этим они не могли смириться и по старому примеру походной жизни гвардейцев в 1827 г. создали «Общий котел» – добровольное объединение с целью общественного питания. В «котел» декабристы вносили свои скромные пайки и деньги, полученные от тюремного начальства. Они закупали продовольственные товары, табак и прочее в магазинах и лавках местных купцов. Узнав об этом, другие узники читинской тюрьмы при-

⁷ Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. – С. 907.

⁸ Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. – М.: «Мысль». 1982. – С. 11.

⁹ Пасецкий В.М. Географические исследования декабристов. – М.: Наука. 1977. – 184 с.

¹⁰ Готовцева Анастасия. Российско-американская компания и декабристы: к истории конспиративной деятельности К.Ф. Рылеева / Монография. – Saarbrücken (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 64 с.

¹¹ Фатеев Валерий. Здравствуй, Любинский! – Омск: ИПК «Омич», 1997. – С. 39-40.

¹² Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. – М.: «Мысль». 1982. – 206 с.

¹³ Рабкина Н.А. Отчизны внемлем призыванье... – М.: Советская Россия, 1976. – 256 с.

соединились к декабристам. Так среди заключенных образовалось потребительское общество на договорных началах.

Руководителем (хозяином) общества был избран бывший полковник И.С. Повало-Швейковский, осужденный на 20 лет каторги с последующим вечным поселением в Сибири. Он был добрый и порядочный человек, хороший кулинар, но как руководитель – никакой. По словам некоторых декабристов, кормил «довольно плохо». Его освободили от руководства по собственной просьбе.

Новым хозяином был избран бывший поручик барон А.Е. Розен, который с малыми деньгами организовал хорошее артельное хозяйство. Во дворе тюрьмы построили мастерские – слесарную, токарную и переплетную. Возглавлял их в прошлом офицер флотского экипажа капитан-лейтенант Н.А. Бестужев – прекрасный художник, а также сапожник и слесарь.

Переплетными мастерами работали бывшие лейтенант российского флота Д.И. Завалишин, подпоручики братья А.И. и П.И. (художник) Борисовы. Лучшим портным считался поручик П.С. Бобрищев-Пушкин. Для производства сельскохозяйственной продукции декабристы стали заниматься огородничеством и парниками. Главным огородником был поэт – декабрист В.К. Кюхельбекер. А.Е. Розен заболел, и руководителем артели в 1829 г. избрали П.С. Бобрищева-Пушкина¹⁴.

Царское правительство опасалось, что каторжане могут в тюрьме поднять мятеж – такие попытки были, тем более многие охранники им сочувствовали. До границы с Монголией было около 70 километров, и декабристы могли уйти в Китай, а затем в Америку. По этой причине в 1830 г. из Читы осужденных в кандалах перевели за 650 километров в поселок Петровский Завод (сегодня г. Петровск-Забайкальский Читинской области), в котором для них была построена новая тюрьма. В Петровском Заводе декабристы продолжали вести многоотраслевую совместную деятельность на кооперативных началах. Свое объединение они назвали артелью – так издавна на Руси именовались трудовые объединения мастеров в определенном роде занятий. Позднее потребительское общество назвали «Большой артелью».

В составлении устава артели принимала участие комиссия в большинстве из бывших военных – И.И. Пуцина, Д.И. Завалишина, Е.П. Оболенского, П.А. Муханова, М.Ф. Митькова, А.В. Поджио, А.И. Одоевского. Позднее Д.И. Завалишин вспоминал:

– Наше устройство было экономическое, хозяйственное, и название ему дали обычное народное – артель. В основе нашего устава был артельный договор...¹⁵.

Устав Большой артели приняли общим собранием декабристов 2 марта 1831 г. в присутствии тюремного начальства, генерала С.В. Лепарского – коменданта Петровского завода, и с разрешения правительства. Принятие устава означало правовое учреждение первого потребительского общества России. С этой даты идет отсчет истории российской потребкооперации.

В уставе определены следующие особенности социально-экономической сущности Большой артели:

- цель потребительской артели заключалась в удовлетворении жизненных потребностей ее участников;
- артель строила свою деятельность на началах самоуправления с избранием исполнительного органа в форме хозяйственной комиссии;
- в артели обеспечивались демократические выборы в органы управления и контроля путем тайного голосования с правом одного голоса.

В последующем, по мнению ученых (Г.М. Ефремова, И.А. Коряков, М.В. Нечкина, Н.А. Рабкина, Л.Е. Теплова и другие), наиболее активными лидерами Большой артели были бывшие российские офицеры Н.В. Басаргин, Н.А. Бестужев, И.И. Горбачевский, Д.И. Завалишин, И.И. Пуцин, А.Н. Сутгофф, И.Д. Якушкин и многие другие.

Определяя значение создания артели, не следует ограничиваться только потребительскими аспектами. Она решала многие социальные, нравственные, национальные, исторические и, конечно, правовые задачи. Декабристы, воспитанные в представлениях

¹⁴ Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. – Чита: Изд-во ЗИП СУПК, 1998. – С. 86-87.

¹⁵ Завалишин Д.И. Записки декабриста. – СПб., 1906.

дворянской морали, переосмысливая понятия чести, достоинства, вкладывали в них новое, гуманистическое содержание¹⁶.

Объединение людей в единую артель подталкивало бывших военных к участию в физическом труде, что было немаловажно для здоровья узников. Занятия производительным трудом были полезны не только для артельщиков, но и для местного населения. Жители Читы, забайкальские крестьяне научились многому у декабристов, в частности ремеслам, огородничеству, парниковому хозяйству, торговле, организации общественного питания. Более того, когда летом 1829 г. вырос обильный урожай, полностью обеспечивший потребность артели в овощах и картофеле, декабристы поделились им с местным населением. За счет излишков снабдили неимущих крестьян и городских бедняков картофелем и свеклой.

Коллективное объединение людей, совместные трудовые и умственные занятия способствовали подъему и развитию культуры как членов артели, так и в значительной мере местного населения. Декабристы были наиболее прогрессивная часть дворянского общества, высокообразованные люди и заслуженные военные. Они не могли смириться с участью постепенного умирания, которое им уготовило царское правительство. Поэтому занимались иностранными языками, словесностью, науками, искусством. Появление потребительской артели пайщиков-каторжан в читинском остроге, а затем в тюрьме Петровского Завода содействовало рождению новой социальной морали. Общество декабристов было организовано на основе гуманистических норм этики – добровольность, равноправие, демократические выборы руководства, экономическое участие, самопомощь и взаимопомощь во благо членов артели и местного населения¹⁷.

Узникам были присущи такие позитивные личностные качества, как доброжелательность, сопереживание, терпимость, взаимная выручка. Декабристы по своему социальному положению в основном принадлежали к русским помещикам, но делились на различные прослойки. Среди них были такие крупные помещики, как С.Г. Волконский, Н.М. Муравьев; средне-поместные – И.И. Пущин, И.Д. Якушкин; мелкопоместные дворяне – Д.И. Завалишин, А.И. Беляев. Часть из них были беспоместные, не имели дворянского звания – И.И. Горбачевский, братья А.И. и П.И. Борисовы, А.Ф. Фролов и другие члены «Общества соединенных славян».

Дворяне – аристократы получали от своих богатых родственников значительную материальную помощь. Они оказались в более выгодном финансовом положении по сравнению с теми декабристами, которые денег не получали и об облегчении участи которых некому было заботиться. Это было тяжело и унижительно для беднейшей прослойки декабристов, ставило их в положение нищих. Необходимо было преодолеть социальное неравенство, порождавшееся в отношениях между членами артели. Состоятельные декабристы охотно и с искренним братским радушием помогали остальным товарищам по каторге, делясь с ними всем тем, что получали от родных из европейской части России.

Декабристы знали, что после отбытия срока каторги им предстояло долгое пребывание на поселении в Сибири. Многие из них, особенно неимущие, думали о том, на какие средства они будут жить в отдаленных местах без средств к существованию. Опыт работы «Большой артели» подсказал декабристам, что выход можно найти только в сотрудничестве.

В 1834 г. в петрозаводском остроге одновременно с «Большой артелью» стал действовать ссудосберегательный кредитный кооператив «Малая артель» или «Общество взаимного вспомоществования». Его устав составили бывшие штабс-капитан П.А. Муханов и офицер гвардейской конной артиллерии И.И. Пущин. Опыт финансовой деятельности «Малой артели» заслуживает изучения и распространения даже в современных условиях¹⁸.

Кооператив «Большая артель» просуществовал 13 лет и распался в 1839 г. в связи с окончанием срока каторги декабристов и переводом их на поселение в Сибири или на военную службу рядовыми в действующую армию на Кавказе. Успели побывать в Сибири и на Кавказе бывшие офицеры – майор Н.И. Лорер, корнет – князь А.И. Одоевский и

¹⁶ Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Революционная мораль декабристов (к 160-летию восстания 14 декабря 1825 года). – Л.: Знание. 1985. – С. 24.

¹⁷ Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. – Чита: Изд-во ЗИП СУПК, 1998. – С. 88-89.

¹⁸ Там же. С. 91,95.

другие¹⁹. Бывшие артельщики, разъехавшиеся после амнистии по стране, распространяли опыт своего потребительского общества.

Деятельность «Малой артели» продолжалась на местах поселения декабристов, а затем и в Москве, более полувека. На Петровском заводе в 1864 г. декабрист И.И. Горбачевский и кузнец П.И. Першин организовали одно из первых независимых, открытых потребительских обществ для рабочих России²⁰.

В детстве автору этой статьи посчастливилось побывать в Ялуторовском краеведческом музее памяти декабристов. Летом 1977 г., путешествуя с родителями на машине по Уралу и Западной Сибири, мы заехали в г. Ялуторовск Тюменской области. В музее, который находился в одном из домов, где жили декабристы, тогда произошло важное событие.

Ремонтируя печь, каменщики обнаружили замурованную старинную бутылку с письмом. Декабристы, уезжая из Ялуторовска, обратились с посланием к будущим потомкам. Там же были перечислены фамилии ссыльных, которые жили в то время в сибирском городке.

В Ялуторовске декабристы прожили 13 лет (до амнистии 1856 года) создав по их словам «образцовую колонию». Там были на поселении Н.В. Басаргин, А.В. Ентальцев, М.И. Муравьев-Апостол, Е.П. Оболенский, И.И. Пущин, В.К. Тизенгаузен, И.Д. Якушкин и другие. Декабристы оставались яркими патриотами России. Масонские заблуждения от них уже ушли, но сохранились революционный дух и благородство. Ссыльные занимались просветительством, научным изобретательством, учительствовали, лечили, много читали. Делали все, что могли, чтобы ощущать себя полезными людьми, вкладывали свои знания и силы в преобразование тогда не освоенного сибирского края. Спорили, возвращаясь мысленно к прошлому²¹.

Во что удалось узнать об этом периоде жизни трех декабристов, внесших огромный вклад в теорию и историю кооперации. И.И. Пущин в Ялуторовске много занимался юридической деятельностью. До этого у него уже была значительная практика. После военной службы он вышел в 1823 г. в отставку и перешел на службу в Петербургскую уголовную палату. Через год начинающий юрист переехал в Москву и поступил в местный надворный суд. За участие в восстании на Сенатской площади он был приговорен к 20 годам каторги и последующей ссылке в Сибирь. На поселении четыре года провел в Туринске, с 1843 по 1856 – в Ялуторовске.

К нему постоянно обращались за юридической помощью местные крестьяне и городские жители, которым он как юрист давал консультации, составлял прошения и жалобы. В этом проявилась его попытка преодолеть былой личный отрыв от народа. У И.И. Пущина часто собирались ссыльные декабристы, обсуждали политические новости, проводили дискуссии по актуальным социальным вопросам. У него останавливался В.К. Кюхельбекер при переезде из Кургана в Тобольск. В Ялуторовске Пущин начал писать свои знаменитые «Записки о Пушкине»²². Он собрал и оставил историкам около 1400 писем декабристов, чем значительно обогатил российскую науку. Помогал И.Д. Якушкину наладить работу первых бессловных народных школ и обучать детей.

Заслуга И.И. Пущина перед отечественной кооперацией бесценна – он стоял у ее истоков, являясь одним из авторов устава «Большой артели». Организация всесибирской кассы взаимопомощи (кредитный кооператив), сыгравшей большую роль в материальном обеспечении декабристов на поселении, осуществлялась при его главном участии. За это друзья по ссылке называли его «Маремьяной» (от сибирской поговорки «Маремьяна – старица обо всех печалится»). В 1856 г. И.И. Пущин уехал в имение Фонвизиных – село Марьино Бронницкого уезда Московской губернии, где провел последние годы жизни. Похоронен И.И. Пущин (1798-1859) в городе Бронницы под Москвой²³.

Вместе с Пущиным жил на поселении в Туринске, а затем в Ялуторовске декабрист Евгений Петрович Оболенский. Князь, блистательный поручик лейб-гвардии Финлянд-

¹⁹ Нечкина М.В. Декабристы. – М.: Наука, 1983. – С. 135.

²⁰ Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. – М.: Вита-Пресс, 2005. – С. 34.

²¹ Рабкина Н.А. Отчизны внемлем призыванье... – М.: Советская Россия, 1976. – С. 131, 136.

²² Пущин И.И. Записки о Пушкине. – М.: Детская литература, 1975. – 64 с., Лобикова Н.М. «Тесный круг друзей моих»: Пушкин и декабристы. – М.: Просвещение, 1980. – 127 с.

²³ Зубарев Н.В. Иван Иванович Пущин. – Тюмень: Тюменская правда, 1975.

ского полка не только участвовал, но и был начальником штаба восстания в Петербурге. Его приговорили к смертной казни, замененной потом вечной каторгой. С 1826 года он отбывал наказание на Нерчинских рудниках, с 1830 – в петрозаводской тюрьме. Здесь Оболенский один из активных деятелей «Большой артели», соавтор ее устава. С 1839 находился на поселении в Иркутской и Тобольской губерниях.

В Ялуторовске Евгений Петрович был ближайшим помощником И.Д. Якушкина в просветительской деятельности. Он обучал детей в народной школе, участвовал в открытии и работе первого в Сибири женского училища, позднее стал инспектором школ, созданных декабристами. Вместе с И.И. Пуциным оказывал юридическую помощь обездоленной и униженной бедноте. Вот что отмечено в воспоминаниях современников: «Оба эти декабриста отличались большой общительностью и доступностью для народа, помогали обращающимся к ним деньгами и советом, и юридическими знаниями... За это и Пуцин, и Оболенский пользовались уважением и любовью местного населения».

Получив в Ялуторовске земельный надел, Оболенский с увлечением занимался сельским хозяйством. После амнистии в 1856 г. он вместе с декабристом П.Н. Свистуновым поселился в Калужской губернии. Принимал участие в подготовке и проведении крестьянской реформы 1861 г., отменившей крепостное право. Е.П. Оболенский (1796-1865) похоронен в Калуге²⁴.

Поручик егерского полка 2-й армии Николай Васильевич Басаргин после окончания «Школы колонновожатых» – специального военного учебного заведения, в 1819 году остался в ней преподавателем. Затем его перевели на Украину, где вступил в Южное общество декабристов. Хотя в момент восстания Басаргин был в отъезде и участия не принимал, в Петербурге он был арестован. Царский суд приговорил его к 20 годам каторжных работ, позже срок сократили до десяти лет. Период каторги отбывал в Чите и Петровском Заводе. Он один из главных создателей «Большой артели», участвовал в разработке ее устава.

После каторги был направлен в 1836 году на поселение в Тобольскую губернию – в небольшой заштатный городок Туринск, в 1842 г. – в Курган. Имея фельдшерские познания, Николай Васильевич занимался лечением больных. В 1845 г. он много сделал для поправки здоровья приехавшего в Курган тяжело больного В.К. Кюхельбекера. Через местную администрацию добился направления ссыльного поэта-декабриста к квалифицированным врачам в Тобольск. Стремясь к активной деятельности, Басаргин получил разрешение поступить на государственную службу. Здесь он столкнулся с царящей в городе коррупцией и произволом представителей власти. В 1846 г. он поехал в Омск к князю (генерал-губернатору) объяснить по этому поводу. После встречи с ним Басаргина оставили для службы в Омске.

В 1848 г. последовал очередной перевод – в Ялуторовск. Здесь он получил место в земском суде. В тот период Николай Васильевич познакомился с семьей Менделеевых и женился на Ольге Ивановне – родной сестре великого ученого-химика. С тех пор семьи Басаргиных и Менделеевых связывали не только близкая дружба, но и родственные отношения. Николай Васильевич занимался педагогической и исследовательской деятельностью, публицистикой. Написал мемуары («Записки», «Воспоминания») о жизни и деятельности декабристов в условиях сибирской ссылки. Многие страницы в них посвящены кооперации. Подготовил несколько статей по вопросам развития экономики Сибири, края, по его мнению, огромных богатств и возможностей.

Весной 1857 г. семья Басаргиных покинула Ялуторовск. Побывав на родине во Владимирской губернии, он поселился в Москве, где и умер. Н.В. Басаргин (1799-1861) похоронен на Пятницком кладбище в Москве. Такова судьба трех декабристов – офицеров, стоявших у истоков отечественной кооперации, в период их ялуторовской ссылки. Декабристы оставили там о себе лучшую память. Недаром Басаргина и его друзей по последней ссылке местные жители метко называли «цветами, красившими Ялуторовск»²⁵.

Сибирские каторга, тюрьмы и ссылки из 121 осужденных уничтожили большинство. К 1856 г. – к окончанию пребывания на каторге и в ссылке – дожили только 42 декабриста. Из них 19 были поселенцы Сибири, 7 находились там же на жительство, 6 – служив-

²⁴ Ретунский В.Ф. Евгений Петрович Оболенский. – Тюмень: Тюменская правда, 1975.

²⁵ Там же..

ших в Сибири, 7 – возвратились с Кавказа из действующей армии. Остальные были «прощены» раньше²⁶.

У оставшихся в живых декабристов было сильно подорвано здоровье, но суровые условия каторги закалили их волю и душу. Они выжили только за счет кооперативной взаимовыручки и глубокой православной веры. По приказу царского правительства Синод отлучил бунтовщиков от церкви, но декабристы оставались верующими. Среди них были несколько атеистов и склонных к католической вере, но большинство оставались православными. С приехавшими к ним на каторгу невестами они венчались в церкви, постоянно молились, как могли соблюдали православные обряды. Это помогло им духовно не сломиться. Наиболее религиозными из декабристов были князь – генерал-майор С.Г. Волконский (1788-1865), полковник С.П. Трубецкой (1790-1860), поручик Е.П. Оболенский (1796-1865), а также подполковник Г.С. Батеньков (1793-1863), поручик П.С. Бобринцев-Пушкин (1802-1865) и многие другие.

Жизнь на поселении уменьшила число декабристов. К окончательному году амнистии их осталось еще меньше. Вернувшись на родину, они встретили холодное отношение общества и отчасти родных, многие вскорости ушли из жизни. Лишь немногие из декабристов дожили до глубокой старости. Подполковник М.И. Муравьев-Апостол (1793-1886) отметил свое 93-х летие и даже присутствовал на коронации Александра III. Корнет П.Н. Свистунов (1803-89) тоже прожил долго – 86 лет, и ушел последним из них. Большинство декабристов – активных участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов – умерли в безывестности, и многие их могилы утеряны навсегда.

Несколько слов о «сибиряках». Подпоручик И.И. Горбачевский (1800-69) и майор В.Ф. Раевский (1795-1872) не воспользовались сомнительной амнистией, остались в Сибири, которую полюбили, и умерли там. Первый декабрист, друг Пушкина по Кишиневу, уроженец белгородской земли В.Ф. Раевский писал в первой половине XIX века: «Я воображал себе Сибирь холодной, мрачной, страшной, заселенной простодушным и бедным народом, и вдруг увидел огромные слободы, где не было ни одной соломенной крыши, а народ разгульный и бойкий...». Раевский после ссылки вернулся на родину, где не смог долго жить, и уехал назад в Сибирь. В общей сложности там он прожил 44 года, там и похоронен.

В заключении остановлюсь на родовых корнях штабс-капитана П.А. Муханова (1800-54) – соавтора обоих кооперативных уставов. Мухановы – старинный русский дворянский род, который восходит к XVI веку. Мухановы имели обширные владения в Курской, Могилевской и других губерниях. Белгородская ветвь Мухановых владела имениями на территории нынешних Белгородского и Шебекинского районов. Есть предположение, что П.А. Муханов бывал у родственников на Белгородчине.

Мухановы основали Веселолопанский винокурный завод, были предводителями уездного дворянства. Потомком белгородской ветви Мухановых был академик А.Д. Сахаров, родовые корни которого из Белгорода. Его бабушка по матери – Зинаида Евграфовна Муханова, была сестрой последнего белгородского предводителя – Г.Е. Муханова²⁷.

История революционный подвиг военных офицеров оценила по-разному. Крестьяне и солдаты, которых декабристы хотели освободить от крепостного права, почитали их великомученниками за народ. Общество и родственники называли государственными преступниками, церковь предала анафеме. В советское время декабристов считали неудавшимися героями-одиночками, а устав «Большой артели» – капиталистическим бредом.

Для обычных граждан России они на все времена остались национальными героями, пожертвовавшими собой и своим благополучием ради Родины и простого народа. Для нас важен также их невольный подвиг, зависящий от роковых обстоятельств – основание первых в России кооперативов. Кооперативные традиции, заложенные русскими офицерами старой гвардии, сохранились в среде военных до настоящего времени. Обы-

²⁶ Рабкина Н.А. Отчизны внеземлем призыванье... – М.: Советская Россия, 1976. – С. 11.

²⁷ Невлев В.В. Зарождение правовых основ потребительской кооперации в кооперативных объединениях декабристов // Потребительская кооперация Республики Беларусь накануне XIV съезда: сборник науч. работ участ. межвуз. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 1999 г.) – Гомель: Гомел. кооп. инст., 1999. – Ч.1. – С. 12.

чай «складчина» среди курсантов военных училищ и офицеров – не только гвардейских частей, существует и поныне.

Список литературы

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. – 1887 с.
2. Готовцева Анастасия. Российско-американская компания и декабристы: к истории конспиративной деятельности К.Ф. Рыльева / Монография. – Saarbrücken (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 64 с.
3. Днепровский С.П. Кооператоры. 1898-1968. – М.: Экономика, 1968. – 383 с.
4. Завалишин Д.И. Записки декабриста. – СПб., 1906.
5. Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Революционная мораль декабристов (к 160-летию восстания 14 декабря 1825 года). – Л.: Знание, 1985. – 32 с.
6. Зубарев Н.В. Иван Иванович Пущин. – Тюмень: Тюменская правда, 1975.
7. Кооперация: история и современность // Материалы междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 2011 г. – Новосибирск: СУПК, 2011. – 336 с.
8. Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. – Чита: Изд-во ЗИП СУПК, 1998. – 235 с.
9. Лобикова Н.М. «Тесный круг друзей моих»: Пушкин и декабристы. – М.: Просвещение, 1980. – 127 с.
10. Невлев В.В. Зарождение правовых основ потребительской кооперации в кооперативных объединениях декабристов // Потребительская кооперация Республики Беларусь накануне XIV съезда: сборник науч. работ участ. межвуз. науч.-практ. конф. (7-8 апреля 1999 г.) – Гомель: Гомел. кооп. инст., 1999. – Ч.1. – С. 8-12.
11. Невлев В.В. Эволюция кредитной потребительской кооперации в России: теоретико-правовое исследование / Монография. – Белгород: Изд-во БУКЭП, 2012. – 190 с.
12. Нечкина М.В. Декабристы. – М.: Наука, 1983. – 184 стр.
13. Пасецкий В.М. Географические исследования декабристов. – М.: Наука, 1977. – 184 с.
14. Пущин И.И. Записки о Пушкине. – М.: Детская литература, 1975. – 64 с.
15. Рабкина Н.А. Отчизны внемлем призыванье... – М.: Советская Россия, 1976. – 256 с.
16. Ретунский В.Ф. Евгений Петрович Оболенский. – Тюмень: Тюменская правда, 1975.
17. Ретунский В.Ф. Николай Васильевич Басаргин. – Тюмень: Тюменская правда, 1975.
18. Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. – М.: Мысль, 1982. – 206 с.
19. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. – М.: Вита-Пресс, 2005. – 160 с.
20. Фатеев Валерий. Здравствуй, Любинский! – Омск: ИПК «Омич», 1997. – 232 с.

PARTICIPATION OF RUSSIAN OFFICERS IN FORMATION OF THE SOCIO-LEGAL BASIS OF NATIVE COOPERATION

V.V. NEVLEV

*Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law*

e-mail: kaf-srp@bukep.ru

The paper studies problems of participation of Russian military men in initiation and development of the social and legal basis of native cooperation. Examining a great variety of sources for reconstructing historical and legal retrospective, the author aims at objective assessment of Russian officers' contribution to history and theory of the cooperative movement.

Key words: English pre-cooperatives, Decembrists, Russian military men, overseas trips, officers of the Guards, consumer society, statute, cooperative legal position.

УДК 340.113

«ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»: ВОЛЕВОЙ ФАКТОР**Е.В. РЕЗНИКОВ***Волжский институт
экономики, педагогики и права**e-mail: evreznikoff@yandex.ru*

В данной статье анализируется волевой аспект, такой дефиниции, как «правовая идентичность», являющейся относительно новым понятием, выработанным наукой теории государства и права. Автором показаны основные аспекты интеграционного взаимодействия психологического и правового направлений при исследовании данной категории.

Ключевые слова: идентичность, правовая идентичность, правовое сознание, воля.

К числу таких явлений, имеющих непосредственное отношение к проблеме идентичности, относится, в частности, *воля*. Как и сознание, воля представляет собой объект исследования психологии. Воля с психологических позиций рассматривается как произвольная мотивация, или как особая психическая способность личности, позволяющая освобождаться от власти потребностей; как механизм, при помощи которого личность регулирует свои психические функции¹. Так, согласно определению В.К. Калина, волевая регуляция – это «сознательное, опосредованное целями и мотивами предметной деятельности создание состояния оптимальной мобилизованности, оптимального режима активности и концентрирование этой активности в нужном направлении, т. е. выбор и реализация субъектом деятельности наилучшего способа (формы) преобразования исходной актуальной функциональной организации психики в необходимую, адекватную целям и условиям деятельности, позволяющую достичь наибольшей ее эффективности»². Еще одна линия в исследовании феномена воли связана с тем, что воля понимается как способность к преодолению сопротивления, или даже как потребность в преодолении препятствий.

Резюмируя имеющиеся позиции, Е.П. Ильин приходит к выводу, что воля есть не что иное, как «самоуправление своим поведением с помощью сознания, которое предполагает самостоятельность человека не только в принятии решения (пресловутая «свобода воли»!), но и в инициации действий, их осуществлении и контроле»³.

Что касается юридической науки, то она использует понятие воли, в частности, для раскрытия механизма формирования права (несомненно, под влиянием концепций «общей воли» Ж.Ж. Руссо и «воли господствующего класса» К. Маркса и Ф. Энгельса). В советской теории права, в частности, право определялось как воля господствующего класса, выраженная государством в нормативной форме. Применительно к правовым отношениям воля часто отождествлялась с усмотрением субъектов⁴. В любом случае, юридическое значение придавалось лишь такой воле, которая получила то или иное внешнее выражение, притом обладающее юридической значимостью.

Таким образом, если для представителей психологической науки воля – это прежде всего внутренний механизм детерминации человеческого поведения, то юридическая наука склонна принимать во внимание исключительно внешние проявления воли и, как следствие, не проводит принципиального различия между волей, лежащей в основе принятого человеком решения, и самим этим решением. Даже в том случае, когда выяснение воли субъекта имеет самостоятельное юридическое значение (например, в сфере договорных отношений), способ мобилизации индивида к вступлению в обязательство не проверяется, а устанавливается, по существу, лишь соответствие заключен-

¹ См. подробнее: Ильин Е.П. Психология воли. – СПб, 2009. – С. 29-39.

² Калин В.К. На путях построения теории воли // Психологический журнал. 1989. №2. – С. 52.

³ Ильин Е.П. Указ. соч. – С. 59.

⁴ См.: Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе, 1983. – С. 116.

ного соглашения его намерениям. Таких аспектов проблемы воли, как самоконтроль или способность к преодолению препятствий, для юридической науки просто не существует.

Наконец, различным является видение и самого носителя правовой идентичности. Так, в психологии наиболее емким обозначением субъекта сознания и поведения выступает понятие «личность». При этом принципиально то, что личность не отождествляется с индивидом. Конечно, личность может пониматься и в самом широком смысле – как совокупность всех психических свойств человека, отличающих его от других. Однако такое представление будет лишь предварительным и далеко не точным. В различных трактовках этого понятия центральными качествами личности считаются: чувство общности, связанное с необходимостью занять место в обществе; освоение культурных норм; внутренняя целостность различных видов деятельности индивида. Так или иначе, личность – это субъект культуры, способный к осознанному выбору, к осознанию и разумному преобразованию собственного опыта⁵.

В юридической науке, особенно в советской теории права, понятие личности также использовалось применительно к субъекту правового поведения. Так, в классической монографии Н.И. Матузова «Правовая система и личность» даются следующие характеристики личности: она выступает «одновременно в разных качествах – субъекта права и правоотношений, носителя прав и обязанностей, свободы и ответственности, правоспособности, гражданства и т.д. Она – участник общественных отношений, разнообразной социальной деятельности, обладает сознанием, волей, интеллектом, ставит определенные цели, добивается их осуществления, синтезирует и реализует массу интересов – личных, общественных, коллективных»⁶.

Здесь налицо определенное сходство с психологической трактовкой личности как «субъекта культуры». Личность описывается через многообразие своих социальных ролей и функций, причем лишь тех, которые получают юридическую формализацию (права, обязанности, ответственность, гражданство и др.). В этой связи указание, например, на такое свойство личности, как интеллект, выглядит несколько излишним, поскольку сам по себе интеллект юридического значения не имеет, за исключением разве что узкой сферы юридической практики, связанной с установлением вменяемости или дееспособности.

В этой связи выглядит вполне логичным то, что в постсоветской юридической науке понятие личности утрачивает остатки «психологизма» и употребляется значительно реже, чем до этого. Так, Е.И. Бурьянова в своем специальном исследовании окончательно редуцирует понятие личности к объему правосубъектности индивида: «в сфере права человек – это правоспособный индивид; личность – дееспособный человек»⁷.

Иначе говоря, с точки зрения психологии и юриспруденции общим в понимании личности является то, что этот термин именуют такой уровень индивидуального развития, который характеризуется определенным сочетанием внутренних свойств психики и внешних поведенческих проявлений. Так, способность к преобразованию собственного опыта как отличительная черта личности, видимо, предполагает не только наличие потенциальной возможности к изменениям, но и ее практическую реализацию в деятельности субъекта, в противном случае «способность к преобразованию» просто не может быть выявлена. Однако, если психология стремится найти баланс между внешними и внутренними качествами личности, то юридическая наука объективно тяготеет к тому, чтобы отдавать приоритет внешним критериям, в первую очередь всевозможным формам личностной активности в сфере правовых отношений.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Психология воли. СПб, 2009.

⁵ См.: Петухов В.В. Понятие личности. Функциональное различие природы и культуры//Общая психология. Тексты. Т.1. Введение. М., 2001. – С. 274-278.

⁶ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. – С. 60.

⁷ Бурьянова Е.И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. – С. 12.

2. Калинин В.К. На путях построения теории воли//Психологический журнал. 1989. №2.
3. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе, 1983.
4. Петухов В.В. Понятие личности. Функциональное различие природы и культуры//Общая психология. Тексты. Т.1. Введение. М., 2001.
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
6. Бурьянова Е.И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

"LEGAL IDENTITY": VOLITIONAL FACTOR

E.V. REZNIKOV

*Volga Institute of Economics,
pedagogy and law*

e-mail: evreznikoff@yandex.ru

This article examines the volitional aspect of this definition as a «legal identity», which is a relatively new concept, worked out by science theory of law. The author shows the main aspects of the integration of interaction of psychological and legal trends in the study of the category.

Key words: identity, legal identity, legal consciousness, the will.

УДК 340.155

К ПРОБЛЕМЕ МЕСТА И РОЛИ СИСТЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА

В.В. РОССИХИН

*Национальный университет
«Юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого»*

e-mail: rossikhin@rambler.ru

В статье анализируются различные аспекты места и роли учреждений системы исполнения наказаний в механизме государства. На основе использования философских и теоретико-правовых методов, методов анализа и синтеза рассмотрена сущность понятий «механизм» и «аппарат государства». Автор представляет систему исполнения наказаний в неразрывной связи с аппаратом публичной власти. В работе устанавливаются функции системы исполнения наказаний в контексте реализации государственного управления, проанализировано законодательное закрепление системы исполнения наказаний как системы органов государственной власти в сфере реализации пенитенциарной политики и правоохранительной функции государства.

Ключевые слова: власть, наказание, государство, государственный аппарат, механизм государства, исправление, правоохранительная функция.

Сегодня во всех развитых странах мира, в том числе и в Украине, система исполнения наказаний является особенно важным властным институтом для обеспечения стабильности жизни социума. В сложной системе государственных органов учреждения исполнения наказаний выполняют значительную функциональную нагрузку в русле реализации приоритетных задач государственной внутренней политики в секторе охраны правопорядка, обеспечения законности и противодействия преступности. В связи с этим представляется целесообразным исследовать место и роль системы исполнения наказаний в механизме государства.

Следует заметить, что место и роль системы исполнения наказаний в механизме государства определяется при условии одновременного анализа этих вопросов, ведь роль определяет место, а место подчеркивает роль. Обобщенно, понятие «место» означает пространство, занятое чем-нибудь, на котором что-то происходит, положение, которое занимает что-нибудь среди чего-либо¹. Соответственно, формулировка «место системы исполнения наказаний в механизме государства» предполагает выяснение порядка подчинения, которое занимает система соответствующих институтов среди многозвенной иерархии составляющих государственного механизма как основной властной институции правовой системы любого государства.

Касаюсь проблемы места и роли системы исполнения наказаний в механизме государства, необходимо решить несколько задач. Во-первых, что такое механизм государства как система властных институтов вообще и какую он имеет структуру, во-вторых, что представляет собой система исполнения наказаний – государственные органы, которые являются элементом структуры механизма государства, или образования, которые существуют в государстве как относительно самостоятельный государственный институт; как система исполнения наказаний соотносится с другими элементами государственного механизма. Решение этих трех задач позволит определить место института исполнения наказаний в государственном механизме и сделать соответствующий вывод в контексте данного исследования. Кроме того, установив, какую цель и задачи ставит государство перед системой исполнения наказаний, ее функции и приемы, методы и средства, используемые для их достижения, мы обозначим роль и сущность пенитенциарных учреждений в функционировании механизма государства (учитывая общемировую практику функционирования таких учреждений).

Сущностное восприятие понятия «механизм государства» возможно при условии выяснения общего назначения данной институции в государстве и определение его структуры. Проблема понимания понятия «механизм государства» обусловлена тем, что структура меха-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 23 — е изд. испр., — М.: Русский язык, 1991, — С. 350.

низма современного государства XXI века отличается высокой степенью сложности, многообразием органов и учреждений, входящих в его состав. Соответственно, раскрывая содержание термина «механизм государства» целесообразно отметить, что в современных источниках научной информации встречается значительное количество его дефиниций. Объясняется это наличием многих возможных научных аспектов понимания данной категории и широким ее применением в теоретико-правовом понятийно-категориальном пространстве. Обзор точек зрения ученых-юристов по поводу определения понятия «механизм государства» доказывает факт существования достаточно широкой сферы научных подходов к определению содержания этой базовой категории юридической науки.

Общей чертой, которая прослеживается в научных разработках по данному вопросу, является то, что механизм государства в большинстве случаев рассматривается через призму осуществления государством функций по управлению обществом. Например, М.В. Цвик определяет механизм государства как совокупность государственных органов, учреждений, предприятий и других государственных институтов, посредством которых практически осуществляются задачи и функции государства². Согласно точке зрения О.Ф. Скакун, механизм государства представляет собой целостную иерархическую систему государственных органов, осуществляющих государственную власть, а также учреждений, предприятий, организаций, посредством которых выполняются задачи и функции государства³. По мнению В.В. Копейчикова, механизм государства представляет собой систему всех государственных организаций, участвующих в осуществлении задач и функций государства⁴. О.В. Зайчук рассматривает механизм государства как систему нормативно-определенных, взаимодействующих органов и организаций государства, созданных для реализации его задач и функций и наделенных специальными полномочиями в соответствующей сфере деятельности⁵.

Наряду с этим, вторым важным элементом структуры механизма государства являются государственные предприятия, учреждения и организации, которые проводят производственную и непроизводственную деятельность, направленную на обеспечение надлежащего функционирования аппарата государства. Некоторые ученые выделяют как составную часть механизма государства еще один элемент – организационные и финансовые средства. В.Ф. Погорилко относит в состав механизма государства также гражданство, территориальное устройство, государственные символы⁶.

Приведенный обзор различных подходов к определению понятия механизма государства указывает на то, что в настоящее время общепринятого определения понятия «механизм государства» в юридической науке не существует, но, вместе с тем, данная дефиниция имеет самостоятельное значение в понятийном аппарате теории государства и права. Мы будем придерживаться позиции, согласно которой механизм государства представляет собой сложное иерархическое образование, состоящее из взаимодействующих органов государственной власти и вспомогательных предприятий, учреждений и организаций, которые выполняют государственные функции.

Следует указать, что некоторые ученые отождествляют понятия «аппарат государства» с понятием «механизм государства», а некоторые – различают содержание этих понятий. Предметное исследование определенного властного элемента в структуре государственного механизма предполагает условное разграничение всех его составляющих на властные элементы и элементы, не имеющие властных полномочий. Властные составляющие (органы государственной власти с определенной компетенцией) в юридической науке условно объединяются в отдельную институциональную группу – аппарат государства.

² Загальна теорія держави і права / [Л.Л. Богачова, О.В. Петришин, В.Д. Ткаченко ін.]; за ред. М.В. Цвіка. — Харьков: Право, 2002. — С. 589.

³ Скакун О.Ф. Теория государства и права / О.Ф. Скакун.— Х.: «Консум», 2000. — С. 94.

⁴ Правознавство: навчальний посібник / [Колодій А.М., Опришко І.В., Демський С.Е та ін.]; за ред. В.В. Копейчикова. — [3-є вид.]. — К.: Юрінком Інтер, 2000. — С. 30.

⁵ Теорія держави та права. Академічний курс / [Оніщенко Н.М., Заєць А.П., Журавський В.С., та ін.]; під ред. О.В. Зайчука. — К.: Юрінком Інтер, 2006. — С. 146.

⁶ Конституційне право України: підручник / [О.Ф. Фрицький, О.В. Городецький, Н.Г. Шукліна та ін.]; за ред. В.Ф. Погорілка. — К.: Наукова думка, 2000. — С. 153.

В подтверждение этого можно привести точку зрения таких ученых как С.С. Алексеев⁷ и В.С. Нерсесянц⁸, рассматривающих данные термины как синонимы и отмечающих целесообразность применения только термина «аппарат государства». В.В. Лазарев, С.В. Липень, констатируя существующую в науке дискуссию по данному вопросу, придерживаются схожей точки зрения, согласно которой указанные выше термины удобнее отождествить и свести к одному – «аппарат государства»⁹. Другой подход сводится к различению данных понятий и выделение аппарата государства как отдельного и главного функционального элемента механизма государства. В подтверждение этого В.В. Копейчиков указывает на то, что аппарат государства является ключевым элементом в системе государственного механизма, который занимает в нем главное место и его следует рассматривать отдельно от механизма государства. Главная общая функция аппарата государства состоит в осуществлении государственной власти и управления в обществе. Подобной точки зрения придерживаются также О.Ф. Скакун¹⁰, М.В. Цвик¹¹, В.М. Зинченко¹², которые считают, что аппарат государства является узким по объему понятием по сравнению с механизмом государства, и при рассмотрении данных категорий аппарат государства требует выделения, как один из главных структурных компонентов механизма государства. Сказанное выше, указывает на существующий дуализм мнений как украинских, так и зарубежных научных школ по этому вопросу.

Соглашаясь с точкой зрения таких отечественных ученых-юристов как М.В. Цвик, О.Ф. Скакун, В.В. Копейчиков, которые подчеркивают, что отождествлять понятия «аппарат государства» и «механизм государства» не следует, мы будем считать их самостоятельными категориями. Государственный аппарат является «сердцевиной» механизма государства, системообразующим элементом. В пользу этого говорит то обстоятельство, что аппарат государства структурно состоит только из государственных органов, которые наделены властью и не включают в себя вспомогательные учреждения – предприятия, учреждения, организации. Основным назначением государственного аппарата является определение приоритетных направлений внутренней и внешней политики и практическая деятельность по реализации этих направлений. Соответственно, определение места и роли системы исполнения наказаний в функционировании механизма государства будет происходить с учетом того, что аппарат государства рассматривается нами как главная составная часть государственного механизма, которая формируется из органов государственной власти, благодаря функционированию которых осуществляется управление обществом в различных сферах его жизнедеятельности. К ним относится и система исполнения наказаний.

Говоря о роли системы исполнения наказаний, то в большинстве толковых словарей термин «роль» определяется как род, характер и степень определенного участия чего-то в чем-либо. В.Т. Бусел толкует «роль» как работу, проявление себя в чем-либо; положение, состояние, обусловленное определенными обстоятельствами. «Играть роль» означает оказывать влияние на что-то¹³. Определение роли системы органов исполнения наказаний в функционировании механизма государства предполагает выяснение ключевых направлений его деятельности, которые формируются, исходя из социальной необходимости и реализуются в рамках выполнения функций для достижения определенной задачи.

Установление роли пенитенциарной системы в государственном механизме должно происходить с учетом принципа разделения властей. На сегодня в условиях становления демократического правового государства в любой стране мира, одним из основополагающих принципов организации и деятельности государственного аппарата, наряду с другими принципами, является воплощение принципа разделения власти на три ветви – законодательную,

⁷ Алексеев С.С. Общая теория права: учебник / Алексеев С.С. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — С. 37.

⁸ Проблемы общей теории государства и права / [Варламова Н.В., Лазарев В.В., Мальцев Г.В. и др.]; Под ред. В.С. Нерсесянца. — М.: Норма – инфра, 2002, — С. 566.

⁹ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебн. [для студ. высш. учеб. зав.] / В.В. Лазарев, С.В. Липень. — М.: Спарк, 2004. — С. 83

¹⁰ Скакун О.Ф. Теория государства и права / О.Ф. Скакун. — Х.: «Консум», 2000. — С. 96.

¹¹ Загальна теорія держави і права / [Л.Л. Богачова, О.В. Петришин, В.Д. Ткаченко ін.]; за ред. М.В. Цвіка. — Харків: Право, 2002. — С. 115.

¹² Зінченко В.М. Механізм держави та правоохоронні органи / В.М. Зінченко // Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. — 2005.— № 27. — С. 121.

¹³ Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. Бусел В.Т.]. — К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002, — С. 1085.

исполнительную, судебную. Как пишет И.А. Горшенева, «структура построения государственного механизма классифицируется в соответствии с общепризнанной теорией разделения властей»¹⁴. Определяя место системы исполнения наказаний в функционировании государственного механизма, данный принцип необходимо, по нашему мнению, считать исходным.

В структуре государственного аппарата подсистемой органов исполнительной власти аппарата государства руководит правительство, которое одновременно осуществляет верховное политическое руководство и общее управление делами всего государства¹⁵. Правовое положение правительства закрепляется прежде всего в Конституциях государств и специальном законодательстве. Правительство согласовывает, координирует и осуществляет общее руководство всеми государственными органами, в том числе и системой органов исполнения наказаний. Это обуславливает то, что в состав правительства государств мира входит отдельный центральный орган исполнительной власти, осуществляющий государственное управление в области исполнения наказаний и которому подчиняется пенитенциарная структура государства. В разных странах институты исполнения наказаний находятся в подчинении различных органов исполнительной власти, что обязательно закрепляется в нормативно-правовом порядке. Соответственно, место пенитенциарной системы в структуре государственного механизма определяется принадлежностью к одной из ветвей власти, входящих в известную триаду. В большинстве государств Европы и мира органы исполнения наказаний относятся к подсистеме органов исполнительной власти, возглавляемых Министерством юстиции. Такое же подчинение имеет система исполнения наказаний и в большинстве постсоветских государств.

В Украине с момента провозглашения государственной независимости и до 1998 г. функции системы исполнения наказаний были возложены на подразделения Министерства внутренних дел как центрального органа исполнительной власти, который выполняет функции по противодействию преступности и поддержанию правопорядка в государстве. В составе МВД функционировало отдельное управление – Главное управление исполнения наказаний. За первые годы государственной независимости система исполнения наказаний претерпела многочисленные изменения. В частности, было увеличено количество следственных изоляторов и исправительных колоний, открылись новые колонии-поселения, проведены процедуры адаптации положений Закона Украины «О предприятиях в Украине» к предприятиям учреждений по исполнению наказаний и лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Украины и т.п.

Следующим важным этапом развития отечественной системы исполнения наказаний стало учреждение Указом Президента Украины от 22 апреля 1998 г. № 344/98 Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний как отдельного центрального органа исполнительной власти¹⁶. С этого времени отечественная система исполнения наказаний начинает входить в современную фазу эволюции. Упомянутым Указом был определен ряд мероприятий по реформированию и обеспечения деятельности системы исполнения наказаний¹⁷. Позже,

31 июля 1998 г. Указом № 827/98 было утверждено Положение о Государственном департаменте по вопросам исполнения наказаний, а в марте 1999 г. структура была выведена из подчинения МВД¹⁸. Отметим, что подобный путь избрало большинство постсоветских государств (Азербайджан, Латвия, Литва, Молдова, Российская Федерация, Эстония) и лишь в некоторых странах система исполнения наказаний осталась в составе МВД (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан).

10 июня 2009 г. Постановлением Кабинета Министров Украины № 587 было утверждено обновленное Положение о Государственном департаменте Украины по вопросам исполнения

¹⁴ Горшенева И.А. Полиция в механизме современного демократического государства: учеб. пособие / Горшенева И.А. – М.: Юнити – Дана, 2004. – С. 19.

¹⁵ Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / [Гуреева Н.П., Даниленко В.Н., Павлов Е.Я. и др.]; под ред. М.В. Баглая. – М.: «Норма-Инфра М», 2001. – С. 266.

¹⁶ Указ Президента Украины «Про утворення державного Департаменту України з питань виконання покарань» від 22.04.1998 р. № 344/98 // Офіційний вісник України. – 1998. – № 16. – Ст. 589.

¹⁷ Головні історичні події розвитку пенітенціарної служби України // Офіційне Інтернет – представництво Державної пенітенціарної служби України // Електронний ресурс. Режим доступу: <http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/uk/publish/article/626509>

¹⁸ Указ Президента Украины «Про Положення про Державний департамент з питань виконання покарань» від 31.07.1998 р. № 827/98 // Офіційний вісник України. – 1998. – № 31. – с. 3.

наказаний¹⁹. Положением было установлено, что Государственный департамент Украины по вопросам исполнения наказаний является центральным органом исполнительной власти, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через Министра юстиции. Документом определялось, что основная функция Департамента в механизме Украинского государства заключается в реализации государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, выполнение правоприменительных и правоохранительных функций, направлении, координации и контроле за деятельностью Государственной уголовно-исполнительной службы Украины. Общее руководство Департаментом осуществлял Министр юстиции, который утверждал штатное расписание, смету и структуру Департамента.

В 2010 г. в связи с реорганизации системы центральных органов исполнительной власти Государственный департамент по вопросам исполнения наказаний был реорганизован в Государственную пенитенциарную службу Украины. В соответствии с Указом Президента Украины «Об оптимизации системы центральных органов исполнительной власти» от 09.12.2010 г. № 1085/2010 от 2010 г. функции по координации деятельности Государственной пенитенциарной службы возлагаются на Кабинет Министров Украины и непосредственно осуществляются через Министра юстиции Украины. Упомянутая структура имеет статус центрального органа исполнительной власти и функционирует в соответствии с Указом Президента Украины «Об утверждении Положения о Государственной пенитенциарной службе Украины» от 06.04.2011 г. № 394/2011²⁰. Пенитенциарную службу возглавляет председатель, которого назначает на должность Президент по представлению Премьер-министра Украины, внесенному на основании предложений Министра юстиции Украины, и освобождает от должности глава государства. Соответственно, порядок подчинения и функциональное назначение Государственной пенитенциарной службы указывает на то, что в структуре механизма государства система исполнения наказаний в Украине принадлежит к системе органов исполнительной власти и выполняет функцию воплощения в жизнь наказаний, назначаемых судом от имени государства за совершение преступных деяний.

В 2012 г. в связи с принятием нового Уголовного процессуального кодекса Постановлением Кабинета Министров, которое регламентировало правовой статус Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний № 587 от 10.06.2009 г. утратило силу на основании Постановления Кабинета Министров Украины «О внесении изменений и признании утратившими силу некоторых постановлений Кабинета Министров Украины в связи с принятием Уголовно-процессуального кодекса Украины» от 19.09.2012 г. № 868²¹.

Итак, в Украине, исходя из положений актов нормативно-правового обеспечения правового статуса системы исполнения наказаний, данная структура является неотъемлемой составной частью государственного аппарата. Основное ее назначение – практическое воплощение назначенного лицу наказания за совершение противоправного деяния с целью поддержания надлежащего уровня законности и правопорядка. При этом, характеризуя систему исполнения наказаний как подструктуру системы государственной исполнительной власти, что является частью аппарата государства, следует отметить несколько особенностей, присущих учреждениям исполнения наказаний:

- 1) по способу организации система исполнения наказаний является системой органов, руководители которых назначаются в императивном порядке;
- 2) по времени функционирования система исполнения наказаний является постоянно действующим элементом государственного аппарата;
- 3) по территории действия объекты системы исполнения наказаний функционирует на всей территории государства;
- 4) по характеру компетенции система исполнения наказаний является органом специальной компетенции;

¹⁹ Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження Положення про Державний департамент України з питань виконання покарань» від 10.06.2009 р. № 587 // Офіційний вісник України. — 2009. — № 44. — Ст. 1475.

²⁰ Указ Президента України «Про затвердження Положення про Державну пенітенціарну службу України» від 06.04.2011 р. № 394/2011 // Офіційний вісник України. — 2011. — № 28. — Ст. 1161.

²¹ Постанова Кабінету Міністрів України «Про внесення змін та визнання такими, що втратили чинність, деяких постанов Кабінету Міністрів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України» від 19.09.2012 р. № 868 // Офіційний вісник України. — 2012. — № 71. — Ст. 2870.

5) по порядку осуществления компетенции система исполнения наказаний действует как единый орган;

6) в своей деятельности учреждения исполнения наказаний используют властное принуждение.

Кроме указанного, характеристика системы исполнения наказаний предполагает выяснение его функционального назначения в контексте реализаций функций государства. Таким образом, мы выясним функциональную нагрузку системы исполнения наказаний в государстве.

Следует отметить, что функция является категорией системного подхода, который применяется для характеристики любых систем для того, чтобы дать эталон деятельности системы, дать описание той деятельности, осуществление которой требует система для достижения ее цели. Функция, как отмечает А.А. Чесноков, представляет собой образец деятельности системы²². Именно поэтому функцию следует отличать от целей и задач, стоящих перед самой системой. «Цель» – это предполагаемая цель, желаемое состояние будущих событий, предмет устремлений, то, что следует осуществить. В этой связи цель государства – это будущая реальность, реальность удаленная и конечный результат реализации функций и осуществления задач.

Понятие «функция» понимается как работа, которая проводится определенным органом в рамках круга его деятельности²³. Определяя функции государства, М.С. Кельман отмечает, что в юридической литературе нет единства мнений относительно категории «функции государства»²⁴. Это обусловлено тем, что содержание функций существенно изменяется на отдельных этапах развития государства, что подтверждается их своеобразием в период экономико-социальных изменений и других преобразований, которые постоянно происходят в различных сферах по мере развития того или иного государства. По поводу этого, например, В.В. Лазарев и С.В. Липень отмечают: «в философской и юридической литературе сейчас можно насчитать до двух десятков определений функций государства»²⁵. П.М. Рабинович определяет функции государства как основные направления деятельности государства, которые раскрывают ее социальную сущность и назначение в обществе²⁶. О.В. Зайчук под функциями государства понимает определенные ее социальным назначением основные направления деятельности²⁷. В.С. Нерсесянц функциями государства предлагает считать главные направления деятельности государства, нацеленные на решение основных задач, стоящих перед ним²⁸. В дополнение к схожести указанных утверждений ученых определение функций государства являются схожими.

Каждая функция имеет свой объект действия и содержание. Объект действия – это определенная сфера общественных отношений, в рамках которой реализуется активная деятельность государства. В свою очередь содержание показывает, что делает государство в определенном направлении, чем занимаются органы государства, какие тактические вопросы они решают. Опираясь на вышеизложенное, функциями государства мы будем считать социально обусловленные направления его деятельности по решению разнообразных задач относительно регуляции жизни общества в рамках реализации государственной внутренней политики.

Функции государства классифицируются на отдельные виды и группы в зависимости от тех или иных критериев. Самая распространенная классификация функций государства – это их деление на внутренние и внешние по сфере деятельности. Для целей данного контекста представленной автором работы, есть потребность раскрыть сущность только внутренних функций государства, поскольку исследования внешних функций в контексте анализа системы исполнения наказаний не входит в круг задач, подлежащих решению в данной работе.

²² Чесноков А.А. Пенитенциарная система в механизме Российского государства (историко-теоретический аспект): дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Александр Александрович Чесноков. – Н. Новгород, 2006. – С. 83.

²³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 23 – е изд. испр., – М.: Русский язык, 1991. – С. 856.

²⁴ Кельман М.С. Теория держави: навч. посібник / Кельман М.С. – Тернопіль: «Поліграфіст», 2003. – С. 65.

²⁵ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебн. [для студ. высш. учеб. зав.] / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Спарк, 2004. – С. 67.

²⁶ Рабинович П.М. Основы загальної теорії права та держави: навч. посібник / Рабинович П.М. – К.: Атіка. – 2001. – С. 46.

²⁷ Теория держави та права. Академічний курс / [Оніщенко Н.М., Засць А.П., Журавський В.С., та ін.]; під ред. О.В. Зайчука. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – С. 46.

²⁸ Проблемы общей теории государства и права / [Варламова Н.В., Лазарев В.В., Мальцев Г.В. и др.]; Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма – инфра, 2002. – С. 629.

Под внутренними функциями следует понимать такие социально обусловленные направления деятельности государства, в которых конкретизируется внутренняя политика в отношении экономических, идеологических, экологических, культурных и других аспектов жизни общества. С.С. Алексеев указывает всего на две внутренние функции государства – управленческо-обеспечительную и охранную функции²⁹. Обобщая перечень функций, которые предлагают такие ученые как В.В. Копейчиков, О. Ф. Скакун, М.В. Цвик, П.М. Рабинович, В.С. Нерсесянц, М.С. Кельман, М.Н. Марченко, А.М. Шульга к внутренним функциям государства мы отнесем экономическую, финансовую, экологическую, культурно-воспитательную, функцию социального обслуживания населения, а также функцию обеспечения правопорядка и охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Последняя функция является ответом государства на запрос социума в установлении и охране правопорядка. Ключевым в данном вопросе является необходимость обеспечения общественной безопасности, деятельность государства по выполнению правовых предписаний всеми гражданами, организациями, государственными органами.

Правоохранительная функция имеет значительное количество вариантов толкования и поэтому разные ученые называют ее по-разному. Например, А.М. Шульга определяет ее как «функцию охраны правопорядка»³⁰, тогда как Л.С. Бельский называют ее «правоохранительной функцией»³¹. В свою очередь, указанная функция в других источниках фигурирует как «функция по охране прав и свобод человека и гражданина»³², «охранительная функция»³³ и т.д. В контексте данной работы эту функцию целесообразно в дальнейшем определять как правоохранительную.

Категория «правоохранительная деятельность» вообще не определяется на уровне законодательства и имеет много вариантов доктринального толкования. Не вызывает возражений, что по своей сути правоохранительная деятельность является видом государственно-властной деятельности. В свою очередь, как вид государственной деятельности, она имеет несколько характерных признаков, выделение которых позволит понять ее сущность как правоохранительной вообще. В данном контексте целесообразно ориентироваться, прежде всего, на перечень признаков, который предлагает А.М. Бандурка:

– Правоохранительная деятельность реализуется в установленном законом порядке с соблюдением определенных процедур;

– Правоохранительная деятельность осуществляется только посредством применения юридических средств воздействия (к ним относятся меры государственного принуждения и взыскания);

– Меры воздействия, применяемые в ходе осуществления правоохранительной деятельности, должны четко соответствовать предписаниям действующего законодательства, а орган, который их применяет, обязан пунктуально их выполнять;

– Осуществление правоохранительной деятельности возлагается на специально созданные государством органы, которые комплектуются подготовленными соответствующим образом специалистами³⁴.

Функции государства осуществляются механизмом государства в определенных правовых формах путем использования специальных приемов и методов. Правовыми формами деятельности государства и его механизма является определенный законом порядок осуществления компетентными органами и лицами юридически значимых действий, направленных на осуществление функций государства. В науке не определено универсального количества правовых форм осуществления функций государства, в связи с чем привести исчерпывающий их перечень, на наш взгляд, является проблематичным.

²⁹ Алексеев С.С. Теория государства и права (начальный курс) / Алексеев С.С. — М.: «Юридическая литература», 1996. — С. 11.

³⁰ Шульга А.М. Основы теории государства и права: краткое учебн. пособие / Шульга А.М. — Х.: ООО «Прометей-Прес», 2006. — С. 30.

³¹ Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / Бельский К.С. — М.: «Дело и сервис», 2004. — С. 21.

³² Загальна теорія держави і права / [Л.Л. Богачова, О.В. Петришин, В.Д. Ткаченко ін.]; за ред. М.В. Цвіка. — Харків: Право, 2002. — С. 35.

³³ Теорія держави та права. Академічний курс / [Оніщенко Н.М., Засць А.П., Журавський В.С., та ін.]; під ред. О.В. Зайчука. — К.: Юрінком Інтер, 2006. — С. 73.

³⁴ Судебные и правоохранительные органы Украины: учебник / [Бессмертный А.К., Иваненко В.И., Тяпкин А.С. и др.]; Под ред. А.М. Бандурки. — Х.: Ун-т внутр. дел, 1999. — С. 6.

В подтверждение этого можно привести точки зрения отдельных ученых. Так, В.Н. Марченко приводит четыре правовые формы осуществления функций государства: правотворческую деятельность, правоприменительную деятельность, оперативно-исполнительную деятельность, правоохранительную деятельность³⁵. А.Ф. Скакун приводит перечень из пяти форм: правотворческая деятельность, правоприменительная деятельность, правоохранительная деятельность, учредительная деятельность, контрольно-надзорная деятельность³⁶.

М.В. Цвик предлагает список из шести форм, в который входит правотворческая деятельность, правоприменительная деятельность, правоохранительная деятельность, контрольно-надзорная деятельность, интерпретационно-правовая деятельность, учредительная деятельность³⁷. С.С. Алексеев указывает на существование трех форм – правотворческой деятельности, правоисполнительной деятельности и правоохранительной деятельности³⁸. Так или иначе, но можно констатировать, что как украинские, так и российские ученые подчеркивают, что к правовым формам осуществления функций государства механизмом государства принадлежит правоохранительная деятельность. Соответственно, данный вид деятельности, как отмечает Ю.Е. Аврутин, является основной формой реализации правоохранительной функции государства³⁹.

Так или иначе, но сущность правоохранительной деятельности государства заключается в том, что государство возлагает на определенные органы обязанность по охране права путем применения юридических мер воздействия в соответствии с законом и при соблюдении установленного им порядка. Приведенное определение мы будем считать как наиболее полное. Основные задачи правоохранительной деятельности сводятся к защите общественно-экономического строя, обеспечению законности и правопорядка, а главное – защите прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений, предприятий, учреждений, организаций. Как отмечается в специальной литературе правоохранительная деятельность по своему содержанию не является односоставной и включает в себя несколько конкретных направлений – прокурорский надзор, следствие, охрана общественного порядка и безопасности, борьба с преступностью, оказание юридических услуг. Каждое из перечисленных направлений имеет собственные специфические черты и реализуется только присущими ему методами.

Каждую функцию государства, как уже было отмечено, осуществляет специально созданный для этого орган (или несколько органов) государства, который наделен кругом полномочий, по характеру соответствуют специфике тех задач, которые будет выполнять данный орган. Правоохранительную функцию выполняет целый ряд органов, которые обобщенно в юридической литературе называются «правоохранительными». Правоохранительные органы – это органы государственной власти, которые входят в структуру механизма государства, и которые функционируют как составная часть государственного аппарата с целью выполнения правоохранительной функции государства на благо обществу.

Мировая практика свидетельствует, что из-за сложности и многообразия правоохранительной функции государства, ее осуществляет, как отмечалось выше, целый ряд правоохранительных органов, которые, как правило, относятся к исполнительной ветви власти. Это характерно для большинства стран мира. В круг правоохранительных органов обычно относят: полицию (милицию), прокуратуру, органы государственной безопасности, органы государственной налоговой службы, учреждения исполнения наказаний, нотариат, органы юстиции, органы контрольно-ревизионной службы, органы лесной и рыбоохраны. В Украине перечень органов, которые относятся к правоохранительным закрепляются в ст. 2 Закона Украины «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов» от 23.12.1993 года № 3781-ХІІ⁴⁰. В соответствии со ст. 2 указанного законодательного акта, учреждения исполнения наказаний в Украине является правоохранительным органом.

³⁵ Общая теория государства и права: академический курс в 2 т. [Ред. М.Н.Марченко]. – М.: «Зерцало», 1998. – Т. 1 Теория государства. – С. 75.

³⁶ Скакун О.Ф. Теория государства и права / О.Ф. Скакун. – Х.: «Консум», 2000. – С. 54.

³⁷ Загальна теорія держави і права / [Л.Л. Богачова, О.В. Петришин, В.Д. Ткаченка ін.]; за ред. М.В. Цвіка. – Харків: Право, 2002. – С. 83.

³⁸ Алексеев С.С. Теория государства и права (начальный курс) / Алексеев С.С. – М.: «Юридическая литература», 1996. – С. 36.

³⁹ Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы / Аврутин Ю.Е. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 114.

⁴⁰ Закон України «Про державний захист працівників суду і правоохоронних органів» від 23.12.1993 року № 3781-ХІІ // Відомості Верховної Ради України. – 1994 р. – № 11. – ст. 50.

Осуществляя общую правоохранительную функцию, органы исполнения наказаний выполняют отдельную специальную группу задач, а именно – реализацию государственной политики в сфере исполнения наказаний, выполнение правоприменительных и правоохранительных функций, профилактика правонарушений, перевоспитание лиц, признанных судом виновными в совершении преступлений. В свою очередь, выполнение указанной задачи предполагает необходимость функционирования во многих направлениях. Учитывая широкий предмет ведения, система исполнения наказаний вносит свой особый вклад в дело противодействия преступности и обеспечения правопорядка в государстве. Без институтов исполнения наказаний правоохранительная система была бы не полной. Дело в том, что если правоохранительные органы создают предпосылки для реализации юридической ответственности, то система исполнения наказаний непосредственно реализует меры юридической ответственности с целью минимизации негативных последствий совершенного преступления. В этой связи есть основания констатировать наличие такой обособленной функции государства как функция по исполнению наказаний.

Следует отметить, что реальное содержание функций системы исполнения наказаний, в значительной степени детерминируется формой государственного режима и зависит от принципов, заложенных в основу функционирования государственного аппарата. Под принципами организации и деятельности государственного аппарата понимают законодательно определенные отправные принципы, которые выступают как регулятивные требования относительно основных параметров его организации и функционирования с целью наиболее эффективного выполнения функций и задач государства. Сегодня во всех развитых демократических государствах мира, властный аппарат функционирует в соответствии с такими базовыми принципами:

- Верховенство права и законность;
- Разделение властей на три ветви (законодательную, исполнительную, судебную);
- Демократизм;
- Социальная справедливость;
- Гуманизм;
- Гласность, открытость и учет общественного мнения при организации и осуществлении возложенных на него задач.

Приведенный перечень не является исчерпывающим, однако является универсальным и обязательным для всех органов государственной власти различного назначения, в том числе и для системы исполнения наказаний.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 23 – е изд. испр. — М.: Русский язык, 1991.
2. Загальна теорія держави і права / [Л.Л. Богачова, О.В. Петришин, В.Д. Ткаченко ін.]; за ред. М.В. Цвіка. — Харків: «Право», 2002.
3. Скакун О.Ф. Теория государства и права / О.Ф. Скакун. — Харьков: «Консум», 2000.
4. Правознавство: навчальний посібник / [Колодій А.М., Опришко І.В., Демський С.Е та ін.]; за ред. В.В. Копейчикова. — [3-є вид.]. — Київ: Юрінком Інтер, 2000.
5. Теорія держави та права. Академічний курс / [Оніщенко Н.М., Заець А.П., Журавський В.С., та ін.]; під ред. О.В. Зайчука. — Київ: Юрінком Інтер, 2006.
6. Конституційне право України: підручник / [О.Ф. Фрицький, О.В. Городецький, Н.Г. Шукліна та ін.]; за ред. В.Ф. Погорілка. — Київ: Наукова думка, 2000.
7. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник / Алексеев С.С. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
8. Проблемы общей теории государства и права / [Варламова Н.В., Лазарев В.В., Мальцев Г.В. и др.]; Под ред. В.С. Нерсесянца. — М.: Норма-инфра, 2002.
9. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебн. [для студ. высш. учеб. зав] / В.В. Лазарев, С.В. Липень. — М.: Спарк, 2004.
10. Зінченко В.М. Механізм держави та правоохоронні органи / В.М. Зінченко // Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. — 2005. — № 27. — С. 121.
11. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [уклад. Бусел В.Т.]. — Київ: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002.

12. Горшенева И.А. Полиция в механизме современного демократического государства: учеб. пособие / Горшенева И.А. — М.: Юнити — Дана, 2004..
13. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / [Гуреева Н.П., Даниленко В.Н., Павлов Е.Я. и др.]; под ред. М.В. Баглая. — М.: «Норма-Инфра М», 2001.
14. Указ Президента Украины «Про утворення державного Департаменту України з питань виконання покарань» від 22.04.1998 р. № 344/98 // Офіційний вісник України. — 1998. — № 16. — Ст. 589.
15. Головні історичні події розвитку пенітенціарної служби України // Офіційне Інтернет – представництво Державної пенітенціарної служби України // Електронний ресурс. Режим доступу: <http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/uk/publish/article/626509>.
16. Указ Президента України «Про Положення про Державний департамент з питань виконання покарань» від 31.07.1998 р. № 827/98 // Офіційний вісник України. — 1998. — № 31.
17. Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження Положення про Державний департамент України з питань виконання покарань» від 10.06.2009 р. № 587 // Офіційний вісник України. — 2009. — № 44. — Ст. 1475.
18. Указ Президента України «Про затвердження Положення про Державну пенітенціарну службу України» від 06.04.2011 р. № 394/2011 // Офіційний вісник України. — 2011. — № 28. — Ст. 1161.
19. Постанова Кабінету Міністрів України «Про внесення змін та визнання такими, що втратили чинність, деяких постанов Кабінету Міністрів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України» від 19.09.2012 р. № 868 // Офіційний вісник України. — 2012. — № 71. — Ст. 2870.
20. Чесноков А.А. Пенитенциарная система в механизме Российского государства (историко-теоретический аспект): дисс. канд. юрид наук: 12.00.01 / Александр Александрович Чесноков. — Н. Новгород, 2006.
21. Кельман М.С. Теория держави: навч. посібник / Кельман М.С. — Тернопіль: «Поліграфіст», 2003.
22. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник / Рабінович П.М. — Київ: Атіка. — 2001.
23. Алексеев С.С. Теория государства и права (начальный курс) / Алексеев С.С. — М.: «Юридическая литература», 1996.
24. Шульга А.М. Основы теории государства и права: краткое учебн. пособие / Шульга А.М. — Харьков: ООО «Прометей-Прес», 2006.
25. Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / Бельский К.С. — М.: «Дело и сервис», 2004.
26. Судебные и правоохранительные органы Украины: учебник / [Бессмертный А.К., Иваненко В.И., Тяпкин А.С. и др.]; Под ред. А.М. Бандурки. — Харьков: Ун-т внутр. дел, 1999.
27. Общая теория государства и права: академический курс в 2 т. [Ред. М.Н.Марченко]. — М.: «Зерцало», 1998 — Т. 1. Теория государства.
28. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы / Аврутин Ю.Е. — Спб.: «Юридический центр Пресс», 2003.
29. Закон України «Про державний захист працівників суду і правоохоронних органів» від 23.12.1993 року № 3781-XII // Відомості Верховної Ради України. — 1994 р. — № 11. — ст. 50.

TO PROBLEM OF PLACE AND ROLE OF SYSTEM OF ESTABLISHMENTS OF EXECUTION OF PUNISHMENTS IN MECHANISM OF THE STATE

V.V. ROSSIKHIN

National University «Yaroslav the Wise Law academy of Ukraine»

e-mail: rossikhin@rambler.ru

The article analyzes the various aspects of the place and the role of penal institutions in the mechanism of the state. Through the use of philosophical and theoretical-legal methods, methods of analysis and synthesis of ideas on the essence of the "mechanism" and "machines state". The author presents the penal system in close connection with the apparatus of public power. The paper establishes the function penal in the context of public administration, analyzed the legislative strengthening the penal system as a system of government in the implementation of penal policy and the law enforcement functions of the state.

Key words: power, punishment, the state, the state apparatus, the mechanism of the state, the correction, the law enforcement function.

Е.В. СПЕКТОРСКИЙ О КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В. Г. РУТМАН

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: borisov@bsu.edu.ru

Статья посвящена взглядам известного российского правоведа, социолога, культуролога и философа Евгения Васильевича Спекторского (1875 – 1951 гг.) на процессы, происходящие с государством в период новейшего времени. В представлениях ученого в XX веке государственная власть стала терять свою духовную и материальную основу (авторитет и силу). Главной тенденцией эпохи мыслитель считал вытеснение принципа государственности (суверенного господства власти над обществом) принципом общественности.

Ключевые слова: Е.В. Спекторский; государственная власть; основы государственной власти, кризис государства, авторитет и сила государственной власти, теократическая власть, демократическая власть, авторитарная власть.

Спекторский Евгений Васильевич (1875 – 1951 гг.) – крупный российский правоведа, социолог, культуролог и философ. Труды Е.В. Спекторского входят в золотой фонд российской послереволюционной эмиграции. Оказавшись после революции 1917 г. за границей, видный ученый потерял физическую, но не духовную связь со своей родиной. Работая в эмиграции, он внес заметный вклад в теорию государства и права, философию, культурологию, став одним из ярких представителей культуры русского зарубежья.

Знакомство российской интеллектуальной элиты с жизнью и творчеством Е.В. Спекторского произошло совсем недавно. При этом широта его творческого наследия привлекает и историков, и социологов, и философов¹. Государственно-правовое наследие Евгения Васильевича пока остается практически не изученным.

Е.В. Спекторский жил и творил в переломную, кризисную эпоху – эпоху разрушения традиционных основ великой империи. В 1917-1930 гг. ученый размышлял о сущности государства, об идеальной модели организации государственной власти, о роли конституции в государственном строительстве². Итогом его размышлений стала концепция кризиса государства, протекающая на фоне кризиса современной ему цивилизации.

Идея гибели государства для юридической науки того периода не была новой. Еще Гоббес обратил внимание на слабую сторону государства, назвал его Левиафаном, смертным богом, а французский государствовед Дюги уже в начале XX столетия заявил, что государство умерло. Явления, связанные с ослаблением авторитета такого института как государство, заметил и Е.В. Спекторский.

Рассуждая о кризисе государства, ученый имел в виду кризис государственной власти. Из трех признаков государства два (население и территория) полностью не исчезают, считал он. Ослабеть и исчезнуть может только государственная власть, поэтому «современный кризис государства есть, собственно говоря, только кризис современной государственной власти»³.

Государственная власть базируется, отмечал Е.В. Спекторский, на психологическом принципе: одни люди приказывают, запрещают и разрешают, а другие им повинуются. Эта идея, выдвинутая еще основоположником английской аналитической школы юристов Остиным, была ненова. Однако Спекторский задался сущностным вопросом: что определяет возможность госу-

¹ Михальченко С.И. и Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940 – е годы). – Брянск, 2010. – С. 37-86; Ткаченко Е.В. Научно-образовательная деятельность и общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского: Дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2008. – 226 с.; Щеглов В.В., Щеглова Л.В. Философский портрет В.Е. Спекторского // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 1997. – №4. – С. 5-14.

² Спекторский Е.В. Государство. – Петроград, 1918. – 99 с.; Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Русские сборники. – София, 1921. Вып. 1. – С. 40-56.; Спекторский Е.В. Учредительное Собрание и конституция. – Киев, 1917. – 24 с.; Спекторский Е.В. Что такое конституция. – М., 1917. – 16 с.

³ Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940 – е годы). – Брянск, 2010. – С. 86.

дарственного властвования, и пришел к выводу, что государственная власть действительно только тогда, когда пользуется авторитетом и располагает силой. «Авторитет и сила – таковы две основы власти, – отмечал он, – делающие ее действительно сильной и державной. Одна основа духовная, другая материальная. И обе равно необходимы»⁴. Поэтому упадок государственной власти связан именно с падением ее авторитета и силы.

Доказательство кризиса государственной власти Е.В. Спекторский построил на основе исторического анализа. Основываясь на реальных фактах, ему удалось показать эволюцию падения духовного принципа власти.

Авторитет как основа всякой власти, по мнению Е.В. Спекторского, тесно связан с иерархией. «Сущность всякого авторитета сводится к тому, что одни люди смотрят на других, как на высшие существа, как на лиц особой породы, особой касты или как на носителей особого, высшего почитаемого начала. Иными словами, где авторитет, там и иерархия. И, наоборот, где иерархия, там и авторитет». При этом философ полагал, что иерархия должна базироваться не на внешней силе, а на «внутреннем, духовном убеждении, на признании ее правильности и необходимости». Государственная власть авторитетна тогда, «когда авторитетна сама идея государства»⁵, – отмечал он.

Государство современной ему культуры Спекторский называл конституционным. Основываясь на методе диахронного сравнения, доказывал, что авторитет его органов очень невелик. Такое государство, отмечал он, возглавляется конституционным монархом или президентом. В доконституционных государствах авторитет монарха был чрезвычайно велик и базировался на религии. «Единобожие, – писал он, – было своего рода религиозным монархизмом. Монархия царя небесного освящала и укрепляла монархию земных царей. Связь устанавливалась путем обряда венчания, помазания на царство. Подданный верил, что его монарх это высшее существо», а «когда абсолютная монархия окрепла, ее глава получил авторитет монарха-попечителя, который своими распоряжениями создает благополучие подданных»⁶. Авторитет монарха находил отражение и в философской мысли того периода. Так, критическая философия XVIII века поддерживала авторитет монархии. Кант, например, считал, что критика власти является праздным и опасным умствованием.

В период зарождения парламентаризма и появления первых конституций авторитет главы государства, по мнению Спекторского, еще сохранялся. Конституционный строй, отмечал он, ограничил власть монархов, но не уронил их авторитета. И только события начала XX века стали свидетельствовать о наступлении *кризиса монархической идеи*. Причину такого явления Спекторский увидел в зарождении нового мировоззрения, особенностью которого стало отрицание авторитета монархии. Идея монархии, считал он, строится на *принципе иерархии, а новое мировоззрение иерархии не признавало, ее основой стал принцип равенства*.

Спекторский отмечал, что зарождение такого мировоззрения процесс достаточно долгий. Еще в XVI столетии монархомахи (монархо – борцы) стали проповедовать мятеж против монархов в том случае, если они не осуществляют идеала монархии. Серьезный удар по монархической идее, полагал ученый, был нанесен Ла Боэси в его памфлете о добровольном рабстве. «Монархия здесь объявляется насилием, монархизм – рабством. Люди политически равны. И посему да не будет политической иерархии. Семнадцатый век продолжал дело Ла Боэси тем, что учил о природном равенстве всех людей. Восемнадцатый – тем, что включил в священные права равных людей также и право на суверенную власть, т. е. на участие в верховной власти, а также тем, что направил против авторитета монархии самое острое оружие, именно сатиру»⁷. Результатом такой эволюции стало падение авторитета монархии.

Однако амонархизм современности еще не означал кризиса государственной власти, но механизм ее ослабления был уже запущен. Авторитет президентской власти, которую Спекторский называл республиканским суррогатом монархии, был обречен. Благодаря тактике избирательных кампаний, замечал философ, президенты всегда выглядят в глазах почти половины населения неприглядно.

⁴ Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940-е годы). – Брянск, 2010. – С. 86.

⁵ Указ. соч. – С. 86.

⁶ Указ. соч. – С. 87.

⁷ Указ. соч. – С. 89.

При этом Е.В. Спекторский доказывал, что новое мировоззрение приводит не только к дискредитации идеи единовластия в частности, но и к кризису идеи государственной власти в целом. В XVIII веке выразителем воли народа считался парламент. В целом ряде государств, начиная с Англии, представительный орган стал вытеснять и заменять главу государства. «Парламент, – отмечал Спекторский, – стал средоточием государства, воплощением его воли и власти. И вопрос об авторитете государства стал в значительной степени вопросом об авторитете парламента»⁸.

Однако именно парламентаризм, по его мнению, убил парламенты, лишив их и власти, и влияния, и авторитета. Главную причину такого явления философ видел в девальвации величайшей идеи парламента, от которого ожидалось «провозглашение вечных, неизблемых истин о порядке личной и публичной жизни людей» и «представительство всего народа, как единого целого». «Но вера в неизблемые законы исчезла. Явилось понятие закона в формальном смысле, обнявшее множество более или менее мелких актов управления, проходящих через парламент», а «теоретическое представительство народа на практике оказалось представительством политических партий»⁹.

Видимой тенденцией новейшего времени стало и падение авторитета правительственной власти. Многие теоретики государственного права XIX века, отмечал Спекторский, признавали значение правительства, например, Лоренц Штейн, перенесший центр тяжести учения о государстве из государственного устройства в государственное управление. Однако, в это же время появилась классовая теория Карла Маркса, утверждавшего, «что правительство – это не более как исполнительный комитет преобладающей в данное время экономической группы, а парламентаризм привел фактически к превращению правительства в исполнительный комитет преобладающей в данное время политической группы»¹⁰. Распространение марксистских идей привело к дискредитации права правящих. Чиновники, потеряв сознание своей принадлежности к правящему элементу, вступили, отмечал философ, «на путь профессионального синдикализма с забастовками и всеми прочими приемами общественного давления на государство»¹¹.

Участь исполнительной и законодательной власти разделила и власть судебная, авторитет которой в новейшее время также сильно упал. В потере Фемидой надгосударственного авторитета немалую роль, по мнению Спекторского, сыграла научная мысль. Этому способствовала уже теория разделения властей Монтескье, увлеченного, прежде всего, соотношением законодательной и исполнительной властей. Вслед за ним Кант, «уподобляя три власти трем частям логического силлогизма, отвел судебной власти место третьей части, т. е. простого, несамостоятельного вывода из двух первых»¹². Все это лишало судебную власть надгосударственного авторитета, но не авторитета исполнительницы закона. Падение авторитета закона привело к дискредитации идеи суда. Этому, в частности, способствовала теория Иеринга, основанная на постулате, что «право это или политика власти, потерявшей авторитет, – или защищаемый на суде субъективный интерес всякого человека». Иеринг, отмечал Спекторский, поставил целесообразность выше легальности и тем превратил юстицию в судебскую политику. «Во имя какого авторитета?» – задавался вопросом философ. По его мнению, ответ был дан школой, так называемого, свободного права: во имя судебного усмотрения (судейского субъективизма). Но в условиях, когда народное сознание отравлено идеей классовой юстиции, делал вывод ученый, авторитет такого суда не может быть высоким¹³.

Второй – *материальной основой* государственной власти ученый считал *силу*, источником которой выступали деньги и армия. По мнению Е.В. Спекторского, материальная составляющая власти производна от духовной, поэтому когда падает авторитет государственной власти, падает и его сила.

В условиях мирового экономического кризиса актуальны мысли Спекторского о силе государства, заключающейся в деньгах. Ученый отметил постепенную тенденцию потери государством материального источника его силы. В период зарождения капиталистического строя, от-

⁸ Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940 – е годы). – Брянск, 2010. – С. 90.

⁹ Указ. соч. – С. 90.

¹⁰ Указ. соч. – С. 91.

¹¹ Указ. соч. – С. 91-92.

¹² Указ. соч. – С. 92.

¹³ Указ. соч. – С. 92-93.

мечал он, государственная власть перестает быть главной распорядительницей имеющегося в обращении золота. На исторических примерах ученый доказывал, что «государству нового времени не удалось предотвратить сосредоточение в частных руках большего, чем у него, количества золота, этой, как выразился Гоббес, «публичной крови», циркулирующей в политическом организме. И оно ограничивалось накоплением скромных и наивных, т. н. неприкосновенных запасов золотой наличности, выпуская под ее обеспечение бумажные суррогаты денег и все более и более обременяя себя долгами и кредитными билетами, буквально – *билетами веры*». Бумажные деньги Спекторский называл беспроцентными векселями государства своим подданным. «Государство надавало, – писал он, – слишком много таких векселей и, в сущности, обанкротилось. Благодаря этому, проблема финансов получила свой прежний смысл уловок для пополнения казны бессильного и не авторитетного государства»¹⁴.

Вторым источником государственной силы Е.В. Спекторский считал *армию*. Нельзя не согласиться с мыслью философа, что «люди добровольно проливают свою кровь только во имя великих метафизических идей», а когда таких идей нет, и власть не пользуется безграничным авторитетом, то оружие может быть направлено «совсем не туда, куда полагается»¹⁵.

Главную причину кризиса государства Спекторский увидел в том, что принцип государственности (суверенного господства власти над обществом) постепенно вытесняется принципом общественности (гражданского общества). Мыслитель отмечал, что заметной тенденцией времени становилось не только падение авторитета государства, но и активизация общественности. Государственная власть не справлялась с процессами, происходившими в обществе.

Этот процесс нашел отражение и в науке о государстве. Спекторский исследовал эволюцию государственности относительно проблемы соотношения государства и общества. Ученый отмечал, что наука XVIII – начала XIX века возвеличивают государство. Проблему необходимости изучения общества наряду с государством поставил Роберт Моль, но первым, кто заметил тенденцию постепенного поглощения общества государством, был Лоренц Штейн. Однако Штейн верил в возможность создания надклассового государства. Противником такой точки зрения был Гумплович, отрицавший реальность надобщественного государства. Совместить теорию государственной личности и социальное учение о государстве пытался Иеллинек, однако, по мнению Спекторского, он делал это эклектично. Значительный вклад в изучение этой проблемы внес Н. М. Коркунов, который отрицал единую государственную волю и считал, что власть выступает не субъектом господства, а объектом приспособления к социальным потребностям. Близкой позиции придерживались Дюги и Ориу, исследовавшие принципы современного публичного права и пришедшие к выводу, что государство умерло, а его заменила социальная междузависимость¹⁶.

Е.В. Спекторский был менее категоричен. Он также отмечал тенденцию поглощения общества государством, но считал, что кризис государственности вовсе не означал гибели государства. По его мнению, население современных государств было еще далеко от самоуправляющегося гражданского общества, а попытки воплощения идеала общественности, выраженного в известной формуле французской революции: свобода, равенство, братство, отнюдь не приводили общество к достижению идеалов социальной справедливости, при реальном осуществлении свобода привела к либерализму, равенство – демократизму, братство к синдикализму.

Ученого волновала и прогностическая проблема – «что будет с государственной властью, этим средоточием всякого государства?». Однозначного ответа он не давал. Основываясь в раннее высказанной идее о трех источниках власти¹⁷: сверху, милостью Божьей (теократическая власть); снизу, волею народа (демократическая); собственной силой – тогда это власть (авторитарная), ученый высказал ряд предположений о перспективах эволюции государственной власти. В ближайшее время он не видел вероятности появления теократической или демократической власти.

И, если говорить о возможности практической реализации теократической идеи, то у нее всегда немного сторонников. Вера же в демократию не оставляла умы человечества, а многие

¹⁴ Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940 – е годы). – Брянск, 2010. – С. 93.

¹⁵ Указ. соч. – С. 92.

¹⁶ Указ. соч. – С. 97-98.

¹⁷ Спекторский Е.В. Государство. – Петроград: Издательство «Огни», 1918. – С. 18-25.

государства позиционировали и продолжают позиционировать себя демократическими. Спекторский же имел весьма оригинальное представление о демократии, на котором мы остановимся в следующем параграфе, а возможность осуществления власти волей народа считал прозрачной. Идея осуществления власти на основе всеобщей воли единого и неделимого народа представлялась ему эфемерной. Он утверждал, что народ – «это не нечто единое и неделимое», «это враждующие или, в лучшем случае, равнодушные друг к другу группы, для каждой из которых максимумом социальности является общность профессиональных интересов всех входящих в нее членов»¹⁸. Современное общество, делал вывод Е.В. Спекторский «пока не идет дальше образования эгоистических и центробежных профессиональных групп», и пока этот «процесс все усиливается, то проблема власти волею народа сводится ко множественности властей в пределах самоуправляющихся, а нередко и просто самоуправных, профессиональных групп»¹⁹.

Наиболее вероятным источником власти современных государств философу представлялась собственная сила государства, такую власть от называл автократической. Ссылаясь на мнение русского ученого Б. Н. Чичерина и французского правоведа Пасси, что чем разъединеннее общество, тем сосредоточеннее власть, Спекторский пришел к мысли о том, что современная социальная борьба может закончиться автократизмом. «Недаром, – отмечал он, – партийный режим привел к партийной дисциплине. Недаром одна из очередных проблем власти – это проблема диктатуры. Что такое уже парламентаризм, как не политическая диктатура партии большинства, – правда, с сохранением всех формальных гражданских и политических свобод? К чему стремится социализм, как не к диктатуре класса? И что такое т. н. советская Россия, как не диктатура коммунистических вождей?»²⁰.

Концепция кризиса государства к 1925 году дополнена Е.В. Спекторским идеей *всеобщего кризиса*. Он считал, что наряду с кризисом государства, наблюдается *кризис права, кризис хозяйства и кризис культуры*²¹. Спекторский разделял идеи О. Шпенглера о смене культуры цивилизацией. Причину кризиса культуры он видел в оскудении духа, а выход из него в углублении религиозного, в особенности христианского сознания. Проблеме соотношения христианства и культуры в этот период Спекторский посвятил специальное исследование²².

Проблемы, поднятые В.Е. Спекторским о кризисе государства, права, экономики и культуры актуальны и сегодня. Нельзя не согласиться, что современная государственная власть мало ориентирована на волю Бога или народа, ее трудно назвать теократической или демократической. Скорее это власть для власти и базируется она на собственной силе, которые, однако, ослабевают.

Список литературы

1. Михальченко С.И. и Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940 – е годы). – Брянск, 2010.
2. Спекторский Е.В. Государство. – Петроград, 1918. – 99 с.
3. Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Русские сборники. – София, 1921. Вып. 1. – С. 40-56.
4. Спекторский Е.В. Пособие к лекциям по истории философии права. Литографическое издание. – Прага, 1925.
5. Спекторский Е.В. Учредительное Собрание и конституция. – Киев, 1917. – 24 с.
6. Спекторский Е.В. Христианство и культура. – Прага: Пламя, 1925. – 311 с.
7. Спекторский Е.В. Что такое конституция. – М., 1917. – 16 с.
8. Ткаченко Е.В. Научно-образовательная деятельность и общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского: Дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2008. 226 с.
9. Щеглов В.В., Щеглова Л.В. Философский портрет В.Е. Спекторского // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия 1997. №4. С. 5-14.

¹⁸ Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-1940 – е годы). – Брянск, 2010. – С. 100.

¹⁹ Указ. соч. – С. 101.

²⁰ Указ. соч. – С. 100.

²¹ Спекторский Е.В. Пособие к лекциям по истории философии права. Литографическое издание. – Прага, 1925. – С. 429-434.

²² Спекторский Е.В. Христианство и культура. – Прага: Пламя, 1925. – 311 с.

E.V. SPEKTORSKY ABOUT CRISIS OF THE MODERN STATE

V.G. RUTMAN

*Belgorod State National
Research University*

Paper is devoted to the views of the famous Russian right-veda, sociology, cultural philosopher and Yevgeny Spektorsky (1875 – 1951 gg.). On the processes occurring in the state during recent times. In the representations of the scientist in the twentieth century, government began to lose its spiritual and material basis (authority and power). The main trend of the era thinker believed the principle of state repression (the sovereign supremacy of power over society) the principle of the public.

Key words: E. Spektorsky; government, the foundations of state power, the crisis of state authority and power of government, theocratic authority of democratic government, an authoritarian government.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 340.132.8

ЭКСПЕРТИЗА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ КАЧЕСТВА

Н.В. ВАНТЕЕВА

*Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

e-mail: vanteeva_nv@mail.ru

Исследование посвящено экспертизе муниципальных правовых актов. В работе подчеркивается важность данного института для муниципального правотворчества. Автор рассматривает отдельные виды экспертиз, высказывает предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его реализации.

Ключевые слова: экспертиза, муниципальный правовой акт, проект муниципального правового акта.

Российские юристы – ученые и практики – единодушны в оценке качества российского законодательства: оно является низким.

Ситуация с муниципальными правовыми актами стоит особенно остро. Причин этого несколько. Во-первых, сравнительно небольшой опыт осуществления местного самоуправления в нашей стране и правотворческих полномочий органами муниципальной власти, в частности. Во-вторых, ограниченные материальные, финансовые, людские и прочие ресурсы. В-третьих, необходимость в процессе подготовки акта органа местного самоуправления учесть положения двух «вышестоящих» уровней законодательства – федерального и регионального, а также нормы, содержащиеся в изданных ранее муниципальных правовых актах.

Государством и органами местного самоуправления немало сделано в направлении создания механизмов выявления юридических ошибок и прочих недостатков в актах муниципального правотворчества. В настоящей статье мы обратимся к одному из инструментов обеспечения качества последних – экспертизе.

В науке она определяется как исследование, проводящееся экспертом по решению или поручению уполномоченных на то лиц либо без такового, но в силу прямого указания нормативных правовых актов, основанное на применении специальных знаний с целью использования его результатов в юридической деятельности¹.

¹ См.: Закиров И.А. Правовая экспертиза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2008. – С. 13, 18.

Экспертиза проектов и действующих нормативных правовых актов характеризуется как организационно-правовой институт проведения уполномоченными субъектами по установленной процедуре анализа и оценки проектов правовых актов с точки зрения их соответствия критериям целесообразности, обоснованности и законности².

В настоящее время происходит активное развитие института экспертизы муниципальных правовых актов и их проектов, а потому нуждаются в анализе и классификации отдельные ее разновидности.

1. В зависимости от субъектов, компетентных проводить исследование, в литературе разграничивается экспертиза, проводимая государственными и негосударственными органами и организациями. К числу первых относятся, например, органы юстиции, которые в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г. (в ред. от 21 ноября 2011 г.) № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований»³ проверяют на соответствие федеральному и региональному законодательству уставы муниципальных образований и правовые акты о внесении изменений и дополнений в них.

Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с организацией и ведением регистра муниципальных правовых актов»⁴ предусмотрел обязательное ведение в каждом субъекте Федерации органами государственной власти регионального регистра муниципальных нормативных правовых актов. Законодательство субъектов Федерации развивается в направлении закрепления обязательности правовой экспертизы всех муниципальных нормативных правовых актов в рамках процедуры ведения регистра.

Экспертные исследования, осуществляемые негосударственными органами и организациями, нередко именуется как «экспертиза, проводимая институтами гражданского общества».

В законодательстве употребляются термины «независимая экспертиза» и «общественная экспертиза». Содержание указанных понятий не является тождественным; соответствующие виды исследований в юридической литературе рассматриваются как самостоятельные разновидности экспертиз, проводимых от лица негосударственных организаций.

Общественная экспертиза определяется как механизм общественной экспертной деятельности по анализу и оценке влияния нормативных и других управленческих решений органов власти всех уровней на условия жизни и реализацию прав и законных интересов широких слоев граждан и конкретных социальных групп в целях учета и защиты их интересов. Она инициируется и (или) проводится гражданами и общественными организациями⁵. К числу последних относят создаваемые на различных уровнях общественные палаты⁶, органы территориального общественного самоуправления.

Независимая же экспертиза проводится саморегулируемыми или иными организациями, осуществляющими свою деятельность в соответствующей сфере (такими, как экспертно-консультативные советы). Например, независимая антикоррупционная экспертиза в соответствии с пунктом 4 Правил проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов⁷ проводится юридическими и физическими лицами, аккредитованными Министерством юстиции РФ в качестве независимых экспертов.

² См. подробнее: Правовые акты: оценка последствий: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Юриспруденция, 2011.

³ СЗ РФ. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3108.

⁴ Российская газета. – 2007, 14 ноября.

⁵ См.: Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики / Под ред. О.И. Цыбулевской. – Саратов: ПАГС, 2009. – С. 200, 204-205.

⁶ См., напр.: Решение Собрании представителей Первомайского муниципального района Ярославской области от 30 сентября 2011 г. № 190 «Об утверждении Положения об Общественной палате Первомайского муниципального района» // Призыв. – 2011, 12 октября; Решение Собрании представителей Некоузского муниципального района Ярославской области от 28 апреля 2011 г. № 206 «Об утверждении Положения об Общественной палате Некоузского муниципального района» // Вперед. – 2011, 18 мая.

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

Важность общественной и независимой экспертиз как альтернативных исследований сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Необходимо, однако, чтобы рассматриваемые контрольные механизмы были реально действующими, а не созданными формально, для «галочки».

Экспертиза проектов муниципальных правовых актов проводится также органами муниципальной власти за счет собственных сил. Возникает вопрос: к какой из обозначенных классификационных групп следует отнести указанные исследования, учитывая, что местное самоуправление рассматривается, с одной стороны, как форма осуществления публичной власти в государстве, с другой – как институт гражданского общества?

На наш взгляд, определяющим в статусе органов муниципальной власти является то, что они представляют собой самостоятельный уровень публичной власти в России, наделены государством правом издавать общеобязательные решения. Поэтому рассматриваемую классификацию необходимо уточнить и проводить деление экспертиз на исследования, проводимые органами публичной власти и соответствующими организациями, с одной стороны, и исследования, осуществляемые институтами гражданского общества, с другой.

2. Исследования муниципальных правовых актов и их проектов могут проводиться как самими органами муниципальной власти и их структурными подразделениями, так и сторонними организациями. Поэтому допустимо вести речь о так называемой «внутренней» и «внешней» экспертизе актов муниципального уровня.

Например, контрольный орган муниципального образования полномочен осуществлять экспертную оценку проекта местного бюджета⁸. Экспертно-правовой отдел местной администрации проводит правовую экспертизу проектов муниципальных нормативных правовых актов, разработанных структурными подразделениями местной администрации, а также антикоррупционную экспертизу муниципальных нормативных правовых актов и их проектов⁹.

Следует отметить, что более предпочтительной является практика проведения исследований проектов муниципальных правовых актов иным структурным подразделением органа местного самоуправления, нежели то, которое осуществило его подготовку.

По результатам внутренних экспертиз в некоторых муниципальных образованиях России проводится работа по обобщению юридических ошибок, допускаемых в муниципальных правовых актах, выявлению наиболее типичных среди них с присвоением им соответствующего индекса (например, 001 – несоблюдение требований правовых актов, имеющих более высокую юридическую силу; 002 – подготовка проектов муниципальных правовых актов при отсутствии компетенции органов местного самоуправления; 003 – осуществление избыточного правового регулирования; 006 – отсутствие комплексного регулирования соответствующих правовых отношений; 020 – нарушение правил юридической техники; 022 – отсутствие общественной экспертизы проекта муниципального правового акта; и т.п.). Использование индексов в экспертных заключениях позволяет более эффективно организовать работу по установлению и устранению содержащихся в правовых актах недостатков, а также по дальнейшему накоплению и обработке сведений о допускаемых ошибках. Подобный положительный опыт следует внедрять и в других муниципальных образованиях.

Эффективным инструментом в деле достижения цели чистоты нормативного правового массива является внешняя экспертиза, осуществляемая органами государственной власти, уполномоченными на ведение регистра, органами прокуратуры, юстиции и т.д. Активная работа последних способствует выявлению и устранению допущенных в муниципальных нормативных правовых актах нарушений закона на весьма ранних стадиях. Изучение статистических сведений о работе судов общей юрисдикции показывает, что количество рассмотренных дел об оспаривании нормативных правовых актов органов местного самоуправления, затрагивающих права, свободы и законные интересы граждан

⁸ См., напр.: Решение муниципалитета г. Ярославля от 10 апреля 2002 г. № 155 (в ред. от 9 июня 2011 г.) «О контрольно-счетной палате муниципалитета города Ярославля» // Городские новости. – 2002, 17 апреля.

⁹ См., напр.: Постановление мэра г. Ярославля от 15.08.2006 г. (в ред. от 16.08.2010 г.) № 2939 «Об утверждении Положения о правовом управлении мэрии города Ярославля» // СПС КонсультантПлюс.

и организаций, в последние годы стало сокращаться. Так, в 2008 г. районными судами, к подсудности которых отнесена данная категория дел, было рассмотрено 6,8 тыс. дел о признании нормативных правовых актов незаконными¹⁰, в 2009 г. – 4,7 тыс., в 2010 г. – 4,4 тыс. таких дел¹¹. Но делать оптимистические прогнозы, на наш взгляд, преждевременно. Отечественная система контроля качества муниципальных правовых актов нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании.

3. Следует разграничивать исследования принятых в установленном порядке муниципальных правовых актов, с одной стороны, и их проектов, с другой.

Данные официальной статистики, материалы обобщений юридической практики, публикации в научных изданиях свидетельствуют о высоком уровне дефектности действующих муниципальных правовых актов¹². По данным органов прокуратуры в 2011 г. в результате прокурорского вмешательства в соответствии с федеральным законодательством приведено около 64 тысяч муниципальных правовых актов¹³. Значительное число нарушений закона выявляется также в ходе экспертизы муниципальных нормативных правовых актов при их включении в регистр.

Обнаружение недостатков в правовых актах свидетельствует о том, что работа с их проектами не была организована на должном уровне; экспертиза проекта акта либо не имела места, либо была проведена не надлежаще. В этой связи ряд авторов высказываются в пользу усиления предварительного контроля муниципального правотворчества, чтобы уже на стадии подготовки акта «заложить» соответствующие гарантии законности, повысить его качественный уровень.

Учитывая значительное число незаконных нормативных правовых актов органов местного самоуправления, предлагается определить в законодательстве перечень муниципальных правовых актов, которые должны проходить обязательную предварительную экспертизу в органах государственной власти. При этом одни исследователи полагают необходимым дальнейшее расширение контрольно-надзорных полномочий прокуратуры, усиление ее превентивного надзора¹⁴. Другие считают, что соединение предварительной и последующей форм контроля в прокуратуре приведет к тому, что будет сложно объективно осуществлять разнородные действия¹⁵.

Мы полагаем необходимым расширение контрольных возможностей органов юстиции (сегодня они проводят экспертизу проектов уставов муниципальных образований и актов о внесении изменений и дополнений в них). Это позволит соблюсти баланс контрольных полномочий в системе органов государственной власти, создаст систему «двойного (предварительного и последующего) фильтра» для актов муниципального правотворчества.

Устранение недостатков в действующем документе в отличие от случаев преодоления дефектности проекта акта происходит сложнее в процедурном отношении, влечет значительно большие временные, людские, финансовые и иные затраты, отрицательным образом сказывается на имидже органов муниципальной власти. Поэтому органам местного самоуправления следует более активно использовать «внешние» инструменты и не ограничиваться внутренней экспертизой объемных, сложных проектов.

¹⁰ См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2009 г. // www.cdep.ru/userimages/2009-.doc

¹¹ См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2010 г. // www.cdep.ru/index.php?id=5

¹² См., напр.: Итоги переходного периода реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: сборник информационно-аналитических материалов Министерства регионального развития Российской Федерации. – М.: АНХ, 2009. – С. 16-25; Прокуратура Омской области подвела итоги деятельности по надзору за законностью актов органов местного самоуправления // www.prokuratura.omsk.ru/090211.html; Карташов В.Н., Вантеева Н.В. Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления (некоторые методологические, теоретические и практически-прикладные аспекты проблемы). – Ярославль: Рэмдер, 2010 и др.

¹³ См.: Генеральная прокуратура России обобщила итоги надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления // www.genproc.gov.ru/news/news-73162/

¹⁴ См.: Петрова Л., Манакова С. Роль прокуратуры в правотворческой деятельности // Законность. – 2008. – № 3. – С. 6.

¹⁵ См., напр.: Шадыбеков К.Б. Правовое регулирование форм местного самоуправления в Кыргызской республике (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 24.

4. В общей массе экспертиз муниципальных правовых актов могут быть выделены обязательные и необязательные их исследования.

Например, экспертиза проекта акта о внесении изменений и дополнений в устав муниципального образования в органах юстиции обязательной не является и проводится по усмотрению органов местного самоуправления. В случае если указанный акт принимается представительным органом муниципального образования, он подвергается обязательной проверке органом юстиции на предмет его соответствия Конституции РФ, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта Федерации, а также антикоррупционной экспертизе.

Федеральный закон от 17.07.2009 г. (в ред. от 21.11.2011 г.) № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹⁶ предусматривает и иные случаи обязательного проведения антикоррупционной экспертизы (нормативных правовых актов в бюджетной, налоговой, земельной, градостроительной и иных сферах, по вопросам, касающимся муниципальной собственности, муниципальной службы и т.д.).

5. По предмету экспертной деятельности выделяют довольно много видов экспертиз муниципальных правовых актов и их проектов (правовую, финансовую, экологическую, градостроительную, антикоррупционную и т.д.).

Под правовой экспертизой Т.Н. Москалькова, В.В. Черников понимают исследование проектов нормативных правовых актов на предмет их соответствия актам высшей юридической силы и предъявляемым к ним требованиям¹⁷.

Субъектами правовой экспертизы, являющейся составной частью муниципальной нормотворческой деятельности, обычно являются юридические службы (правовые отделы, управления и т.п.) органов местного самоуправления¹⁸.

Правовая экспертиза проводится и в отношении действующих муниципальных правовых актов (например, при государственной регистрации уставов муниципальных образований и актов о внесении в них изменений и дополнений; при включении муниципальных правовых актов в регистр). Однако здесь задача экспертов состоит в проверке соответствия акта законодательству. Так, согласно ч. 1 ст. 5 Закона Ярославской области от 27.06.2007 г. (в ред. от 05.04.2011 г.) № 40-з «О региональном регистре муниципальных нормативных правовых актов»¹⁹ уполномоченный орган проводит юридическую экспертизу муниципальных актов на соответствие Конституции РФ, федеральному законодательству и законодательству Ярославской области.

В соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» регистрирующий орган проверяет соответствие устава муниципального образования Конституции РФ, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта Федерации.

В юридической науке указывается на такой основной недостаток проводимых правовых экспертиз, как их однобокость: усилия экспертов направляются главным образом на выявление соответствия нормативных предписаний актам высшей юридической силы и на установление внутренней непротиворечивости правовых норм. При этом незаслуженно мало внимания уделяется изучению языка текста, его логики и графики²⁰.

Исправляя недостатки в правовых актах, органы местного самоуправления также нацелены на устранение несоответствий закону. Нарушения правил юридической техники, не влекущие признания акта незаконным, остаются в большинстве своем без внимания и не исправляются.

Вместе с тем, качественный нормативный правовой акт – это акт, принятый с соблюдением всех предъявляемых к нему требований.

¹⁶ СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

¹⁷ См.: Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2010. – С. 314.

¹⁸ См., напр.: Постановление мэра г. Ярославля от 15.08.2006 г. (в ред. от 16.08.2010 г.) № 2939 «Об утверждении Положения о правовом управлении мэрии города Ярославля».

¹⁹ Губернские вести. – 2007, 29 июня.

²⁰ См.: Москалькова Т.Н., Черников В.В. Указ. соч. – С. 321.

Под дефектным актом в юридической литературе понимают акт, принятый с нарушением предъявляемых к нему требований, независимо от того, нарушены или нет требования законности или организационно-технические требования²¹.

На наш взгляд, принцип полноты экспертизы, предполагающий охват при экспертном исследовании всех параметров нормативного правового акта, должен соблюдаться и при оценке действующего документа.

В последние годы стали весьма популярны исследования муниципальных правовых актов на предмет их коррупциогенности. Вопросы назначения и проведения антикоррупционной экспертизы активно исследуются в юридической литературе²². Одни авторы рассматривают ее как самостоятельную разновидность экспертного исследования, другие – как специальный вид правовой экспертизы. Действующее законодательство развивается в направлении закрепления обязательности проведения антикоррупционной экспертизы принимаемых в стране правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления²³.

При смещении акцентов в сторону проверки актов на предмет их коррупциогенности важно не упустить из внимания, что правовые акты должны тщательно, в полном объеме исследоваться на предмет их соответствия законодательству, правилам юридической техники и т.п.; коррупциогенность акта – лишь один из возможных его дефектов. Поэтому положения российского законодательства об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов²⁴ закрепляют, что таковая осуществляется при проведении правовой экспертизы актов, являющейся элементом процедуры их государственной регистрации.

Экспертизы муниципальных правовых актов и их проектов могут быть классифицированы и по иным основаниям (первоначальная и повторная, основная и дополнительная и т.д.).

В заключении хотелось бы указать на то, что деятельность по проведению экспертизы муниципальных правовых актов и их проектов должна быть надлежаще нормативно и методически обеспечена. Речь идет о разработке специальных положений об экспертизе проектов муниципальных правовых актов в соответствующих органах и организациях. В них следует определить перечень лиц, наделенных правом проводить исследование, круг вопросов, которые будут подлежать анализу, урегулировать процедуру проведения исследования, форму и требования к составлению экспертного заключения и ряд других смежных вопросов. Аналогичные документы сегодня приняты по вопросу проведения антикоррупционной экспертизы, а также юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации²⁵.

Список литературы

1. Закиров И.А. Правовая экспертиза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2008.
2. Правовые акты: оценка последствий: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: «Юриспруденция», 2011.

²¹ См.: Каменева Е.Н. Оспаривание нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2001. – № 8. – С. 4-11; Антонова Н.А. Органы местного самоуправления: нормативные правовые акты: научно-практическое пособие. – М.: Дело, 2006. – С. 122-124.

²² См., напр.: Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие / отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010; Сомов К.С. Из практики прокуратуры Новгородской области по реализации полномочий по антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов // Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов: сборник статей / под ред. Н.Н. Карпова, И.В. Черепановой. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – Ч. II. – С. 77-85.

²³ См.: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. (в ред. от 21.11.2011 г.) № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

²⁴ См., напр.: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. (в ред. от 21 ноября 2011 г.) № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований»; постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

²⁵ См.: Приказ Минюста РФ от 29.10.2003 г. (в ред. от 26.08.2008 г.) № 278 «Об утверждении Рекомендаций по проведению юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» // Бюллетень Минюста РФ. – 2003. – № 11.

3. Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики / Под ред. О.И. Цыбулевской. – Саратов: ПАГС, 2009.
4. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2009 г. // www.cdep.ru/userimages/2009-.doc
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2010 г. // www.cdep.ru/index.php?id=5
6. Итоги переходного периода реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: сборник информационно-аналитических материалов Министерства регионального развития Российской Федерации. – М.: АНХ, 2009.
7. Прокуратура Омской области подвела итоги деятельности по надзору за законностью актов органов местного самоуправления // www.prokuratura.omsk.ru/0902111.html
8. Карташов В.Н., Вантеева Н.В. Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления (некоторые методологические, теоретические и практически-прикладные аспекты проблемы). – Ярославль: Рэмдер, 2010.
9. Генеральная прокуратура России обобщила итоги надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления // www.genproc.gov.ru/news/news-73162/
10. Петрова Л., Манакова С. Роль прокуратуры в правотворческой деятельности / Л. Петрова, С. Манакова // Законность. – 2008. – № 3. – С. 6.
11. Шадыбеков К.Б. Правовое регулирование форм местного самоуправления в Кыргызской республике (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006.
12. Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2010.
13. Каменева Е.Н. Оспаривание нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации / Е.Н. Каменева // Законодательство и экономика. – 2001. – № 8. – С. 4-11.
14. Антонова Н.А. Органы местного самоуправления: нормативные правовые акты: научно-практическое пособие. – М.: Дело, 2006.
15. Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие / отв. ред. В.Н. Найдено, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010.
16. Сомов К.С. Из практики прокуратуры Новгородской области по реализации полномочий по антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов / К.С. Сомов // Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов: сборник статей / под ред. Н.Н. Карпова, И.В. Черепановой. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – Ч. II. – С. 77-85.

THE EXPERT EXAMINATION OF MUNICIPAL LEGISLATIVE ENACTMENTS AS THE WAY OF THE GUARANTEE OF THEIR QUALITY

N. V. VANTEEVA

*Yaroslavl State University
name under P.G. Demidov*

e-mail: vanteeva_nv@mail.ru

The research is devoted to the expert examination of municipal legislative enactments. In the work it is stressed that this institute is very important for the municipal lawmaking. The author considers certain kinds of expert examinations, states the suggestions for the improvement of the applicable legislation and the practice of its implementation.

Keywords: Expert examination, municipal legislative enactment, project of municipal legislative enactment.

УДК – 342.7

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ПРАВ И СВОБОД МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ¹**В.Г. ЕРМАКОВ¹**
С.А. МОСКАЛЕНКО²¹ *Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина*

e-mail: Konst@elsu.ru

² *Белгородский государственный национальный исследовательский университет*e-mail:
moskalenko_s@bsu.edu.ru

В данной статье представлен анализ конституционно-правовых актов российского государства на предмет выявления в них норм, закрепляющих принцип равенства прав и свобод мужчин и женщин. В контексте конституционно-правового исследования, по мнению автора, продуктивно хронологическое деление связанное именно с отображением основных положений о гендерном равенстве в учредительных актах государства. И поскольку история России в целом масштабнее отечественной истории на основе конституций, то выделены и охарактеризованы доконституционный и конституционный этапы развития заявленного основного положения.

Ключевые слова: право, свобода, возможность, гендер, материнство, семейные права, избирательные права, гарантии, равенство, конституции

Принцип равенства предполагающий, что все члены общества поставлены в одинаковые условия, является неотъемлемой характеристикой справедливого общественного устройства. Указанный принцип, исходя из такой значимости и адресации различным субъектам, представляется возможным классифицировать и интерпретировать в связи со спецификой последних.

Так, в качестве субъектов принципа равенства, помимо иных, выступают мужчины и женщины. В данном контексте равенство прав и свобод является своеобразным индикатором состояния равенства в обществе вообще, отражает специфические взаимоотношения полов. Вместе с тем принцип равенства мужчин и женщин соединяет в себе основные характеристики равенства, в целом отражает его сущность и содержание².

Уточним, что сущность принципа гендерного равенства состоит в том, что женщины и мужчины являются независимыми (свободными) и равными субъектами права, в том числе обладают известной и равной автономией воли в случае своего участия в социальных связях и отношениях, реализации своих прав и законных интересов³.

Полагаем, исследование юридической природы и генезиса феномена равенства мужчин и женщин будет способствовать уяснению его сущности, а также выявлению положительных и отрицательных сторон развития. Это позволит сделать оценку современного состояния принципа гендерного равенства и скорректировать его реализацию в оптимальном прогрессивном векторе. Поэтому дальнейшее исследование будет связано с обособлением этапов развития равноправия мужчин и женщин и их характеристикой.

При рассмотрении заявленной темы нами в юридической литературе было обнаружено мнение, в соответствии с которым в целом в истории развития гендерного равноправия в России можно выделить два основных этапа: первый связан с развитием гендерного равноправия в монархический период, второй – в республиканский период⁴. Считаем, данная классификация имеет право на существование. Однако в контексте конституционно-правового исследования, будет продуктивным хронологическое деление связанное именно с отображением основных положений о равенстве мужчин и женщин в учредительных актах государства. И поскольку история России в целом масштабнее истории России на основе конституций, то целесообразно выделение доконституционного и конституционного этапов развития.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² См.: Зайков Д.Е. Развитие принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин в советский и постсоветский периоды // История государства и права. – 2011. – № 18. – С. 18-21.

³ Поленина С.В., Скурко Е.В. Право, гендер и культура в условиях глобализации. – М.: Формула права, 2009. – С. 14.

⁴ Пашенцева С.В. Этапы развития гендерного равноправия в России // Право и политика. – 2007. – № 12.

Уточним, что в рамках доконституционного этапа (1019-1936 гг.) возможно сделать вывод о формальном закреплении равенства мужчин и женщин, исходя из отдельных нормативных правовых актах, положения которых адресованы обоим полам.

Так, по Русской Правде убийство женщины высокого рода влекло за собой «виру» в половину того, что следовало выплатить за убийство мужчины того же ранга: 40 гривен за мужчину, 20 – за женщину⁵. Однако такая ситуация была характерна не для всех стран в данном временном промежутке. Например, в Салической правде в случае убийства женщины, которая могла иметь детей, взимался штраф в размере 600 солидов, а за убийство мужчины штраф составлял 200 солидов.

Позже по Соборному уложению 1649 г. ситуация в отношении женщин не изменилась: за убийство мужа женщину закапывали живьем в землю, а мужчина за убийство жены подвергался, как правило, только церковному покаянию⁶.

Неравенство женщины проявлялось, в числе прочего, в том, что она ценилась менее, чем мужчина в качестве свидетеля на суде. В одном из указов Петра Великого, посвященном судебному процессу, говорилось: «Свидетель мужеска пола паче женска»⁷.

Таким образом, в данном хронологическом промежутке женщина как часть общества не представляла никакой ценности, соответственно не могло идти и речи о ее субъективных правах.

Далее в период Российской империи законодательство продолжало защищать привилегии мужчины-мужа. Отмечалась практически полная зависимость жены от мужа, повиновение мужу как главе семейства⁸. Так, например, паспортный устав установил правило, что замужняя женщина может получить отдельный паспорт только с согласия мужа, беглую жену муж мог вытребовать к себе по этапу⁹. Жена была обязана проживать совместно с мужем, несмотря на ее желание, всюду следовать за ним, за исключением тюрьмы и ссылки.

Следовательно, на данном этапе женщина по-прежнему не выступает в качестве полноценной самостоятельной личности в обществе. Но теперь для характеристики ее правового статуса используется термин «жена» и состояние в семейных отношениях.

Вместе с тем в это время проявилась еще одна тенденция, в соответствии с которой женщины разных социальных групп были неравны перед законом. Так, представительницы привилегированных, имущих слоев находились в лучшем правовом положении, чем крестьянки и работницы¹⁰.

Формально ситуация стала изменяться 4 февраля 1914 г. с принятием Закона, который предоставил всем женам право взять себе отдельный паспорт без согласия мужа. Этот нормативный правовой акт, с одной стороны, давал жене право уйти от мужа, но с другой – полиция имела право явиться к ней и водворить к мужу на основании ст. 103, которая гласила: «Супруги обязаны жить вместе, а посему: 1) строго запрещаются всякие акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов; 2) при переселении, при поступлении на службу или при иной перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним»¹¹.

Нормы уголовного законодательства Российской империи также слабо защищали права женщин. Например, похищение женщины влекло за собой менее суровое наказание, чем конокрадство и похищение крупного рогатого скота. Напротив, если женщина покинула мужа, дав свое согласие на похищение, ей грозило тюремное заключение на

⁵ История отечественного государства и права: Хрестоматия. – Екатеринбург, 2009. Ч. 1. – С. 15.

⁶ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.

⁷ См.: Пашенцева С.В. Этапы развития гендерного равноправия в России // Право и политика. – 2007. – № 12.

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 516. Оп. 1. Д. 6. Л. 368.

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 516. Оп. 1. Д. 6. Л. 347 об.

¹⁰ См.: Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). – Иваново, 1994. – С. 18.

¹¹ Покровская М.И. Закон и жизнь // Статьи из ежемесячного журнала «Женский вестник»; http://www.owl.ru/win/books/rw/s2_3.htm

срок от 8 месяцев до года. Женщин наравне с мужчинами приговаривали к каторжным работам, беременность женщины лишь приостанавливала исполнение смертной казни¹².

Неравенством отличалось положение мужчин и женщин в государственной службе. Врачи-женщины, занимавшие медицинские должности, не пользовались правом производства в чины и награждения орденами. Женщины, служившие в учреждениях государственного контроля, адресных столах и на железных дорогах Министерства путей сообщения, вообще не пользовались правами, предоставлявшимися государственной службой, а также правом замещения штатных должностей¹³. В иные учреждения государственной службы женщин вообще не брали.

Одной из составляющих правового статуса женщины являются ее политические права и, в частности, избирательное право. До 1917 г. русские женщины были фактически лишены возможности участвовать в государственном управлении и самоуправлении.

В соответствии со ст. 17 Положения о земских учреждениях 1864 г. женщины не могли участвовать в земских избирательных собраниях. Им дозволялось только посылать вместо себя на собрания уполномоченных: своих «отцов, мужей, сыновей, зятей, внуков, родных братьев или племянников»¹⁴. Городовое положение 1870 г. также устанавливало, что женщины могут участвовать в избрании гласных городской думы не лично, а через уполномоченных, снабженных доверенностями (ст. 25).

С учреждением представительного органа – Государственной Думы, женщины, согласно Положению о выборах 1906 г. в этих выборах также не участвовали.

Когда к власти в России пришли большевики, они занялись реформированием всей системы социальных отношений, в том числе отношений между полами. Прежде всего, это было связано с формальным предоставлением женщинам равных прав с мужчинами.

В связи с этим активно пропагандировалась идея включения женщины в производство, в общественные отношения при полном уравнивании в правах с мужчинами¹⁵. Такое включение рассматривалось как неременное и обязательное условие построения социализма. В. И. Ленин писал, что «без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии»¹⁶.

Последующее вовлечение женщины в общественную жизнь меняло ее роль в обществе и требовало трансформации всего быта на коллективных началах. Брак в таких условиях предполагал и полное равноправие в семейных отношениях, а также упрощение процедуры его заключения и расторжения. В связи с этим в декабре 1917 г. был принят Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния¹⁷, который установил новую форму брака – гражданский брак, заключаемый уже не в церкви по религиозным обрядам, а в специальных государственных органах записи актов гражданского состояния.

В сентябре 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве¹⁸. В документе единственной законной формой брака признавался гражданский брак, зарегистрированный в отделе записи актов гражданского состояния. Допускались разводы, основанием для которых могло стать как обоюдное согласие обоих супругов, так и желание одного из них. В первом случае развод оформлялся через загс, в котором был зарегистрирован брак, а во втором – через суд.

Таким образом, на данном хронологическом этапе законодательство уравнило женщин в семейной сфере с мужчинами.

¹² Пашенцева С.В. Этапы развития гендерного равноправия в России // Право и политика. – 2007. – № 12.

¹³ Михайлова В. Русские законы о женщине. – М., 1913. – С. 6.

¹⁴ Михайлова В. Русские законы о женщине. – М., 1913. – С. 2.

¹⁵ Пашенцева С.В. Этапы развития гендерного равноправия в России // Право и политика. – 2007. – № 12.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. – С. 165.

¹⁷ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» // <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2098>

¹⁸ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 76-77. – Ст. 818.

Уже через месяц после Октябрьской революции 1917 г. российские женщины были свободны от существовавших прежде ограничений: они получили право свободно избирать профессию, место жительства, получать образование, расторгать брак и др. В 1920 г. было легально закреплено право женщин на аборт.

Далее отметим, что в принятых до 1936 г. конституциях, фактически не предусматривалось юридических конструкций прямо указывающих на наличие принципа равенства мужчин и женщин. Так, Конституция РСФСР 1918 г.¹⁹ терминологически в качестве субъектов выделяла гражданина, трудящегося. Исходя из представления пролетарского государства, мужчина и женщина имели одинаковый статус и были равны как «трудящиеся» или «трудящиеся массы» (ст. 7).

Вместе с тем следует уточнить, что Конституцию РСФСР 1918 г. можно расценивать в качестве первого акта, в котором было закреплено равенство российских женщин с мужчинами в политических и гражданских правах. В ст. 64 этой Конституции было особо подчеркнуто, что правом избирать и быть избранными пользуются «обоюго пола граждане». Сегодня, когда участие женщин в общественно-политической жизни развитых западных государств стало обычным явлением, уместно вспомнить, что Советская Россия оказалась в первой пятерке стран мира, предоставивших женщинам право избирать и быть избранными в представительные органы страны. Отметим, что до сих пор женщины лишены избирательного права в Иордании, Ливии, Саудовской Аравии и некоторых других странах²⁰.

Конституции СССР 1924 г.²¹ не затрагивала вопросы положения человека, гражданин, мужчины и женщины, так как в ней был определен порядок образования СССР.

Таким образом, в советский период принцип равенства мужчин и женщин впервые был закреплен в ст. 122 Конституции СССР 1936 г. в следующей формулировке: «Женщинам в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов»²².

Указанная конституционная норма выравнивала статус одного пола по статусу другого – мужского. По мнению Л. Н. Завадской, нет оснований говорить о гендерной идее равенства двух полов, поскольку стандарт, заложенный в Конституции СССР 1936 г., был односторонним – мужским. В его основе не было идеи уважения прав человека независимо от пола. Однако это был важный шаг в понимании того, что женщина должна быть равной с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, хотя и в условиях ограниченной свободы, пределы которой определялись государством²³.

В качестве положительного момента необходимо указать на введение конструкции «равные права – равные возможности», позволяющей реализовывать положения принципа равенства мужчин и женщин, хотя от установления усеченной области равных воз-

¹⁹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.; прекр. действие) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 51; www.garant.ru

²⁰ Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2004. – С. 421.

²¹ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1923. – № 150.

²² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР от 07.10.1977 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936, 6 декабря.

²³ Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л.Н. Завадская. – М.: Издательство «БЕК», 2001. – С. 22.

возможностей женщин реализовывать равные с мужчинами права законодателю уйти не удалось²⁴.

Аналогичные установления относительно рассматриваемого принципа содержались и в ст. 126 Конституции РСФСР 1937 г.²⁵

Почти одновременно с Конституцией, 27 июня 1936 г., было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роже-ницам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве об абортах». Данный правовой акт, по мнению С. Г. Айвазовой, фактически подводил черту под прежней практикой и теорией «свободной любви» и «свободной семьи». Государство начинало брать под свою опеку семью как ячейку общества. Оно нуждалось в прочной опоре, в устойчивых социальных связях и отношениях, которые всегда и везде обеспечивает семья²⁶.

8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ, согласно которому только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов. Указ устанавливал неравенство женщины в том случае, если она решалась на внебрачную связь и свободную любовь. Все свободные фактические браки приравнивались к внебрачным связям.

Была усложнена процедура развода, сам развод стал считаться признаком моральной неустойчивости, мог повлечь неприятные последствия для карьеры. Роль женщины в указанном хронологическом промежутке – хранительница семейного очага, нравственная опора семьи и при этом труженица социалистического производства. Таким образом, правовой статус женщины был противоречивым, что порождало диспропорции в соответствующих отношениях²⁷.

После смерти И. В. Сталина в 1953 г. в сфере регулирования отношений между мужчиной и женщиной произошли изменения, связанные с их определенной либерализацией. Реформа образования 1954 г. восстановила смешанное образование; в 1955 г. вновь был легализован аборт, а в 1965 г. – значительно облегчена процедура развода. В 1968 г. был принят новый документ – Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. Его положения касались не столько долга и обязанностей женщин, сколько их прав в связи с материнством. В целом государственное гарантирование адресовалось женщине-матери.

Далее обратимся к ст. 35 Конституции СССР 1977 г., которая определила, что «Женщина и мужчина имеют в СССР равные права. Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно – политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин; созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей»²⁸.

²⁴ См.: Зайков Д.Е. Развитие принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин в советский и постсоветский периоды // История государства и права. – 2011. – № 18. – С. 18-21.

²⁵ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР от 12.04.1978 г. // Документ опубликован не был; www.garant.ru

²⁶ См.: Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. – М., 1998.

²⁷ Пашенцева С.В. Этапы развития гендерного равноправия в России // Право и политика. – 2007. – № 12.

²⁸ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик принята ВС СССР 07.10.1977 г. Утратила силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 08.12.1991 г. «О создании содружества независимых государств» // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

По мнению Л. Н. Завадской, отличительной чертой Конституции 1977 г. была идея о предоставлении гражданам всего объема экономического и социальных прав при минимальном объеме политических и гражданских прав.

Такая конституционная доктрина, как утверждает Л. Н. Завадская, с позиций социалистического и одновременно, тоталитарного государства определяла отношение государства к гражданам. Мужчины и женщины имели равные права без изъятий, поскольку таковые были сделаны для всех.

Особенностью ст. 35 Конституции СССР 1977 г. являлось положение о предоставлении женщинам равных с мужчинами возможностей с целью гарантировать не только равенство в правах, но и равенство фактическое.

В первоначальном варианте Конституции РСФСР 1978 г. ст. 33 (вслед за ст. 35 Конституции СССР 1977 г.) содержала специальные гарантии равных прав женщины и мужчины²⁹. Это одна из наиболее обширных формулировок о гарантиях равноправия женщин и мужчин из когда-либо включавшихся в конституции в мире. К сожалению, 21 апреля 1992 г. в результате внесения изменений в Конституцию России данная формулировка была изъята из Основного закона. Положение о равноправии людей вне зависимости от пола было перенесено из ст. 33 в ч. 3 ст. 34 Конституции и сформулировано следующим образом: «Мужчины и женщины имеют равные права свободы».

В основу данных конституционных изменений были положены политические процессы и происходящие трансформации того периода. Первоначально они отражались в отдельных декларативных документах.

Так, Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-1 была утверждена Декларация прав и свобод человека³⁰, которая вопрос о равенстве мужчин и женщин рассмотрела в одностороннем порядке, не выделяя даже отдельной правовой нормы для решения этой проблемы: заявленный принцип был имманентен только в брачным отношениям в виде равной защиты законом мужчин и женщин.

Позже Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина³¹, положения которой по закреплению принципа равенства мужчин и женщин носили более совершенный характер: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы». Таким образом, впервые было закреплено равенство не только прав, но и свобод мужчин и женщин.

Уточним, что в указанном правовом акте впервые в формулировке принципа гендерного равенства мужчина поставлен на первое место. По мнению Д. Е. Зайкова, данное обстоятельство обусловлено намерением законодателя уйти от откровенно патерналистской позиции по отношению к женщинам и возврату к исторически сложившемуся распределению роли мужчин и женщин в обществе и государстве³².

Однако Декларация прав и свобод человека и гражданина не в полной мере приняла опыт советских конституций, в связи с чем были утрачены важнейшие достижения в области прав человека и гражданина.

В Конституции РФ 1993 г. в ч. 3 ст. 19 несколько расширила указанную в Декларации 1991 г. формулировку («Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации»), но полнота перечисленных возможностей и гарантий, содержащихся в Основном законе 1978 г. так и не была воспроизведена.

Подводя итоги данной работы, отметим, что в контексте конституционно-правового исследования, целесообразно выделить доконституционный (1019-1936 гг.) и конституционный (1936 г. – до настоящего времени) этапы развития принципа равенства прав и свобод мужчины и женщины.

Так, в рамках первого этапа целесообразно обособить царско-имперский период (1019 – октябрь 1917 гг.). Здесь необходимо исходить из формального закрепления равен-

²⁹ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России принята ВС РСФСР 12.04.1978 г. Утратила силу в связи с принятием Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

³⁰ Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1083.

³¹ Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

³² Зайков Д.Е. Развитие принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин в советский и постсоветский периоды // История государства и права. – 2011. – № 18. – С. 18-21.

ства мужчин и женщин в отдельных нормативных правовых актах, положения которых адресованы обоим полам. Законодательство данного хронологического периода девальвирует значение женщины в обществе; позже (с 1649 г.) характеризуется восприятием женщины в качестве жены в рамках семейных отношений. Права женщины дискриминируются в политической, государственной, социальной и пр. сферах.

С 1917 г. женщины формально и фактически уравниваются в правах с мужчинами в рамках семейных отношений. По Конституции РСФСР 1918 г. женщины также получают избирательные права.

Несмотря на то, что до 1936 г. в России принимались конституции, на предмет заявленного исследования – закрепление принципа гендерного равенства, таковых норм не обнаружено.

Второй этап в развитии принципа равенства прав мужчины и женщины – конституционный. Специфика изложения заявленного основного положения дает автору основания для выделения отдельных периодов в этом хронологическом промежутке.

С 1936 г. по 1977 г. характерно усечено-отраслевое понимание принципа гендерного равенства с использованием формулы «равные права – равные возможности».

С 1977 г. по 1991 г. наличествует универсально-гарантный способ определения принципа равенства прав и свобод мужчины и женщины при сохранении формулы «равные права – равные возможности».

С 1991 г. по 1993 г. межконституционный временной отрезок отличился укреплением равенства как прав, так и свобод мужчин и женщин в документах декларативного характера.

С 1993 г. современно-конституционный период, консолидирующий в отдельном положении равенство прав и свобод мужчины и женщины с равными возможностями реализации.

Резюмируя проведенное исследование, отметим, что на протяжении всего периода развития феномен равенства прав мужчин и женщин характеризуется дисбалансом. При этом в качестве уязвленной стороны выступает женщина. Полагаем, представленный исторический опыт развития принципа равенства мужчины и женщины, его конституционное признание и гарантирование в совокупности будут способствовать реализации не только формальной, но и фактической модели гендерного равенства в России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.; прекр. действие) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 51; www.garant.ru
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР от 07.10.1977 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936, 6 декабря.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик принята ВС СССР 07.10.1977 г. Утратила силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 08.12.1991 г. «О создании содружества независимых государств» // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России принята ВС РСФСР 12.04.1978 г. Утратила силу в связи с принятием Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.
6. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.). Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1923. – № 150.
7. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социали-

стической Республики». Утратил силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР от 12.04.1978 г. // Документ опубликован не был; www.garant.ru

8. Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

9. Декларация прав и свобод человека от 5 сентября 1991 г. // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1083.

10. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 76-77. – Ст. 818.

11. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» // <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2098>

12. Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2004.

13. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. – М., 1998.

14. Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л.Н. Завадская. – М.: Издательство «БЕК», 2001.

15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 516. Оп. 1. Д. 6. Л. 368.

16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 516. Оп. 1. Д. 6. Л. 347 об.

17. Зайков Д.Е. Развитие принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин в советский и постсоветский периоды // История государства и права. – 2011. – № 18.

18. История отечественного государства и права: Хрестоматия. – Екатеринбург, 2009. Ч. 1.

19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. – С. 165.

20. Михайлова В. Русские законы о женщине. – М., 1913. – С. 6.

21. Пашенцева С.В. Этапы развития гендерного равноправия в России // Право и политика. – 2007. – № 12.

22. Покровская М.И. Закон и жизнь // Статьи из ежемесячного журнала «Женский вестник»; http://www.owl.ru/win/books/rw/s2_3.htm

23. Поленина С.В., Скурко Е.В. Право, гендер и культура в условиях глобализации. – М.: Формула права, 2009. – С. 14.

24. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.

25. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). – Иваново, 1994.

DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLE OF EQUAL RIGHTS AND FREEDOMS FOR MEN AND WOMEN IN RUSSIA

V.G. ERMAKOV¹⁾
S.A. MOSKALENKO²⁾

¹⁾ *Elets'kii State University*
I.A. Bunin

e-mail: Konst@elsu.ru

²⁾ *Belgorod State National
Research University*

*e-mail:
moskalenko_s@bsu.edu.ru*

This article presents an analysis of the constitutional and legal acts of the Russian state to identify them in the rules embodying the principle of equal rights and freedoms for men and women. In the context of the constitutional and legal research, in my opinion, productive chronological division is associated with the mapping guidelines on gender equality in the basic instruments of the state. And as the history of Russia as a whole bigger national history based on the Constitution, then isolated and characterized dokonstitutsionny and constitutional development stages of the stated guideline.

Key words: law, liberty, opportunity, gender, motherhood, family rights, voting rights, guarantees, equality, constitution.

УДК 340.113

РОЛЬ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КАТЕГОРИИ «РИСК»¹**М.В. МАРХГЕЙМ¹**
А.Е. НОВИКОВА²¹ *Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: markheim@bsu.edu.ru*² *Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: alevtina2010@yandex.ru*

В статье представлен анализ содержательного развития категории риск в гуманитарных и естественных науках. Дается характеристика обращения частных и публичных отраслей юридической науки к использованию категории «риск».

Ключевые слова: риск, вероятность, неопределенность, обоснованный, правомерный, оправданный, нормальный производственно-хозяйственный.

Современное российское общество характеризуется достаточной степенью самостоятельности и инициативности граждан в различных сферах. Естественно, что всякая деятельность вынуждает идти на риск для достижения определенной цели.

Риск относится к тем категориям, которые, во-первых, имманентно сопровождают жизнь человека; во-вторых, связаны практически со всеми сферами жизнедеятельности; в-третьих, исследуются разными областями знаний; в-четвертых, довольно активно расширяют масштабы своего проявления. Риски разной природы могут способствовать нейтрализации или усилению последствий друг друга².

Таким образом, риск представляет собой явление, с которым человек сталкивается постоянно и в этой связи вынужден с ним считаться. Он настолько широко распространен в обществе, насколько велик круг направлений действий, осознанно осуществляемых человеком, и количество обстоятельств, которые воспринимаются людьми как способные отклонить фактические результаты их действий от намеченных. Не случайно, поэтому круг исследований, занимающихся рисками и разработкой способов снижения их уровня или сглаживанием их негативных последствий, чрезвычайно широк и охватывает самые разнообразные направления знаний. При этом с развитием цивилизации становится все более очевидным, что интерес к фактору риска не только не ослабевает, а, наоборот, набирает силу. Данное обстоятельство, на наш взгляд, логично вытекает из самой природы риска как явления, имеющего не только объективную, но и субъективную природу. Если объективно фактор риска обуславливается неопределенностью как неизбежным свойством окружающей человека реальности, то субъективная природа фактора риска определяется тем, что оценить вероятность тех или иных результатов, просчитать шансы на удачу или неудачу может только наделенный сознанием субъект. Как подчеркивает Н. Луман, «Сам по себе внешний мир не знает никакого риска, ибо ему неизвестны ни различия, ни ожидания, ни оценки, ни вероятности ...»³. Но если риск – это субъективное ощущение и субъективная оценка опасности, то неизбежность усиления фактора риска следует уже из того, что всякое увеличение накопленного знания автоматически ведет к расширению непознанного. Весьма убедительным в этом отношении представляется использование одной из наиболее известных и одновременно древних философских моделей – так называемой «сферы Аристотеля»⁴. Внутренность этой сферы, ее объем

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² Бутяев А.Г. Макроэкономические детерминанты государственной политики России по минимизации интеграционных экономических рисков. Монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2007. – С. 19.

³ Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 139.

⁴ Братимов О.В., горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 77.

символизирует накопленное знание, а ее поверхность – это неизвестное, что окружает человека. Чем больше человек узнает, тем больше радиус этой сферы и ее площадь и тем, соответственно, больше и разнообразнее объемы окружающего неизвестного. Поскольку неизвестное практически всегда воспринимается человеком как потенциальная угроза, то и круг осознаваемых рисков не может не расширяться. Кроме того, сама повседневная практика существования человеческого общества дает колоссальное количество подтверждений того, что никакие успехи в области науки, техники, медицины, страхового дела ни в состоянии устранить из жизни людей этот тревожащий фактор. Более того, именно при современном, самом высоком за всю историю человечества, уровне развития науки и техники пришло осознание того, что сам факт существования человеческой цивилизации – это область глобального риска, и у человечества нет способа защиты от него.

Данный тезис подчеркивает необходимость специального изучения сущности феномена риска с учетом его видовых особенностей для более результативной минимизации негативных последствий.

О риске сегодня говорят специалисты самых разных дисциплин, соответственно, существует многообразие подходов к определению риска с учетом сферы исследования и приложения.

С философской точки зрения «риск» – это возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта⁵.

Для социологической науки также характерно обращение к исследованию категории «риск» в специальном преломлении с использованием прилагательного «социальный».

Так, Е. Е. Мачульская определяет социальный риск как вероятностное событие, наступающее в результате утраты заработка или другого трудового дохода, падения уровня жизни ниже отметки прожиточного минимума и по объективным социально значимым причинам создающее необходимость социальной защиты со стороны государства⁶.

М. О. Буянова, уточняя определение, данное Е. Е. Мачульской, говорит о том, что, во-первых, нельзя связывать социальный риск только с вероятностью наступления материальной необеспеченности. Государство обеспечивает инвалидов и престарелых в стационарных и полустационарных учреждениях независимо от их материального положения. Содержание детей в детских учреждениях, предоставление различных услуг инвалидам: протезирование, трудоустройство, профессиональная подготовка, обеспечение транспортными средствами, как правило, тоже не связывается с их материальным положением. Во-вторых, названные причины утраты заработка, дохода или внутрисемейного содержания не охватывают всего спектра оказываемых видов социального обеспечения (одиночество, бедность, вынужденные переселенцы, беженцы и т.д.)⁷.

М. Ю. Федорова, проведя исследование понятия «социальные риски», делает вывод, что таковые в широком смысле слова представляют собой возможность возникновения социально неблагоприятных ситуаций, связанных с необходимостью поддержки гражданина со стороны государства и общества⁸. Это не только риски материальной необеспеченности, но и риски социального неблагополучия (сиротства, безнадзорности, одиночества и др.). Разновидностью социальных рисков являются социально-экономические, которые представляют собой возможность утраты или уменьшения заработка или иного трудового дохода (основные) или несения повышенных социально значимых расходов (дополнительные). Страховым социальный риск становится только в том случае, если он назван в законе или договоре, которые предусматривают его компенсацию за счет обособленного финансового источника (страхового фонда), создаваемого из

⁵ Алехнович С.О. К вопросу об изменении подходов к теории и практике национальной безопасности // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 4.

⁶ Мачульская Е.Е. Социальный риск как объективная основа социального обеспечения // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1999. – № 1. – С. 26-27.

⁷ Буянова М.О. Социальное обслуживание граждан России в условиях рыночной экономики: Теоретико-правовой аспект: Монография. – М.: ООО «Издательство Проспект», 2002. – С. 23.

⁸ Федорова М.Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования: Монография. – Омск: Омский госуниверситет, 2003. – С. 15, 33.

страховых взносов, начисляемых на заработную плату или иной трудовой доход застрахованных лиц, примерно в одинаковой степени подверженных данному риску⁹.

Резюмируя, А. Л. Благодир отмечает, что все социальные риски оказывают непосредственное влияние на возникновение материальных отношений (как страховых, так и нестраховых), которые реализуются через определенные виды правоотношений¹⁰.

В психологии понятие риска как опасности, возможного наступления вредных последствий терминологически определяется через группы риска¹¹.

Естественным можно считать пристальное внимание к данной проблематике ученых-экономистов, так как риски, имеющие экономическое содержание способны оказывать существенное влияние на развитие общества.

В специальной экономической литературе представлены следующие точки зрения относительно рисков. Первая и наиболее многочисленная состоит в том, что он не рассматривается как экономическая категория¹². Так, риск – фундаментальная, стержневая экономическая категория либерального общества, основным условием существования которого является свободный рыночный механизм¹³. Я. М. Магазинер считал риск настолько важным для права, что определял само право через понятие риска: «...все... право есть не что иное, как система распределения рисков, которая изменяет и направляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики»¹⁴.

Вторая точка зрения признает частные случаи влияния риска на экономическое поведение (асимметрия информации, эффект владения – утверждение о том, что человек ценит сегодняшнее имущество и доход гораздо выше, чем возможные имущество и доход в будущем)¹⁵. В соответствии с третьей точкой зрения риск рассматривают как категорию, влияющую на цену капитала, т.е. не самостоятельную, а входящую в состав затрат на капитал¹⁶.

Уточним, что в рамках заявленной науки некоторыми авторами риск определяется как опасность наступления непредсказуемых и нежелательных для субъекта предпринимательской деятельности последствий его действий¹⁷. Другие экономисты, например, А. Г. Каратуев отмечает, что риск – это потенциальная возможность наступления неблагоприятного для хозяйствующего субъекта события, как правило, несущего финансовые потери¹⁸.

Таким образом, исходя и представленных позиций видно, что в вопросе определения экономического содержания категории «риск» отсутствует унифицированный подход.

В экономической науке также распространено исследование рисков в связи с их видовым многообразием. Так, экономисты выделяют финансовый риск, определяя его как вероятность наступления ущерба в результате каких-либо операций в финансово-кредитной и биржевой сферах, совершения операций с ценными бумагами, то есть риск, который следует из природы финансовых операций. К финансовым рискам относится кредитный риск, процентный риск, валютный риск, риск упущенной финансовой выгоды¹⁹.

Уточним, что в современной науке имеется тенденция появления терминов, описывающих риски в смежных областях знаний. Так, по мнению, А. К. Есяяна, основным фактором, сдерживающим экономический прогресс государств-участников СНГ, ЕвразЭС, ШОС, является геополитический риск и отсутствие его явного и прямого законодательно-

⁹ Указ. соч. – С. 33-34.

¹⁰ Благодир А.Л. Социальные риски как обстоятельства, влекущие возникновение социально-обеспечительных отношений // Социальное и пенсионное право. – 2011. – № 1. – С. 5-12.

¹¹ См.: Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнова С.Д. Подростки группы риска. – СПб: Питер, 2005. – С. 5.

¹² Ховард К., Эриашвили Н.Д., Никитин А.М. Экономическая теория. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.

¹³ См.: Танаев В.М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С.С. Алексеева. – М., 2000. – С. 9.

¹⁴ Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 136.

¹⁵ Курс экономической теории. – Киров: АСА, 2005. – С. 188, 194.

¹⁶ Ковалев В.В. Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 2001. – С. 646.

¹⁷ См.: Экономика предприятия / Под ред. Н.А. Сафронова. – М.: Юрист, 1998. – С. 535.

¹⁸ См.: Каратуев А.Г. Финансовый менеджмент. – М.: ФБК-Пресс, 2001. – С. 378.

¹⁹ См.: Экономика предприятия / Под ред. Н.А. Сафронова. – М.: Юрист, 1998. – С. 537.

го регулирования. При этом «геополитическим риском названа возможность ухудшения геополитического положения государства и нации, снижение жизненной энергии этноса по любым из возможных причин»²⁰.

Геополитические риски являются стратегическими и глобальными по масштабам ущерба. В перспективном, текущем, оперативном управлении экономической сферой государства они тесно пересекаются и могут рассматриваться как политические и страновые²¹. Политические риски проявляются в изменении (улучшении или нарушении) условий производственно-торгового процесса по причинам, определяемым деятельностью органов государственного управления. Страновой риск может быть структурирован на риски конвертируемости валюты, трансферта или моратория платежа²².

Для юридической науки сегодня так же характерны исследования в области теории рисков. В отраслевом аспекте даются соответствующие определения данного понятия с учетом своей методологии и правового инструментария. Примечательно, что в юридической литературе можно встретить и различные характеристики риска. Его называют: обоснованным²³, правомерным²⁴, оправданным²⁵, нормальным производственно-хозяйственным²⁶ и т.д.

Отметим, что до настоящего времени, несмотря на прилагаемые учеными усилия, общепризнанного понятия риска в юридической литературе также не выработано. Мы солидарны с позицией С. А. Лифиренко, заключающейся в том, что в асимметрии, сложившейся в современных исследованиях риска и выражающейся в преимущественном внимании к «негативным» проявлениям рисков и, в определенной степени, игнорировании «позитивных» аспектов риска. Большинство определений риска выражают оценку риска как возможного ущерба или опасности неблагоприятного исхода в результате выбора или действия внешних факторов в связи с осуществлением принятого решения²⁷.

Находясь в юридической плоскости, обособим категорию «правовой риск», понимаемую в двух смыслах. В узком – это ситуация правовой неопределенности, вызванная причинами юридического характера, в результате чего неизвестно, наступит ожидаемое событие либо нет. Источником правовых рисков в данном случае выступают существующий режим правового регулирования тех или иных отношений, особенности возникновения, приобретения, перехода и отчуждения субъективных прав, регистрации объектов права и сделок с ними и пр. В широком смысле это ситуация правовой неопределенности, которая может быть вызвана причинами как правового, так и неправового характера, в результате чего неизвестно, наступит ожидаемое событие (правовой эффект) либо нет.

Риск в праве имеет двойственную природу. Право, с одной стороны, является регулятором риска и направлено на его наиболее справедливое распределение между сторонами либо на его минимизацию и устранение; с другой – право само порождает риск, поскольку правовые конструкции некоторых частноправовых институтов способствуют возникновению различных ситуаций риска.

В литературе по общей теории права имеется определение правоприменительного риска как творчески активной формы правоприменительной деятельности в условиях

²⁰ Глуценко В.В. Глуценко В.В. Теория государства и права: системно-управленческий подход. – Железнодорожный: ООО НПЦ «Крылья», 2000; Глуценко В.В. Управление рисками. Страхование. – Железнодорожный: ТОО НПЦ «Крылья», 1999.

²¹ Кузнецов В.Н. Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: геокультурный, социологический аспект: Доклад весенней научной сессии авторов и участников научно-издательского проекта «Безопасность Евразии». Москва. 30 мая 2006 г.

²² Глуценко В.В. Право как инструмент снижения инвестиционных рисков национальной экономики в условиях глобализации // Законодательство и экономика. – 2006. – № 9.

²³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Юрайт-Издат, 2006.

²⁴ Сокол П.В. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный). – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006.

²⁵ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Е.Н. Сидоренко. – М.: Юрайт-Издат, 2005.

²⁶ Фофанов В.А. Особенности организации системы материальной ответственности в Российской Федерации // Право и экономика. – 2006. – № 9.

²⁷ Лифиренко С.А. Проблемы риска и пути их решения в управленческой деятельности // Административное право и процесс. – 2010. – № 3. – С. 50-51.

неопределенности, связанной с альтернативным выбором в процессе принятия правоприменительного решения, создающего опасность причинения вреда правоохраняемым интересам, результаты реализации которого не могут быть однозначными, поскольку имеется вероятность наступления как желаемого результата, так и общественно опасных последствий²⁸.

К категории риска обращаются публичные и частные отрасли права. Это свидетельствует, во-первых, об универсальности этого феномена, и, во-вторых, о его многогранном правовом содержании.

Так, термин «риск» многократно употребляется в гражданском законодательстве. Однако не дано его легального определения. Встречаются, например, риск убытков участников коммерческой организации (п. 1 ст. 82, п. 1 ст. 87, п. 1 ст. 96 Гражданского кодекса Российской Федерации²⁹ – далее – Гражданский кодекс РФ); риск последствий непредъявления должником требования о представлении доказательств для исполнения уполномоченному лицу (ст. 312 Гражданского кодекса РФ); риск возникновения неблагоприятных последствий у нового кредитора при отсутствии уведомления должника об уступке права требования (п. 3 ст. 382 Гражданского кодекса РФ).

Данная отрасль также оперирует понятием «предпринимательский риск» (легальная дефиниция также отсутствует), под которым понимается опасность возникновения не предусмотренных деловым замыслом материальных и финансовых потерь (убытков) в процессе осуществления предпринимательской деятельности и, в частности, при заключении деловых сделок (договоров, контрактов, соглашений); опасность недополучения дохода, возникновения материальных и финансовых потерь в предпринимательской деятельности³⁰.

В целом, имеющиеся в цивилистической доктрине знания о риске, отображены в трех концепциях:

– объективной (Н. С. Малейн, А. А. Собчак, О. А. Кабышев, Д. Ф. Кастрюлин, А. Ю. Бушев и др.). Ее представители под риском понимают «возможность (или опасность) наступления неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет»³¹;

– субъективной (В. А. Ойгензихт, С. Н. Братусь, Ф. Г. Нинидзе, О. А. Красавчиков, В. А. Копылов). Таковая рассматривает риск «в качестве психического отношения субъекта к случайным последствиям своего поведения, допущения этих последствий, волевого регулирования поведения в определенных ситуациях»³². Например, В. А. Ойгензихт определял риск как «субъективную категорию, которая существует параллельно с виной, но может существовать и вместе с ней: как психическое отношение субъектов к результату собственных действий или действий других лиц, а также к результату объективно случайных либо случайно невозможных действий (событий), выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых, имущественных последствий»³³;

– дуалистической (А. П. Альгин, М. Ф. Озрих, Е. О. Харитонов)³⁴. Объединяет объективный и субъективный подходы, исходя из того, что «риск порождается не только процессами субъективного характера, но и такими, существование которых в конечном счете не зависит от сознания человека»³⁵.

²⁸ См.: Мамчун В.В. Правоприменительный риск: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999. – С. 9.

²⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011 г.) // Российская газета. – 1994, 8 декабря; 7 декабря, 2011.

³⁰ <http://slovari.yandex.ru/>

³¹ Афонченко А.Г. Сущность и значение риска как цивилистической категории // Современное право. – 2007. – № 8. – С. 58.

³² Указ. соч. – С. 58.

³³ Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972. – С. 77. Цит. по: Вячеслав Ф.А. Распределение рисков: понятие и значение в гражданском праве // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 2007. – № 4. – С. 80.

³⁴ Шахбазян А.А. Понятие и значение правовых рисков в гражданском праве и способы их минимизации // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 128-136.

³⁵ Афонченко А.Г. Сущность и значение риска как цивилистической категории // Современное право. – 2007. – № 8. – С. 59.

На наш взгляд, последняя из указанных концепций является наиболее обоснованной применительно к современным условиям. Считаем, только в совокупности оценки объективных и субъективных факторов возможно результативное управление риском.

Вообще есть данные о том, что в правовую науку категория риска первоначально вошла через юридический институт страхования. Как указывал В.И. Серебровский, слово «риск» по своему происхождению португальское и первоначально означало «отвесная скала». Затем в понятие риска были включены и другие предметы и обстоятельства, угрожающие кораблю на море. Наконец, при появлении других видов страхования объем понятия риска все увеличивался и постепенно начинал охватывать все случаи, возникновения которых обуславливается существование данного вида страхования³⁶. В. И. Серебровский указывал, что риск в страховом праве понимается в двух значениях: во-первых, как опасность, от последствий наступления которой заключается страхование, а во-вторых, под риском разумеется то имущество или лицо, которое оказывается объектом страхового правоотношения. Опасность должна быть индивидуализирована, должна существовать к моменту установления страхового правоотношения и быть независима от воли страхователя, так как опасность есть возможность наступления события случайного, а не преднамеренного³⁷.

Действительно, для современного гражданского права типично обращение к понятию «страховой риск». В Гражданском кодексе РФ отсутствует его легальное определение. Однако Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»³⁸ определяет страховой риск как предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Необходимые признаки события, рассматриваемого в качестве страхового риска, – вероятность и случайность его наступления (п. 1 ст. 9 указанного Закона). Исходя из изложенного, страховой риск – это обстоятельство (юридический факт) – событие или действие – вероятное и случайное, от последствий наступления которого проводится страхование и указание на которое составляет конститутивный элемент страхового обязательства.

Публичные отрасли права также обращаются к исследованию феномена риска. Так, в банковском праве одноименный риск выступает в качестве присущей банковской деятельности возможности (вероятности) понесения кредитной организацией потерь и (или) ухудшения ликвидности вследствие наступления неблагоприятных событий, связанных с внутренними факторами (сложность организационной структуры, уровень квалификации служащих, организационные изменения, текучесть кадров и т.д.) и (или) внешними факторами (изменение экономических условий деятельности кредитной организации, применяемые технологии и т.д.)³⁹.

В рамках отраслей финансового и налогового права традиционно оперирование фискальным, налоговым и другими видами рисков⁴⁰.

В широком смысле фискальные риски – это риски, возникающие в налогово-бюджетной сфере в результате взаимоотношений государства и хозяйствующих субъектов. В более узком смысле фискальные риски – это возможность (угроза) финансовых и иных потерь, связанных с формированием и расходованием централизованных фондов денежных средств государства для участников бюджетно-налоговых правоотношений. При рассмотрении существа вопроса выделяют фискальные риски государства (связаны с угрозами снижения и потерь доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы и иных фондов денежных средств⁴¹) и фискальные риски хозяйствующих субъектов (возмож-

³⁶ См.: Серебровский В.И. Очерки советского страхового права // Избранные труды. – М.: Статут, 1997 (Классика российской цивилистики). – С. 394-395.

³⁷ Там же.

³⁸ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 56.

³⁹ Письмо Банка России от 23 июня 2004 г. № 70-Т «О типичных банковских рисках» // Вестник Банка России. – 2004. – № 38.

⁴⁰ Например, рыночные, процентные, фондовые риски в «Положение о порядке расчета кредитными организациями величины рыночного риска» (утв. Банком России 14.11.2007 г. № 313-П) (ред. от 20.04.2011 г.) // Вестник Банка России. – 2007, 12 декабря.

⁴¹ Пименов Н.А. Фискальные риски в системе налоговой безопасности предприятий и государства // На-логи. – 2010. – № 4. – С. 10-13.

ность (угроза) финансовых и иных потерь, связанных с формированием и расходованием фондов денежных средств государства⁴²).

Налоговый риск определяют как возможное наступление неблагоприятных правовых последствий для налогоплательщика в результате действий (бездействия) органов государства и органов местного самоуправления⁴³.

Учитывая специфику отрасли, военное право рассматривает риск в военно-служебной деятельности. В силу этого в военном законодательстве применяется термин «оправданный служебный риск». Данное понятие употребляется в ч. 3 ст. 3 Федерального закона РФ от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»⁴⁴: предусмотрено такое основание освобождения военнослужащего от имущественной ответственности, как оправданный в данных конкретных условиях служебный риск. Однако правовой характеристики такого риска в законодательстве пока нет.

В процессе военно-служебной деятельности военнослужащий связан и взаимодействует со сложной военной техникой, участвует в управлении комплексными физическими, химическими и биологическими процессами. При этом осуществление такой его деятельности, как правило, носит коллективный характер, т.е. производится не самостоятельно, а при сотрудничестве многих лиц. При этом объективно существующие недостатки в военной технике, пробелы в познании закономерностей используемых технических процессов и недостатки организационного порядка часто не могут быть поставлены в вину конкретным лицам. Таким образом, ущерб, причиняемый военному имуществу в результате таких явлений, – следствие сил, выходящих из-под контроля отдельного человека. Поэтому в военно-служебной деятельности принято говорить о наличии военно-служебного риска. Риск чаще всего имеет место при разработке, освоении и испытании новых образцов вооружения и военной техники, оборудования, новых технологий, при решении различного рода нестандартных задач, возникающих как в повседневной деятельности войск (сил), так и в боевой обстановке. Под состоянием военно-служебного риска понимается служебно-хозяйственная деятельность, допускающая возможность получения результатов, не восполняющих полностью или частично понесенных воинской частью расходов⁴⁵.

Важнейшим для выяснения условий освобождения военнослужащих от материальной ответственности является определение критериев оправданности (правомерности) военно-служебного риска. В законодательстве, а также в теории и практике права выработаны следующие критерии правомерности риска, которые необходимо применять к данному случаю: цель не могла быть достигнута средствами, не связанными с риском; цель является общественно полезной; совершенное действие соответствует современным знаниям и опыту; лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения ущерба. При этом право на риск признается только за военнослужащим, обладающим соответствующей профессиональной подготовкой. По этим критериям необходимо отличать обоснованный военно-служебный риск от необоснованных решений ради выполнения поставленных задач любой ценой.

Необходимо также иметь в виду, что оправданный риск имеется в наличии только тогда, когда существует лишь некоторая вероятность, возможность наступления негативных последствий. Если же наступление таких последствий несомненно, ситуацию (при всех прочих равных условиях) следует оценивать уже с точки зрения крайней необходимости.

К исследованию риска обращается и отрасль уголовного права. В таковой используется термин «обоснованный риск». Согласно ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – Уголовный кодекс РФ), «Риск признается обоснованным, если указанная

⁴² Указ. соч. – С. 10-13.

⁴³ Щекин Д.М. Налоговые риски и тенденции развития Налогового права / под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Статут, 2007.

⁴⁴ Федеральный закон РФ от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (ред. от 04.12.2006 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3682; 2006. – № 50. – Ст. 5281.

⁴⁵ Ивашин А.А., Цуканов О.В. Материальная ответственность военнослужащих и гражданского персонала (комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих») (постатейный). – М.: За права военнослужащих, 2003.

цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия»⁴⁶.

Впервые норма, регламентирующая условия освобождения от уголовной ответственности за причинение вреда при обоснованном риске, появилась в Теоретической модели Уголовного кодекса в ст. 54. Позднее норма об оправданном профессиональном и хозяйственном риске содержалась в ст. 27 Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., которые так и не стали действующим нормативно-правовым актом в связи с распадом Союза ССР. Первоначально предполагалось два вида риска в качестве обстоятельства, исключаящего преступность деяния, – профессиональный и хозяйственный.

Под профессиональным риском предлагалось понимать «возможность причинения вреда государственным, общественным или личным интересам при осуществлении лицом профессиональной деятельности в целях достижения общественно-полезного результата»⁴⁷. Хозяйственный риск имел место только в процессе хозяйственной деятельности и являлся одним из видов профессионального риска. По мнению В. Мельниковой, «профессиональный риск как родовое понятие значительно шире, поэтому отдельным его видом может выступать и хозяйственный риск»⁴⁸.

А. Б. Сахаров в профессиональном риске выделял два существенных обстоятельства. Во-первых, такой риск возможен в любой сфере профессиональной деятельности – производственной, научно-технической, врачебно-медицинской и т.д. Во-вторых, право на риск имеет не любой гражданин, а лишь тот, кто профессионально занимается данной деятельностью и способен обеспечить соблюдение указанных условий его правомерности⁴⁹.

Справедливым является мнение Т. Орешкиной, которая предлагала уголовный риск назвать именно обоснованным, а не хозяйственным и профессиональным, так как в современном обществе трудно отграничить профессиональную деятельность от непрофессиональной и ряд квалифицированных и социально значимых сфер приложения человеческих способностей исторически сформировался вне профессионального риска. Поэтому правомерно говорить об обоснованном риске не только в профессиональной, но и в иной хозяйственной, предпринимательской, спортивной, научной деятельности, а также в отдельных видах культурного досуга⁵⁰.

Таким образом, в ст. 41 Уголовного кодекса РФ 1996 г. риск был определен как «обоснованный». И акцент был сделан не на ограничение его в сфере жизнедеятельности человека, а на обоснованность самого риска.

Понятие «экологический риск» является многоплановым, поскольку приобретает различное правовое значение в зависимости от сферы его применения.

Попытка правового закрепления понятия «экологический риск» впервые была предпринята при разработке Концепции экологической безопасности России.

В ноябре 1991 г. в рамках Государственного Совета России были определены основы Концепции экологической безопасности. В конце 1992 г. в Минприроды России была разработана концепция Федеральной программы «Экологическая безопасность России», а в начале 1993 г. – рассмотрена Концепция экологической безопасности России.

В Концепции сформулированы основные понятия и определения, в том числе впервые определено понятие экологического риска как соотношения величины возможного ущерба при воздействии экологического фактора (в заданной интенсивности) и вероятности реализации этого воздействия.

⁴⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2012 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2012. – № 10. – Ст. 1166.

⁴⁷ См.: Мельникова В. О профессиональном и хозяйственном риске // Советская юстиция. – 1989. – № 22. – С. 22.

⁴⁸ Указ. соч. – С. 22.

⁴⁹ См.: Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М.: Наука, 1987. – С. 134.

⁵⁰ См.: Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Уголовное право. – 1999. – № 1. – С. 17-24.

В последующем понятие «экологический риск» получило законодательное отражение в Федеральном законе «Об охране окружающей среды»⁵¹. В ст. 1 понятие «экологический риск» определяется как вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера.

Таким образом, в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» выделен только один признак экологического риска, а именно вероятность наступления вреда. Размер возможного вреда по смыслу данной нормы не имеет правового значения для оценки риска⁵².

Более детальная характеристика экологического риска содержится в Постановлении Правительства РФ от 6 января 2006 г. «О Федеральной целевой программе «О снижении рисков и смягчении последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2010 г.»⁵³.

В данном нормативном акте определены признаки экологического (природного) риска и приводится классификация экологических рисков по источникам экологической опасности.

Природные риски в соответствии с указанной Федеральной программой разделяются на две группы: риски, возникающие в процессе хозяйственной деятельности при нарушении регламентов технической деятельности, и риски, связанные с накопленным экологическим ущербом.

В рамках правового института миграции теоретически обосновано и определено понятие стратегических рисков миграционной безопасности. Под ними понимают такое сочетание миграционных процессов и их возможных последствий, проявление которых ведет к существенному снижению уровня защищенности коренного населения, дестабилизации равновесного общественного развития, а также ослаблению конституционных основ национальной безопасности государства-реципиента⁵⁴.

При этом в качестве характерных черт стратегических рисков миграционной безопасности называют⁵⁵:

- вероятностный характер угроз, которые обусловлены не только существующими или потенциальными источниками опасности, но и неэффективной системой защиты от них;
- измеримость, т.е. возможность количественного анализа угроз;
- выделение только тех рисков, которые представляют угрозу миграционной безопасности на средне- и долгосрочную перспективу (свыше пяти лет).

Вышесказанное дает основание утверждать, что в большинстве суждений в общем смысле под риском понимается возможность того, что произойдет некое нежелательное событие. Риск как таковой – это следствие неопределенности, неизвестности, т.е. риск есть неопределенность, перешедшая в следующую стадию. В силу этого неопределенность и риск используются как синонимы. Однако, мы солидарны с позицией относительно разделения риска и неопределенности в том смысле, что риск – это конструктивная стадия неопределенности, которая понята, в известной мере просчитана и служит основанием для какого-то действия. Именно поэтому в науке довольно распространенным является определение риска через неопределенность:

- риск – потенциальная, численно измеримая возможность потери,
- риск – шанс неблагоприятного исхода, опасность, угроза потерь и повреждений,
- риск – вероятность потери ценностей в результате деятельности, если обстановка и условия проведения деятельности будут меняться в направлении, отличном от предусмотренного⁵⁶.

⁵¹ Федеральный закон РФ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 21.11.2011 г., с изм. от 07.12.2011 г.) // Российская газета. – 2002, 12 января; 2011, 14 декабря.

⁵² Мисник Г.А. Правовые проблемы оценки экологического риска // Законодательство и экономика. – 2006. – № 7.

⁵³ СЗ РФ. – 2006. – № 6. – Ст. 695; 2010. – № 14. – Ст. 1650.

⁵⁴ Полежаева С.А. К вопросу о системе рисков и угроз миграционной безопасности // Юридический мир. – 2011. – № 5. – С. 32-34.

⁵⁵ Указ. соч. – С. 32-34.

При этом изучение точек зрения на риск в разных отраслях наук позволяет выделить следующие основные взгляды на риск с позиции его гносеологического содержания как явления:

- риск как сопутствующая характеристика нестабильного общества,
- риск как угроза, непосредственно порожденная человеком⁵⁷,
- риск как вероятность, потенциальная численно измеримая возможность момента.

В целом все точки зрения о вероятностной трактовке риска условно разделены на следующие виды⁵⁸:

– любая вероятность происхождения события, имеющего отрицательное значение. Данная позиция является достаточно распространенной. Следует заметить, что, несмотря на свою универсальность, обусловленную большим спектром использования данной формулировки, такую точку зрения нельзя считать верной. Это мнение И. П. Корякина основывается на том, что данная точка зрения не предполагает никакой перспективы оценки вероятности происхождения события, имеющего отрицательное значение. Сущность данной точки зрения замыкается на туманной оценке вероятности и такой же туманной оценке отрицательности вероятного события. В связи с чем данный вопрос скорее находится в плоскости оценки риска, чем формирования его понятия;

– одновременно и вероятность, и частота. По мнению И. П. Корякина, такая позиция весьма интересна, однако и ее следует признать ошибочной в виду дифференцированного понимания вероятности и частоты. При этом понятие вероятности является более общим по отношению к понятию частотности. Так, если частотность предполагает прогнозирование характеристик явления исходя из эмпирического измерения данных характеристик по отношению к объектам аналогичного класса, то вероятность предполагает установление данных характеристик без обязательности такого измерения, рассматривает частотность только в качестве одного из способов установления вероятности. В этой связи на основе изложенного трактовку риска как одновременной вероятности и частотности, при наличии разницы в данных понятиях, признать верной нельзя;

– вероятность происхождения определенных событий. Такая позиция четко выражена в понимании геологического подхода к осознанию риска; лишена такого признака ситуации риска, как полезность (иными словами, в данной трактовке отсутствует обязательный признак угрозы интересам того или иного субъекта);

– вероятность опасности, подлежащая измерению. По мнению И. П. Корякина, эта точка зрения является наиболее верной и точно отражающей сущность риска. Такое утверждение определяется следующими факторами: включением в вероятностное понимание риска возможности измерения опасности; включением в вероятностное понимание риска самого элемента полезности, четко определяющего, что сущностью обсуждаемой вероятности является не любой факт, а только тот, который несет возможность ущерба; четкое присутствие в понятии риска термина «вероятность», который получил должное исследование в науке.

Все указанное переводит нас в плоскость рассуждений – идентичности понятий «риск» и «вероятность». По мнению И. П. Корякина, различие данных понятий определяется тем, что риск предполагает возникновение таких обстоятельств, которые влекут определенный негатив для субъекта, в отличие от вероятности, предполагающей наступление абсолютно любых событий.

В этой связи И. П. Корякин под риском предлагает понимать всякую измеримую вероятность наступления отрицательных событий. При этом измеримость обуславливается самим оценочным характером понятия «риск» и является обязательным, так как нельзя назвать что-либо полезным либо негативным, если таковое явление не поддается измерению, оценке.

⁵⁶ Романов В.О. Понятие рисков и их классификация как основной элемент теории рисков // Инвестиции в России. – 2000. – №12. – С. 41-43.

⁵⁷ Гидденс Э. Судьба, фатализм, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5.

⁵⁸ См.: Корякин И.П. Вероятностное понимание риска как основа его исчисления в административном производстве // Административное право и процесс. – 2009. – № 4. – С. 20-22.

Таким образом, мы обратили внимание на определение риска через категорию «вероятности». Исходя из осуществленного исследования, подчеркнем, что дефиниция риска через категорию вероятности достаточна распространена в различных науках.

Вместе с тем обратим внимание и на терминологические особенности понятий «риск» и «неопределенность».

Ф. Найт впервые четко разграничил понятия «риск» и «неопределенность». Но вначале он определился с типом вероятности (вероятностным суждением). Он различал три типа вероятности: априорную (теоретическую), эмпирическую (статистическую) вероятность и оценки. Отличительные особенности этих типов вероятности заключались в следующем. Априорная вероятность наступления события связана с однородными случаями, идентичными во всех отношениях, когда «шансы» исхода можно вычислить на основе общих принципов. Эмпирическая вероятность наступления события определяет вероятность в связи с делением случаев на группы с максимально возможной однородностью внутри этих групп. Оценки, как тип вероятности, связаны с отсутствием реальной основы для классификации отдельных случаев (это уникальные ситуации). Первые два типа, по мнению Ф. Найта, связаны с измеримой неопределенностью или собственно риском, а последний – неизмеримой неопределенностью или собственно неопределенностью (подлинной неопределенностью)⁵⁹.

Далее Ф. Найт отмечает: «Оказывается измеримая неопределенность, или собственно «риск», настолько отличается от неизмеримой, что по существу вообще не является неопределенностью. Соответственно мы ограничим употребление термина «неопределенность» случаями неколичественного рода⁶⁰. Именно такую неопределенность он называл подлинной».

Таким образом, у Ф. Найта неопределенность и риск разграничивались. Причем в категорию «риск» не входила вероятность оценки ситуаций, характеризующихся уникальностью, когда нет возможности оценить ее (вероятность) либо априорно, либо эмпирически.

Одним из известных советских ученых, который глубоко занимался исследованием рискованных ситуаций, был В. А. Абчук. В своей книге «Теория риска» он выразил мнение о том, что причиной риска является неопределенность. «Идти на риск вынуждает неопределенность, неясность обстановки. Причем чем больше неопределенность гари принятии решений, тем больше и риск»⁶¹.

По мнению В.А. Абчука, риску свойственны следующие характеристики:

- 1) он представляет собой образ действий в неопределенной обстановке;
- 2) рисковать следует лишь в тех случаях, когда возможен успех;
- 3) ожидаемый положительный результат риска носит закономерный характер.

Таким образом, направленность исследований В. А. Абчука определялась в формате «риск-неопределенность».

Несколькими годами позже в отечественной теории рисков появляются взгляды, в соответствии с которыми риск стал интерпретироваться в качестве деятельности.

Так, А. П. Альгин, исследуя риск и его роль в общественной жизни, определял «как деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели»⁶².

А. П. Альгин выделяет три главных элемента риска:

- 1) вероятность получения желаемого результата (удачи),
- 2) вероятность наступления нежелательных последствий (неудачи) в ходе выбора альтернативы и ее реализации,
- 3) вероятность отклонения от выбранной цели (возможны отклонения как отрицательного, так и положительного свойства).

Нельзя согласиться с трактовкой риска как деятельности. Риск, безусловно, связан с деятельностью, но оценка вероятности потерь осуществляется вне этой деятельности, на

⁵⁹ См.: Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003. – С. 225-226.

⁶⁰ См.: Указ. соч. – С. 225-226.

⁶¹ См.: Абчук В.А. Теория риска. – Л., 1983.

⁶² Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989. – С. 19-20.

этапе принятия решений. Если в контексте рассуждений А. П. Альгина деятельность рассматривается в узком смысле, как деятельность, связанная с преодолением неопределенности, то возражение возникает в связи с тем, что преодоление неопределенности – есть снижение риска, но не является риском как таковым.

А. С. Шапкин приводит практически идентичное определение риска: «Риск – это деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели»⁶³.

Он также выделяет основные моменты, которые являются характерными для рисковой ситуации:

- случайный характер событий, который определяет, какой из возможных исходов реализуется на практике (наличие неопределенности);
- наличие альтернативных решений;
- известны или можно определить вероятности исходов и ожидаемые результаты;
- вероятность возникновения убытков;
- вероятность получения дополнительной прибыли.

Итак, проанализировав многочисленные концептуальные позиции относительно соотношения понятий «риск», «возможность», «вероятность», «неопределенность» в контексте нашего исследования, полагаем, логичны следующие выводы.

Риск – это не только возможность наступления отрицательных последствий при реализации решений, возможность потери или недостижения намеченного результата, но и вероятность выигрыша, достижения и даже превышения планируемого результата. Следовательно, при определенных обстоятельствах риск может оцениваться положительно. Следует отметить, что с вероятностью благоприятного исхода чаще связывают понятие «шанс», нежели риск. Однако собственно смысл риска заключается в сочетании возможности, как желательных, так и нежелательных отклонений от запланированных результатов, которая должна приниматься во внимание лицом, принимающим решение. В противном случае имеет место односторонняя трактовка риска, которая препятствует объективной оценке ситуации и принятию оптимальных решений в условиях риска⁶⁴.

Представляется, наиболее продуктивным является подход, позволяющий рассматривать риск в диалектическом единстве отрицательных и положительных аспектов, то есть как комплексное понятие.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011 г.) // Российская газета. – 1994, 8 декабря; 7 декабря, 2011.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2012 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2012. – № 10. – Ст. 1166.
3. Федеральный закон РФ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 21.11.2011 г., с изм. от 07.12.2011 г.) // Российская газета. – 2002, 12 января; 2011, 14 декабря.
4. Федеральный закон РФ от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (ред. от 04.12.2006 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3682; 2006. – № 50. – Ст. 5281.
5. Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 56.
6. Постановление Правительства РФ от 6 января 2006 г. «О Федеральной целевой программе «О снижении рисков и смягчении последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2010 г.» // СЗ РФ. – 2006. – № 6. – Ст. 695; 2010. – № 14. – Ст. 1650.
7. Положение о порядке расчета кредитными организациями величины рыночного риска (утв. Банком России 14.11.2007 г. № 313-П) (ред. от 20.04.2011 г.) // Вестник Банка России. – 2007, 12 декабря.

⁶³ Шапкин А.С. Экономические и финансовые риски: Оценка, управление, портфель инвестиций. – М., 2003.

⁶⁴ Лифиренко С.А. Проблемы риска и пути их решения в управленческой деятельности // Административное право и процесс. – 2010. – № 3. – С. 50-51.

8. Письмо Банка России от 23 июня 2004 г. № 70-Т «О типичных банковских рисках» // Вестник Банка России. – 2004. – № 38.
9. Абчук В.А. Теория риска. – Л., 1983.
10. Алехнович С.О. К вопросу об изменении подходов к теории и практике национальной безопасности // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 4.
11. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989.
12. Афонченко А.Г. Сущность и значение риска как цивилистической категории // Современное право. – 2007. – № 8.
13. Благодир А.Л. Социальные риски как обстоятельства, влекущие возникновение социально-обеспечительных отношений // Социальное и пенсионное право. – 2011. – № 1.
14. Братимов О.В., горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.: ИНФРА-М, 2000.
15. Бутяев А.Г. Макроэкономические детерминанты государственной политики России по минимизации интеграционных экономических рисков. Монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2007.
16. Буянова М.О. Социальное обслуживание граждан России в условиях рыночной экономики: Теоретико-правовой аспект: Монография. – М.: ООО «Издательство Проспект», 2002.
17. Гидденс Э. Судьба, фатализм, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5.
18. Глуценко В.В. Глуценко В.В. Теория государства и права: системно-управленческий подход. – Железнодорожный: ООО НПЦ «Крылья», 2000.
19. Глуценко В.В. Право как инструмент снижения инвестиционных рисков национальной экономики в условиях глобализации // Законодательство и экономика. – 2006. – № 9.
20. Глуценко В.В. Управление рисками. Страхование. – Железнодорожный: ТОО НПЦ «Крылья», 1999.
21. Ивашин А.А., Цуканов О.В. Материальная ответственность военнослужащих и гражданского персонала (комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих») (постатейный). – М.: За права военнослужащих, 2003.
22. Каратуев А.Г. Финансовый менеджмент. – М.: ФБК-Пресс, 2001.
23. Ковалев В.В. Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 2001.
24. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Е.Н. Сидоренко. – М.: Юрайт-Издат, 2005.
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Юрайт-Издат, 2006.
26. Корякин И.П. Вероятностное понимание риска как основа его исчисления в административном производстве // Административное право и процесс. – 2009. – № 4.
27. Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л., Смирнова С.Д. Подростки группы риска. – СПб: Питер, 2005.
28. Кузнецов В.Н. Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: геокультурный, социологический аспект: Доклад весенней научной сессии авторов и участников научно-издательского проекта «Безопасность Евразии». Москва. 30 мая 2006 г.
29. Курс экономической теории. – Киров: АСА, 2005.
30. Лифиренко С.А. Проблемы риска и пути их решения в управленческой деятельности // Административное право и процесс. – 2010. – № 3.
31. Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – № 5. –
32. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. – 1999. – № 1.
33. Мамчун В.В. Правоприменительный риск: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
34. Мачульская Е.Е. Социальный риск как объективная основа социального обеспечения // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1999. – № 1.
35. Мельникова В. О профессиональном и хозяйственном риске // Советская юстиция. – 1989. – № 22.
36. Мисник Г.А. Правовые проблемы оценки экологического риска // Законодательство и экономика. – 2006. – № 7.
37. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003.
38. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972.
39. Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Уголовное право. – 1999. – № 1.
40. Пименов Н.А. Фискальные риски в системе налоговой безопасности предприятий и государства // Налоги. – 2010. – № 4.
41. Полежаева С.А. К вопросу о системе рисков и угроз миграционной безопасности // Юридический мир. – 2011. – № 5. – С. 32-34.

42. Романов В.О. Понятие рисков и их классификация как основной элемент теории рисков // Инвестиции в России. – 2000. – №12. – С. 41-43.
43. Серебровский В.И. Очерки советского страхового права // Избранные труды. – М.: Статут, 1997 (Классика российской цивилистики).
44. Сокол П.В. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный). – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006.
45. Танаев В.М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С.С. Алексеева. – М., 2000. –
46. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М.: Наука, 1987.
47. Федорова М.Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования: Монография. – Омск: Омский госуниверситет, 2003.
48. Фофанов В.А. Особенности организации системы материальной ответственности в Российской Федерации // Право и экономика. – 2006. – № 9.
49. Ховард К., Эриашвили Н.Д., Никитин А.М. Экономическая теория. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
50. Шапкин А.С. Экономические и финансовые риски: Оценка, управление, портфель инвестиций. – М., 2003.
51. Шахбазян А.А. Понятие и значение правовых рисков в гражданском праве и способы их минимизации // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5.
52. Щекин Д.М. Налоговые риски и тенденции развития Налогового права / под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Статут, 2007.
53. Экономика предприятия / Под ред. Н.А. Сафронова. – М.: Юристъ, 1998.
54. <http://slovari.yandex.ru>

THE ROLE OF INTER-SECTORAL CONVERGENCE IN THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF «RISK»

M.V. MARKHEYM¹⁾
A.E. NOVIKOVA²⁾

*¹⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: markheim@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: alevtina2010@yandex.ru

The paper presents an analysis of the content of the risk categories in the humanities and natural sciences. Describes the treatment of private and public sectors of legal science to the use of the category of «risk».

Key words: risk, chance, uncertainty, reasonable, lawful, justified, the normal production and economic.

УДК 342.1

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФОРМАТ ТЕРРИТОРИИ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

А.Н. НИФАНОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: nif@list.ru*

В данной статье представлен авторский анализ конституций стран СНГ на предмет выявления в них норм о территории с учетом комплексного подхода к определению последней. Выявлены и охарактеризованы типичные конституционные форматы, касающиеся территории в фокусной группе государств.

Ключевые слова: территория, государственная территория, территория административной единицы, муниципальная территория, автономия, управление, самоуправление.

Содружество Независимых Государств как региональное межгосударственное объединение является основной системообразующей структурой на постсоветском пространстве, позволяющей большинству постсоветских государств согласовывать свои позиции и с той или иной степенью эффективности совместно решать общие вопросы.

Отдельное от иных унитарных государств рассмотрение вариантов конституционно-правового закрепления норм о территории в странах СНГ обусловлено тем, что на момент прекращения существования Советского Союза «как геополитической реальности»¹ республики, обретшие суверенитет, находились в сопоставимой системе политических и юридических координат.

Таким образом, в рамках данного участка исследовательское внимание будет сосредоточено на выявлении конституционного формата норм о территории в государствах-членах и участниках СНГ.

Проведенный анализ показал наличие группы учредительных актов, в которых обособлен специальный раздел (глава) о статусных особенностях территории в государстве. Однако данные нормы посвящены территории опосредованно, их прямое назначение – либо регулирование управления в рамках определенной территории, либо определение административно-территориального устройства.

Так, в Главе 7 Конституции Армении закреплено «Территориальное управление и местное самоуправление»². Подчеркнем, это структурный элемент конституции, из содержания которого мы можем сделать косвенный вывод о вариациях территории, исходя из ее комплексного понимания. Еще раз уточним, что напрямую указанные нормы все-таки регламентируют управленческий аспект в организации власти в государстве.

Применительно к данному исследованию интересны положения ст. 104 Конституции Армении: «административно-территориальными единицами Республики Армения являются области и общины. Области состоят из сельских и городских общин».

Таким образом, мы можем сделать вывод о выделении в Армении территории всего государства, территории его областей (административно-территориальных единиц).

Исходя из содержания ст. 105 анализируемого акта, в рамках общин осуществляется местное самоуправление. Следовательно, в Армении также обособляется муниципальная территория (территория сельских и городских общин).

Отдельного внимания заслуживает конституционное положение об определении города Ереван в статусе области (ст. 108). Мы можем полагать, что данным установлением оправдан специальный статус территории города Ереван. Подтверждением данному тезису служат и такие нормы Конституции, в которых определено, что местное само-

¹ См.: Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Минск, 8 декабря 1991 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 1. – С. 6.

² Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

управление в Ереване осуществляется в квартальных общинах. Следовательно, логично упомянуть о специальном статусе территории квартальных общин.

Резюмируя представленный анализ, следует вывод о закреплении положений о территории в Армении, исходя из критерия управления и самоуправления.

Далее отметим, что в Конституции Республики Узбекистан³ предусмотрена отдельная Глава XVI «Административно-территориальное устройство Республики Узбекистан». В ст. 68 также с точки зрения критерия территориального управления и самоуправления (хотя в наименовании главы заявлено только управление) указано, что Республика Узбекистан состоит из областей, районов городов, поселков, кишлаков, аулов а также Республики Каракалпакстан. Отметим, что конструкция указанной конституционной нормы, несмотря на заявленное территориальное устройство, все-таки не содержит таких формулировок как «*территория* Республики Узбекистан состоит из *территорий* областей, районов» и т.д.

Наиболее удачной в рамках рассматриваемой группы актов представляется Конституция Украины⁴. В ней содержится Раздел IX «Территориальное устройство Украины». При этом в данном разделе консолидированы нормы касающиеся:

- принципов территории («территориальное устройство Украины основывается на принципах единства и целостности государственной территории, сочетания централизации и децентрализации в осуществлении государственной власти» – ст. 132);

- системы административно-территориального устройства Украины (ст. 133). При этом необходимо обратить внимание, что в данной Конституции подробно указаны как единицы административно-территориального устройства, так и их наименования. Например, систему административно-территориального устройства Украины составляют: Автономная Республика Крым, области, районы, города, районы в городах, поселки и села.

В состав Украины входят: Автономная Республика Крым, Винницкая, Волынская, Днепропетровская, Донецкая, Житомирская, Закарпатская, Запорожская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Луганская, Львовская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Харьковская, Херсонская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области, города Киев и Севастополь.

Города Киев и Севастополь имеют специальный статус, который определяется законами Украины.

Из приведенных выше норм, следует вывод о выделении статуса территории Украины, территории ее административно-территориальных единиц и территории автономной республики Крым.

Отметим, что в данном Разделе Конституции не консолидированы нормы адресованные местному самоуправлению и его атрибутам (в том числе, территории). Однако, подчеркнем еще раз, что закрепленные Конституцией Украины положения о территории являются наиболее последовательными и подробными в рамках обособленной структурной единицы акта.

В рассматриваемую группу актов также, на наш взгляд, целесообразно включить Конституцию Молдовы⁵ в связи с тем, что в ней выделена самостоятельная ст. 3 с наименованием «Территория». В таковой отражен принцип неотчуждаемости территории Республики Молдова, а также положения о границах государства («границы страны закреплены органическим законом с соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права»).

Как видим, в информативном плане указанная статья имеет важность только при определении некоторых статусных особенностей территории государства Молдова. О ее видовом многообразии, порядке изменения статуса и др. в анализируемой статье установлений нет.

³ Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

⁴ Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

⁵ Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

Далее на наш взгляд, целесообразно обратить внимание на закрепление в конституциях фокусной группы государств принципов территории.

Итак, в конституции Азербайджана в ст. 11 (ч. 1) определено, что территория Азербайджанской Республики едина, неприкосновенна и неделима (ч. 1).

В ст. 1 Конституции Беларуси⁶ сформулирован принцип территориальной целостности. Далее в ч. 2 ст. 9 указано, что территория Беларуси едина и неотчуждаема.

В ч. 2 ст. 3 Конституции Казахстана установлено: «Государство обеспечивает целостность, неприкосновенность и неотчуждаемость своей территории»⁷.

В ч. 1 ст. 8 Конституции Киргизии закреплено положение, что территория Кыргызской Республики в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна.

В Конституции Таджикистана территория является неделимой и неприкосновенной и целостной (ст. 7)⁸.

В Конституции Узбекистана сделан акцент на неприкосновенности и неделимости не только территории, но и государственной границы (ст. 3).

Специфика юридической конструкции ст. 1 Конституции Туркменистана состоит в том, что единство и неделимость относятся и к государственному суверенитету, и к территории Туркменистана⁹. Далее же указано, что государство защищает территориальную целостность Туркменистана.

В ст. 2 Конституции Украины закреплены принципы целостности и неприкосновенности.

Таким образом, видно, что состав принципов в анализируемых учредительных актах является примерно одинаковым:

- целостность (во всех конституциях, кроме Узбекистана и Молдовы);
- неприкосновенность (во всех конституциях, кроме Беларуси, Туркмении и Молдовы);
- неделимость (отсутствует в конституциях Беларуси, Казахстана, Киргизии, Украины и Молдовы);
- единство (наличествует в конституциях Беларуси, Туркмении и Украины);
- неотчуждаемость (наличествует в конституциях Азербайджана, Беларуси, Казахстана и Молдовы).

Следует уточнить, что в Конституции Армении искомые принципы отсутствуют. На наш взгляд, это существенный недостаток учредительного акта, требующий корректировок в данной связи.

Отдельного внимания заслуживают конституционные положения, позволяющие сделать вывод о наличии муниципальной территории.

Исходя из анализа конституций стран-членов и участников СНГ, следует наличие четырех принципиальных форматов представления местного самоуправления: включение специальной главы (раздела) о нем; представление его в связке с местным государственным управлением или местным управлением; фрагментарное упоминание о нем по тексту конституции; замещение понятия «местное самоуправление» иными. Таким образом, логично предположить наличие во всех исследуемых государствах муниципальной территории.

Дальнейшее исследование конституций фокусной группы стран указало на наличие типичного приема в закреплении видového многообразия территории, исходя из ее административно-территориального деления (вне специального раздела или главы):

- «территория делится на области, районы, города и иные административно-территориальные единицы. Административно-территориальное деление государства определяется законодательством» (ч. 2 ст. 9 Конституции Беларуси);
- «в целях организации государственного управления и местного самоуправления территория Кыргызской Республики делится на определяемые законом административ-

⁶ Конституция Республики Беларусь от 24 ноября 1996 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

⁷ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

⁸ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

⁹ Конституция Туркменистана 2008 г. // <http://turkmeny.blogspot.com>

но-территориальные единицы» (ст. 8 ч. 2). При этом города Бишкек и Ош являются городами республиканского значения, их статус определяется законом;

- «Туркменистан по административно-территориальному устройству состоит из: велаятов, городов с правами велаята, этрапов, городов с правами этрапа, городов в этрапе, посёлков, генгешликов. Территория одного или нескольких сёл образует генгешлик» (ст. 16).

Исключением здесь является ч. 2 ст. 11 Конституции Азербайджана, в которой перечислен лишь состав территории: внутренние воды Азербайджанской Республики, принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера), воздушное пространство над Азербайджанской Республикой.

Относительно порядка изменения территории в государстве установлено, что такой определен только Конституцией Азербайджана. В ч. 3 ст. 11 указано, что Азербайджанская Республика никому ни в какой части и ни в каком виде не передает свою территорию; государственные границы могут изменяться только путем референдума, проводимого по решению Милли Меджлиса Азербайджанской Республики среди всего населения Азербайджана, на основе волеизъявления народа Азербайджана

В ст. 69 Конституции Узбекистана определено, что изменение границ Республики Каракалпакстан областей, города Ташкента, а также образование или упразднение областей, городов, районов производится с согласия Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

Полагаем, сложившаяся ситуация с отсутствием конституционного закрепления порядка изменения статуса территории, в заявленных государствах связана с тем, что все они являются унитарными.

Далее обратим внимание на такую специфику в территориальной организации данных государств как обособление территории автономии.

Анализ конституций стран СНГ показал, что автономии предусмотрены в пяти из десяти государств (Нахичеванская Автономная Республика в Азербайджане; Гагаузская Автономная Республика в Молдове; Республика Каракалпакстан в Узбекистане; Автономная Республика Крым в Украине).

Все страны Содружества, имеющие в своем составе автономные образования, подчеркивают органическую взаимосвязь целого и его частей, их единство. Так, Конституция Азербайджана определяет статус Нахичеванской Автономной Республики в составе Азербайджана как его неотъемлемой части. В этой Конституции имеется специальная глава – IX, посвященная Нахичеванской Автономной Республике. Согласно ст. 163 Конституции Азербайджана Нахичеванская Автономная Республика является автономным государством в составе Азербайджанской Республики.

Статус Нахичеванской Автономной Республики устанавливается Конституцией Азербайджана и Конституцией Нахичеванской Автономной Республики.

Азербайджан не признает решения Армении о государственной независимости Нагорного Карабаха и вхождении его в состав Армении¹⁰. Статус Нагорно-Карабахской автономной области упразднен Законом Азербайджана «Об упразднении Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской Республики» от 28 ноября 1991 г.¹¹

Статус Гагаузской Республики в составе Молдовы определен Конституцией Молдовы и Законом Республики Молдова «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» от 23 декабря 1994 г.

Гагаузия является территориальным автономным образованием с особым статусом, формой самоопределения малочисленного гагаузского народа, компактно проживающего на территории Молдовы. Гагаузия является составной частью Молдовы. Цель создания этой Республики – удовлетворение национальных потребностей и сохранение самобытности гагаузов, их наиболее полное и всестороннее развитие, обогащение языка и национальной культуры, обеспечение политической и экономической самостоятельности региона.

¹⁰ См.: Постановление Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха от 1 декабря 1989 г. «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха» // Ведомости Верховного Совета Армянской ССР. – 1989. – № 23. – Ст. 144; Декларация о государственном суверенитете Армении от 23 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Армянской Республики. – 1991. – № 24. – Ст. 448, 449.

¹¹ См.: Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. – 1991. – № 24. – Ст. 448, 449.

Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» предусмотрено, что в случае изменения статуса Республики Молдова как независимого государства народ Гагаузии имеет право на внешнее самоопределение (п. 4 ст. 13).

Республика Молдова является гарантом полной и безусловной реализации полномочий Гагаузии.

Далее отметим, в составе Узбекистана находится Республика Каракалпакстан. В Заявлении «О государственной независимости Республики Узбекистан» от 31 августа 1991 г. провозглашается, что «территория Республики Узбекистан вместе с территорией Республики Каракалпакстан, входящей в ее состав, неделима и неприкосновенна. Республика Узбекистан, не имея территориальных претензий к другим государствам, обладает верховным правом в отношении своей территории и ее природных богатств»¹².

Основные положения этого Заявления получили нормативное выражение в Законе Узбекистана «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» от 31 августа 1991 г.¹³, которому 30 сентября 1991 г. был придан статус конституционного¹⁴.

Узбекистан единственное из зарубежных государств СНГ, которое признает суверенный характер государственной власти входящей в ее состав Республики. Суверенитет Каракалпакстана охраняется Узбекистаном (ст. 70 Конституции Узбекистана). За Каракалпакстаном закреплено право выхода из состава Узбекистана на основании всеобщего референдума народа Каракалпакстана (ст. 74). Однако это решение подлежит утверждению высшим органом государственной власти Узбекистана Олий Мажлисом (п. 5 ст. 77 Конституции Узбекистана).

Статус административной автономии имеет Республика Крым в составе Украины.

В соответствии с Конституцией Украины от 28 июня 1996 г. и действующим законодательством Украины Крым является автономной составной частью Украины с широкими правами в сфере экономики, использовании природных богатств, экологии, культуры, организации общественной жизни. Как составная часть Украины Автономная Республика Крым не обладает государственным суверенитетом и не может вступать в политические отношения с иностранными государствами¹⁵.

Конституция Украины распространяет свое действие на всю территорию Украины, включая территорию Крыма. Конституция Автономной Республики Крым не может противоречить Конституции Украины. Президент Украины может досрочно прекратить полномочия парламента Крыма при наличии заключения Конституционного Суда Украины о нарушениях Конституции и законов Украины.

Территория Украины, включая территорию Крыма, является единой, неделимой, неприкосновенной и целостной. Какие-либо изменения территории и государственных границ Украины без согласия народа Украины не допускаются. Вместе с тем Украина также не может принимать решения об изменении территории Автономной Республики Крым без ее согласия.

Автономная Республика Крым не имеет собственного гражданства, обособленного от гражданства Украины. Гражданами Автономной Республики Крым являются граждане Украины, постоянно проживающие в Крыму. Автономная Республика Крым не может иметь своих вооруженных формирований, своей собственной денежной и финансовой систем.

Второй формой автономии в странах СНГ следует рассматривать административно-территориальную автономию (автономная область). Она не имеет признаков государства. У нее нет конституции, гражданства, высших органов государственной власти.

Сейчас имеется лишь Горно-Бадахшанская автономная область в составе Таджикистана.

¹² Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1991. – № 11. – Ст. 245.

¹³ Там же. – Ст. 246.

¹⁴ Там же. – Ст. 268.

¹⁵ См.: Постановление Верховного Совета Украины от 24 февраля 1994 г. «О статусе Автономной Республики Крым в соответствии с действующей Конституцией и законодательством Украины» // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1994. – № 22. – Ст. 148; раздел X Конституции Украины от 28 июня 1996 г. – «Автономная Республика Крым».

Правовое положение Горно-Бадахшанской автономной области определяется Конституцией Таджикистана и Конституционным законом Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области» от 4 ноября 1995 г. № 108. Она является составной и неделимой частью Таджикистана.

Изменять границы Горно-Бадахшанской автономной области без согласия ее Маджлиса народных депутатов – высшего органа законодательной (представительной) власти – запрещается. Полномочия Горно-Бадахшанской автономной области в социальной, экономической, культурной сферах жизни определяются Конституционным законом Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области» от 4 ноября 1995 г.¹⁶

Подводя итоги осуществленного анализа, следует отметить два типичных конституционно-правовых формата закрепления норм о территории в государстве в фокусной группе стран:

- выделение территории государства, территории его административных единиц и муниципалитетов;
- выделение наряду с указными видами и территории автономий в государстве.

Установлено, что конституционные нормы о территории в государствах-членах и участниках СНГ носят фрагментарный характер; как правило, не консолидированы в отдельной структурной единице правового акта; носят опосредованный характер (т.е. объектом их непосредственного регулирования выступают отношения управления или самоуправления в государстве).

Список литературы

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Минск, 8 декабря 1991 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 1. – С. 6.
2. Конституция Туркменистана 2008 г. // <http://turkmeny.blogspot.com>
3. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
4. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
5. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
6. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
7. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
8. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
9. Конституция Республики Беларусь от 24 ноября 1996 г. (с последующими изменениями) // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
10. Декларация о государственном суверенитете Армении от 23 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Армянской Республики. – 1991. – № 24. – Ст. 448, 449.
11. Постановление Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха от 1 декабря 1989 г. «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха» // Ведомости Верховного Совета Армянской ССР. – 1989. – № 23. – Ст. 144.
12. Постановление Верховного Совета Украины от 24 февраля 1994 г. «О статусе Автономной Республики Крым в соответствии с действующей Конституцией и законодательством Украины» // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1994. – № 22. – Ст. 148.
13. Закон Республики Азербайджан от 28 ноября 1991 г. «Об упразднении Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской Республики» // Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. – 1991. – № 24. – Ст. 448, 449.
14. Закон Республики Узбекистан от 31 августа 1991 г. «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1991. – № 11. – Ст. 246.
15. Заявление от 31 августа 1991 г. «О государственной независимости Республики Узбекистан» // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1991. – № 11. – Ст. 245.

¹⁶http://ez2www.com/book_687_chapter_53_%C2%A7_2._Avtonomija_v_zarubezhnykh_stranakh_SNG.html

---

16. http://ez2www.com/book_687_chapter_53_%C2%A7_2._Avtonomija_v_zarubezhnykh_stranakh_SNG.html

CONSTITUTIONAL ASPECT IN THE AREA COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

A.N.NIFANOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: nif@list.ru

This article presents the author's analysis of the constitutions of the CIS countries in order to identify them in the rules of the territory, taking into account an integrated approach to the definition of the latter. Identified and characterized the typical constitutional formats on the territory of the focus group.

Key words: territory, state territory, the territory of an administrative unit, the municipal territory, autonomy, control, self-government.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ЮРИДИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА И ПРОЧНО СВЯЗАННЫХ С НИМ ОБЪЕКТОВ В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

А.В. АКИНЬШИНА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: harina.anna@bk.ru*

В статье обозначены и проанализированы основные проблемы, возникающие при переходе прав на земельный участок при переходе права собственности на здание, строение или сооружение (либо наоборот) в наследственных правоотношениях. Автором вносится предложение по совершенствованию работы нотариусов в исследуемой области.

Ключевые слова: принцип единства юридической судьбы; земельный участок; объект недвижимости; наследование

Еще в римском частном праве разным категориям вещей соответствовали три основные юридические модели соединения – сложной вещи, совокупности вещей, единого объекта.

Юридическая конструкция сложной вещи предполагала сохранение самостоятельности вещей, но при этом вещи утрачивали свою вещно-правовую автономию, частично теряя способность быть самостоятельным объектом прав и исков, поскольку необходимо разделяли юридическую судьбу общей вещи.

Второй конструкцией – конструкцией совокупности вещей – в римском праве были охвачены вещи с общим хозяйственным назначением. В отличие от предыдущей конструкции вещи в составе данного объединения полностью сохраняли свою самостоятельность без каких-либо ограничений.

Для юридического соотношения «земельный участок – строение» характерно соединение по третьей модели (единого объекта): прочно связанные друг с другом либо присоединенные с целью *perfectio* вещи становились составными частями единого с экономической и юридической точки зрения объекта – единой вещи – и поэтому не могли иметь в обороте самостоятельного значения.

Различные строения, присоединенные к земле собственника, связанные с землей *inaedificatio*, *avulsio*, *satio* или *implantation*, считались ее составной частью и следовали правилам *superficies solo cedit* (сделанное над поверхностью следует за поверхностью) и

quod solo inaedificatur solo cedit (то, что выстроено на поверхности, разделяет юридическую судьбу почвы)¹.

Российским гражданским законодательством, судебной практикой и теорией гражданского права недвижимое имущество, как правило, рассматривалось как особый объект гражданских прав, оборот которого нуждался в особом правовом регулировании. Так, для дореволюционного законодательства характерно, что земельный участок со всеми своими принадлежностями, так же как и в римском праве, представляет собой единый объект недвижимости. Д.И. Мейер отмечал: «Неразделенность имущества имеет то значение, что оно подлежит единому праву: отчуждается и приобретает такое имущество как единое целое, не подлежит разделу и при открытии по нему права наследования»².

В настоящее время переход прав на земельный участок при переходе права собственности на здание, строение или сооружение (либо наоборот) – одна из наиболее спорных проблем гражданского законодательства, поскольку законодатель зачастую недостаточно последовательно подходит к регулированию одних и тех же отношений в различных законодательных актах.

До настоящего времени в теории гражданского права остается неразрешенным вопрос по определению статуса земельного участка по отношению к объекту недвижимости, на ней расположенной: земельный участок следует за объектом недвижимости либо наоборот?

Ведь земельные участки и здания рассматриваются в гражданском праве как объекты самостоятельные и участвующие в обороте независимо друг от друга, для них могут быть установлены различные правовые режимы.

Между ними, безусловно, имеется известная связь, которая в соответствии со ст. 35 ЗК РФ должна учитываться при отчуждении строений и земельных участков, однако, с точки зрения гражданского права земельные участки и прочно связанные с ними объекты, то есть строения, – это самостоятельные объекты права собственности (ст. 130 ГК РФ). Поэтому нет никаких оснований для признания завещания недействительным, если завещатель сделал отдельные распоряжения по поводу земельного участка и строения, либо только некоторых из них по своему усмотрению.

Во-вторых, подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, закрепивший принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов, содержит оговорку «за исключением случаев, установленных федеральными законами». Таким исключением можно считать раздел V ГК РФ «Наследственное право», нормы которого не содержат каких-либо ограничений по распоряжению гражданином земельными участками и строениями на случай смерти³.

Однако такая позиция является довольно дискуссионной, именно такое завещание создает источник конфликтов, поскольку использование земельного участка практически невозможно без использования жилого дома, а использование дома – без использования земельного участка.

Как справедливо замечает Е.В. Ельникова, земельный участок относится к сложным вещам, т.е. это совокупность разнородных вещей, которые образуют единое целое, предполагающее использование их по общему назначению⁴.

Основные принципы земельного законодательства, закрепленные п. 1–5 ст. 1 ЗК РФ, предполагают единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, в соответствии с которыми все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Этот основополагающий принцип единой судьбы поземельных объектов конкретизируется во многих положениях ЗК РФ и других законодательных актов. В частности, при переходе права собственности на здание, строение, сооружение, находящееся на чужом земельном участке, к другому лицу, это лицо приобретает право на ис-

¹ Витрянский В.В. Договор продажи недвижимости // Вестник ВАС РФ. 1999. N 7, 8, 9.

² Мейер Д.И. Русское гражданское право (В 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Изд-во "Статус", 2003 (Серия "Классика российской цивилистики"). – С. 166.

³ Козырь О.М. «Единая судьба» земли и недвижимости // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 1. – С. 34.

⁴ Ельникова Е.В. Проблемы наследования земельных участков // Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 99.

пользование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник (п. 1 ст. 35 ЗК РФ); собственники зданий, строений, сооружений, расположенных на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, обладают исключительным правом на приватизацию данных земельных участков (п. 1 ст. 36 ЗК РФ), а собственники подобных объектов на земельных участках, находящихся в частной собственности, – преимущественным правом покупки таких участков в порядке, определенном законом (п. 3 ст. 35 ЗК РФ).

В силу правового принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, сделки, нарушающие предусмотренное законом субъективное исключительное право, ничтожны.

По мнению Н.В. Волковой, это означает, что завещание наследодателя, как односторонняя сделка, не должно содержать указания на форму раздела наследуемого имущества между наследниками, которое сопряжено с отделением права на недвижимость от права на земельный участок, где расположена эта недвижимость. В таком случае завещание, как односторонняя сделка признается недействительным, поскольку ее содержание входит в противоречие с требованиями земельного законодательства, в том числе с принципом единства юридической судьбы земельного участка с расположенной на нем недвижимостью⁵.

На практике встречаются ситуации, когда земельный участок и расположенное на нем строение завещаны разным лицам. Возникает вопрос: насколько действительно такое завещание и вправе ли нотариус выдать свидетельство о праве на наследство отдельно на земельный участок и отдельно на строение?

В юридической литературе в качестве примера приводятся материалы дела, рассмотренного Видновским городским судом по спору между наследниками по закону и завещанию.

После смерти Л. осталось наследство в виде садового участка и возведенного на этом участке строения. Садовый домик был завещан дальней родственнице Н., а земельный участок унаследовала по закону дочь умершей С. Последняя обратилась в суд с иском о признании завещания недействительным, считая, что не может быть завещано строение в отрыве от земельного участка, поскольку это делает невозможным использование как земельного участка, так и строения по своему назначению и ведет к различного рода спорам и конфликтам. Решением городского суда, оставленным без изменения в кассационном порядке, в иске о признании завещания недействительным было отказано.

Таким образом, при разрешении настоящего дела суды первой и второй инстанций дали положительный ответ относительно возможности завещания земельного участка и строения разным лицам и действительности такого завещания⁶.

Заявленная позиция судебных органов находит отражение в юридической литературе. Некоторые юристы полагают, что принятое городским судом решение не вызывает сомнений, считая при этом, что, во-первых, положения подп. 1 п. 1 ст. 1, ст. 35 Земельного кодекса РФ не могут затрагивать общие правила наследования, предусмотренные Гражданским кодексом РФ. Земельные участки и строения нельзя рассматривать как вещь и принадлежность, а также как сложную вещь в виде единого целого. Между ними, безусловно, имеется известная связь, которая в соответствии со ст. 35 ЗК РФ должна учитываться при отчуждении строений и земельных участков, однако с точки зрения гражданского права земельные участки и прочно связанные с ними объекты, то есть строения, – это самостоятельные объекты права собственности (ст. 130 ГК РФ). Поэтому нет никаких оснований для признания завещания недействительным, если завещатель сделал отдельные распоряжения по поводу земельного участка и строения либо только некоторых из них по своему усмотрению. Во-вторых, подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, закрепивший принцип

⁵ Ефимов А.Ф. Некоторые вопросы рассмотрения судами дел о наследовании земельных участков // Обзор судебной практики. Комментарий судебной практики. Выпуск 6. М.: Изд-во «Юридическая литература», 2006.

⁶ Ефимов А.Ф. Некоторые вопросы рассмотрения судами дел о наследовании земельных участков // Обзор судебной практики. Комментарий судебной практики. Выпуск 8. М.: Изд-во «Юридическая литература», 2002.

единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов, содержит оговорку «за исключением случаев, установленных федеральными законами». Таким исключением можно считать раздел V «Наследственное право» ГК РФ, нормы которого не содержат каких-либо ограничений по распоряжению гражданином земельными участками и строениями на случай смерти⁷.

Другие правоведы считают заявленную позицию весьма дискуссионной и полагают, что завещанием создан источник конфликтов, поскольку использование садового участка практически невозможно без использования садового домика для хранения инвентаря, а использование домика – без использования садовой земли. По мнению Н.В. Волковой, завещания, касающиеся земельных участков и расположенных на них строений, должны признаваться незаконными (т.е. ничтожными), если их содержание входит в противоречие с требованиями земельного законодательства, в том числе с принципом единства юридической судьбы земельного участка с расположенной на нем недвижимостью. В случае признания такого завещания недействительным должны применяться положения наследства по закону. Так, если отец в закрытом завещании определил передачу дома в собственность старшего сына, а земельного участка, на котором расположен данный дом, – в собственность младшего, то после признания такого завещания недействительным земельный участок с домом должен стать объектом наследования в общей совместной собственности обоих сыновей. Необходимо также ввести в закон правило обязательного разъяснения нотариусом, принимающим закрытое завещание, основных положений наследственно-земельного права в части основных положений, по которым завещание имущественно-земельных объектов может быть признано недействительным. К числу этих положений необходимо прежде всего отнести недопустимость разрыва права собственности на земельный участок с правом собственности на расположенную на этом участке недвижимость⁸.

На наш взгляд, наиболее обоснованной является вторая точка зрения на существо указанной проблемы. Представляется, что земельный участок и расположенный на нем дом должны переходить в порядке наследования как единое целое. Что же касается другой части земельного участка, не занятого строениями, то наследодатель вправе распорядиться им по своему усмотрению.

Анализируя вышесказанное, следует прийти к выводу о необходимости более четкого закрепления положения о том, что в случае признания завещания недействительным должны применяться положения наследования по закону. Так, если отец в завещании определил передачу жилого дома в собственность старшего сына, а земельного участка, на котором расположен данный жилой дом, – в собственность младшего, то после признания такого завещания недействительным земельный участок с домом должен стать объектом наследования в общей долевой собственности обоих сыновей.

Так же необходимо ввести в закон правило обязательного разъяснения нотариусом при удостоверении завещания и при принятии конверта с закрытым завещанием основных положений наследственного и земельного права, по которым завещание отдельно земельных участков и отдельно расположенных на них объектов недвижимости может быть признано не действительным.

Что же касается другой части земельного участка, не занятого строениями, то наследодатель вправе распорядиться им по своему усмотрению.

Помимо положений о недопустимости разрыва права собственности на земельный участок с правом собственности на расположенную на этом участке недвижимость, нотариусу необходимо разъяснить, что не может быть выполнено завещание, по которому земельный участок должен будет использоваться наследником вопреки целевому назначению (ст. 42 ЗК РФ, ст. 284 ГК РФ), нерационально (ст. 285 ГК РФ) или для самовольного строительства на земельном участке каких-либо объектов (ст. 13.9 КоАП РФ).

⁷ Волкова Н.А. К вопросу о правовом регулировании наследственно-земельных отношений // Законодательство и экономика. – 2006. – № 2. – С. 103.

⁸ Ефимов А.Ф. Некоторые вопросы рассмотрения судами дел о наследовании земельных участков // Обзор судебной практики. Комментарий судебной практики. Выпуск 6. М.: Изд-во "Юридическая литература", 2006.

Несмотря на то, что земельный участок и расположенные на нем строения, гражданским законодательством не оцениваются в качестве единого объекта гражданских прав, целесообразно законодательно закрепить норму, предусматривающую выступление в гражданском обороте как единого целого земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимого имущества. Такое правило должно стать непреложным в случаях, когда эти два объекта недвижимости находящихся в собственности одного лица и когда речь идет о возможном отчуждении здания или земельного участка, в том числе и при наследовании.

Список литературы

1. Витрянский В.В. Договор продажи недвижимости // Вестник ВАС РФ. 1999. N 7, 8, 9.
2. Мейер Д.И. Русское гражданское право (В 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Изд-во "Статут", 2003 (Серия "Классика российской цивилистики"). С. 166.
3. Козырь О.М. «Единая судьба» земли и недвижимости / О.М. Козырь, А.А. Маковская // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 1. – С. 34.
4. Ельникова, Е.В. Проблемы наследования земельных участков / Е.В. Ельникова // Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 99.
5. Ефимов А.Ф. Некоторые вопросы рассмотрения судами дел о наследовании земельных участков // Обзор судебной практики. Комментарий судебной практики. Выпуск 6. М.: Изд-во "Юридическая литература", 2006.
6. Ефимов А.Ф. Некоторые вопросы рассмотрения судами дел о наследовании земельных участков // Обзор судебной практики. Комментарий судебной практики. Выпуск 8. М.: Изд-во "Юридическая литература", 2002.
7. Волкова, Н.А. К вопросу о правовом регулировании наследственно-земельных отношений / Н.А. Волкова // Законодательство и экономика. – 2006. – № 2. – С. 103.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF UNITY OF LEGAL DESTINY OF THE LAND LOT AND STRONGLY RELATED OBJECTS IN HEREDITARY LEGAL RELATIONSHIP

A.V. AKINSHINA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: harina.anna@bk.ru

In article the main problems arising upon transition of the rights to the land lot upon transition of the property right to a building, a structure or a construction (or on the contrary) in hereditary legal relationship are designated and analysed. The author makes the offer on improvement of work of notaries in studied area.

Key words: principle of unity of legal destiny; land lot; real estate object; inheritance.

УДК 341

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н.И. АКИНФIEВА*Славянский университет
Республики Молдова**e-mail: safronova_e@bsu.edu.ru*

Статья посвящена исследованию некоторых теоретических и практических вопросов которые возникают при определении роли органов и политических институтов Европейского союза в реализации задачи формирования «единого европейского рынка» в области рынка капитала и рынка ценных бумаг. Также в статье рассматривается вопрос характера и места нормативно-правовых актов органов и политических институтов Европейского союза, регулирующих рынок ценных бумаг в общей системе норм Европейского права.

Ключевые слова: рынок капитала, рынок ценных бумаг, европейское право, Европейский союз, Европейское сообщество, Европейская организация по ценным бумагам и рынкам.

В силу происходящих процессов глобализации встает вопрос о более активном и масштабном вхождении в единое мировое экономическое пространство. В свою очередь этот вопрос демонстрирует необходимость глубокого анализа происходящих интеграционных и глобализационных процессов в международной экономической сфере.

Изучение накопленного опыта, как положительного, так и отрицательного, регулирования экономических отношений в различных итерационных образованиях позволяет с одной стороны лучше изучить механизмы правового воздействия на наднациональном уровне на соответствующие отношения, а с другой стороны извлечь полезный опыт для решения дальнейших задач регулирования экономического развития как отдельно взятых государств, так и различного рода территориальных объединений государств.

В этой связи правовая система Европейского союза все больше становится предметом изучения для целей поиска путей и направлений исследования национально-правовых систем.

Исследование данной темы имеет большую теоретическую и практическую значимость. С точки зрения теоретической значимости изучение правовой системы Европейского союза позволяет как расширить сферу познания в государственно-правовой и международно-правовой сферах, так и по новому оценить традиционные представления о целом ряде государственно-правовых явлений, институтов и учреждений. С практической точки зрения опыт формирования в рамках Европейского союза наднационального регулирования может стать полезным в дальнейшем развитии и совершенствовании внутренних отношений между различными государствами.

Вопрос самой необходимости и целесообразности европейской интеграции в первую очередь обусловлен задачей экономического объединения европейских государств. Не случайно именно с создания первых Европейских экономических сообществ, таких как Европейское объединение угля и стали, образованного на основе Парижского договора 1951 года; Евратом, созданного на основе Договора о европейском сообществе по атомной энергии и Европейское экономическое сообщество, созданного на основании Договора о европейском экономическом сообществе (ЕЭС), которые в свою очередь были созданы во исполнение Римских договоров 1957 года, начинается история фактического воплощения в жизнь идеи евроинтеграции, которая в разные периоды в разных формах озвучивалась в политической, экономической, научной среде ни одно столетие.

Справедливости ради необходимо отметить, что идея объединения народов Европы в единое целое достаточно не новая. Некоторые склонны усматривать зачатки идей объединения народов Европы в стремлении еще Юлия Цезаря (100-44 г. до н.э.) объединить

народы вокруг Римской империи¹. Другие отмечают в качестве отправных точек развития идеи объединения Европы период связанный в расцветом в философской среде идей федерализма. Достаточно вспомнить идеи конфедерации Э.Канта сформулированные им в работе «К вечному миру» (1795 г.).

Подводя итоги под высказыванием О. Шпенглера, который еще в начале XX указывал на то, что «было бы большой ошибкой полагать, что вообще может существовать право полностью независимое от политико-экономических интересов и словно парящее над вещами»², Марченко М.Н. и Дерябина Е.М. в своей работе «Право Европейского союза. Вопросы истории и теории.» о процессе формирования и развития объединенной Европы и ее функций в пределах правовой системы пишут, что данный процесс — это дело рук не только и не столько права, правовых идей и институтов, сколько политики, экономики, а отчасти — культуры и идеологии³.

На практике, мы видим, что фактическая реализация идеи евроинтеграции началась именно с экономического объединения. Еще в 1950-х годах в Договоре о Европейском экономическом сообществе предусматривалось проведение глобальной экономической политики государств-членов Европейского экономического сообщества.

Дальнейшим воплощением этой идеи становится учреждение Европейской системы центральных банков, Европейского валютного института. На современном этапе воплощением идеи экономической интеграции является идея о создании единой системы регулирования и функционирования рынка капитала и рынка ценных бумаг Европейского союза и, как следствие, создание условий для формирования единого европейского рынка капитала и рынка ценных бумаг. Так, в 2001 году была создан Комитет европейских регуляторов рынков ценных бумаг, в чью компетенцию входила общая координация деятельности национальных регуляторов рынков ценных бумаг стран участниц в соответствии с целями создания единых правил ведения экономической деятельности на рынках ценных бумаг стран-участниц Европейского союза. В 2001 году на смену ему пришла Европейская организация по ценным бумагам и рынкам, со значительно более широким кругом полномочий и властных рычагов регулирования рынка ценных бумаг объединенной Европы.

Не смотря на то, что с развитием процесса интеграции на европейском пространстве в последнее время акценты расставляются в пользу политической интеграции в силу значительной разрешенности задачи экономической интеграции, не во всех областях задача экономической интеграции достигла своей завершающей фазы, если такое вообще возможно с учетом глобальности задачи и постоянного изменения содержания и формы экономических отношений.

В области реализации идеи единого рынка капитала и рынка ценных бумаг также проводится большая работа, но окончательная точка в ней еще не поставлена.

В связи с этим интересно исследовать вопрос компетенции властных органов Европейского союза в вопросе правового регулирования и контроля рынка капитала и рынка ценных бумаг и тех практических действий, которыми они пытаются решить поставленную задачу.

Но, прежде чем перейти к вопросу структуры организационно-правового механизма регулирования рынка капитала и рынка ценных бумаг, необходимо обозначить те стратегические цели и задачи, которые стоят перед властными институтами Европейского союза в данной области.

Так, общая идея создания единого европейского рынка заложена в Договоре о создании Европейского союза. В статье 2 Договора о создании Европейского союза провозглашена цель учреждения Союза: «достичь сбалансированного и устойчивого развития, особенно путем создания пространства без внутренних границ, экономического и социального сплочения и создания экономического и валютного союза, включающего в ко-

¹ Roney A. ЕС/EU Fast Book. J.1995. P.14.

² Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Попури, 1999 г. – С. 81.

³ Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории. – М.: Проспект, 2010 г. – С. 5.

нечном итоге введение единой валюты»⁴. Как видно из формулировки цели, одними из задач являются: достижение экономического сплочения и создание экономического союза. Сами задачи экономического сплочения и создания экономического союза стран участниц достаточно комплексные и требуют создания равных условий экономической деятельности и сотрудничества, устранения всевозможных барьеров на пути движения товаров, услуг и капитала, формирования единообразных и прозрачных правил ведения экономической деятельности и сотрудничества.

На более раннем этапе развития регулирования европейского интеграционного процесса обозначение цели формирования единого европейского рынка мы видим в положениях Договора об учреждении Европейского сообщества. Так, статья 2 Договора об учреждении Европейского сообщества содержит указание на цель содействия «гармоничному, сбалансированному и устойчивому развитию экономической деятельности» «устойчивому и безинфляционному росту, высокому уровню конкурентоспособности и сближению экономических показателей» «экономическому и социальному сплочению и солидарности государств-членов»⁵. Как видно из положений указанной статьи, цель сформулирована более комплексно, что обусловлено широким диапазоном вопросов, которые необходимо решить для всесторонней экономической интеграции стран участниц Сообщества.

Пункты с) и h) статьи 3 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества дают указание на то, что среди задач, решением которых достигается поставленная цель, деятельность Сообщества включает в себя формирование внутреннего рынка, характеризующийся отменой препятствий свободному передвижению товаров, лиц, услуг и капиталов между государствами-членами, а также «сближение законодательства государств-членов в той мере, в какой это необходимо для функционирования общего рынка»⁶.

Нужно отметить, что общая интеграция европейского экономического пространства долгий период времени на общем уровне реализовалась Европейским экономическим сообществом. С учреждением Европейского союза эта функция во многом перешла к компетенции Союза, но и Сообщество продолжает играть в этой сфере очень важную роль. Общая цель формирования обобщенного внутреннего европейского рынка, который характеризуется «устранением препятствий между государствами-членами свободному перемещению товаров, лиц, услуг и капиталов», по-прежнему является одной из целей деятельности Европейского экономического сообщества.

Более конкретное воплощение идеи формирования единого европейского рынка мы находим в статьях Договора об учреждении Европейского Союза, которые касаются свободы движения лиц, услуг и капиталов, свободы учреждения и экономической деятельности, услуг, экономической и валютной политики, экономики и социальной сплоченности.

Так в обозначенных областях Сообщество провозглашает цели:

- гармоничного развития и укрепления социально-экономического единства;
- устранения ограничений на пути движения капитала, которое выражается в том, что государства члены стремятся устранить ограничения, основанные на внутреннем законодательстве;
- создания условий свободы учреждения и экономической деятельности граждан одного государства-члена на территории другого государства-члена Сообщества;
- создания условий свободы оказания услуг на территории государств-членов и устранения внутренних ограничений на пути движения услуг;
- уменьшить отставание регионов или островов, находящихся в наименее благоприятных условиях для дальнейшей экономической и социальной сплоченности; и др.

⁴ Здесь и далее текст Договора о создании Европейского союза см.: Европейское право / рук. авт. колл. и отв. ред. Л.М. Энтин. – М.: Норма, 2000 г. – С. 526.

⁵ Здесь и далее текст Договора об учреждении Европейского экономического сообщества см.: Европейское право / рук. авт. колл. и отв. ред. Л.М. Энтин. – М.: Норма, 2000 г. – С. 555.

⁶ Там же. – С. 555.

Таким образом очевидно, что цель создания единого европейского рынка достаточно всеобъемлющая и включает в себя самые разнообразные сферы. В свою очередь единый рынок капитала и рынок ценных бумаг является одной из частных задач общей идеи формирования единого европейского рынка.

Анализ нормативных актов, которые принимают органы и учреждения Европейского союза, каждый на своем уровне, позволяют выявить следующие цели Европейского союза в области формирования единого рынка капитала Европы и рынка ценных бумаг:

Развитие внутреннего рынка капитала;

Обеспечение широких возможностей для доступа к инвестиционному капиталу на территории всего европейского сообщества, в том числе малым и средним предприятиям⁷;

Обеспечение прозрачности рынка и формирования единых стандартов раскрытия информации о деятельности на финансовом рынке⁸;

Гармонизация требований получения разрешения на осуществление профессиональной деятельности на рынке капитала, а также требований к деятельности инвестиционных фирм, в том числе правил ведения бизнеса⁹;

Создание условий, при которых инвестиционные фирмы могли бы предоставлять инвестиционные услуги в других государствах-членах¹⁰;

Создания условий для формирования единого информационного центра для учета информации о финансовых инструментах, допущенных к обращению на организованных рынках и многосторонних торговых платформах¹¹.

Конкретные задачи и планы практических мероприятий, которыми достигается общая цель формирования единого рынка капитала и рынка ценных бумаг Европейского союза, находят свое закрепление уже в нормативных актах различных уровней, которые принимаются органами Европейского союза в соответствии с установленной процедурой и компетенцией.

Для определения состава и иерархии органов Европейского союза компетентных регулировать рынок ценных бумаг и рынок капитала Европейского союза необходимо рассмотреть структуру органов Европейского союза, их более подробно остановиться на компетенции и полномочиях каждого из них, а также на предыстории формирования отдельных органов.

В структуру органов Европейского союза входят: Европейский парламент, Совет Европейского союза, Европейская комиссия, Суд. При этом, структура органов Европейского союза изобилует всевозможными институтами, именуемыми агентствами, комитетами и комиссиями. В рамках исследуемого вопроса необходимо выделить Европейскую организацию по ценным бумагам и рынкам (*European Securities and Market Authority – ESMA*). Данная структура была создана в соответствии с Регламентом Европейского парламента и Совета № 1095 принятом в 2010 году¹².

⁷ Директива 2003/71/CE от 04.11.2003 г. Европейского Парламента и Совета о проспекте, который должен быть опубликован при публичном предложении ценных бумаг или при допуске ценных бумаг к торгам и о внесении изменений в Директиву 2001/34/CE от 04.11.2003 г. // «Официальном журнале Европейского союза» № L 345 от 31.12.2003.

⁸ Директива №2004/109/EC от 15.12.2004 Европейского Парламента и Совета Европы «О гармонизации требований прозрачности в отношении информации об эмитентах, чьи ценные бумаги допущены к торгам на регулируемых рынках», изменяющая Директиву №2001/34/CE» //«Официальном журнале Европейского союза» № L 390 от 31.12.2004.

⁹ Там же.

¹⁰ Директива №2006/49/EC от 14.06.2006 Европейского Парламента и Совета Европы «Об адекватности капитала инвестиционных компаний и кредитных организаций» // «Официальном журнале Европейского союза» № L 177 от 30.06.2006.

¹¹ Директива №2004/109/EC от 15.12.2004 Европейского Парламента и Совета Европы «О гармонизации требований прозрачности в отношении информации об эмитентах, чьи ценные бумаги допущены к торгам на регулируемых рынках», изменяющая Директиву №2001/34/CE» //«Официальном журнале Европейского союза» № L 390 от 31.12.2004.

¹² REGULATION (EU) No 1095/2010 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/77/EC// L 331/84 EN Official Journal of the European Union 15.12.2010.

В соответствии с указанным регламентом в Европейском союзе сформирована новая система контроля финансового рынка, в которую помимо Европейской организации по ценным бумагам и рынкам также входят Европейская банковская организация (*European Banking Authority*), Европейская организация страхования и пенсионного обеспечения (*European Insurance and Occupational Pensions Authority*).

Такова структура органов Европейского союза обладающих компетенцией в области регулирования рынка ценных бумаг. Для дальнейшего определения места и роли каждого из них в общей системе регулирования рынка ценных бумаг Европейского союза необходимо рассмотреть их компетенцию.

Европейский парламент, Совет и Комиссия относятся к политическим институтам Союза которые разрабатывают и осуществляют политику Союза. В этом качестве их противопоставляют "неполитическим" институтам (Суд, Счетная палата), которые в ходе принятия решений должны руководствоваться нормами права и стоять "вне политики"¹³.

Эффективность и правотворческой, и иных направлений деятельности Европейского Союза зависит от слаженной, скоординированной работы трех указанных политических институтов. Вместе они образуют институциональный треугольник (как его называют в западной доктрине), каждый из элементов которого играет свою оригинальную роль в политическом процессе на "европейском" уровне.

В соответствии с учредительными документами Европейский парламент одновременно является представительным институтом Сообщества и Союза. Он состоит из представителей народов государств, объединенных в Сообщество. При этом, независимо от того, в какой стране избраны парламентарии, они выступают представителями всех народов Сообщества и Союза в целом.

Во многом компетенция и функции Европейского парламента схожи с функциями аналогичных органов суверенных государств: рассмотрение и принятие законодательных актов, обсуждение и утверждение бюджета, политический контроль за исполнительной властью в лице Комиссии.

Реальный объем полномочий Европарламента, однако, меньше, чем у его национальных аналогов. Прежде всего это касается полномочий в законодательной сфере (принятие регламентов, директив и т.д.):

а) в отличие от парламентов суверенных государств, Европарламент не вправе самостоятельно издавать нормативные акты, а может делать это лишь с одобрения Совета Европейского Союза – второго института данной организации;

б) законодательные полномочия Европейского парламента неодинаковы в разных сферах общественной жизни. Они зависят от вида законодательной процедуры, которую предусматривает по конкретному вопросу статья учредительного договора:

- если предписана процедура совместного принятия решений, то документ издается Европарламентом и Советом в качестве совместного нормативного акта (регламент Европейского парламента и Совета и т.д.). Оба института соответственно имеют право абсолютного вето на законопроект;

- если установлена консультативная процедура, то в окончательном виде документ принимает Совет (регламент Совета и т.д.), а мнение депутатов носит совещательный (консультативный) характер. В рамках данной процедуры Европейский парламент может отсрочить принятие документа, но не воспрепятствовать ему, т.е. располагает правом отлагательного вето на законопроект¹⁴.

В области регулирования финансового рынка в целом и его отдельных составляющих на сегодняшний день Парламентом совместно с Советом принято около 30 директив и регламентов, около половины из которых регулируют непосредственно рынок ценных бумаг. При этом подавляющее большинство этих нормативных актов приняты в форме Директив. Директивы являются актами рекомендательного характера, или как их еще называют актами мягкого права, в рамках которых странам-участницам Европейского

¹³ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. – С. 235.

¹⁴ Там же. – С. 250.

союза предписывается определенная задача и конечная цель в регулировании отношений на рынке ценных бумаг.

Европейский парламент активно осуществляет контроль за другими институтами и органами Союза, главным образом за Комиссией.

Также Европейский парламент располагает рядом других прерогатив, в частности в области международного сотрудничества. Например, дача согласия на заключение важнейших международных договоров ЕС с иностранными государствами и международными организациями.

В целях организации эффективной работы Европейского парламента из числа депутатов образованы постоянные и временные комиссии. В рамках Европейского парламента функционирует особая система взаимодействия между корпусом европейских парламентариев и представительными органами государств-участниц.

Первой формой такого взаимодействия стало проведение регулярных встреч председателей Европейского и национальных парламента (с 1983 г.). В 1989 г. учрежден специальный форум межпарламентского сотрудничества – Конференция органов, специализирующихся в делах Сообщества.

Членами Конференции являются представители специализированных органов (комиссий) национальных парламента по вопросам деятельности Европейских сообществ и Союза. Вместе с национальными парламентариями в работе Конференции участвуют члены Европарламента. В рамках Конференции происходит обсуждение законопроектов, которые намечено принять на уровне Европейского Союза. По итогам обсуждения Конференция вправе представлять рекомендации политическим институтам Союза, которые, однако, не являются обязательными для последних, равно как и для парламента и правительств государств-членов. Существование Конференции органов, специализирующихся в делах Сообщества было юридически признано в Протоколе "О роли национальных парламента в Европейском Союзе"; 6 мая 2003 г. утвержден новый Регламент (правила процедуры) Существование Конференции органов, специализирующихся в делах Сообщества¹⁵.

В отношении Совета Европейского Союза необходимо отметить, что его суть скорее отвечает понятию межправительственного института. Он состоит из должностных лиц исполнительной власти государств-членов, обычно в ранге министра. В соответствии со статьей 203 Договора о Европейском союзе «В Совет входят по одному представителю от каждого государства-члена на министерском уровне, уполномоченному создавать обязательства для правительства этого государства-члена».

В отличие от Европейского парламента, члены Совета выражают и защищают интересы своих государств и связаны указаниями органов, их направивших (т.е. национальных правительств).

Несмотря на то, что членами Совета являются представители исполнительной власти государств-членов, данный институт Европейского Союза выступает, прежде всего, в роли законодателя по общему праву. В настоящее время Совет реализует законодательную функцию совместно с Европейским парламентом, однако, в отличие от последнего, вето Совета на законопроекты всегда носит абсолютный характер¹⁶.

В сферах, где законопроекты издаются на базе консультационной процедуры, именно Совет принимает документ в окончательной редакции, в том числе вопреки возможным возражениям Европарламента. Как уже отмечалось, подобные документы оформляются как единоличные акты Совета Европейского Союза: регламент Совета, рамочное решение Совета и т. п.

Наряду с законодательной и бюджетной, Совет Европейского Союза осуществляет также функции определения политики и координации. Основными полномочиями в рамках этих функций выступают:

¹⁵ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калининченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. – С. 250.

¹⁶ Там же. – С. 256-268.

– принятие ежегодно "главных ориентиров экономической политики", адресуемых всем государствам-членам, а также иных мер по координации и контролю за их экономической политикой и финансовым положением;

– утверждение всех мероприятий, в том числе правовых актов, в рамках общей внешней политики и политики безопасности, сотрудничества полиции и судебных органов в уголовно-правовой сфере, а также контроль за их исполнением государствами-членами;

– заключение соглашений Европейских сообществ и Союза с третьими странами и международными организациями.

Среди иных полномочий Совета важно отметить назначение на многие должности в институтах и органах Европейского Союза, единолично или с согласия Европарламента, а также отдельные права в сфере учредительной власти. Именно Совет созывает конференцию по пересмотру учредительных документов Европейского Союза и может самостоятельно вносить поправки в некоторые их статьи без ратификации государствами-членами¹⁷.

Европейская комиссия является институтом, сходным по составу и способу формирования с национальными правительствами. В институциональном механизме Европейского Союза Комиссия отвечает за выполнение в основном тех же задач, которые на уровне государств решают национальные правительства. Отсюда в политическом лексиконе ее часто характеризуют в качестве "главного исполнительного органа" или даже "европейского правительства".

При этом полномочия Комиссии, аналогично полномочиям правительств государств, проистекают из двух источников – непосредственно из "конституции" (учредительных договоров), а также из текстов законодательных актов, издаваемых Советом и Европарламентом (производные или делегированные полномочия). Благодаря этому реальный круг прав и обязанностей Комиссии постоянно возрастает.

В западной доктрине сложилась классификация основных направлений деятельности Комиссии на три функции¹⁸. В рамках каждой она наделяется соответствующими властными прерогативами:

- охранительная функция, т.е. обеспечение соблюдения учредительных договоров, правовых актов институтов и других источников права Европейского Союза его государствами-членами, а также физическими и юридическими лицами.

Наиболее важное полномочие в рамках этой функции – это расследование противоправных действий и бездействия государств-членов и привлечение их к ответственности перед Судом Европейских сообществ.

Так, в процессе внедрения странами-участницами положений Директивы №2004/39/ЕС «О рынках финансовых инструментов» произошло со стороны некоторых стран-участниц нарушение сроков выполнения процедур по внедрению положений этой директивы более чем на 11 месяцев. Комиссия, пользуясь своим правом, обратилась в Европейский Суд с обращением и потребовала обязать соответствующие страны устранить это нарушение¹⁹.

В рамках охранительной функции Комиссия наделяется правом санкционировать определенные действия государств-членов. В частности, предварительного согласия Комиссии требуют слияние крупных компаний, предоставление государственной помощи предприятиям и нормативные акты государств-членов по ряду вопросов;

– инициативная функция, т.е. подготовка новых нормативных актов и иных мер, подлежащих принятию на уровне Европейского Союза.

Правом вносить в Совет и Европейский парламент проекты регламентов, директив и иных правовых актов Комиссия обладает в рамках всех сфер деятельности Союза. Однако в рамках Европейского сообщества, где издается наибольшая часть законодательства Союза, данное право носит исключительный (монопольный) характер. Другими сло-

¹⁷ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. – С. 270-279.

¹⁸ Там же. С. 280-285.

¹⁹ Casey J.-P. and Lannoo K. The MiFID revolution – Cambridge University Press. P. 6-11.

вами, в рамках ЕС законодательные институты – Европейский парламент и Совет, – как правило, могут принимать решения лишь по предложению Комиссии, но не по собственной инициативе. Более того, Комиссия вправе в любой момент изменить или отозвать внесенное предложение. Если окончательное решение должен принимать Совет, то поправки, с которыми не согласна Комиссия, он может вносить лишь единогласно.

Монополия Комиссии на правотворческую инициативу – особенность механизма сдержек и противовесов в ЕС, благодаря которой Комиссию принято характеризовать как "мотор Сообщества";

– исполнительная функция (в узком смысле слова), под которой понимается самостоятельное претворение в жизнь Комиссией предписаний учредительных договоров и других источников права Союза.

К главным полномочиям в этой области относится, прежде всего, издание делегированного законодательства и принятие других "мер по исполнению" регламентов, директив, решений Европейского парламента и Совета, исполнение бюджета Европейского Союза, а также управление структурными фондами Сообщества²⁰.

Комиссия – постоянно действующий институт, которому в силу характера ее функций и полномочий приходится принимать огромное число решений (в среднем около 10 тыс. каждый год). По этой причине в Комиссии осуществляется распределение обязанностей ("портфелей") между отдельными членами – комиссарами. В качестве отраслевых подразделений (ведомств) Комиссии выступают генеральные директораты (или генеральные дирекции), «Экономические и финансовые вопросы». Руководителем генерального директората является генеральный директор (должностное лицо, назначаемое из числа гражданских служащих Европейских сообществ). Генеральный директор, в свою очередь, подчиняется комиссару, который отвечает за соответствующую отрасль управления²¹.

Как уже было отмечено выше, в области регулирования рынка ценных бумаг и рынка капитала Европейского союза функционирует также Европейская организация по ценным бумагам и рынкам. Данная структура стала правопреемницей Европейской комиссии регуляторов рынков ценных бумаг, созданной еще в 2001 году. Европейская организация по ценным бумагам и рынкам начала свою работу 1 января 2011 года на основании Регламента №1095/2010²².

Созданию указанной организации предшествовала значительно длительная работа по выработке общей концепции развития и функционирования единого европейского рынка капитала. Динамику развития идей формирования единого рынка можно было проследить по тому, как они формулировались в различных программных заявлениях полномочных органов. Так, например, в сообщениях Европейской комиссии «План действий по управлению рискованым капиталом» и «Реализация механизма финансового рынка: план действий» сформулированы задачи по созданию возможностей доступа к инвестиционному капиталу на территории всего Европейского сообщества²³.

К идее создания единых органов банковского, финансового и страхового надзора, которые будут работать в тандеме с Европейским советом по системным рискам (ECSR), Европейские законодатели шли достаточно долго. Сам процесс утверждения Регламента проходил в острой обстановке, но, тем не менее, он был принят. Дискуссии по поводу "мегарегуляторов" продолжались несколько месяцев, в частности, Великобритания, опасаясь ослабления Брюсселем традиционной роли Лондонского Сити, постаралась максимально ограничить полномочия наднациональных структур.

²⁰ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. – С. 290.

²¹ Там же. С. 295.

²² REGULATION (EU) No 1095/2010 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/77/EC// L 331/84 EN Official Journal of the European Union 15.12.2010.

²³ Извлечения из директивы 2003/71/ЕС европейского парламента и европейского совета от 4 ноября 2003 г. "О публикации проспекта при размещении ценных бумаг среди публичных инвесторов или при допуске ценных бумаг к торгам"// Журнал «Рынок ценных бумаг» №3, март 2008 г.

Не последнюю роль в утверждении Регламента сыграл тот факт, что кризис 2008-2009 года, европейский рынок капитала пережил не так остро, как, например, рынок Соединенных Штатов. Не в последнюю роль в этом сыграл тот факт, что европейский рынок с силу достаточно жестких правил прозрачности и контроля за качеством финансовых инструментов, обращающихся на рынке, был менее привлекателен для спекулятивного капитала, нежели рынок тех же Соединенных Штатов. Именно эти принципы в конечном итоге и становятся основой для регулирования рынка капитала и рынка ценных бумаг на европейском пространстве.

Основной темой дискуссии процессе принятия Регламента стал вопрос о том, как будет устроен механизм отзыва централизованных регуляторных решений в случае возникновения возражений у национальных финансовых властей, а также о количестве голосов государств—членов ЕС, которое потребуется, чтобы отменить или обойти те или иные непопулярные решения. "В случае постановки вопроса представителями национальных властей совет принимает решения большинством голосов",— гласит согласованный текст документа.

Процесс объединения системы денежных и финансовых регуляторов начался с создания Европейского центрального банка (ЕЦБ) — хотя он в отличие от большинства национальных банков не полностью совмещает в себе функции эмиссионного института и надзора за банковской системой. Теперь же Европейский союз передает в союзные регуляторы (они будут работать по "двухуровневой" модели — регулятор ЕС может "запросить" национального регулятора о каких-либо действиях) и контроль над рынками ценных бумаг, а также над страховым рынком.

Централизация госрегулирования в ЕС и подъем его на наднациональный уровень идет параллельно с совершенствованием уже работающих правил. Так, в 2011 году Европейская комиссия присмотрела принятые в 2007 году правила ЕС по поддержке конкуренции на фондовых рынках, введенные Директивой "О рынках финансовых инструментов". В Европейской комиссии говорят о том, что директива позволила снизить затраты для инвесторов, но пока рано говорить об изменениях или дополнениях в законодательстве ЕС. "Старые" игроки рынка говорят о том, что правила 2007 года слишком фрагментировали рынки в ущерб ценам торгуемых на них бумаг, и жалуются на то, что "новичкам" удастся избежать жестких ограничений директивы. В свою очередь, представители новых рынков говорят о том, что директива "крайне успешна в развитии конкуренции"²⁴.

Таким образом, можно говорить о том, что на уровне специальной комиссии произошла реформа, которая имела целью создать новое основание для надзора в Европе, заполнив (законодательные) пустоты, проявившиеся во время финансового кризиса. Наднациональные надзорные органы теперь могут оказывать влияние на процесс финансового контроля стран-членов еврозоны, который до сих пор находился в исключительном ведении государств. Комитет анализа системных рисков будет предупреждать правительства стран ЕС и давать рекомендации в случае обнаружения существенных проблем, угрожающих общей финансовой стабильности.

Новая система регулирования дает Европейской организации по ценным бумагами и рынкам право следить за различными видами финансовой деятельности и продуктами внутри стран и в случае необходимости вводить временные запреты на их осуществление и использование. Создаваемые агентства также получают право вмешиваться в споры между регуляторами разных стран, принуждать их к переговорам и даже выносить прямые предписания транснациональной финансовой компании, по поводу деятельности которой идет спор. Наднациональный регулятор, ответственный за надзор за рынками ценных бумаг, также будет осуществлять контроль за деятельностью рейтинговых агентств.

Таким образом мы видим, что структура органов Европейского союза включает в себя не только органы, которые принимают нормативные акты общего характера, или Директивы, носящие свойство мягкого права, но и органы, которые призваны воздействовать уже не только на страны-участницы но и на непосредственно субъектов экономической деятельности на рынке капитала и рынке ценных бумаг.

²⁴ Сапожников О. Европа объединяет рынок капитала //Газета «Коммерсантъ», 3 226 (4281) от 03.12.2009.

В сфере регулирования на рынке ценных бумаг существуют также органы наднационального характера, не являющиеся регуляторами в полном смысле слова, — это, в частности, IOSCO12, объединяющее регуляторов фондовых рынков более 100 государств (90% мировых рынков ценных бумаг). В числе организаций, вовлеченных в разработку стандартов и правил на рынке финансовых услуг, следует также назвать Банк международных расчетов, Международную ассоциацию по свопам и производным инструментам, Международную Ассоциацию по рынку ценных бумаг. Рынок ценных бумаг Май 2009 год²⁵.

Проанализировав структуру органов Европейского союза и их компетенцию в области регулирования рынка ценных бумаг и рынка капитала можно говорить о том, что на сегодняшний день сформировалась двухуровневая структура органов и политических институтов. Организационно-правовую структуру регулирования финансового рынка и рынка ценных бумаг Европейского союза формируют органы общей компетенции, к которым относятся Европейский парламент, Совет Европейского союза, Европейская комиссия. Данная группа органов обладает компетенцией принимать нормативно-правовые акты, призванные урегулировать взаимоотношения стран-участниц Европейского союза на рынке капитала и рынке ценных бумаг. В структуре этой группы органов особе место занимает Европейская комиссия. На нее возложена основная функция в области законодательной инициативы и, она же обладает рядом полномочий по контролю соблюдения странами участниками принятых Советом и Парламентом Регламентов и Директив. На этом уровне в Европейском союзе принимаются нормативные акты двух видов: регламенты и директивы. При этом регламенты носят обязательный характер, а директивы обязательны в части конечного эффекта, которого страны участницы должны достичь в области создания единых и прозрачных правил на рынке капитала и рынке ценных бумаг.

К органам специальной компетенции относится Европейская организация по ценным бумагам и рынкам. Она входит в структуру органов банковского, финансового и страхового надзора, именуемую Европейской системой финансового регулирования, и совместно с другими агентствами формирует систему наднациональных регуляторов. Помимо Европейской организация по ценным бумагам и рынкам с эту структуру также входят: Европейская банковская организация, Европейская организация страхования и пенсионного обеспечения. Европейская организация по ценным бумагам и рынкам обладает надзорной и контрольной функцией и в ее компетенцию в первую очередь входит зада следить за надлежащим исполнением нормативных актов Европейского союза в области рынка ценных бумаг. При этом, тенденцией последних изменений является не просто усиление компетенции наднационального регулятора в сфере финансового рынка, а придание ей полномочий по прямому регулированию национальных рынков по некоторым вопросам.

Список литературы

10. Roney A. EC/EU Fast Book. J.1995. P.14.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Попури, 1999 г. С. 81.
12. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории. — М.: Проспект, 2010 г. С. 5.
13. Европейское право / рук. авт. колл. и отв. ред. Л.М. Энтин. — М.: Норма, 2000 г. С. 526.
14. Там же. С. 555.
15. Там же. С. 555.
16. Директива 2003/71/СЕ от 04.11.2003 г. Европейского Парламента и Совета о проспекте, который должен быть опубликован при публичном предложении ценных бумаг или при допуске ценных бумаг к торгам и о внесении изменений в Директиву 2001/34/СЕ от 04.11.2003 г. // «Официальный журнал Европейского союза» № L 345 от 31.12.2003.
17. Директива №2004/109/ЕС от 15.12.2004 Европейского Парламента и Совета Европы «О гармонизации требований прозрачности в отношении информации об эмитентах, чьи ценные бумаги допущены к торгам на регулируемых рынках», изменяющая Директиву №2001/34/СЕ // «Официальном журнале Европейского союза» № L 390 от 31.12.2004.

²⁵ Меньшикова А. Регулирование рынка ценных бумаг в ЕС – возможность использования подходов // Журнал Рынок ценных бумаг № 5, Май 2009 год.

18. Директива №2004/39/ЕС от 21.04.2004 Европейского Парламента и Совета Европы «О рынках финансовых инструментов», изменяющая Директивы Совета Европы №85/611/ЕЭС, №93/6/ЕЭС и Директиву Европейского Парламента и Совета Европы №2000/12/ЕС, а также отменяющая Директиву Совета Европы №93/22/ЕЭС // «Официальном журнале Европейского союза» № L 145 от 30.04.2004.

19. Директива №2006/49/ЕС от 14.06.2006 Европейского Парламента и Совета Европы «Об адекватности капитала инвестиционных компаний и кредитных организаций» // «Официальном журнале Европейского союза» № L 177 от 30.06.2006.

20. Директива №2004/109/ЕС от 15.12.2004 Европейского Парламента и Совета Европы «О гармонизации требований прозрачности в отношении информации об эмитентах, чьи ценные бумаги допущены к торгам на регулируемых рынках», изменяющая Директиву №2001/34/СЕ» // «Официальном журнале Европейского союза» № L 390 от 31.12.2004.

21. REGULATION (EU) No 1095/2010 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/77/EC// L 331/84 EN Official Journal of the European Union 15.12.2010.

22. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 235.

23. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 250.

24. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 250.

25. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 256-268.

26. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 270-279.

27. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 280-285.

28. Casey J.-P. and Lannoo K. The MiFID revolution – Cambridge University Press. P. 6-11.

29. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 290.

30. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калиниченко П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие (отв. ред. С.Ю. Кашкин). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011 г. С. 295

31. REGULATION (EU) No 1095/2010 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/77/EC// L 331/84 EN Official Journal of the European Union 15.12.2010.

32. Извлечения из директивы 2003/71/ЕС европейского парламента и европейского совета от 4 ноября 2003 г. "О публикации проспекта при размещении ценных бумаг среди публичных инвесторов или при допуске ценных бумаг к торгам" // Журнал «Рынок ценных бумаг» №3, март 2008 г.

33. Сапожников О. Европа объединяет рынка капитала // Газета «Коммерсантъ», 3 226 (4281) от 03.12.2009.

34. Меньшикова А. Регулирование рынка ценных бумаг в ЕС – возможность использования подходов // Журнал Рынок ценных бумаг № 5, Май 2009 год.

THE LEGAL MECHANISM FOR REGULATING THE SECURITIES MARKET OF THE EUROPEAN UNION

N.I. ACHINFIEVA

Slavic University of Moldova

e-mail: safronova_e@bsu.edu.ru

The article investigates some theoretical and practical issues that arise in defining the role of political authoritative bodies and institutions of the European Union in implementation of the “united European market” forming task in the capital market and securities market area. The article also observes the European Union authoritative bodies and political institutions nature and location of the laws that regulate securities market in the common system of the European law.

Key words: capital market, securities market, European law, European Union, European Community, European Securities and Market Authority.

УДК:346(477):630

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ЛЕСНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

А.М. БРОВДИЙ*Национальный университет
«Юридическая академия
Украины им. Ярослава Мудрого»**e-mail: muhajlivna@mail.ru*

В статье автор дает обоснованную характеристику системе элементов лесного сектора экономики и на его основе выделяет виды отношений, которые возникают между элементами указанной системы. Кроме этого дает характеристику хозяйственным отношениям, отделяет их от лесных. На основе проведенных исследований делает выводы и предлагает изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: лесной сектор экономики, лесной комплекс, хозяйственные отношения, лесные отношения, лесное хозяйство, лесная промышленность, лесопромышленное производство, лесное производство, лесохозяйственная деятельность, продукты леса, лесные природные ресурсы.

Уровень государственного развития и благосостояние населения напрямую зависят от состояния экономики, которая является основой существования любой страны. Ее подъем достигается одновременным развитием множества различных отраслей. Лесные отрасли занимают значительную часть экономики государства, существенно влияют на ее развитие и эффективное функционирование, входят в систему лесного сектора. Значимость последнего заключается в том, что он, во-первых, имеет межотраслевой характер, а во-вторых – связан с использованием леса как природного объекта, имеющего особые функции, а также его продуктов, используемых в различных отраслях этого сектора. Таким образом, существование леса как природного комплекса, удовлетворяющего экологические и социальные интересы общества и государства, а также значимость последнего для государства в целом и отдельных лиц, как сырьевой базы для производства продукции, необходимой для удовлетворения важных потребностей общества, обуславливает то, что он является предметом регулирования многих отраслей права, в том числе и хозяйственного. Правильное разграничение сферы влияния отраслей права, регулирующих отношения в пределах лесного сектора экономики, является важным и необходимым для эффективного функционирования как отдельных отраслей и комплексов так и их взаимосвязей и взаимозависимостей, которые составляют общую структуру лесного сектора экономики Украины.

Указанные особенности леса и лесного сектора в целом вызывают необходимость их детального рассмотрения во взаимосвязи и взаимодействии между собой. Кроме этого актуальность темы исследования обусловлена также тем, что хозяйственная деятельность в пределах лесного сектора не получила детального исследования в научной литературе.

Целью статьи является построение системы структурных единиц лесного сектора экономики, выделение хозяйственных правоотношений, возникающих между ними и определение черт, отличающих последние от иных правоотношений, в частности от лесных.

Предпосылкой выделения хозяйственных правоотношений из всей совокупности правоотношений, является построение системы элементов, составляющих лесной сектор экономики. Указанное исследование учеными в области хозяйственного права не проводилось. Отдельными вопросами построения системы лесного сектора экономики занимались такие ученые, как: Воробьев Г.И., Голуб А.А., Горбовой В.Ф. Дребот А.И., Кийко А., Коптев В.И., Мищенко В.С., Непийвода В.П., Орлов М.М. Писаренко А.И., Соколова А.К., Черкашина М.К. и др.

Развитие экономического пространства рассматриваемого сектора экономики предусматривает рациональное использование лесоресурсного потенциала, соответствующее комплектование, оптимизацию связей, а также учет естественных преимуществ и ограничений. На этой основе создается компонента экономического пространства (лесного

сектора), что формирует исходную специализацию, соответствующие территориальные границы, специфические признаки всей системы того или иного сегмента экономического пространства¹. Стоит отметить, что исследованию отдельных элементов, составляющих систему лесного сектора экономики посвящены работы, которые создавались в разные периоды развития социально-экономического уклада. В связи с этим, существуют различные теории построения связей между элементами системы и соответственно применения различных терминов для обозначения тех или иных явлений. Поэтому важно выделить и охарактеризовать элементы, составляющие его систему, определить характер связей между ними, унифицировать определения основных терминов с целью их дальнейшего применения.

По общему правилу, руководствуясь общепринятыми понятиями структуру лесного сектора можно определить как совокупность отраслей и производств, обеспечивающих использование и воспроизведение для последующего использования лесоресурсного потенциала (комплекса сырьевых и несырьевых ресурсов леса). Но, по мнению А.А. Голубь в таком смысле понятие «лесной сектор» близко по смыслу широко известного со времен плановой экономики термина «лесной комплекс»². Понятие «лесной сектор» также определяли как «триединство лесного хозяйства, лесопромышленного комплекса и лесных экосистем, управление которыми осуществляется в соответствии с лесной политикой»³. Кроме этого, стоит отметить, что в литературе применялись и другие понятия для обозначения системы производств, связанных с использованием леса и его ресурсов. Это такие понятия как «лесопромышленный комплекс», «лесопроизводственный комплекс», «лесоресурсный комплекс», «лесной комплекс» «лесная индустрия»⁴. Не останавливаясь подробно на разработанных указанными учеными понятиях, считаем необходимым провести их разграничение.

По нашему мнению, наиболее общим понятием, обозначающим всю совокупность сфер деятельности, связанной с лесом является «лесной сектор экономики». В Академическом толковом словаре украинского языка оно определяется как часть народного хозяйства, которая имеет определенные социальные и экономические признаки⁵, и может базироваться на одном или нескольких социально-экономических укладах⁶. То есть, лесной сектор экономики – это часть народного хозяйства, функционирование которой обеспечивает реализацию экономических, социальных, экологических и других интересов общества и государства, и базируется на различных видах, формах собственности на средства производства (предметы труда и средства труда), включающие право собственности украинского народа на леса, как природное богатство, а также право государственной, частной и коммунальной собственности на него как на источник древесины и не древесных ресурсов леса. С точки зрения О.А. Голубь, указанный сектор, это не просто совокупность отраслей и производств, а «сочетание сферы обращения продукции, которая производится, и средств, которые образуются на базе лесных ресурсов (ресурсов леса)». Она отмечает, что основу лесного сектора, составляют лесное хозяйство и деревооб-

¹ Міщенко В.С. Природно-ресурсні передумови формування економічного простору та розвитку стратегічного потенціалу регіонів України/В.С. Міщенко//Економічний простір і динаміка розвитку продуктивних сил України: теоретико-методологічні основи дослідження/ [за ред. чл.-кор. НАН України Б.М. Данилишина]. – К.: РВПС України НАН України, 2008. – С. 42

² Голуб О.А. Удосконалення ринкових механізмів управління відходами в лісовому секторі економіки України. Рада по вивченню продуктивних сил України НАН України (Київ) <http://waste.ua/cooperation/2004/thesis/golub.html>

³ Писаренко А.І. От управления – к контролю и надзору за лесами России/А.І. Писаренко, В.В. Страхов//Лесное хозяйство. – 2008. – №5. – С. 4

⁴ Горбовой В.Ф. Предмет и система советского лесного права. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1984. – С. 23; Коптев В.І. Полезахисне лісорозведення/В.І. Коптев, А.А. Лищенко. – К. Урожай, 1989. – С. 38; Дребот О.І. Теоретико-методологічні основи функціонування лісового комплексу//Агроекологічний журнал. – 2011. – №3. – С. 14

⁵ Словник української мови [Електронний ресурс] Академічний тлумачний словник (1970–1980). В 11 томах Т. 9. – С. 115 – Режим доступу: <http://www.sum.in.ua>

⁶ Кривенко К.Т. Савчук В.С. Беляєв О.О.: Політична економія: Навчальний посібник, 2001 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://fingal.com.ua/content/view/878/39/1/3/>

рабатывающая промышленность, а также рынок лесопродукции⁷. Указанное замечание справедливо, но несколько сужено, и требует дополнительного уточнения. Учитывая продемонстрированное выше отсутствие единого понимания понятий «лесной сектор» и «лесной комплекс» (что в основном употреблялось в период административно-командной системы хозяйствования), считаю необходимым обратиться к определению понятия лесопромышленного комплекса. В структуру этого понятия, кроме лесного хозяйства, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, лесохимической и гидролизной промышленности включают также «обслуживающие производства (производство и ремонт машин и оборудования), заводы по изготовлению предметов труда для отдельных отраслей, предприятия материально-технического снабжения, отрасли и учреждения непромышленного обслуживания (подготовка кадров, научно-исследовательская и проектно-конструкторская деятельность)»⁸. Опираясь на указанные выше неточности в определении некоторых основных понятий, учитывая определение лесного сектора экономики как наиболее общего понятия, обозначающее совокупность всех элементов системы, считаю, что в структуру лесного сектора экономики необходимо включить также обслуживающие отрасли (инфраструктура), которые должны обеспечивать деятельность сектора в целом. Их деятельность заключается в осуществлении вспомогательных видов экономической деятельности – таких, которые выполняются преимущественно в сфере услуг, а их результаты использует сам субъект для обслуживания его основного и второстепенных видов экономической деятельности (управления предприятием, бухгалтерский учет, транспортировки, складирования, закупка, сбыт, ремонт, техническое обслуживание и т.п.). Предоставление вспомогательных услуг в лесном хозяйстве, согласно КВЕД – 2010⁹ включает: а) предоставление услуг в лесном хозяйстве – таксацию леса, консультирование по вопросам ведения лесного хозяйства, оценку строительного леса, тушение пожаров и противопожарную защиту, борьбу с вредителями леса и б) предоставление услуг в лесозаготовках – транспортировка необработанной древесины в пределах леса. Их соответственно можно распределить в зависимости от природы конечного результата на: производственные и непромышленные обслуживающие отрасли. Кроме этого, стоит отметить, что рынок лесопродукции это не просто составляющая лесного сектора экономики, а заключительный этап деятельности производств и непромышленной сферы, которые создают и обеспечивают его деятельность. Таким образом, лесной сектор обозначает всю совокупность производств и непромышленные сферы, входящих в лесной комплекс, совокупность отраслей лесного хозяйства и лесной промышленности, а также комплекс обеспечивающих отраслей (осуществляющих вспомогательные виды экономической деятельности), которые в совокупности создают рынок лесопродукции и обеспечивают его деятельность.

Касательно понятию «лесной комплекс» стоит отметить, что некоторые ученые включают в его состав все отрасли и подотрасли украинской промышленности, экономическая деятельность которых тесно связана с использованием общего ресурса «лес». Важно то, что такое объединение не будет механическим, то есть не направленным на искусственное слияние родственных производств, для увеличения количества активов¹⁰. Итак, лесной комплекс является сочетанием отраслей, осуществляющих производственную и непромышленную деятельность, что в совокупности составляет единый процесс производства определенного материального блага.

⁷ Голуб О.А. Удосконалення ринкових механізмів управління відходами в лісовому секторі економіки України Рада по вивченню продуктивних сил України НАН України (Київ) <http://waste.ua/cooperation/2004/thesis/golub.html>

⁸ Розміщення продуктивних сил і регіональна економіка: Навчальний посібник/ М. Долішній, Ю Стадницький, А. Загородній, О. Товкан; М-во освіти і науки України, Нац. ун-т «Львівська політехніка». – Львів: Інтеллект-Захід, 2003. – С. 211.

⁹ Наказ Держспоживстандарту України від 11.10.2010 №457 Національний класифікатор України Класифікація видів економічної діяльності ДК 009:2010 [Електронний ресурс]: Режим доступу: <http://kved.ukrstat.gov.ua/>

¹⁰ Кійко О. Лісовий сектор України: стан та перспективи // Деревообробник. – 5 вересня 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://derevo.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=207&Itemid=87

Особого внимания требует рассмотрение понятия «лесное хозяйство», которым оперирует лесной кодекс, но не конкретизирует его. Учитывая многозначность понятия «хозяйство», в литературе встречается разнообразие взглядов на понятие «лесное хозяйство». Его определяют: как отрасль народного хозяйства¹¹; отрасль материального производства¹²; как определенный режим, которым человек сохраняет, наращивает, видоизменяет и заменяет определенные черты леса, чтобы закрепить желательные с его точки зрения свойства¹³. Указанное понятие также определяют, как вид деятельности¹⁴; как социальный процесс¹⁵, вид пользования лесами, которые необходимы для ведения лесного хозяйства и организации лесопользования¹⁶. Для целей нашего исследования указанное понятие обозначает область лесного сектора экономики входящий в состав лесного комплекса. Лесное хозяйство – это совокупность предприятий, осуществляющих указанные в учредительных документах виды хозяйственной деятельности в лесу. Рассматривая лесное хозяйство как часть лесного комплекса (отрасль лесного хозяйства), нужно обратить внимание на то, что она включает в себя производства (производственную хозяйственную деятельность) и непроизводственную деятельность. Последняя включает такие сферы как: учет, мониторинг лесов, организация их использования, ведение лесного хозяйства (лесохозяйственной деятельности), сертификацию, охрану, защиту лесов и т.д. Что касается производственной сферы лесного хозяйства, то здесь нужно разграничить лесное производство и лесопромышленное производство. Первое, соответственно, включает: воспроизведение, выращивание, разведение лесов и т.д., с целью их дальнейшей эксплуатации. Второе (лесопромышленное производство), является конечным этапом производственной сферы лесного хозяйства, которая включает: лесозаготовку, сбор ягод, грибов, соков, лекарственных растений и т.п., а также первичную обработку древесины и не древесной продукции леса.

Таким образом, лесной комплекс включает отрасль лесного хозяйства (в которую входит непроизводственная сфера и производственная, включающая лесное и лесопромышленное производство) и лесную промышленность, которая включает деревообрабатывающую промышленность (лесопильное, фанерное, спичечное производства, производство строительных материалов и т.п.), мебельную, целлюлозно-бумажную промышленность, лесохимическую, гидролизную и рынок основных средств производства. Последний включает производство машин и оборудования для нужд отрасли лесной промышленности и является его неотъемлемой частью. Система указанных отраслей лесного комплекса создает и обеспечивает деятельность рынка лесопродукции (рынка древесины, рынка продуктов ее переработки, и рынка недревесных продуктов леса), что является результатом функционирования лесного сектора экономики в целом.

С нашей точки зрения, такая система построения элементов лесного сектора экономики является оптимальной в современных условиях развития общества. На ее основе целесообразно рассмотреть систему отношений, возникающих в процессе функционирования указанных элементов системы. В частности, это касается выделения хозяйственных отношений и отделение их от лесных, которые составляют предмет регулирования лесного права. Учитывая отсутствие научных исследований по поводу разграничения лесных и хозяйственных отношений, для определения влияния норм хозяйственного права необходимо разграничить предметы и методы лесного и хозяйственного права соответствен-

¹¹ Горбовой В.Ф. Предмет и система советского лесного права. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1984. – С. 23-24.

¹² Воробьев Г.И. Лесное хозяйство//Лесная энциклопедия. – М., 1985. – Т.1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forest.geoman.ru/forest/item/foo/so1/e0001422/index.shtml>

¹³ Непийвода В.П. Правове регулювання в галузі лісів: Доба утвердження підтримного розвитку. – К.: НДІ Приватного права і підприємництва, 2004. – С. 94-95.

¹⁴ В.О. Озеран, М.Ю. Чік Вплив організаційно-технічних особливостей лісового господарства на методику обліку та контролю витрат і калькулювання продукції [Електронний ресурс]- Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vnulp/Menegment/2009_647/77.pdf

¹⁵ Печуляк В. Лісове право: проблемні питання місця та ролі у системі права України [Текст] /В. Печуляк // Підприємництво, господарство і право : Науково-практичний господарсько-правовий журнал. – 2010. – № 11. – С. 75.

¹⁶ Краснов Н.И. Новое советское лесное законодательство // Советское государство и право. – М.: Наука, 1978. № 7. – С. 42.

но. Их особенности и определяют круг общественных отношений, на которые направляется та или иная отрасль права, и особенности способа воздействия правовых норм на соответствующие общественные отношения. Предметом (в общепринятом смысле) любой отрасли являются те общественные отношения, на которые направлено регулирование норм права. Элементами правоотношений являются: субъекты, объекты, содержание (совокупность прав и обязанностей). Согласно нормам действующего Хозяйственного кодекса Украины (далее – ГК Украины), хозяйственными являются отношения, возникающие в процессе организации и осуществления хозяйственной деятельности между субъектами хозяйствования, а также между этими субъектами и другими участниками отношений в сфере хозяйствования. Соответственно под хозяйственной деятельностью понимается деятельность субъектов хозяйствования в сфере общественного производства, направленная на изготовление и реализацию продукции, выполнение работ и оказание услуг стоимостного характера, имеющих ценовую определенность. Их особенность состоит в том, что они возникают в любой из сфер народного хозяйства и тесно связанные с ними. Исходя из правового определения, можно выделить следующие признаки этих отношений: 1) объектом регулирования является хозяйственная деятельность, 2) возникают в сфере ее организации (т.е. деятельности, которая базируется на вертикальных правоотношениях между предприятием и органом или лицом, осуществляющим организационно-хозяйственные полномочия относительно него с целью упорядочения деятельности последнего) и осуществления (т.е. процесс выполнения, осуществления деятельности, определенной учредительными документами, может осуществляться как самим субъектом, так и другими субъектами на договорной основе с последним). Ключевым понятием указанных отношений является хозяйственная деятельность, которая также должна соответствовать определенным критериям: 1) сферой ее осуществления является общественное производство (в нашем случае это особая сфера – лесное (лесохозяйственное и лесопромышленное) производство) 2) содержание – производство и реализация продукции, выполнение работ, оказание услуг происходит не для собственных потребностей производителя, а для удовлетворения потребностей других лиц – потребителей в широком смысле, 3) передача указанных благ другим лицам, как правило, на платной основе, то есть их функционирования в форме товара, 4) профессиональные принципы осуществления такой деятельности; 5) специальный субъект, который должен, как правило, иметь статус субъекта хозяйствования (предприятия лесного хозяйства); 6) сочетание частных интересов производителя (в получении прибыли или иного социального эффекта от хозяйственной деятельности) и публичных интересов (общества в целом, в лице круга потребителей – в получении определенных благ; государства – в получении прибыли).

Итак, элементами хозяйственных правоотношений, которые являются их определяющими особенностями являются: 1) субъекты – субъекты хозяйствования а также другие участники отношений в сфере хозяйствования (органы государственной власти, местного самоуправления, потребители и т.д.) 2) объектом является хозяйственная деятельность, 3) содержание таких отношений составляют права и обязанности его субъектов по поводу организации (организационно-хозяйственные отношения) и осуществления (хозяйственно-производственные, внутрихозяйственные отношения) хозяйственной деятельности.

Что касается лесных отношений, то согласно действующему Лесному кодексу Украины – это общественные отношения, касающиеся владения, пользования и распоряжения лесами и направляются на обеспечение охраны, воспроизводства и устойчивое использование лесных ресурсов с учетом экологических, экономических, социальных и других интересов общества. Указанные отношения подпадают под действие норм лесного права, что является подотраслью экологического права. Из указанного определения можно выделить следующие признаки лесных правоотношений: 1) возникают в сфере владения, пользования и распоряжения лесами, 2) целью регулирования этих отношений является охрана, воспроизводство и устойчивое использование лесных ресурсов; 3) реализация указанной цели направляются на удовлетворение экономических, экологических и социальных интересов общества и государства. Кроме этого стоит заметить, об отсутствии имущественного характера в использовании и охране природных объектов, от-

сутствии товарных отношений в сфере природопользования¹⁷, что является основным отличительным признаком указанных правоотношений.

Центральным понятием лесного права является понятие «лес», что действующим Лесным кодексом определяется как тип естественных комплексов, в котором соединяются преимущественно древесная и кустарниковая растительность с соответствующими почвами, травяной растительностью, животным миром, микроорганизмами и другими природными компонентами, взаимосвязаны в своем развитии, влияют друг на друга и на окружающую природную среду. Итак, основными признаками леса, как объекта лесных отношений является комплексность природных компонентов, составляющих его, их взаимосвязь между собой и с окружающей средой. Последняя является обязательным признаком природного объекта и соответственно объекта лесных правоотношений. Удаление части природного объекта приводит к тому, что соответствующие возникающие отношения к нему переводятся уже в другую сферу регламентации, поскольку природный объект в таком случае приобретает специфические признаки и характеристики товарно-материальной ценности¹⁸. Лесные отношения в соответствии с действующим ЛК Украины направляются на обеспечение охраны, воспроизводства и устойчивого использования лесных ресурсов. Последние определены как древесные, технические, лекарственные и другие продукты леса, которые используются для удовлетворения потребностей населения и производства и воспроизводятся в процессе формирования лесных природных комплексов. То есть, Лесной кодекс определяет лесные ресурсы через понятие продуктов леса. Этимологическое значение понятия «ресурсы» означает запасы чего-либо, которые можно использовать в случае необходимости¹⁹. Природные богатства (запасы, ресурсы и т.д.) – это совокупность материальных ценностей, что есть в природе какой-либо страны, области, местности²⁰. Из этого можно сделать вывод о том, что понятие «лесные ресурсы» должно отражать совокупность компонентов леса или отдельные его части (древесная, кустарниковая и иная растительность, животный мир и т.д.), которые существуют в природе. Продукт – предмет, который является материальным результатом человеческого труда, деятельности; следствие, произведение, результат чего-либо; вещество, которое служит материалом для изготовления или выработки чего-либо²¹. На наш взгляд, продукты леса можно определить как сырье (заготовленную древесину, ягоды, грибы и др.), созданную в процессе эксплуатации лесных ресурсов человеком, путем их отделения от окружающей среды, с целью дальнейшего использования для удовлетворения преимущественно экономических и социальных интересов общества. Из указанного можно сделать вывод, что определение понятия лесные ресурсы через понятие продуктов леса является смешением разнородных понятий, что в итоге приводит к размыванию границ разнородных отношений, предметом которых они есть. Например, отношения по владению, пользованию и распоряжению лесными ресурсами как частью природной среды, относятся к сфере регулирования лесного права. Извлечение лесных ресурсов из природной среды, либо их внедрение в хозяйственный оборот повлечет превращение первых в продукты леса и обретение ими свойств товара либо соответственно обретение ними статуса имущества (в виде основных фондов или оборотных средств) предприятия. В таком случае отношения по поводу указанных объектов перейдут в сферу регулирования иных отраслей права, в частности хозяйственного, гражданского, финансового и т.д. Это в значительной степени касается разграничения лесных и хозяйственных правоотношений в лесном хозяйстве, как отрасли лесного сектора экономики. Например, пользование/использование лесных ресурсов (что касается общего пользования согласно действующему ЛК) – это получение полезных свойств от эксплуатации конкретной части леса, то есть компонента, который связан с окружающей средой для удовлетворения соци-

¹⁷ Сазыкин А.В. Экологическое право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bes.biz/pravo/esav/o2.htm>

¹⁸ Соколова А.К. Флористичне право України: проблеми формування та розвитку: монографія. – Х.: Право, 2009. – С. 11-12.

¹⁹ Словник української мови [Електронний ресурс] Академічний тлумачний словник (1970–1980). В 11 томах Т. 9. – С. 515 – Режим доступу: <http://www.sum.in.ua>

²⁰ Там же. – С. 8.

²¹ Там же. – С. 174.

альных, эстетических и иных потребностей общества в пределах пользования/использования леса для собственных нужд. Если же пользование/использование лесных ресурсов осуществляется в процессе осуществления хозяйственной деятельности субъектами, которым предоставлены конкретные участки в пользование или собственность, и они получили специальные разрешения на осуществление определенных видов хозяйственной деятельности в лесу, указанные части леса переходят в имущественную сферу субъекта, которому они предоставлены. В этом случае отношения, объектом которых выступает лес, как имущество субъекта хозяйствования выходят за пределы сферы регулирования лесного права и входят сферу регулирования хозяйственного права. Важно также учесть, что осуществление хозяйственной деятельности в лесу, регулируется нормами хозяйственного законодательства, с обязательным подчинением правилам и нормам экологического и лесного законодательства. Что касается пользования продуктами леса, то в таком случае речь должна идти о получении полезных свойств сырья, являющегося материалом для изготовления или выработки определенной древесной продукции. Древесина, извлеченная из деревьев, как лесных природных ресурсов является товаром либо сырьем для удовлетворения нужд предприятия, которое осуществляет ее заготовку.

Из указанного можно определить элементы лесных отношений: 1) субъектами лесных отношений являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридические лица и граждане, которые действуют в соответствии с Конституцией и законами Украины. Особенность субъектного состава состоит в том, что отношения, которые возникают между юридическими или физическими лицами субъектами хозяйствования, которые владеют, распоряжаются, пользуются или используют леса в своей деятельности, а также такие отношения с органами управления первых не являются лесными. 2) объектом указанных отношений является лесной фонд (все леса на территории Украины) и отдельные лесные участки; 3) содержанием лесных правоотношений является совокупность прав и обязанностей их субъектов по владению, пользованию и распоряжению указанным объектом (т.е. лесами и лесными природными ресурсами). Также стоит заметить, что нормы лесного права определяют особенные черты совершения хозяйственной деятельности в отраслях лесного сектора.

Дополнительным критерием разграничения отраслей права является метод их правового регулирования. Метод (в общепринятом смысле) – это, совокупность юридических средств, приемов и способов правового воздействия. По общему правилу, методы правового регулирования подразделяются на: императивные и диспозитивные. В хозяйственном праве выделяют четыре основных метода правового регулирования: метод предписаний (его применение законодателем происходит в форме императивных норм), метод автономных решений (принятие субъектами хозяйствования самостоятельно но в пределах своей компетенции значимых решений), метод координации (метод основан на равенстве сторон (диспозитивный), метод рекомендаций (применяется компетентным органом в форме предложений и рекомендаций для субъектов хозяйствования). Так как лесное право является подотраслью экологического права, для регулирования лесных отношений следует применять общие методы правового регулирования экологических отношений. Для экологического права характерен смешанный метод правового регулирования, который включает в себя диспозитивные и императивные способы и приемы правового регулирования экологических отношений. Метод правового регулирования экологических отношений базируется на сочетании императивных и диспозитивных способов и приемов воздействия норм экологического законодательства на субъектов таких отношений²². Важно то, что в указанных правоотношениях в основном применяется императивный метод правового регулирования, заключающийся в принятии уполномоченными органами правовых актов, устанавливающих обязательные правила владения, пользования и распоряжения лесами, а также их охраны, защиты и др. Это обусловлено спецификой объекта указанных правоотношений (лесной природный ресурс) и его назначению (в основном обеспечение экологических, экономических и социальных интересов). Диспози-

²² Екологічне право України: Підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів/А.П. Гетьман, М.В. Шульга, В.К. Попов та ін.; За ред. А.П. Гетьмана та М.В. Шульги. – Х.: Право, 2005 – С. 25.

тивный метод используется чаще всего при регулировании отношений собственности на природные объекты, договорных отношений, отношений об использовании природных объектов, при решении эколого-правовых споров, при возмещении убытков разных видов и т.п.²³. Двойственность природы хозяйственных отношений (сочетание в них организационных и имущественных элементов, частных и публичных интересов) порождает множественность методов – метод предписаний, автономных решений, координации, рекомендаций. Отношения по созданию и реализации продукции, выполнению работ, оказанию услуг возникают преимущественно между равноправными субъектами, в основном носят договорный характер и регулируются диспозитивными методами, но осуществляются с учетом императивных предписаний, что, например, могут быть установлены с учетом особого объекта этих отношений или сферы их возникновения.

Учитывая указанное, можно определить следующие критерии разграничения лесных и хозяйственных отношений в лесном секторе: 1) субъектами лесных отношений могут быть юридические лица (как субъекты хозяйствования так и не хозяйствующие субъекты), граждане, органы государственной власти и органы местного самоуправления; субъектами же хозяйственных правоотношений являются субъекты хозяйствования (хозяйственно-производственные, внутривозрастные отношения), а также органы государственной власти и местного самоуправления (организационно-хозяйственные отношения), которые осуществляют лесохозяйственную деятельность; 2) объектом лесных правоотношений является весь лесной фонд Украины, или соответственно конкретный лес, участок леса или определенная лесная растительность; объектом хозяйственного права является продукция, являющаяся результатом использования лесной растительности, в связи с чем последняя потеряла связь с окружающей средой, а также, лесные природные ресурсы, которыми субъекты хозяйствования владеют, пользуются/используют и распоряжаются как имуществом в пределах осуществления хозяйственной деятельности; 3) лесные отношения возникают в сфере владения, пользования и распоряжения определенными объектами лесных правоотношений; хозяйственные в сфере общественного производства; 4) содержанием лесных правоотношений является обеспечение охраны, воспроизводства и устойчивого использования леса и лесных ресурсов; содержанием хозяйственных правоотношений является производство и реализация продукции, выполнение работ, оказание услуг; 5) предметом регулирования лесного права является обеспечение осуществления некоторых видов хозяйственной деятельности (например, охраны, воспроизводства и использования лесов); предметом регулирования хозяйственного права есть особый вид деятельности (хозяйственная деятельность); 6) регулирование лесных правоотношений осуществляется совмещением гражданско-правового и административно-правового методов, с преобладанием последнего (с помощью которого устанавливаются правила осуществления деятельности с природными ресурсами); регулирование хозяйственных правоотношений осуществляется с помощью таких особых методов как: властных предписаний, автономных решений, рекомендаций, координации (с помощью которых регулируются взаимоотношения участников в сфере хозяйствования).

Позитивная практика урегулирования размежевания сферы влияния лесного права с другими отраслями существует в действующем Лесном Кодексе Российской Федерации (далее – ЛК РФ). Вопреки отсутствию законодательного определения понятия «лесные отношения», в ст. 3 указанного нормативно-правового акта четко определено, что лесное законодательство регулирует лесные отношения. Имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков и лесных насаждений, регулируются гражданским законодательством, а также Земельным кодексом Российской Федерации, если иное не установлено настоящим Кодексом, другими федеральными законами. Такое законодательное разграничение дает возможность более четко определить сферу влияния норм различных отраслей права. Установление четких границ обеспечит принятие эффективных законодательных актов и устранил неточности в понимании и применении норм различных отраслей в права в частности лесного и хозяйственного. Заимствование указанного опыта

²³ Екологічне право України: Підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів/А.П. Гетьман, М.В. Шульга, В.К. Попов та ін.; За ред. А.П. Гетьмана та М.В. Шульги. – Х.: Право, 2005 – С. 56.

правового регулирования будет иметь положительное влияние на качество законодательства Украины.

Хозяйственная деятельность, осуществляемая в рамках лесного сектора экономики является особым видом деятельности, которую можно назвать лесохозяйственной деятельностью. Она может осуществляться в лесу (с использованием или без использования лесных ресурсов), или с продуктами леса. Поэтому следует различать понятия «хозяйственная деятельность в лесу» и «хозяйственная деятельность с продуктами леса». Хозяйственная деятельность в лесу – это деятельность уполномоченных лиц, по охране, воспроизводству использованию, разведению и т.д. растительных компонентов леса с целью удовлетворения преимущественно экологических и социальных интересов общества, улучшения качества лесных природных ресурсов и увеличение ресурса леса (т.е. количества экономически выгодных лесных природных ресурсов), а также деятельность, осуществляемая без использования лесных природных ресурсов, направленная на пользование его полезными свойствами, предоставление различных видов услуг, упорядочение и улучшение его территории и т.п. Особенностью такой хозяйственной деятельности (лесохозяйственной) является то, что она регулируется нормами хозяйственного права, с учетом особенностей, указанных нормами лесного и экологического права. К этой деятельности следует отнести: организацию и ведение лесного хозяйства, заготовка древесины, воспроизводство лесных ресурсов, охрану, повышение производительности и качества состава лесов, вспомогательную деятельность при лесоводстве, предоставление временного жилья в лесу, организация детских лагерей, научных станций и т.д.. Субъекты хозяйствования, осуществляющие указанный вид деятельности могут вступать в правоотношения с другими субъектами хозяйствования, путем заключения гражданско-правовых и хозяйственно-правовых договоров. Например, лесохозяйственные отношения между субъектами хозяйствования возникают в случае заключения субъектом хозяйствования (лесопользователем) договора подряда на выполнение работ по лесоразведению, заготовке древесины, проведению работ по уничтожению вредителей. Нормами же лесного и экологического права в указанном случае должны определяться правила осуществления хозяйственной деятельности: нормы и порядок использования лесных ресурсов, механизм разведения лесов, особенности уничтожения вредителей и т.д. также могут устанавливаться требования к обязательным пунктам заключаемых хозяйственных договоров.

Понятие «хозяйственная деятельность с продуктами леса» можно определить как деятельность субъектов хозяйствования по реализации, использованию, переработке, утилизации и т.д. лесного сырья, что является результатом эксплуатации лесов и использования природных лесных ресурсов путем их изъятия из окружающей среды. Указанная деятельность (с продуктами леса) является хозяйственной, но поскольку она осуществляется в пределах лесного сектора, такая деятельность также регулируется нормами хозяйственного права с учетом особенностей, указанных нормами лесного права. Правоотношения, объектом которых являются продукты леса или лесная продукция также являются лесохозяйственными, поэтому они имеют особый режим правового регулирования.

Таким образом, учитывая указанное, можно сделать вывод, о том, что для разграничения лесных и хозяйственных отношений особое значение играют различия между его элементами (субъекты, объекты, содержание). Основным признаком, позволяющим отграничить лесные и хозяйственные отношения есть объект правового регулирования (в хозяйственных отношениях – деятельность в сфере общественного производства; в лесных – отношения по владению, пользованию и распоряжению лесами за рамками хозяйственной деятельности). Содержанием хозяйственной деятельности являются права и обязанности лиц, которые ее осуществляют. Содержанием лесных отношений является права и обязанности сторон по владению, пользованию и распоряжению лесами, а также установление правил осуществления хозяйственной деятельности в лесах. Кроме этого, отличие заключается и в предмете правового регулирования указанных отношений (лесной фонд (леса, участки леса, отдельные виды растений или животного мира) и природные лесные ресурсы – в лесных правоотношениях; продукты и продукция леса, а также природные ресурсы, используемые как имущество субъектов хозяйствования – в хозяйственных).

К лесохозяйственным относятся отношения: 1) осуществляемые в лесу с использованием или без использования лесных ресурсов субъектами хозяйствования в пределах

осуществления ими хозяйственной деятельности, основой которой выступает лес, как природный ресурс, а также отношения по владению использованию и распоряжению лесами, как имуществом в сфере хозяйствования; 2) осуществляемые с продуктами леса, которые формируются в результате воздействия человека на лес, как объект окружающей среды, и в результате теряют связь с последним (есть движимыми вещами), а также последующая их переработка, поэтому их осуществление обеспечивается нормами хозяйственного права с учетом норм лесного права.

Исходя из этого, предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 2 действующего ЛК Украины, определив, что:

Лесные отношения – это общественные отношения, возникающие по поводу владения, пользования и распоряжения лесами, направленные на обеспечение охраны, воспроизводства, защиты, учета, мониторинга и устойчивого использования лесных природных ресурсов, с учетом экологических, экономических, социальных и других интересов общества.

В ст. 2 действующего ЛК Украины внести изменения, добавив ч. 4, определив что:

Имущественные отношения в лесном секторе экономики, связанные с оборотом, использованием/пользованием лесами либо отдельными природными лесными ресурсами, а также определенными земельными участками регулируются хозяйственным, гражданским, земельным законодательством, с особенностями установленными этим кодексом.

Ч. 1 ст. 6 ЛК Украины:

Лесные природные ресурсы – это совокупность компонентов леса или отдельные его части (древесная, кустарниковая и иная растительность, животный мир и т.д.), существующие в природе, которые имеют неразрывную связь с окружающей средой и в сочетании с другими компонентами образуют лес.

Добавить ч. 3 ст. 6 действующего ЛК Украины:

Продуктом леса является сырье (заготовленная древесина, ягоды, грибы и др.), созданная в процессе эксплуатации лесных ресурсов человеком, путем их отделения от окружающей среды, с целью дальнейшего использования, промышленной обработки и получения полуфабрикатов или готовой продукции для удовлетворения преимущественно экономических и социальных интересов общества.

Кроме этого, предусмотреть, что отношения, по поводу организации и ведения лесного хозяйства, эксплуатации лесов, их воспроизводства, охраны, повышения производительности и качественного состава лесов и т.д., являются лесохозяйственными отношениями, регулируемые нормами хозяйственного права с учетом особенностей определенных нормами лесного права.

Список литературы

1. Міщенко В.С. Природно-ресурсні передумови формування економічного простору та розвитку стратегічного потенціалу регіонів України/В.С. Міщенко//Економічний простір і динаміка розвитку продуктивних сил України: теоретико-методологічні основи дослідження/ [за ред. чл.-кор. НАН України Б.М. Данилишина]. – К.: РВПС України НАН України, 2008. – С. 39-47
2. Голуб О.А. Удосконалення ринкових механізмів управління відходами в лісовому секторі економіки України. Рада по вивченню продуктивних сил України НАН України (Київ) [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://waste.ua/cooperation/2004/thesis/golub.html>
3. Писаренко А.І. От управления – к контролю и надзору за лесами России/А.І. Писаренко, В.В. Страхов//Лесное хозяйство. – 2008. – №5. – С. 2-6
4. Горбовой В.Ф. Предмет и система советского лесного права. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та – 1984. – 144 с.
5. Коптєв В.І. Полезахисне лісорозведення/В.І. Коптєв, А.А. Лищенко. – К. Урожай, 1989. – 169 с.
6. Дребот О.І. Теоретико-методологічні основи функціонування лісового комплексу//Агроекологічний журнал. – 2011. – №3. – С. 12-17
7. Словник української мови [Електронний ресурс] Академічний тлумачний словник (1970–1980). В 11 томах. – Т. 9 – Режим доступу: <http://www.sum.in.ua>
8. Кривенко К.Т. Савчук В.С. Беляєв О.О.: Політична економія: Навчальний посібник, 2001 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://fingal.com.ua/content/view/878/39/1/3/>

9. Розміщення продуктивних сил і регіональна економіка: Навчальний посібник/ М. Долішній, Ю. Стадницький, А. Загородній, О. Товкан / Нац. ун-т "Львівська політехніка". – Львів: Інтеллект-Захід, 2003. – 255 с.
10. Наказ Держспоживстандарту України від 11.10.2010 №457 Національний класифікатор України Класифікація видів економічної діяльності ДК 009:2010 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://kved.ukrstat.gov.ua/>
11. Кійко О. Лісовий сектор України: стан та перспективи // Деревообробник. – 5 вересня 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://derevo.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=207&Itemid=87
12. Воробьев Г.И. Лесное хозяйство//Лесная энциклопедия. – М., 1985. – Т.1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forest.geoman.ru/forest/item/foo/s01/e0001422/index.shtml>
13. Непійвода В.П. Правове регулювання в галузі лісів: Доба утвердження підтримного розвитку. – К.: НДІ Приватного права і підприємництва, 2004. – 339 с.
14. В.О. Озеран, М.Ю. Чік Вплив організаційно-технічних особливостей лісового господарства на методику обліку та контролю витрат і калькулювання продукції [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/Vnulp/Menegment/2009_647/77.pdf
15. Печуляк В. Лісове право: проблемні питання місця та ролі у системі права України [Текст] / В. Печуляк // Підприємництво, господарство і право: Науково-практичний господарсько-правовий журнал. – 2010. – № 11. – С. 74-77.
16. Краснов Н.И. Новое советское лесное законодательство // Советское государство и право. – М.: Наука, 1978. – № 7. – С. 37-46
17. Сазыкин А.В. Экологическое право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://be5.biz/pravo/esav/o2.htm>
18. Соколова А.К. Флористичне право України: проблеми формування та розвитку: монографія /А.К. Соколова. – Х.: Право, 2009. – 288 с.
19. Екологічне право України: Підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів/А.П. Гетьман, М.В. Шульга, В.К. Попов та ін.; За ред. А.П. Гетьмана та М.В. Шульги. – Харків: Право, 2005 – 384 с.

CONCEPT AND TYPES OF ECONOMIC RELATIONS IN THE FORESTRY SECTOR OF THE ECONOMY OF UKRAINE

A.M. BROVDII

*National University «Yaroslav
the Wise Law academy
of Ukraine»*

e-mail: muhajlivna@mail.ru

The author gives a reasonable description of the elements of forest sector of economy and distinguish the main types of relationships that occur between them. He gives a description of the economic relations, separates them from the forest relations that appear in this sector of economy. The author propose changes to the current Ukrainian legislation, based on these findings.

Key words: forest sector of economy, forest complex, economic relations, forest relations, forestry, forest industry, timber industry, timber processing production, forest production, forestry activity, forest products, forest natural resources.

УДК 347.42

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ВНЕДОГОВОРНЫХ РЕГУЛЯТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В.Н. ИГНАТЕНКО

*Национальный университет
«Юридическая академия
Украины им. Ярослава Мудрого»*

e-mail: pollicitatio@bigmir.net

В статье рассмотрены общие и отличительные черты исполнения договорных и внедоговорных обязательств. Исполнение обязательства освещается как правовой институт, как процесс (деятельность), как следствие (результат) осуществления гражданских прав и обязанностей, вытекающих из конкретного обязательства. Юридической конструкцией исполнения обязанности по обязательствам, а также принятия исполненного выступает односторонняя сделка. Также односторонняя сделка как основание возникновения внедоговорного регулятивного обязательства устанавливает стандарт поведения субъекта исполнения. Правило об общих условиях исполнения обязательства нуждается в дополнении, указанием на содержание односторонней сделки, как модель поведения обязанного лица.

Ключевые слова: исполнение обязательств, исполнение обязанности, принятие исполнения, односторонняя сделка, прекращение обязательства, внедоговорные регулятивные обязательства.

Завершающим этапом развития обязательства как определенного процесса, воплощающего динамику имущественных отношений выступает его исполнение. Чаще всего в силу обязательства возникает обязанность совершить определенные действия, одним из субъектов обязательства, которые называются предметом исполнения. Особенности предмета исполнения полностью зависят от особенностей конкретного обязательства, а потому они определяются основаниями возникновения обязательства (сделкой, договором, административным актом, на которых основаны обязательства) и нормами, регламентирующими обязательства определенного вида¹.

ГК Украины впервые по основанию возникновения разделил обязательства на две группы: договорные и внедоговорные. Причем, последние имеют неоднородные основания возникновения, которыми могут быть как правомерные так и неправомерные действия. В рамках данной статьи рассматриваются обязательства, возникающие из правомерных действий, чаще всего это односторонние сделки. По меткому выражению В. Л. Яроцкого, наиболее распространенными базовыми цивилистическими конструкциями правоустановления и инструментами формализации имущественных прав выступают договоры и односторонние сделки. Непосредственное воплощение нормативно определенных типовых модельных схем на уровне локального самодеформирования осуществляется путем совершения сделок. В отличие от нормативного (типового модельного) локальное моделирование носит индивидуальный характер и предполагает активность самих участников будущих имущественных отношений как его субъектов².

В силу ст. 526 ГК Украины обязательство должно исполняться надлежащим образом, согласно условиям договора и требованиям этого кодекса и других актов гражданского законодательства, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или другими требованиями, которые обычно предъявляются. Внедоговорные регулятивные обязательства относятся к внедоговорным обязательствам и, в свою очередь, выступают вместе с договорными обязательствами разновидностью гражданско-правовых обязательств в целом. Под внедоговорными регулятивными

¹ Зобов'язальне право: теорія і практика. Навч. посібн. для студентів юрид. вузів і фак. ун-тів / О. В. Дзера, Н. С. Кузнецова, В.В. Луць та інші; за аг. ред. О. В. Дзери. – К.: Юрінком Інтер, 1998. – С. 43.

² Яроцький В.Л. Специфіка цивільно-правового механізму формування змісту особистих немайнових та майнових прав / Актуальні проблеми цивільного, житлового та сімейного законодавства : матеріали міжнар. Наук.-практ. конф., присвяч. 90-річчю з дня народження д-ра наук., проф. В. П. Маслова, 16 берез. 2012. / [ред. кол. : В.І. Борисова (відп. ред.) та ін.] ; Нац. Ун-т «Юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого». – Харків: Право, 2012. – С. 37.

обязательствами понимаются те, которые призваны урегулировать нормальные в ненарушенном состоянии отношения между субъектами гражданского права и при этом возникают из правомерных оснований за пределами договора, среди них: публичное обещание вознаграждения (публичное обещание вознаграждения без объявления конкурса и публичное обещание награды по результатам конкурса) совершение действий в имущественных интересах третьего лица без его поручения, обязательства по спасанию (здоровья и жизни физического лица; имущества другого лица) обязательства из завещательно-го отказа и завещательного возложения.

Чаще всего предметом исследования выступает исполнение договорных обязательств, а исполнение внедоговорных обязательств, как правило отдельно не рассматривается и часто упоминания о них связывается с констатацией, что возникновение внедоговорных обязательств, особенно деликтных «подпадает» под действие императивных норм, содержащих специальные правила по исполнению того или иного обязательства, хотя в случае отсутствия отдельных оговорок должны применяться общие условия исполнения обязательства. Кроме этого не исключается и автономное регулирование, в частности исполнения обязательства из публичного обещания вознаграждения³. Уже одна эта ссылка указывает на существование определенной специфики регулирования исполнения внедоговорных обязательств, которая должным образом не исследована, что в свою очередь не позволяет ее отразить в виде соответствующих гражданско-правовых норм. Также требует выяснения вопрос: существуют ли особенности исполнения именно внедоговорных регулятивных обязательств как подвида обязательств.

Теоретические проблемы исполнения договорных обязательств в последнее время неоднократно становились предметом монографических исследований. Так, Т. В. Боднар в своей работе основное внимание уделила именно исследованию договорных обязательств как наиболее распространенного вида обязательств, опосредующих экономические отношения обмена, определяющих динамику гражданско-правовых отношений⁴. С. В. Сарбаш в своей монографии исполнение обязательства рассматривает как правопрекращающую (ремиссионную) двустороннюю сделку, включающую в себя волеизъявление сторон, направленное на исполнение обязательства, последняя не порождает никаких новых прав и обязанностей сторон по отношению друг к другу (т.е. не создает требования и долга) и её правовым эффектом является получение права на объект (для случаев когда обязательство предусматривает передачу или создание прав) и прекращение обязательства исполнением⁵. В то же время, В.А. Белов определяет понятие исполнения обязательства как специализированную категорию, имеющую очень узкое, можно сказать, техническое значение, которое теряется немедленно за границами обязательственного права. Попытка ее соотнесения с одним из видов юридических фактов – правомерных действий (юридическим поступком, односторонней сделкой или договором) обречена на неуспех по той причине, что понятие исполнения обязательств выделено и противопоставлено другим юридическим фактам – правомерным действиям по совершенно другим критериям, нежели сделки и юридические поступки⁶. По мнению А. Эрделевского, исполнение обязательства в большинстве случаев является совокупностью двух действий – исполнения обязанности должником и принятия исполнения кредитором. Поскольку второе из этих действий «зеркально» по отношению к первому, правовая природа исполнения обязанности предусматривается аналогичной правовой природе принятия исполнения⁷. С точки зрения классификации правовых средств субъектов правореализационной деятельности рассматривает исполнение обязательства С.Ю. Филиппова и относит его к ос-

³ Цивільне право: підручник: у 2 т. / В.І. Борисова (кер. авт. кол.), Л.М. Баранова, Т.І. Бегова та ін.; за ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатеевої, В.Л. Яроцького, – Х.: Право. – 2011. – Т.2. – С. 32.

⁴ Боднар Т. В. Виконання договірних зобов'язань у цивільному праві: Монографія. – К.: Юрінком Інтер, 2005. – С. 12.

⁵ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. – М.: Статут, 2005. – С. 81.

⁶ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Издательство Юрист, 2009. – С. 702.

⁷ Эрделевский А.О. О правовой природе исполнения обязанности / Хозяйство и право. – 2012. – № 1. – С. 119.

новным правовым средствам⁸. Опять же, исследуя исполнения договорных обязательств С.Н. Бервено (лишь косвенно) отмечает, что фактически вне регулирования ГК Украины остается исполнение внедоговорных обязательств⁹, а В. В. Кулаков выделяет инициативу на исполнение договорных и внедоговорных обязательств. В договорном обязательстве такая инициатива выражается в оферте или акцепте. Для исполнения внедоговорных обязательства также необходимо действие со стороны кредитора, которое проявляется в обращении за исполнением (обращение за наградой, требование о возмещении ущерба и т.п.)¹⁰.

Проведенный анализ научных работ свидетельствует с одной стороны о многоаспектности такого правового явления как исполнение обязательства, а с другой – недостаточном внимании к исполнению внедоговорных в целом и внедоговорных регулятивных обязательств, в частности. Причем, это касается как законодательного урегулирования так и цивилистической доктрины. Учитывая это, требует решения вопрос: существует ли специфика исполнения внедоговорных регулятивных обязательств. Если да, то как это должно быть учтено в действующем гражданском законодательстве.

Большинство внедоговорных регулятивных обязательств возникает из односторонних сделок, а также юридических поступков как акта проявления инициативы субъектов гражданского права и вместе с договорами относятся к правомерным действиям. Однако, среди возможных стандартов поведения субъектов исполнения, предусмотренных ст. 526 ГК Украины, отсутствует ссылка на содержание односторонней сделки. По нашему мнению, такое указание подчеркнуло бы положение о том, что обязательство может возникнуть не только на основании взаимной договоренности сторон, но и с их односторонних правомерных действий за пределами договора. В то же время, опыт гражданско-правового регулирования других стран свидетельствует, что можно отойти даже от опосредованного указания на основание возникновения обязательства. Так, в силу ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, а при отсутствии таких условий и требований в соответствии с обычаями делового оборота или иными требованиями, которые обычно предъявляются.

Независимо от основания возникновения обязательства, для исполнения как договорного, так и внедоговорного, в том числе внедоговорного регулятивного обязательства, необходимо взаимодействие сторон. Кредитор, удовлетворяя свой интерес, благодаря надлежащему выполнению обязательства обращается с инициативой на исполнение обязательства к должнику. В договорном обязательстве инициатива выражается в оферте или акцепте, а во внедоговорном регулятивном, например, обязательстве из публичного обещания награды по результатам конкурса в обращении победителя конкурса к его учредителю о выполнении им своего долга в сроки, установленные условиями конкурса; в обязательстве, возникающем вследствие спасания здоровья и жизни физического лица от реальной угрозы для него, в обращении спасателя к соответствующему государственному органу о возмещении причиненного ему вреда в полном объеме.

Исполнение обязательства рассматривается в науке гражданского права в нескольких смыслах: как правовой институт; как процесс, деятельность, как следствие (результат) осуществления гражданских прав и обязанностей, вытекающих из конкретного обязательства.

В значении правового института, нормы об исполнении внедоговорных регулятивных обязательств, закрепленных в главе 48 ГК Украины «исполнение обязательства», отдельных главах ГК, посвященных регулированию таких обязательств, как публичное обещание вознаграждения без объявления конкурса; публичное обещание награды по результатам конкурса; совершение действий в имущественных интересах другого лица без его поручения и т.д., в других нормативно-правовых актах, а также международных

⁸ Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. – М.: Статут, 2011. – С. 65.

⁹ Бервено С.М. Проблеми договірного права України: Монографія. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – С. 187.

¹⁰ Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: Монография. – М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010. – С. 230.

договорах, участницей которых является Украина. Исполнение обязательств может регулироваться обычаями, в том числе обычаями делового оборота.

Исполнение внедоговорных регулятивных обязательств, в зависимости от их вида может регулироваться императивными нормами (спасание здоровья и жизни физического лица, имущества физического или юридического лица). Так, в указанном обязательстве именно закон определяет должника (субъекта исполнения), которым в зависимости от объекта спасательных действий, характера причиненного вреда может быть как государство, так и собственник (владелец) имущества. Также закон устанавливает, что вообще обязательство по спасанию имущества другого лица не возникает, если такое имущество не имеет существенной ценности. При отсутствии таких предписаний применяются общие условия исполнения обязательств, что не исключает диспозитивного регулирования отдельных внедоговорных регулятивных обязательств. Последний вид регулирования базируется на признании отдельных односторонних сделок, которые приводят к возникновению внедоговорных регулятивных обязательств регуляторами общественных отношений наряду с договорами. Так, например, в силу ч. 2 ст. 1238 ГК на наследника, к которому переходит жилой дом, квартира или другое недвижимое имущество завещатель имеет право возложить обязанность предоставить другому лицу право пользования ими.

Исполнение как процесс, деятельность предполагает совершение определенных действий сторонами обязательства. Так, лицо, которое откликнулось на обещание вознаграждения, имеет право требовать, чтобы лицо, обещавшее вознаграждение, приняло обусловленный в обещании результат. Соответственно, последнее обязано выплатить вознаграждение первому. По мнению Б. И. Пугинского исполнения договоров является деятельностью и она должна пониматься на основе методов изучения деятельности. Необходимо учитывать различия предметной хозяйственной деятельности от предназначенной для ее упорядочения и организации договорной деятельности. Осуществляемая субъектами производственная, строительная и иная деятельность подчиняется техническим, технологическим, санитарным и другим требованиям. Осуществляемые в ходе такой деятельности действия не имеют правового значения и не выступают ни юридическими поступками, ни сделками. Указанные действия могут получить наравне с фактическим, предметным также юридическое значение лишь в тех случаях и в той мере, в какой такое значение им предоставляют сами участники договора или закон¹¹. Разделяя подход о выделении предметной и договорной (юридической) деятельности считаем, что акцент надо поставить все же на исследовании последней, а относительно данной статьи – на регулирующем потенциале односторонних правомерных действий субъектов гражданского права.

Исполнение обязательства как следствие (результат) осуществления гражданских прав и обязанностей заключается в том, что согласно ст. 599 ГК Украины исполнение обязательства, проведенное должным образом, является одним из оснований прекращения обязательств. Причем наиболее желанным для сторон как договорного так и внедоговорного регулятивного обязательства.

В литературе высказано взгляд о различиях правового характера действий по исполнению договорных и внедоговорных обязательств. Для последних – это односторонняя сделка, а для договорных такой подход неприменим, поскольку контрагент по договору, исполняя его условия не осуществляет сделки (волеизъявления), а выполняет возложенные на него обязанности¹². При этом не приводится их правовая квалификация. По нашему мнению такое утверждение носит спорный характер относительно исполнения договорного обязательства. Действительно договорная обязанность основывается на совместной договоренности сторон договора, но совершение действия во исполнение долга носит характер индивидуального правового акта и является волеизъявлением. Понятно, что договор обязывает должника, но исполнять его условия или нет, решает он сам, проявляя при этом свою волю. Юридическая природа действий по исполнению обязанности

¹¹ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИДК «Зерцало-М». 2008. – С. 165-166.

¹² Харитонов Є.О., Харитонova О.І. Цивільні правовідносини: Навчальний посібник: – К.: Істина, 2008. – С. 172.

из обязательства не изменится от того, установлено оно по договоренности сторон (договором) или в одностороннем порядке лицом совершившим, одностороннюю сделку. Последняя может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом, или по договоренности с этими лицами.

Сама юридическая природа действий по исполнению обязанности из обязательств носит дискуссионный характер. По этому поводу высказаны четыре основные точки зрения: односторонняя сделка (С.М. Охоцимский)¹³, юридический поступок (О.А. Красавчиков)¹⁴, договор (С.В. Сарбаш)¹⁵, или односторонняя сделка или юридический поступок В.А. Белов¹⁶. Исполнение обязанности из обязательства не может выступать юридическим поступком, поскольку как отмечалось ранее должник совершает волевое действие направленное на достижение правового результата – прекращения обязательства. Даже сторонник договорной теории исполнения понимает его, как действия должника по исполнению и действия кредитора по принятию исполнения являющиеся волеизъявлением сторон, каждое из которых может рассматриваться как односторонняя сделка, а вместе они создают своеобразную сделку по исполнению обязательства, прекращающую обязательственное правоотношение. Считаем, что положение о своеобразной сделке носит спорный характер¹⁷. Ведь очевиден автономный характер действий должника и кредитора. Так, должник считается просрочившим, если он не приступил к исполнению обязательства или не исполнил его в срок, установленный договором или законом. В силу ст. 612 ГК Украины это влечет для него неблагоприятные последствия. Подобная ситуация возникает и в случае просрочки кредитора – если он отказался принять надлежащее исполнение, предложенное должником, или не совершил действий, установленных договором, актами гражданского законодательства или вытекающие из сути обязательства или обычаев делового оборота, до совершения которых должник не мог исполнить свою обязанность (ст. 613 ГК Украины). Приведенное свидетельствует об отсутствии оснований считать исполнение единым волевым актом двух сторон (должника и кредитора) подобным договору. Считаем, что юридической конструкцией исполнения обязанности из обязательства, а также принятия исполненного выступает односторонняя сделка.

На основании изложенного, приходим к следующим выводам.

1. Общими чертами исполнения как договорных, так и внедоговорных (в том числе регулятивных) обязательств выступает:

а) взаимодействие сторон в процессе исполнения, основанное на инициативных действиях как кредитора так и должника;

б) исполнение как договорных, так и внедоговорных обязательств носит одинаковый характер и по юридической конструкции представляет собой две односторонние сделки: исполнения обязанности должником и принятия исполнения кредитором;

в) юридическим следствием (результатом) исполнения, проведенного надлежащим образом является прекращение обязательства.

2. Отличительной особенностью исполнения внедоговорных (регулятивных) обязательств является установление стандартов поведения субъектов исполнения в одностороннем порядке лицом, совершившим одностороннюю сделку.

Требует совершенствования правило ст. 562 ГК Украины об общих условиях исполнения обязательства, путем дополнения ссылкой на содержание односторонней сделки, как один из возможных ориентиров для субъекта исполнения.

Список литературы

1. Бервено С.М. Проблеми договірного права України: Монографія. – К. : Юрінком Інтер, 2006.

¹³ Охоцимский В.Н. Основные моменты исполнения по обязательствам. – Саратов, – 1929. – С. 81.

¹⁴ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюридиздат, 1958. – С. 154.

¹⁵ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. – М.: Статут, 2005. – С. 81.

¹⁶ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Издательство Юрист, 2009. – С. 703.

¹⁷ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. – М.: Статут, 2005. – С. 62.

2. Бондар Т. В. Виконання договірних зобов'язань у цивільному праві: Монографія. – К.: Юрінком Інтер, 2005.
3. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Издательство Юрист, 2009.
4. Зобов'язальне право: теорія і практика. Навч. посібн. для студентів юрид. вузів і фак. унів / О. В. Дзера, Н. С. Кузнецова, В. В. Луць та інші; за аг. ред. О. В. Дзери. – К.: Юрінком Інтер, 1998.
5. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюридиздат, 1958.
6. Кулаков В. В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: Монография. – М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010.
7. Охоцимский В.Н. Основные моменты исполнения по обязательствам. – Саратов, – 1929. – С. 81.
8. Путинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИДК «Зерцало-М», 2008.
9. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. – М.: Статут, 2005.
10. Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. – М.: Статут, 2011.
11. Харитонов Є.О., Харитонova О.І. Цивільні правовідносини: Навчальний посібник: – К.: Істина, 2008.
12. Цивільне право: підручник: у 2 т. / В.І. Борисова (кер. авт. кол.), Л.М. Баранова, Т.І. Бегова та ін.; за ред. В. І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатеевої, В.Л. Яроцького. – Х.: Право. – 2011. – Т.2.
13. Эрделевский А.О. О правовой природе исполнения обязанности / Хозяйство и право. – 2012. – № 1.
14. Яроцький В. Л. Специфіка цивільно-правового механізму формування змісту особистих немайнових та майнових прав / Актуальні проблеми цивільного, житлового та сімейного законодавства : матеріали міжнар. Наук-практ. конф., присвяч. 90-річчю з дня народження д-ра наук., проф. В. П. Маслова, 16 берез. 2012. / [редкол. : В. І. Борисова (відп. ред.) та ін.] ; Нац. Ун-т «Юрид. акад.. України ім. Ярослава Мудрого». – Х.: Право, 2012.

THE REGULATION OF THE EXECUTION OF REGULATORY NON-CONTRACTUAL OBLIGATIONS

V.N. IGNATENKO

*National University «Yaroslav
the Wise Law academy
of Ukraine»*

e-mail: muhajlivna@mail.ru

There are the considered general and distinctive lines of execution of contractual and non-contractual obligations in the article. Execution of obligations lights up as a legal institute, as process (activity), as a result of (result) realization of civil laws and duties which follow from a concrete obligation. By the legal construction of execution of duty on an obligation, and similarly acceptance carried out an unilateral contract comes forward. Also unilateral contract, as foundation of origin of uncontractual regulative obligation is set by the standard of conduct of subject of execution. Governed about the general conditions of execution of obligation requires addition, pointing on maintenance of unilateral contract, as models of conduct of the obliged person.

Key words: execution of obligations, performance of duty, acceptance of execution, unilateral contract, stopping of obligation, non-contractual regulative obligations.

УДК 342.542.

КРЕСТЬЯНСКОЕ (ФЕРМЕРСКОЕ) ХОЗЯЙСТВО КАК СУБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

В.А. ХРИСАНОВ¹
В.Л. МИХАЙЛИКОВ²

*¹⁾ Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет*

e-mail: mikhailikov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет*

e-mail: mikhailikov@bsu.edu.ru

В настоящее время существует необходимость ускоренного развития такого сектора российской экономики, как малое предпринимательство, которое наиболее быстро решает проблемы повсеместного обеспечения занятости населения, насыщения рынка конкурентоспособными и дешевыми товарами отечественного производства, повышения уровня национального благосостояния, расширения налогооблагаемой базы региональных и местных бюджетов, смягчения социально-экономических последствий рыночных реформ. Крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект предпринимательского правоотношения, является одним из видов предпринимательской деятельности граждан, которая направлена на решение вышеуказанных проблем и адаптацию граждан к условиям социально-экономического развития общества.

Ключевые слова: правоотношение, предпринимательство, фермер, хозяйство.

Положения действующего законодательства позволяют выявить специфические особенности правовой регламентации в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности граждан предпринимателей. Речь идет об особенностях предпринимательской деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, деятельности арбитражного управляющего, подлежащего в силу Закона о банкротстве регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а также деятельности частных детективов, анализ которой говорит о наличии в ее составе признаков предпринимательской деятельности.

Хотелось бы подробнее остановиться на деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта предпринимательского отношения.

Фермерский сектор в сельском хозяйстве как вид предпринимательской деятельности в России начал складываться с 1990 года и связан с принятием закона РСФСР от 22.11.1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»¹ (далее — Закон 1990 г.). Данный закон рассматривал крестьянское хозяйство в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта с правами юридического лица, представленного отдельным гражданином, семьей или группой лиц, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и земельных участков, находящихся в их пользовании, в том числе в аренде, в пожизненном наследуемом владении или в собственности.

С принятием ГК РФ правовой статус крестьянского хозяйства существенным образом изменился. Произошло некоторое раздвоение этого образования на само хозяйство и его главу. В силу п. 2 ст. 23 ГК РФ предпринимателем признается глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющего деятельность без образования юридического лица, а регистрации подлежит само хозяйство.

Следует отметить, что существующая неопределенность правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства не полностью преодолена и в новом Федеральном законе от 11.06.2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»² (далее — Закон 2003 года).

С одной стороны Закон 2003 года содержит ряд положений свидетельствующих о признании субъектом предпринимательства самого фермерского хозяйства. Так в силу ст. 5 Закона 2003 г., именно фермерское хозяйство считается созданным со дня его госу-

¹ Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. №26. Ст. 324.

² СЗ РФ. 2003. №24. Ст. 2249.

дарственной регистрации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Кроме того, ни в одной статье Закона 2003 г. прямо не говорится об индивидуальной предпринимательской деятельности главы фермерского хозяйства. Его полномочия более свидетельствуют о том, что он является своеобразным органом фермерского хозяйства. В пользу такого вывода можно привести следующие аргументы: во-первых, признание главой хозяйства производиться по взаимному согласию его членов (п. 1 ст. 16 Закона 2003 г.); во-вторых, глава действует в интересах хозяйства (п. 2 ст. 16 Закона 2003 года); в-третьих, организует деятельность фермерского хозяйства, выступает в сфере обращения от имени хозяйства без доверенности, сам выдает доверенности, осуществляет прием и увольнение работников фермерского хозяйства, распоряжается имуществом хозяйства, ведет учет и отчетность (ст. 17 Закона 2003 г.).

Более того, сам законодатель в одном месте определяет, что имущество фермерского хозяйства принадлежит его членам на праве совместной собственности (п. 3 ст. 6 Закона 2003 года), а в другом – дает перечень объектов, входящих в состав имущества именно хозяйства (п. 4 ст. 6 Закона 2003 г.).

Однако следует ли рассматривать деятельность крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляемую в качестве юридического лица, поскольку согласно абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются, в частности, граждане и юридические лица. Думается, что ответ должен быть отрицательным. Закон 2003 г. прямо говорит, что фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (п. 3 ст. 1 Закона 2003 г.). Как известно гражданским законодательством установлены две формы, в которых может осуществляться предпринимательская деятельность – с образованием юридического лица, осуществляемая соответствующими коммерческими организациями и без образования юридического лица, осуществляемая гражданами – индивидуальными предпринимателями. Поскольку ни в ГК РФ, ни в Законе 2003 г. фермерское хозяйство не признается юридическим лицом, можно сделать вывод, что деятельность крестьянского (фермерского) хозяйства осуществляется в форме индивидуальной предпринимательской деятельности.

Следует также отметить, что в юридической литературе высказывались различные точки зрения на проблему государственной регистрации фермерских хозяйств. Так, по мнению В.В. Лаптева, правило, введенное п. 2 ст. 23 ГК РФ, облегчает положение главы крестьянского (фермерского) хозяйства, которому не нужно специально проходить государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, поскольку он признается таковым в силу закона с момента регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства.

В.В. Устюкова предлагает рассматривать крестьянское фермерское хозяйство в качестве особой организационно-правовой формы предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве без образования юридического лица, которая и будет считаться субъектом малого предпринимательства. Однако, с данной точкой зрения трудно согласиться, исходя из положений ГК РФ об организационно-правовых формах осуществления предпринимательской деятельности (ст. 23, ст. 50 ГК РФ).

Ю. Вольдман считает, что порядок регистрации глав крестьянских (фермерских) хозяйств должен быть особым, ибо это единственные предприниматели, которые признаются таковыми непосредственно законом. Для получения свидетельства о регистрации в качестве предпринимателя вместо заявления достаточно простого письменного уведомления администрации соответствующего района, подтвержденного остальными членами крестьянского хозяйства³.

В настоящее время в соответствии с п. 2 постановления Правительства РФ от 16.10.2003 г. № 630 «О Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, Правилах хранения в единых государственных реестрах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей документов (сведений) и передачи их на постоянное хра-

³ Пахолкова А.Ю. Правовое регулирование малого предпринимательства в РФ. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 63-64.

нение в государственные архивы, а также о внесении изменений и дополнений в постановления Правительства Российской Федерации от 19 июня 2002 г. № 438 и 439»⁴ государственная регистрация крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляется в порядке, установленном для государственной регистрации физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. Однако, во избежание неопределенности в правовом статусе крестьянского (фермерского) хозяйства, думается, в правовых актах, и, прежде всего в ст. 5 Закона 2003 г., регулирующих порядок регистрации крестьянских (фермерских) хозяйств, следует говорить о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя не фермерского хозяйства, а его главы.

Важно при этом отметить следующий сущностный признак фермерского хозяйства, определяющий выделение данного субъекта правоотношений из круга организационно – правовых форм хозяйствующих субъектов. Закон 2003 г. впервые положил в фундамент взаимоотношений участников крестьянского хозяйства родство и свойство. Родство и свойство — особые личные узы лиц, неовещественные связи, не имеющие имущественных (стоимостных) начал. Именно они и диктуют необходимость в особой организационно-правовой форме хозяйствования граждан, обладающих этими признаками. В Законе 2003 г. дается перечень лиц, находящихся в родстве и свойстве: супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но не более чем из трех семей. Причем максимальное количество граждан, не состоящих в родстве с главой фермерского хозяйства, но могущих быть его членами, не должно превышать пяти человек (ст. 3 Закона 2003 г.).

Вместе с тем, имущественные взаимоотношения членов крестьянского (фермерского) хозяйства вызывают ряд вопросов. Так, согласно ст. 6 Закона 2003 г. в состав имущества фермерского хозяйства могут входить земельные участки, насаждения, хозяйственные и иные постройки, мелиоративные и иные сооружения, продуктивный и рабочий скот, птица, сельскохозяйственные и иные техника и оборудование, транспортные средства, инвентарь и иное имущество, необходимое для осуществления деятельности фермерского хозяйства. Однако Закон 2003 года не устанавливает каких-либо минимальных требований к наличию имущества крестьянского хозяйства. А именно этим имуществом хозяйство отвечает перед кредиторами. Некоторые фермерские хозяйства на практике имеют только земельные участки, а необходимую технику и оборудование арендуют. В силу норм земельного законодательства обратиться взыскание на земельный участок затруднительно, а иногда просто невозможно (если, например, земельный участок был закреплен на титуле пожизненного наследуемого владения – ст. 266 ГК РФ).

Кроме того, предписания Закона 2003 г. о порядке образования имущества крестьянского хозяйства предельно кратки и отсылают к соглашению о создании фермерского хозяйства (под. п. 4 п. 3 ст. 4, п. 4 ст. 6 Закона 2003 г.). При этом возникает еще одна проблема: разграничение собственно имущества хозяйства и частного имущества членов хозяйства. На практике уже бывали случаи, когда глава или члены хозяйства приобретали автомобили, сельскохозяйственную технику, однако осуществляли их регистрацию на собственное имя, хотя фактически использовали приобретенное в интересах крестьянского хозяйства. При этом страдали интересы кредиторов хозяйства. Видимо, в настоящий момент единственным разграничителем служит факт включения этого имущества в бухгалтерский баланс хозяйства. В литературе встречаются утверждения, что к имуществу, которое принадлежит членам хозяйства на праве общей собственности, отнесены не только те виды имущества, которые имеют значение средств и предметов производства, но также и жилой дом, хозяйственные постройки, то есть имущество потребительского характера⁵.

В связи с этим возникает вопрос об ответственности крестьянского (фермерского) хозяйства по своим обязательствам. Исходя из признания главы фермерского хозяйства индивидуальным предпринимателем следует, его повышенная ответственность, от которой может освободить только случай непреодолимой силы, а взыскание распространяется на все принадлежащее ему имущество, за исключением имущества, установленного

⁴ СЗ РФ. 2003. № 43. Ст. 4238.

⁵ Коммерческое право: Учебник. Ч.2 / Под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. – СПб, 1998. – С. 341.

гражданским процессуальным законодательством, на которое не может быть обращено взыскание. С другой стороны, в п. 3 ст. 8 Закона 2003 г. указано, что по сделкам главы крестьянского (фермерского) хозяйства, совершенным в интересах хозяйства, фермерское хозяйство отвечает закрепленным за ним имуществом. Вместе с тем в Законе 2003 г. сделано указание и на ограниченный характер ответственности членов фермерского хозяйства по обязательствам хозяйства. Согласно п. 3 ст. 9 Закона 2003 г. гражданин, вышедший из фермерского хозяйства в течение двух лет после выхода из него несет субсидиарную ответственность в пределах стоимости своей доли в имуществе фермерского хозяйства по обязательствам, возникшим в результате деятельности хозяйства до момента выхода его из фермерского хозяйства.

Таким образом, ответственность главы фермерского хозяйства как индивидуально-предпринимателя по обязательствам хозяйства в Законе 2003 года думается, представлена как субсидиарная, в силу, которой первоначально фермерское хозяйство отвечает закрепленным за ним имуществом (которое принадлежит на праве общей собственности его членам) и лишь при недостаточности этого имущества для удовлетворения требований кредиторов к ответственности привлекается глава хозяйства, который отвечает принадлежащим ему имуществом.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием) от 12.12.1993г. // Российская газета. 1993, 25 декабря.
2. Гражданский кодекс РФ от 30.12.1994 г. Часть 1 // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11.06.2003 г. № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.
4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3431.
5. Коммерческое право: учебник / Под ред. В.Ф. Попондопуло и В.Ф. Яковлевой. СПб, 2003.
6. Пахолкова А.Ю. Правовое регулирование малого предпринимательства в РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

PEASANT (FARMER) ECONOMY AS THE SUBJECT OF ENTERPRISE LEGAL RELATIONSHIP

V.A. HRISANOV¹⁾
V.L. MIKHAILIKOV²⁾

*¹⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: mikhailikov@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod State National Re-
search University*

e-mail: mikhailikov@bsu.edu.ru

Now there is a necessity of the accelerated development of such sector of the Russian economy as small business which most quickly solves the problems of universal provision of people employment, market saturation by the competitive and cheap goods of a domestic production. It also solves the problems of increase of national welfare level, expansion of taxable base in regional and local budgets, mitigation of social and economic consequences of market reforms. The peasant (farmer) economy as the subject of enterprise legal relationship is one of the kinds of business activity of citizens which is directed to solving the above-named problems and adaptation of citizens to conditions of social and economic development in a society.

Key words: legal relationship, enterprise (business), the farmer, an economy.

УДК 340.111.52

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**Е.Д. ПРОЦЕНКО¹⁾**
Б.В. МАКОГОН²⁾*¹⁾ Московский университет МВД
России**e-mail: bmakoghon@mail.ru**²⁾ Санкт-Петербургский
университет МВД России**e-mail: bmakoghon@mail.ru*

В статье представлен анализ подходов к интерпретации содержания процессуального правоотношения и его элементного состава. Осуществлена систематизация и наименования указанных подходов. На основе результатов проведенного исследования предложен авторский «смешанный подход» к трактовке содержания процессуально-ограничительного правоотношения и его элементов.

Ключевые слова: субъективное право, юридическая обязанность, полномочия, юридическая ответственность, содержание, процессуально-ограничительные правоотношения.

Необходимость методологического решения проблемы, связанной с установлением пределов в деятельности субъектов публичной власти нами связана с обособлением процессуально-ограничительных правоотношений. Раскрытию данного правового феномена способствует уяснение его содержания.

Подчеркнем, что содержательная интерпретация процессуально-ограничительных правоотношений имеет важное теоретическое и практическое значение. Первый аспект мы ассоциируем с установлением в рамках научной дискуссии элементного состава содержания правоотношений и сопряженной с ним терминологии. А второй – с эффективностью процессуальных норм, регулирующих заявленные правоотношения, в конечном итоге влияющих на принимаемое решение в юридическом разбирательстве.

Ввиду одинаковой природы процессуальных и процессуально-ограничительных правоотношений, полагаем, содержанию последних будет способствовать исследование первых. В теории права до сих пор отсутствует унифицированное определение содержания процессуальных правоотношений. Более того в монографических исследованиях, посвященных процессуальным отношениям, таковым дается характеристика через содержание правовых отношений без уточнения юридической связи¹.

В целом анализ доктринальных источников позволил автору систематизировать и поименовать имеющиеся подходы к определению содержания процессуальных правоотношений:

– «поведенческий» – указывает на поведение участников, действия субъектов правоотношений²; поведение, полномочия и обязанности участников правоотношения³; фактическое поведение его субъектов, реальное взаимодействие в правовой сфере⁴; реальное взаимодействие (поведение) в правовой сфере, которое выступает в виде должного (возможного), юридически действительного взаимодействия⁵. Отметим, что в рамках данного подхода различаются узконаправленные взгляды авторов (выделяют только поведенческий элемент), а также как широконаправленные (помимо поведенческого элемента включают полномочия, обязанности и др.);

¹ См., например: Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. – М.: Юридическая литература, 1972; Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Издательство НОРМА, 2003.

² См.: Гуреев П.П. Судебное разбирательство гражданских дел. – М., 1958. – С. 13.

³ См.: Джалилов Д.Р. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. – Душанбе, 1962. – С. 27.

⁴ Явич Л. С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.

⁵ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М., 1950. – С. 22-23, Братусь С. Н. К вопросу об объекте правоотношений по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1950. – № 9. – С. 86, Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. – М., 1970. – С. 546.

– «полномочно-компетенционный» раскрывает правомочия и обязанности субъектов этих отношений⁶;

– «ограниченный» указывает на права и юридические обязанности, предусмотренные (закрепленные) нормами объективного права⁷ (более этих элементов ничего не выделено);

– «основанный на связи, взаимодействии». Данного подхода придерживался Ю. В. Гревцов, предлагая под содержанием правоотношения понимать *взаимодействие* субъектов правового отношения, но не всякое, а лишь протекающее в определенной, предписанной нормой объективного права форме в качестве юридически предусмотренной и значимой деятельности⁸.

В. М. Горшенев также считал, что наиболее плодотворным при раскрытии содержания процессуального правоотношения будет такой подход, при котором правоотношение следует рассматривать в качестве специфической социальной связи, характеризующейся наличием у ее участников корреспондирующих друг другу субъективных прав и обязанностей, полномочий и ответственности⁹. Объясняя свою позицию, ученый уточнил, что «содержание правоотношений наиболее контрастно проявляется не столько в наличии у его субъектов правомочий, юридических обязанностей или способности нести юридическую ответственность, сколько в том, что эти компоненты в конкретных правоотношениях органически связаны между собой, всегда корреспондируют друг другу, а сама специфическая социальная связь выступает в качестве коррелятивной»¹⁰.

По мнению А. В. Погодина, связь между субъектами процессуального правоотношения может быть в виде: а) связи, если налицо обоюдная заинтересованность в законном и справедливом воплощении материально-правового установления в регулируемое общественное отношение; б) односторонней зависимости, если управляющий субъект, например судья, употребляет властные полномочия, побуждая другую сторону принять посильное участие в установлении истины по делу; в) взаимного отчуждения, если содержание отношения сводится к формальному соблюдению процессуально-правовых требований по принципу «что ни делай – все предрешено»; г) более сложной комбинации или перманентной смены указанных вариантов взаимодействия¹¹.

Е. Г. Лукьянова в своей монографии, ссылаясь на позицию Ю. И. Гревцова, указала на его подход как наиболее приемлемый, учитывающий специфику процессуального правоотношения. И поэтому под содержанием процессуального правоотношения ею предложено понимать связь субъектов процессуального правоотношения, воплощающуюся в субъективных правах и юридических обязанностях, юридических полномочиях, юридической ответственности и соответствующем им фактическом поведении¹².

Не оспаривая элементный набор, который указывают различные авторы, считаем, первостепенным концептуально обозначить собственную позицию к определению содержания процессуально-ограничительного отношения. Ввиду того, что субъектами таковых выступают носители публичной власти, а также с учетом динамического характера самого процесса, требующего адекватного сопоставления прав и обязанностей, полномочий и ответственности субъектов, считаем важным сделать акцент именно на корреляции (от позднелат. *correlatio* – соотношение) элементов содержания заявленного правоотно-

⁶ См.: Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – С. 19, Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. – С. 23, Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. – М.: Юридическая литература, 1960. – С. 9, Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 38; Основин В.С. Государственно-правовые отношения. – М.: Юридическая литература, 1965. – С. 71; Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 105.

⁷ См.: Толстой В.С. Содержание относительных правоотношений // Советское государство и право. – 1969. – № 3. – С. 126; Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. – Л., 1972 и др.

⁸ Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981.

⁹ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 97.

¹⁰ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 98.

¹¹ См.: Погодин А.В. Процессуальные правовые отношения: теоретические и методологические вопросы: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1991. – С. 74-75.

¹² Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – С. 220.

шения. Полагаем, применение данного термина обосновано тем, что он наличествует в различных областях науки и техники и обозначает взаимозависимость, взаимное соответствие, соотношение понятий, предприятий, предметов, функций¹³.

Далее в исследовании содержания процессуально-ограничительного правоотношения следует указать на его полиаспектный характер. Так, некоторые в содержании правоотношения различают материальное содержание, то есть фактическое поведение (действие, бездействие), которое управомоченный может, а обязанный должен совершить, и юридическое содержание. Под ним понимаются права и обязанности, вытекающие из нормы объективного права¹⁴. Данная позиция в дальнейшем трансформировалась и были обособлены: собственно содержание правового отношения¹⁵, внутреннее содержание¹⁶, содержание, взятое в единстве материального содержания и правовой формы, его опосредующей. Под первым (собственным, внутренним содержанием) понимаются юридические права и обязанности, закрепленные нормами права, а под вторым – поведение, которое, однако, выводится за пределы правового отношения. В этом и есть основное отличие этой позиции от той, которая различает материальное и юридическое содержание внутри правоотношения¹⁷.

Нами же поддерживается позиция, основанная на взглядах О. С. Иоффе. По его мнению, содержание каждого правоотношения включает материальный, волевой и юридический аспекты. В качестве первого выступает то общественное отношение, которое им закрепляется. Материальное содержание правоотношения предопределяет его волевое содержание. Последнее является волей всего народа, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в возникающих в соответствии с ними правоотношениях. А волевое содержание в свою очередь закрепляется при помощи юридического, которое конкретизируется в субъективных правах и обязанностях его участников¹⁸.

По нашему мнению, каждое процессуально-ограничительное правоотношение отличается собственным материальным и юридическим содержанием. Таковые при воздействии различных факторов приобретают специфические черты, позволяющие отграничивать одно правоотношение от другого. Юридическое содержание процессуально-ограничительного правоотношения также различно ввиду неодинакового набора прав и обязанностей субъектов правоотношений. В отличие от материального и юридического содержания, волевое носит всеобщий характер ввиду того, что оно отождествляется с единой волей населения в последующем воплощенной в процессуальных нормах.

Таким образом, материальное и юридическое содержание являются критериями, индивидуализирующими процессуально-ограничительные правоотношения.

В свою очередь юридическое содержание процессуально-ограничительного правоотношения формируется под воздействием не только материального содержания (фактические общественные и материальные юридические отношения, которые реализуются с помощью данного процессуального правоотношения), но и субъектного состава этого правоотношения. Так, у субъектов процессуально-ограничительного правоотношения, являющихся носителями публичной власти имеются характерные только для них права и обязанности. Например, функцию правосудия реализуют суды; в рамках административных процессуально-ограничительных производств определена подведомственность органов, рассматривающих дела об определенных категориях правонарушений и т.д. Следовательно, специфика суда как органа реализующего правосудие влияет на круг его полномочий в процессуально-ограничительных правоотношениях. Если же обращать внимание на полномочия субъектов в рамках административных процессуально-ограничительных правоотношений, то это до сих пор сложная задача ввиду их многочисленности в различных областях государственного управления. Поэтому, считаем, субъектам административной отрасли процессуально-ограничительных отношений сле-

¹³ Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969-1978.

¹⁴ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 256-301.

¹⁵ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 90.

¹⁶ Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 46.

¹⁷ Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. – С. 76.

¹⁸ См.: Общая теория государства и права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – С. 390-392.

дует уделять пристальное внимание, как в теоретических исследованиях, так и на уровне корректировки законодательства. Несмотря на проведенную административную реформу по-прежнему сохраняется проблема дублирования полномочий органов управления. Например, подписание Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹⁹ ознаменовало завершающую стадию первого этапа реализации административной реформы. В развитие этого акта были приняты соответствующие постановления Правительства РФ, закрепляющие основные направления деятельности министерств, служб и агентств. Был проведен значительный объем работы по функциональному наполнению новой структуры, по подготовке и утверждению положений о федеральных органах исполнительной власти²⁰.

Однако обнаружился ряд отклонений от первоначально заявленных целей и задач. Часть выявленных проблем обуславливалась несовершенством предложенной структуры федеральных органов исполнительной власти: недостаточно последовательно был реализован основополагающий принцип – переход от отраслевой структуры федеральных органов исполнительной власти к функциональной, что сделало крайне затруднительным устранение дублирования в реализации функций государственного управления.

Возвращаясь к трактовке элементного состава правоотношения, полагаем, что восприятие такового в качестве связи только юридического права и обязанности, делает исследование неполным, поскольку не выходит за рамки формы правового отношения. Данный подход к правоотношениям не позволяет обстоятельно выявить связи, возникающие в пределах самой правовой формы правоотношения. Так, зачастую комплекс отношений регулируется различными отраслями права. Только исследование реального поведения в соответствии с правами и обязанностями может показать, насколько согласованы нормы и институты различных отраслей права в своем воздействии на данные общественные отношения²¹.

Мы солидаризируемся с позицией Ю. И. Гревцова и считаем, что содержание правовых отношений также нельзя сводить к юридическим правам и обязанностям, равно как нельзя его сводить к любому, не имеющему юридического значения действию, элиминировать юридическую специфику правоотношений. Как первое, так и второе вытекает из недостаточной и потому схематичной интерпретации связи материальных и надстроечных отношений, исключаяющей у последних реальное содержание. Специфическая связь прав и обязанностей (сфера должного) характеризует форму того или иного вида правоотношений. Его непосредственным содержанием будет взаимодействие, но не всякое, а лишь протекающее в определенной форме, предписанной нормой объективного права. Таким образом, реальное взаимодействие в правовой сфере выступает как юридически предусмотренная и значимая деятельность²².

Далее относительно конкретных элементов, выделяемых в содержании процессуально-ограничительных отношений, отметим следующее.

Термин «субъективное», применяемый в качестве эпитета к термину «право», имеет не философский, а чисто условный смысл. Термином «субъективное» хотят показать лишь то, что речь идет о таком праве, которое принадлежит тому или иному лицу, субъекту, а не о праве в смысле совокупности юридических норм²³.

Традиционно в отечественной юридической доктрине субъективное право рассматривалось в качестве вида и меры возможного поведения управомоченного лица в конкретном правоотношении²⁴; обеспеченной законом меры дозволенного управомоченному поведению и возможности требовать определенного поведения от обязанного лица в

¹⁹ Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 22.06.2010 г.) // Российская газета. – 2004, 12 марта; СЗ РФ. – 2010. – № 26. – Ст. 3331.

²⁰ Вишняков В.Г. Административная реформа: 15 лет поисков концепции // Законодательство и экономика. – 2011. – № 7. – С. 5-17.

²¹ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 260.

²² Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. – С. 81.

²³ Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961. – С. 225.

²⁴ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973. – С. 520.

целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного²⁵; вида и меры дозволенного поведения управомоченного субъекта, обеспеченной юридическими обязанностями других лиц²⁶.

Отличным от представленных является по подход Н. Г. Александрова. По его мнению субъективное право есть единство трех возможностей: вид (и мера) возможного поведения самого обладателя субъективного права; возможность требовать соответствующего поведения (совершения известных действий или, напротив, воздержания от действия) от других (обязанных) лиц; возможность прибегнуть в необходимых случаях к содействию не только общественности, но и государственного аппарата.

Специфика субъективного права проявляется особенно в третьей возможности, связанной с принудительной силой государства. Однако субъективное право всегда представляет собой неразрывное единство трех указанных возможностей²⁷.

В целом же субъективное право – это именно сама возможность вести себя определенным образом²⁸. А определенный вид и мера поведения – это характеристики такой возможности, содержание, но не суть субъективного права. Субъективное право представляют в виде единства юридического и социального начал. Объективным моментом здесь является социальное начало – непосредственное выражение материальных отношений, а юридическое – субъективный момент, связанный с государственным признанием²⁹.

На наш взгляд, представляет научный интерес одна из современных трактовок субъективного права, сформулированная с учетом специфики субъектов публичной власти. Итак, субъективное публичное право – предоставленная лицу, в том числе лицу с особым статусом – замещающему государственную должность или служащему, в целях удовлетворения его законного интереса, мера возможного поведения в конкретном правоотношении, которая заключается в возможности совершения определенных законодательством, в том числе о государственной (муниципальной) службе, действий самим управомоченным и в возможности управомоченного требовать определенного поведения от любых обязанных физических и юридических лиц, государственных и муниципальных органов³⁰. Источником возникновения субъективного публичного права является закрепляющая его правовая норма и юридические факты, одним из которых выступает наличие у лица определенного функционального статуса (замещение государственной должности или должности государственной или муниципальной службы).

В процессуально-ограничительном правоотношении (как и в любом ином) субъективному праву одной стороны всегда корреспондирует юридическая обязанность другой стороны.

Обязанность, как и право, олицетворяет связь обладателя субъективного права с государством и с другим участником правоотношения – управомоченным субъектом. Содержательно обязанность прямо противоположна субъективному праву. Последнее – мера дозволенного государством поведения, а обязанность – мера должного поведения субъекта. Но данная противоположность не препятствует тому, что и то и другое служит общей, единой цели – удовлетворению признаваемых законом интересов управомоченного лица. Единство цели не исключает противоположность между ее содержанием³¹. Отсюда «обязанность есть обеспеченная законом мера должного поведения, которой обязанное лицо следует в соответствии с требованиями и в целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного»³².

²⁵ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961. – С. 223.

²⁶ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 114.

²⁷ См.: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961. – С. 227.

²⁸ Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.

²⁹ См.: Сивкова Л.А. Субъективное право (Общетеоретические вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986. – С. 4-5.

³⁰ Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.

³¹ См.: Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.

³² Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961. – С. 224.

Отметим, что в теории права также различается подход к определению обязанности, исходя из трактовки самого правоотношения. Если непосредственным содержанием правоотношения признается наличие у его участников субъективных прав и юридических обязанностей, последние определяются как вид и мера должного³³ или мера необходимого поведения³⁴ лица, соответствующая субъективному праву другого лица. И, напротив, если в содержании правоотношения предпочтение отдается поведению его участников, юридическая обязанность, как правило, предстает в виде опосредованного правовыми нормами определенного или должного поведения обязанного субъекта³⁵.

В совокупности право и обязанность выступают в процессе регулирования общественных отношений, соблюдая определенный баланс, а его нарушение затруднит в должной мере реализацию права.

Исходя из того, ряд ученых включает в содержание правоотношений полномочия, мы данный аспект хотели бы прокомментировать применительно к процессуально-ограничительным правоотношениям с использованием позиции В. М. Горшенева, заключающейся в том, что процессуальные полномочия нельзя отнести ни к процессуальным правам, ни к процессуальным обязанностям. По своему назначению это в некотором роде продукт синтеза тех и других, в первую очередь – это компонент компетенции соответствующего государственного органа. Орган государства, наделенный процессуальными полномочиями, – не только процессуально управомоченный, но и обязанный к совершению предусмотренного права процессуального действия орган³⁶. Не вдаваясь в детали разграничения понятий «полномочия» и «компетенция», считаем, что все-таки полномочия, действительно, законодательно определенный «продукт синтеза прав и обязанностей», поэтому при формулировании определения содержания заявленных правоотношений не имеет смысла дублировать термины «право», «обязанность», «полномочие».

Разделяя в целом мысль о правообязывающем характере полномочий выражающемся в определении для должностных лиц пределов их прав относительно иных лиц и органов и одновременном возложении на них обязанности использовать предоставленные права для достижения поставленных целей³⁷, следует учитывать сочетание процессуальных прав и обязанностей в рамках процессуальных полномочий, их различные композиции в конкретных правоотношениях с учетом динамичности и многосубъектности последних³⁸.

Также уточним, что к элементам содержания процессуальных правоотношений, как нами было указано выше, ученые также относят юридическую ответственность. На наш взгляд, именно юридическая ответственность и ее неотвратимость при решении методологической проблемы определения пределов деятельности субъектов публичной власти, призвана стать ключевым элементом.

С учетом приведенных аргументов, представляется целесообразным при формулировании содержания процессуально-ограничительных правоотношений использовать выработанный подход, компилирующий в себе несколько из ранее обоснованных в теории права. С помощью такого смешанного подхода, полагаем, определение содержания процессуально-ограничительных правоотношений может быть представлено через корреляцию прав и обязанностей субъектов публичной власти, обуславливающая их деятельность в рамках урегулированных процессуальными нормами производств на основе неотвратимости наступления юридической ответственности.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 22.06.2010 г.) // Российская газета. – 2004, 12 марта; СЗ РФ. – 2010. – № 26. – Ст. 3331.

³³ См.: Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. – М., 1980. – С. 327.

³⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 125-126.

³⁵ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973. – С. 520; Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. – Киев: Вища школа, 1979. – С. 22.

³⁶ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 99.

³⁷ См.: Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 г. – Саратов, 1980. – С. 210.

³⁸ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983. – С. 99.

2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М., 1950.
3. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1961.
4. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981.
6. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969-1978.
7. Братусь С. Н. К вопросу об объекте правоотношений по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1950. – № 9.
8. Вишняков В.Г. Административная реформа: 15 лет поисков концепции // Законодательство и экономика. – 2011. – № 7.
9. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981.
10. Гуреев П.П. Судебное разбирательство гражданских дел. – М., 1958.
11. Джалалов Д.Р. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. – Душанбе, 1962.
12. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М., 1961.
13. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М: Изд-во МГУ, 1954. – С. 19, Толстой Ю. К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
14. Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. – Киев: Вища школа, 1979.
15. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Издательство НОРМА, 2003.
16. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. – М., 1970.
17. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. – М., 1973.
18. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М.: Юридическая литература, 1976.
19. Общая теория государства и права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
20. Основин В.С. Государственно-правовые отношения. – М.: Юридическая литература, 1965.
21. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. – Л., 1972.
22. Погодин А.В. Процессуальные правовые отношения: теоретические и методологические вопросы: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1991.
23. Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 г. – Саратов, 1980.
24. Сивкова Л.А. Субъективное право (Общетеоретические вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986.
25. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. – М.: Юридическая литература, 1972.
26. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. – М., 1980.
27. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1983.
28. Толстой В.С. Содержание относительных правоотношений // Советское государство и право. – 1969. – № 3.
29. Федосенко В.А. Проблематика субъективных прав и юридических обязанностей в сфере публичных правоотношений // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12.
30. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974.
31. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
32. Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. – М.: Юридическая литература, 1960.
33. Явич Л. С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.

CONTENT OF THE PROCEDURAL AND RESTRICTIVE RELATIONSHIP

E.D. PROCENKO¹⁾
B.V. MAKOGON²⁾

¹⁾ *Russian Ministry of Internal Affairs of Moscow University*
e-mail: bmakogon@mail.ru

²⁾ *St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry*
e-mail: bmakogon@mail.ru

The paper presents an analysis of approaches to interpret the procedural relationship and its elemental composition. Performed classification and naming of these approaches. Based on the results of the study authors proposed a «mixed» approach to the interpretation of the content of the process-limiting relationship and its elements.

Key words: subjective law, legal obligation, authority, legal liability, contents, process-restrictive relationship.

УДК 347.9

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В.С. СИНЕНКО*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: sinenko@bsu.edu.ru*

В данной статье обращается внимание на отдельные элементы содержания принципа правовой определенности. Делается вывод о необходимости систематизации различных проявлений данного принципа как на общеправовом, так и отраслевом уровнях.

Ключевые слова: принцип правовой определенности, гражданский процесс, пересмотр судебных актов.

В научной литературе последнего десятилетия в научный оборот достаточно прочно вошел термин – «правовая определенность». Причем о правовой определенности в абсолютном большинстве случаев говорят как о правовом принципе¹, причем общеправового характера². В то же время различные аспекты правовой определенности приобретают самостоятельное значение уже в рамках отдельных отраслей права. Например, в сфере гражданского процессуального права идея правовой определенности преломляется через необходимость обеспечения стабильности судебных актов, вступивших в законную силу.

Идея правовой определенности является составной частью более общего понятия – «верховенства права». Верховенство права как принцип сформировался в решениях европейских судов и является одним из наиболее важных общих европейских принципов права, включающий в себя: правовую определенность, правовую эффективность и баланс интересов (пропорциональность). В юридической литературе отмечено, что согласно этому принципу «любой нормативный акт, в том числе и судебное решение, является источником права только в том случае, если носит определенный характер, эффективно регулирует правоотношения и содержит пропорциональные меры правового регулирования. При отсутствии какого-либо из названных элементов международные европейские суды могут признать несоответствующими принципу верховенства права и закон, и договор, и судебное решение»³.

Учитывая важность и значимость данного принципа, следует отметить, что он не сформулирован ни в одном из действующих нормативных актов. Н.С. Бондарь объясняет это тем, что требование определенности вытекает из самой природы правовой нормы как равного масштаба, равной меры свободы для всех субъектов права. Это как раз и позволяет определить требование нормативно-правовой определенности в качестве важного принципа режима равноправия граждан⁴. Исходя из этого, делается вывод о том, что конкретные показатели степени определенности правовой нормы содержатся не в сущностных характеристиках правовой нормы, а в форме, способах правового закрепления правила поведения. Иными словами, определенность характеризует, в своей основе, уровень законодательной техники, а не сущностную природу нормативно-правового предписания⁵.

Стоит отметить, что существенное значение в формировании идеи правовой определенности имеет деятельность Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Поэтому с признанием юрисдикции ЕСПЧ данная правовая категория прочно вошла в лексикон российской юридической науки. Значимость данной идеи уже неоднократно подчеркивалась,

¹ См. напр.: Журавлева О.О. Принцип правовой определенности и акты высших судебных органов в налоговом праве // Журнал российского права. 2011. №4. – С. 73-77.

² См. напр.: Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. №7. – С. 23-24.

³ Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М.: Городец, 2007. – С.67-68.

⁴ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. – С. 525 – 533.

⁵ Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. №10. – С.5.

как в научной литературе, так и представителями практической сферы юриспруденции. Так, например, председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванов отметил, что «принцип правовой определенности очень важен для развития системы права в стране. Это дает понимание сторонам экономических споров, как может закончиться дело»⁶.

ЕСПЧ неоднократно отмечал нарушение принципа верховенства права в виде: а) придания новым законам обратной силы; б) неоднократной отмены вступивших в силу судебных решений; в) включения или невключения в законодательные акты положений, которые не отвечают законным ожиданиям человека (например, невозможность получить компенсацию из-за отсутствия предписания в законе о бюджете); г) несбалансированности частных и публичных интересов в законе или судебном решении и т.д. Изложенное позволяет согласиться с Т.Н. Нешатаевой в том, что европейские суды под принципом верховенства права понимают не принцип законности, сформулированный в позитивном праве, а, скорее, общий естественно-правовой принцип предсказуемости и справедливости нормативных писанных правил. Иными словами, верховенство права предопределяет принцип законности и служит основой последнего⁷. Такой подход к пониманию основ идеи правовой определенности предопределяет достаточно широкое толкование его содержания. Вследствие этого, в современной юридической литературе принцип правовой определенности трактуется как общеправовой принцип, который распространяет свое действие на все общественные отношения, урегулированные нормами различных отраслей права. «Правовая определенность – один из основополагающих принципов права»⁸.

В тоже время, говорить о том, что данные аспекты правового регулирования ранее в отечественной доктрине никогда не затрагивались неверно. Еще И.А. Покровский достаточно четко и адекватно сегодняшнему пониманию сформулировал необходимость реализации данной идеи. «Одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личностью», – писал И.А. Покровский, – «является требование определенности правовых норм. Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять свое поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособляться. И естественно, что чем более развивается индивидуальная самостоятельность, тем более растет эта потребность в определенности права. Пока гражданско-правовая жизнь течет вяло, движимая инерцией истари заведенного порядка, пока индивидуальное творчество в этой области еще не играет заметной роли, до тех пор известная неясность или неопределенность правовых норм не дает себя больно чувствовать. Но дело решительно меняется с того момента, когда возникает потребность в большей личной энергии и в большей личной инициативе, тогда определенность права становится неременным условием этих последних, становится вопросом самой личности. Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком "праве" не может быть речи»⁹. Стоит отметить, что И.А. Покровский указывает на данную проблематику не мимоходом, а специально заостряет на нее внимание в рамках специального параграфа. Это говорит о том, что правовая определенность как идея была выдвинута задолго до того, как ее основные положения были сформулированы в правовых позициях ЕСПЧ.

Более того, истоки зарождения правовой определенности можно отнести еще к римскому праву. Резюмирую достаточно обстоятельную статью И.В. Рехтиной¹⁰, посвя-

⁶ <http://pravo.ru/news/view/47115/>

⁷ Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. №3.

⁸ Султанов А.Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Законодательство и экономика. 2007. №11. – С.39-45.

⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003. – С.91.

¹⁰ Рехтина И.В. Правовая определенность (res judicata) в истории права Древнего Рима // История государства и права. 2011. №22. – С. 43-47.

щенной проявлениям правовой определенности в праве Древнего Рима, можно отметить следующее. Хотя данная идея и не была сформулирована в качестве самостоятельного принципа, но она имела отчетливое выражение в положениях римского права, посвященных институту судебного решения, а также непосредственно использовалась при обозначении законной силы судебных решений и окончательности судебного акта. Институт законной силы судебных решений в римском праве обеспечивал стабильность и определенность как материальных, так и процессуальных отношений.

Содержание принципа правовой определенности с позиции сегодняшнего дня рассматривается достаточно широко. Так, например, А.Р. Султанов говорит о том, что принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и существующих правоотношений. Правовая определенность необходима для того, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей. Принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю, что судебные решения, вступившие в законную силу, будут уважаться.¹¹ Р. Масаладжиу видит в принципе правовой определенности ясность и четкость действующих правовых норм, устойчивость законных и обоснованных судебных актов, а также стабильность складывающихся на их основе правоотношений, чтобы заинтересованные лица с разумной степенью вероятности могли предвидеть последствия применения к ним судом действующих правовых предписаний и в соответствии с этим предвидеть последствия выбора того или иного варианта своего поведения.¹²

Толкование содержания данного принципа можно найти и в практике Конституционного Суда РФ. Так, по одному из рассмотренных дел было отмечено, что «общеправовой принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования ... законодателю – в силу указанного принципа – надлежит исходить из того, что участники гражданских правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей»¹³. Подобный подход, видимо, является отражением позиции ЕСПЧ, неоднократно отраженной в своих постановлениях против Российской Федерации. В Постановлении по делу «Арефьев против Российской Федерации» отмечается, что «все законодательство должно быть определенным, чтобы позволить лицу – при необходимости с соответствующей консультацией – предвидеть в разумной при конкретных обстоятельствах степени последствия, которые определенное действие может повлечь»¹⁴.

На основе вышеизложенного, содержание принципа правовой определенности как общеправового принципа включает в себя определенность законодательства, которое распадется на составляющие: однозначность и непротиворечивость правовых норм, наличие четкой иерархии нормативных актов различного уровня и другие.

В то же время, требования правовой определенности отдельных отраслей права может иметь свое сугубо утилитарное содержание. Это имеет особое значение для сферы процессуального права, поскольку стабильность существующих правоотношений во многом зависит от результатов деятельности российской судебной системы.

В гражданском процессе реализация идеи правовой определенности проявляется, в первую очередь, в системе обжалования и основаниях отмены судебных актов. И.В. Рехтина обнаруживает данный аспект уже в римском гражданском процессе и пишет, что «с

¹¹ Султанов А.Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. 2011. №4. – С. 58-61.

¹² Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. №7. – С. 24.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 №2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. №3.

¹⁴ Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 "Дело "Арефьев (Arefyev) против Российской Федерации" (жалоба №29464/03) // Российская хроника Европейского Суда. 2011. №4.

учетом правила правовой определенности формируется соответствующий подход к процессу, согласно которому не все нарушения отправления правосудия влекут отмену судебного акта, а только особые, исключительные, важные, существенные»¹⁵. Это означает, что требование формальной правовой определенности исключает отмену окончательных судебных актов, определяющих права физических или юридических лиц в их отношениях с государством, в частности в случаях, когда за ними признается право на получение определенных благ, кроме случаев, когда судебный акт вынесен в результате ненадлежащего отправления правосудия, т.е. с такими нарушениями, без исправления которых невозможна компенсация ущерба, причиненного судебной ошибкой.¹⁶

Однако правовая определенность в процессуальной сфере имеет существенно большее по объему содержание. Право устанавливает определенные формальные требования к этой деятельности, которая регулируется специальными процессуальными нормами, детально регламентирующими не только все действия судебных органов, но и саму форму правоприменительных актов, срок совершения процессуальных действий, права и обязанности участников процесса, последствия несоблюдения процессуальных норм и т.д. В частности, В.И. Анишина и Т.Н. Назаренко самым иллюстративным примером реализации правовой определенности считают процедуру принятия заявлений (исковых заявлений) граждан к производству судов. Неправомерные отказы в принятии заявлений к рассмотрению обусловлены зачастую, как видно из практики, неопределенностью, нечеткой формулировкой норм о подведомственности, подсудности различных категорий дел различным судам.¹⁷

Одним из процессуальных институтов, который следует рассматривать через призму правовой определенности, является институт процессуальных сроков. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 отмечено: «Исходя из принципа правовой определенности в целях соблюдения права других лиц на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок, гарантированного статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, суду при решении вопроса о возможности восстановления названного срока ...».¹⁸ В отмеченном положении видно, что проблемные вопросы восстановления процессуальных сроков, Верховным Судом РФ решаются с учетом идеи правовой определенности. В относительно системном виде различные аспекты принципа правовой определенности, имеющие отношение к процедуре пересмотра окончательных судебных актов, выделены Р. Масаладжиу¹⁹. Так, к реализации данного принципа им отнесены следующие положения:

1. Обращение в судебную инстанцию, пересматривающую окончательные судебные акты, должно допускаться не по всем делам, а лишь по таким, которые "заслуживают третьего судебного разбирательства"
2. Право на обращение в суд с просьбой о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов должно принадлежать лицам, участвующим в деле (сторонам по спору).
3. Возможность обжалования вступивших в законную силу судебных актов должна быть ограничена определенным сроком, а рассмотрение дела по пересмотру окончательного судебного акта не должно длиться неопределенный период времени.
4. Принцип правовой определенности предполагает недопустимость повторного рассмотрения по существу однажды решенного судом дела. Пересмотр окончательного судебного акта возможен только в целях исправления судебных ошибок.
5. Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов должен осуществляться

¹⁵ Рехтина И.В. Правовая определенность (*res judicata*) в истории права Древнего Рима // История государства и права. 2011. №22. – С. 43-47.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 №1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. №2.

¹⁷ Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. №2. – С.40-47.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 №31 "О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений" // Российская газета. 21.12.2012. №295.

¹⁹ Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. №7. – С. 24-25.

в целях исправления только существенных нарушений норм процессуального права.

6. Пересмотр окончательного судебного акта допускается только после использования иных способов его обжалования до вступления судебного акта в законную силу.

Краткий обзор реализации идеи правовой определенности, представленный в настоящей статье, показывает многообразность данного принципа. Различные ее грани выделяются на общеправовом, на и на отраслевом уровнях. Причем в каждой из отраслей можно обнаружить существенное своеобразие проявлений принципа правовой определенности. Полагаем, к настоящему времени накоплен достаточный эмпирический и научный материал, позволяющий перейти от стадии собирания к этапу анализа и систематизации. Подобный анализ будет продуктивен в рамках самостоятельного монографического исследования.

Список литературы

1. Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 "Дело "Арефьев (Arefyev) против Российской Федерации" (жалоба №29464/03) // Российская хроника Европейского Суда. 2011. №4.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 №1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. №2.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 №2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. №3.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 №31 "О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений" // Российская газета. 21.12.2012. №295.
5. Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. №2. С.40-47.
6. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. №10. С. 4-10.
7. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. 544 с.
8. Журавлева О.О. Принцип правовой определенности и акты высших судебных органов в налоговом праве // Журнал российского права. 2011. №4. С. 73-77.
9. Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. №7. С. 22-25.
10. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М.: Городец, 2007.
11. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003. 351 с.
12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003.
13. Рехтина И.В. Правовая определенность (res judicata) в истории права Древнего Рима // История государства и права. 2011. №22. С. 43-47.
14. Султанов А.Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. 2011. №4. С. 58-61.
15. Султанов А.Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Законодательство и экономика. 2007. №11. С.39-45.

TO THE QUESTION ABOUT THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY

V.S. SINENKO

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: sinenko@bsu.edu.ru

This article draws attention to the individual elements of the content of the principle of legal certainty. The conclusion about need of systematization of various manifestations of this principle as general legal and branch levels.

Key words: the principle of legal certainty, civil process, revision of judicial acts.

НАУКА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПРОФЕССОРА Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА ПО МАТЕРИАЛАМ СОЧИНЕНИЯ «НАУКА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РОССИИ»

С.В. ТЫЧИНИН¹⁾
Д.И. РОМАНЕНКО²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет*

e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет*

e-mail: Deromanenko@mail.ru

Статья посвящена особенностям развития науки гражданского права в России с середины XVIII века до конца XIX века в представлениях Г.Ф. Шершеневича по материалам книги «Наука гражданского права в России». Авторами проводится сравнительный анализ развития науки о гражданском праве на примере четырех направлений: естественно-правового, исторического, догматического и историко-философского (социологического). Делается вывод о существовании правовой связи и преемственности воззрений на цивилистическую науку в различные периоды отечественной истории.

Ключевые слова: наука гражданского права, Г.Ф. Шершеневич, естественное право, историческое направление, догматическое направление, историко-философское (социологическое) направление.

Наука гражданского права как отрасль юридической науки, изучающей содержание и развитие гражданско-правовых норм, понятий, взглядов, выводов, концепций и теорий, правила их формулирования и применения, а также сферу реально существующего гражданского правопорядка, получила становление и развитие в римском частном праве в сочинениях юристов и историков, а так же в юридических памятниках – кодификациях Грегориана (III в. н.э.), Гермогениана (IV в. н.э.), Юстиниана (IV в. н.э.). Дальнейшая разработка цивилистической науки проходила в средневековых университетах Западной Европы и сообразно последовательности возникновения нашла свое отражение в 1) исторической; 2) философской (историко-философской); 3) позитивистской (нормативной); 4) социологической и 5) психологической школах¹.

Становление науки гражданского права в России получает развитие в дореволюционный период и в значительной мере является производным от науки права западноевропейского, прежде всего – германского и (в несколько меньшей степени) французского². Благодаря трудам Г.Ф. Шершеневича³, К.П. Победоносцева⁴, С.А. Муромцева⁵, С.В. Пахмана⁶, В.М. Нечаева⁷ и других ученых дореволюционной России, получает становление отечественная цивилистическая доктрина; теоретически обосновывается и разрабатывается подавляющее большинство институтов гражданского права. Высокий уровень развития гражданско-правовой науки в дореволюционной России подтверждается хотя бы фактом создания в 1905 г. двух проектов такого фундаментального и всеобъемлющего кодифицированного акта гражданского законодательства, как Гражданское уложение⁸.

Несмотря на жесткую идеологическую диктатуру, наука гражданского права продолжала развиваться и после 1917 г. в советском обществе. Если отбросить идеологиче-

¹ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – С. 77.

² Там же. – С. 80.

³ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. – М.: Статут, 2003. – 250 с.

⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. – 800 с.

⁵ Муромцев С.А. Что такое догма права? // Юридический вестник. – 1884. – №4. – С. 759-765.

⁶ Пахман С.В. О современном движении в науке права. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. – 70 с.

⁷ Нечаев В. Конструкция юридическая. Наука гражданского и римского права в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI. – СПб., 1895. – С. 88, 89.

⁸ Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И.М. Тютрюмова. А.Я. Саатчиан, сост. Т. 1-2. – СПб., 1910. – 254 с.

ские крайности, многие работы той поры (в особенности работы А.В. Венедиктова⁹, С.И. Аскназия¹⁰, О.С. Иоффе¹¹, О.А. Красавчикова¹² и др.) сохранили свое существенное значение до настоящего времени¹³.

После смены политического, экономического и общественного строя, реформ 1988-1991 гг., в России начинается новый, современный этап развития цивилистической науки. Он представлен трудами Е.А. Суханова¹⁴, А.П. Сергеева¹⁵, Ю.К. Толстого¹⁶ С.С. Алексеева¹⁷, В.П. Мозолина¹⁸, А.Л. Маковского¹⁹ и многих других ученых и основывается, главным образом, на современном гражданском законодательстве.

В настоящее время в развитых демократических странах наука гражданского права (цивилистика) занимает высокое место во всем комплексе гуманитарных и естественных наук, достойное ее значению в качестве правовой основы современного гражданского общества²⁰. Юридическая доктрина, как известно, имеет тесную связь с законом, поскольку передовые достижения правовой науки, отвечающие потребностям общества и государства, зачастую, получают закрепление в национальном законодательстве, устраняя коллизии, пробелы и несовершенства правового регулирования. Представляется, что в условиях реформирования гражданского законодательства в России, подготовке Проекта изменений в ГК РФ²¹, будет полезным обращение к фундаментальным научным трудам русских дореволюционных цивилистов, вобравших в себя и гармонично сочетающих, как правовые институты римского права и философские идеи естественного права, так и передовой опыт европейского пандектного права, дополненный «сугубо российскими цивилистическими институтами и конструкциями»²².

Знаменательным событием в дореволюционной юридической науке стало опубликование Габриэлем Феликсовичем Шершеневичем, величайшим русским юристом, цивилистом, профессором Казанского и Московского университетов книги «Наука гражданского права в России»²³. Ценность данного труда состоит в систематизации представлений о формировании и развитии науки гражданского права в России с середины XVIII в. до 90-х годов XIX в. В книге дается ценный аналитический материал по обширному кругу сочинений, изданных за указанный период российскими учеными. Стоит отметить, что труд Г.Ф. Шершеневича в целом носит историко-критический характер и в большинстве своем представляет собой отзывы и рецензии на научные литературные произведения современников и предшествующих им юристов и ученых, с помощью которых показано зарождение и развитие гражданского права в России.

Представляется небезынтересным в контексте рассматриваемого вопроса проследить динамику развития гражданского права, его институтов и исторических школ как

⁹ Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. – М.: АН СССР, 1954. – 268 с.; Венедиктов А.В. Об основных проблемах советского гражданского права // Вестник Ленинградского университета. – 1947. – № 11. – С. 99–123.

¹⁰ Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М.: Статут, 2008. – 859 с.

¹¹ Иоффе О.Ф. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. I. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 160 с.; Иоффе О.Ф. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. II. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 173 с.

¹² Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права: Понятие, предмет, состав и система. – Свердловск, 1961. – 371 с.

¹³ Гражданское право: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Проспект, 2010. – С. 36.

¹⁴ Гражданское право: Т. I. Общая часть: учебник / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 363 с.

¹⁵ Гражданское право: В 3 т. Т. I.: учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого – М.: РГ-Пресс, 2010. – 1088 с.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гражданское право: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Проспект, 2010. – 528 с.

¹⁸ Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. – М.: Юстицинформ, 2008. – 77 с.

¹⁹ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 – 2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.

²⁰ Там же. – С. 35.

²¹ Проект Федерального закона № 47538-6/1 «О внесении изменений в главы первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а так же в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5762296/> (дата обращения: 07.04.2013).

²² Белов В.А. Указ. соч. – С. 83.

²³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – 250 с.

форм его выражения, а так же влияние дореволюционной юридической науки на современную цивилистику.

«Рассматривая русскую литературу гражданского права в хронологическом порядке», — говорит Г.Ф. Шершеневич в самом начале своего сочинения, — «мы замечаем последовательное отражение в ней влияния западной науки, постепенную смену направлений, соответствующую движению науки права на западе. В первое время мы находимся в области естественного права, в той форме, как оно разрабатывалось германскою и французскою наукою. Потом на смену ему является историческое направление, долго державшее в своих руках русскую мысль, пока в последнее время не проявились зачатки нового направления, в духе историко-философской школы»²⁴. Такова, по словам автора, схема развития русской науки гражданского права. В таком порядке и расположено сочинение Г.Ф. Шершеневича. В первой главе, обнимающей период времени от возникновения первого русского университета (московского в 1755 г.) до двадцатых годов нынешнего века, излагается вкратце содержание и делается оценка сочинений, написанных в духе школы естественного права; во второй — автор переходит к историческому направлению, господствовавшему в России с тридцатых годов до издания судебных уставов 1864 г., в третьей и четвертой рассматривает, главным образом, догматические труды, на которые явился спрос после судебной реформы; наконец, пятая посвящена историко-философскому направлению. Что же касается политико-экономического, то ему не отведено особого места, оно излагается в третьей главе²⁵.

Представляется необходимым более детально исследовать основные вехи развития науки гражданского права в каждый из указанных периодов.

Следует отметить, что гражданское право следовало духу развития права в целом, поэтому данный институт нельзя рассматривать отдельно от правовой научной мысли. В связи с этим цивилистика начала XVIII века находится под влиянием идей естественного права. Естественное право — учение об идеальном, независимом от государства, надпозитивном праве, вытекающем из разума и «природы» человека — мерило всеобщей справедливости. В дореволюционный период ведущие отечественные правоведы стремились обосновать абсолютность и неотчуждаемость прав человека, возвеличить свободу личности, ее достоинство, что нашло отражение в трудах С.Е. Десницкого, И.А. Третьякова, Г.И. Терлаича, В.Г. Кукольника, Л.А. Цветаева (середина XVIII — середина XIX вв.), и иных ученых, внесших значительный вклад в становление науки гражданского права. Так, В.Г. Кукольник утверждает, что естественное право есть часть философии, излагающая законы, открываемые нам чистым разумом, которые должны служить основанием положительных законов, составляющих священную ограду прав граждан, оными управляемых. В положительном законодательстве должно полагать общим правилом то, чтоб без крайней нужды не удаляться от естественного права, иначе законы будут не тверды, непрочны, иногда же и несправедливы²⁶. Г.Ф. Шершеневич приводит мнение Л. А. Цветаева, который утверждает, что естественное право является врожденным человеку, который нашел его предписания напечатанными в своем сердце, своей совести, в своем практическом разуме²⁷. Естественное право данного периода в представлениях ученых выступало воплощением законности и справедливости, неотчуждаемости от личности, тесной связью с «природой» человека. Позитивное право, напротив, по мнению правоведов, служило, прежде всего, государственным интересам и ограничивало личные права.

Следующий период развития науки гражданского права Г.Ф. Шершеневич связывает с историческим направлением, господствовавшим в цивилистике с тридцатых годов XIX века до издания судебных уставов 1864 г. Правительство неблагоприятно относилось к естественному праву, как порождению революционной эпохи, поскольку оно не признавало право национального, поэтому всеми силами стремилось изменить господствующее философское направление на историческое. Это объяснялось духом реакции,

²⁴ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. — С. 3-4.

²⁵ Васильковский Е.В. Рецензия. Г.Ф Шершеневич. Наука гражданского права в России, 1893 // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. — 1894. — Кн. 3. — С. 241-247.

²⁶ Кукольник В. Г. Начальные основания российского частного гражданского права. Для руководства к преподаванию оно на публичных курсах. — СПб., 1813. — С. 98.

²⁷ Цветаев Л.А. Начертание теории законов. — М., 1817. — С. 13.

особенно усилившейся в конце двадцатых и в тридцатых годах XIX в. Г.Ф. Шершеневич указывает – «восставая против естественного права и вообще философского направления в правоведении, правительство старалось обратить эту науку на путь исторической школы, погрузить ее в исследование самобытных основ русского права²⁸».

Среди иных, изданных в данный период сочинений, Г.Ф. Шершеневич особо отмечает труд К.А. Неволлина «История российских гражданских законов», 1851 года, в 3 томах²⁹. Сочинение К.А. Неволлина обнимает всю особенную часть гражданского права в ее историческом развитии. Свою задачу, изложение истории гражданских законов России, К.А. Неволлин понимает следующим образом. Такая история «должна изобразить последовательность развития закона частных между лицами отношений на почве русской народности при существующих временных и местных условиях, она должна показать нам, чем началось его раскрытие в этой мысли и как потом он, под господством своей движущей мысли, в связи с целю народною жизнью, в связи с современным состоянием законодательства и законоведения у других народов, в связи со всеми обстоятельствами, постепенно раскрывался во всех подробностях³⁰. Помимо небольшого введения, весь первый том книги посвящен семейному праву, второй том содержит в себе вещное право, наконец третий — обязательственное и наследственное. Как отмечает Г.Ф. Шершеневич, — «выполнение этой работы требовало громадного знакомства с источниками русской истории вообще и русского законодательства в особенности. Если принять во внимание степень научной разработанности русской истории в его время, незначительность исследований по истории русского законодательства и чрезвычайную добросовестность автора в его отношении к источникам, то литературное значение рассматриваемого произведения не подлежит никакому сомнению. Оно надолго останется исходным пунктом для каждого не только историка, но и догматика русского гражданского права³¹».

Введение судебных уставов 1864 года было значительным событием в истории России, имевшим огромное влияние на общественное правосознание. Прежнее секретное делопроизводство сменяется гласным процессом. Такое положение дела вызвало в обществе запрос на образованных юристов. Прежняя рознь между теорией и практикой, под давлением времени, переходит в их переплетение и взаимодействие. Данный период в отечественной цивилистике был отмечен преобладанием догматического направления, на которое явился спрос после судебной реформы. Суть данного направления состоит в систематизации, описании институтов позитивного (действующего) права, формальном анализе юридических понятий и классификации юридических норм. Стоит отметить, что для удовлетворения практическим целям в видах разработки догматики русского права появляются специальные юридические журналы: Юридический Вестник (1867), Журнал Гражданского и Торгового (1871), а потом и Уголовного Права (1873), Журнал Министерства Юстиции (1859) и другие журналы, предоставляющие широкие возможности публикации статей и развития юридической науки. Среди иных, посвященных догматике права работ, Г.Ф. Шершеневич выделяет труды К.П. Победоносцева³², К.Д. Кавелина³³, С.В. Пахмана³⁴.

Эпоха, наступившая после введения судебной реформы оживила деятельность университетской науки, вызвала много ученых сил, приложивших свой труд к догматической

²⁸ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. — С. 45.

²⁹ Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Том I. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1851. — 590 с.; Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Том II. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1851. — 465 с.; Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Том III. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1851. — 556 с.

³⁰ Неволлин К.А. Указ соч. Т. I. — С. 7.

³¹ Шершеневич Г. Ф. Указ соч. — С. 57.

³² Победоносцев К.П. Указ соч.

³³ Кавелин К. Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. — 460 с.

³⁴ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. Т I. — СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. — 482 с.; Пахман С. В. История кодификации гражданского права. Т II. — СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. — 495 с.

обработке русского гражданского права. К систематизации и составлению курса гражданского права прибегали А.А. Борзенко³⁵, П.П. Цитович³⁶ К.И. Малышев³⁷.

Стоит отметить, что данный период широко был представлен цивилистами, работы которых были посвящены исследованию отдельных институтов гражданского права. В своей книге Г.Ф. Шершеневич дает правовой анализ основным догматическим трудам середины XIX – начала XX вв. Так, исследованию права собственности посвящены сочинения И.Е. Энгельмана³⁸; институту представительства работы А. Гордона³⁹ и Н.И. Нерсесова⁴⁰; институту брака сочинения М.И. Горчакова⁴¹, А.С. Павлова⁴², А.О. Способина⁴³; институту наследования сочинения В.Н. Никольского⁴⁴ и В.Г. Демченко⁴⁵; институту экспроприации в гражданском праве работы Н. Шалфеева⁴⁶ и М.В. Венецианова⁴⁷; обязательственное право развивал В.И. Голевинский⁴⁸; ипотечное право исследовал А. Сопов⁴⁹.

Представляется, что недостаток догматизма в юриспруденции объясняется отрицанием необходимости исследования вопроса о сущности и происхождении права, закономерностях его развития, взаимоотношении права с другими явлениями социальной жизни, тем самым данное направления ограничивает значение науки права. С другой стороны, догматический подход позволяет объективно и систематизировано исследовать отдельные юридические институты, их правовую природу. В связи с этим значение догматического подхода в цивилистической науке нельзя недооценивать.

На смену практико – догматическому направлению в русской цивилистике приходит историко – философское. Оно стремится дать анализ понятия права в связи с другими сторонами жизни (духовными, социальными) и определить, на основании научного исследования реальных явлений, законы правового развития и роль права, как самостоятельного фактора общественной жизни. Данное направление, в представлении Г.Ф. Шершеневича, получило развитие в России, главным образом, благодаря работам С.А. Муромцева⁵⁰ и Ю.С. Гамбарова⁵¹. Так, Муромцев понимал историю права как историю развития юридического мышления. По его мнению, «историко-философское изучение гражданского права, придавая гражданскому правоведению вполне научный характер и содействуя усовершенствованию гражданской практики, вообще имеет важное теоретическое и практическое значение и заслуживает первенствующего места в нашей науке»⁵². А.Х. Гольмстен объясняет популярность данного направления тем, что «юридическая догматика наука чрезвычайно трудная и подобно математике не может быть популяризирована; как работы математические понятны лишь математикам, так и исследования

³⁵ Борзенко А.А. Русское гражданское право. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1875. – 134 с.

³⁶ Цитович П. П. Курс русского гражданского права. Том I. Учение об источниках права. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. – 134 с.

³⁷ Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. Том I. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878. – 785 с.

³⁸ Энгельман И.Е. О приобретении права собственности на землю по русскому праву. – СПб., 1859. – 217 с.

³⁹ Гордон А. Представительство в гражданском праве. – СПб.: Тип. Шредера, 1879. – 446 с.

⁴⁰ Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. – М.: Типо-литография И.И. Смирнова, 1878. – 196 с.

⁴¹ Горчаков М.И. О тайне супружества, – происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей. – СПб., 1880. – 437 с.

⁴² Павлов А.С. 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. – М., 1887. – 454 с.

⁴³ Способин А. О разводе в России. – М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1881. – 214 с.

⁴⁴ Никольский В.Н. Об основных моментах наследования. – М.: Унив. тип. (Катков и Ко), 1871. – 365 с.

⁴⁵ Демченко В.Г. Существо наследства и призвание к наследованию по русскому праву. – Киев, 1877. – 122 с.

⁴⁶ Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законодательств об экспроприации. – СПб.: Тип. Второго Отделения Соб. Е. И. В. Канцелярии, 1872. – 97 с.

⁴⁷ Венецианов М. В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. – Казань: Тип. Императорского университета, 1891. – 123 с.

⁴⁸ Голевинский В.И. О происхождении и делении обязательств. – Варшава: Тип. О. Бергера, 1872. – 310 с.

⁴⁹ Сопов А. Ипотека по Римскому Праву и по новейшим законодательствам. – Варшава, 1889. – 190 с.

⁵⁰ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. – 98 с.

⁵¹ Гамбаров Ю.С. Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879. – 235 с.

⁵² Муромцев С.А. Указ соч. – С. 12.

по догматике доступны лишь специалистам. Иного сорта новая наука: она интересна и понятна всякому; публика ее понимает»⁵³.

В целом книга Г. Ф. Шершеневича «Наука гражданского права в России», научная значимость которой не подвергалась сомнению, получила весьма противоречивую оценку юридической общественности: рецензии одних современников носили одобрительный характер (например, рецензия Е.В. Васьковского), другие же находили в сочинении некоторые недостатки (А.Х. Гольмстен).

Так, Е.В. Васьковский отмечает – «Труд профессора Шершеневича представляет собой почти полный свод наиболее выдающихся произведений русской цивилистической литературы. Автор не упустил из виду ни одного труда первостепенной важности. Обращаясь к способу обработки обширного материала, собранного автором, следует выставить на вид простоту и ясность изложения, и безусловное беспристрастие в критической оценке рассматриваемых им произведений. Спокойным и ровным тоном излагает он основные идеи каждого труда и указывает на его достоинства и недостатки. Стремясь к наибольшей объективности, автор старается не выражать своих личных взглядов, не обнаруживать своей точки зрения и по возможности пользоваться критическими отзывами других»⁵⁴.

Противоположной точки зрения придерживается А.Х. Гольмстен «Заметки проф. Шершеневича», говорит А.Х. Гольмстен, «как-то отрывочны и неопределенны: его собственные воззрения никак не уловишь, не узнаешь – сторонник он или противник разбираемого им взгляда, а между тем никакая критика невозможна, если критик не указывает точно и определенно, какое положение он занимает в возгоревшемся споре. Характеристики отдельных периодов страдают поверхностным характером, в значительной степени априорны и неудовлетворительны. Объявленное в начале влияние Запада нигде почти при дальнейшем изложении не раскрывается; напротив, целые направления оказываются самостоятельно-русскими, независимыми от течения мысли на Западе. Самые эти течения остаются читателю неизвестными. Отдельные проявления того или иного направления, выразившиеся в различных трудах, остаются без внутренней связи между собою, так как нельзя считать связью внешнее расположение в одной главе. Критика отдельных сочинений элементарная»⁵⁵.

В целом, подводя итог, нельзя не согласиться с тем, что сочинение Г.Ф. Шершеневича «Наука гражданского права в России» внесло значительный вклад в становление и развитие теории русского гражданского права. Более того, оно не потеряло своей научной значимости и по сей день. В Проекте изменений ГК РФ нашли отражение правовые институты Проекта Гражданского Уложения 1905 года, вобравшего в себя передовые достижения дореволюционной цивилистической науки. В частности, система вещных прав, предложенная законодателем в Проекте изменений ГК РФ, во многом сходна с вотчинным правом Проекта Гражданского Уложения: получают закрепление наряду с правом собственности институт владения и владельческой защиты, отсутствие которой является существенным пробелом действующего законодательства. Система ограниченных вещных прав, часть которых вводится в российское право впервые, большей частью повторяет систему вотчинных прав в чужом имуществе, дореволюционного законодательства. Так, к примеру, право вещной выдачи, закрепленное в Проекте ГК РФ, можно обнаружить лишь в Проекте Уложения 1905 г. Данные новеллы современного гражданского законодательства России были известны еще досоветскому праву, что в очередной раз подтверждает важность и необходимость обращения к фундаментальным трудам дореволюционных правоведов. Свидетельствует о существовании правовой связи и преемственности воззрений на цивилистику в различные периоды нашей истории.

Представляется, что, ко всему прочему, Г.Ф. Шершеневич внес значительный вклад в методологию юридической науки, сделав анализ развития научной мысли о граждан-

⁵³ Гольмстен А.Х. Этюды о современном состоянии науки права //Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – № 3. – С. 115.

⁵⁴ Васьковский Е.В. Указ. соч. – С. 242.

⁵⁵ Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. Общая теория права. Обычное право. Гражданское право. Торговое право. Гражданский процесс. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – С. 1-10.

ском праве в своей книге, на примере четырех направлений: естественно-правового, исторического, догматического и историко-философского (социологического).

Сочинение Г.Ф. Шершеневича «Наука гражданского права в России», бесспорно, является литературным памятником русской цивилистики, многие идеи которого не только не потеряли своей актуальности на сегодняшний день, но и в условиях реформирования гражданского законодательства в России, получили правовое закрепление.

Список литературы

1. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М.: Статут, 2008. – 859 с.
2. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
3. Борзенко А.А. Русское гражданское право. – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1875. – 134 с.
4. Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. – М.: АН СССР, 1954. – 268 с.
5. Венедиктов А.В. Об основных проблемах советского гражданского права // Вестник Ленинградского университета. – 1947. – № 11. – С. 99-123.
6. Венецианов М. В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. – Казань: Тип. Императорского университета, 1891. – 123 с.
7. Васьковский Е.В. Рецензия. Г.Ф Шершеневич. Наука гражданского права в России, 1893 // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – 1894. – Кн. 3. – С. 241-247.
8. Гамбаров Ю.С. Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879. – 235 с.
9. Голевинский В.И. О происхождении и делении обязательств. – Варшава: Тип. О. Бергера, 1872. – 310 с.
10. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. Общая теория права. Обычное право. Гражданское право. Торговое право. Гражданский процесс. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – С. 1-10.
11. Гольмстен А.Х. Этюды о современном состоянии науки права //Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – № 3. – С. 115.
12. Гордон А. Представительство в гражданском праве. – СПб.: Тип. Шредера, 1879. – 446 с.
13. Горчаков М.И. О тайне супружества, – происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей. – СПб., 1880. – 437 с.
14. Гражданское право: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Проспект, 2010. – 528 с.
15. Гражданское право: Т. I. Общая часть: учебник / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 363 с.
16. Гражданское право: В 3 т. Т. I.: учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: РГ-Пресс, 2010. – 1088 с.
17. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И.М. Тютрюмова. А.Я. Саатчиан, сост. Т. 1-2. –СПб., 1910. – 254 с.
18. Демченко В.Г. Существо наследства и призвание к наследованию по русскому праву. – Киев, 1877. – 122 с.
19. Иоффе О.Ф. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. I. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 160 с.
20. Иоффе О.Ф. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. II. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 173 с.
21. Кавелин К. Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. – 460 с.
22. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права: Понятие, предмет, состав и система. – Свердловск, 1961. – 371 с.
23. Кукольник В. Г. Начальные основания российского частного гражданского права. Для руководства к преподаванию оного на публичных курсах. – СПб., 1813. – С. 98.
24. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 – 2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.
25. Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. Том I. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878. – 785 с.
26. Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. – М.: Юстицинформ, 2008. – 77 с.

27. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. – 98 с.
28. Муромцев С.А. Что такое догма права? // Юридический вестник. – 1884. – №4. – С. 759-765.
29. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Том I. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1851. – 590 с.
30. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Том II. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1851. – 465 с.
31. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Том III. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1851. – 556 с.
32. Нерсесов Н.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. – М.: Типо-литография И.И. Смирнова, 1878. – 196 с.
33. Нечаев В. Конструкция юридическая. Наука гражданского и римского права в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI. – СПб., 1895. – С. 88, 89.
34. Никольский В.Н. Об основных моментах наследования. – М.: Унив. тип. (Катков и Ко), 1871. – 365 с.
35. Павлов А.С. 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. – М., 1887. – 454 с.
36. Пахман С.В. О современном движении в науке права. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. – 70 с.
37. Пахман С. В. История кодификации гражданского права. Т I. – СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876 . – 482 с.
38. Пахман С. В. История кодификации гражданского права. Т II. – СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876 . – 495 с.
39. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. – 800 с.
40. Проект Федерального закона № 47538-6/1 «О внесении изменений в главы первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а так же в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5762296/> (дата обращения: 07.04.2013).
41. Сопов А. Ипотека по Римскому Праву и по новейшим законодательствам. – Варшава, 1889. – 190 с.
42. Способин А. О разводе в России. – М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1881. – 214 с.
43. Цветаев Л.А. Начертание теории законов. – М., 1817. – С. 13.
44. Цитович П. П. Курс русского гражданского права. Том I. Учение об источниках права. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. – 134 с.
45. Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законодательств об экспроприации. – СПб.: Тип. Второго Отделения Соб. Е. И. В. Канцелярии, 1872. – 97 с.
46. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. – М.: Статут, 2003. – 250 с.
47. Энгельман И.Е. О приобретении права собственности на землю по русскому праву. – СПб., 1859. – 217 с.

SCIENCE OF CIVIL LAW IN REPRESENTATIONS BY PROFESSOR G.F. SHERSHENEVICH BASED ON MATERIALS WORK « SCIENCE OF CIVIL LAW IN RUSSIA»

S.V. TYCHININ¹⁾
D.I. ROMANENKO²⁾

*¹⁾ Belgorod National
Research University*

e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod National
Research University*

e-mail: Deromanenko@mail.ru

Article is devoted to features of development of civil law science in Russia from the middle of the XVIII century until the end of the XIX century in G.F.Shershenevich's representations on materials of the book "Science of Civil Law in Russia". Authors carry out the comparative analysis of development of science about civil law on the example of four directions: natural and legal, historical, dogmatic and historico-philosophical (sociological). The conclusion about existence of legal communication and continuity of the scientific views on civil jurisprudence during the various periods of national history is drawn.

Key words: science of civil law, G.F.Shershenevich, absolute law, historical direction, dogmatic direction, historico-philosophical (sociological) direction.

УДК 341.94

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ ИНКОТЕРМС ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Г.П. ТОНКОВА¹
А.С. ФЕДОРЯЩЕНКО²

*¹ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: fedoryashenko@bsu.edu.ru

*² Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: fedoryashenko@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу Международных правил толкования торговых терминов (Инкотермс) как источника предпринимательского права. Авторы рассматривают правовую природу данных правил и их роль в регулировании предпринимательских правоотношений.

Ключевые слова: обычай, обыкновение, торговый обычай, обычай делового оборота, Инкотермс.

Вступление предпринимателей в правоотношения, как друг с другом, так и с потребителями их товаров, работ, услуг, как правило, осуществляется путем заключения между ними договоров, контрактов, соглашений. При этом, достаточно серьезный комплекс проблем порождает, порой незнание, как юридической, так и предпринимательской (торговой) терминологии, а порой отсутствие у сторон единообразного понимания того или иного термина. Конечно же, в тех случаях, когда стороны находятся на территории одного государства и подчиняются национальному законодательству, оптимальным способом разрешения данной терминологической проблемы будет обращение к вышеназванному законодательству и применение в договоре определения термина, сформулированного в тексте нормативного акта. Но, при этом, нужно заметить, что не всегда законодательные органы власти успевают оперативно реагировать на изменения общественных отношений в предпринимательской сфере и, соответственно, давать определение возникшего или проникшего из-за рубежа понятия. В частности, можно отметить, что ни в одном нормативном акте, действующем на территории РФ, не раскрываются понятия дилера, трейдера, стокиста. Между тем, данные обозначения уже давно и прочно проникли в российский как юридический практический, так и научный лексикон. Частично их понимание может определяться обычаями делового оборота, деловыми обычаями и т.п. Но вряд ли это можно считать оптимальным способом решения проблемы. Особенно, учитывая тот факт, что даже в одной стране, нередко дается различное, порой противоречивое, толкование обычаев и обыкновений.

Еще более сложной, данная ситуация становится при участии в сделке иностранного элемента, когда каждая из сторон имеет не только собственное национальное законодательство, но и, чаще всего, свой язык со сложившимися определениями юридических терминов (в некоторых случаях не соответствующих иностранным в части, а в некоторых с абсолютно противоположным значением). Как отмечают многие исследователи, такая ситуация весьма отрицательно сказывалась на темпах развития международной торговли, создавала значительные трудности контрагентам на пути выработки и толкования условий заключаемых ими договоров и вытекающих из них взаимных обязательств¹. Само собой, проблема единообразного понимания как предпринимательских, так и торговых терминов, а равно обычаев и обыкновений в международной практике, занимает как ученых, так и практикующих юристов достаточно давно. И в этой связи, достаточно сложно переоценить роль такого документа как Инкотермс (Международные правила толкования торговых терминов).

¹ Фонотова О.В. Особенности правовой природы Инкотермс // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 2.

Согласно проводившимся исследованиям, образование деловых обычаев и обыкновений в торговом обороте происходит в результате приобретения практики, на основе которой формируется обычная норма более единообразного и стабильного характера, распространения ее на все более широкий круг лиц, т.е. приобретения практикой характерных черт обычного поведения. Если говорить кратко, в ходе указанного процесса заведенный порядок как установившаяся практика взаимоотношений между данными сторонами многократно воспроизводится, получает распространение среди большего числа лиц, в результате чего она начинает носить общий характер, становясь обыкновением. Обыкновение, таким образом, может пониматься как «возведенный в степень заведенный порядок»². При этом, как справедливо отмечает О.В. Фонотова, само обыкновение есть этап на пути становления обычая. Переход заведенного порядка в обыкновение, а обыкновения – в обычай ни в коем случае не носит автоматического характера, этот процесс может прерваться на любой стадии и, более того, пойти в обратном направлении³.

В формировании предпринимательских обычаев и обыкновений, несомненно огромную роль сыграли решения судов и арбитражей по рассмотрению коммерческих споров, возникающих между контрагентами вступающими в международные торговые отношения. Учитывая тот факт, что коммерческие арбитражи, как правило, создаются и действуют либо при национальных торгово-промышленных палатах, либо при различных международных союзах и ассоциациях, их деятельность носит определяющий характер для членов соответствующих объединений. А, следовательно, достаточно быстро решения коммерческого арбитража приобретает силу если не закона, то, как минимум, обычая делового оборота. Причем в этом случае, обычай формируется оптимальным образом, в результате профессиональной деятельности арбитров, как правило, обладающих глубокими специальными познаниями в области предпринимательских отношений.

Независимо от способа возникновения обычаев, обыкновений (т.е. возникновения их стихийно, в результате многократного повторения, или же напротив, формирование обычая на основе акта суда или коммерческого арбитража, профессионально разрешающего возникшие противоречия) их появление, в общем-то, носит позитивный характер, поскольку позволяет сторонам ускорить процесс разработки условий договора, определить взаимные права и обязанности, ответственность. Однако же, возникновение множества обычаев имеет и обратную, негативную сторону. В частности, возможным становится появление обычаев дублирующих друг друга, или же противоречащих один другому. Нельзя также отрицать тот факт, что даже один обычай или обыкновение, существующее на практике и передаваемое в рамках делового сообщества устно, может трактоваться по-разному фактически каждым участником коммерческих правоотношений, что сводит их ценность фактически к нулю. В этой связи, на наш взгляд, огромное значение приобретает процесс документирования обычаев делового оборота, и среди международных организаций, осуществляющих деятельность по систематизации и документации обычаев делового оборота, центральное место занимает Международная торговая палата. В результате вышеуказанной деятельности МТП возник целый ряд документов представляющих собой: типовые формы договоров (типовой коммерческий агентский контракт⁴); различные кодексы (Международный кодекс рекламной практики⁵); регламенты (Арбитражный регламент и Регламент ДРС⁶; Арбитражный и примирительный регламенты Международной торговой палаты⁷); типовые формы и правила расчетов (Правила международной практики резервных аккредитивов (ISP98)⁸, Унифицированные правила по инкассо⁹, Но-

² Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. – М.: Международные отношения, 1983. – С. 75.

³ Фонотова О.В. Указ. соч.

⁴ Типовой коммерческий агентский контракт МТП The ICC Model Commercial Agency Contract. Публикация № 496 / Пер. с англ. Н.Г. Вилковой. – М., 1996.

⁵ Международный кодекс рекламной практики от 02 декабря 1986 г. // Закон. – 1996. – № 12.

⁶ Арбитражный регламент и Регламент ДРС // Публикация ICC № 850R.

⁷ Арбитражный и примирительный регламенты Международной торговой палаты // СПС Консультант Плюс.

⁸ Правила международной практики резервных аккредитивов (ISP98) // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Унифицированные правила по инкассо // Публикация ICC № 522.

вые стандартные документарно-аккредитивные бланки для UCP 500¹⁰); иные правила (Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010»¹¹, Унифицированные правила по договорным гарантиям¹²). И, несомненно, среди всех вышеназванных документов, наиболее заметным, а равно часто применяемым является Инкотермс, действующий на данный момент в редакции 2010 года.

Правила Инкотермс стали важной частью механизма осуществления торговли: их включают в контракты купли-продажи товаров во всем мире, они устанавливают правила и инструкции в сфере международной торговли для импортеров, экспортеров, юристов, перевозчиков и страховщиков. Идея, которая впервые была разработана Международной торговой палатой в 1921 году и воплощена в жизнь с выходом правил Инкотермс в 1936 году, положила начало длительной истории правил Инкотермс, которая продолжается и сегодня с выходом правил Инкотермс 2010, вступивших в действие во всем мире с 1 января 2011 года.

Комитет по торговым терминам при поддержке национальных комитетов МТП в 1923 году разработал первые шесть правил: FOB, FAS, FOT, FOR, CIF и C&F, которые стали предшественниками будущих правил Инкотермс. Во времена, когда производство и торговля регулировались исключительно национальными законодательствами разных стран, МТП создала и внедрила стандартные торговые правила Инкотермс, ставшие важным шагом к единому их применению в различных торговых и правовых системах мира.

С 1936 года правила Инкотермс периодически пересматривались для того, чтобы соответствовать изменениям, которые происходят в мировой торговле и отражать современную практику осуществления компаниями сделок купли-продажи. Поправки и дополнения к правилам Инкотермс были позднее сделаны в 1953, 1967, 1976, 1980, 1990, 2000, 2010 годах¹³.

Несмотря на такую продолжительную историю существования и совершенствования, вопрос правовой природы Инкотермс до настоящего времени является открытым и дискуссионным, как в России, так и за рубежом. И как показывает анализ, зарубежные государства рассматривают Инкотермс, как источник норм, абсолютно различных по силе. Так в ряде стран, среди которых находится и наш ближайший сосед – Украина, за Инкотермс признают силу закона (Испания, Ирак).

Причем узаконение происходит, на наш взгляд не всегда корректными способами, в частности в той же Украине, статус закона был придан путем издания специального Указа Президента¹⁴, что вряд ли можно назвать правильным путем, при наличии специального органа, ответственного за принятие законов. Справедливости ради, следует заметить, что данный декрет, а соответственно и юридическая сила Инкотермс как закона, были отменены абсолютно аналогичным образом, посредством издания другого Указа¹⁵.

С другой стороны, Австрия, Франция, Германия в целом относятся к Инкотермс как к правовому обычаю, который применяется, если стороны не оговорят иное. В Беларуси это также обычай, в Польше Правила рассматриваются как торговый обычай. Различные мнения относительно правовой природы Инкотермс высказывались в доктрине Англии и США. Как отмечают ученые, ситуация, когда «одно и то же правило может квалифицироваться по-разному с точки зрения своей юридической природы: по французскому праву – в качестве обычая, а по праву Англии и США – как обыкновение», является свойственной не только Инкотермс, но и ряду других документов в области международного торгового права¹⁶.

При этом, нас конечно же в большей степени интересует правовой статус Инкотермс на территории РФ. И здесь, к сожалению можно констатировать только один факт –

¹⁰ Новые стандартные документарно-аккредитивные бланки для UCP 500 // Публикация ICC № 516.

¹¹ Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010» // Публикация ICC N 715.

¹² Унифицированные правила по договорным гарантиям // Публикация ICC N 325.

¹³ История правил Инкотермс // <http://incoterms.zed.ua/ru/incotermshistory>

¹⁴ Указ Президента Украины «О применении «Международных правил толкования торговых терминов» от 4 октября 1994 г. // <http://www.president.gov.ua>

¹⁵ Указ Президента Украины «О признании утратившими силу Указов Президента Украины от 4 октября 1994 г. № 567 и от 1 июля 1995 г. № 505» от 19 мая 2011 г. // <http://www.president.gov.ua>

¹⁶ Фоновина О.В. Указ. соч.

Инкотермс на территории Российской Федерации не является законом. Данное утверждение, по сути, не оспоримо, поскольку Инкотермс не был принят как нормативно-правовой акт в форме закона в установленном Конституцией РФ порядке. Придание какому-либо тексту силы закона Указом Президента в России не допускается, что, впрочем, и не осуществлялось. Да и при условии, признания за Инкотермс определенной юридической силы, посредством прямого указания в законе, данное признание нельзя бы было приравнять к признанию международных правил законом, так как это явно не укладывается в логику законотворческого процесса, сложившегося и закрепленного Конституцией РФ. С данным утверждением согласно и большинство российских ученых юристов, в частности О.В. Фонотовой отмечает, что очевидным является то, что в России Инкотермс не является законом. Поэтому в рамках отечественной системы правовых актов проблема определения места Инкотермс сводится к разрешению вопроса о том, являются ли данные Правила обыкновением, обычаем, обычаем делового оборота, торговым обычаем или чем-то совершенно иным¹⁷.

Продолжить попытку определить видовую принадлежность Инкотермс (как источника права в России), хотелось бы с обращения к акту принятому Торгово-промышленной палатой РФ. Согласно части четвертой постановления Правления ТПП РФ от 28.06.2001 «Развитие законодательства о предпринимательстве и роль торгово-промышленных палат в этом процессе» правила Международной торговой палаты для толкования торговых терминов «Инкотермс-2000», а соответственно и последующие редакции признаются торговым обычаем¹⁸.

Казалось бы, данное постановление раз и навсегда разрешает проблему с определением Инкотермс в системе источников права, как торгового обычая, с чем в той или иной степени соглашается ряд российских исследователей¹⁹. Причем М.Г. Розенберг, прямо указал, что после признания Торгово-промышленной палатой РФ действия на территории России в качестве обычаев правил Инкотермс... отпадает сложившийся в практике подход, в силу которого положения Инкотермс использовались... как правило, при наличии ссылки на них в контракте либо лишь в определенной мере в качестве ориентира при толковании условий контракта о базисе поставки, сформулированного недостаточно ясно.

На наш взгляд, как сам акт Торгово-промышленной палаты РФ, так и выводы ученых, сделанные на его основе, являются, по меньшей мере, опрометчивыми и неоднозначными. Во-первых, Торгово-промышленная палата РФ, несмотря на огромные потенциальные возможности по участию в регулировании как предпринимательских, так и непосредственно торговых отношений, органом государственной власти никогда не являлась и не является. В своей деятельности Торгово-промышленная палата, по отношению к нормотворчеству наделена лишь одним правом – принимать участие в подготовке затрагивающих интересы предпринимателей проектов федеральных законов, нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти²⁰. Соответственно, вышеуказанное постановление, можно рассматривать только как рекомендацию и только для членов Торгово-промышленной палаты РФ или палат субъектов РФ. Никакой юридической силы данный локальный акт при рассмотрении спора органом государственной власти иметь не будет, а значит суды могут самостоятельно определять правовую природу Инкотермс.

Во-вторых, само отнесение Инкотермс к исключительно торговым обычаям, на наш взгляд, представляется нецелесообразным и ограничивающим его потенциальные возможности воздействия на предпринимательские отношения. Правила Инкотермс, отвечающие всем признакам правового обычая (многократное и постоянное применение, а

¹⁷ Там же.

¹⁸ Постановление Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации «Развитие законодательства о предпринимательстве и роль торгово-промышленных палат в этом процессе» от 28 июня 2001 г. // Торгово-промышленные ведомости. – 2001. – № 19 – 20.

¹⁹ Крученко К. Особенности применения ИНКОТЕРМС // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 9; Розенберг М.Г. Венская конвенция 1980 г. в Практике МКАС при ТПП РФ // Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией / Сост. М.Г. Розенберг. – М., 2001.

²⁰ Закон РФ «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» от 07 июля 1993 г. // Российская газета от 12.08.1993.

также общеизвестность) несомненно, в большей степени посвящены терминам, используемым в сфере торговли, но ничего не запрещает применять правила толкования, закрепленные в Инкотермс, при возникновении договорных отношений, скажем, по перевозке или страхованию грузов и без предварительно заключенного реализационного договора. Причем, как представляется нам, правила Инкотермс применимы к отношениям и без участия иностранного элемента, хотя бы в силу того, что товары (грузы) перевозимые от одного российского контрагента другому, в силу географических особенностей нашей страны могут неоднократно пересекать границу РФ и транспортироваться по территории государств, которые в том числе, признают за Инкотермс силу закона.

Таким образом, на настоящий момент нам представляется целесообразным определить правовую природу международных правил толкования торговых терминов Инкотермс-2010, как правового обычая или по терминологии ГК РФ – обычая делового оборота²¹ и рекомендовать применять данные правила судами при рассмотрении споров, возникающих как из международных предпринимательских отношений, так и внутригосударственных, независимо от ссылки на правила в тексте договора, при условии, что правила не противоречат законодательству РФ или соответствующего иностранного государства.

Список литературы

1. Фонотова О.В. Особенности правовой природы Инкотермс // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 2.
2. Зыкин И.С. Обычай и обыкновения в международной торговле. – М.: Международные отношения, 1983. – С. 75.
3. Типовой коммерческий агентский контракт МТП The ICC Model Commercial Agency Contract. Публикация № 496 / Пер. с англ. Н.Г. Вилковой. – М., 1996.
4. Международный кодекс рекламной практики от 02 декабря 1986 г. // Закон. – 1996. – № 12.
5. Арбитражный регламент и Регламент ДРС // Публикация ICC № 850R.
6. Арбитражный и примирительный регламенты Международной торговой палаты // СПС КонсультантПлюс.
7. Правила международной практики резервных аккредитивов (ISP98) // СПС КонсультантПлюс.
8. Унифицированные правила по инкассо // Публикация ICC № 522.
9. Новые стандартные документарно-аккредитивные бланки для UCP 500 // Публикация ICC № 516.
10. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010» // Публикация ICC N 715.
11. Унифицированные правила по договорным гарантиям // Публикация ICC N 325.
12. История правил Инкотермс // <http://incoterms.zed.ua/ru/incotermshistory>
13. Указ Президента Украины «О применении «Международных правил толкования торговых терминов» от 4 октября 1994 г. // <http://www.president.gov.ua>
14. Указ Президента Украины «О признании утратившими силу Указов Президента Украины от 4 октября 1994 г. № 567 и от 1 июля 1995 г. № 505» от 19 мая 2011 г. // <http://www.president.gov.ua>
15. Постановление Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации «Развитие законодательства о предпринимательстве и роль торгово-промышленных палат в этом процессе» от 28 июня 2001 г. // Торгово-промышленные ведомости. – 2001. – № 19 – 20.
16. Крученко К. Особенности применения ИНКОТЕРМС // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 9.
17. Розенберг М.Г. Венская конвенция 1980 г. в Практике МКАС при ТПП РФ // Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией / Сост. М.Г. Розенберг. – М., 2001.
18. Закон РФ «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» от 07 июля 1993 г. // Российская газета от 12.08.1993.
19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

THE LEGAL NATURE AND SIGNIFICANCE OF INCOTERMS FOR THE REGULATION OF BUSINESS RELATIONS

G.P. TONKOVA¹⁾
A.S. FEDORYASHCHENKO²⁾

*¹⁾ Belgorod National Research
University*

*e-mail:
fedoryashenko@bsu.edu.ru*

*²⁾ Belgorod National Research
University*

*e-mail:
fedoryashenko@bsu.edu.ru*

The article is devoted to the analysis of International rules for the interpretation of trade terms (Incoterms) as a source of business law. The authors consider the legal nature of these rules and their role in regulation of business relations.

Key words: custom, habit, trade custom, custom of the business turnover, Incoterms.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

И.М. АЛЕКСЕЕВ*Санкт-Петербургский
университет МВД России**e-mail: Kaspar555@mail.ru*

В статье анализируются понятия разумности, приведенные различными авторами, исследуются критерии разумности. Разумные сроки уголовного судопроизводства рассматриваются как один из аспектов разумности, приводится авторское понятие разумных сроков уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно – процессуальный срок; разумность; разумный срок уголовного судопроизводства.

Вступив в Совет Европы и ратифицировав в марте 1998 г. Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция), Россия присоединилась к Европейской системе охраны прав человека, включающей в себя не только обязанность охранять и соблюдать закрепленные в Конвенции права и свободы, но и признание юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Конвенция гарантирует каждому гражданину право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ст. 6.1 Конвенции), а каждому задержанному или заключенному под стражу предоставляет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда (ст. 5.3 Конвенции). Нарушение разумного срока судебного разбирательства является острой проблемой, на которую неоднократно обращалось внимание в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, например в постановлениях от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации», от 27 октября 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях». На данную проблему указал в своем послании Федеральному Собранию от 05.11.2008 г. Президент РФ. За последние годы Российская Федерация вышла на первое место среди ответчиков в ЕСПЧ по количеству жалоб на нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства¹.

В этой связи был принят Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разум-

¹ Маслов И.В. Сроки содержания под стражей в свете решений Европейского суда по правам человека // Законность. 2009. № 11. – С. 26.

ный срок» № 68-ФЗ от 30.04.2010 г. (далее № 68-ФЗ от 30.04.2010 г.), который вводит новое понятие – разумные сроки.

Для комплексного исследования данного института необходимо в первую очередь определить понятие разумного сроков уголовного судопроизводства. В юридической литературе понятие разумного срока не определено. Существуют общие положения, определяющие термин «разумность» или просто перечисляются критерии разумного срока.

А. Барак полагает, что разумность является материальным ограничением судейского усмотрения и заключается в сознательной интеллектуальной борьбе между несколькими законными возможностями, в которой судья применяет объективные стандарты. Тогда единственная обязанность судьи заключается в том, чтобы из всех возможностей выбрать одну, которая кажется ему наилучшей².

Понятие, данное А. Баракком заслуживает внимания, однако его существенным недостатком является сознательное ограничение разумности деятельностью судьи. Исходя из данного определения разумности можно сделать вывод, что она не распространяется на досудебные стадии, что является неверным.

По данному поводу Е. В. Рябцева пишет, что: «Под разумностью в общенаучном значении необходимо понимать присущую субъекту познавательную способность, предполагающую нормальную деятельность его сознания, направленную на установление, упорядочение, систематизацию и выявление смыслового содержания, внутренних и внешних связей вещей и явлений. В ее основе лежит архитекtonика, позволяющая выстроить определенную систему знаний для выбора варианта поведения»³.

Вышеуказанное понятие по нашему мнению наиболее полно раскрывает термин «разумность» как познавательную деятельность участников уголовного судопроизводства, позволяющую выбрать оптимальный вариант своего поведения.

Разумность в общенаучном смысле включает в себя и разумные сроки уголовного судопроизводства, предусмотренные ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 07.02.2011).

По мнению А. А. Богомолова, «понятие разумный срок» является оценочным (при его применении необходимо исходить из фактических обстоятельств дела), под которым предлагается понимать общее, абстрактное, нечеткое понятие, которое выражено в источниках права, регулирующих порядок гражданского и административного судопроизводства, и предназначено для того, чтобы предоставить правоприменителю в рамках конкретного дела относительную свободу действий⁴.

С вышеуказанным понятием можно согласиться, однако необходимо уточнить, что нельзя ограничивать действие разумных сроков только гражданским и административным судопроизводством, разумные сроки выражены в источниках права, регулирующих и уголовное судопроизводство в том числе.

Как верно отметил Р. О. Опалев, оценочные понятия законодателю совершенно необходимы. Однако автор правильно отмечает, что пользоваться такими понятиями нужно правильно: руководствуясь рекомендациями современной науки, соответствующими стандартами юридической техники⁵.

Доктрина, основанная на решениях ЕСПЧ, под разумными сроками рассмотрения дел понимает, в первую очередь, отсутствие немотивированных проволочек в ходе расследования, рассмотрения дела судом и его исполнения⁶.

² Воронцова И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / под ред. О.В. Исаенковой. М.: «Волггерс Клувер», 2010 г. – С. 48.

³ Рябцева Е. В. Реализация принципа разумности в уголовном процессе России. // Уголовная юстиция: связь времен. Материалы международной научной конференции (6-8 августа 2010 года). – СПб., 2010. – С. 287.

⁴ Богомолов А.А. Разумность сроков рассмотрения гражданских дел // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Материалы международной научно-практической конференции (14-15 сентября 2007 года) – Саратов. 2007. – С. 254.

⁵ Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданско-процессуальном праве. – М. 2008. – С. 174.

⁶ Рябцева Е. В. Реализация принципа разумности в уголовном процессе России. // Уголовная юстиция: связь времен. Материалы международной научной конференции (6-8 августа 2010 года). – СПб., 2010. – С. 290.

Определение критерия «разумного срока» состоит в обеспечении гарантии вынесения судебного решения в течение такого периода времени, который устанавливает минимальный предел состояния неопределенности, в котором находится лицо в связи с предъявленным ему обвинением в преступлении.

Что касается разумного срока рассмотрения уголовного дела, то здесь проявляется и учитывается особенность конкретного уголовного дела, а не установленные рамки законодательства. Разумность продолжительности разбирательства следует оценивать в каждом случае в соответствии с конкретными обстоятельствами дела (степень сложности дела, поведение заявителя, действие государственных органов).

Чтобы определить понятие разумного срока, в первую очередь необходимо рассмотреть критерии, его составляющие.

Критерии по определению разумного срока перечисляются в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, к ним относятся:

- 1) правовая и фактическая сложность уголовного дела;
- 2) поведение участников уголовного судопроизводства;
- 3) достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела;
- 4) общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Вышеуказанные критерии являются общими, и поэтому уточняются в иных актах применительно к различным стадиям уголовного судопроизводства, например, в п. 1.5 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» указывается, что «при рассмотрении жалоб участников уголовного судопроизводства на нарушение разумных сроков в ходе досудебного производства по уголовному делу необходимо учитывать такие обстоятельства, как сложность квалификации преступных действий, установления обстоятельств совершения преступлений, сбора доказательств по уголовному делу, поведение участников уголовного судопроизводства, ритмичность, достаточность и эффективность действий должностных лиц органов предварительного расследования, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования»⁷. Таким образом, можно сделать вывод, что применительно к досудебным стадиям уголовного судопроизводства, при оценке правовой и фактической сложности уголовного дела, особое внимание необходимо уделить сложности квалификации преступных действий, установления обстоятельств совершения преступлений, сбора доказательств по уголовному делу, а при оценке достаточности и эффективности действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела вычленяется такой показатель как ритмичность действий. Однако по непонятным причинам не указывается такой критерий, как общая продолжительность уголовного судопроизводства, что, несомненно, противоречит УПК РФ. В связи, с чем необходимо включить в вышеуказанный приказ общую продолжительность уголовного судопроизводства как критерий для определения разумного срока уголовного судопроизводства.

По мнению Д. Ю. Косихина, суд должен учитывать для установления нарушения права на судопроизводство в разумный срок обстоятельства, которые можно условно разделить на 2 группы:

- 1) обстоятельства, которые объективно влекут увеличение срока судопроизводства;
- 2) обстоятельства, не влияющие на сложность дела.

К первой группе при оценке правовой и фактической сложности дела, по мнению Д. Ю. Косихина следует отнести:

---

⁷ Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // Законность. 2010. № 10. – С. 65.

- наличие обстоятельств, затрудняющих рассмотрение дела;
- число потерпевших, подозреваемых (обвиняемых) и других участвующих в деле лиц;
- необходимость проведения экспертиз, их сложность;
- необходимость допроса значительного числа свидетелей;
- участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права;
- объем предъявленного обвинения;
- наличие международных следственных поручений.

Сюда же можно отнести неисполнение заявителем процессуальных обязанностей (например, неоднократная неявка на судебное заседание по неуважительным причинам), приведшее к нарушению разумного срока судебного разбирательства.

Ко второй группе обстоятельств Д. Ю. Косихин относит:

- рассмотрение дела различными судебными инстанциями;
- участие в деле органов публичной власти;
- использование заявителем в ходе судебного процесса процессуальных средств, предоставляемых законодательством для осуществления своей защиты, в частности, изменение исковых требований, изучение материалов дела, заявление ходатайств, обжалование вынесенных судебных актов;
- отложение рассмотрения дела, назначение и проведение экспертизы, участие судьи в рассмотрении иных дел, возвращение уголовного дела прокурору с целью устранения допущенных нарушений уголовно-процессуального законодательства при производстве дознания и предварительного следствия, если указанные действия приводят к нарушению права на судопроизводство в разумный срок;
- обстоятельства, связанные с организацией работы суда (например, отсутствие необходимого штата судей, замена судьи ввиду его болезни, отпуска, пребывания на учебе, нахождения в служебной командировке, прекращения или приостановления полномочий), с организацией работы органов дознания, следствия и прокуратуры⁸.

Однако, по нашему мнению, если первая группа вышеперечисленных оснований просто уточняет положения УПК РФ и выделяет такие критерии как: число потерпевших, подозреваемых и других участвующих в деле лиц, необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права, объем предъявленного обвинения, наличие международных следственных поручений, неисполнение заявителем процессуальных обязанностей, то во вторую группу обстоятельств включены такие критерии, которые напрямую противоречат положениям УПК РФ, а именно: рассмотрение дела различными судебными инстанциями и обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, так как ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ указывает, что: «обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства».

Следует отметить, что относительно исчисления разумного срока нет никаких четких рекомендаций даже у ЕСПЧ. В каждом случае он определяется, исходя из конкретных обстоятельств – сложности дела, поведения участников уголовного процесса. ЕСПЧ признает затягиванием только недобросовестные действия государства – должностных лиц осуществляющих предварительное расследование, прокуроров, судей. Например, когда судьи под надуманными предлогами отказывают в приеме заявлений, откладывают или приостанавливают рассмотрение дела и так далее. Даже сам факт подобных действий признается нарушением принципа разумности. Однако при определении разумного срока судом исключаются задержки разбирательства по инициативе или вине частного лица (подача многочисленных ходатайств, смена адвоката, немотивированное отсутствие сторон в судебном процессе и т.п.). Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотрение дела в течение пяти лет можно считать и разумным, и нарушением.

⁸ Косихин Д.Ю. Право на компенсацию за судебную волокиту // В курсе правового дела. 2011. № 3. – С. 73.

Многие ученые считают, что не установление законодателем конкретных временных границ разумных сроков, не позволит достичь необходимого результата по ускорению сроков судопроизводства, а само введение «разумных сроков» означает, что государство подтвердило бесполезность установления конкретных сроков прохождения дела в судах различных инстанций. По мнению И. Михайлова «Суды теперь освобождены от необходимости «выдерживать» сроки рассмотрения дела, установленные для различных стадий судопроизводства. Ведь любую волокиту можно оправдать тем, что некий общий разумный срок дела не нарушен»⁹. Однако по нашему мнению, именно неопределенные временные рамки разумного срока, которые должны оцениваться для каждого дела индивидуально позволяют ускорить сроки судопроизводства в целом. Установление определенных сроков судопроизводства ничем бы не отличалось от очередного срока и с одной стороны позволяло бы увеличить сроки судопроизводства по делам не представляющим сложности, и наоборот послужило бы сигналом для органов предварительного расследования и суда, рассматривать наиболее сложные дела в рамках данного срока, невзирая на качество. Таким образом, государство установило еще один барьер против волокиты при производстве по уголовным делам, ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ указывает, что Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ, продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены УПК РФ. Из анализа данной статьи можно сделать вывод, что сроки уголовного судопроизводства остаются и их необходимо соблюдать неукоснительно.

Разумные сроки отличаются от процессуальных сроков производства по уголовным делам, установленных УПК РФ, в п. 2 ст. 1 федерального закона № 68-ФЗ от 30.04.2010 г. закреплено, что нарушение установленных законодательством сроков рассмотрения дела или исполнения судебного акта само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Таким образом, законодатель предостерегает нас от постановки знака равенства между этими понятиями, и возводит разумный срок уголовного судопроизводства в ранг принципов, который должен пронизывать всю уголовно-процессуальную материю, о чем свидетельствует включение данной нормы в главу вторую УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства».

Анализ федерального закона № 68-ФЗ от 30.04.2010 г. позволяет сделать вывод, что понятие права лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, на судебное разбирательство в разумные сроки, охватывает и право этого лица на предварительное расследование в разумные сроки.

Проблемным вопросом является определение момента начала и окончания отсчета разумного срока. Для разъяснения данного вопроса в первую очередь необходимо обратиться к разъяснениям, данным Пленумом Верховного Суда РФ и Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ в совместном постановлении от 23.12.2010 № 30/64 «О некоторых вопросах возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Постановление № 30/64)¹⁰.

Касательно уголовных дел:

– по рассмотренному судом делу – период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента вступления в законную силу обвинительного или оправдательного приговора либо постановления (определения) суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;

– в отношении досудебного производства – период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента вынесения постановления о прекращении уголовного преследования или уголовного дела;

⁹ Абросимов М. Конец волоките // Известия. 03.06.2010 № 99(28114). – С. 11.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 30/64 «О некоторых вопросах возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 3. – С. 9.

– по уголовному делу, производство по которому не окончено – период с момента начала осуществления уголовного преследования до дня поступления заявления о приговоре компенсации в суд, уполномоченный рассматривать такое заявление.

При этом Постановление № 30/64 указывает, что при исчислении общей продолжительности судопроизводства по гражданскому или уголовному делу учитывается только то время, в течение которого дело находится в производстве суда, органов дознания, следствия, прокуратуры.

Так в соответствии с ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ разумный срок включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора. Если исходить из буквального толкования данной нормы, то исчислять разумный срок уголовного судопроизводства необходимо с момента начала осуществления уголовного преследования, данная позиция подтверждается в Постановлении пленума № 30/64, однако таким моментом является не только момент, когда лицо получило статус подозреваемого в его уголовно-процессуальном смысле, но и как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П¹¹, понятие «подозреваемый» должно трактоваться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему уголовно-процессуальным законом более узком смысле, в целях реализации конституционных прав необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Таким образом, моментом начала отсчета разумных сроков можно считать момент, когда к лицу были применены меры уголовно-процессуальной репрессии в независимости от его процессуального статуса.

Конечным моментом разумного срока является в соответствии с положениями ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ момент прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора. Однако по нашему мнению позиция законодателя не отвечает требованиям практики, так как уголовное судопроизводство знает множество форм его окончания, так например, окончание уголовного дела длившегося десять лет вынесением оправдательного приговора не может лишить лицо права подать жалобу на нарушение разумных сроков, данная неточность разъясняется Постановлением № 30/64, в котором указывается, что при определении разумного срока по рассмотренному судом делу учитывается период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента вступления в законную силу обвинительного или оправдательного приговора либо постановления (определения) суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Данный момент имеет принципиальное значение для определения разумного срока. Поскольку если исходить из разъяснений пленума, то разумный срок охватывает производство по уголовному делу в суде апелляционной и кассационной инстанции. Если из буквы закона, то только рассмотрение дела в суде первой инстанции.

По нашему мнению при разъяснении данного вопроса в Постановление № 30/64 обоснованно включены и выше обозначенные стадии, что соответствует духу закона и способствует наиболее полному обеспечению прав граждан.

Таким образом, исходя из анализа вышеуказанных положений, можно сформулировать понятие разумного срока. Разумный срок – это период времени, включающий в себя совокупность уголовно – процессуальных сроков по конкретному уголовному делу с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вступления решения суда в законную силу, превышение которого влечет возникновение права лица на компенсацию, в целях исключения немотивированных проволочек в ходе расследования и рассмотрения дела судом, своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела судом.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

Список литературы

1. Абросимов М. Конец волоките // Известия. 03.06.2010 № 99(28114).
2. Анашкин О.А. Совершенствование процессуальных сроков в досудебном производстве: дисс. ...канд. юр. наук. Саратов, 2004.
3. Богомолов А.А. Разумность сроков рассмотрения гражданских дел // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Материалы международной научно-практической конференции (14-15 сентября 2007 года). Саратов, 2007.
4. Васильев Л.М. Процессуальные сроки в советском уголовном процессе: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1971.
5. Воронцова И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / под ред. О.В. Исаенковой. М.: «Волтерс Клувер», 2010 г.
6. Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2(3). С. 139.
7. Корепанова Т.Л. Процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности в Российском уголовном процессе: дисс. ...канд. юр. наук. 12.00.09. Ижевск, 2004.
8. Косихин Д.Ю. Право на компенсацию за судебную волокиту // В курсе правового дела. 2011. № 3.
9. Манахов С.А., Чабукиани О. А. Соблюдение сроков расследования – процессуальная гарантия своевременной защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12.
10. Маслов И.В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дисс. ...канд. юр. наук. М., 2003.
11. Маслов И.В. Сроки содержания под стражей в свете решений Европейского суда по правам человека // Законность. 2009. № 11.
12. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданско-процессуальном праве. М., 2008.
13. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования: дисс. ...канд. юр. наук. Саратов, 2004.
14. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // Законность. 2010. № 10.
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 30/64 «О некоторых вопросах возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 3.
17. Рябцева Е.В. Реализация принципа разумности в уголовном процессе России. // Уголовная юстиция: связь времен. Материалы международной научной конференции (6-8 августа 2010 года). СПб., 2010.
18. Сокол Р.П. Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности: дисс. ...канд. юр. наук. Владимир, 2008.
19. Шихов П.И., Рослякова О.А., Егорова Р.Е. Проблемы ограничения срока предварительного следствия: методическое пособие. СПб.: Изд-во СПб университета МВД России. 2010.

THE CONCEPT OF REASONABLE TERM OF CRIMINAL PROCEEDINGS**I.M. ALEKSEEV***St.-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of
Russia***e-mail: Kaspas555@mail.ru**

The article considers the concepts of reasonableness offered by a number of authors, analyses the criteria of reasonableness. The reasonable terms of criminal proceedings are considered as one of the aspects of reasonableness, the author's concept of the reasonable terms of criminal proceedings is given.

Key words: criminal proceedings; term of criminal proceedings; reasonableness; reasonable term of criminal proceedings.

УДК 343.985

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОБСТАНОВКА, СПОСОБЫ ПОДГОТОВКИ, СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н.И. АМРАХОВ*Воронежский институт
экономики и права**e-mail: kijalis@yandex.ru*

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике преступлений против конституционных прав и свобод человека. Рассмотрены способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений данного вида.

Ключевые слова: преступления против конституционных прав и свобод, субъект преступления, место совершения преступления, время совершения преступления, способ сокрытия преступления.

От содержания конкретных составов преступлений зависят и способы их совершения. Учитывая большое разнообразие составов, мы не будем рассматривать все возможные способы совершения преступных деяний исследуемой группы. Тем не менее, обратим внимание на специфику их осуществления, характерную в значительном количестве ситуаций. Анализ уголовных дел рассматриваемой категории позволил установить, что большая часть преступлений, отмеченных в ст. 136–149 УК РФ, совершается с использованием различных интеллектуальных схем и с выраженным мотивом. Явное исключение составляют нарушения правил охраны труда и техники безопасности, совершённые по неосторожности и предусмотренные ст. 143 УК РФ.

В большинстве других ситуаций субъект преступления самостоятельно обдумывает, планирует преступление, используя свой интеллект, нередко – профессиональные навыки, а также знания в сфере ключевых пробелов действующего законодательства. При этом существенная часть преступных составов, предусмотренных гл. 19 УК РФ, содержит множество схожих формулировок с аналогичными нормами других законов, кодексов, нормативно-правовых актов, предусматривающих другой вид ответственности, но не уголовное наказание. В частности, сюда можно отнести ряд нормативно-правовых актов гражданского, административного, трудового, избирательного и авторского права.

Как показывает практика, при расследовании нарушений конституционных прав человека у правоохранительных органов часто возникают серьёзные сомнения в целесообразности возбуждения именно уголовного дела.

В большинстве ситуаций нарушители успешно пользуются данным моментом, а также пробелами и неточностями ныне действующего законодательства. Во многих случаях они пытаются преподнести незаконно осуществляемую деятельность в качестве легальной, допустимой законом. Если же произошедшие нарушения налицо, то делается попытка представить своё поведение как не подпадающее под действие каких-либо статей УК РФ.

Так, например, при отказе в приёме на работу женщин по мотиву их беременности или наличия у таковых детей в возрасте до трёх лет, работодатели (или уполномоченные на принятие таких решений лица) чаще всего указывают легальные причины (например: «не подошла по квалификации, недостаточно хорошо прошла тест» и т.п.). При увольнении женщин по тем же мотивам в сопутствующей документации, как правило, также указываются вполне дозволяемые законом причины. В данных ситуациях правоохранительные органы часто отказывают в возбуждении таких дел, а если и возбуждают – то нередко впоследствии прекращают их по различным основаниям.

Субъект преступления практически всегда пытается маскировать свои нарушения под различные благовидные предлоги. И речь здесь идёт не только о ситуациях, возникающих при возбуждении уголовного дела или при осуществлении соответствующих проверок. Как правило, такие предлоги и манипуляции применяются в отношении пострадавших лиц во время совершения самого преступления или в предшествующий (последующий) период.

Создание аналогичных ситуаций (в специфических вариациях и модификациях) типично и для некоторых баллотирующихся кандидатов в депутаты. Как показало реализованное нами исследование протоколов допросов свидетелей и потерпевших по уголовным делам о нарушениях в сфере избирательных прав, в процессе совершения соответствующих преступлений баллотирующимися кандидатами нередко высказывались эмоциональные и обнадеживающие обещания о «счастливым будущем избирателей» (зачастую подкреплённые материальным подкупом последних), так что на сам факт противозаконности действий этих лиц граждане уже не обращали внимания.

В целом можно констатировать, что работа в сфере политики, бизнеса, руководства предприятием требует от соответствующих субъектов, помимо хороших интеллектуальных способностей, образованности, также и высокого уровня практических познаний в сфере практической психологии и искусства управления людьми. К сожалению, именно эти позитивные качества, как показали материалы изученных нами уголовных дел, были характерны и для подавляющего числа лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 136, 141, 141.1, 142, 142.1, 143, 145 и 145.1 УК РФ.

Что же касается субъектов преступлений против неприкосновенности и тайны частной жизни, то, нередко таковые, пользуясь несовершенством современного законодательства, маскируют свою деятельность не только под легальную, но также и под непосредственную борьбу с преступностью.

Показательным в данном плане является следующий пример:

В Курской обл. правоохранительными структурами было установлено нарушение конституционного права человека на тайну телефонных переговоров. В частности, по материалам пресс-службы Генпрокуратуры РФ, «сотрудники УБЭП по Курской области с использованием своего служебного положения организовали незаконное прослушивание телефонных разговоров одного из адвокатов области»¹, подозреваемого якобы в осуществлении серьёзных преступлений, который в действительности противозаконной деятельностью не занимался, но представлял интерес для прослушивания для определённого круга лиц по совершенно иным соображениям.

Нарушая требования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», сотрудники правоохранительных структур инсценировали получение необходимого судебного разрешения для снятия информации об исходящих и входящих звонках с домашнего и мобильного телефонов, принадлежащих пострадавшему адвокату. Таким образом, «сотрудники милиции допустили незаконное вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, они нарушили предоставленные адвокату гарантии независимости, предусмотренные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Материалы проверки, проведённой прокуратурой, были направлены в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении виновных должностных лиц УВД по Курской области»².

По результатам соответствующей проверки было возбуждено уголовное дело по ст. 138 (ч. 2) УК РФ (нарушение тайны телефонных переговоров, совершённое лицом с использованием своего служебного положения или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации), а также ст. 286 (ч. 1) УК РФ (превышение лицом должностных полномочий)³.

Что касается нарушений прав граждан в сфере их свободного волеизлияния (прав на получение информации, участие в митингах, демонстрациях, на свободу слова, совести и вероисповедания), то при совершении преступлений наиболее характерными являются следующие вариации:

А) как и для предыдущей подгруппы преступлений – маскировка нарушений под борьбу с преступностью. Следственной практике известны случаи, когда воспрепятствование законной деятельности журналистов маскировалось заинтересованными должно-

¹ По прослушиванию телефонов адвоката возбуждено уголовное дело (материал составлен по сообщению пресс-службы ГП РФ) // <http://www.pravo.ru/news/view/31452/>

² Там же.

³ Там же.

стными лицами (без наличия необходимых на то оснований) под борьбу с разжиганием национальной розни, противодействие нарушениям прав на неприкосновенность и тайну частной жизни и т.п.

Б) явное (открытое) нарушение прав соответствующих лиц без маскировки такового под соответствующие меры.

Относительно противоправных деяний, связанных с нарушением интеллектуальных прав, отметим следующее. Как выяснилось, преступники соответствующей категории во время осуществления противозаконной деятельности либо перед началом таковой дают продавцам – распространителям контрафактной продукции и её покупателям определённые разъяснения о «легальности» происхождения товара и процедуры его реализации.

Данные версии, как правило, малоубедительны, тем не менее, их выслушивают. Например, продавая контрафактный программный продукт единичному покупателю, нарушитель может сказать, что сам приобрёл его в официальном магазине и устанавливает таковой исключительно для личного пользования покупателя (хотя заведомо знает, что последний будет использовать его в своих коммерческих целях).

Следственной практике известны и случаи, когда нарушитель, опасаясь, что в помещении, где производится сделка купли-продажи контрафактного товара, ведётся видео- или аудиозапись, целенаправленно отказывался произносить вслух сумму сделки, а на вопрос покупателя о том, сколько стоит продукт, произносил вслух, что это подарок, либо молчал. При этом на отдельном листе им делалась краткая запись, в которой указывалась сумма контрафактного товара. Ещё одной модификацией является ситуация, когда сумма сделки указывается нарушителем путём её набора на клавиатуре и выведения на экране, после чего соответствующая запись сразу же удаляется.

На какие-то вопросы разъяснительного характера, субъекты рассматриваемых преступлений нередко отвечают кивками, мимикой, жестами, что иногда позволяет им в дальнейшем (в случае возбуждения уголовного дела) трактовать свои поступки как не относящиеся к уголовно наказуемым деяниям. Место сделки, как правило, назначается преступниками на территориях, где нет видимых камер (или о которых не известно самим нарушителям).

Что касается **мест совершения преступлений** по всем нарушениям, предусмотренным гл. 19 УК РФ, то, несложно понять: учитывая большое разнообразие составов, таковых может быть множество: территория предприятия, офиса, места проведения голосования, улица и т.п.

Не имеет смысла подробно рассматривать типичные места для каждого из многочисленных преступных составов. Тем не менее, среди таковых можно встретить наиболее типичные для общей совокупности. Так, достаточно часто местом совершения преступлений против конституционных прав человека выступают официальные учреждения и предприятия, включая числящиеся за ними (занимаемые, находящиеся в собственности, аренде) помещения (приёмные кабинеты, офисы, производственные и торговые площади, базы, цеха, склады и т.п.). В частности, здесь совершаются:

А) Почти все преступления против равноправия и трудовых прав человека (96,3% изученных нами материалов уголовных дел о нарушениях, предусмотренных ст. 136, 143, 145 и 145.1 УК РФ);

Б) Существенная часть преступлений против интеллектуальных прав (69,3% рассмотренных дел о соответствующих противоправных деяниях). Здесь в качестве соответствующих мест могут выступать:

- помещения предприятий, производящих легальную продукцию (когда преступник изготавливает на их территории необходимые ему копии);
- территория организаций, занимающихся массовым изготовлением контрафактных изделий;
- предприятия оптовой и розничной торговли, через которые ведётся распространение контрафактной продукции;
- территория организаций, в которых нарушители официально трудоустроены (при использовании ее в качестве места для встреч с клиентами) и др.;

В) Несколько реже, чем для предыдущей подгруппы, но также часто в качестве места совершения преступления против неприкосновенности и тайны частной жизни выступают помещения официальных учреждений и предприятий (производственных, торговых, предоставляющих посреднические услуги и т.п.). При этом в зависимости от конкретных составов данные помещения могут использоваться преступниками для:

- производства скрытых спецсредств видео- и аудионаблюдения на каком-то производственном участке (например, относящегося к организации, легально работающей в сфере производства радиоустройств и видеокамер);
- нелегального распространения данных средств и приспособлений;
- установки негласного и одновременно незаконного наблюдения за какими-либо чиновниками, должностными лицами, руководителями или рядовыми сотрудниками предприятий.

Как показало исследование уголовных дел о нарушениях рассматриваемой подгруппы, территория данных помещений выступает в качестве места преступления в 59,7% случаев;

Г) Помещения предприятий и учреждений могут являться и местом совершения преступлений против свободы волеизъявления (51,7 %).

В ходе исследования выяснилось, что преступления против избирательных прав граждан в явном большинстве случаев (73,6%) совершаются на территории конкретного избирательного округа (в том числе: в домах и на улицах, расположенных в рамках такового, непосредственно перед избирательным участком и т.п.). Если же эпизод или все преступление происходило в автомобиле, то, как правило, машина в этот момент времени также размещалась на территории соответствующего округа.

Характеризуя нарушения, предусмотренные гл. 19 УК РФ, в качестве особенностей таковых можно обозначить ещё одну тенденцию, особенно ярко проявившуюся в последнее десятилетие. В частности, в последние годы в качестве места преступлений против конституционных прав человека всё чаще выступает киберпространство.

Особенно отчётливо (по нарастающей линии) эта тенденция проявляется в рамках преступлений против интеллектуальных прав, а также неприкосновенности и тайны частной жизни человека.

Приведём в данном направлении показательный случай, имевший место в г. Белгороде, где был вынесен приговор за преступное деяние, совершённое в сети Интернет. Следствие установило, что 27-летняя Н.Н. в 2009 г. без согласия потерпевшей (29-летней женщины) скопировала на электронный носитель её фотографии в обнажённом виде. 13 мая Н.Н., находясь в своей квартире, зашла на один из интернет-сайтов, где создала сетевой ресурс пользователя под именем потерпевшей, содержащий её биографические данные, и разместила на нём указанные выше фотоснимки. Фотографии потерпевшей стали доступны для просмотра неограниченному количеству пользователей сети Интернет, что нарушило её право на неприкосновенность частной жизни. Уголовное дело после утверждения обвинительного заключения направлено в суд⁴.

Заметим, что и во многих других нарушениях конституционных прав человека, помимо ранее отмеченных двух подгрупп, Интернет начинает играть всё большую роль. При этом возросло общее количество преступлений, предусмотренных гл. 19 УК РФ, в которых киберпространство выступает не только в качестве непосредственного места совершения преступного деяния, но и качестве средства, способствующего его совершению, а также помогающего скрыть, замаскировать следы такового.

Для преступлений против конституционных прав человека характерным зачастую является **время** их совершения, соответствующее какому-либо конкретному событию.

Так, например, для нарушений в сфере интеллектуальных прав время совершения преступления может зависеть от:

- выхода модного музыкального произведения, хита,
- хорошо разрекламированного художественного фильма,

⁴ Блогершу судят за фото подруги в стиле ню (материал составлен по сообщению пресс-службы СКП РФ) // Интернет-ресурс: <http://www.pravo.ru/news/view/30112>.

- новой версии популярной компьютерной программы, игры,
- от начала запуска (продажи) нового образца, модели (например, сотового телефона, компьютера); и т.п.

При этом, как справедливо замечает А.П. Алексеев, «соответствующее потребительскому спросу на такой товар предложение от лиц, занимающихся контрафактной деятельностью, происходит настолько быстро, что, как правило, опережает выход легальной продукции»⁵.

Для преступлений против равноправия и трудовых прав человека нередко временем совершения преступления является:

- период, в который официально объявлен набор кандидатов на ту или иную должность (проводится какой-либо конкурс, назначаются собеседования и т.п.);
- время, когда в организации должна быть выплачена очередная заработная плата (после 2-месячной задержки оплаты труда соответствующего персонала);
- период реорганизации предприятия, когда по причине беременности или наличия малолетних детей, либо по иным признакам дискриминационного характера соответствующие лица могут быть легко уволены, якобы на законных основаниях.

Для совершения преступлений против избирательных прав характерным является время избирательных кампаний, подготовки к выборам, непосредственно период самих выборов.

В целом, заметим: чаще всего преступления против конституционных прав человека совершаются в будние дни и в рабочее время (как правило, с 9 до 19 часов), что объясняется спецификой данной группы нарушений. В частности, в это время было совершено 79,2% всех преступлений, предусмотренных гл. 19 УК РФ, из изученной нами совокупности уголовных дел данной категории.

Однако в этой закономерности встречаются и исключения. Так, некоторые преступления против избирательных прав граждан (из числа рассмотренных нами соответствующих уголовных дел) совершались в выходные, если на эти дни приходились сами выборы. При этом распространение контрафактной продукции также иногда происходило в вечернее (нерабочее) время и в выходные дни. Кроме того, не всегда к рабочему и буднему времени привязаны преступления против неприкосновенности и тайны частной жизни.

Что касается, конкретных **способов сокрытия преступных деяний**, предусмотренных гл. 19 УК РФ, то к наиболее распространённым из таковых можно отнести:

1) Удаление оставленных преступниками следов посредством:

- воссоздания обстановки, которая предшествовала моменту непосредственного совершения преступления;
- уничтожения следов изготовления поддельных бюллетеней голосования, подписных бланков, фальсифицированных видео- и аудиодисков, тары, упаковки, специальных технических устройств и самодельных приспособлений, предназначенных для скрытого получения сведений о частной жизни граждан и т.д. (в зависимости от конкретного преступного состава);
- удаления файлов, писем с электронной почты, закрытия сайтов, содержащих информацию о произошедшем событии;
- уничтожения следов обуви, рук; и др.

2) Целенаправленное формирование легенды, подкреплённой некими фактами, специально составленными документами, оставленными на месте преступления предметами, записями о легальном характере имевшего место события;

3) Оформление различных документов (лицензионных, уставных, расчётных) на иное лицо либо группу лиц с целью создания дополнительных затруднений для следствия в случае возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Интернет-ресурс: <http://www.pravo.ru/news/view/>

⁵ Алексеев А.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере авторских и смежных прав // Российский следователь. – 2009. – № 17. – С. 2–3.

2. Алексеев А.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере авторских и смежных прав / А.П. Алексеев // Российский следователь. – 2009. – № 17. – С. 2–3.

THE CRIMES AGAINST CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS: CRIME SITUATION, ITS PREPARATION, MODUS OPERANDI AND CONCEALMENT OF CRIME

N.I. AMRANOV

*Voronezh institute
of Economics and Law*

e-mail: kijalis@yandex.ru

The article is devoted to criminal description of the crimes against constitutional human rights, its modus operandi and concealment.

Key words: the crimes against constitutional human rights, criminal, crime scene, time of commission of crime, concealment of crime.

УДК 343.150.1

ОСОБЕННОСТИ САМОКОНТРОЛЯ СУДЬИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

А.Ю. АСТАФЬЕВ*Воронежский
государственный университет**e-mail: oltagam@rambler.ru*

Статья посвящена проблеме самоконтроля судьи в уголовном процессе. Автор рассматривает процессуальные и этические аспекты самоконтроля судьи. Особое внимание уделяется взаимодействию судьи с другими участниками разбирательства уголовного дела. Автором высказаны предложения по изменению законодательства, направленные на повышение эффективности самоконтроля судьи.

Ключевые слова: самоконтроль судьи, внутреннее убеждение, самоотвод, злоупотребление правами.

Разновидностью контроля за деятельностью судьи в уголовном процессе может считаться контроль за правомерностью своих действий, осуществляемый судьей, рассматривающим дело, то есть *самоконтроль*. Формами самоконтроля являются заявление самоотвода и рассмотрение ходатайств об отводах при наличии обстоятельств, препятствующих участию судьи в рассмотрении дела; согласование принимаемых решений со сторонами, учет их мнения, в том числе, при повторном заявлении участниками процесса тех или иных ходатайств; возобновление судебного следствия и т.д. При коллегиальном рассмотрении дела самоконтроль судьи в сочетании со взаимным контролем судей выражается в коллективном принятии промежуточных и итоговых решений, возможности составления особого мнения судьей, оставшимся в меньшинстве при голосовании. Таким образом самоконтроль представляет собой совокупность используемых судьей при рассмотрении и разрешении уголовного дела средств и способов, обеспечивающих выявление, устранение и недопущение нарушений законности в деятельности судьи. Самоконтроль проявляется в ходе взаимодействия судьи с другими участниками процесса. Оценивая возможности судебного самоконтроля, следует учитывать, что его специфика зависит от вида судопроизводства (обычный порядок, рассмотрение дела с участием присяжных заседателей, особый порядок, предусмотренный гл.гл. 40, 41 УПК), так как дифференциация процессуальной формы связана с изменением объема полномочий судьи.

Самоконтроль, осуществляемый судьей при рассмотрении дела, служит свидетельством высокого уровня профессионального правосознания судьи, правильного понимания им своих процессуальных обязанностей. Самоконтроль предполагает осознанную внутреннюю мотивацию, которая должна отражаться в обоснованности судебных решений. Впрочем, мотивированные, обоснованные с формальной точки зрения решения могут не соответствовать фактическим обстоятельствам дела, противоречить нормам судебной этики. Существенными критериями оценки эффективности самоконтроля являются справедливость и целесообразность судебной деятельности.

Федеральный судья С.Н. Болотов из г. Рязани устранился от участия в производстве по делу, указав в постановлении о самоотводе на следующие обстоятельства: «В ходе судебного следствия подсудимый Комаров М.В. и защитник Маркелов С.Ю. нарушают порядок в судебном заседании, на неоднократные предупреждения не реагируют, не подчиняются распоряжениям председательствующего, высказывают оскорбительные выражения, проявляют явное неуважение к суду. Своими противоправными действиями подсудимый Комаров М.В. вызвал негативное отношение к себе. При таких обстоятельствах дальнейшее участие судьи Болотова С.Н. по уголовному делу в отношении Комарова М.В. невозможно, поскольку эти обстоятельства дают основания сомневаться в беспристрастности судьи, что он лично или косвенно заинтересован в исходе дела, нарушают нормы этики, дают повод для жалоб. В целях объективности судебного разбирательства уголовного дела по обвинению Комарова М.В. считаю необходимым устранился от участия в производстве по уголовному делу»¹. При этом ни подсудимому, ни его судьей защитнику не было сделано даже предупреждения о недопустимости их поведения.

¹ Цит. по: Гаспарян Н. Нужна ли суду совесть? // Адвокатская газета. 2010. № 20. URL: <http://www.advgazeta.ru/rubrics/13/558> (дата обращения 15.11.2012).

В приведенном примере судья уклонился от дальнейшего рассмотрения дела, признав свою неспособность оставаться беспристрастным и адекватно реагировать на нарушения участниками процесса порядка в зале судебного заседания, что позволяет расценивать действия судьи как злоупотребление своими процессуальными правами.

Необоснованное постановление судьи о самоотводе может быть отменено вышестоящей инстанцией. При этом закон не содержит указаний относительно того, должно ли быть возвращено в этом случае дело на рассмотрение другому судье. Согласно ч. 1 ст. 63 УПК, судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде первой инстанции, не может участвовать в новом рассмотрении уголовного дела, в случае отмены вынесенных с его участием *приговора, определения, постановления о прекращении уголовного дела*. Таким образом, положения данной статьи касаются отмены итоговых решений по делу, каковым постановление о самоотводе не является. В практике имеют место случаи, когда дело возвращается на рассмотрение тому же судье, чье постановление о самоотводе было отменено. Представляется, что подобное решение может быть оправдано лишь в ситуации, когда дело длительное время находилось в производстве судьи и большая часть судебно-следственных действий к моменту самоотвода судьи была проведена. С другой стороны, факт необоснованного самоотвода вызывает объективные сомнения в беспристрастности судьи при дальнейшем рассмотрении дела.

Полагаем, что правомерность самоотвода частично может быть поставлена в зависимости от волеизъявления сторон. Так, если стороны не высказали возражений относительно дальнейшего участия судьи, самоотвод, следует считать необоснованным. В любом случае, заявление об отводе (самоотводе) судьи должно обсуждаться со сторонами. Соответствующее положение, на наш взгляд, необходимо четко обозначить в законе, внеся изменения в статью 65 УПК. Анализ судебной практики свидетельствует, что постановления судей о самоотводе отменяются, в том числе, из-за того, что указанные решения не были согласованы со сторонами.

В соответствии с положениями Кодекса судейской этики, в случае возникновения конфликтов интересов судья, рассматривающий дело, обязан заявить самоотвод или поставить в известность участников процесса о сложившейся ситуации (чч. 4, 5 ст. 9). В первоначальном проекте Кодекса отдельно указывалось также на возможность дальнейшего рассмотрения дела судьей, если он уделит ему значительное время, но в ходе рассмотрения данного дела выяснились обстоятельства, при которых сам судья или его (ее) супруг(а) или их близкий родственник имеют интерес в данном деле. Участие судьи в рассмотрении дела допускалось при условии, если судья, его супруг(а) или их близкий родственник откажутся от интереса, который являлся причиной для отвода судьи от дела (ч. 5 ст. 9). Думается, что в законе было бы уместным предусмотреть недопустимость обжалования приговора по основаниям, указанным в п. 2 ч. 2 ст. 389. 17 УПК, если при обсуждении самоотвода стороны не возражали против участия судьи в рассмотрении дела.

Определенные затруднения судья может испытывать при толковании обстоятельств, дающих основание полагать, что он лично прямо или косвенно заинтересован в исходе дела (ч. 2 ст. 61 УПК). Информирование сторон о данных обстоятельствах с целью обсуждения вопроса об отводах видится во всех отношениях оправданным решением. Закономерно, что оно нашло отражение в Кодексе судейской этики. УПК в настоящее время не предусматривает ни обязанности судьи уведомлять стороны о возможных обстоятельствах, исключающих его участие в рассмотрении дела, ни порядок рассмотрения данного вопроса. По мнению О.Я. Баева, следует закрепить в УПК обязанность председательствующего сообщить в подготовительной части судебного заседания об отсутствии своих родственных связей как с профессиональными участниками данного судебного процесса, так и с другими его участниками, имеющими право на отводы, и о своей незаинтересованности в исходе дела². Рациональность высказанного предложения вызывает сомнения. Неясно, для чего судье следует заявлять о своей беспристрастности, и в чем заключается процессуальное значение такого информирования? Европейский суд по правам человека сформулировал презумпцию личной беспристрастности судьи: личная беспри-

² Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: система и ее качество. – М., 2007. – С. 186.

страстность официально назначенного судьи не подвергается сомнению, если только не появляются свидетельства, указывающие на обратное³. Поэтому судья должен сообщать сторонам о *наличии* возможных оснований для отвода, но не об их отсутствии.

Ряд вопросов вызывает регламентация в УПК процессуальных действий судьи при заявлении ему отвода участниками процесса. В соответствии с ч. 4 ст. 65 УПК, судья самостоятельно рассматривает заявленный себе отвод. Особенных проблем не возникает, когда речь идет о конкретных обстоятельствах, перечисляемых в ч. 1 ст. 61 УПК. Однако неопределенность ч. 2 ст. 61 УПК («иные обстоятельства»), размывает критерии объективности судебного решения относительно заявленного стороной отвода. Оценочный характер понятия «иные обстоятельства» повышает сложность индивидуальной оценки. По нашему мнению, заслуживает внимания перспектива предоставления права рассмотрения ходатайства об отводе судьи председателю суда или его заместителю, по аналогии с арбитражным процессом (ч. 2 ст. 25 АПК). Модельный УПК для государств-участников СНГ, допускает также разрешение заявленного судье отвода судьей апелляционного суда при невозможности разрешения отвода председателем соответствующего суда (ч. 5 ст. 125.) Следует признать, что названные выше возможные процедуры рассмотрения отвода, заявленного судье, могут привести к затягиванию дела сторонами, злоупотребляющими своими процессуальными правами. Нейтрализации данных попыток, при изменении действующего порядка рассмотрения заявления об отводе судье, послужило бы указание в законе на право судьи оставлять без рассмотрения повторные ходатайства об отводе, если они заявляются по тем же основаниям, что и первоначальные. Представляется необходимым хотя бы в общем виде определить в УПК понятие «злоупотребление процессуальными правами», раскрыв его содержание, как это сделано в Арбитражном процессуальном кодексе. Согласно ч. 5 ст. 159 АПК, арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта.

Единое рассмотрение судьей заявления об отводе, не является эффективным механизмом самоконтроля судьи. Удовлетворение судьями заявляемых отводов – явление довольно редкое, что, в общем, вполне закономерно. Признание факта собственной заинтересованности представляет для судьи определенную психологическую трудность, особенно, когда речь идет о дружеских или неприязненных отношениях с участниками процесса. Подобная «откровенность» требует известной смелости и принципиальности. Вместе с тем, еще большую сложность психологического характера представляет удовлетворение отвода, заявление которого связано с предполагаемой заинтересованностью судьи, в особенности, косвенной личной заинтересованностью, т.к. судья обязан мотивировать свое решение.

Добавим к этому, что неопределенность ч. 2 ст. 61 УПК можно было бы сократить, расширив перечень безусловных оснований для отвода судьи. К примеру, в арбитражном процессе, судья не может участвовать в рассмотрении дела, если он: находится или ранее находился в служебной или иной зависимости от лица, участвующего в деле, или его представителя; делал публичные заявления или давал оценку по существу рассматриваемого дела (пп. 6, 7 ч. 1 ст. 21 АПК). Данные основания для отвода судьи не менее значимы в уголовном судопроизводстве и, полагаем, должны быть предусмотрены в УПК. Равным образом в законе следует указать на недопустимость участия в рассмотрении дела судей, состоящих в родстве между собой.

Пассивность участников процесса в установлении обстоятельств, исключающих участие судьи в рассмотрении дела, не должна служить оправданием безынициативности самого судьи. Заявление отвода судье, при наличии обстоятельств, указанных в ч.1 ст. 61 УПК, является правом сторон; самоотвод судьи в подобной ситуации является его обязанностью. Стороны, в конечном счете, могут воздерживаться от заявления отвода по

³ П. 47 Постановления по делу «Хаусхильдт против Дании». Цит. по: Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б.. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. – М., 2001. – С. 49.

тактическим соображениям, надеясь на отмену приговора при неблагоприятном для себя исходе. Если же судье были заведомо известны основания, исключающие его участие в производстве по делу, например, близкое родство с участником процесса, то незаявление им самоотвода, на наш взгляд, составляет дисциплинарный проступок, не говоря уже о том, что требует мер процессуального реагирования.

Завершая освещение проблемы самоотвода судьи, заметим, что УПК – единственный из процессуальных кодексов, где не употребляется термин «самоотвод», что, по нашему мнению, не вполне оправданно и свидетельствует о несовершенстве законодательной техники. Вряд ли следует признать удачным используемый в УПК оборот «обязан уклониться от участия в производстве по уголовному делу» вместо «заявить самоотвод». Понятие «самоотвод» является более формализованным и точным по содержанию, поскольку определяет конкретное процессуальное действие.

Самоконтроль судьи реализуется в процессе взаимодействия судьи с другими субъектами уголовного судопроизводства. Осуществляя руководство процессом, судья, в соответствии с положениями УПК, принимает большинство решений с учетом позиции сторон. Так судья рассматривает заявленное ходатайство и удовлетворяет его либо отказывает в удовлетворении ходатайства, выслушав мнение сторон (ч. 2 ст. 271 УПК). Аналогичным образом, т.е. с учетом мнения сторон, решается вопрос о возможности рассмотрения дела в отсутствие кого-либо из участников процесса (ст. 272 УПК), очередность представления доказательств, если в уголовном деле участвует несколько подсудимых (ч. 4 ст. 274 УПК). Допрошенные свидетели могут покинуть зал судебного заседания до окончания судебного следствия с разрешения председательствующего, который при этом учитывает мнение сторон (ч. 4 ст. 278 УПК). При рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, стороны, после составления судом вопросного листа, вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов (ч. 2 ст. 338 УПК). Получив вердикт присяжных заседателей, председательствующий, в случае неясности или противоречивости вердикта, указывает присяжным на соответствующие недостатки и предлагает возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист. Председательствующий вправе также после выслушивания мнений сторон внести в вопросный лист дополнительные вопросы (ч. 2 ст. 345 УПК).

Несмотря на то, что в указанных случаях мнение сторон не имеет для суда обязательной силы, оно позволяет суду действовать более объективно и взвешено, соотнося свои действия с позицией других участников процесса, подвергая ее всесторонней оценке. Нельзя не согласиться с тем, что судьи должны быть ориентированы на эффективное взаимодействие с участниками процесса «для обеспечения высокого качества рассмотрения и разрешения дел»⁴. В частности, судье, по нашему мнению, следует обращать внимание участников процесса (обвинителя, защитника, подсудимого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей) на их право составления соответствующих письменных формулировок по вопросам виновности подсудимого и наказуемости деяния (ч. 7 ст. 292 УПК)..

Взаимодействие судьи с участниками уголовного судопроизводства выражается также в принятии отдельных процессуальных решений по ходатайству сторон или с их согласия (оглашение показаний подсудимого, осмотр вещественных доказательств, оглашение показаний потерпевшего в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 281 УПК, и др.). Возможность принятия того иного решения судьей по собственной инициативе не исключает, а иногда и требует, учета мнения сторон. К примеру, суд в ходе судебного разбирательства вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого (ч. 1 ст. 255 УПК). В УПК нет прямого указания на необходимость обсуждения данного вопроса со сторонами. Вместе с тем, подсудимый вправе участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении его меры пресечения (п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК). Поэтому суд, принимая соответствующее решение, не может не учитывать мнения подсудимого, равно как и лишить сторону обвинения возможности привести свои доводы.

⁴ Морщакова Т.Г. Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам). – М., 1987. – С. 49.

При рассмотрении Воронежским областным судом 16 мая 2007 г. уголовного дела в отношении К., государственный обвинитель заявил ходатайство о назначении подсудимому стационарной судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Суд удовлетворил ходатайство; меру пресечения – содержание под стражей – оставил без изменения; слушание уголовного дела отложил до завершения проведения экспертизы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила определение суда, а дело направила на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства, указав, в частности, следующее.

Как видно из протокола судебного заседания, вопрос о продлении срока содержания под стражей в судебном заседании не обсуждался, мнение государственного обвинителя, обвиняемых и их защитников не выяснялось и не выслушивалось. Какие-либо материалы, документы и сведения, которые могли бы повлиять на решение этого вопроса, не исследовались⁵.

Иными словами, суд не может принять заочное решение о продлении срока содержания подсудимого под стражей, не поставив никого из участников процесса в известность, и таким образом ограничив их право представить в подтверждение своей позиции необходимые доказательства.

Основным инструментом самоконтроля судьи является внутреннее убеждение как способ оценки всех процессуальных действий и решений. При этом самоконтроль возможен лишь когда внутреннее убеждение судьи не связано волеизъявлением сторон. Предопределенность итоговых и промежуточных судебных решений позицией других участников процесса (отказ прокурора от обвинения, оправдательный вердикт присяжных; отсутствие согласия сторон на оглашение показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля) исключает какой-либо самоконтроль судьи. Проблема самоконтроля судьи, таким образом, неразрывно связана с объемом его дискреционных полномочий. Инициативные действия судьи, такие как заявление им самоотвода, проверка доказательств, представленных сторонами, обращение с запросом в Конституционный Суд РФ и т.д., являются важными способами самоконтроля.

Участники прений сторон, а также подсудимый в последнем слове могут сообщить суду о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела или заявить о необходимости представить суду новые доказательства. Получив соответствующую информацию, суд, согласно ст. 294 УПК, вправе возобновить судебное следствие, что, безусловно, является одной из форм самоконтроля. Закон не содержит каких-либо ограничений относительно времени возобновления судебного следствия. Нередко судьи принимают такое решение после удаления в совещательную комнату для постановления приговора. В научно-практической литературе встречаются указания на допустимость подобной процедуры. В частности, отмечается, что может иметь место ситуация, когда суд первоначально не отреагировал на поведение подсудимого в последнем слове или на сведения, которые подсудимый сообщил, однако в совещательной комнате эти обстоятельства заставили суд усомниться во вменяемости подсудимого⁶. Несмотря на то, что относительно приведенного примера эта позиция не вызывает возражений, в целом она небесспорна, поскольку со стороны судьи не исключена возможность злоупотребления своими правами. Так, возобновление судебного следствия после удаления в совещательную комнату может быть продиктовано нежеланием выносить оправдательный приговор из-за недостаточности доказательств, подтверждающих виновность подсудимого.

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2007 г. М 14-О07-25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 4. Обязанность суда выслушать мнения сторон при рассмотрении вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей четко сформулирована в Постановлении Конституционного Суда от 22 марта 2005 г. № 4-П. (Пункт 3.1. описательно-мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271).

⁶ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В.М. Лебедева. – М., 2011. – С. 381-382.

Из ст. 295 УПК следует, что суд, заслушав последнее слово обвиняемого, удаляется в совещательную комнату для постановления приговора, предварительно объявив время его оглашения. Буквальное толкование данного положения заставляет признать, что возобновление судебного следствия после удаления в совещательную комнату, является нарушением закона. Если судья после окончания судебных прений и произнесения последнего слова подсудимого испытывает сомнения относительно необходимости возобновления судебного следствия, он вправе обсудить этот вопрос со сторонами и затем, объявив перерыв, принять соответствующее решение в совещательной комнате. Вместе с тем, учитывая, что суд при постановлении приговора не располагает полным и законченным текстом протокола судебного заседания, ограничение познавательных возможностей суда затрудняет вынесение обоснованного и объективного решения. Поэтому в УПК необходимо четко обозначить возможность либо недопустимость возобновления судебного следствия после удаления суда в совещательную комнату, тем самым установив пределы самоконтроля судьи при постановлении приговора.

Стороны и лица, содействующие правосудию, вносят свой вклад в достижение целей уголовного судопроизводства, даже когда взаимодействие между судьей и участникам процесса носит остро конфликтный характер. Согласно ст. 389.16 УПК, приговор признается необоснованным, если суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на окончательные выводы по делу. Данными обстоятельствами, безусловно, являются не только сведения, содержащиеся в материалах дела, но и сообщаемые участниками процесса в ходе судебного разбирательства, поэтому игнорирование судом позиции сторон может привести к принятию неправоудного решения. В то же время недостаточная активность участников процесса является одной из причин наличия латентных судебных ошибок.

В распоряжении сторон находятся различные процессуальные средства воздействия на судью. К ним следует отнести:

- 1) жалобы;
- 2) заявления об отводе судьи;
- 3) возражения против действий председательствующего;
- 4) замечания на протокол судебного заседания;
- 5) аудиозапись процесса.

Все используемые сторонами меры процессуального влияния на судью требуют ответных действий последнего (решение об отказе либо удовлетворении соответствующих требований), посредством которых и реализуется самоконтроль судьи.

Сам механизм судебного процессуального контроля приводится в действие исключительно благодаря активности сторон. Проверка судебного решения вышестоящими инстанциями требует первоначального внешнего импульса в виде процессуальных обращений сторон. От обоснованности жалоб (представлений) участников процесса, эффективности их процессуальной деятельности при пересмотре дела в кассационном (апелляционном, надзорном) порядке во многом зависит качество работы вышестоящих инстанций. Процессуальные действия, предпринимаемые сторонами в ходе судопроизводства, отражаются в материалах дела, что в дальнейшем придает большую убедительность жалобам участников процесса.

Мы не склонны преувеличивать возможности процессуального воздействия сторон на судью. Так, принесение возражений на действия председательствующего способно принести надлежащий эффект, скорректировав поведение судьи, проявляющего необъективность или некорректное отношение к участникам процесса. При этом устные возражения на действия председательствующего, в нарушение закона не отраженные в протоколе судебного заседания, теряют свое процессуальное значение.

Несмотря на то, что стороны могут подавать замечания на протокол судебного заседания (ст. 260 УПК), для рассмотрения замечаний лица, их подавшие, вызываются по усмотрению судьи («для уточнения замечаний»). Подписывая вместе с секретарем протокол судебного заседания, судья тем самым удостоверяет его правильность, что в дальнейшем лишает судью возможности беспристрастно рассматривать замечания сторон. При отсутствии требования об обязательной аудиозаписи судебного заседания, судья не в состоянии проверить ни объективность протокола, ни объективность подаваемых сторонами замечаний. Поскольку к моменту постановления приговора протокол, как правило, не готов, судья рассматривает за-

мечания на протокол после того, как приговор вынесен. Удовлетворение замечаний в таком случае может вызвать сомнения в правосудности приговора.

В механизме правового контроля за действиями и решениями судьи, как мы уже отмечали, процессуальные меры дополняются непроцессуальными. Эффективному самоконтролю судьи, к примеру, способствует осуществляемая участниками процесса диктофонная запись, которая по своей природе не является процессуальной мерой в строгом смысле, а носит скорее организационно-процессуальный характер. В литературе предлагается перед началом судебного заседания заявлять ходатайство о применении диктофона в суде, мотивируя свою просьбу необходимостью более точной фиксации процесса исследования доказательств судом. Справедливо указывается, что такое действие может оказать психологическое влияние на суд и лиц, участвующих в деле и предупредить возможные процессуальные нарушения⁷. Очевидный смысл ведения аудиозаписи заключается в возможности ее дальнейшего использования. В этом отношении диктофонная запись судебного заседания, производимая участниками процесса, в большей степени способствует самоконтролю судьи, чем, скажем, присутствие в зале суда лиц, не являющихся участниками процесса (включая представителей прессы). Впрочем, процессуальное значение такой записи поставлено Верховным Судом РФ под сомнение. В кассационном определении по жалобе Кумячева Е.П. дано весьма спорное толкование Уголовно-процессуального кодекса.

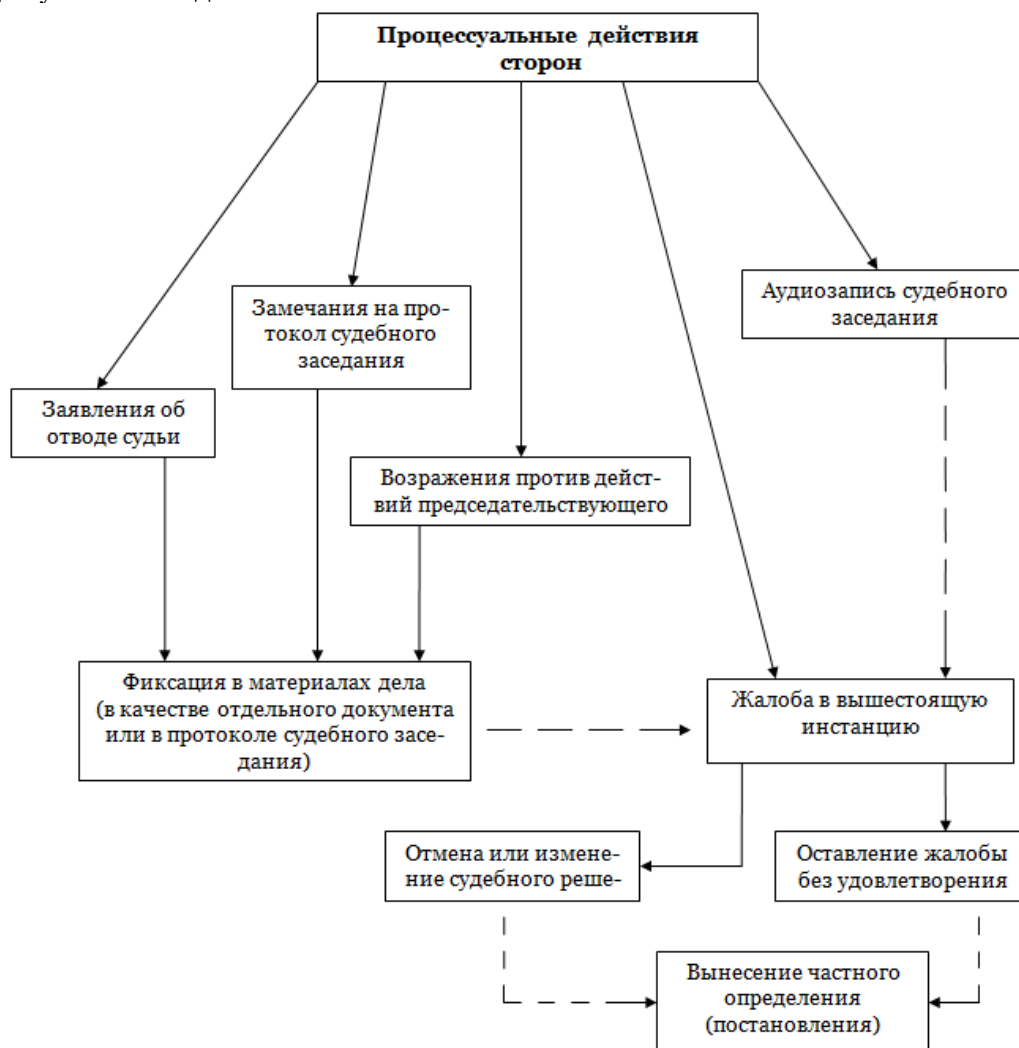

Схема. Механизм процессуального контроля в уголовном судопроизводстве

⁷ Барников Р.И. Аудиозапись судебного заседания как средство доказывания // Российская юстиция. 2007. № 10. – С. 32–33.

В соответствии с ч. 5 ст. 241 УПК РФ, лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись. Однако законом не предусмотрено приобщение этих записей к материалам дела. В то же время, для обеспечения полноты протокола судебного заседания при его ведении секретарем могут быть использованы технические средства, в том числе, аудиозаписывающая аппаратура. В этом случае делается отметка в протоколе судебного заседания, а материалы аудиозаписи прилагаются к материалам уголовного дела.

По смыслу названных норм уголовно-процессуального закона в их взаимосвязи, доказательственное значение имеет лишь такая аудиозапись, которая получена в результате применения технических средств **самим судом, а не другими участниками процесса**, которым право вести запись предоставлено лишь для обеспечения их собственных процессуальных прав и использования при реализации этих прав⁸.

Исходя из этой трактовки, участники процесса не могут, используя аудиозапись, оспаривать достоверность и полноту протокола и, следовательно, своими действиями содействовать достижению целей правосудия. Полагаем, изложенная позиция должна быть пересмотрена. Ограничивая права участников процесса, Верховный Суд РФ в своем толковании УПК, в конечном счете, ограничивает эффективность правосудия.

К непроцессуальным мерам контроля за действиями и решениями судьи относятся жалобы участников судопроизводства в квалификационные коллегии судей. Характерно, что грубое или систематическое нарушение судьей процессуальных и иных правовых норм является основанием большинства жалоб.

Количество жалоб в квалификационные коллегии судей на грубое или систематическое нарушение судьей процессуальных и иных норм составило:

- в 2008 – 13679 (69,1% от 19789), из них в системе судов общей юрисдикции – 13260 (68,9% от 19244);
- в 2009 – 15800 (70,7% от 22360), из них в судах общей юрисдикции – 15309 (70,3% от 21753);
- в 2010 – 8513 (74,2% от 11464), из них в судах общей юрисдикции – 8270 (74,1% от 11146)⁹.

Применяемые сторонами меры правового воздействия на судью являются способами разрешения конфликтов в уголовном судопроизводстве. Уголовный процесс конфликтен по своей природе, однако объективный процессуальный конфликт, лежащий в основе уголовного судопроизводства, не должен переходить в личный и профессиональный конфликт. Выше мы отмечали, что умение разрешения конфликтов – один из показателей эффективности судебной деятельности. В ракурсе рассматриваемой проблематики самоконтроля судьи не менее важным является предотвращение конфликтов, их недопущение. В уголовном судопроизводстве действует своя «система сдержек и противовесов», участники процесса имеют определенные возможности влияния друг на друга. Когда их отношения строятся на началах взаимоуважения, нет необходимости прибегать к мерам обоюдного процессуального воздействия (замечания на действия судьи, предупреждения участникам процесса и т.д.). Закон допускает заявление судье отвода в связи с выявлением в ходе судебного разбирательства фактов, свидетельствующих о предвзятости и необъективности, проявившихся в тех или иных его действиях и решениях по делу¹⁰. На наш взгляд, само заявление подобных отводов, независимо от того, удовлетворяется оно или нет, следует рассматривать как нежелательное явление, поскольку сомнения

⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2011 г. № 45-О-11-63сп // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Результаты деятельности Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов РФ в 2008, 2009, 2010 гг. URL: <http://www.vkks.ru/> Процент рассчитывается от числа жалоб, содержащих сведения о совершении судьей дисциплинарного проступка.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 947-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курбанова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 29, 61-65, 125, 256, 294, 295, 299, 355, 379, 409 и 413 УПК РФ» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2007 № 27, судья обязан вести судебный процесс таким образом, чтобы не допускать *возможность возникновения повода для его отвода* (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2007 № 27 (ред. от 20.05.2010) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 8).

в беспристрастности судьи, возникшие в ходе судебного разбирательства, подрывают уверенность в справедливости судебного разбирательства. Судья должен создавать необходимые условия для осуществления сторонами их прав (ч. 3 ст. 15 УПК). Участники процесса вправе рассчитывать на удовлетворение своих законных требований судьей. Добросовестность сторон в сочетании с профессионализмом судьи можно представить как своего рода формулу эффективности правосудия, важным элементом которой является самоконтроль судьи.

Основу самоконтроля составляют закон и совесть. Судья должен соотносить свои действия не только с правовыми предписаниями, но и с нормами профессиональной этики. Механизм самоконтроля судьи в уголовном процессе включает несколько этапов: 1) морально-правовая оценка процессуальной ситуации; 2) ее обсуждение (по возможности) со сторонами; 3) обоснование решения. В различных формах самоконтроля реализуется позитивная ответственность судьи, сущность которой составляет нравственно-правовая обязанность добросовестного исполнения требований закона, осознание судьей чувства долга. В теории права отмечается, что позитивная ответственность предполагает не только контроль личности за своими действиями, но и положительную реакцию на контроль общества, государства¹¹. Судебная система, как любая организация, для своего успешного функционирования должна поддерживать информационные связи с внешней средой, обладать свойством респонсивности (от англ. *response* – ответ, отклик), т.е. способности воспринимать воздействия и отзываться на них оптимальным образом. Полагаем, что в основу понимания респонсивности как судебной системы в целом, так и отдельно взятых судей может быть положена юридическая конструкция позитивной ответственности, предоставляющая широкие перспективы для рассмотрения эффективности самоконтроля как процессуально-этической проблемы.

Список литературы

1. Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: система и ее качество. М., 2007. С. 186.
2. Барников Р.И. Аудиозапись судебного заседания как средство доказывания // Российская юстиция. 2007. № 10. С. 32–33.
3. Гаспарян Н. Нужна ли суду совесть? // Адвокатская газета. 2010. № 20. URL: <http://www.advgazeta.ru/gubrics/13/558> (дата обращения 15.11.2012).
4. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 208.
5. Морщакова Т.Г. Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам). М., 1987. С. 49.
6. Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б.. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М., 2001. С. 49.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2007 г. М 14-О07-25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 4.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2011 г. № 45-О-11-63сп // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 947-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курбанова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 29, 61-65, 125, 256, 294, 295, 299, 355, 379, 409 и 413 УПК РФ» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В.М. Лебедева. М., 2011. С. 381-382.

PARTICULARITIES OF JUDGE'S SELF-CONTROL IN CRIMINAL PROCEDURE

A.Y. ASTAFIEV

Voronezh State University

e-mail: oltgam@rambler.ru

The present article is devoted to the problem of self-control of a judge in criminal trial. The author considers procedural and ethical aspects of judge's self-control. A special attention is given to the interaction of judge and other participants of criminal trial. The author proposes some changes in legislation aimed at improving the efficiency of judge's self-control.

Key words: self-control of a judge, internal conviction, recusation, abuse of rights.

¹¹ Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 208.

УДК. 343.8

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УКРАИНЕ

А.В. ИВАНОВ

*Национальный университет
«Юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого»*

e-mail: andrew_anov@mail.ru

В статье анализируются сущность и особенности специально-криминологического предупреждения налоговых преступлений в Украине. Раскрываются основные направления этой деятельности, а именно социально-экономические, культурно-воспитательные, организационно-управленческие и правовые меры. Выносятся предложения по развитию и усовершенствованию специально-криминологического предупреждения налоговых преступлений.

Ключевые слова: специально-криминологическое предупреждение, налоговые преступления, Украина.

Постановка проблемы. Специально-криминологическое предупреждение является важным направлением борьбы с преступлениями, в том числе и в сфере налогообложения.

Актуальность проблемы состоит в том, что несмотря на важность специально-криминологического предупреждения налоговых преступлений в Украине данная проблема и ещё не получила надлежащего научного исследования.

Анализ последних исследований показывает, что проблемы предупреждения налоговых преступлений уже неоднократно были предметом специального внимания ученых-криминологов. Отметим труды В.В. Голины, Д.И. Голосниченко, А.Е. Гутника, Н.А. Гуторовой, И.Н. Даньшина, А.А. Дудорова, А.П. Зрелова, А.Г. Кальмана, И.И. Кучерова, В.В. Молодыка, В.В. Пивоварова, В.М. Поповича, И.Н. Соловьева и др. Однако следует учитывать, что налоговая преступность, будучи конкретно-историческим социально-правовым явлением, присущим современному украинскому обществу, постоянно изменяется, приобретая все новые формы и тенденции.

Цель работы – определить пути совершенствования предупреждения налоговых преступлений.

Изложение основного материала исследования. Специально-криминологическое предупреждение – это не простой и случайный набор определенных мероприятий, а комплекс научно обоснованных, практически необходимых и реально осуществляемых мероприятий, направленных на недопущение потенциальных преступлений на разных этапах их криминального формирования. Эти мероприятия осуществляется по трем основным направлениям: криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений. Профилактика представляет собой разнообразные по характеру, содержанию, времени, сфере применения и целям мероприятия, осуществляемые органами власти, общественными организациями и гражданами с целью заблаговременной коррекции и устранения нежелательных в криминологическом отношении явлений, которые способствуют антиобщественному формированию и поведению личности. Предотвращение преступлений является активной предупредительной деятельностью государства, общественности и граждан в отношении как неограниченного круга лиц, так и отдельных граждан, которые задумываются о преступлении, позитивно воспринимают преступный уклад жизни и его субкультуру с целью дискредитации преступного поведения, отказа от преступной мотивации и намерения или продолжения преступной деятельности. Третьим направлением предупреждения является пресечение преступлений. Оно состоит в выявлении лиц, которые готовятся к совершению преступления или пытаются его совершить (покушение), а также применение к этим лицам соответствующих мер¹.

¹ Кримінологія: Загальна та Особлива частини / за заг. ред. В. В. Голіни. – Харків: Право, 2009. – С. 55, 56.

Проведенное нами изучение уголовных дел по ст. 212 УК Украины за период 2006-2011 годов показало, что налоговые преступления в абсолютном большинстве выявляются правоохранителями уже на стадии окончательного преступления. Итак, учитывая специфику состава налоговых преступлений, преимущества профилактической работы и ее огромный потенциал, а также с учетом особенностей правоохранительной практики, считаем, что именно криминологическая профилактика должна рассматриваться как ведущее направление специализированного предупреждения уклонения от уплаты налогов.

Но не смотря на это, роль профилактики в деятельности правоохранительных органов сегодня явно недооценивается, а иногда даже откровенно игнорируется. Непосредственно сказанное касается и налоговой милиции как ведущего органа борьбы с налоговыми преступлениями. Эффективность правоохранительной деятельности сегодня, за частую, определяется лишь показателями раскрываемости налоговых преступлений, ограничивается только соответственной статистикой, что является продолжением так называемой «палочной системой» в правоохранительной работе, Это свидетельствует о гиперболизации роли репрессивной практики и явной недооценки роли профилактики.

Профилактические мероприятия, действуя среди других первыми, так сказать «убивают» криминогенные факторы еще до их «рождения», «в зародыше». По справедливому замечанию ведущих отечественных криминологов, отказаться от криминологической профилактики одно и то же, если бы медицина отказалась от медицинской профилактики, которая дала человечеству судьбоносные средства выживания, лечения опасных болезней (прививки, вакцинация, гигиена и др.)².

Отметим и охарактеризуем основные социально-криминологические меры предупреждения налоговых преступлений. Из социально-экономических мероприятий, прежде всего, подчеркнем целесообразность следующих: а) дальнейшее совершенствование и либерализация налоговой политики на основе практической реализации определенных законом принципов (всеобщности налогообложения, равенства плательщиков, фискальной достаточности и социальной справедливости, экономичности налогообложения, стабильности, удобства уплаты и др.); б) оптимизация налогового давления (пресса, бремени), практическое внедрение в жизнь положений Налогового кодекса Украины, которые предусматривают постепенное снижение ставок основных налогов (в частности, на добавленную стоимость и на прибыль предприятий); обеспечения стабильности (неизменяемости) налогового законодательства в этой части, в) развитие института налоговых льгот, совершенствование их организационно-правовых основ, устранение существующих недостатков (предвзятый и выборочный подход к предоставлению, коррупция в сфере льготного налогообложения, необоснованное и нецелевое использование льготных механизмов и т.д.); г) противодействие оффшорным механизмам и схемам при совершении налоговых преступлений, ведь именно они сегодня достаточно распространены в уклонении от уплаты значительных сумм налогов. В частности, отметим налог на добавленную стоимость и его незаконное возмещение.

Подчеркнем особую важность «антиоффшорных» мероприятий, которые должны проводиться в тесном взаимодействии с иностранными государствами и международными институтами, системно и комплексно по различным направлениям (финансовом, организационном, правовом, международном и т.п.). Что касается финансово-экономических рычагов, то их задача сводится к превращению оффшоров в сфере налогообложения с прибыльного дела в экономически не выгодную и убыточную.

Считаем, что на оффшоры целесообразно усилить фискальное давление. Так, согласно ст. 161 Налогового кодекса Украины, «в случае заключения договоров, предусматривающих осуществление оплаты товаров (работ, услуг) в пользу нерезидентов, имеющих оффшорный статус, или при осуществлении расчетов через таких нерезидентов или через их банковские счета, независимо от того, осуществляется ли такая оплата (в денежной или иной форме) непосредственно или через других резидентов или нерезидентов, расходы налогоплательщиков на оплату стоимости таких товаров (работ, услуг) включаются в состав их расходов в сумме, составляющей 85% стоимости этих товаров (работ, услуг)».

² Голіна В. В. Запобігання злочинності (теорія і практика) / В. В. Голіна. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2011. – 120 с.

Организационно-управленческие меры направлены на предотвращение налоговой преступности путем развития организационно-правового обеспечения органов, осуществляющих борьбу с ней. Прежде всего, это касается налогового ведомства, его реформирования и модернизации, превращение в демократическую, профессиональную, динамичную и эффективную структуру, которая пользуется доверием среди населения.

Меры организационно-управленческого характера, по нашему мнению, должны включать: а) пересмотр идеологии взаимоотношений налоговой службы и бизнеса. «Если хочешь представить дьявола, представь себе налогового инспектора», – французская поговорка³, которая сегодня актуальна и для Украины. Необходимо перейти от чисто фискальной концепции работы налоговых органов к качественно новой модели – «сервисной»; б) развитие концепции «электронного правительства» в системе налогового ведомства, что переводит его отношения с налогоплательщиками на другой уровень, является основой для электронной отчетности, получения он-лайн консультаций, совершенствует взаимодействие с другими правоохранительными органами, повышает эффективность работы налоговых органов, делает ее оперативной, более контролируемой обществом, деbüroкратизирует и создает антикоррупционные препятствия, поскольку сводит к минимуму непосредственное посещение плательщиками налоговых органов, значительно нейтрализуя коррупциогенный «человеческий фактор», способствует росту доверия к налоговым органам и т.д. в) совершенствование налогового контроля, повышение его эффективности и обеспечение законности, устранение криминогенных недостатков («плановые» штрафы, переход от сплошного фискального контроля к «рискоориентированному», развитие ведомственного контроля за качеством и правомерностью налоговых проверок т.д.); г) противодействие коррупции в налоговых органах, комплексность которого должна обеспечиваться реализацией Национальной антикоррупционной стратегии на 2011-2015 годы, утвержденной Указом Президента Украины от 21.10.2011 г.; д) совершенствование кадрового, финансового и материально-технического обеспечения налоговых органов; е) развитие их международного сотрудничества, совершенствование его форм и методов; ё) усиление взаимодействия налоговых органов с другими органами, которые ведут борьбу с налоговой преступностью, а также общественными организациями и отдельными гражданами и т.д.

Правовые меры. Право как система правил поведения, которые находят свое выражение в нормативно-правовых актах и других источниках, может играть разные роли в механизме детерминации налоговой преступности: от антикриминогенной (или предупредительной) до откровенно криминогенной. Это зависит от характеристик правовых норм, их совершенства и способности адекватно регулировать общественные отношения, которые постоянно развиваются и приобретают новые формы. С другой стороны, нормы права составляют основу правового регулирования деятельности по предупреждению преступлений и непосредственно влияют на ее эффективность.

Из правовых мер специально-криминологического предупреждения налоговых преступлений прежде всего отметим целесообразность: 1) совершенствования условий специального основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ч. 4 ст. 212 УК Украины, с целью повышения ее предупредительной функции, 2) оптимизации санкций за налоговые преступления, совершенствования их превенции; 3) обеспечения законности в сфере применения положений УК Украины, а именно в части назначения судами наказаний за налоговые преступления и некоторые другие.

Вывод. Специально-криминологическое предупреждение, будучи целенаправленной деятельностью по устранению причин и условий налоговых преступлений и недопущения их совершения на разных стадиях развития, охватывает чрезвычайно большое количество связанных между собой мер, лишь основная часть которых нами определена в этой статье. При этом, специально-криминологическое предупреждение должно дополняться общесоциальными мерами (сочетание тактики и стратегии), осуществляться в условиях тесного взаимодействия власти и гражданского общества, надлежащего финансового и материально-технического обеспечения. Специально-криминологическое преду-

³ Kulic M. Economic and social aspects of tax evasion / M. Kulic // Megatrend Review. – 2005. – Vol. 2 (1). – P. 178.

преждевание налоговых преступлений должно превратиться в комплексную и системную деятельность, оформленную научно обоснованной правовой основой, что прежде всего нами связывается с разработкой и реализацией специальной Концепции борьбы с налоговой преступностью в Украине.

Список литературы

1. Кримінологія: Загальна та Особлива частини/ за заг. ред. В. В. Голіни. – Харків: Право, 2009. – 288 с.
2. Голіна В. В. Запобігання злочинності (теорія і практика) / В. В. Голіна. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2011. – 120 с.
3. Мірошніченко О. В. Використання офшорних механізмів ухилення від сплати податків серед загроз економічній безпеці України / О. В. Мірошніченко // Вісник економічної науки України. – 2011. – № 1. – С. 88-94.
4. Попович В. М. Економіко-кримінологічна теорія детінізації економіки / В. М. Попович. – Ірпінь: Акад. ДПС України, 2001. – 546 с.
5. Елисеєв А. Н. Кримінологическая характеристика налоговой преступности / А. Н. Елисеєв // Налоговый вестник. – 2002. – № 7. – С. 128-141.
6. Абакумова О. А. Кримінологические аспекты налоговой преступности: дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Абакумова. – Сургут, 2012. – 234 с.
7. Голина В. В. Опыт изучения общественного мнения о роли кримінологической осведомленности населения в предупреждения преступности / В. В. Голина // Актуальные проблемы формирования правового государства/ отв. ред. Н. И. Панов. – Харьков: Юрид. ин-т, 1990. – С. 234-236.
8. Kulic M. Economic and social aspects of tax evasion / M. Kulic // Megatrend Review. – 2005. – Vol. 2 (1). – P. 177-195.
9. Александрова Н. С. Налоговая преступность как объект кримінологического исследования / Н. С. Александрова // Вестник Московского университета. – Серия 11 «Право». – 1999. – № 1. – С. 127-130.
10. Голіна В. В., Головкін Б. М. Кримінально-правові засоби у системі спеціально-кримінологічного запобігання злочинності / В. В. Голіна, Б. М. Головкін // Питання боротьби зі злочинністю. – Харків: Право, 2009. – Вип. 19. – С. 16-27.
11. Гриценко О. А. Ухилення від сплати податків: загроза економічного порядку / О. А. Гриценко // Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. – 2011. – № 4. – С. 87-97.
12. Вишнеvский В. Веткин А. Уклонение от уплаты налогов и рациональный выбор налогоплательщика / В. Вишнеvский, А. Веткин // Вопросы экономики. – 2004. – № 2. – С. 96-108.
13. Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика / Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев. – М.: Норма, 2006. – 336 с.
14. Sesnowitz M. Returns to Burglary / M. Sesnowitz // The Economics of Crime. – Cambridge. – 1980. – P. 181-186.

THE SPECIALLY-CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF TAX CRIMES IN UKRAINE

A.V. IVANOV

*National University «Yaroslav
the Wise Law academy of Ukraine»*

e-mail: andrew_anov@mail.ru

The essence and features of specially-criminological prevention of tax crimes in Ukraine are analyzed. Basic directions of this activity, namely at social and economic, cultural-educational, organizational-administrative and legal measures are considered. Specific proposals on development and improvement of specially-criminological prevention of tax crimes in Ukraine, its basic directions are given.

Key words: specially-criminological prevention, tax crimes, Ukraine.

УДК 343.1:343.98

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КОНСУЛЬТАЦИЙ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ¹

Н.П. КАТОРГИНА

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: inyakova@bsu.edu.ru

В статье проанализированы проблемные вопросы разграничения близких по форме, но различных по содержанию форм использования специальных знаний: судебной экспертизы, предварительных исследований, консультаций специалиста. Особое внимание уделено анализу Федерального закона РФ от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» разрешающего многолетнюю дискуссию о возможности производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: предварительные исследования, справка об исследовании, заключение специалиста, судебная экспертиза.

Проблема соотношения судебной экспертизы и предварительных исследований становится вновь интересной и актуальной в связи с принятием Федерального закона РФ от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ»², который, в том числе, вносит изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, касающейся порядка рассмотрения сообщения о преступлении.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ данного Закона «... следователь вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий». Ч. 4 ст. 195 УПК РФ представлена в следующем виде: «Судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела».

На протяжении четырех последних десятилетий криминалисты (в большей мере практики) призывали законодателя разрешить производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела и тем самым исключить необходимость производства предварительных исследований, результаты которых носят непроцессуальный характер и могут иметь лишь ориентирующее, вспомогательное значение. По сути, предварительные исследования всегда оставались завуалированной экспертизой.

Однако в Законе наряду с возможностью производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела сохранены и исследования. Возникает вопрос: в каких случаях необходимо производство исследований, а в каких производство судебной экспертизы? Ведь, по сути, отпадает необходимость в проведении предварительных исследований.

На наш взгляд, безусловно, необходимо сохранить обе формы использования специальных знаний. Экспертиза должна назначаться и проводиться в случаях выявления признаков состава преступления (например, исследование трупа с целью установления причины смерти). Такие исследования должны оформляться в виде заключения эксперта и иметь доказательственную силу. В случае сбора оперативной информации, например, при проверке по криминалистическим учетам, результаты оформлять документом – «справка об исследовании», в которой кратко излагать результаты.

¹ В рамках выполнения проекта внутривузовского конкурса грантов «Инициатива» НИУ «БелГУ», № проекта ВКГИ 033-2012, внебюджетные средства.

² Федерального закона РФ от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» / ИПС Консультант плюс.

В связи с этим закономерно вытекает другая проблема – отсутствие четкой правовой регламентации предварительных исследований.

Если назначение и производство судебной экспертизы законодательно урегулировано УПК РФ, ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», ведомственными нормативными актами, то о проведении предварительных исследованиях кратко упоминается в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и некоторых внутриведомственных актах. Необходимо законодательно определить и закрепить порядок назначения и производства предварительных исследований, а также структуру документа – «справка об исследовании».

Основанием проведения предварительных исследований является письменное задание, в котором указывается: что направляется на исследование, при каких обстоятельствах, дата, данные инициатора задания и прилагаются объекты, в отношении которых необходимо провести исследование.

А.П. Рыжаков, считает, что поскольку закреплено в ч. 1 ст. 144 УПК РФ право следователя (дознателя и др.) требовать производства исследований документов, предметов, трупов и привлечь специалистов к участию в таковых, то положительным опытом следует признать оформление данных требований в виде постановлений. Рекомендует, чтобы форма и структура рассматриваемого постановления соответствовала форме и структуре постановления о назначении судебной экспертизы³.

Считаем, данное мнение безосновательным, так как постановление выносится для производства отдельных следственных действий по возбужденному уголовному делу.

В Приказе МВД РФ от 11.01.2009 года № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России»⁴, перечисляются требования, предъявляемые к справке. В ней должно указываться:

- 1) описание упаковки объектов, перечень и описание объектов, представленных на исследование;
- 2) сведения о разрешении на использование в ходе предварительного исследования видеоизменяющих (разрушающих) методов;
- 3) вопросы, поставленные перед специалистом;
- 4) ответы на поставленные вопросы;
- 5) должность, фамилия и инициалы специалиста, проводившего предварительное исследование.

Считаем такую структуру справки об исследовании оправданной. Однако типовая форма указанного документа должна быть единой для всех ведомств, осуществляющих экспертную деятельность.

До сих пор встречаются высказывания ученых о возможности оформления результатов предварительных исследований в виде заключения специалиста (Е.П. Гришина, С.А. Саушкин, И.А. Данилкин, С.И. Земцова, В.В. Зарянов, А.П. Когосов, А.В. Петров, Д.Г. Шашин, А.А. Шаевич, В.Д. Корма⁵ и многие другие). Мотивируют свою точку зрения тем,

³ Рыжаков А.П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 30 июля 2010 года) / ИПС Консультант плюс.

⁴ Приказ МВД РФ от 11.01.2009 года № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» / ИПС Консультант плюс

⁵ Гришина Е.П., Саушкин С.А. Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста // Российский следователь. 2005. № 8 / ИПС Консультант плюс; Данилкин И.А. Оформление результатов предварительных исследований в форме заключения специалиста // Судебная экспертиза. 2010. № 3. – С. 20-30; Когосов А.П. Особенности применения специальных знаний при возбуждении уголовного дела о незаконном обороте наркотиков // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия: Сб.матер.Всерос.науч.-практ.конф.: В 3-х ч. – М., 2010. Ч. 3. – С. 210-214; Земцова С.И., Зарянов В.В. Соотношение результатов предварительного исследования объектов с заключениями специалиста и эксперта // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследований: Сб.матер.Всерос.науч.-практ.конф.: В 3-х ч. – М., 2011. Ч. 3. – С. 134-140; Когосов А.П., Петров А.В. Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. – М., 2012. – С. 119,121; Шашин Д.Г., Шаевич А.А. Об использовании заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном процессе России // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 1 (41). – С. 76-77; Корма В.Д. Процессуальные и криминалистические аспекты назначения и проведения предварительных исследований // Криминали-

что объекты, направленные на исследование могут быть уничтожены, повреждены, либо существенно изменено их состояние, физические, химические или иные свойства, создающие невозможность производства экспертизы, а также возможностью сэкономить время и материалы. А поскольку заключение специалиста является источником доказательств, предусмотренным УПК РФ, то, оформляя результаты исследований в форме подобно заключению, автоматически снимается проблема использования результатов предварительных исследований в доказывании.

Естественно, с подобным утверждением нельзя согласиться, так как это неравнозначные ни по структуре, ни по содержанию формы использования специальных знаний. Как указано в ст. 80 УПК РФ заключение специалиста – это представленное в письменном виде *суждение* по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Предварительные исследования включают в себя, как правило, полный комплекс методов анализа, рекомендованных для соответствующих экспертиз.

Таким образом, дача специалистом заключения и производство предварительных исследований не являются равнозначными формами использования специальных знаний. Они имеют различные цели и правовые последствия. По действующему законодательству (по состоянию на 17.04.2013 г.) результаты предварительных исследований имеют ориентирующий характер.

Ряд ученых-криминалистов высказывают предложения о придании справке об исследовании источника доказательств. Так, Г.В. Костылева утверждает о том, что «согласно УПК РФ приобщенная к материалам уголовного дела по всем правилам справка о предварительном исследовании изъятого вещества также является доказательством»⁶. Е.А. Зайцева предлагает после возбуждения уголовного дела следователю приобщать к материалам уголовного дела справку об исследовании в качестве документа-доказательства⁷. Е.П. Гришина⁸, И.В. Бурков⁹, А.С. Цаплин¹⁰, Е.В. Иванова¹¹ считают, что справке об исследовании следует придать статус «иного документа».

Безусловно, в соответствии с ч. 1 ст. 84 УПК РФ, иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ (то есть обстоятельств, подлежащих доказыванию). В то же время, результаты предварительного исследования должны обладать присущим доказательствам «единством формы и содержания»¹². Бесспорно, результаты предварительного исследования имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, форма этого документа на практике фактически определена. Однако справка об исследовании по своему содержанию не может быть равнозначной заключению эксперта, так как в ней отсутствует описание проводимого исследования, а следовательно отсутствует возможность полноценной ее оценки следователем и судом.

В подтверждение сказанному находим в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». В п. 6 сказано, что

стика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика (8-я (внеочередная) междунар. науч.-практ. конф.). – СПбГУ, 2012. – С. 294 и другие.

⁶ Костылева Г.В. Использование специальных знаний при расследовании незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: Сб.матер. 50-х Криминалистических чтений: В 2 ч. – М., 2009. Ч. 2. – С. 379.

⁷ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства. – М., 2010. – С. 212.

⁸ Гришина Е.П. Непроцессуальные формы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании уголовных дел (актуальные проблемы теории и практики) // Право и политика. 2007. № 1. – С. 96-102; Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика. – М., 2012. – С. 141.

⁹ Бурков И.В. Заключение и показания эксперта в уголовном процессе. – М., 2010. – С. 105.

¹⁰ Цаплин А.С. Использование специальных знаний представителем потерпевшего и защитником при назначении судебных экспертиз // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – М, 2011. – С. 152.

¹¹ Иванова Е.В. Расследование преступлений, совершенных с использованием веществ, опасных для здоровья. – М., 2012. – С.268.

¹² Шейфер С.А. Понятие доказательства как предмет учебной дискуссии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1 (14) / <http://gendocs.ru/>

«справки, ... ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы»¹³. То есть справка об исследовании не может заменить заключение эксперта, так как носит ориентирующий характер и решающее значение имеет только для возбуждения уголовного дела.

И в заключение не можем ни обратить внимание на другой смелый шаг законодателя, отмеченный в Федеральном законе РФ от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» – возможность отбора образцов для сравнительного исследования в рамках предварительной проверки (ч.1 ст. 202 УПК РФ). Если вспомнить многолетнюю дискуссию о необходимости законодательного разрешения производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, то все ученые, высказываясь положительно, оговаривались о том, что такое действие возможно только для решения диагностических задач, не требующих отбора образцов сравнения. В Законе же законодатель не стал ограничивать органы предварительного следствия какими-либо запретами в решении экспертных задач. Таким образом, если для установления признаков преступления необходимо решение идентификационных задач, то они также могут быть поставлены на разрешение эксперта с предоставлением соответствующих образцов.

К сожалению, в указанном выше Законе не нашла отражения норма, касающаяся возможности производства повторной экспертизы в случаях, если после возбуждения уголовного дела подозреваемый или обвиняемый сочли, что в ходе предварительной проверки в результате подобных действий были ущемлены их права. Как известно, повторная экспертиза назначается эксперту не участвовавшему в производстве первичной. Безусловно, эксперт, проводящий повторную экспертизу, не станет автоматически дублировать текст первичной, а проведет полноценное экспертное исследование, поскольку предупрежден об ответственности в соответствии со ст.307 УК РФ. Таким образом, в распоряжении следователя (суда) появлялось бы два независимых заключения, что в полной мере обеспечивало бы принцип состязательности и равноправия сторон.

Список литературы

1. Федерального закона РФ от 04.03.2013 N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» / ИПС Консультант плюс.
2. Рыжаков А.П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 30 июля 2010 года) / ИПС Консультант плюс.
3. Приказ МВД РФ от 11.01.2009 года № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» / ИПС Консультант плюс.
4. Гришина Е.П., Саушкин С.А. Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста // Российский следователь. 2005. № 8 / ИПС Консультант плюс.
5. Данилкин И.А. Оформление результатов предварительных исследований в форме заключения специалиста // Судебная экспертиза. 2010. № 3. С. 20-30.
6. Когосов А.П. Особенности применения специальных знаний при возбуждении уголовного дела о незаконном обороте наркотиков // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия: Сб.матер.Всерос.науч.-практ.конф.: В 3-х ч. – М., 2010. Ч. 3. С. 210-214.
7. Земцова С.И., Зарянов В.В. Соотношение результатов предварительного исследования объектов с заключениями специалиста и эксперта // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследований: Сб.матер.Всерос.науч.-практ.конф.: В 3-х ч. – М., 2011. Ч. 3. 134-140
8. Когосов А.П., Петров А.В. Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. – М., 2012. – 200 с.
9. Шашин Д.Г., Шаевич А.А. Об использовании заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном процессе России // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 1 (41). С. 75-80.

¹³ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» / ИПС Консультант плюс.

10. Корма В.Д. Процессуальные и криминалистические аспекты назначения и проведения предварительных исследований // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика (8-я (внеочередная) междунар.науч.-практ.конф.). – СПбГУ, 2012. С. 287-296.
11. Костылева Г.В. Использование специальных знаний при расследовании незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: Сб.матер. 50-х Криминалистических чтений: В 2-х ч. – М., 2009. Ч. 2. С. 370-379.
12. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства. – М., 2010. – 424 с.
13. Гришина Е.П. Непроцессуальные формы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании уголовных дел (актуальные проблемы теории и практики) // Право и политика. 2007. № 1 / ИПС Консультант плюс.
14. Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика. – М., 2012. – 272 с.
15. Бурков И.В. Заключение и показания эксперта в уголовном процессе. – М., 2010. – 144 с.
16. Цаплин А.С. Использование специальных знаний представителем потерпевшего и защитником при назначении судебных экспертиз // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – М, 2011. С. 150-153.
17. Иванова Е.В. Расследование преступлений, совершенных с использованием веществ, опасных для здоровья. – М., 2012. – 440 с.
18. Шейфер С.А. Понятие доказательства как предмет учебной дискуссии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1 (14) / <http://gendocs.ru/>
19. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» / ИПС Консультант плюс.

DIFFERENTIATION OF FORENSICS, PRELIMINARY INVESTIGATIONS AND CONSULTATIONS OF A LEGAL PROCEDURE SPECIALIST

N.P. KATORGINA

*Belgorod state national
research university*

e-mail: inyakova@bsu.edu.ru

In this article some problem questions of differentiation of special spheres of knowledge were analyzed: these spheres are similar in their forms but different in contents – forensics, preliminary investigations, and consultations of a specialist.

A special attention was focused on the analysis of the R.F. Federal Law 04.03.2013 N 23-FL “Making alterations in articles 62 and 33 of C.C. and C.P.C. of the R.F.” resolving a decades – long discussion about the opportunity of forensic investigations which precedes criminal proceedings.

Key words: preliminary study, certificate of study, expertise, forensic inquiry.

УДК: 340.68 + 343.148

О РАЗРАБОТКЕ ТИПОВЫХ ВОПРОСОВ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

М. Л. ПОДКАТИЛИНА¹
Е. И. ГАЛЯШИНА²

*Московская государственная
юридическая академия
имени О. Е. Кутафина*

¹⁾ e-mail: mariya13@bk.ru

²⁾ e-mail: galyashina@gmail.com

В статье рассмотрены проблемы формулирования вопросов эксперту. Кратко обозначены существующие типовые перечни вопросов, ставящихся на разрешение судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов. Предложен новый типовой перечень вопросов эксперту-лингвисту. Обозначены требования, которым должны отвечать вопросы эксперту.

Ключевые слова: судебная экспертиза, экстремизм, формулирование задания эксперту, перечень вопросов.

На сегодняшний день разработан ряд методических рекомендаций, касающихся назначения и производства судебной экспертизы по делам, связанным со словесным экстремизмом. Но можно с сожалением констатировать, что формулировки вопросов, приводимые в некоторых из них, далеки от совершенства. Думается, что данное обстоятельство обусловлено отсутствием единого подхода к проблемам назначения и производства судебных экспертиз по делам экстремистской направленности.

Вместе с тем, правильная формулировка вопросов эксперту крайне важна, поскольку многие эксперты работают, основываясь на принципе «каков вопрос – таков ответ». В соответствии с процессуальным законодательством эксперту не предоставлено право переформулировать задание, хотя на необходимость наделить эксперта таким правом не раз указывалось в литературе¹. На сегодняшний день большинство экспертов на практике используют следующую конструкцию, которая, не искажая смысла поставленного на разрешение экспертизы вопроса, придает ему правильную, корректную формулировку: «Исходя из специальных знаний, понимаю вопрос (приводится формулировка поставленного вопроса или его номер) следующим образом (приводится корректная формулировка)».

Прежде чем рассмотреть формулировки вопросов, предлагаемые в различных методических рекомендациях, необходимо указать, что нет единства и в понимании того, какого рода экспертизу следует назначать при расследовании и рассмотрении дел, связанных со словесным экстремизмом. В ходе анализа постановлений о назначении экспертизы нами было выявлено 21 наименование экспертизы:

- антропологическая экспертиза;
- комплексная гуманитарная экспертиза;
- лингвистическая экспертиза;
- политическая экспертиза;
- психолингвистическая экспертиза;
- психологическая экспертиза;
- психолого-лингвистическая экспертиза;
- психосемантическая экспертиза;
- религиоведческая экспертиза;
- семиосоциопсихологическая экспертиза;
- социально-психологическая экспертиза;
- социогуманитарная экспертиза;
- социологическая экспертиза;
- социопсихологическая экспертиза;

¹ См. например: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2008. – С. 243.

текстологическая экспертиза ;
филологическая экспертиза;
филолого-психолингвистическая экспертиза;
философская экспертиза;
экспертиза информационно-психологического воздействия;
этико-лингвистическая экспертиза;
этнологическая экспертиза.

Думается, это далеко не полный перечень, и на практике экспертиза по делам об экстремизме назначается и под другими названиями. Отсутствие даже единого наименования не позволяет говорить о существовании единого подхода к назначению экспертиз по делам об экстремизме и формулирования задания эксперту.

М.В. Песчаный предлагает следующие вопросы, которые необходимо ставить на разрешение специалиста-психолога:

- Содержат ли использованные в данном материале словесные (изобразительные) средства унижительные характеристики, отрицательные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной социальной групп (каких именно) или отдельных ее представителей;
- Содержится ли в данном материале информация, обосновывающая необходимость применения насилия в отношении представителей каких-либо этнических, расовых или религиозных групп (каких именно) или отдельных ее представителей;
- Использованы ли в данном материале специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против каких-либо этнических, расовых или религиозных групп (каких именно) или отдельных ее представителей².

Нам представляется, что все эти вопросы, за исключением анализа изобразительных средств, входят в компетенцию эксперта-лингвиста.

Иной перечень вопросов предлагается разработчиками концепции социогуманитарной экспертизы:

- Что понимается с точки зрения науки под действиями, направленными на возбуждение национальной, расовой или религиозной розни?
- Что является действиями, по мнению науки, направленными на унижение национальной чести и достоинства?
- Что является с научной точки зрения действиями, направленными на пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности?
- Использованы ли в данных материалах специальные языковые средства для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против какой-либо нации, расы, или отдельных ее представителей?
- Какие действия с научной точки зрения унижают национальную честь и достоинство?
- Каким образом содержание статьи и карикатура влияют на психику людей, какие вызывают ассоциации, вызывают ли чувства национальной вражды и ненависти, унижения национального достоинства?³

Справедливая критика вопросов, которые Н.М. Гиренко рекомендует ставить на разрешение социогуманитарной экспертизы, приводится в работе А.Р. Ратинова, М.В. Кроза, Н.А. Ратиновой⁴. Не согласны мы только с одним из приводимых ими тези-

² Песчаный М.В. Некоторые особенности формирования вопросов при назначении экспертиз экстремистской направленности // Закон и право 2009. № 5. – С.61.

³ Гиренко Н.М. Социогуманитарная экспертиза как источник доказательной информации // Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е.Б. Серова; Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб, 2002. – С. 87-88.

⁴ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. проф. А.Р. Ратинова. – М.: Юрлитинформ, 2005. С. 220-222.

сов: «Не вызывает никаких возражений лишь вопрос «Какие действия с научной точки зрения унижают национальную честь и достоинство?», взятый автором (Н.М. Гиренко) из Методических рекомендаций Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды»⁵. Мы же находим указанный вопрос некорректным, поскольку заранее невозможно установить какие действия являются унижающими, и какая наука призвана ответить на этот вопрос. Кроме того вопрос некорректен и по причине того, что достоинство, по нашему мнению, можно умалить, но не унижить, поскольку нельзя унижить человека в его собственных глазах⁶. Причина данной терминологической неточности, как нам кажется, заключается в том, что в законе (ст. 282 УК РФ) используется формулировка «унижение достоинства». В связи с этим представляется необходимым уточнение диспозиции статьи.

Наиболее существенным недостатком предлагаемого Н.М. Гиренко перечня вопросов, на наш взгляд, является то, что большинство вопросов носят общий характер безотносительно к объекту исследования, а, следовательно, разъяснение понятий может быть во вводной части заключения при разъяснении терминов и понятий, используемых в исследовательской части. Вопрос: «Каким образом содержание статьи и карикатура влияют на психику людей, какие вызывают ассоциации, вызывают ли чувства национальной вражды и ненависти, унижения национального достоинства?» ограничивает круг объектов социогуманитарной экспертизы до статьи и карикатуры, что уже не позволяет говорить о типовом характере указанного вопроса, поскольку круг объектов социогуманитарной экспертизы значительно шире.

М.А. Осадчий рекомендует ставить на разрешение эксперта-лингвиста следующие вопросы⁷:

- Является ли представленный на исследование материал текстом, целостным по содержанию и смыслу, направленности воздействия на читателя?
- Реализуется ли в данном тексте осознаваемое коммуникативное намерение автора? Если да, то какое именно намерение?
- Содержит ли текст призывы к действиям, направленным на ... (перечисляются деяния, подпадающие под определение экстремистской деятельности)?
- Направлен ли текст статьи на возбуждение ненависти либо вражды к отдельному лицу или группе лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?
- Содержит ли текст пропаганду превосходства либо неполноценности граждан, а также на оскорбление человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе? и др.

На наш взгляд, некоторые формулировки, используемые М.А. Осадчим неудачны. Например, нам кажется, что неправомерно ставить на разрешение эксперта-лингвиста вопрос о том, осознавал ли автор текста свое коммуникативное намерение, ведь этот вопрос, по сути, направлен на установление субъективной стороны состава преступления. На установление объективной стороны направлен вопрос о наличии в тексте призывов к деяниям, подпадающим под определение экстремистской деятельности.

Неоднозначна позиция М.А. Осадчего, касающаяся, отнесения части вопросов к компетенции комиссии лингвиста и политолога (или социолога)⁸, поскольку, например, по сути два одинаковых вопроса («Содержит ли текст призывы к действиям, направленным на ... (перечисляются деяния, подпадающие под определение экстремистской деятельности)?» и «Содержатся ли в тексте, представленном на исследование, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности или совершению указанных

⁵ Там же. – С. 221.

⁶ Подробнее см. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медиа, 2004. – С. 12-13.

⁷ Осадчий М. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – С. 138-139.

⁸ Осадчий М. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – С. 138-139.

действий?») он с одной стороны относит к компетенции лингвиста, а с другой стороны к компетенции комиссии лингвиста и политолога (или социолога). По этой причине мы считаем, что вопросы, рекомендованные М.А. Осадчим, нуждаются в дополнительной проработке.

Некорректными нам кажутся и вопросы, сформулированные В.А. Бурковской:

- Выражают ли использованные в данном материале грамматические средства призывы к осуществлению экстремистской деятельности?

- Какие именно грамматические средства были использованы для выражения призывов к осуществлению экстремистской деятельности?⁹,

Формулировки вопросов бывают некорректными не только с юридической, но и с лингвистической точки зрения, например, такие: «Могли ли призывы, содержащиеся в выступлениях митингующих, стать причиной общественных беспорядков или противоправных действий?», «Можно ли определить намерения журналиста, писавшего статью?»¹⁰.

При формулировании вопросов органу/лицу, назначающему экспертизу, необходимо руководствоваться следующими правилами: во-первых, вопрос должен быть поставлен таким образом, чтобы его формулировка не допускала двойного толкования; во-вторых, вопрос не должен выходить за пределы специальных знаний эксперта. Кроме того, при постановке вопросов необходимо руководствоваться правилом достаточности: не стоит механически переносить все вопросы, имеющиеся в методической литературе в постановление/определение, но, с другой стороны, не стоит ограничиваться одним вопросом, поскольку по указанной категории дел его, как правило, оказывается недостаточно.

При назначении судебной экспертизы и формулировании вопросов важно четко разграничить полномочия эксперта, дающего заключение на основе специальных знаний, и субъекта, квалифицирующего речевой акт как правонарушение с учетом его объективной и субъективной стороны¹¹.

Не допускается постановка перед экспертом правовых вопросов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28 указано, что постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда, как не входящих в его компетенцию, не допускается.

К правовым относятся вопросы: «Содержатся ли в тексте статьи «...» экстремистские высказывания?»; «Могут ли быть высказывания «...» квалифицированы как экстремистские?»; «Имеются ли в тексте высказывания, содержащие признаки экстремизма, предусмотренные ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремизму»?» и др.». Такие вопросы некорректны, поскольку, отвечая на них, эксперт выходит за пределы своей компетенции, устанавливая признак состава преступления.

Эксперт проводит исследование и дает заключение лишь по вопросам, входящим в его компетенцию. К компетенции эксперта-лингвиста относится выявление в тексте высказываний, в которых экстремизм или его разновидности упоминаются как явление, а также выделение среди них оценочных высказываний ксенофобной направленности, толкование и интерпретация их семантики¹².

Помимо недопустимости постановки правовых вопросов, не следует ставить на разрешение эксперта вопросы, относящиеся к наивному лингвистическому сознанию носи-

⁹ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. – С. 160.

¹⁰ Галяшина Е.И. Лингвистическая экспертиза: дискуссионные аспекты и практика производства // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики. Материалы международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М.: Академия управления МВД РФ, 2002. – С. 418.

¹¹ Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы // Эксперт-криминалист. 2009. № 2. – С. 15.

¹² Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие под ред. д.ю.н., проф. Россинской Е.Р., М.: 2006. (автор главы – Галяшина Е.И.) – С. 160.

теля русского языка и обыденному житейскому знанию. Анализ практики назначения и производства судебных экспертиз показывает, что иногда по делам, связанным со словесным экстремизмом на разрешение эксперта вопросы ставятся относительно объектов, диагностика признаков экстремизма в которых не требует специальных знаний (например: «Бей хача!, «Убивай хача, мочи хача!»¹³; «Заповеди Чести», опубликованные на сайте движения «Сталь», которые текстуально почти полностью совпадают с «Десятью заповедями национал-социализма» Йозефа Геббельса¹⁴ и др.).

По мнению В.А. Салимовского и Е.Н. Мехониной целесообразно задавать лингвисту конкретные вопросы о языковых фактах, например: каково значение слово «хач», «чурбан», «черный» в составе высказываний «Убивай хача, мочи хача!», «Бей хача!», «Бей чурбанов!», «Бей черных!», «Бей черных, бей хачей!»? Являются ли эти слова стилистически нейтральными или экспрессивно окрашенными? Если они имеют экспрессивную окраску, то какую? Каково смысловое содержание высказывания: «Россия для русских?»¹⁵. Как полагают авторы, отвечая на эти вопросы, лингвист должен был бы отметить, что существительные «хач», «чурбан», субстантивированное прилагательное «черный» являются номинациями людей, представляющих народы Кавказа и Средней Азии (также некоторых других регионов) и что данные слова имеют пренебрежительную и уничижительную стилистическую окраску¹⁶.

На наш взгляд, назначение экспертизы в таких случаях излишне, поскольку данные слова и высказывания понятны обычному носителю языка, тем более, если учесть контекст их употребления – избивание человека.

Вопросы, ставящиеся на разрешение эксперта, должны отвечать ряду требований:

1) относиться к компетенции эксперта;

2) не допускать двойного толкования;

3) быть достаточными. Не имеет смысла механически переносить все вопросы, имеющиеся в методической литературе в постановление/определение о назначении судебной экспертизы, но и не стоит ограничиваться одним вопросом, поскольку по делам, связанным со словесным экстремизмом, одного вопроса, как правило, оказывается недостаточно.

В случае назначения многообъектных экспертиз следует привлекать специалиста на этапе формулирования задания эксперту.

Предваряя типовой перечень вопросов, рассмотрим несколько основных понятий.

В статье 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года 114-ФЗ содержится определение понятий «экстремизм» и «экстремистские материалы».

Под *экстремистской деятельностью (экстремизмом)* понимается:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

¹³ Фразы нападавших при избивании двух подростков.

¹⁴ Верховский А., Кожевникова Г. Призрак Манежной площади: Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году // <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/03/d21140/> (дата обращения – 26.05.2012г.).

¹⁵ Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. – С. 49.

¹⁶ Там же.

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Экстремистскими материалами являются предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Признание материала экстремистским находится за пределами компетенции эксперта, и относится к прерогативе суда. Отсюда следует, что все вопросы, относящиеся к трактовке материала в качестве экстремистского выходят за пределы компетенции эксперта.

Вопросы представляется целесообразнее формулировать применительно к каждой из статей, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности.

Статья 280 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности. Выше было приведено понятие «экстремистской деятельности». Вместе с тем, вряд ли можно говорить о призывах к

- публичному оправданию терроризма;
- возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- пропаганде и публичному демонстрированию нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- публичным призывам к осуществлению указанных деяний либо массовому распространению заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовлению или хранению в целях массового распространения;
- публичным заведомо ложным обвинениям лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации или государственные должности субъекта Российской Федерации, в совершении ими в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в ст.1 ФЗ № 114 и являющихся преступлением.

Призывы могут быть к совершению следующих деяний, признаваемых экстремистскими:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 28 июня 2011г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано, что под публичными призывами понимаются выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

В теории речевых актов подробно разработаны критерии отнесения высказываний к призывам. «Призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации»¹⁷.

Исходя из изложенного, можно предложить следующие формулировки вопросов экспертам:

1. Имеются ли в представленном на исследование тексте высказывания, содержащие призывы? Если да, то к чему они побуждают адресата?
2. Содержатся ли в представленном на исследование тексте побуждения к совершению действий из числа перечисленных в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» № 114 от 25 июля 2002г.?
3. Содержатся ли в представленном на исследование тексте высказывания, обосновывающие/оправдывающие совершение каких-либо действий? Если да, то каких?
4. Содержатся ли в представленном тексте высказывания с призывами к ограничению чьих-либо прав, свобод или интересов? Если да, то по какому основанию вводятся ограничения?
5. Имеются ли в представленном тексте высказывания с призывами дать привилегии, преимущества каким-либо лицам или группам лиц? Если да, то по какому признаку объединены данные лица/группы лиц?

Статьей 282 УК РФ предусматривается ответственность за действия, направленные на:

- возбуждение ненависти;

¹⁷ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007. – С. 420.

- возбуждение вражды;
- унижение достоинства человека;
- унижение достоинства группы лиц.

Действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц подразделяются на:

- действия, направленные на унижение достоинства по признакам пола;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам расы;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам национальности;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам языка;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам происхождения;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам отношения к религии;
- действия, направленные на унижение достоинства по признакам принадлежности к какой-либо иной социальной группе.

В соответствии с определением Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, понимаются, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц.

Спорным как в теории, так и в практике остается понятие «социальная группа». Предлагаются различные определения «социальной группы». Как правильно отмечает Т.Н. Секераж¹⁸, существует несколько подходов к трактовке указанного понятия. Один из них заключается в заимствовании определения данного понятия из общественных наук – социологии, политологии, социальной психологии. С точки зрения указанных наук социальная группа представляет собой относительно устойчивая совокупность людей, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающаяся в рамках исторически определенного общества¹⁹. Исходя из такого широкого понимания, к социальной группе можно отнести и чиновников, и преступные группировки, и даже националистов. В судебной практике уже имеются прецеденты признания националистов социальной группой²⁰. В законе же использован более узкий подход к определению социальной группы, в соответствии с которым представители власти не являются социальной группой.

При изложении перечня вопросов под социальной группой понимается объединение людей по признаку расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-либо иной социальной группе.

Приведем примерный перечень вопросов, которые могут ставиться на разрешение эксперта:

1. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие негативные оценки какой-либо социальной группы? Если да, то какой конкретно?
2. Имеются ли в представленном тексте высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо социальной группы? Если да, то какой конкретно?
3. Имеются ли высказывания, содержащие резкую негативную оценку или выражающие неприязненное, враждебное отношение к какой-либо социальной группе? Если да, то какой конкретно?

¹⁸ Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме // Психология и право: [электронный журнал]. 2011. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909_full.shtml (дата обращения – 13.05.2012 г.).

¹⁹ Словарь социолонгвистических терминов. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. 2006.

²⁰ См., например: «Осуждена группа молодых людей, которая напала на двух представителей движения «Русские националисты» // URL: <http://procspb.ru/news/spb/3460> (дата обращения – 13.05.2012 г.).

4. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан по признаку принадлежности их к какой-либо социальной группе?

5. Имеются ли в представленном тексте высказывания о природном превосходстве какой-либо социальной группы?

6. Имеются ли в представленном тексте высказывания о неполноценности какой-либо социальной группы? Если да, то по какому признаку?

7. Содержатся ли в представленном тексте высказывания о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю социальную группу?

8. Имеются ли в представленном тексте высказывания об изначальной враждебности какой-либо социальной группы по отношению к другой?

9. Имеются ли в представленном тексте высказывания об антагонизме, принципиальной несовместимости интересов двух или более социальных групп?

10. Имеются ли в представленном тексте высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой социальной группы?

11. Имеются ли в представленном тексте высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации, репрессий? Если да, то в отношении кого они направлены?

12. Имеются ли в представленных текстах высказывания, содержащие негативные уничижительные оценки личности как представителя какой-либо социальной группы? Если да, то какой конкретно?

Приведенный примерный перечень типовых вопросов представляется нам наиболее приемлемым с правовой и лингвистической точки зрения. Важно уделять внимание правильной формулировке вопросов эксперту, поскольку именно вопросы определяют объем и пределы экспертного задания, исходя из целей расследования.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика 6 учеб. Пособие / А.Н. Баранов. М.: Флинта, Наука, 2007. – 592 с.
2. Верховский А., Кожевникова Г. Призрак Манежной площади: Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году [Электронный ресурс] URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/03/d21140/> (дата обращения – 26.05.2012 г.).
3. Галяшина Е.И. Лингвистическая экспертиза: дискуссионные аспекты и практика производства // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики. Материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М.: Академия управления МВД РФ, 2002. С. 416-419.
4. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы // Эксперт-криминалист. 2009. № 2. С. 14-16.
5. Криминальный религиозный экстремизм в современной России / В.А. Бурковская. М.: Ин-т правовых и сравнительных исследований, 2005. 216 с.
6. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е.Б. Серова; Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2002. 92 с.
7. «Осуждена группа молодых людей, которая напала на двух представителей движения «Русские националисты» // URL: <http://procspsb.ru/news/spb/3460> (дата обращения – 13.05.2012 г.).
8. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика / Под ред.: А.Р. Ратинова. М.: Юрлитинформ, 2005. 256 с.
9. Песчаный М.В. Некоторые особенности формирования вопросов при назначении экспертиз экстремистской направленности // Закон и право. 2009. № 5. С. 59-62.
10. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медия, 2004. 328 с.
11. Правовой самоконтроль оратора / М.М. Осадчий: Альпина Бизнес Букс, 2007. 320 с.
12. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. М.: Норма, 2008. – 688 с.

13. Салимовский В. А. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе / В.А. Салимовский, Е.Н. Мехонина // Вестник Пермского университета, Сер.: Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 48-51.

14. Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме // Психология и право: [электронный журнал]. 2011. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909_full.shtml (дата обращения – 13.05.2012г.).

15. Словарь социолингвистических терминов / Под ред.: В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.

16. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие / Алисиевич В.И., Баринов Е.С., Бутырин А.Ю., Галяшина Е.И., и др.; Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Викор-Медиа, 2006. 431 с.

ON THE ISSUE OF TYPICAL QUESTION FORMULATION DEVELOPMENT TO THE EXTREMIST MATERIAL LINGUISTIC EXAMINATION

M. I. PODKATILINA¹⁾

E. I. GALYASHINA²⁾

Kutafin Moscow State Law Academy

¹⁾ e-mail: mariya13@bk.ru

²⁾ e-mail: galyashina@gmail.com

The article covers the problem of formulating questions to the expert. Existing typical questions which are putting to the extremist material linguistic examination are briefly considered. A new sample list of questions to the expert is proposed. The requirements to be met by the expert are identified.

Key words: Forensics, extremism, the formulation of expert assignments, a list of questions.

УДК 341.231.4

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НОВОМ УПК УКРАИНЫ

В.Г. УВАРОВ*Днепропетровский
государственный
университет внутренних дел**e-mail: vladmen5@yandex.ru*

В статье анализируются проблемы становления института негласных следственных (розыскных) действий, предусмотренного новым УПК Украины, раскрываются перспективы усовершенствования процессуальной формы их производства.

Ключевые слова: следственные действия, негласные следственные действия, международные стандарты.

Система следственных действий с принятием нового УПК Украины в 2012 получила новое дыхание, пополнившись новыми следственными действиями, которые до этого регламентировались в основном в качестве оперативно-розыскных мероприятий.

Актуальность проблемы состоит в том, что в смешивании уголовно-процессуальной деятельности и оперативно-розыскной работы существует определённая опасность, которая кроется, как в гарантиях прав и свобод человека, так и в обеспечении надлежащей оценки доказательств.

Анализ последних исследований показывает, что вопросы становления института негласных следственных действий пока что недостаточно изучаются, хотя исследования данных проблем становится все более активным¹.

Цель работы – определить пути реформирования института негласных следственных действий в контексте международно-правовых актов и практики Европейского Суда по правам человека.

В поисках путей создания наиболее оптимальные технологии раскрытия преступлений и борьбы с преступностью ученые уделять достаточное внимание опыту зарубежных стран и разработки новых технологий.

В этом аспекте мы должны обратить внимание на некоторые положительные моменты правовых форм, предусмотренных УПК ФРГ. Так, согласно § 100i. [Меры, касающиеся мобильных телефонов] Уголовно-процессуального кодексу Германии с помощью технических средств может устанавливаться телефонный номер устройства и карты, а также для задержания или ареста преступника на основании ордера на арест – местоположение мобильного устройства.

Эти новые средства получения доказательственной информации теперь внедряются в уголовно-процессуальное законодательство Украины.

В соответствии со ст. 268 УПК Украины, установление местонахождения радиоэлектронных средств, включая мобильных терминалов и других устройств, активированных в сетях операторов мобильной связи, без раскрытия содержания сообщений, является негласным следственным действием, которое осуществляется на основании решения следственного судьи. В неотложных случаях данное следственное действие может производиться и на основании постановления прокурора или следователя.

Легитимация этого мероприятия, безусловно, является позитивным шагом законодателя. Но, на наш взгляд, эти действия являются скорее оперативно-поисковыми, а не уголовно-процессуальными средствами. Они включают в себя оперативный поиск по большей части, не доказательственной, а ориентирующей, розыскной информации, информации, которая, как правило, перманентно изменяется, трудна для фиксации и использования в будущем судебном процессе, но крайне необходима для задержания подозреваемого с поличным, предотвращения новых преступлений, обеспечения безопас-

¹ Шумило М. Оперативно-розшукові заходи у структурі досудового розслідування в проєкті КПК України (проблеми унормування і правозастосування) / М. Шумило // Право України. – 2012. – № 3-4. – С. 452-462., Сімонович Д. В. Європейські стандарти забезпечення прав людини у досудових стадіях кримінального процесу України: монографія / Д. В. Сімонович. – Харків: НикаНова, 2011. – 272 с.; Тертишник В. Гострі кути реформування кримінального процесу: сім раз... не для нас / В. Тертишник // Право і суспільство. – 2012. – №1. – С. 259-262.

ности сотрудников правоохранительных органов. А поэтому соответствующие действия могут и должны найти регламентацию в законодательстве Украины об оперативно-розыскной деятельности. В данном законодательстве следует регламентировать и инициативную деятельность спецслужб по выявлению и пресечению латентных преступлений. Такая деятельность с принятием нового КПК Украины практически оказалась поза правовым полем. Все действия спецслужб в соответствии с новым УПК Украины могут производиться лишь по поручению следователя, который сам может получить основание для своей деятельности лишь после регистрации сообщения о преступлении.

С принятием нового УПК Украины возникла довольно проблемная ситуация с определением пределов вмешательства правоохранительных органов частную жизнь. Пикантность ситуации состоит не столько в наличии конкуренции нового УПК Украины и законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Новый УПК Украины, в противоречие ст. 22 Конституции Украины, сужая существующие гарантии прав и свобод человека, предоставляет правоохранительным органам в стадии досудебного расследования практически неограниченные возможности для полного контроля личной (частной) жизни человека, без создания достаточных гарантий защиты его прав и свобод.

Например, обыску может предшествовать такое оперативное мероприятие как «негласное проникновение в помещения». Мы полагали, что применение этих мер осуществляется исключительно с целью получения негласной (разведывательной или контрразведывательной) информации для обеспечения государственной безопасности или предотвращения терроризма.

Является ли безопасным предоставление одному и тому же органу право выполнять как действия по негласному проникновению в жилище или иное владение человека, так и пользоваться компетенцией производить обыск в жилых помещениях такого лица. Здесь есть не только конкуренция оперативных и следственных мероприятий. Закон не предусмотрел надлежащих механизмов против возможных злоупотреблений и провокаций.

По нашему мнению, негласное проникновения в жилище или иное владение лица, должны рассматриваться как абсолютно негласные оперативно-розыскные действия, факт и его результаты которых, не подлежат раскрытию и использованию в публичных процессах судопроизводства.

Несмотря на законодательное дозволения таких мероприятий, как отмечает В. М. Тертишник, «негласное проникновение оперативных работников в жилище человека может иметь только характер разведывательного или контрразведывательного оперативного мероприятия и не может быть средством получения доказательств»².

Тем временем законодатели пошли другим путем. Статья 267 нового УПК Украины под названием «Обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица» указанные негласные (разведывательные или контрразведывательные) мероприятия фактически преобразовала в новое следственное действие, приспособленное для собирания доказательств следователем при расследовании уголовных деяний в гласном уголовном процессе. В этой статье излагается следующее: «Следователь имеет право обследовать публично недоступные места, жилища или иное владение лица путем тайного проникновения в них, в том числе с использованием технических средств, с целью: 1) выявления и фиксации следов тяжкого или особо тяжкого преступления, предметов и документов, которые имеют значение для досудебного расследования; 2) изготовления копий или образцов этих вещей и документов; 3) выявления и изъятия образцов для исследования в ходе досудебного расследования тяжких или особенно тяжкого преступления; 4) выявить лиц, которые разыскиваются; 5) установления технических средств аудио-, видео наблюдения.

По нашему мнению, имплементация такого оперативного мероприятия в уголовный процесс не отвечает конституционным принципам правосудия, требованиям европейских стандартов и принципу верховенства права.

В деле «Фуке против Франции» (10828/87, решение от 25 февраля 1993 г.) ЕСПЧ подчеркивает необходимость того, чтобы вмешательство в права человека можно было

² Тертишник В. М. Верховенство права та забезпечення встановлення істини в кримінальному процесі України : монографія / В. М. Тертишник. – Дніпропетровськ : Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ; Ліра ЛТД, 2009. – С. 76.

бы признать пропорциональным поставленной в законе цели», а «закон и практика обеспечивали бы достаточные и эффективные *гарантии против злоупотреблений*».

В деле «Быков против России (4422/02, решение от 10 марта 2009 г.) ЕСПЧ напомнил о том, что наличие справедливых процедур для рассмотрения вопроса о приемлемости доказательств, становится еще более важной, когда предметом спора является достоверность доказательств».

Несмотря на то, что указанные действия проводятся только на основании решения следственного судьи гарантий достоверности получаемых при этом доказательств явно недостаточно.

Полагаем, что статью 267 нового УПК Украины, «Обследования публично недоступных мест, жилища или иного владения лица» следует полностью исключить из Уголовно-процессуального кодекса Украины, как норму, которая не соответствует требованиям прогнозируемости и надлежащего «качества закона» не создает надлежащие механизмы сдержек и противовесов против возможных ошибок, злоупотребления и произвола.

В ст. 225 нового УПК Украины предусмотрены также такие новые процессуальные формы, которые претендуют на статус следственных действий: 1) контролируемые поставки; 2) контролируемая и оперативная закупка; 3) специальный следственный эксперимент; 4) имитация обстановки преступления.

Однако в законе фактически отсутствует регулирование данных действий. Как отмечает М. Э. Шумило, «без четко определенных механизмов цель теряет свою реальность»³.

Из указанных выше средств, в качестве следственных действий можно рассматривать только контролируемые поставки и закупки товаров, да и то лишь при условии определения в законе процессуальной формы их производства, обеспечивающей надлежащую защиту прав человека, а тем самым допустимость и достоверность доказательственной информации.

Что касается таких мер, как **использование конфиденциального сотрудничества**», который назван в новом УПК Украины (ст. 275) среди других видов негласных следственных (розыскных) действий то «законодатель, по-видимому, не определил разницы между публичной следственной деятельностью и конфиденциальной работой спецслужб.

Для того, чтобы определенное мероприятие могло стать следственным действием, оно должно иметь свой объект и предмет исследования, единые в пространстве и времени методы исследования, получить регламентацию процедуры производства в такой степени качества, которая позволяла бы считать такие действия прозрачными, предсказуемыми, фиксируемыми процессуальными средствами доступными для контроля, достаточными для обеспечения прав и законных интересов участника процесса.

Европейский суд по правам человека по делу «Круслен против Франции» подчеркивает, что опасность тирании является особенно очевидной, когда власти тайно выполняют свои функции. В деле «Фуке против Франции» (10828/87, решение от 25 февраля 1993 г.) ЕСПЧ подчеркивает необходимость обеспечения того, чтобы законодательство и практика предоставления достаточных и эффективных гарантий против злоупотреблений.

«Конфиденциальное сотрудничество» не является гласной и прозрачной формой получения информации, а его результаты не могут быть реализованы как надежные фактические данные (доказательства), так как результаты использования таких форм не могут быть как для обычного человека так часто и для самих следователей и судей, предсказуемыми и доступными для надлежащей проверки.

Включение в систему следственных действий имеют смысл только тех познавательных мер, процедура, которых может быть настолько прозрачной, чтобы быть регламентированной в законе, предсказуемой и контролируется обществом настолько, чтобы иметь возможность сделать вывод о приемлемости и достоверности полученных при их производстве доказательств.

Процессуальная форма, со всеми её предписаниями – это не пустая формальность, а существенное средство ограничения власти правом, средство противодействия произволу и непорядочности чиновников, средство противодействия фальсификациям и

³ Шумило М. Оперативно-розыскні заходи у структурі досудового розслідування в проєкті КПК України (проблеми унормування і правозастосування) / М. Шумило // Право України. – 2012. – № 3-4. – С. 456.

обеспечения верховенства права, защиты прав и свобод человека от неоправданных ограничений, средство укрепления гарантий истины и справедливости правосудия. Если их не достаточно – есть опасность ошибок и злоупотреблений, если они в излишке – есть опасность судебной волокиты, при которой могут оказаться позабытыми и недостижимыми сами цели правосудия. Лучшим вариантом является их разумная достаточность⁴.

Самодостаточности процедурных сдержек и противовесов, явно недостаточно институту негласных следственных (розыскных) действия, предусматриваемых новым УПК Украины, который подлежит совершенствованию с учетом принципа верховенства права и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы состоят в разработке предложений по улучшению системы и процессуальной формы следственных действий.

Список литературы

1. Маляренко В.Т. Реформування кримінального процесу України в контексті європейських стандартів: теорія, історія і практика: Монографія. – Київ: «Ін Юре», 2004. – 544 с.
2. Садова Т.В. Обмеження прав і свобод у кримінальному судочинстві України та держав англо-саксонської правової системи в контексті міжнародних стандартів: монографія. – Івано-Франківськ, Надвірна: ЗАТ «Надвірнянська друкарня», 2011. – 177 с.
3. Сачко О.В. Безпосереднє виявлення та дослідча перевірка фактів незаконного обігу наркотичних засобів. Автореферат дис. канд. юрид. наук. Спец. 12.00.09. – Дніпропетровськ, 2012. – 20 с.
4. Сімонович Д. В. Європейські стандарти забезпечення прав людини у досудових стадіях кримінального процесу України: монографія. – Харків: НикаНова, 2011. – 272 с.
5. Тертишник В. Гострі кути реформування кримінального процесу: сім раз... не для нас // Право і суспільство. – 2012. – №1. – С. 259-262.
6. Тертишник В.М. Верховенство права та забезпечення встановлення істини в кримінальному процесі України: монографія. – Дніпропетровськ: Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ; Ліра ЛТД, 2009. – 404 с.
7. Уваров В.Г. Застосування практики Європейського Суду з прав людини та норм міжнародно-правових актів в удосконаленні кримінального судочинства України: монографія. – Дніпропетровськ. – 2012. – 268 с.
8. Шумило М. Оперативно-розшукові заходи у структурі досудового розслідування в проекті КПК України (проблеми унормування і правозастосування) // Право України. – 2012. – № 3-4. – С. 452-462.

PRIVATE INVESTIGATORY (SEARCH) ACTIONS IN NEW KPK UKRAINE

V.G. UVAROV

*Dnipropetrovsk State University
of Internal Affairs*

e-mail: vladmen5@yandex.ru

The present article is devoted to the problem of self-control of a judge in criminal trial. The author considers procedural and ethical aspects of judge's self-control. A special attention is given to the interaction of judge and other participants of criminal trial. The author proposes some changes in legislation aimed at improving the efficiency of judge's self-control.

Key words: self-control of a judge, internal conviction, recusation, abuse of rights.

⁴ Тертишник В. М. Верховенство права та забезпечення встановлення істини в кримінальному процесі України : монографія / В. М. Тертишник. – Дніпропетровськ : Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ; Ліра ЛТД, 2009. – С. 24.

УДК 343.1

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПОНЯТИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

С.Ф.ШУМИЛИН*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: sergejshumilin@yandex.ru*

В статье рассмотрены проблемы формулирования вопросов эксперту. Кратко обозначены существующие типовые перечни вопросов, ставящихся на разрешение судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов. Предложен новый типовой перечень вопросов эксперту-лингвисту. Обозначены требования, которым должны отвечать вопросы эксперту.

Ключевые слова: судебная экспертиза, экстремизм, формулирование задания эксперту, перечень вопросов.

Проводимые в философии, психологии, юриспруденции и других отраслях науки исследования человеческой деятельности базируются на положении, согласно которому любая сознательная деятельность человека всегда направлена на достижение определенной цели¹.

В свою очередь, цель как один из элементов сознательной деятельности человека предвосхищает в мышлении результат деятельности², выступает как способ интеграции различных действий человека в некоторую последовательность или систему, является одной из форм детерминации человеческой деятельности³.

Особо следует отметить способность цели выполнять функцию детерминанты⁴ средств, необходимых и достаточных для её достижения. В работе «Наука логики», написанной в 1812-1816 гг., Гегель писал: «...мы ставим себе в жизни цель. При этом размышляем о том, какими средствами мы можем их достичь. Цель есть здесь всеобщее, руководящее, и мы обладаем средствами и орудиями, деятельность которых мы определяем соответственно этим целям»⁵.

Приведенное выше суждение нашло своё дальнейшее развитие в современной философии.

В частности, как утверждает Т.А. Казакевич, «определенная цель требует и определенных соответствующих средств, средства – инструмент осуществления цели, и в этом плане средство выступает как подчиненное, цель как бы господствует над ним»⁶.

Во взаимодействии средств и целей, по утверждению Б.А. Вороновича, «цель выступает как исходный момент взаимодействия, в соответствии с ней определяется и избирается средство»⁷.

¹ Философская энциклопедия в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т.5. – С.459; Зеленевский Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. М., 1971. – С.96; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. – С.14; Крутецкий В.А. Психология. М., 1986. – С.56; Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. – С.102; Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. – С.294.

² Чунаева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л., 1979. – С.9; Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. М., 1989. – С.751; Психология: учебник для студентов высш. учеб. заведений / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М., 2006. – С.209; Психологический словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. М., 2007. – С.739.

³ Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. М., 1989. – С.751.

⁴ Детерминант (от лат. determinants – определяющий), то же, что *определитель* // Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). М., 1981. – С.384.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. М., 1974. Т.1. – С.116.

⁶ Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969. – С.45-48.

⁷ Воронович Б.А. Философский анализ структуры практики. М., 1972. – С.117.

Уголовно-процессуальная деятельность следователя в этом отношении не является исключением, и если экстраполировать вышеназванные свойства цели на уголовно-процессуальную деятельность следователя, то можно сформулировать, как минимум, две научные гипотезы:

1) цели уголовно-процессуальной деятельности следователя являются критериями для определения необходимых для их достижения средств, и прежде всего системы полномочий следователя;

2) цели уголовно-процессуальной деятельности следователя представляют собой единственный критерий, на основании которого можно судить о способности закреплённых в уголовно-процессуальном законодательстве средств обеспечивать их достижение.

Вместе с тем следует признать, что использование целей уголовно-процессуальной деятельности следователя как инструмента научного исследования проблематично из-за отсутствия их легального определения в российском уголовно-процессуальном законодательстве. При отсутствии легального определения того или иного понятия в научном исследовании обычно используется его теоретическая модель. Однако в данной ситуации таким приемом невозможно воспользоваться, поскольку в отечественной теории уголовного процесса до настоящего времени нет общепризнанного понятия цели вообще и цели уголовно-процессуальной деятельности следователя в частности. Более того, в процессуальной литературе почти не встречается термин «цель уголовно-процессуальной деятельности следователя», но широко используются такие понятия, как «цели стадии возбуждения уголовного дела», «цели предварительного следствия» и «цели предварительного расследования».

В настоящее время вряд ли можно точно установить, когда именно указанные выше понятия были введены в научный оборот. Во всяком случае, понятие «цели предварительного следствия», насколько нам известно, появилось в работах, изданных ещё в первой половине XIX века.

В частности, Я.И. Баршев в связи с исследованием общих понятий уголовного судопроизводства по Своду Законов Российской империи 1832 года сформулировал тезис, согласно которому «*предварительным следствием* (inquisitio generalis) называется объем всех тех действий относительно исследования уголовных дел, которые предпринимаются для уяснения поводов к уголовному суду, для приведения в возможную известность состава преступления и для раскрытия тех причин, которые на какое-либо лицо указывают, как на вероятного виновника преступления; кратко, для собрания всех материалов, которые приуготовляют будущее формальное следствие и служат к тому, чтоб иметь возможность судить о том, должно ли и можно ли известное лицо, по причине известного деяния, поставить в состояние обвинения». По поводу цели предварительного следствия Я.И. Баршев писал: «Цель предварительного следствия определяет предмет его. *Предмет* его составляет: «1) приведение в известность или возможно большую вероятность действительности того обстоятельства, на котором основывается деяние, кажущееся преступлением; 2) раскрытие его вероятно преступного свойства; 3) собрание улики, изобличающих в известном лице виновника его; 4) собрание всех доказательств дела, которые или сами собой представляются на вид, или суть такого свойства, что впоследствии нельзя уже будет получить их, а должно отыскивать их и собирать по горячим следам»⁸.

В.А. Линовский в работе, посвященной исследованию «следственного уголовного судопроизводства» по Своду Законов Российской империи 1842 г., писал: «Следствие есть изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление и собрание доказательств к открытию и обличению виновного. Это определение совершенно согласно с определением, сделанным в Кратком изображении процессов, в котором сказано следующее: процесс есть дело судимое, чрез который случающиеся тяжёлые дела основательным представлением, и из обстоятельства дел обретенные доказов, явные сочиняются, и потом от судей по избранию оных причин решение чинится. Из самого этого определения видно, что *цель уголовного следствия* (выделено мною – С.Ш.) состоит в том, чтобы посредством его привести в возможно полную известность всех обстоятельств, которые обуславливают приложение уголовного закона к известному случаю и

⁸ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. – С.107 – 111.

на основании которых можно сделать решительный приговор, т.е. обвинительный, или освобождающий совершенно, или только в известном отношении»⁹.

Во время действия Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года авторы также оперировали понятием «цели предварительного следствия», считая таковыми: открытие истины, разъяснение преступления и вины преступника¹⁰; воссоздание материальной оболочки преступления и раскрытие внутренней правды события¹¹; соби́рание фактических данных для разрешения вопроса о предании суду заподозренного, а также сохранение до суда все те доказательства, которые необходимы для всестороннего обсуждения дела¹²; и т.п.

Изучение работ, в которых были высказаны приведенные выше суждения, свидетельствует о том, что ещё в XIX веке отечественной юридической науке сформировался подход к решению вопроса о целях предварительного следствия путем их перечисления без определения понятия цели.

Аналогичным образом решается вопрос о целях стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в современной теории уголовного процесса, при этом наряду с понятием целей в научном обороте находятся такие понятия как «задачи стадии возбуждения уголовного дела», «задачи расследования» и «задачи предварительного следствия», которые либо применяются как тождественные понятиям «цели стадии возбуждения уголовного дела» «цели предварительного следствия» и «цели предварительного расследования»¹³, либо между ними проводится разграничение по самым различным основаниям¹⁴.

В конечном итоге, авторы конструируют системы целей (задач), существенно различающиеся по содержанию.

Так, например, целями (задачами) стадии возбуждения уголовного дела считаются: установление процессуальных условий, необходимых для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела, т.е. установление законности повода и достаточности основания для возбуждения уголовного дела или установление процессуальных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела¹⁵; обнаружение признаков совершенного или подготавливаемого преступления; определение правовых оснований для принятия решений и их юридических последствий; предотвращение форм досудебного производства (дознания и предварительного следствия), когда в них нет необходимости¹⁶; установление наличия или отсутствия законного повода и основания к возбуждению уголовного дела; закрепление следов преступления; предотвращение готовящегося, пресечение начатого, но еще не оконченного преступления¹⁷; установление достоверно или с высокой степенью вероятности наличия в событии признаков преступления и оснований, препятствующих возбуждению уголовных дел¹⁸; и т.д.

⁹ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. – С.73-74.

¹⁰ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. О предварительном следствии. СПб., 1869. Ч.3. – С.3-4; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Издание третье, пересмотренное и дополненное. СПб., 1910. Т.2. – С.371.

¹¹ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. – С.103.

¹² Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб., 1913. – С.515-516.

¹³ Вандышев В.В. Уголовный процесс: Курс лекций. СПб., 2004. – С. 27; Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. М., 2005. – С.22-24; Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М., 2009. – С.32.

¹⁴ Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. – С. 1; Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. СПб., 2004. – С.344; Уголовный процесс России: Особенная часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.; под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2005. – С.55.

¹⁵ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. П.А. Лупинской. М., 2003. – С.350.

¹⁶ Вандышев В.В. Уголовный процесс: Курс лекций. СПб., 2004. – С.306.

¹⁷ Безлепки́н Б.Т. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. М., 2004. – С.197.

¹⁸ Уголовный процесс России: Особенная часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.; под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2005. – С.7.

Если сопоставить приведенные выше системы целей (задач) стадии возбуждения уголовного дела, то оказывается, что между ними больше различий, чем совпадений. В равной мере это относится и к системам целей (задач) предварительного следствия (расследования). Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить системы, в которые включены следующие цели (задачи) предварительного расследования:

– собрание доказательств виновности или невиновности конкретных лиц; быстрое и полное раскрытие преступления; установление лиц, совершивших преступление, и привлечение этих лиц в качестве обвиняемых; подготовка материалов предварительного расследования для рассмотрения в судебном разбирательстве и т.д.¹⁹;

– быстрое и полное раскрытие преступлений; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела в целях изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона; обнаружение и процессуальное закрепление доказательств для последующего их использования; обеспечение законности и обоснованности вовлечения физических и юридических лиц в сферу уголовного судопроизводства; ограждение от необоснованного обвинения и реабилитации каждого невинного; выявление причин и условий, способствующих совершению преступления, и принятие мер по их устранению; установление наличия или отсутствия вреда, причиненного преступлением, определение его характера и размера, а также создание необходимых условий для его реального возмещения; подготовка материалов к судебному разбирательству²⁰;

– быстрое и полное раскрытие преступлений; установление объективной истины по уголовному делу; изобличение виновных; привлечение виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности в качестве обвиняемых; ограждение невинного от привлечения к уголовной ответственности и обеспечение возмещения им ущерба, причиненного неосновательным привлечением; обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением; выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений; создание необходимых для правильного и законного разрешения уголовного дела судом; обеспечение исполнения приговора; воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и законов, уважения правил общежития; охрана прав и свобод граждан и интересов общества; содействие укреплению законности и правопорядка²¹.

В общей сложности в приведенных системах насчитывается свыше двадцати задач, однако безусловной точкой их пересечения является лишь одна из них: быстрое и полное раскрытие преступления (преступлений). Другие названные авторами задачи либо не имеют полного тождества (например, «установление лиц, совершивших преступление, и привлечение этих лиц в качестве обвиняемых» и «привлечение виновных к уголовной ответственности в качестве обвиняемых» и др.), либо являются элементами какой-либо одной системы задач предварительного расследования (например, установление объективной истины по уголовному делу; изобличение виновных; обеспечение исполнения приговора; и др.).

Таким образом, находит свое подтверждение сформулированный выше тезис об отсутствии в теории уголовного процесса устоявшегося понятия целей стадии возбуждения уголовного дела и предварительного следствия (расследования), а значит и целей уголовно-процессуальной деятельности следователя. Это обстоятельство обуславливает необходимость в изложении авторской позиции по данному вопросу, а для этого необходимо прежде всего решить вопрос относительно исходного положения предпринимаемого исследования – понятия цели.

В тех случаях, когда содержание используемого или подлежащего использованию понятия неизвестно либо понятию придается различное смысловое значение или оно может быть неоднозначно истолковано, возникает необходимость в его определении.

Способы и правила определения понятий, наиболее детально разработаны в логике. Наиболее распространенным способом определения понятий является определение

¹⁹ Вандышев В.В. Уголовный процесс ... – С.336-337.

²⁰ Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс... – С.361.

²¹ Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений ... – С. 34-35.

через ближайший род и видовое отличие²². Это означает, что определение понятия начинается с отыскания для него ближайшего родового понятия, которое затем конкретизируется путем выделения дополнительного признака, указывающего на его место среди видов общего, родового понятия и, при необходимости, среди подвидов данного вида²³. При корректном способе образования понятий основное содержание его – это совокупность признаков, которые все вместе достаточны, а каждый необходим для того, чтобы выделить данный класс предметов, т.е. отличить эти предметы от других²⁴.

Родовым понятием для определения понятия целей уголовно-процессуальной деятельности следователя является понятие цели в том значении, которое ему придается в повседневной практике, в философии и психологии.

В повседневной практике понятие «цель» используется в одном из следующих значений: «идеальное мысленное предвосхищение результата деятельности»²⁵; «то, к чему стремятся, чего хотят достичь»²⁶; «предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его достижения с помощью определенных средств»²⁷; «то, к чему стремятся, чего хотят достичь; главная задача»²⁸ и т.п.

В философии оперируют такими понятиями цели, как: модель желаемого результата²⁹; «идеальный, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные деятельности; их идеальный, внутренне побуждающий мотив»³⁰; идеальное предвосхищение результата деятельности³¹; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс³²; и т.д.

В психологии понятию «цель» придается одно из следующих значений: «формальное описание конечных ситуаций, задаваемых любой системе»³³; «заранее мыслимый результат сознательной деятельности»³⁴; «предвосхищение результата, образ возможного как прообраз действительного»³⁵; «осознанный образ предстоящего результата, на достижение которого направлена деятельность человека»³⁶; «мысленное предвосхищение результата деятельности»³⁷ и т.п.

Анализ содержания приведенных выше понятий цели дает основание для вывода о том, что в них указан или подразумевается такой обязательный признак понятия «цель» как **результат деятельности**, т.е. конечный итог, ради которого осуществляется какое-либо действие³⁸ или деятельность в целом. Понятие цели в указанном значении

²² Иванов В.А. Логика. Учебник. М., 1996. – С.81; Тер-Акопов А.А. Юридическая логика: Учебное пособие. М., 2002. – С.41-42; Рузавин Г.И. Основы логики и аргументации: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным специальностям. М., 2007. – С.41-42.

²³ Тер-Акопов А.А. Юридическая логика ... – С.42.

²⁴ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989. – С. 92.

²⁵ Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М.Прохоров (пред.). М., 1981. – С.1480.

²⁶ Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984. Т.4. – С.638.

²⁷ Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол. : В.И. Бородулин, А.П. Горкин, А.Н. Гусев, Н.М. Ланда и др. М., 2001. – С.795.

²⁸ Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2002. – С.914.

²⁹ Грищенко В.М. Цель как форма опережающего сознания действительности // Философские и социологические исследования: Учен. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Философия. Л., 1974. Вып. XV. – С.118.

³⁰ Философская энциклопедия. М., 1970. Т.5. – С.459.

³¹ Чунаева А.А. Категория цели в современной науке ... – С.9

³² Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., 2007. Вып. XVI. – С.659.

³³ Тихомиров О.К. Понятие «цель» и «целобразование» в психологии // Психологические механизмы целобразования. М., 1977. – С.5. Аналогичное определение понятия «цель» см. также: Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. – С.441.

³⁴ Шапарь В.Б. Словарь практикующего психолога. М., 2005. – С.638; Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д, 2006. – С.745-746.

³⁵ Психология: учебник для студентов высш. учеб. заведений / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М., 2006. – С.209.

³⁶ Психологический словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. М., 2007. – С.739.

³⁷ Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. СПб., 2007. – С.662.

³⁸ Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984. Т.3. – С.700.

является родовым понятием цели любой сознательной деятельности человека, в том числе и уголовно-процессуальной деятельности следователя.

Для того чтобы сформулировать понятие цели уголовно-процессуальной деятельности следователя, родовое понятие цели необходимо конкретизировать путем приведения дополнительных признаков.

В теории уголовного процесса высказано мнение о том, что отличительными признаками целей предварительного следствия (расследования) является то, что они, во-первых, заранее заданы законодателем, т.е. закреплены в нормах закона, и, во-вторых, достижение целей обязательно для следователя³⁹. Правомерность выделения указанных признаков не вызывает сомнений, так как они обусловлены публичным положением следователя, а также делением целей на внутренние, т.е. генерируемые субъектом деятельности, и задаваемые извне⁴⁰. Однако вне поля зрения авторов остался ещё один существенный признак целей предварительного следствия (расследования): их достижение допускается только установленными уголовно-процессуальным законом средствами, т.е. путем реализации полномочий следователя.

Таким образом, *цель уголовно-процессуальной деятельности следователя – это установленный уголовно-процессуальным законом результат, который должен быть получен путем реализации полномочий следователя.*

Сформулированная дефиниция не дает ответа на вопрос о том, какой именно результат должен быть получен путем реализации полномочий следователя. На наш взгляд, сконструировать такую дефиницию цели уголовно-процессуальной деятельности следователя невозможно, поскольку для этого пришлось бы описывать результат, который должен быть получен путем реализации каждого отдельно взятого полномочия следователя или их совокупности на определенном этапе уголовного судопроизводства.

Получить ответ на поставленный выше вопрос – это значит установить систему целей уголовно-процессуальной деятельности следователя.

Как правильно отмечает А.В. Победкин, «имеются основания для выделения задач (целей) производства конкретных процессуальных действий, состоящих, как правило, в получении доказательственной информации либо в обеспечении гарантий прав и законных интересов участников процесса, а также задачи конкретных стадий уголовного процесса»⁴¹.

Анализ содержания норм, устанавливающих полномочия следователя на производство конкретных процессуальных действий, приводит к выводу о том, что в них крайне редко содержится прямое указание на достигаемые при этом цели. В частности, такое указание содержится в нормах, согласно которым:

– залог как мера пресечения применяется «в целях обеспечения явки к следователю ... подозреваемого, обвиняемого и предупреждения совершения им новых преступлений» (ч.1 ст.106 УПК РФ);

– меры процессуального принуждения в виде обязательства о явке, привода, временного отстранения от должности и наложения ареста на имущество могут применяться к подозреваемому или обвиняемому «в целях установленного настоящим Кодексом порядка уголовного судопроизводства...» (ч.1 ст.111 УПК РФ);

– обыск может производиться «в целях обнаружения разыскиваемых лиц и трупов» (ч.16 ст.182 УПК РФ), а личный обыск подозреваемого, обвиняемого «в целях обнаружения и изъятия предметов и документов, могущих иметь значение для уголовного дела» (ч.1 ст.184 УПК РФ);

– следователь вправе произвести следственный эксперимент «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела» (ст.181 УПК РФ);

³⁹ Дубринный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Деятельность. Саратов, 1987. – С.51; Головин М.В. Проблемы целеопределения в расследовании: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. – С.19.

⁴⁰ Коган А.Ф. Психологическое моделирование целеполагания и принцип псевдосвободы выбора цели в учебной деятельности // Психология: Сб. научных трудов. Киев, 1999 (URL: <http://flogiston.ru/articles/educational/kogan>).

⁴¹ Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. – С.65.

– предъявление лица для опознания может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, «в целях обеспечения безопасности опознающего» (ч.8 ст.193 УПК РФ);

– проверка показаний на месте может быть произведена «в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч.1 ст.194 УПК РФ).

Однако это не означает, что в УПК РФ не установлены цели реализации других полномочий следователя и цели, достигаемые на определенных этапах уголовного судопроизводства.

Во введении к работе, посвященной исследованию правовой цели, Р. фон Иеринг писал: «Цель есть творческая сила всего права и нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели»⁴². Поскольку правовые положения, закрепленные в нормах УПК РФ, в этом отношении не являются исключением, постольку есть основания полагать, что некоторые из них обязаны своим происхождением целям уголовно-процессуальной деятельности следователя. При этом вовсе не обязательно, чтобы цели устанавливались в нормах УПК РФ с использованием термина «цель». Как правильно отмечено в литературе, «характер средств свидетельствует о действительной цели»⁴³. По крайней мере, характер целого ряда полномочий следователя позволяет сделать однозначный вывод о целях, достигаемых путем реализации таких полномочий. Это относится главным образом к полномочиям следователя на производство следственных действий: допроса, обыска, выемки, предъявления для опознания и др.

Несколько сложнее установить цели, которые должны быть достигнуты следователем на определенном этапе уголовного судопроизводства. Для решения этой задачи необходимо толкование норм УПК РФ, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность следователя.

Рассматривая вопрос о юридических нормах, Г.В. Мальцев выделяет в отдельную группу нормы-цели и пишет о том, что «к правилам поведения, которые ориентированы на регламентирование социального действия или деятельности, примыкают нормы, указывающие на определенную цель действия или деятельности, например, совершить поступок для чего-то или кого-то, добиться некоторого результата в количественном и качественном выражении, выполнить задание к установленному сроку»⁴⁴. Развивая приведенное суждение далее, Г.В. Мальцев следующим образом объясняет механизм законодательного определения целей: «в большинстве случаев законодатель, устанавливая нормы права, просто-напросто инкорпорирует цель в соответствующее правило поведения»⁴⁵, при этом «инкорпорированная в норму цель не перестает быть целью, не утрачивает свойства регулятора. Она действует и как бы ведет свою линию в регулятивном процессе, представляет аспекты правового поступка, выраженные в соотношении цели и средств, конечных (финальных) и промежуточных целей, в обосновании эффективности юридического действия, когда нужна ясность в том, чего стоило достижение той или иной цели либо целей»⁴⁶.

Исходя из тезиса, согласно которому «в интенциональной⁴⁷ природе целей лежат истоки их динамизма, прежде всего это воля и желания человека, устремленного к результату, который он положил для себя в качестве цели», Г.В. Мальцев приходит к следующему выводу: «Достижение результата возможно лишь в конце, *финале действия*, на определенном завершающем его этапе, когда подводятся итоги, даются оценки использованным методам и средствам»⁴⁸.

⁴² Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т.1. – С.2.

⁴³ Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001 // URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/o3v/volkov/ritorika/56.html>.

⁴⁴ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. – С.694.

⁴⁵ Там же. – С.695.

⁴⁶ Там же. – С.698

⁴⁷ Интенциональная – производное понятия «интенция – (от лат. Intentio – стремление), термин, обозначающий намерение; цель; в схоластической философии – направленность сознания на какой-либо предмет (или сам мыслимый предмет). См.: Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев и др. М., 1989. – С.218.

⁴⁸ Мальцев Г.В. Социальные основания права ... – С.700.

Для предпринятого в рамках настоящего параграфа исследования принципиальное значение имеет еще одно суждение Г.В. Мальцева: «*Норма-цель*, как и норма – правило поведения, регулирует поведение человека и социальных групп, она также обращена к поступку или деятельности, но ее своеобразие выражается в том, что она *предусматривает* не указание относительного того, как нужно себя вести, но *требование обязательного результата действия* (выделено мною – С.Ш.)»⁴⁹.

Таким образом, для того чтобы установить цели уголовно-процессуальной деятельности следователя необходимо обнаружить в УПК РФ нормы-цели, т.е. нормы, в которых содержится описание её конечного результата на определенном этапе уголовного судопроизводства. Рациональным способом обнаружения таких норм, на наш взгляд, является моделирование алгоритма формирования в правосознании следователя целеустановок, исходя из понятия целеустановки как направления мыслей и деятельности личности к конкретной цели⁵⁰.

Процесс формирования целеустановок в правосознании следователя начинается с момента получения сообщения о преступлении⁵¹ и протекает в следующем порядке.

Получение сообщения о преступлении приводит в действие закрепленную в ч.1 ст.144 УПК РФ норму, которая оказывает информационное воздействие на правосознание следователя⁵² и начинает формирование целеустановки на проверку и разрешение сообщения о преступлении. Процесс формирования данной целеустановки завершают нормы-цели, закрепленные в ч.2 ст.140 и ч.1 ст.145 УПК РФ.

При этом закрепленная в ч.2 ст.140 УПК РФ норма-цель содержит указание на конечный результат проверки сообщения: установление основания для возбуждения уголовного дела, т.е. достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Иначе говоря, целью проведения проверки сообщения о преступлении является установление наличия или отсутствия признаков уголовно-правового конфликта, т.е. конфликта, возникающего между лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние, и государством, установившим такой запрет.

Если в ходе проверки сообщения установлены признаки уголовно-правового конфликта, то необходимость его разрешения предопределяет содержание и направленность дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности следователя.

Норма-цель, закрепленная в ч.1 ст.145 УПК РФ, устанавливает конечный результат уголовно-процессуальной деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела: разрешение сообщения о преступлении путем принятия одного из следующих решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности или в суд.

Если в результате проверки сообщения не установлены признаки уголовно-правового конфликта, следователь принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Поскольку принятие данного решения влечет за собой прекращение уголовно-процессуальной деятельности следователя, постольку это означает достижение её конечной цели.

Решение следователя о возбуждении уголовного дела, напротив, является процессуальным актом, в котором констатируется достижение конечной цели уголовно-процессуальной деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела и достижение промежуточной цели всей его уголовно-процессуальной деятельности. Это обусловлено тем, что в постановлении о возбуждении уголовного дела следователь формулирует тезис о наличии признаков уголовно-правового конфликта, который требует своего разрешения.

Разрешить уголовно-правовой конфликт – это значит официально признать факт совершения лицом преступления и назначить виновному наказание либо освободить его

⁴⁹ Там же. – С.707.

⁵⁰ URL: <http://www.krassilka-batik.ru/alphabet/index.php?word=1092>.

⁵¹ В настоящей статье рассматривается алгоритм формирования целеустановок в случае получения сообщений о преступлениях, обвинение в совершении которых осуществляется в публичном и частно-публичном порядке, поскольку формирование целеустановок по уголовным делам частного обвинения имеет существенную специфику, исследование которой выходит за пределы предпринятого исследования.

⁵² Всё то, что связано с формированием целеустановок относится также к дознавателю как должностному лицу, уполномоченному на производство предварительного расследования в форме дознания.

от уголовной ответственности или наказания, либо применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия или принудительные меры медицинского характера.

В зависимости от характера установленных в уголовном судопроизводстве обстоятельств, процессуальными способами разрешения уголовно-правового конфликта является постановление приговора (ч.1, 2 и 5 ст.302, ч.1 и 2 ст.432 УПК РФ) либо принятие одного из следующих решений: о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст.ст.212, 254, п.1 ч.1 ст.350 УПК РФ); о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч.2 и 3 ст.427 УПК РФ); об освобождении лица, совершившего в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера либо о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера (ч.1 и 2 ст.443 УПК РФ); об отмене приговора или иного обжалуемого решения и о прекращении уголовного дела (п.2 ч.1 ст.378 УПК РФ); об отмене приговора, определения или постановления суда и всех последующих судебных решений и прекращении производства по данному уголовному делу (п.2 ч.1 ст.408 УПК РФ).

Принятие любого из указанных выше решений означает достижение конечных результатов уголовно-процессуальной деятельности, а значит и её прекращение. В связи с этим в юридической науке высказываются суждения о том, что целью уголовного судопроизводства является разрешение конфликта (уголовно-правового конфликта, криминального конфликта)⁵³. С таким определением цели можно согласиться, но с некоторыми оговорками.

Во-первых, понятие «цель уголовного судопроизводства», впрочем, также как и понятия «цель стадии возбуждения уголовного дела», «цель предварительного следствия (расследования)», является условным. Цель – это элемент сознательной деятельности человека, а значит данное понятие, как правильно отмечено в теории права, допустимо применять к человеку, как единственной системе, обладающей сознанием⁵⁴. Отсюда следует, что при корректном использовании терминологии разрешение уголовно-правового конфликта является целью уголовно-процессуальной деятельности следователя (дознателя), прокурора, руководителя следственного органа и суда.

Во-вторых, разрешение уголовно-правового конфликта является целью уголовно-процессуальной деятельности лишь в том случае, если на стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве факт существования такого конфликта нашел свое подтверждение. Между тем в процессе доказывания могут быть получены сведения, опровергающие тезис о наличии признаков уголовно-правового конфликта, сформулированный в постановлении о возбуждении уголовного. В таком случае производство по уголовному делу завершается путем прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям или постановления оправдательного приговора, при этом в постановлении о прекращении уголовного дела и в приговоре констатируется отсутствие уголовно-правового конфликта.

В-третьих, цель уголовно-процессуальной деятельности, как было отмечено выше, может быть достигнута уже на стадии возбуждения уголовного дела, если в ходе проверки сообщения о преступлении не установлены признаки уголовно-правового конфликта.

Приведенные соображения подтверждают справедливость утверждения о том, что «в сложных системах достаточно высокого уровня не удастся однозначно определить

⁵³ Основы конфликтологии: Учебное пособие / А.В. Дмитриев, Ю.Г. Запрудский, В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев; под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1997. – С.58-59; Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль. СПб., 2002. №1. – С.111-119; Филин Д.В. Опасности уголовного судопроизводства и их классификация // Государство и право. 2002. №9. – С.116; Галузин А. О криминогенных факторах-препятствиях реализации уголовно-процессуального законодательства // Уголовное право, 2003. №3. – С.111-114; Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. – С.35; Флямер М. Уголовно-правовое посредничество как способ примирения сторон // Российская юстиция. 2003. №9. – С.16-18.

⁵⁴ Шундииков К.В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. – С.16. Аналогичное суждение по данному вопросу см.: Хашимов Р.А. Категория «цель» в уголовном процессе: дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. – С.15-16.

цель в виде одномерной функции. Возникают частные цели, совокупность которых может рассматриваться как некоторая общая цель системы»⁵⁵.

Для разрешения уголовно-правового конфликта любым из указанных выше способов необходимо установить наличие или отсутствие обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Поскольку средствами установления этих обстоятельств являются доказательства (ч.1 ст.74 УПК РФ), постольку основным содержанием последующего этапа уголовно-процессуальной деятельности следователя является доказывание, т.е. соби́рание, проверка и оценка доказательств.

Формирование целеустановки на этапе доказывания начинается информационным воздействием содержания ст.85 УПК РФ, согласно которой «доказывание состоит в соби́рании, проверке и оценке доказательств *в целях* (выделено мною – С.Ш.) установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса». Эта норма устанавливает цели доказывания самым общим образом, и поэтому формирование целеустановки продолжает закрепленная в ст.73 УПК РФ норма-цель, где перечислены конкретные обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу: событие преступления; виновность лица в совершении преступления; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; и т.д.

Формирование целеустановки в профессиональном правосознании следователя на этапе доказывания завершает информационное воздействие норм УК РФ, в которых обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, конкретизированы применительно к признакам уголовно-правового конфликта, послужившим основанием для возбуждения уголовного дела.

Системное толкование ст.85 и ст.73 УПК РФ приводит к выводу о том, что *целью уголовно-процессуальной деятельности следователя на этапе доказывания является установление наличия или отсутствия обстоятельств, система которых образует понятие объективной истины в уголовном судопроизводстве*. Как справедливо отметил А.Р. Белкин, «истина в уголовном судопроизводстве может считаться абсолютной, если исходить из задач доказывания, когда требуется установить не бесконечное многообразие сторон, свойств, признаков и т.п. фактов, явлений, а лишь то, что диктует закон, когда познание этих фактов, явлений ограничивается лишь тем, что и как требует предмет доказывания»⁵⁶.

Результаты уголовно-процессуальной деятельности следователя на этапе доказывания объективируются в системе доказательств, которые образуют фактическую основу для разрешения уголовно-правового конфликта и предопределяют способ его разрешения.

Если в результате доказывания установлены обстоятельства, указанные в п.п.1-2 ч.1 ст.73 УПК РФ, и при этом отсутствуют обстоятельства, исключающие преступность деяния (п.5 ч.1 ст.73 УПК РФ, ст.ст.37-42 УК РФ), то функцию формирования целеустановки выполняет норма, согласно которой «при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого» (ч.1 ст.171 УПК РФ). В этом постановлении следователь формулирует тезис о совершении данным лицом преступления и тем самым констатирует факт существования уголовно-правового конфликта. Способ разрешения уголовно-правового конфликта в данном случае зависит от результатов, полученных следователем в ходе допроса обвиняемого и проверки его доводов (если такие будут приведены), опровергающих предъявленное обвинение.

Если обвиняемый согласился с предъявленным обвинением или доводы, приведенные им в целях опровержения предъявленного обвинения, не нашли своего подтверждения, то следователь составляет обвинительное заключение, в котором формулирует окончательный, по его мнению, обвинительный тезис и своё решение о направлении уголовного дела в суд для разрешения уголовно-правового конфликта. В таком случае конечной целью доказывания является создание необходимых предпосылок для разрешения уголовно-правового конфликта судом.

⁵⁵ Мамиконов А.Г. Управление и информация. М., 1975. – С.21.

⁵⁶ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. – С.18.

Если в процессе доказывания по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести следователь установит наличие обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности (ст.ст. 25 и 28 УПК РФ), то на его правосознание воздействует два конкурирующих потока информации. Один из них формирует целеустановку на окончание расследования путем составления обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд, другой – на освобождение обвиняемого от уголовной ответственности. При этом выбор способа разрешения уголовно-правового конфликта зависит от внутреннего убеждения следователя в том, что исправление лица, совершившего преступление, может быть достигнуто без применения к нему уголовного наказания. Если в результате доказывания у следователя сформировалось такое убеждение, он вправе возбудить перед руководителем следственного органа ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям (ст.ст.25, 28, ч.2 ст.27, ч.1 и 6 ст.427 УПК РФ) и тем самым разрешить уголовно-правовой конфликт.

Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) является способом разрешения уголовно-правового конфликта и тогда, когда в ходе предварительного следствия: 1) истек срок давности уголовного преследования (п.3 ч.1 ст.24 УПК РФ); 2) наступила смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего (п.4 ч.1 ст.24 УПК РФ); 3) Совет Федерации, Государственная Дума, Конституционный Суд РФ или квалификационная коллегия судей не дали согласие на привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п.п.1 и 3-5 ч.1 ст.448 УПК РФ (п.6 ч.1 ст.24 УПК РФ); 4) издан акт об амнистии (п.4 ч.1 ст.27 УПК РФ); 5) Государственная Дума отказала в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) Совет Федерации отказал в лишении неприкосновенности данного лица (п.6 ч.1 ст.27 УПК РФ).

Вместе с тем в ходе доказывания могут быть получены доказательства, которые приводят следователя к выводу об отсутствии события или состава преступления либо о непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. В соответствии с п.п.1-2 ч.1 ст.24, п.1 ч.1 ст.27 и ч.1 ст.212 УПК РФ следователь в данной ситуации обязан прекратить уголовное дело (уголовное преследование) и тем самым констатировать отсутствие уголовно-правового конфликта, в том числе между конкретным подозреваемым (обвиняемым) и государством, установившим уголовно-правовой запрет.

Разрешение уголовно-правового конфликта не может быть целью уголовно-процессуальной деятельности следователя по делам о совершении запрещенных уголовным законом деяний лицами, находившимися в состоянии невменяемости. Это обусловлено тем, что такие лица вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики не осознают фактический характер и общественную опасность своих действий, а значит, не осознают то, что своими действиями они нарушают уголовно-правовые запреты. Соответственно, конечной целью уголовно-процессуальной деятельности следователя по таким делам является прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 и 27 УПК РФ или направление уголовного дела в суд для решения вопроса о применении принудительной меры медицинского характера (ч.1 ст.439 УПК РФ).

Таким образом, система целей уголовно-процессуальной деятельности включает:

- 1) цели, которые должны быть достигнуты путем реализации конкретных полномочий следователя;
- 2) цели, которые должны быть достигнуты на стадии возбуждения уголовного дела:
  - а) цель установления наличия или отсутствия признаков уголовно-правового конфликта (ч.2 ст.140 УПК РФ);
  - б) цель разрешения сообщения о преступлении (ч.1 ст.145 УПК РФ);
- 3) цели, которые должны быть достигнуты на стадии предварительного расследования:
  - а) цель установления наличия или отсутствия обстоятельств, перечисленных в ст.73 УПК (ст.85 УПК РФ);
  - б) цель разрешения уголовного дела одним из способов, предусмотренных ч.1

ст.213, ст.220, ч.1 ст.427 и ч.1 ст. 439 УПК РФ.

На наш взгляд, приведенные выше цели являются системообразующими факторами уголовно-процессуальной деятельности следователя и могут быть ориентирами для дальнейшего её исследования.

Список литературы

1. Философская энциклопедия в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т.5.
2. Зеленецкий Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. М., 1971.
3. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
4. Крутецкий В.А. Психология. М., 1986.
5. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
6. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000.
7. Чунаева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л., 1979.
8. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. М., 1989.
9. Психология: учебник для студентов высш. учеб. заведений / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М., 2006.
10. Психологический словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. М., 2007.
11. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). М., 1981.
12. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. М., 1974. Т.1.
13. Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969.
14. Воронович Б.А. Философский анализ структуры практики. М., 1972.
15. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841.
16. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849.
17. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. О предварительном следствии. СПб., 1869. Ч.3.
18. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Издание третье, пересмотренное и дополненное. СПб., 1910. Т.2.
19. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
20. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб., 1913.
21. Вандышев В.В. Уголовный процесс: Курс лекций. СПб., 2004.
22. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. М., 2005.
23. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М., 2009.
24. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989.
25. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. СПб., 2004.
26. Уголовный процесс России: Особенная часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.; под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2005.
27. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. П.А. Лупинской. М., 2003.
28. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. М., 2004.
29. Иванов В.А. Логика. Учебник. М., 1996.
30. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика: Учебное пособие. М., 2002.
31. Рузавин Г.И. Основы логики и аргументации: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным специальностям. М., 2007.
32. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989..
33. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984. Т.4.
34. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В.И. Бородулин, А.П. Горкин, А.Н. Гусев, Н.М. Ланда и др. М., 2001.

35. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2002.
36. Грищенко В.М. Цель как форма опережающего сознания действительности // Философские и социологические исследования: Учен. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Философия. Л., 1974. Вып. XV. С.116-120.
37. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., 2007. Вып. XVI.
38. Тихомиров О.К. Понятие «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования. М., 1977.
39. Шапарь В.Б. Словарь практикующего психолога. М., 2005.
40. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д, 2006.
41. Психологический словарь / под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. М., 2007.
42. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. СПб., 2007.
43. Дубривный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Деятельность. Саратов, 1987.
44. Головин М.В. Проблемы целеопределения в расследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
45. Коган А.Ф. Психологическое моделирование целеполагания и принцип псевдосвободы выбора цели в учебной деятельности // Психология: Сб. научных трудов. Киев, 1999 (URL: <http://flogiston.ru/articles/educational/kogan>).
46. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009.
47. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т.1.
48. Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001 // URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/ozv/volkov/ritorika/56.html>.
49. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
50. Основы конфликтологии: Учебное пособие / А.В. Дмитриев, Ю.Г. Запрудский, В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев; под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1997.
51. Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль. СПб., 2002. №1. С.111-119.
52. Филин Д.В. Опасности уголовного судопроизводства и их классификация // Государство и право. 2002. №9. С.116
53. Галузин А. О криминогенных факторах-препятствиях реализации уголовно-процессуального законодательства // Уголовное право, 2003. № 3. С.111-114.
54. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003.
55. Флямер М. Уголовно-правовое посредничество как способ примирения сторон // Российская юстиция. 2003. №9. С.16-18.
56. Шундииков К.В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
57. Хашимов Р.А. Категория «цель» в уголовном процессе: дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
58. Мамиконов А.Г. Управление и информация. М., 1975.
59. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.

PURPOSE OF CRIMINAL PROCEDURE INVESTIGATOR: CONCEPT OR INSTITUTIONALIZED

S.F. SHUMILIN

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: sergejshumilin@yandex.ru

The article deals with the problem of formulating questions to the expert. Briefly, an existing standard lists of questions that put on the judicial resolution of linguistic expertise of extremist materials. A new standard list of questions linguistic experts. Identified requirements to be met by the expert.

Key words: forensics, extremism, formulating job expert, the list of questions.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ СПОСОБАХ БОРЬБЫ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

А.В. ЮЮКИН

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: VYuyukin@yandex.ru

В данной статье на основе анализа исторического опыта и действующего административного законодательства исследуются правовые аспекты борьбы с проституцией, высказывается позиция автора о необходимости совершенствования действующего федерального законодательства в отношении проституции.

Ключевые слова: проституция, легализация, легитимация, мораль, нравственность, право.

Проституция – общемировое, безнравственное, исторически сложившееся явление. За тысячи лет существования проституции, меняется лишь система её организации, размах и место, которое она занимает в обществе. Даже в жестокие годы инквизиции в Европе и строгих нравственных правил в средневековой России явление это «имело место», хотя как проблема не всегда осознавалось¹.

На современном этапе развития государства, характеризующегося укреплением капиталистических ценностей, постепенной атрофией духовной сферы жизни общества, способствовавшей устойчивой утрате моральных и этических ценностей, нравственных принципов и приоритетов, а также, несмотря на законодательный запрет, проституция получила широкое распространение.

Сегодня государство пытается выработать пути решения проблем связанных с развитием криминального интимного бизнеса в нашей стране. Идёт фактическая имитация борьбы с проституцией: провозглашая законодательный запрет, власти не предпринимают каких бы то ни было решительных действий для искоренения фундаментальных причин толкающих людей на занятие проституцией.

С середины XIX века перед российским обществом стоит вопрос о легализации или запрете проституции, который до сих пор не потерял своей актуальности. В XXI веке, проституция в России превратилась в крайне прибыльный криминальный бизнес, с широким кругом лиц в нём участвующем. В этой связи особенно актуальной становится проблема принятия решения о новых адаптированных к современной действительности способах борьбы с проституцией, либо о возможности её легализации, как наименьшей из зол, способной хоть как-то упорядочить деятельность ночных бабочек и минимизировать негативное влияние на общество, лиц задействованных в данном виде деятельности.

Спор между сторонниками и противниками легализации не прекращается в российском обществе на протяжении многих лет, обе стороны находят массу аргументов в поддержку своей позиции, исторический опыт российского государства знает периоды легализации и запрета проституции.

В настоящей статье, мы хотели бы проанализировать некоторые правовые аспекты данного вида деятельности, а также высказать свою позицию, о целесообразности изменения действующего федерального законодательства в отношении проституции.

Одним из первых вопросов, обсуждаемых сторонниками и противниками легализации проституции, является вопрос экономический. Так существенные доходы, получаемые лицами так или иначе связанными с организацией сексуальных услуг, идут на развитие сферы коммерческого секса и в целом в криминальный сектор, а не в государственный либо региональный бюджет. По этому поводу существуют две противоречивые точки зрения. С одной стороны, деньги, полученные от занятия проституцией, многие считают «грязными», заработанными на аморальности и похоти. С другой стороны, эти деньги могли бы направляться на создание специальных организаций по надзору за сферой ком-

¹ Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года // А.А. Ильюхов. – Москва: Новый Хронограф, 2008. – С.2.

мерческого секса (медицинских, правоохранительных и т.п.), различные социальные программы, и улучшение экономики регионов и страны в целом. Важно задуматься, над объемами денежных масс, находящихся в теневом секторе экономики, получаемых лицами участвующими и контролирующими занятие проституцией. В статье «Тело как актив», опубликованной в журнале «Огонёк» в 2010 году, отмечается следующее: «точных данных по объемам благ, которые люди получают в обмен на сексуальные отношения, нет. Есть лишь очень консервативные, примерные оценки по доходам от профессиональной проституции. Авторы единственного на данный момент экономического исследования российского рынка сексуальных услуг «Экономика нелегального коммерческого секса», Марк Левин и Елена Пакатович, пишут: в 2000 году проститутки произвели продукции на 618 млн. долларов, а общее число проституток 267-400 тысяч»². Если предположить, что этот сектор рос с той же скоростью, что и ВВП страны, то на сегодняшний день, вклад проституток в теневую экономику составляет более 1 млрд. долларов США. Мы считаем, эти цифры довольно условными, в реальности лиц занимающихся проституцией время от времени, равно как и постоянно promышляющих этим бизнесом посчитать невозможно. В качестве примера, способного продемонстрировать реальные экономические выгоды от занятия проституцией, можно привести страну с одной из сильнейших экономик в Европе – Германию, где проституция легализована с 2002 года и соответственно доходы от занятия ею можно реально оценить. Так, в ФРГ, на nive древнейшей профессии, по оценкам специалистов трудится около 400 тысяч женщин, а годовой оборот от данного вида деятельности составляет 6 млрд. евро (примерно 2.7% бюджета России на 2012 г.).

Противники легализации, указывают на то, что с развитием проституции наблюдается рост преступлений, с ней связанных, это и заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией (ст. 121. 122 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ); половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 14-летнего возраста (ст. 134 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ); торговля несовершеннолетними (ст. 152 УК РФ); различные преступления против собственности; незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ (ст.228 УК РФ) и т.п. (ст.229, 230, 232 УК РФ); вовлечение в занятие проституцией (ст.240 УК РФ); организация или содержание притонов для занятия проституцией (ст.241 УК РФ); незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст.242 УК РФ) и др. Считаем подобную точку зрения небезосновательной. Однако полагаем, что говорить о прямой зависимости легализации проституции и увеличения количества вышеперечисленных преступлений не вполне логично. Обратим внимание, что на сегодняшний день, когда бизнес по оказанию интимных услуг, находящийся всегда на виду, незаконен, на практике, привлечь к ответственности ни проститутку, ни сутенера, ни руководителя «досугового» агентства практически невозможно. В Кодексе об административных правонарушениях РФ 2001 г. предусматривается административная ответственность по ст. 6.11 за занятие проституцией (максимальный штраф 2 500 рублей), а по ст. 6.12 за получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией (максимальный штраф 2 500 рублей либо административный арест на срок до 15 суток)³. С учётом коррумпированности сотрудников правоохранительных органов, зачастую «крышующих» данный вид деятельности вышеназванные положения закона приобретают сугубо формальный характер.

Не последнее место в дискуссии противников и сторонников легализации проституции имеет вопрос относительно падения морально-нравственных устоев общества.

² Бельченко В. Тело как актив. / В. Бельченко // Огонёк. – 2010. -№25.

³ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (в редакции ФЗ от от 21.07.2011 № 253-ФЗ) // [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс»

Действительно любое правонарушение есть нарушение нравственных основ, общепринятых начал социального бытия. Не случайно ст. 1 Закона РФ «О безопасности» к основным объектам безопасности относит и духовные ценности общества⁴.

В философии и праве представлены различные концепции понятия нравственности. Так, А.А. Гусейнов определяет мораль (нравственность) как общечеловеческий социальный феномен, сопровождающий человеческое общество с момента его зарождения⁵. Мораль – один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе; особая форма общественного сознания и вид общественных отношений⁶. Нравственные правила – это совокупность норм и принципов, которыми люди руководствуются в своём поведении⁷. Нормы нравственности всегда выполняли функции регулятора социального поведения, являлись неформальным способом воздействия на поведение человека и контроля за ним⁸. Соблюдение требований морали обеспечивается силой духовного воздействия, общественным мнением, внутренним убеждением, совестью человека⁹. С течением времени понятия морали и нравственности их взаимоотношения и взаимообусловленности с понятием «право» неизбежно претерпевают существенные изменения. О. И. Цыбулевская говорит, что «право как регулятор человеческого поведения вырастает из норм нравственности. На различных этапах своего развития правовые регуляторы почти сливаются с моральными. И продолжается это в течение достаточно длительного периода. Только со временем право оформляется в законодательство и писаную судебную практику»¹⁰. По мнению выдающегося русского философа В.С. Соловьёва, «право является инструментом всеобщей организации нравственности, выступает в качестве принудительного требования реализации определённого минимального добра, определённого минимума нравственности»¹¹. Русский писатель Л.Н. Толстой, напротив, считал право безусловным злом и явлением безнравственным, так как оно прибегает к принуждению, то есть насилью над человеком¹².

По нашему мнению, полностью сходному с точкой зрения Г. Еллинек: «Право есть этический минимум, то есть совокупность тех нравственных требований, соблюдение которых на данной стадии общественного развития признаётся безусловно необходимым. Право есть только часть нравственности, которая составляет необходимое условие данного общественного порядка»¹³. Говоря о соотношении права и морали нельзя не процитировать русского религиозного мыслителя и правоведа Е.Н. Трубецкого, полагавшего, что «нравственные предписания объедают в себе часть права; с другой стороны, предписания правовые обнимают в себе часть нравственности; но вместе с тем существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, и много таких правовых норм, которые или вовсе не имеют нравственного содержания, или даже прямо безнравственны. Нравственность и право в их взаимных отношениях могут быть сравнены с двумя пересекающимися окружностями: у них есть, с одной стороны, общая сфера – сфера пересечения, в которой предписания их совпадают, и вместе с тем две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собой, частью даже прямо противоречат друг другу»¹⁴. Понятно, что соотношение моральных и правовых норм в определении проституции как противоправного деяния весьма противоречиво.

⁴ Закон РФ «О безопасности» от 5.03.1992 № 2446-1 (в ред. От 2.03.2007) // Российская газета. 1992. 6 мая. № 130; Российская газета. 2007. 6 марта.

⁵ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 2000. – С. 10.

⁶ В. Кемеров. Философская энциклопедия. – «Панпринт», 1998.

⁷ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. М.: Юридическая литература, 1985. – С. 339.

⁸ Тасаков С.В. Нормы нравственности как социальный фундамент уголовного права // Российская юстиция. 2005. № 12. – С. 8.

⁹ Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С. 3

¹⁰ Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004. – С.21.

¹¹ Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия: В 2 т. 1988. Т. 1. СЧ. 413-415.

¹² Толстой Л. Н. Путь жизни / Сост., коммент. А.Н. Николюкин. М.: Высшая школа, 1993. – С. 213.

¹³ Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. – С. 48-63.

¹⁴ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. Издательство Русского Христианского гуманитарного Института. СПб., 2001. – С. 306.

Зачастую переплетение норм морали и права в данном аспекте противоречат друг другу и здравому смыслу, что обусловлено нестабильностью морально-этических характеристик современного общества и несовершенством действующего законодательства.

Мы разделяем точку зрения законодателя, определяющего в главе 6 кодекса Российской Федерации об Административных Правонарушениях в качестве одного из объектов, посягательства проституции – общественную нравственность. О приоритетности нравственности как объекта в административном праве говорит её признание конституционной ценностью, и санкционированное Основным законом Российской Федерации ограничение прав и свобод граждан для её защиты. Так, в ст. 55 Конституции РФ провозглашено: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹⁵.

Как было отмечено в начале нашей статьи, мы считаем проституцию явлением, безусловно, безнравственным, однако, считаем, что единственным способом борьбы с ней является – легализация, в задачу которой должна ставиться минимизация негативного влияния на общественную среду данного антисоциального явления, посредством жёсткого упорядочения деятельности лиц задействованных в занятии проституцией, строгого лицензирования данного вида деятельности и суровой уголовной, а не формальной административной ответственности для лиц занимающихся проституцией вне границ правового поля.

Для обоснования нашей точки зрения, прежде всего, необходимо разобраться, почему законодатель, определяя в КоАП РФ проституцию как правонарушение, посягающее на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, не указывает в диспозиции статьи 6.11 конкретные действия (бездействия), а также иные квалифицирующие признаки, совокупность которых позволяет дать юридическую оценку противоправному деянию как «проституции».

Проанализировав ряд научных и правовых источников, можно попытаться систематизировать возможные квалифицирующие признаки данного противоправного деяния.

В Российской Федерации занятие проституцией это – административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.11, главы VI «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» Кодекса Российской Федерации об Административных Правонарушениях.

Отграничение моральных и правовых норм позволяет понять, почему занятие проституцией является правонарушением, включённым именно в главу VI КоАП РФ, и то на какие общественные интересы посягает лицо занимающееся проституцией.

Статья 6.11 КоАП РФ не даёт нам определения противоправного деяния «Занятие проституцией», также не определено содержание соответствующих противоправных действий.

Под проституцией следует понимать вступление в половую связь за материальное вознаграждение. Занятие проституцией в виде промысла предполагает систематическое вступление в половую связь за материальное вознаграждение при условии, что это основной или дополнительный, но более или менее постоянный источник извлечения материальной выгоды. Размер вознаграждения, получаемого за каждый половой акт, для квалификации значения не имеет. В качестве материального вознаграждения может выступать не только российская и иностранная валюта, но и различные предметы материального мира (вещи, ценности и т.д.). С субъективной стороны данное правонарушение характеризуется прямым умыслом, четко выраженной целью извлечения материальной выгоды. Получение материальной выгоды – конститутивный признак проституции, причем эта цель формируется у правонарушителя до вступления в половую связь¹⁶.

¹⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях/ под общ. ред. Н.Г. Салищевой. – 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2011.

Из вышеизложенного понятно, что ключевым моментом для признания деяния – занятием проституцией является его систематичность и получение материальной выгоды за совершение полового акта. В случае отсутствия хотя бы одного из этих двух элементов деяние не может быть признано противоправным и соответственно не может быть квалифицировано по статье 6.11 КоАП РФ.

Законодатель также говорит о посягательстве проституцией на общественную нравственность, не определяя в чём конкретно это выражается. Безусловно, с морально-этической точки зрения занятие проституцией недопустимо, как не соответствующее представлениям общества о целомудрии и добропорядочном поведении. Идеалом ещё с петровской эпохи представлялось: «девственное целомудрие, когда человек без всякого порока... и без прелести плотские наружно и внутренне душою и телом чисто себя вне супружества содержит...». Однозначно осуждались «блудливые девицы, позволяющие себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва...»¹⁷.

Важно отметить, что лицо, вступающее в связь с другим лицом занимающимся проституцией (клиент), согласно федеральному законодательству не несёт какой-либо ответственности, хотя, безусловно, и совершает аморальный поступок ничем, с точки зрения нравственности не отличающийся от деяния совершаемого лицом занимающимся проституцией.

Настоящей новеллой в новейшей истории отечественного законодательстве о проституции стало введение в июне 2012 г. беспрецедентной нормы в закон Белгородской области «об административных правонарушениях на территории Белгородской области».

Теперь, согласно ст. 6.24 вышеупомянутого закона «Получение сексуальных услуг на возмездной основе от лиц, занимающихся проституцией, влечёт наложение административного штрафа в размере пяти тысяч рублей»¹⁸. Суть данной правовой нормы сводится к тому, что ответственность для клиентов проституток закреплена буквой закона – люди, посещающие пуган, приравниваются к правонарушителям. Так же, как и проститутки, потребители сексуальных услуг будут опрашиваться полицией для составления протоколов, и участвовать в рассмотрении этих материалов в суде. При этом заседания будут проводиться в открытой форме и могут быть скрыты от внимания широкой общественности лишь после соответствующего решения суда. Нам, однако, непонятен механизм привлечения к административной ответственности за вышеназванное правонарушение, так как ни одна из сторон не заинтересована в признании совершенным полового акта за вознаграждение. Единственным приемлемым, на наш взгляд, вариантом может являться так называемая «контрольная продажа», по аналогии с «контрольной закупкой» с оперативной сотрудницей в роли ночной бабочки.

Также не ясно, с какого момента правонарушение считается окончанным, с момента передачи «вознаграждения», в момент начала или же окончания полового акта. Вопрос о соответствии данной правовой нормы федеральному законодательству российской Федерации, по нашему мнению, также является открытым. Справедливости ради отметим, что подобные нормы существуют в Финляндии, Швеции, Норвегии, Литве, Латвии, Молдавии.

Говоря о возможных путях дальнейшего развития федерального законодательства РФ касаясь проституции, исходя из реалий сегодняшнего дня, когда газеты пестрят объявлениями, предлагающими приятно провести время в обществе девушек, женщин различного возраста, а также молодых людей, готовых в любой момент скрасить досуг состоятельным лицам. В тот момент, когда этот теневой бизнес достиг огромных размеров и действует бесконтрольно, способствуя вовлечению новых «кадров» в проституцию, росту числа венерических заболеваний, а также смежных преступлений и правонарушений, при отсутствии какого-либо медицинского контроля со стороны государства. На основе богатого отечественного исторического опыта и исторического опыта зарубежных стран, можно сделать однозначный вывод о невозможности искоренения проституции. Таким

¹⁷ Поликарпов В.С. История нравов в России. Ростов-на-Дону, 1995. – С. 346.

¹⁸ Закон Белгородской области от 4 июля 2002 г. № 35 «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области» офиц. текст: с изм. и доп. на 20 июня 2012 г.

образом, подводя итог вышесказанному, считаем, что единственным, по нашему мнению, верным путём по изменению российского законодательства является политика легитимации проституции, детальная проработка законодательной базы, на основе правоприменительного опыта европейских государств, с легализованной проституцией.

Список литературы

- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс».
- Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (в редакции ФЗ от от 21.07.2011 № 253-ФЗ) // [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс»
- Закон РФ «О безопасности» от 5.03.1992 № 2446-1 (в ред. От 2.03.2007) // Российская газета. 1992. 6 мая. № 130; Российская газета. 2007. 6 марта.
- Закон Белгородской области от 4 июля 2002 г. № 35 «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области» офиц. текст: с изм. и доп. на 20 июня 2012 г
- Бельченко В. Тело как актив. / В. Бельченко // Огонёк. – 2010. -№25
- В. Кемеров. Философская энциклопедия. – «Панпринт», 1998 г
- Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 2000. С. 10.
- Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 1910. С. 48-63.
- Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года / А.А. Ильюхов. – Москва: Новый Хронограф, 2008. С.2.
- Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000 С. 3
- Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях/ под общ. ред. Н.Г. Салищевой. – 7-е изд., перераб. и доп.- М.: Проспект, 2011.
- Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и её причины. Преступник. М.: Юридическая литература, 1985. С. 339.
- Поликарпов В.С. История нравов в России. Ростов-на-Дону, 1995. С. 346
- Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия: В 2 т. 1988. Т. 1. СЧ. 413-415.
- Тасаков С.В. Нормы нравственности как социальный фундамент уголовного права // Российская юстиция. 2005. № 12. С. 8.
- Толстой Л. Н. Путь жизни / Сост., коммент. А.Н. Николукин. М.: Высшая школа, 1993. С. 213.
- Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. Издательство Русского Христианского гуманитарного Института. СПб., 2001. С. 306.
- Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004. С.21.

TO THE QUESTION AGAINST PROSTITUTION

A.V. JUJUKIN

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: AVYuyukin@yandex.ru

In this article, based on an analysis of historical experience and the valid administrative law study legal aspects of prostitution, expressed the author's position on the need to improving the current federal legislation on prostitution.

Key words: prostitution, legalization, legitimation, morality, ethics, and law.

УДК 344.65

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

Ю.П. ЯКУБИНА*Орловский
юридический
институт МВД России**e-mail: orurinst@rambler.ru*

Дается понятие особого производства, исследуется круг субъектов, в отношении которых осуществляется производство в порядке гл. 52 УПК РФ и определяются особенности производства в отношении лиц, обладающих иммунитетом.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; нормы уголовно-процессуального законодательства; уголовная ответственность, депутат Государственной Думы, член Совета Федерации, судья, прокурор.

Конституция РФ провозглашает высшей ценностью государства защиту прав и свобод человека (ст. 2). В ст. 6 УПК РФ, определяющей назначение уголовного судопроизводства, на первое место поставлена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, утверждённой Указом Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 года, указывается на необходимость постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Основной закон Российской Федерации регламентирует, что все равны перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Государство гарантирует равенство прав и свобод независимо от должностного положения и других обстоятельств. В то же время в гл. 52 УПК РФ предусмотрены особые гарантии невозможности произвольного привлечения к уголовной ответственности лиц, которые осуществляют важные государственные и общественные функции в жизни государства. Данная глава является определенным исключением из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

В специальной литературе совершенно справедливо отмечено, что неприкосновенность не является личной привилегией гражданина, занимающего определенную должность, а имеет публично-правовой характер, призвана служить средством защиты публичных интересов, обеспечивая повышенную охрану законом личности, осуществляющей государственные функции, ограждая ее от необоснованных преследований (Булатов Б.Б., Баранов А.М.).

Законодатель нормативно не закрепляет понятие исследуемого правового института. В теории уголовно-процессуального права существует множество позиций относительно производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, указанных в гл. 52 УПК РФ.

Одни авторы особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц определяют как урегулированный специальными нормами особый, усложненный порядок уголовного судопроизводства для отдельных категорий граждан, состоящий в определении изъятий из общего порядка судопроизводства и формулировании особых юридических преимуществ (В.Г.Глебов, Е.А.Зайцева).

Другая группа ученых особенности производства в отношении отдельных категорий лиц определяют как совокупность исключительных управомочивающих, обязывающих и запрещающих юридических норм, регулирующих особый порядок производства процессуальных действий в отношении либо с участием определенной законом категории граждан (П.Г. Марфицин).

Согласно нормам уголовно-процессуального закона к числу лиц, на которых распространяется гл. 52 относятся: член Совета Федерации; депутат Государственной Думы; зарегистрированный кандидат в депутаты Государственной Думы; депутат законодатель-

ного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ; зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного (представительного), органа государственной власти субъекта РФ; депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо органа местного самоуправления; судья Конституционного Суда РФ; судья федерального суда общей юрисдикции; судья федерального арбитражного суда; мировой судья; судья конституционного (уставного) суда субъекта РФ; присяжный заседатель в период осуществления им правосудия; арбитражный заседатель в период осуществления им правосудия; председатель Счетной палаты РФ; заместитель председателя Счетной палаты РФ; аудиторы Счетной палаты РФ; уполномоченный по правам человека в РФ; Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий; кандидат в Президенты РФ; прокурор; следователь; адвокат; член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса, (член Центральной избирательной комиссии РФ с правом решающего голоса); председатель избирательной комиссии субъекта РФ. Таким образом, специальный статус установлен в отношении свыше 20 категорий лиц. Указанные субъекты обладают иммунитетом в течение всего времени нахождения в правовом статусе.

В зависимости от выполняемых в общественной и государственной жизни страны функций профессор Ю.К. Якимович субъектов (лиц) разделяет на 3 группы:

1. Лица, принимающие участие в деятельности по осуществлению правосудия либо содействующие такой деятельности.

2. Лица, осуществляющие иные государственно-властные функции (кроме судебных), а также лица, которые ранее осуществляли такие функции либо, возможно, будут их осуществлять в будущем.

3. Лица, в полномочия которых входит осуществление важных контрольных функций в той или иной сфере деятельности.

К первой группе следует отнести судью, прокурора, следователя, адвоката и т.д. Ко второй – члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, кандидата в Президенты РФ и т.д. К третьей группе можно отнести председателя Счетной палаты РФ, его заместителя, аудитора Счетной палаты РФ, уполномоченного по правам человека и др.

Возникает вопрос: является ли перечень лиц, указанных в уголовно-процессуальном законе, исчерпывающим? Полагаем, что есть и другие субъекты, на которых распространяется порядок, предусмотренный гл. 52 УПК РФ, но которые нормативно не закреплены в уголовно-процессуальном кодексе. Так, согласно ч. 3 ст. 29 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» статусом неприкосновенности в Счетной палате обладает также инспектор Счетной палаты. Без согласия Коллегии Счетной палаты РФ он не может быть привлечен к уголовной ответственности, когда им выполняются служебные обязанности.

Специфика уголовного судопроизводства в отношении выше перечисленных лиц складывается из таких особенностей как порядок: возбуждения уголовного дела; задержания в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ; избрания меры пресечения; производства отдельных следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности (ст. 182, 183, 185, 186, 186.1 УПК); привлечения лица в качестве обвиняемого; окончания производства по уголовному делу; направления уголовного дела в суд; определения подсудности уголовного дела; специальных оснований отказа в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела, уголовного преследования (п. 6 ч.1 ст.24, п. 6 ч.1 ст.27 УПК). Следует отметить, что не все правовые предписания, содержащиеся в гл. 52 УПК РФ, в равной степени применяются ко всем категориям должностных лиц, обозначенных законодателем.

Анализируя процессуальную процедуру института возбуждения уголовного дела, можно выделить особенности возбуждения уголовного дела, которые складываются из элементов, предусмотренных ст. 448 УПК:

а) наличия особого субъекта, уполномоченного принимать решение о возбуждении уголовного дела (Председатель Следственного Комитета РФ; лицо, исполняющее обязанности Председателя Следственного Комитета РФ; заместитель председателя Следственного Комитета РФ, руководитель следственного органа Следственного Комитета РФ по субъекту РФ; следователь Следственного Комитета);

б) вынесения заключения о наличии в действиях лица признаков преступления (коллекцией из трех судей Верховного Суда РФ; коллекцией из трех судей суда субъекта РФ; судьей районного суда);

в) наличия согласия определенного органа на возбуждение уголовного дела (Совета Федерации либо Государственной Думы; Конституционного Суда РФ; Высшей квалификационной коллегии судей РФ; квалификационной коллегии судей; Председателя Следственного Комитета; руководителя следственного органа Следственного Комитета РФ по субъекту РФ);

г) необходимости лишения неприкосновенности (в частности, Председатель Следственного Комитета выносит представление; Государственная Дума, Совет Федерации выносит решение о лишении неприкосновенности).

Решение о возбуждении уголовного дела либо о привлечении в качестве обвиняемого принимается Председателем Следственного Комитета РФ единолично в отношении следующих лиц: Председателя Счетной палаты РФ, его заместителя; аудиторов Счетной палаты РФ; уполномоченного по правам человека в РФ; Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий; кандидата в Президенты РФ; члена Центральной избирательной комиссии РФ с правом решающего голоса, Председателя избирательной комиссии субъекта РФ. В отношении вышестоящих прокуроров, руководителей и следователей вышестоящих следственных органов решение о возбуждении уголовного дела либо о привлечении в качестве обвиняемого принимается Председателем Следственного Комитета РФ или его заместителем.

Решение о возбуждении уголовного дела либо о привлечении в качестве обвиняемого принимается Председателем Следственного комитета в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы – с согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы; в отношении судьи Конституционного Суда РФ – с согласия Конституционного Суда РФ; в отношении судьи Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, военного суда – с согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ; в отношении иных судей – с согласия соответствующей квалификационной коллегии судей.

Решение о возбуждении уголовного дела либо о привлечении в качестве обвиняемого принимается Председателем Следственного комитета РФ в отношении Генерального прокурора РФ – на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, принятого по представлению Президента РФ; в отношении Председателя Следственного Комитета РФ – исполняющим обязанности Председателя Следственного Комитета РФ на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, принятого по представлению Президента РФ.

Решение о возбуждении уголовного дела либо о привлечении в качестве обвиняемого принимается руководителем следственного органа Следственного Комитета РФ по субъекту РФ в отношении следующих лиц: депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ; прокурора района, города, приравненных к ним прокуроров, руководителя и следователя следственного органа по району, городу, а также адвоката; депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления; члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса.

Решение о возбуждении уголовного дела либо о привлечении в качестве обвиняемого принимается руководителем следственного органа Следственного Комитета РФ по субъекту РФ, следователем Следственного комитета РФ в отношении зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы с согласия Председателя Следственного Комитета РФ, а также зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ с согласия руководителя следственного Комитета РФ по субъекту РФ.

Что касается такой особенности, как окончание производства по уголовному делу, то следует отметить, что по общему правилу никаких отличий на этапе окончания предварительного расследования в отношении лиц, указанных в ст. 441 УПК РФ, уголовно-

процессуальный кодекс РФ не предусматривает. Особенность регламентирована в ст. 19 ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и распространяется только на депутатов верхней и нижней палаты Федерального Собрания. Согласно названному закону после окончания дознания, предварительного следствия дело не может быть передано в суд без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации. Следует отметить, что в данном законе не прописана процессуальная форма документа, порядок передачи согласия и его сроки.

Резюмируя изложенное, полагаем необходимым – во избежание возможных нарушений норм уголовно-процессуального закона – внести изменения в нормы уголовно-процессуального законодательства для приведения в соответствие норм федерального законодательства нормам УПК РФ.

PECULIARITIES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN REGARD TO SOME INDIVIDUALS

YU. P. YAKUBINA

*Orel Law Institute of the
Interior of Russia*

*e-mail:
orurinst@rambler.ru*

The notion of special proceedings is given. Subjects in regard to whom court proceedings is carried out in accordance with Ch. 52 of Criminal Procedure Code are under investigation. Peculiarities of proceedings in regard to individuals enjoying immunity are determined.

Key words: criminal proceedings; rules of criminal procedure legislation; criminal responsibility of individuals exercising important state and public functions; principle of equality before the law and the court; deputy of the State Duma; member of the Council of Federation; judge; public prosecutor.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.98-057.86

СПРАВОЧНАЯ И КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ¹

И.Н. КИСЛИЦИНА

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
irinakisitsina@rambler.ru*

В статье рассматриваются вопросы справочной и консультационной деятельности специалиста-криминалиста в производстве таких следственных действиях, как допрос, назначение судебной экспертизы.

Ключевые слова: справочно-консультационная деятельность в расследовании; участие специалиста в расследовании, производство следственных действий.

На сегодняшний день кражи являются наиболее распространённым и наименее раскрываемым видом преступлений. Успешное раскрытие и расследование преступлений данного вида во многом зависят от тесного сотрудничества следователей и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений. Это выражается в привлечении к этому процессу специалистов-криминалистов – сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Обладая специальными знаниями в области дактилоскопии, трасологии, владея навыками участия в следственных действиях, включая проведение фотосъёмки и видеосъёмки, они способны эффективно содействовать собиранию доказательств преступления.

Вместе с тем, профессиональная деятельность специалистов данного профиля в процессе раскрытия и расследования краж может быть основана не только на использовании специальных знаний отдельных перечисленных институтов криминалистики и не столько в аспекте процессуального взаимодействия со следователями.

Она обладает также выраженным непроцессуальным характером взаимодействия специалистов-криминалистов со следователями и содержательной способностью оптимизировать профессиональную деятельность последних по организации и проведению следственных действий. В связи с этим помощь специалиста-криминалиста на основе дачи следователю справок и консультаций приобретает особое значение, способное положительно воздействовать на принятие им правильных тактических и процессуальных решений по расследованию краж.

Стадия предварительного расследования краж основана на собирании доказательств посредством проведения следственных действий, определенных действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ. В современных условиях состязательного про-

¹ В рамках выполнения проекта внутривузовского конкурса грантов «Инициатива» НИУ «БелГУ», № проекта ВКГИ 032-2012, внебюджетные средства.

цесса достаточно трудно представить следователя, который, подготавливая следственное действие, не прибегает к той или иной форме консультации (получения справки) со специалистом-криминалистом.

Консультирование специалистом-криминалистом следователя при подготовке последним следственного действия может быть основано на производстве следственного действия самостоятельно следователем (без участия специалиста-криминалиста), а также на их последующем взаимодействии при его производстве (с привлечением специалиста-криминалиста в качестве участника следственного действия).

Это две различных ситуации расследования и две различных формы консультирования следователя.

Рассмотрим консультирование специалистом-криминалистом следователя при подготовке им следственного действия без последующего планируемого участия специалиста-криминалиста в данном следственном действии.

По свидетельству практики расследования краж к таким следственным действиям обычно относятся допросы и назначение экспертиз.

При подготовке к допросу наиболее распространенным и практически удобным видом организационно-подготовительных действий следователя для получения консультации у специалиста-криминалиста является их совместная беседа. На это обращает внимание и В.Д. Зеленский, отмечая, что именно беседа в этой ситуации подготовки следственного действия «...одно из условий его качества и эффективности»².

Опрос экспертов, выступающих в данных обстоятельствах специалистами-криминалистами, свидетельствует, что перед допросами участников предварительного расследования с различным процессуальным статусом, следователи обычно обращаются к ним за практическим советом (консультацией) по вопросам:

1). Консультации специалистов-криминалистов по уточнению сообщаемой информации. Они необходимы для индивидуализации признаков о сообщаемых похищенных объектах, пояснения особенностей тех процессов и механизма действий, о которых сообщает допрашиваемый. Это представляется весьма важным потому, что любой допрос по делу о краже должен быть построен на продуманной и правильно выдержанной системе вопросов, так как причиной низкого качества допросов может быть неумение следователя сформулировать вопрос должным образом, поставить его в такой форме, чтобы он был ясен допрашиваемому, недвусмыслен, точен и правилен по своей структуре.

В данной связи верно замечание С.В. Корнаковой: «Ошибочная постановка вопроса затрудняет, а порой и исключает получение ответа, поэтому представляется необходимым рассмотрение условий правильной постановки вопроса»³, а эти условия лучше знает специалист-криминалист.

С его помощью при подготовке к следственному действию «следователь сумеет выбрать наиболее правильную тактику проведения следственного действия, составить план, сформулировать вопросы, установить их последовательность»⁴.

2). Особенности манипулирования с вещественными доказательствами и документами, изъятыми в процессе осмотра места происшествия, обыска, выемки (по делам о кражах это достаточно актуально). Причем консультации обычно требуются не по порядку предъявления того или иного вещественного доказательства (документа), а его квалифицированного сопровождения понятными объяснениями, по сути, и последствиям содержащейся в них криминалистически значимой информации для предварительного расследования и допрашиваемого лица (для этого целесообразно провести еще и качественный осмотр вещественных доказательств с участием специалиста-криминалиста, как это, например, рекомендовано А.И. Дворкиным⁵). Кроме того, следователи консультируются по форме и содержанию вопросов к допрашиваемому лицу относительно получения

² Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета. 1989. – С. 131.

³ Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание: гносеологические и логические проблемы. – М.: Юрлитинформ. 2010. – С. 83.

⁴ Махов В.Н. Участие специалистов в следственных действиях. – М., 1975. – С. 41–42.

⁵ Дворкин А.И. Осмотр и предварительное исследование, и экспертиза вещественных доказательств – микрочастиц. – М., 1980. – С. 44–45.

необходимых пояснений по предъявленному вещественному доказательству или документу.

Консультирование у специалиста-криминалиста по проблемам планирования следователем тактического приема, связанного с использованием вещественных доказательств путем их предъявления допрашиваемому, как установлено опросом, часто включает вопросы выбора наиболее целесообразных условий, в которых будет осуществляться предъявление вещественных доказательств, выделение их признаков и свойств для обращения внимания допрашиваемого, правильное формулирование вопросов и т.п.

Вышеприведенный тезис хорошо иллюстрируется следующим примером. Подозреваемый гр. С. не признавал себя виновным в краже запасных частей к автомобилям, совершенной посредством подбора ключей к запирающим устройствам дверей. Планируя допрос, следователь изъял запирающие устройства. В его распоряжении находились также ключи, обнаруженные в ходе обыска квартиры гр. С., которые отпирали указанные запирающие устройства (данный факт был установлен в ходе следственного осмотра). Специалист-криминалист порекомендовал сначала предъявить подозреваемому протоколы обыска и осмотра, а затем продемонстрировать «отпирание» непосредственно подозреваемому. Данный тактический прием дал положительный результат – признательные показания гр. С.⁶

3). Диагностическая криминалистическая оценка специалистом-криминалистом того или иного вещественного доказательства (документа) также в числе вопросов консультационного порядка⁷. В процессе допроса эта характеристика вещественного доказательства (документа) во многом обеспечивает эффективность проведения отдельных тактических приемов, которые повышают эффективность допроса, так как специалист-криминалист «обладая более углубленными, чем следователь знаниями в области криминалистической техники и навыками в работе с вещественными доказательствами, не только помогает следователю посредством исследований, не влияющих на состояние вещественных доказательств, обнаружить и точно зафиксировать характерные особенности осматриваемого предмета, но иногда может дать объяснение причин их возникновения»⁸. На этой базе достаточно часто оптимальным является проведение следователем такого тактического приема как – создание у допрашиваемого преувеличенного представления об информированности следователя об обстоятельствах происшедшего события или его отдельных обстоятельствах.

4). Техничко-криминалистическое сопровождение допроса также является актуальным вопросом консультирования специалистом-криминалистом следователя, что относится преимущественно к, так называемым, разрешающим уголовно-процессуальным нормам, которые «содержат предписания о принципиальной допустимости применения технических средств»⁹. Обычное консультирование проводится с учетом особенностей помещения, где предполагается проведение допроса, а также «выборе тактических приемов допроса»¹⁰, оптимальных относительно свойств личности допрашиваемого лица.

Как бы подводя итог изложенному нами, П.П. Ищенко в этой связи отмечает, что, участвуя на консультационной основе в подготовке следственного действия, специалист-криминалист содействует следователю в фиксации доказательств, помогает ему: лучше понять допрашиваемого, установить способ преступных действий, пресечь ложные показания, касающиеся специальных вопросов, зафиксировать с помощью технических средств ход и результаты допроса¹¹.

⁶ Уголовное дело №1 – 447/07 // Архив Октябрьского районного суда гор. Барнаула.

⁷ См.: Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Научно-практическое пособие. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998; Дубровин С.В. Методологические аспекты криминалистической диагностики: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 2002.

⁸ Николайчик В.М. Следственный осмотр вещественных доказательств. – М., 1968. – С. 19.

⁹ Семенцов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 68.

¹⁰ Руководство для следователей (издание второе, переработанное). Часть первая. Отв. ред. В.В. Найденев и П.А. Олейник. – М.: «Юридическая литература», 1981. – С. 105.

¹¹ Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. – М., 1990. – С. 39–40.

Консультирование специалистом-криминалистом следователя при подготовке им следственного действия при расследовании краж без последующего планируемого его участия в данном следственном действии достаточно часто, кроме допросов, осуществляется и при назначении судебных экспертиз.

В соответствии со ст. 195 УПК РФ следователь имеет право назначить судебную экспертизу по уголовному делу, находящемуся у него в производстве. Для этого он должен вынести постановление и приложить к нему необходимые материалы и объекты экспертного исследования. Процедура с точки зрения ее процессуального сопровождения кажется не сложной. Ее алгоритм приведен Л.А. Соя-Серко и состоит из пяти основных позиций: сбор необходимых материалов; определение конкретных вопросов; выбор эксперта; вынесение постановления, ознакомление с ним эксперта¹². На самом деле это так если следовать только процессуальной норме. Однако в практике расследования краж возникает достаточно вопросов, которые на стадии подготовки назначения экспертизы должен решить следователь с тем, чтобы постановление и материалы не были ему возвращены экспертом для восполнения их неполноты и сама экспертиза, по качеству соответствовала цели назначения.

В таких ситуациях расследования следователь особенно остро нуждается в совете и консультации специалиста-криминалиста, о чем пишут и сами следователи¹³. Лучше, если это будет специалист-криминалист, который уже знаком с объектами, подлежащими направлению на экспертизу, то есть он участвовал в осмотре места происшествия, обыске, освидетельствовании и прочих следственных действиях, где эти объекты были следователем изъяты.

Какие же советы и консультации может дать специалист-криминалист следователю в подготовительной части назначения судебной экспертизы¹⁴?

Начнем с того, что перед назначением экспертизы следователю желательно выслушать мнение специалиста-криминалиста о пригодности объекта к экспертному исследованию (например, следов пальцев рук). Это мнение может быть основано на сведениях полученных из непосредственного участия специалиста-криминалиста в осмотре соответствующего места происшествия, осмотра объекта совместно со следователем с последующим составлением протокола, беседы со следователем и других источников. Данное действие необходимо потому, что назначение экспертизы по непригодному для экспертного исследования объекту будет затягивать производство по делу, как правильно указывает Е.Р. Россинская¹⁵.

Кроме того, немаловажным является консультация специалиста-криминалиста о наличии соответствующей экспертной методики для исследования объекта по конкретным вопросам. Назначение экспертизы при ее отсутствии или недостаточной разработанности также будет затягивать предварительное расследование.

Постановление о назначении экспертизы – процессуальный документ, который составляет следователь. В его содержании и отражаются все консультации следователя со специалистом-криминалистом и советы последнего следователю.

В его установочной части, традиционно, следователь отражает содержание факты расследуемой кражи и, в этой связи, обстоятельства обнаружения и изъятия объекта представляемого на экспертизу.

¹² Соя-Серко Л.А. Организация следственного действия. – М., 1974. – С. 33.

¹³ Жашуев Р.А. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е.И. Зуева): Сб. матер. 50-х Криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009. – С. 54–57.

¹⁴ Наши рекомендации являются унифицированными для практически всех объектов, которые могут нуждаться в традиционном криминалистическом экспертном исследовании по уголовному делу о кражах. Практика свидетельствует, что таких объектов может быть достаточно много и связаны они со следами последствиями совершения данных преступлений (следы отпечатков пальцев рук, низа обуви, следы орудий взлома и орудий, используемых для совершения краж, следы преступления и преступника на запирающих устройствах Ипр.).

¹⁵ Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. – С. 328.

С учетом особенностей его экспертного исследования, о которых специалист-криминалист всегда больше информирован, нежели следователь, он может рекомендовать более детально изложить обстоятельства и условия обнаружения объекта, его состояние и особенности перед упаковкой, а также сам процесс упаковки¹⁶. Эта информация даст эксперту сведения первоначального характера, обратит его внимание на криминалистическую правильность собирания (обнаружения, фиксации, изъятия) объекта, отсутствие ошибок при использовании технико-криминалистических средств и методов при собирании следов, особенно микрообъектов. Впоследствии это сможет объяснить ему некоторые признаки и свойства объекта исследования. Можно рекомендовать следователю приобщить к постановлению копию протокола (его фрагмента) с описанием обстоятельств обнаружения объекта, представляемого на экспертизу, протокола допроса (фрагмента протокола) лица, у которого объект был изъят (который его выдал следователю) об особенностях хранения, транспортировки объекта и прочей важной информации связанной с ним. Данные сведения, безусловно, являются важными для эксперта.

Следователю может понадобиться консультация (совет) о том, как правильно и точно следует мотивировать необходимость назначения судебной экспертизы, так как традиционная для данных процессуальных документов мотивировочная фраза о том, что назначение экспертизы «... имеет существенное значение для установления истины по уголовному делу...» ничего о целях следователя эксперту не говорит.

Однако наиболее активно следователь использует знания специалиста-криминалиста в процессе подготовки резолютивной части постановления для назначения судебной экспертизы.

Это, в первую очередь, связано с необходимостью грамотного формулирования вопросов по объекту, подлежащему экспертному исследованию.

Эта процедура может быть разделена на две части.

О первой, обычно хорошо осведомлен следователь, и она включает правила обращенные к формулированию вопросов, которые давно выведены криминалистикой: 1) они должны вытекать из конкретных обстоятельств дела; 2) должны быть поставлены с учетом возможностей современной науки, положениями которой пользуется эксперт; не должны выходить за пределы научной компетенции эксперта; 3) не должны требовать правовой оценки исследуемых фактов; 4) должны быть определенными, конкретными, ясно и правильно сформулированными, не носить наводящий характер; 5) располагаться в определенной логической последовательности¹⁷.

Вторая часть касается предмета судебной экспертизы, то есть, фактических данных (обстоятельств дела), исследуемых и устанавливаемых в досудебном производстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла¹⁸, перечня тех вопросов, которые следователю и надлежит сформулировать эксперту по конкретному объекту, назначая судебную экспертизу. В этой процедуре специалист-криминалист его первый помощник. Эта необходимость подчеркнута и законодателем – ч. 1 ст. 58 УПК РФ, где специалист может быть привлечен следователем «для постановки вопросов эксперту».

Совет и консультации в этом аспекте следователю могут быть выражены в следующем.

Во-первых, специалист-криминалист, в зависимости от предмета исследования, зачастую, более точно, чем следователь определит род и вид назначаемой экспертизы. Является она механоскопической, исследованием следов обуви, следов зубов, следов одежды и перчаток и т.п., что существенно для формулирования вопросов.

Во-вторых, специалист-криминалист, в силу профессиональной подготовки, обсуждая со следователем предмет экспертизы, способен более четко уяснить суть обстоятельства, подлежащего установлению экспертом. Он лучше, чем следователь знаком с науч-

¹⁶ Еникеев М.Н., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: тактика, технология: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 26.

¹⁷ Криминалистика. – М.: «Юридическая литература», 1968. – С. 442.

¹⁸ Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. – С. 84.

ными возможностями и методиками, которые при этом могут быть использованы экспертом, а также компетентностью экспертов, которым может быть поручено производство судебной экспертизы.

Об этом хорошо пишет Е.Р. Россинская: «Специалист может помочь определить род и вид судебной экспертизы, что непосредственно связано с выбором экспертного учреждения или кандидатуры эксперта, определением его компетентности в решении поставленных вопросов»¹⁹.

И, наконец, с учетом этих обстоятельств специалист-криминалист более чем следователь подготовлен в научном, логическом и грамматическом отношении к формулированию вопросов, выносимых на разрешение экспертом. В особенности это касается вопросов связанных с использованием информации, полученной при освидетельствовании подозреваемого в краже гражданина²⁰.

Однако помощь специалиста-криминалиста при подготовке назначения экспертизы по уголовным делам о кражах не ограничивается только вышеприведенными эпизодами дачи следователю советов и его консультирования.

Специалист-криминалист всегда более компетентен, чем следователь в вопросах кому наиболее целесообразно поручить выполнение экспертизы с учетом возможностей судебного-экспертного учреждения, а также квалификации их сотрудников. Последняя часть вышеприведенного тезиса Е.Р. Россинской здесь актуальна тем, что специалист-криминалист всегда более информирован, в силу своего должностного положения, чем следователь, в компетенции и компетентности конкретного эксперта, а это один из определяющих факторов успеха судебно-экспертного исследования объекта.

Поэтому данное обстоятельство также обязательно должно быть отражено в резолютивной (постановочной) части постановления следователя о назначении судебной экспертизы, так как «успех назначения экспертизы, научная обоснованность и объективность ее заключения в значительной мере зависит от правильного выбора эксперта (экспертов)»²¹.

Кроме того, осуществляя свою справочно-консультационную деятельность при подготовке назначения следователем судебной экспертизы, специалист-криминалист может указать на иные ошибки в постановлении о назначении экспертизы, когда на разрешение эксперта ставятся вопросы, выходящие за пределы его компетентности, или для ответов на вопросы не требуется специальных знаний.

Другая ситуация может возникнуть в обстоятельствах наличия недостаточной разработанности экспертных методик для более глубокого исследования объекта. Специалист-криминалист может проконсультировать следователя о том, что могут дать расследованию «устоявшиеся», проверенные методики исследования вещественных доказательств, приобщенных к уголовным делам о кражах, и каково будет доказательственное значение результатов экспертизы объекта на основе их применения.

Наконец, советы и консультирование специалиста-криминалиста необходимо и эффективно при назначении исследований объектов по новым видам экспертиз (например, идентификации личности на основе судебно-генетической экспертизы по следам биологических выделений). В этой связи А.М. Зинин отмечает: «Информация о развитии судебных экспертиз, появлении их новых видов и возможностях этих экспертиз не всегда своевременно поступает в следственные и судебные органы, поэтому специалист еще при проведении следственных действий с его участием – осмотр мест происшествий, обысков и выемок – может дать совет следователю о необходимости назначения экспертизы, недавно выполняемой в судебно-экспертных учреждениях»²².

¹⁹ Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. – С. 328.

²⁰ Торбин Ю.Г. Освидетельствование как способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования. Научно-практическое пособие. – М.: Издательство «Юрлитинформ». 2005. – С. 206–230.

²¹ Иванов В.П., Штейнгауз М.С. Назначение экспертизы следователем и судом. – Минск, 1975. – С. 126.

²² Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях: Учебно-практическое пособие / А.М. Зинин. – Издательство «Экзамен». – М., 2004. – С. 118.

Исследование справочно-консультационных возможностей в деятельности специалиста-криминалиста было бы не полным, если бы мы не рассмотрели вопрос под несколькими ракурсами.

Дача справок и консультирование следователя по «текущим» экспертизам (первоначальным и основным) предварительного расследования краж для специалиста-криминалиста можно считать достаточно традиционной деятельностью.

Большую сложность и интерес представляют следующие виды его справочно-консультационной деятельности в интересах следователя, когда последний сталкивается с проблемными ситуациями расследования при назначении судебных экспертиз.

Одной из таких ситуаций является необходимость назначения не первичной экспертизы по объекту, речь о которой шла выше, а дополнительного, повторного, комиссионного или комплексного исследования объекта.

Порядок назначения дополнительной и повторной судебной экспертизы определен ст. 207 УПК РФ.

Необходимость в назначении данных видов исследований возникает у следователя либо при недостаточности ясности или полноте заключения эксперта, возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств, либо в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта (экспертов).

Консультируя следователя по вопросам назначения дополнительной экспертизы, специалист-криминалист может оказать компетентную помощь в формулировании дополнительных вопросов, и не только тех, на которые не были получены ответы в связи с первичным исследованием, но также связанных с экспертным разъяснением особенностей примененных в первичной экспертизе методики и техники исследования, научном объяснении полученных результатов, толковании других положений первичной экспертизы.

Назначение повторной экспертизы, в соответствии с действующей процессуальной нормой, как показывает практика, проводится следователями без активного участия специалиста-криминалиста. Однако по данным той же практики расследования краж следователи часто привлекают специалистов-криминалистов для неофициальной оценки первичных заключений экспертов, с целью установления обоснованности сделанных ими выводов и обнаружения в них противоречий (16.6% опрошенных следователей).

В соответствии с действующим процессуальным законодательством, в процессе предварительного расследования, следователь в праве назначить комиссионную (ст. 200 УПК РФ) и комплексную (ст. 201 УПК РФ) экспертизы.

Комиссионный характер судебной экспертизы определяется либо следователем ее назначившим, либо руководителем экспертного учреждения, куда эта экспертиза назначена. Консультирование со специалистом-криминалистом при назначении экспертизы следователем обычно связано с необходимостью получения совета относительно его оценки сложности объекта («старый» след отпечатка пальца руки изъятый на месте кражи), по которому необходимо проведение экспертного исследования. Выявлены факты, когда следователь обращался за советом к специалисту-криминалисту о необходимости комиссионного исследования объекта при решении вопроса о назначении повторной экспертизы, а также, так называемой, многообъектной экспертизе. Последний вид экспертиз является традиционным и для расследования краж, когда расследуется серия этих преступлений, совершенных группой лиц.

Комплексная экспертиза связана с участием в исследовании объекта экспертами различных специальностей. Она назначается по сложным уголовным делам (кражи антиквариата, предметов религиозного культа и пр.) и не является традиционной для предварительного расследования. Отсутствие достаточного опыта в ее организации у следователей объясняет их обращение за помощью к специалистам-криминалистам практически по каждому факту.

Кроме вышеупомянутых вопросов, следователи консультируются по проблемам выбора необходимых специалистов для участия в комплексном исследовании объекта, по конкретным вопросам каждому из них, материалах уголовного дела, выделение которых необходимо для объективного исследования объекта экспертизы.

Отметим еще одну группу экспертиз, для назначения которых следователь пользуется консультацией (советом) специалиста-криминалиста – это сложные и многообъектные экспертизы.

К сложным следует относить экспертизы, при производстве которых требуется последовательно применять многие методы исследования для решения одной или однотипных задач (например, исследование следа пальца руки с целью идентификации по собственно материальному отображению папиллярного узора и по биологическим характеристикам потожировых выделений)²³. На практике консультации следователя со специалистом-криминалистом сводятся, преимущественно, к совету о месте (экспертном учреждении с наиболее квалифицированными экспертами), куда следует назначить экспертизу с тем, чтобы в установленные сроки получить обоснованное заключение.

Многообъектные экспертизы в рамках одного вида криминалистической экспертизы не редки при расследовании краж. Проблема их производства в экспертном учреждении обычно связана с длительными сроками исследований и получения следователем заключения. В этих обстоятельствах, при обращении следователя к специалисту-криминалисту последний советует назначить отдельные экспертизы по каждому объекту и направить их в одно экспертное учреждение, где, вероятно, ряд экспертных исследований можно будет провести по аналогии.

Достаточно часто проведение криминалистических экспертиз по уголовным делам о кражах сопряжено с необходимостью представления эксперту, как самого объекта экспертного исследования, так и образцов для сравнительного исследования.

В этом аспекте консультационная деятельность специалиста-криминалиста по запросу следователя может распространяться и на дачу ему советов о том, как правильно произвести изъятие образцов для сравнительного исследования, в соответствии с их классификацией²⁴. Естественно эти советы касаются не процессуальной, а, исключительно криминалистической стороны вопроса, и ситуаций, когда следователь намерен сам, без участия специалиста-криминалиста, производить изъятие экспериментальных образцов для сравнительного исследования. На практике возникают трудности с привлечением специалистов, которые «выражаются чаще всего в нежелании специалистов безотлагательно принимать участие в следственном действии (например, медицинские работники, ссылаясь на занятость или иные причины, отказываются немедленно получать образцы крови)»²⁵.

В этих обстоятельствах следователь должен начать с ознакомления специалиста-криминалиста с обстоятельствами кражи и объектом, который намечен им к экспертному исследованию, его признаками и свойствами, а также с постановлением о назначении соответствующего экспертного исследования этого объекта, в особенности с вопросами по данному объекту, отраженными в резолютивной части постановления. Информация этих источников позволит специалисту-криминалисту «войти в курс дела» и проявить собственную компетентность в даче следователю совета об особенностях его действий при изъятии экспериментальных образцов.

Практика свидетельствует, что наиболее оптимальный алгоритм консультации, в зависимости от особенностей объекта подлежащего экспертному исследованию, должен начинаться с рекомендации о том, какие образцы подлежат изъятию и какое их количество будет достаточно для экспертного исследования (то есть вопрос количества и качества образцов). Иными словами, эти образцы должны удовлетворять следующим обязательным требованиям: а) иметь несомненное происхождение от исследуемого объекта (субъекта), то есть быть точно установленными от чего (кого) они получены и б) быть репрезентативными и сопоставимыми²⁶. Последняя позиция нуждается в более детальном толковании. Репрезентативность означает здесь достаточное по количеству и качеству

²³ Шляхов А.Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. – М., 1972. – С. 101.

²⁴ Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 12–13.

²⁵ Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. – М.: Издательство «Юрлитинформ». 2003. – С. 26.

²⁶ Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: КОНТАКТ, 2008. – С. 277.

отображение общих и частных признаков отождествляемого объекта, то есть образец должен отражать все свойства объекта, существенные для решения экспертных задач, передавать их соотношение (распределение) в его структуре и по его поверхности. Сопоставимость же обеспечивается получением образцов, максимально соответствующих объекту, подлежащему экспертному исследованию по механизму их образования²⁷.

В соответствии с анализом практики вышеприведенная рекомендация актуальна для собирания экспериментальных образцов следов пальцев рук подозреваемых в кражах лиц, следов орудий взлома (проникновения) преграды для их криминалистической идентификации.

На эти важные вопросы также в первую очередь обращает внимание и П.П. Ищенко, правда в аспекте взаимодействия специалиста и следователя в изъятии экспериментальных образцов для сравнительного исследования²⁸.

Следующим моментом консультации может стать нацеливание следователя на создание определенных условий, необходимых для качественного изъятия экспериментальных образцов для экспертного исследования. Для правильной дачи этого совета специалист-криминалист должен выяснить у следователя обстоятельства, в которых был обнаружен и изъят объект, подлежащий экспертному исследованию, при определенных обстоятельствах он может быть осмотрен специалистом-криминалистом (разумеется, с соблюдением необходимых процессуальных процедур). На этой информационной основе консультирование будет эффективным и обеспечит экспериментальным образцам большую репрезентативность.

Особое значение в аспекте рассматриваемого вопроса имеет совет специалиста-криминалиста о технических средствах, которые могут понадобиться следователю в процессе изъятия экспериментальных образцов, а также упаковочном материале для них, опять же с целью сохранения их репрезентативности для дальнейшего экспертного исследования.

Таким образом, в статье было рассмотрено справочное и консультационное участие специалиста-криминалиста при производстве таких следственных действий как допрос и назначение экспертизы.

Список литературы

1. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета. 1989.
2. Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание: гносеологические и логические проблемы. – М.: Юрлитинформ. 2010.
3. Махов В.Н. Участие специалистов в следственных действиях. Москва, 1975.
4. Дворкин А.И. Осмотр и предварительное исследование, и экспертиза вещественных доказательств – микрочастиц. М., 1980.
5. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Научно-практическое пособие. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998.
6. Дубровин С.В. Методологические аспекты криминалистической диагностики: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 2002.
7. Николайчик В.М. Следственный осмотр вещественных доказательств. – М., 1968.
8. Семенов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. – М.: Юрлитинформ. 2010.
9. Руководство для следователей (издание второе, переработанное). Часть первая. Отв. ред. В.В. Найденов и П.А. Олейник. – М.: «Юридическая литература». 1981.
10. Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. – М., 1990.
11. Соя-Серко Л.А. Организация следственного действия. – М., 1974.
12. Жашуев Р.А. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е.И. Зуева): Сб. матер. 50-х Криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009.

²⁷ Жбанков В.А. Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. Учебное пособие. Москва, 1969. – С. 12–23.

²⁸ Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. М., 1990. – С. 118.

13. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009.
14. Еникеев М.Н., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: тактика, технология: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
15. Криминалистика. – М.: «Юридическая литература», 1968.
16. Торбин Ю.Г. Освидетельствование как способ собирания доказательств на стадии предварительного расследования. Научно-практическое пособие. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2005.
17. Иванов В.П., Штейнгауз М.С. Назначение экспертизы следователем и судом. – Минск, 1975.
18. Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях: Учебно-практическое пособие. – Издательство «Экзамен». – М., 2004.
19. Шляхов А.Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. – М., 1972.
20. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
21. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003.
23. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: КОНТАКТ, 2008.
24. Жбанков В.А. Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. Учебное пособие. – М., 1969.

HELP AND CONSULTING ACTIVITY OF THE SPECIALIST CRIMINALIST BY PRODUCTION OF SOME INVESTIGATORY ACTIONS AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION OF THEFTS

I.N. KISLITSINA

*Belgorod state national
research university*

e-mail: irinakislitsina@rambler.ru

In article questions of help and consulting activity of the specialist criminalist in production such investigatory actions, as interrogation, purpose of judicial examination are considered.

Key words: the inquiry and consulting activity investigation; the participation of the expert in investigation; production of investigatory actions.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ ИСПОЛНИТЕЛЯ ТЕКСТОВОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА

И.М. КОМАРОВ¹⁾
М.Ю. ТРЕТЬЯКОВ²⁾

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail: komarov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: komarov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается возможность идентификации исполнителя текстового электронного. Приводятся признаки характеризующие автоматизированное рабочее место и признаки исполнителя текстового электронного документа.

Ключевые слова: идентификация, текстовый электронный документ.

В настоящее время вопрос о конкретном исполнителе электронного документа, изготовленного с использованием компьютера, затруднен, так как под одним условным именем в системе могут работать несколько человек. Используемая при наборе текста версия программного продукта и изменения, вносимые в шаблон, используемый по умолчанию, а также формат, в котором сохраняется документ, влияют на стабильность процесса слепообразования. При исследовании признаков находящихся в теле электронного документа, в первую очередь, необходимо ознакомиться с требованиями, предъявляемыми к оформлению текстовой электронной документации в организации. Наличие таких требований, вынуждает исполнителя использовать определенные параметры, которые нельзя изменять, а значит, информационная значимость этих признаков оказывается низкой и непригодной для установления исполнителя.

Существует ряд методов и подходов к анализу клавиатурного почерка^{1,2,3,4,5,6,7,8} учитывающие биометрические параметры клавиатурного почерка, представленные в виде усредненных значений длительности событий клавиатуры. Предложенные методики к сожалению, не могут быть применимы для современной экспертизы электронных доку-

¹ Joyce R., Gupta G. Identity authorization based on keystroke latencies // Commun. ACM 33 (2) (1990) PP. 168-176.

² Monroe F., Rubin A.D. Authentication via keystroke dynamics // Fourth ACM Conference on Computer and Communication Security, 1997, PP. 48-56. Monroe F., Rubin A.D. Keystroke dynamics as a biometric for authentication // Future Generation Computer System 16 (2000) PP. 351-359.

³ Иванов А.И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений. – Пенза: Изд-во Пенз-го гос. ун-та, 2000. – 188 с.

⁴ Гузик В.Ф., Десятерик М.Н. Биометрический метод аутентификации пользователя. // Известия ТРТУ – ТРТУ, Таганрог. – 2000. – №2(16). – С. 139-144.

⁵ Иванов А.И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2000. – 188 с.

⁶ Широчкин В.П., Кулик А.В., Марченко В.В. «Динамическая аутентификация на основе анализа клавиатурного почерка». // http://www.masters.donntu.edu.ua/2002/fvti/aslamov/files/bio_authentication.htm

⁷ Лепёшкин О.М., Скубицкий А.В. Разработка подхода к распознаванию биометрического портрета пользователя по клавиатурному почерку на основе методов нелинейной динамики / Информационное противодействие угрозам терроризма. – 2008. – № 11. – С. 102 – 112. <http://www.contrterror.tsure.ru/site/magazine11/03-11.htm>.

⁸ Брюхомицкий Ю.А., Казарин М.Н. Выделение информативных биометрических параметров в системах клавиатурного мониторинга // Информационное противодействие угрозам терроризма. Научно-практический журнал №14. 2010. – С. 139-143., Брюхомицкий Ю.А., Казарин М.Н. Многосвязное представление биометрических параметров в системах клавиатурного почерка // Информационное противодействие угрозам терроризма. Научно-практический журнал №14. 2010. – С. 144-148., Брюхомицкий Ю.А. Распознавание клавиатурного почерка на основе использования статистических оценок плотности распределения // Информационное противодействие угрозам терроризма. Научно-практический журнал №14. 2010. – С. 149-154.

ментов в полном объеме⁹, что связано с высоким уровнем развития в текстовых редакторах функций автозамены и проверки орфографии¹⁰.

Не смотря на существующую классификацию признаков пригодных для идентификации электронного документа¹¹ приходится констатировать, что авторы упустили ряд важных с криминалистической точки зрения признаков сохраняющихся в теле документа.

Основная часть

К признакам, позволяющим установить автоматизированное рабочее место (персональный компьютер), на котором был подготовлен исследуемый электронный документ, относятся в первую очередь свойства документа представляющие собой метаданные – данные непосредственно о самом документе. Настройки свойств по умолчанию включают размер файла и его тип, первоначальное название документа, автора и статистику типа числа знаков, слов абзацев и страниц. Программы генерируют значения многих из этих свойств автоматически. Например, вычисляет все статистические данные, основанные на содержании документа, и текущие значения для свойств Автор и Компания, которые вводятся при установке программы¹². В свойствах также может отображаться дата создания, последнего сохранения, последнего вывода на печать, количество редакций и общее время редактирования. Кроме этого текстовый электронный документ включает в себя признаки, характеризующие настройки конкретного экземпляра программного продукта, среди которых наиболее существенными являются признаки, формируемые шаблоном документа.

Под параметрами шаблона понимают большую группу настроек, используемых соответствующими программами по умолчанию для облегчения работы пользователя по созданию текстового документа. Эти настройки сохраняются в файле с конкретным именем и расширением, имеют условные наименования и значения, наиболее близко подходящие для большинства документов,готавливаемых пользователем. Изменение данных значений пользователем при создании документа или группы документов влечет сохранение этих параметров в теле файла документа¹³.

Криминалистическая значимость параметров шаблона может рассматриваться с точки зрения необходимости решения задачи установления общего источника происхождения документов. При этом указанная задача решается, как в условиях наличия двух электронных документов с последующим их сравнением между собой, так и при наличии электронного документа и документа, изготовленным традиционным способом, что также предполагает последующее их сравнение (под традиционным документом здесь имеется в виду документ, подготовленный на компьютере и распечатанный на бумажном носителе с помощью знаковосинтезирующих устройств).

Среди признаков позволяющих установить исполнителя электронного документа, можно выделить следующие подгруппы:

1. Признаки, отражающие содержание и построение текстового документа, сформированное пользователем без использования шаблона.

1.1. Признаки, отражающие пространственную ориентацию фрагментов текста, являются значимыми при сравнении двух электронных документов и электронного документа с «бумажным».

1.1.1. Расположение текста и его фрагментов относительно срезов листа бумаги, их взаиморасположение. Под самостоятельными фрагментами документа подразумевались: наименования, даты, расшифровка подписей, резолюции, заголовки, обращения, номера страниц и т.д. Под расположением текста в целом, подразумевалось его размещение относительно срезов листа бумаги: наличие, локализация, размер полей; размер отступов от верхнего и нижнего краев страницы. Данные значения измеряются в сантиметрах.

⁹ Комиссаров А.Ю., Подлесный А.В. Идентификация пользователя ЭВМ и автора программного продукта: Метод. рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 1996., – С. 13.

¹⁰ МакФедрис П. Раскрытие тайн Microsoft office 2003 / Пол Мак Федрис – М.: НТ Пресс, 2007. – С. 19.

¹¹ Ковалюх Е.А., Шухнин М.Н. Классификация признаков электронных документов, подготовленных в текстовом редакторе Microsoft Word // Судебная экспертиза. – 2008. – С. 73-81.

¹² МакФедрис П. Раскрытие тайн Microsoft office 2003 / Пол Мак Федрис – М.: НТ Пресс, 2007 С. 32.

¹³ Столяров А.М., Столярова Е.С. Уроки по Microsoft Word для менеджеров и не только... / Столяров А.М., Столярова Е.С. – М.: НТ Пресс, 2007. – 224 с.

1.1.2. Размещение начального движения в первой строке абзаца (абзацный отступ). Измеряется в сантиметрах. Каким образом он выполнен: табуляцией, пробелами или верхним колонтитулом.

1.1.3. Интервал между последней строкой предыдущего и первой строкой последующего абзацев. У некоторых исполнителей может отличаться от межстрочного интервала, это связано с желанием более четко отделить абзацы друг от друга, хотя данный параметр используется в практике крайне редко и скорее может свидетельствовать об использовании материалов скопированных из Интернета. Признак четко прослеживается как при сравнении двух электронных документов, так и электронного документа с «бумажным».

1.1.4. Величина межстрочного интервала – расстояние между основаниями знаков, расположенных в смежных строках. Значения межстрочного интервала соответствуют аналогичным значениям, используемым в пишущих машинах, который может быть одинарным (1), полуторным (1,5), двойным (2) и т.д. Значения этого параметра существенны при сравнении двух электронных документов и электронного документа с «бумажным». Данный параметр при оформлении большинства документов является жестко детерминированным, его использование при идентификации зависит от требований предъявляемых к документу.

1.1.5. Размер интервалов между словами и масштаб межзнакового интервала. При сравнении двух электронных документов интервал между словами может измеряться в количестве пробелов или табуляций. Это связано с тем, что в электронных документах значение обычного пробела не имеет фиксированного значения, а изменяется в зависимости от количества и размера слов в строке. Расположение интервалов в тексте также определяется и наличием настройки расстановки переносов. Надо отметить, что одним из характерных признаков сканированного документа через программу ABBY FINE READER является наличие скрытых переносов, которые четко отображаются при включении опции показывать непечатные знаки

1.1.6. Размещение знаков препинания, относительно предшествующего слова: может быть вплотную к предшествующему слову или отделено от него пробелом.

1.1.7. Использование разрывов страниц, разрывов разделов свидетельствует о наличии у пользователя соответствующих навыков и представлений об использовании данных функций.

1.1.8. Использование символов и специальных знаков могут свидетельствовать, как о высоком уровне владения программным продуктом, так и использовании Интернета при подготовке документа.

1.1.9. Непечатаемые символы – символы окончания абзаца, пробелы, условные переносы, символы табуляции, скрытый текст и др.¹⁴.

1.1.10. Использование надстрочных и подстрочных знаков в тексте.

1.1.11. Наличие скрытых гиперссылок в тексте.

1.1.12. Наличие уровней для заголовков в тексте и автоматическое оглавление.

1.1.13. Наличие режима рецензирования в тексте.

2. Исполнительские признаки письменной речи проявляются как в электронных, так и в традиционных документах.

2.1. Акцентирование – выделение фрагментов текста может осуществляться с помощью параметров шрифта (курсивом, жирным шрифтом, изменением вида шрифта, изменением цвета шрифта), подчеркиванием, цветом, при этом выбранный цвет выделения также будет индивидуализировать исполнителя.

Использование определенных сокращений и наличие устойчивых ошибок: орфографических, пунктуационных, грамматических. Здесь нужно отметить, что данные признаки могут проявляться даже при наличии в текстовом редакторе функции подчеркивания или исправления ошибок ввиду того, что пользователь зачастую пренебрегает этими возможностями или отключает указанные функции. Особое внимание необходимо обра-

¹⁴ Глушаков С.В. Microsoft Word 2007 / С.В. Глушаков, А.С. Сурядный, М.А. Струков. – изд. 3-е, доп. и перераб. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 63.

тить на такую функцию текстового редактора как статистика удобочитаемости¹⁵. Результаты проверки на удобочитаемость основаны на величине среднего числа слогов в слове и слов в предложении. Проверка удобочитаемости по Флешу оценивает текст по 100-балльной шкале. Чем выше значение, тем проще понять документ.

Проверка удобочитаемости по школьному тесту по Флешу-Кинкейду используется для оценки текстов на экзаменах в школах США. Например, значение 8,0 означает, что этот документ может понять ученик восьмого класса.

В целом статистика удобочитаемости включает следующие характеристики документа:

- общее количество: слов в тексте, символов, абзацев, предложений.
- среднее количество: предложений в абзаце, слов в предложении, символов в слове.
- показатели легкости чтения: уровень образования, легкость чтения, число сложных фраз, благозвучие.

При анализе текста можно просмотреть и общую статистику, включающую такие параметры как число страниц, слов, знаков без пробелов, знаков с пробелами, абзацев и строк.

2.3. Способ написания отдельных слов: дат, сумм, неологизмов, профессионализмов, архаизмов, жаргонизмов и т.д.

2.4. Формат цифр, используемый для нумерации страниц документа.

3. Признаки, характеризующие навык владения программным обеспечением, позволяющим создавать текстовые документы.

3.1. Вид программного продукта, применявшегося для подготовки электронного документа. Такие программы можно разделить на три класса:

1. Текстовые редакторы – программы, рабочее поле которых представлено в виде строго фиксированного количества строк и столбцов, в связи с чем, невозможно произвольно менять местоположение символов (Microsoft Word);

2. Программы верстки – программы, представляющие текст в виде объектов, позиционировать, которые возможно любым способом. Позволяют в явном виде задавать параметры отдельных фрагментов документа (Page Maker);

3. Программы, используемые для распознавания и последующей обработки изображения текста, полученного с помощью сканера, с последующим переводом обработанной информации в формат текстового редактора (Fine Reader).

Все перечисленные программы позволяют создать текстовый документ, но обладают разными возможностями, поэтому использование их зависит от задач, которые ставит перед собой пользователь и тех навыков работы с программами, которыми он обладает.

3.2. Использование пользователем шаблонов стандартных документов, а также измененных шаблонов, применяемых конкретным программным продуктом по умолчанию (особенности исследования этого признака указаны выше при описании параметров шаблона, в данном же разделе значение имеет то, как пользователи определенного квалификационного уровня будут использовать указанные возможности).

3.3. Работа с инструментарием программы. Способы форматирования текста.

Исследование этих признаков возможно лишь в случае при сравнении двух электронных документов ввиду того, что в тексте на бумажном носителе отображается лишь конечное значение отформатированного текста, а не способ, каким это форматирование было достигнуто.

3.3.1. Способ установления отступа в первой строке абзаца (абзацный отступ).

3.3.2. Способ воздействия на размер расстояний между словами. Расстояния между словами в текстовом редакторе Microsoft Word, выставленные с помощью «пробела» не имеют фиксированного значения, а зависят от размера и количества слов в строке, при этом их значение может существенно варьироваться, что в некоторых случаях придает фрагментам текста не вполне эстетичный вид. Так, например, происходит при увеличении отрыва заглавных букв инициалов от фамилии. Особенно четко это проявляется при

¹⁵ Джонсон С. Microsoft Word 2007 / Джонсон Стив; пер. с англ. Вернигорова В.А. – М. НТ Пресс, 2008. – С. 267.

установлении выравнивания текста по «ширине» в отсутствии возможности переноса слов.

3.3.3. Использование шрифтов, их размеров, надстрочных и подстрочных символов. Исследовать данный признак представляется возможным как при сравнении двух электронных документов, так и электронного документа с «бумажным».

3.3.4. Использование форматирования абзацев. Возможности форматирования абзацев заключаются в установлении отступов, табуляции, увеличение межстрочного интервала сверху и снизу абзаца, установка переносов и деление на страницы.

3.3.5. Использование стилей. Стилль является комплексным понятием и содержит указания, как по форматированию символов, так и по форматированию абзацев.

3.3.6. Использование колонтитулов. Колонтитулами называют области, расположенные в верхнем и нижнем поле каждой страницы документа. В колонтитул обычно вставляется текст или рисунок (номер страницы, дата печати документа, эмблема организации, название документа, имя файла, фамилия автора и т. п.), который должен быть напечатан внизу или вверху каждой страницы документа.

3.3.7. Использование сносок. Правильность их применения.

3.3.8. Использование возможностей создания нумерованных списков.

3.3.9. Способы выделения текста цветом, или другими приемами.

3.3.10. Использование в тексте уровней.

3.4. Особенности и закономерности возникновения орфографических и пунктуационных ошибок.

Исследование исполнительских признаков письменной речи (уровень владения орфографическими и пунктуационными навыками) важен при сравнении двух электронных документов и электронного документа с «бумажным».

Выводы

Обобщая материал, можно с уверенностью утверждать, что электронные документы могут и должны использоваться в качестве источников доказательства по уголовному делу. На исследование электронного документа, как доказательства должны быть распространены процессуальные нормы, касающиеся документа вообще. Установление содержания электронных документов, относящихся к событию преступления, места, времени, а также иных существенных обстоятельств их подготовки кардинально меняет темп и результативность расследования уголовного дела, позволяет быстро и эффективно противодействовать сговору, круговой поруке обвиняемых, минимизировать негативные последствия уничтожения ими письменных документов, а в целом – адекватно реагировать на реальные условия, в которых осуществляется расследование преступлений.

При исследовании признаков находящихся в теле электронного документа, в первую очередь, необходимо ознакомиться с требованиями, предъявляемыми к оформлению текстовой электронной документации в организации. Наличие таких требований, вынуждает исполнителя использовать определенные параметры, которые нельзя изменять, а значит, информационная значимость этих признаков оказывается низкой и непригодной для установления исполнителя.

Признаки, присутствующие в теле электронного текстового документа можно разбить на следующие группы:

- признаки, позволяющие установить автоматизированное рабочее место пользователя.

- признаки, позволяющие установить лицо, подготовившее электронный документ.

Признаки эти тесно переплетаются, поскольку настройки шаблона, который характеризует рабочее место, могут изменяться самим пользователем без изменения шаблона и в этом случае уже являться признаками исполнителя электронного документа.

Необходимо учитывать совокупность признаков, поскольку навык владения одним из признаков, а также типом используемого текстового редактора при подготовке документа. Выделенные в работе признаки, могут быть использованы экспертами при установлении одного исполнителя по двум электронным документам.

Электронный текстовый документ не может существовать как таковой. Поэтому и конструированию подлежит не только электронный документ, но и правовая система,

частью которой он является. Иначе говоря, нужно создать процедуры экспертизы электронных документов, которые стали бы столь же убедительными для суда, сколь убедительными являются привычные методы анализа бумажных документов. Затем нужно законодательно поддержать их и, наконец, ввести такие экспертизы в регулярную судебную практику.

Список литературы

1. Joyce R., Gupta G. Identity authorization based on keystroke latencies // Commun. ACM 33 (2) (1990) PP. 168-176.
2. Monrose F., Rubin A.D. Authentication via keystroke dynamics // Fourth ACM Conference on Computer and Communication Security, 1997, PP. 48-56. Monrose F., Rubin A.D. Keystroke dynamics as a biometric for authentication // Future Generation Computer System 16 (2000) PP. 351-359.
3. Иванов А.И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений. – Пенза: Изд-во Пенз-го гос. ун-та, 2000. – 188 с.
4. Гузик В.Ф. Десятерик М.Н. Биометрический метод аутентификации пользователя. // Известия ТРТУ – ТРТУ, Таганрог. – 2000. – №2(16). – С. 139-144.
5. Иванов А.И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2000. – 188 с.
6. Широчкин В.П., Кулик А.В., Марченко В.В. «Динамическая аутентификация на основе анализа клавиатурного почерка». // http://www.masters.donntu.edu.ua/2002/fvti/aslamov/files/bio_authentication.htm
7. Лепёшкин О.М., Скубицкий А.В. Разработка подхода к распознаванию биометрического портрета пользователя по клавиатурному почерку на основе методов нелинейной динамики / Информационное противодействие угрозам терроризма. – 2008. – № 11. – С. 102 – 112. <http://www.contrterror.tsure.ru/site/magazine11/03-11.htm>.
8. Брюхомицкий Ю.А., Казарин М.Н. Выделение информативных биометрических параметров в системах клавиатурного мониторинга // Информационное противодействие угрозам терроризма. Научно-практический журнал №14. 2010. С. 139-143.,
9. Брюхомицкий Ю.А., Казарин М.Н. Многосвязное представление биометрических параметров в системах клавиатурного почерка // Информационное противодействие угрозам терроризма. Научно-практический журнал №14. 2010. С. 144-148.,
10. Брюхомицкий Ю.А. Распознавание клавиатурного почерка на основе использования статистических оценок плотности распределения // Информационное противодействие угрозам терроризма. Научно-практический журнал №14. 2010. С. 149-154.
11. Комиссаров А.Ю., Подлесный А.В. Идентификация пользователя ЭВМ и автора программного продукта: Метод. рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 1996., С. 13.
12. МакФедрис П. Раскрытие тайн Microsoft office 2003 / Пол Мак Федрис – М.: НТ Пресс, 2007 С. 19.
13. Ковалюх Е.А., Шухнин М.Н. Классификация признаков электронных документов, подготовленных в текстовом редакторе Microsoft Word // Судебная экспертиза. – 2008. – С. 73-81.
14. Столяров А.М., Столярова Е.С. Уроки по Microsoft Word для менеджеров и не только... / Столяров А.М., Столярова Е.С. – М.: НТ Пресс, 2007. – 224 с.
15. Глушаков С.В. Microsoft Word 2007 / С.В. Глушаков, А.С. Сурядный, М.А. Струков. – изд. 3-е, доп. и перераб. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 63.
16. Джонсон С. Microsoft Word 2007 / Джонсон Стив; пер. с англ. Вернигорова В.А. – М. НТ Пресс, 2008. – С. 267.

IDENTIFICATION OF SIGNS OF CONTRACTOR TEXT ELECTRONIC DOCUMENT

I.M. KOMAROV¹⁾
M.Y. TRETYAKOV²⁾

*Belgorod state national
research university*

¹⁾ e-mail: komarov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: komarov@bsu.edu.ru

The possibility of identification a text electronic performer. We give criteria for characterizing the workstation and featured performer of electronic text document.

Key words: identification, text electronic document.

УДК 343.985

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

И.М. КОМАРОВ*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: komarov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются основополагающие элементы структуры частной теории криминалистических операций, исследуется ее содержание, выделяются функции, дается анализ структуры метода криминалистических операций в досудебном производстве.

Ключевые слова: частная криминалистическая теория, криминалистическая операция, функции частной теории криминалистических операций, метод криминалистических операций.

Накопленное научное и практическое знание о криминалистических операциях еще не имеет той формы и содержания, которые позволяли бы говорить о сложившейся теории в том смысле, в каком она трактуется в философии, поэтому обоснование частной теории криминалистических операций следует развивать с положений ее структуры и функций.

Анализ содержания современной методологии науки позволяет выделить следующие основные компоненты структуры теории: I) исходные основания – фундаментальные понятия, принципы, законы, уравнения, аксиомы и т. п.; II) идеализированный объект – абстрактная модель существенных свойств и связей изучаемых предметов; III) логика теории – совокупность определенных правил и способов доказательства, нацеленных на прояснение структуры и изменения знания; IV) философские установки и ценностные факторы; V) совокупность законов и утверждений, выведенных в качестве следствий и основоположений данной теории в соответствии с конкретными принципами.

Основываясь на приведенных компонентах, нами предпринята попытка раскрыть отдельные важные элементы содержания структуры частной теории криминалистических операций (далее частной теории).

I. Основополагающим понятием настоящей частной теории является понятие криминалистических операций.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия, в литературе стали появляться определения понятия криминалистических операций. Однако в связи с различными подходами ученых к этому сложному вопросу и неоднозначностью определения термина этого комплексного способа практической деятельности субъекта доказывания в системе досудебного производства фундаментального (сущностного) определения криминалистической операции, полагаем, до настоящего времени не дано.

Анализ известных определений А.В. Дулова, В.И. Шиканова, Р.С. Белкина, Л.Я. Драпкина, Н.П. Яблокова и многих других известных криминалистов свидетельствует о том, что они отражают конкретные свойства криминалистических операций, а, следовательно, выражают их внешние стороны, что представляет только форму проявления и обнаружения некоторой сущности, то есть явление.

В соответствии с классификацией видов определений, предложенной Д.П. Горским, сущностное понятие криминалистических операций для частной теории должно, на наш взгляд, носить характер реального (определяющего сам предмет – криминалистическую операцию) и теоретического (рассматриваемого как органичный компонент теоретической системы – содержания частной теории) определения.

Криминалистическая операция – в сущности, криминалистический метод познания. Органичность компонентов частной теории как системы, составляющим которой является и определение криминалистической операции, основывается на ее факте, который представляет собой относительный (т.е. зависящий от следственной ситуации) стереотип мышления и поведения, обусловленный системной задачей. Учитывая, что в системе досудебного производства практическое применение любого криминалистического

метода познания с необходимостью подчинено следственной ситуации, можно дать определение криминалистической операции для соответствующей частной теории, которая представляется в качестве обусловленного следственными ситуациями криминалистического метода познания в практической деятельности субъекта доказывания, при решении системных задач досудебного производства.

Содержание приведенного определения, по нашему мнению, не противоречит требованиям, предъявляемым к категориальным научным определениям, т.е., универсальности формы, литературности, фактичности и логичности. На наш взгляд, его следует отнести к системе категорий криминалистики, так как данное определение является предельно общим понятием, образованным как результат абстрагирования от предметов, их особенных признаков. В его минимальном содержании отражены фундаментальные, наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения, свойственные криминалистическим операциям.

II. Построение идеализированного объекта играет важную методологическую роль в формировании частной теории криминалистических операций и является необходимым этапом ее создания. Фактически для данной теории он представляет собой теоретическую (абстрактную) модель существенных свойств и связей криминалистической операции. Форма идеализации определяет тип идеализированного объекта, а в конечном итоге и теорию.

Идеализация, как известно, является одним из видов абстрагирования, в результате которого создается понятие идеализированного объекта.

Способы образования абстракции различны, но в связи с тем, что перед нами стоит задача образования общего понятия о классе комплексных способов криминалистической деятельности субъекта доказывания, то наиболее приемлемым является способ абстракции тождества, т.е. установления процессом абстрагирования тождества криминалистических операций по общим чертам.

Полагаем, что, применив процесс абстракции (абстрагирования) к такому, и без того абстрактному понятию, как сущность криминалистических операций (системный полифункциональный способ целенаправленной информационно-познавательной и конструктивной деятельности субъекта доказывания в решении задач досудебного производства), мы получим идеализированный объект.

На этом основании можно предположить, что абстракцией сущности криминалистических операций является представление о ней как о криминалистическом методе познания в практической деятельности субъекта доказывания в системе досудебного производства. Но данный уровень абстракции нельзя признать достаточным, т.к. образованное ею понятие, хотя и отличается от остальных понятий, определяющих криминалистические операции, все же не отражает наряду с присущими ей признаками признаки, которые значительно отходят от реальных свойств криминалистических операций и в чистом виде совершенно отсутствуют в исследуемом объекте.

Дальнейшая элиминация несущественного из соответствующего представления о сущности криминалистических операций как криминалистическом методе познания в практической деятельности субъекта доказывания в системе досудебного производства позволяет выявить подлинные основания его сущности. На этом основании идеализированным объектом частной теории криминалистических операций, ее абстрактной моделью существенных свойств и связей следует считать метод познания, т.к. в криминалистических операциях в чистом виде отсутствуют такие свойства (признаки) метода познания, как объективность, общезначимость, воспроизводимость, целесообразность, детерминированность, необходимость, эффективность.

Кроме того, метод познания как абстрактное знание является конкретным, причем таким конкретным, которое отличается от конкретного знания – криминалистических операций, полученного в ходе живого созерцания, тем, что оно представляет собой синтез существенного знания, не поддающегося чувственному созерцанию, и знания других свойств криминалистических операций, понятий в свете знания о существенном.

Таким образом, на основании принятия метода познания в качестве типа идеализированного объекта соответствующей частной теории ее можно определить как теорию *описательную* по содержанию и *прикладную* по целям применения.

III. Логика теории как совокупность определенных правил и способов доказательства, нацеленных на проявление структуры и изменение знания о криминалистических операциях, так же как и идеализированный объект, является необходимым компонентом любой теории. Для частной теории криминалистических операций, как и для других теорий, она основывается на системной природе научного знания. Это означает, что формы знания – проблема, сущность, факт, гипотеза, фундаментальные понятия, принципы, идеальный объект и пр. – не могут быть рассмотрены и определены безотносительно других форм знания, их взаимосвязи и отношения. Свойство знания быть концептуальным является результатом системной природы знания и означает, что научные результаты, добываемые в процессе исследования, становятся знанием лишь в связи со всем ходом человеческого познания, лишь преобразуясь и воплощаясь в определенную научную систему.

Поэтому логика частной теории криминалистических операций должна основываться и формулироваться на правилах и способах ее доказательства, определенных для класса теоретических систем гносеологического характера, элементами которых являются абстракции, определенным способом логически между собой связанные.

Логика соответствующей частной теории на основе подхода к ней с позиций теоретической системы также должна отвечать некоторым условиям. Первое из них – методологическое требование. Все категории частной теории должны относиться к одной предметной области (закономерности криминалистики) и одному объекту исследования (криминалистические операции как криминалистический метод познания).

Другим условием является наличие у данной частной теории такого гносеологического свойства, которое каждому из составляющих его элементов в отдельности актуально не присуще.

Возникает вопрос: что это за гносеологическое свойство? Им, по нашему мнению, является свойство системы целей (задачи) криминалистических операций. Собственно оно не присуще ни одному компоненту, составляющему известную совокупность системы знания о криминалистических операциях, а относится только к криминалистическим операциям как целостному образованию.

Это с необходимостью свидетельствует о наличии внутренней логической связи между компонентами соответствующего знания о криминалистических операциях, т.е. целостности, третьему условию, отличающему теоретическую систему от простой совокупности знаний.

Перечисленные условия являются необходимыми и вполне достаточными для того, чтобы, соблюдая их как определенные правила, обеспечивать логику формирования данной частной теории.

IV. Следующим после логики формирования ведущим компонентом теории являются философские установки и ценностные факторы. В частной теории они выражают объекто-познавательные и субъектно-объектные отношения.

Философские установки, или по-другому – философские основания, науки представляют собой совокупность идей, посредством которых обосновываются фундаментальные онтологические, гносеологические и методологические принципы научного познания.

Применительно к данной частной теории это означает познание ее объекта в трех ипостасях: а) онтологической, на основе принципов историзма и структурализма, в процессе постоянного развития объекта; б) гносеологической, на основе принципов построения частной теории и её категориального аппарата, а также интерпретации объекта, которая является логическим принципом развития данной теории; в) методологической, на основе иерархии научного познания четырех уровней: предпосылок (всеобщая методология, научное мировоззрение); философии (философские категории и принципы); мета-науки (стиль научного мышления, научная картина мира); криминалистики (система исходных абстракций, теория, конкретные методы).

Ценностные факторы (ориентации) представляют собой субъектно-объектные отношения (субъект доказывания – криминалистические операции как криминалистический метод познания в досудебном производстве). Они понимаются как «элементы внутренней (диспозиционной) структуры личности, сформированные и закрепленные личностным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации, ограничивающие значимое (существенное для данного человека) от незначимого несущест-

венного через (не) принятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве рамки (горизонта) предельных смыслов и основополагающих целей жизни, а также определяющих приемлемые средства их реализации.

Важность исследования частной теорией ценностных факторов (ориентацией) субъекта доказывания основывается на том, что ценностные факторы (ориентации) наиболее четко эксплицируются в ситуациях, требующих ответственных решений, а такие ситуации, как правило, являются следственными ситуациями в процессе досудебного производства. Правильное их разрешение субъектом доказывания влечет за собой последствия, предопределяющие дальнейший ход досудебного производства.

Ценностные факторы (ориентации) субъекта доказывания обеспечивают целостность и устойчивость его личности, определяют структуру его криминалистического сознания, программы, тактику и стратегию процессуальной деятельности. Они контролируют и организуют мотивационную сферу обоснованного криминалистического поведения субъекта доказывания. Но самое важное, обеспечивают его инструментальную (приемы, методы, средства, способы и пр.) ориентацию на конкретные объекты системы досудебного производства и (или) виды криминалистической деятельности как средство достижения целей.

Ценностные факторы (ориентации) в процессуальной деятельности задают субъекту доказывания целевую и мотивационную программы криминалистического поведения, представления о должном поведении и механизмы селекции, приводящие к нему. Проявление и раскрытие их происходит через оценки субъекта доказывания (себе, другим участникам досудебного производства, обстоятельствам досудебного производства), через способность структурировать следственные ситуации, принимать решения в проблемных ситуациях и выходить из конфликтных ситуаций.

Таким образом, раскрытие структуры содержания такого компонента частной теории криминалистической операции, как философские установки и ценностные факторы (ориентации), свидетельствует о его значимости для практической реализации положений этой частной теории.

V. Последним в ряду основных компонентов содержания частной теории криминалистических операций является совокупность законов и утверждений, выведенных в качестве следствий из основоположений данной теории в соответствии с конкретными принципами.

Закон – ключевой элемент теории, он же – ведущая составляющая содержания закономерностей предмета теории. Логика рассуждений приводит нас к выводу, что законы частной теории криминалистических операций следует определять через закономерности ее предмета. Ими являются закономерности собирания, исследования и оценки необходимой уголовно значимой информации из процессов целостного её движения в ситуациях совершения преступлений, эффективного и оптимального использования этой информации (в качестве доказательственной и ориентирующей) в ситуациях расследования в целях решения задач досудебного производства.

Анализ содержания данных закономерностей и примененный к ним метод абстрагирования позволяют представить законы частной теории криминалистических операций в качестве двухкомпонентной структуры. С одной стороны, это законы планирования и организации криминалистических операций, с другой – их проведения.

Методология научного исследования учит, что каждый конкретный закон практически никогда не проявляется в «чистом виде», а всегда во взаимосвязи с другими законами разных уровней и порядков. Это означает, что законы частной теории криминалистических операций самым тесным образом связаны с законами предмета криминалистики, а, следовательно, с законами ее техники, тактики и особенно методики расследования отдельных видов преступлений, структурными элементами которой являются криминалистическая характеристика преступлений и криминалистическая характеристика расследования.

Указание на данный факт представляется для нас важным, так как криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений являясь синтезирующей частью криминалистики, под углом зрения ситуационности досудебного производства рассматривается нами как важнейший фактор, определяющий законы планирования, организации и проведения криминалистических операций. Мы полагаем, что базой их

формирования в первую очередь являются криминалистическая характеристика преступлений. Иначе: криминалистическая характеристика преступлений, формирует (планирует и организует) криминалистические операции, а криминалистическая характеристика расследования на основе взаимодействия своих основных компонентов определяет их ход (проведение).

Определяющим среди законов группы планирования и организации криминалистических операций следует считать закон связи криминалистических операций и их метода как формы и содержания. Метод представляется здесь как путь, на котором субъект доказывания осуществляет решение системных задач досудебного производства. В этой связи примечательно высказывание Гегеля: «Метод есть сознание о форме внутреннего самодвижения её содержания». Этот закон является определяющим для законов единства компонентов и структур криминалистических операций и системного способа их связи. Опосредующим звеном этих законов является закон связи содержания криминалистических операций с содержанием типичной версии, определенной содержанием криминалистической характеристики вида (группы) преступлений. Указанные законы своей совокупностью образуют закономерность собирания, исследования и оценки необходимой уголовно значимой информации (доказательственной и ориентирующей) из процессов целостного ее движения в ситуациях совершения преступлений в целях решения системных задач досудебного производства.

Законы группы проведения криминалистических операций основываются на представлениях об их сущности, которая также является для них законом.

Вторым по значимости является закон функционирования системы целей (задач) криминалистических операций. Кроме того, к числу закономерностей проведения нами отнесены: универсальная отображаемость признаков преступления, позволяющая индивидуализировать и использовать их в решении конкретных системных задач досудебного производства; необходимая связь операций с содержанием криминалистической характеристики вида (группы) преступлений, объяснения всеми ее элементами содержания, структур и направленности криминалистических операций; связь приемов и способов доказывания с механизмами формирования уголовно значимой информации (доказательственной и ориентирующей) и ситуациями досудебного производства с одной стороны и алгоритмизацией с другой; взаимозависимость характера следственных ситуаций, конкретных задач досудебного производства и криминалистических операций.

Связующим звеном между группами законов планирования, организации и проведения криминалистических операций является субъект доказывания, который в системе досудебного производства действует закономерно на основе процессуальных норм, криминалистических правил, рекомендаций и т.д. Его участие в указанной системе на основе синтеза приведенных законов функционирования криминалистических операций образует закономерность эффективного и оптимального использования (в качестве доказательственной и ориентирующей) необходимой уголовно значимой информации, извлеченной из процессов целостного ее движения в ситуациях совершения и расследования преступлений, в целях решения системных задач досудебного производства.

Мы не претендуем на исчерпывающий перечень приведенных законов планирования, организации и проведения криминалистических операций и конечное содержание закономерностей предмета их теории. Необходимая проверка практикой, возможно, даст основания для выведения новых законов, которые изменят и закономерности.

На основе подхода к определению закона как к связи между явлениями, процессами относительно определенных нами законов планирования, организации и проведения криминалистических операций можно сделать вывод, что они являются: 1) объективными, так как присущи чувственно-предметной деятельности субъекта доказывания и отражают реальные отношения криминалистических операций в системе досудебного производства; 2) существенными, то есть конкретно-всеобщими и присущими всем без исключения криминалистическим операциям; 3) необходимыми, что означает их действие на основе тесной связи с сущностью криминалистических операций; 4) внутренними, отражающими глубинные связи и зависимости указанной предметной области частной теории криминалистической операции, в единстве всех ее моментов и отношений, в рамках системы досудебного производства; 5) устойчивыми, то есть одинаково действующими в криминалистических операциях в ситуациях досудебного производства.

Далее необходимо определиться с функциями частной теории. Традиционно в методологии науки выделяют синтетическую, объяснительную, методологическую, предсказательную и практическую функции. Их название говорит само за себя, но в зависимости от особенностей теории количество функций может расти или сокращаться. Поэтому анализ известного знания относительно частной теории криминалистических операций дает основания предположить наличие у нее, кроме названных, эвристической функции. Основанием к этому мы считаем эвристический характер деятельности субъекта доказывания, основанный на творческих процессах поиска и нахождения с помощью криминалистических операций решения системных задач.

Исходя из этого, функции частной теории криминалистических операций можно характеризовать следующим образом: 1) синтетическую как функцию объединения криминалистических, уголовно-процессуальных, психологических, кибернетических и прочих разнопредметных знаний в целостную систему, позволяющую их комплексное использование для систем целей (задач) досудебного производства; 2) объяснительную, в качестве функции выявляющей причинные и иные зависимости, многообразие связей криминалистических операций, их существенных характеристик, совершенствования и развития; 3) методологическую, в качестве функции обеспечивающей формирование на базе частной теории различных способов и приемов исследования криминалистических операций; 4) предсказательную, в виде функции предвидения развития и совершенствования теоретического знания о свойствах метода криминалистических операций; 5) практическую, как функцию применения в практической деятельности органов следствия и дознания теоретических знаний о методе криминалистических операций; 6) эвристическую, как функцию творческой деятельности в развитии и совершенствовании знаний о криминалистических операциях;

В заключении следует указать на содержание структуры метода криминалистических операций, т.к. это знание обеспечивает их успешное применение на практике. По нашему мнению, в содержание структуры метода криминалистических операций необходимо включить: а) субъекта доказывания в качестве условия планирования, организации и проведения метода, с учетом субъектно-объектной природы последнего; б) систему целей (задачу); в) средства – процессуальные и непроцессуальные (организационные и технические) действия и мероприятия, методы познания, специальные криминалистические методы (технично-криминалистические и структурно-криминалистические), криминалистические рекомендации, технико-криминалистические и тактико-криминалистические приемы и пр.; г) связи между вышеприведенными компонентами (причинно-следственные; корреляционные; временные; пространственные; аналитико-статичные; индуктивные; закономерные; случайные; однозначные, многозначные; прямого и обратного направления; непосредственные; косвенные, многоступенчатые; связи условия с обусловленным; связи соответствия; функциональные связи; связи принадлежности вещей; логические и организационные связи).

Так, в общем виде, по нашему мнению, выглядит структура содержания, функции, содержание структуры метода и некоторые другие положения частной теории криминалистических операций.

THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF PARTICULAR CRIMINALISTIC ACTS' THEORY DURING PREJUDICIAL INQUIRY

I.M. KOMAROV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: komarov@bsu.edu.ru

The article deals with basic elements of the structure of particular criminalistic acts' theory, its content, functions, analysis of structure of criminalistic acts' method during prejudicial inquiry.

Key words: particular criminalistic theory, criminalistic act, functions of particular criminalistic acts' theory, method of criminalistic acts.

К Первой Всероссийской конференции «Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис, конвергентные технологии, трансгуманистические проекты»

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ 2045: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ»

Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта, Институт философии Российской академии наук, Общественное движение «Россия 2045» совместно с Белгородским государственным национальным исследовательским университетом 11–12 апреля 2013 года проводят первую Всероссийскую научную конференцию: ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ 2045: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ.

Проблематика и цели конференции:

Неуклонное углубление и обострение глобальных проблем нашей цивилизации (экологической, энергетической, демографической и др.) – следствие потребительской направленности ее развития. Не случайно современный этап цивилизации сравнивают «с тем переломом, какой имел место, когда человечество, как совокупность разумных существ, вообще возникло» (А. Зиновьев). Наша цивилизация быстро движется в тупик: по расчетам экспертов уже к середине века может наступить фаза «динамического хаоса» (В.С. Степин); за ней – либо деградация и гибель, либо выход цивилизации на качественно новый уровень развития. В этом ярко проявляется то, что именуют антропологическим кризисом.

Несмотря на мрачные предвидения мыслителей прошлого и настоящего, основания для реализации оптимистического сценария будущего существуют.

Каковы пути выхода из антропологического кризиса? Вот главные вопросы нашего времени.

Надо признать, что пока не видно какой-либо достаточно мощной и единой реальной силы, способной переломить гибельную траекторию развития цивилизации. Но она должна быть создана из тех раздробленных ныне, разобщенных факторов и процессов социальной самоорганизации, достижений технoнауки, экономических и духовных ресурсов, которые создают возможность перехода на качественно новый этап развития.

Эти вопросы были остро поставлены в Москве в феврале 2012 года на Международном конгрессе «Глобальное будущее 2045», в котором приняли участие ученые, эксперты и общественные деятели из России, США, Канады, Великобритании, Голландии, Австралии и других стран мира. Его организаторами выступили Евро-азиатский Центр мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН и Общественное движение «Россия 2045», представившее в рамках конгресса свои программы и концепцию технопроекта «Аватар». В июне 2013 г. состоится второй Международный конгресс «Глобальное будущее 2045». Его инициатором и организатором также выступает Общественное движение «Россия 2045», конгресс пройдет в Нью-Йорке (США).

Белгородский национальный университет выступает в качестве пионера в проведении первой всероссийской конференции на столь актуальную тему; она направлена на консолидацию творческих и целеустремлённых исследований этой проблематики представителями различных регионов России. В ее обсуждении и осмыслении важная роль принадлежит не только философам и гуманитариям, но и специалистам в области биологии и медицины, физики и математики, проблем искусственного интеллекта, информационных и когнитивных технологий, особенно тех, кто занимается широкими междисциплинарными вопросами современного научного знания.

Мы предлагаем вниманию наших читателей статьи, которые легли в основу докладов, представленных на конференцию.

УДК 111.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ «ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БУДУЩЕГО»

В.А. ДОЛИН*Белгородский юридический
институт МВД России**e-mail: v.a.dolin@mail.ru*

В статье рассматривается природа человека в контексте «постчеловеческого будущего». Сформулированы определения понятий «природа человека», «трансформация природы человека», «постчеловеческое будущее». С позиций умеренного социального экологического консерватизма автор отвечает на четыре взаимосвязанных вопроса: структура природы человека; особенности динамики природы человека; границы открытости человеческой природы в контексте трансформирующих воздействий; ценностные аспекты природы человека.

Ключевые слова: человек, природа человека, трансформация природы человека, постчеловеческое будущее.

В современной философии возрождается интерес к проблеме природы человека и его будущего. Причина этих изменений – первые успехи и осознаваемые перспективы конвергирующих NBIC-технологий (нано- (N), био- (B), информационные (I) и когнитивные (C))¹.

Новый сценарий развития человека и человечества под влиянием новейших технологий с легкой руки Ф. Фукуямы получил название «постчеловеческое будущее»². Чтобы понять значение данной перспективы, следует вспомнить, что представления о постчеловеческом будущем заставили Ф. Фукуяму пересмотреть свои прежние взгляды на проблему «конца истории»³. В результате размышлений автор приходит к выводу, что история будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать развитие науки⁴. А прогрессирующее развитие биотехнологий и есть то развитие науки, которое может открыть новую страницу истории. По мнению Ф. Фукуямы, «...наиболее серьезная угроза, создаваемая

¹ Смотри, например: Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? // Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. – 144 с.; Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Отв. ред. В. Прайд, А.В. Коротаев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 320 с.; Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2012. – 496 с.; Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Изд-во МБА, 2013. – 272 с.

² Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. – 349 с.

³ Fukuyama F. The End of History // National Interest, 16 (Summer, 1989) PP. 3-18, Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. – С. 84-118.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Ермак, 2004. – 588 с.

современной биотехнологией, – это возможность изменения природы человека и в силу этого – перехода к «постчеловеческой» фазе истории»⁵.

Наша статья будет посвящена анализу представлений о природе человека в дискурсе «постчеловеческого будущего». Необходимость и актуальность подобного анализа связана с тем, что любой из сценариев «постчеловеческого будущего» (в том числе и радикальные его варианты) в явной или неявной форме предлагает свое видение трансформации природы человека. Методологическую основу наших размышлений образует умеренный социально-экологический консерватизм, который не отрицает значения современных и будущих технологий, но при этом призывает к осторожности в их использовании ради максимально бережного отношения к проявившейся на предшествующих этапах социально-культурного развития природы человека.

В самом начале наших размышлений определимся с базовой терминологией. Начнем с понятия «*природа человека*». Мы исходим из разграничения понятий «природа человека» и «сущность человека». Сущность человека представляет собой качественное своеобразие, его уникальность как модуса бытия. А природа человека – это сущность, реализованная в наглядно-эмпирическом бытии.

Трансформацию природы человека мы понимаем как ее изменение под влиянием новых форм взаимодействия с окружающей средой. Утверждение о связи природы человека с окружающей его природной и социальной средой мы рассматриваем как принципиальное, поскольку не существует «природы человека вообще», она всегда исторически конкретна. Каждая историческая эпоха формирует свой вариант природы человека, соответствующий, однако, ее естественно-биологическому измерению.

Соответственно, если мыслить в рамках историко-культурного контекста, то можно говорить о «слабом» и «сильном» вариантах трансформации природы человека. «Слабый» вариант предполагает изменение социально-культурных характеристик человека без радикального изменения его биологических и экологических особенностей. Мы понимаем, что данные характеристики взаимосвязаны (например, психосоматические проявления в медицине, преображение плоти в христианстве или просветление в буддизме), но в любом случае качественная определенность биологических особенностей сохраняется. В контексте наших размышлений важно другое: «слабый» вариант трансформации природы человека вплоть до настоящего времени являлся ведущим, если не сказать больше – единственным способом изменения природы человека. «Сильный» вариант трансформации природы человека, т.е. когда изменение социально-культурных характеристик человека дополняется выходом за границы эволюционно-биологических особенностей, является достаточно новым в истории культуры. Признанным пионером здесь является Н.Ф. Фёдоров с его «философией общего дела»⁶, в которой религиозная по источнику и по сущности задача (воскрешение мертвых отцов) изменяет эволюционно-биологическую определенность человека. На наш взгляд, именно «сильный» вариант трансформации природы человека порождает феномен «постчеловеческого будущего». Отвечая на вопрос о том, почему это понятие появилось именно в наше время, а не во времена Н.Ф. Фёдорова, можно предполагать, что это связано со слабым развитием технологий во времена русского космизма. Поэтому и эта идея, и многие другие (например, идея автотрофного человечества В.И. Вернадского) так и остались нереализованными замыслами. А сами авторы неслучайно рассматриваются как предшественники трансгуманизма⁷.

Понятию «*постчеловеческое будущее*» сложно дать однозначное, бесспорное определение, поскольку остается открытым вопрос: что такое «постчеловек»? Одним из первых образ «постчеловеческого будущего» проанализировал Ж. Делёз. В статье «О смерти человека и сверхчеловеке», размышляя над археологическим методом М. Фуко, он достаточно точно формулирует проблемный вопрос для понимания сущности «по-

⁵ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. – С. 18.

⁶ Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела // Собрание сочинений: в 4 т. / Ред. И.И. Блауберг. М.: Традиция, 1997. Т. 3.

⁷ Подробнее об этом см.: Артюхов И.В. Трансгуманизм: философские истоки и история возникновения // Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Отв. ред. В. Прайд, А.В. Корогаев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 31-45.

стчеловеческого будущего» (естественно, что данный термин он не использует): «...если силы в человеке образуют форму, только вступая в соотношение с силами извне, то с какими новыми силами рискнут они вступить в отношение теперь и какая новая форма может из этого возникнуть, не будучи больше ни Богом, ни Человеком?»⁸. В формации будущего объектом приложения сил человека является «...конечно-бесконечное, если называть так любую диспозицию силы, где конечное число составляющих дает практически безграничное разнообразие комбинаций», а операционным механизмом – «Сверхсгибание»⁹. Объектами этого сверхсгибания, в соответствии с фукольдиданской триадой Жизнь – Труд – Язык, выступают: генетический код (Жизнь) – потенциалы кремния в машинах третьего поколения (Труд) – фразы современной литературы, часто напоминающие иностранный язык в родном (Язык). Подводя итог своим размышлениям, Ж. Делёз пишет: «Силы в человеке соотносятся с силами извне, с силами кремния, которые берут реванш над углеродом, с силами генетических составляющих, берущими реванш над организмом, сagramматическими силами, одерживающими реванш над означившим. ... Что такое сверхчеловек? Это формальное соединение сил в человеке с этими новыми силами. Это форма, которая проистекает из нового соотношения сил»¹⁰.

Вопрос о Сверхчеловеке требует дополнительного и весьма обстоятельного анализа, выходящего за рамки данной статьи. Совершенно очевидно, что в последней фразе Ж. Делёза просматривается авторский образ «постчеловеческого будущего». Для нас же важно попытаться максимально освободиться от собственного образа «постчеловеческого будущего», сформулировать проблему в максимально ценностно-нейтральной форме. Мы полагаем, что сущность «постчеловеческого будущего» такова: человек как субъект технологической деятельности ориентирует свою активность не только на «внешнюю», но и на «внутреннюю» природу, т.е. на природу человека. Последняя становится важным ресурсом развития человека и общества. Характер и степень этой активности и определяет конкретный вариант «постчеловеческого будущего».

В настоящее время «постчеловеческое будущее» – это не просто модная концепция, а постоянно расширяющийся дискурс (в фукольдиданском понимании, т.е. как двуединство и взаимообусловленность теоретических представлений и реализующей их практики). По нашему мнению, сложность понимания феномена «постчеловека» обусловлена его не сколько объективным, сколько ценностно-проективным характером. Формы активности по отношению к человеку не носят однозначного, предзаданного характера, а определяются конкретным сценарием «постчеловеческого будущего». На практике это означает, что «постчеловеческое будущее» создается теми решениями, которые принимаются (не принимаются) сегодня. В.А. Лекторский выделяет два способа понимания будущего. Первый связан с предвидением событий, наступление которых не зависит от человека (погода, природные катастрофы). Второй же предполагает проективный подход, когда будущее творится самим человеком¹¹. По мнению автора, «постчеловеческое будущее» предполагает именно проективный вариант будущего, в котором «...речь идет... о направлении сегодняшней человеческой деятельности... о таком будущем, на которое человек способен влиять...»¹².

Мы склонны полагать, что в перспективе возможного «постчеловеческого будущего» природу человека уже нельзя понимать в классическом варианте. Требуется критический пересмотр традиционных представлений. В рамках данной небольшой статьи мы наметим лишь общие рамки данного понимания.

Нас будут интересовать четыре взаимосвязанных проблемных вопроса (проблемы): во-первых, какова структура природы человека, во-вторых, в чем состоят особенности динамики природы человека, в-третьих, каковы границы открытости человеческой при-

⁸ Делёз Ж. О смерти человека и сверхчеловеке // сайт Antropolog.ru URL: <http://antropolog.ru/doc/library/delez/delez> (дата обращения – 12.04.2013)

⁹ Там же.

¹⁰ Делёз Ж. О смерти человека и сверхчеловеке // сайт Antropolog.ru URL: <http://antropolog.ru/doc/library/delez/delez> (дата обращения – 12.04.2013)

¹¹ Лекторский В.А. Возможно ли постчеловеческое будущее? // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 30.

¹² Там же. С. 30-31.

роды в контексте трансформирующих воздействий и, в-четвертых, анализ проблемы ценностных аспектов природы человека.

Перейдем к первой проблеме – *структуре природы человека*. Справедливости ради следует сказать, что размышляя над содержанием и смыслом термина «трансформация природы человека», мы уже частично изложили наше понимание структуры природы человека. Но требуется более осознанная рефлексия, обосновывающая наше понимание, а не просто утверждения без какого-либо обоснования.

В философии марксизма-ленинизма стал классическим тезис о двусоставной (био-социальной) природе человека. Вместе с тем, возникает закономерный вопрос: а достаточно ли двух измерений для полного описания природы человека? Как показывает анализ литературы, не все исследователи согласны с таким утверждением и выделяют большее количество слагаемых природы человека¹³. Как мы писали выше, мы исходим из ее трехкомпонентности (биологическое, социальное и культурное измерение). А в понимании сущности мы склоняемся к марксистскому тезису о ведущей роли социальных факторов в понимании качественного своеобразия человека, т.е. его сущности. Действительно, социальные факторы не только трансформируют биологическое измерение природы человека, но и выступают основой культуры (и в генетическом, и в онтогенетическом аспектах). А духовная культура просто невозможна вне стабильных конкретно-исторических форм социальности. Ведь неслучайно утверждается, что «когда гремит оружие, музы молчат».

Перейдем к рассмотрению второго нашего вопроса – *особенности динамики природы человека*. На наш взгляд, именно здесь кроется главная проблема современного понимания природы человека. Выделение природы человека и ее компонентов – это необходимый элемент понимания человека, но обедненный. Если ограничиться только структурным измерением понимания природы человека, то это будет метафизический подход, занятый поиском «последних сущностей», даже если сделать оговорки об их «тесном взаимодействии и интеграции» или о «диалектическом снятии биологического компонента социальным и культурным». Необходимо дополнить структурное понимание природы человека динамическим.

Предваряя наши размышления в данном направлении, можно сказать, что динамика природы человека связана с двумя функциональными (структурно-функциональными) блоками: социально-биологическим и социально-культурным. Социальный элемент природы человека выступает своеобразным мостом, который объединяет биологический и культурный элементы природы человека. Сам же социальный компонент имеет две взаимосвязанные и взаимопроникающие стороны: одна обращена к биологии человека, а другая – к культуре. В итоге получается, что именно через социальный элемент природы человека не только биология ограничивает культуру (архетипы как основа сюжетов культуры, антропологические константы культуры и т.п.), но и культура влияет на биологию (физическая культура, акселерация, аскетизм или гедонизм как установки в поведении человека и т.п.)

За постановкой вопроса о динамическом измерении природы человека стоит серьезная философская традиция. Фактически вся неклассическая философия с момента ее зарождения (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, К. Маркс) мыслит природу человека в динамическом ключе. Неудивительно, что и современные философы мыслят в рамках неклассического подхода. Такова, например, синергичная антропология С.С. Хоружего, в которой «...синергия, переосмысливаясь и обобщаясь как антропологическое размыкание, выступает ядром антропологии нового типа, неклассической, неэссенциалистской и бессубъектной»¹⁴. Е.В. Золотухина-Аболина также выделяет компоненты природы человека преимущественно динамического характера: 1. свобода от предзаданности, 2. самосознание как отъединенность от мира; 3. свобода выбирать; 4. самосознание как осознание смерти;

¹³ См., например: Антонов Е.А., Харламов С.Ю. Природа человека в контексте автотрофности человечества // Человек. 2011. №4. С. 88-100; Лебедев С.А. Онтология человека // Человек. 2010. № 1. – С. 15-29.

¹⁴ Хоружий С.С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. № 12. – С. 16.

5. культура – человеческий способ бытия¹⁵.

Неклассическая традиция динамического понимания природы человека объективна по сути и достаточно обоснована. И она обогатила понимание человека и его природы. Однако философия должна учитывать изменения в социально-культурной жизни современного человека. На наш взгляд, если в современном научно-философском дискурсе обсуждается возможность переноса сознания на другой (небиологический) носитель, а орудия труда рассматриваются как продолжение тела человека (поэтому сложно и едва ли нужно устанавливать границу между ними), то в такой ситуации мыслить природу человека в отрыве от ее структурных основ, по меньшей мере, методологически некорректно. Ведь любое функционирование имеет свою структурно-организационную основу, которые связаны между собой контурами обратной связи. И потому имеет значение, на каком носителе (биологическом или неббиологическом) будут развиваться социальность и культура человека (в частности, «свобода» и «творчество», которые трансгуманисты часто характеризуют как важные аспекты понимания природы человека).

В контексте «постчеловеческого будущего» традиционно-неклассическое понимание природы человека исчерпывает себя: динамическое понимание природы человека в отрыве от структурной основы становится такой же метафизикой, как и в свое время (т.е. при переходе от классической философии к неклассической) структурное понимание природы человека без учета ее динамики. В этой связи необходимо углубление неклассического понимания. Станет ли оно постнеклассическим или останется в рамках неклассических представлений – вопрос, требующий дополнительных размышлений, выходящих за рамки нашей статьи. Пока же сформулируем гипотетический тезис: структура природы человека накладывает ограничение на ее динамику в целом и эволюцию в частности (назовем это номогенетическим принципом понимания природы человека). Подводя итог нашим размышлениям, мы склонны утверждать: следует различать структуру природы человека и динамические принципы ее функционирования. Последние определяют функционирование природы человека, но – в отрыве от своей структурной основы – не являются самой природой. Подобная мысль игнорируется в трансгуманистических представлениях.

От общих закономерностей динамики природы человека перейдем к проблеме взаимодействия трех ее аспектов – биологического, социального и культурного. Социальное и культурное измерения природы человека, несомненно, связаны с биологическим. Особенностью современного понимания природы человека является стремление выразить эту связь¹⁶. В этой связи становится понятным, что в настоящее время мы являемся свидетелями появления новой методологической идеи: социальное и культурное измерения природы человека имеют биологические основы, которые властно формируют или даже ограничивают проявления социальности и (или) культуры. Нельзя сказать, что эта идея не осознавалась раньше. Но до настоящего времени это была, скорее, дань диалектического уважения к маргинальному (в контексте социально-культурного подхода) компоненту человеческой природы, но не подлинное признание его места и значения.

Вместе с тем, в условиях современного «биологического поворота» в понимании природы человека есть опасность переоценить роль биологического фактора и власть в биологический редукционизм. Как отмечает А.А. Пископшель, «формирование внутренней природы человека происходит при встрече гомономной праформы (материала внутренней природы) со своей культурно-антропологической формой. ...ответ на извечный вопрос о «природе» человека... заключается в том, что особая «природа» человека связана с отсутствием какой-либо имманентной «природы» и наличием лишь витального материала этой природы»¹⁷. Соответственно, биологический компонент природы человека выступает как задаток социального и культурного компонентов. Важно при этом пони-

¹⁵ Золотухина-Аболина Е.В. Современная этика: учебное пособие. М.: МарТ, Ростов-на-Дону: МарТ, 2005. – С. 10-15.

¹⁶ См., например: Борзенков В.Г. Эпистемологические препятствия на пути научного познания человека // Человек. 2012. № 1. С. 13; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. С. 187; Mosterin J. La Naturaleza Humana. Madrid: Espasa Calpe, 2008. – 418 p.

¹⁷ Пископшель А.А. Природа человека в концепции А. Маслоу // Вопросы психологии. 1999. №2. – С. 86.

мать, что это задаток не по типу аристотелевской бесформенной материи, неспособной к организации и оформлению, а задаток, который сам несет возможности формообразования, выступая парадоксальным образом как «бесформенный формообразователь». На наш взгляд, подобная диалектика роли биологического компонента природы человека не вполне осознана в философии и требует дальнейшего осмысления, в том числе и с учетом новейших достижений естествознания.

После того, как мы рассмотрели проблемы динамики природы человека, перейдем к рассмотрению третьего вопроса – *влияния на природу человека современных технологий*. Речь пойдет о так называемых «NBIC-технологиях»¹⁸, часто называемых «конвергентными» («конвергирующими»).

Принципиальный момент в осмыслении конвергирующих технологий – возможность «улучшения человека» или «расширения человека» вплоть до изменения его природы или даже сущности. Данная возможность требует анализа с философско-антропологических позиций. Для начала сформулируем проблему. По аналогии с NBIC-конвергенцией, назовем ее конвергенцией человека и новейших технологий.

Теперь разберем, почему понятие «конвергенция» (сближение разнородных элементов при сохранении их качественной определенности) предпочтительнее близких по содержанию понятий «синтез» (объединение разнородных элементов в единое целое) и «интеграция» (процесс взаимного согласования элементов в некую целостность или в ее рамках). Можно выделить, как минимум, три преимущества. Во-первых, понятие «конвергенция» точнее выражает тот факт, что сближение человека и новейших технологий в настоящее время скорее тенденция, нежели реализованная возможность. Во-вторых, понятие «конвергенция» предпочтительнее и в оценке результата, т.к. понятия «синтез» и «интеграция» описывают более «сильный», более глубокий вариант объединения. Наконец, в-третьих, конвергенция, в отличие от синтеза и интеграции, носит более поверхностный характер, что методологически более корректно применительно к взаимодействию разнородных элементов.

Под конвергенцией человека и новейших технологий мы понимаем сопряжение энергий и особенностей функционирования каждой из систем при сохранении их качественной определенности. Причем человек и технологии сопрягаются не напрямую, а в рамках человеческой деятельности как совокупности различных трансформирующих практик, проникающих и в «жизненный мир» человека. Именно в рамках этой системы практик человек взаимодействует с новейшими технологиями, которые потенциально могут усиливать природу человека или компенсировать ее несовершенство.

Спектр вариантов понимания направленности преобразующих практик в отношении природы человека достаточно широк (от радикального социально-экологического консерватизма с его формулой «руки прочь от человека» до технологического радикализма: «объединим человека с новейшими технологиями»). Мы выбираем методологическую позицию умеренного социально-экологического консерватизма, «срединный путь», признающий и ценность проявившейся на предшествующих этапах социально-культурного развития природы человека, и важность развития новейших технологий.

Мы полагаем, что объективная основа возможности конвергенции – открытость, незавершенность природы человека. Вопрос о конвергенции подразделяется на два частных вопроса: а) конвергенция человека и новейших технологий в истории культуры и б) конвергенция человека и новейших технологий в настоящее время. Подобное разделение проблемы становится возможным в связи с осознанием следующего факта: процесс конвергенции человека и новейших технологий начался гораздо раньше, чем принято думать. Очки или биохимические лекарства есть весьма наглядные примеры конвергенции, т.е. сопряжения энергий и особенностей функционирования биологической и технологической систем при сохранении качественной определенности каждой из них. Близкую идею высказывает Павел Флоренский: «Техника может и должна провоциро-

¹⁸ Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. / Edited by Mihail C. Roco and William Sims Bainbridge. National Science Foundation Report, 2002.

вать биологию, как биология – технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще несущественную технику; в технике – еще не исследованные стороны жизни»¹⁹.

Но ради научной объективности следует подчеркнуть принципиальное различие конвергенции в истории культуры и в настоящее время. Исторически она носила стихийно-гармоничный характер, т.е. сопряжение природы человека и новейших технологий гарантировалось либо совпадением их масштабов (например, очки или слуховой аппарат), либо изначальным стремлением «встроиться» в природные процессы самого человека (например, биохимические лекарства). Современная NBIC-конвергенция не может быть реализована в форме стихийно-гармоничного сопряжения, поскольку осуществляется либо на глубинных уровнях строения материи (нано- и био-технологии), либо для сложных и многоуровневых систем с синергетическими эффектами (информационные и когнитивные технологии). Подобное различие нужно понимать и осознавать тем, кто утверждает, что «мы уже пост-люди». Правильнее утверждать, что мы находимся в состоянии перехода (бифуркации). И едва ли система под названием «человечество» в настоящее время захвачена каким-то аттрактором.

В этой связи можно согласиться с утверждением, что мы действительно живем во все более искусственной среде, где роль естественных ограничений и зависимостей последовательно снижается²⁰, а многие естественно-биологические объекты и процессы существенно модифицируются или даже подменяются их технологическими аналогами (протезирование, экстракорпоральное оплодотворение, генетически модифицированные организмы и т.п.). Соответственно, конвергенция человека и новейших технологий не просто возможна, она уже начала реализовываться, хотя во многом стихийно. Но вполне закономерен вопрос о том, что к чему адаптируется, что подо что «подгоняется»: человек под технологии или технологии под человека? И самый главный момент в понимании конвергенции состоит в том, что она реализуется в рамках человеческой деятельности, в различных практиках. Кроме того, мы понимаем, что освоение глубинных измерений природы человека – уникальная ситуация в истории, которая требует более основательного анализа на предмет его возможности. И в данном случае «не все разумное действительно», т.е. достойно практического воплощения.

Здесь мы подходим к четвертому нашему вопросу – *анализ проблемы ценностных аспектов природы человека*. По мнению Б.Г. Юдина, современный научно-технический прогресс ставит два взаимосвязанных вопроса. С одной стороны, «...а есть ли (курсив авт. – Б.Ю.) у человека нечто такое, что остается и будет оставаться инвариантным при всех этих воздействиях и изменениях?»²¹ С другой стороны, «...а должно ли (курсив авт. – Б.Ю.) быть нечто, что при всех воздействиях и изменениях следует сохранять, оставлять неизменным?»²² Первую позицию автор трактует как объектное понимание природы человека, которое, на наш взгляд, соответствует идеалу классической научной рациональности, в рамках которой средства и процедуры научного анализа исключены из рассмотрения объекта. Соответственно, вторая позиция осмысливается как ценностное понимание природы человека.

Б.Г. Юдин видит две проблемы, связанные с объектным пониманием природы человека²³: 1) неустойчивость представлений из-за новых естественнонаучных открытий и связанная с этим необходимость перестройки очень многих (если не всех) социально-политических институтов; 2) отстраненность от ценностной проблематики, которую автор видит в противопоставлении восстанавливающей «терапии» и изменяющего человека «улучшения» (enhancement)²⁴.

На наш взгляд, очень часто лишь потеря (или ее прямая угроза) открывает ценность того или иного объекта (явления). И сейчас мы являемся свидетелями возникновения и развития позиции, которая утверждает ценность сложившейся в процессе биологической и социально-культурной эволюции природы человека и особенно – ее биологиче-

¹⁹ Священник Павел Флоренский. Органопроекция // Сочинения в 4 томах. М., 2000. Т. 3(1). – С. 421.

²⁰ Назаретян А.П., Лисица И.А. Критический гуманизм versus биоцентризм // Общественные науки и современность. 1997. № 5. – С. 157.

²¹ Юдин Б.Г. О человеке, его природе и будущем // Вопросы философии. 2004. № 2. – С. 17.

²² Там же. С. 17.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 21-22.

ского компонента как базиса для формирования любых социальных и культурных отношений. Данная ситуация очень похожа на теоретическую ситуацию в экологии конца 1960 – начала 1970-х годов, когда человечество совершенно неожиданно для себя открывает ценность «внешней» природы. С тех пор прошло немало времени. Не все удалось и не все получается так хорошо, как хотелось бы. Но дело сдвинулось с мертвой точки. У человечества хватило мудрости, чтобы не просто осознать факт ценности природы в форме теории, но и принять ряд серьезных решений (например, создание экологического законодательства во многих странах, запрет производства фреонов, внедрение в практику идей устойчивого развития, подписание Киотского протокола, регламентирующего квоты на выбросы углекислого газа в атмосферу и т.п.). И есть надежда, что это повторится и в случае с природой «внутренней», т.е. с природой человека.

Подведем итоги. Сценарий «постчеловеческого будущего» действительно возможен. Но с позиций умеренного социально-экологического консерватизма мы утверждаем, что его результатом не обязательно станет постчеловек в буквальном понимании этого термина, т.е. нечто отличное от современного человека по своей природе. Трансформация природы человека в результате изменившегося взаимодействия с окружающей средой не обязательно должна быть радикальной. Хотя рост искусственности окружения человека, вероятнее всего, продолжится. Но едва ли это можно рассматривать как причину возрастания искусственности самого человека.

Список литературы

1. Антонов Е.А., Харламов С.Ю. Природа человека в контексте автотрофности человечества // Человек. 2011. №4. С. 88-100.
2. Борзенков В.Г. Эпистемологические препятствия на пути научного познания человека // Человек. 2012. № 1. С. 5-23.
3. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Изд-во МБА, 2013. 272 с.
4. Золотухина-Аболина Е.В. Современная этика: учебное пособие. М.: МарТ, Ростов-на-Дону: МарТ, 2005. 416 с.
5. Лебедев С.А. Онтология человека // Человек. 2010. № 1. С. 15-29.
6. Лекторский В.А. Возможно ли постчеловеческое будущее? // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 29-35.
7. Назаретян А.П., Лисица И.А. Критический гуманизм versus биоцентризм // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 149-158.
8. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Отв. ред. В. Прайд, А.В. Коротаев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 320 с.
9. Пископель А.А. Природа человека в концепции А. Маслоу // Вопросы психологии. 1999. №2. С. 75-87.
10. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела // Собрание сочинений: в 4 т. / Ред. И.И. Блауберг. М.: Традиция, 1997. Т. 3.
11. Священник Павел Флоренский. Органопроекция // Сочинения в 4 томах. М., 2000. Т. 3(1).
12. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84-118.
13. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. 349 с.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Ермак, 2004. 588 с.
15. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? // Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
16. Хоружий С.С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 19-36.
17. Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2012. 496 с.
18. Юдин Б.Г. О человеке, его природе и будущем // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 16-28.
19. Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. / Edited by Mihail C. Roco and William Sims Bainbridge. National Science Foundation Report, 2002.
20. Fukuyama F. The End of History // National Interest, 16 (Summer, 1989) PP. 3-18.
21. Mosterin J. La Naturaleza Humana. Madrid: Espasa Calpe, 2008. 418 p.

TRANSFORMATION OF HUMAN NATURE IN CONTEXT OF POST-HUMAN FUTURE

V.A. DOLIN

*Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian*

e-mail: v.a.dolin@mail.ru

The article deals with the human nature in the context of post-human future. The author of the article formulates the definition of the concepts: human nature, transformation of human nature, post-human future. From the positions of moderate social-ecological conservatism the author points out four interrelated problems: the structure of human nature; the features of the dynamics of human nature; scope of the openness of the human nature in the context of the transformational effects; axiological aspects of human nature.

Key words: human, human nature, transformation of human nature, post-human future.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.Г. РЕДЬКО

Научно-исследовательский институт системных исследований, Российская академия наук

e-mail: vgreddko@gmail.com

Обсуждается новое направление исследований – моделирование когнитивной эволюции, т.е. эволюции познавательных способностей биологических организмов, в результате которой произошли логика, мышление, интеллект человека. Характеризуются заделы исследований когнитивной эволюции и предлагаются контуры программы будущих исследований когнитивной эволюции.

Ключевые слова: моделирование когнитивной эволюции, автономные агенты, познавательные способности биологических организмов.

В работе обсуждается новое интересное направление исследований – моделирование когнитивной эволюции, т.е. эволюции познавательных способностей биологических организмов. Аргументируется, что актуальность исследований когнитивной эволюции связана с глубокой гносеологической проблемой: почему формальное логическое человеческое мышление, казалось бы, совсем не связанное с реальным физическим миром, применимо к познанию природы? Показано, что имеются заделы моделирования когнитивной эволюции, развиваемые в целом ряде направлений вычислительных наук. Обсуждаются перспективы моделирования когнитивной эволюции.

1. Гносеологическая проблема

Наиболее серьезные и глубокие когнитивные процессы – это процессы научного познания. Но насколько способен человек познавать внешний мир? Почему формальный логический вывод, сделанный *человеком*, применим к реальным объектам в *природе*? Поясним эти вопросы. Рассмотрим, например, физику, одну из фундаментальных естественнонаучных дисциплин. Мощь физики связана с эффективным применением математики. Но математик делает логические выводы, доказывает теоремы независимо от внешнего мира, используя свое мышление. Почему же эти выводы применимы к реальной физической природе?

Близкие вопросы давно интересовали ученых. В 1781 году появилась знаменитая «Критика чистого разума» И. Канта¹, а два года спустя вышло популярное изложение «Критики...» «Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться, как наука»². И. Кант провел исследование познавательных процессов в определенном приближении – приближении фиксированного мышления взрослого человека. Он не задавался вопросом, *откуда* берутся познавательные способности, он констатировал факт, что они существуют, и исследовал, *как* они работают. В результате этого анализа И. Кант пришел к выводу, что существует система категорий, концепций, логических правил и методов вывода, которые используются в познании природы. Эта система «чистого разума» имеет априорный характер – она существует в нашем сознании прежде всякого опыта – и является основой научного познания природы.

Приближение фиксированного мышления человека наложило свой отпечаток: И. Кант утверждает – и в рамках данного приближения вполне логично, – что так как «чистый разум» априорен, то наш рассудок в познавательном процессе предписывает свои законы природе²:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-01-00399.

¹ Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти томах. Т.3. – М.: Мысль, 1964. – С. 69-695.

² Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Соч. в 6-ти томах. Т.4, часть 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 67-210.

«...хотя вначале это звучит странно, но тем не менее верно, если я скажу: *рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей*».

Наверно, во времена И. Канта было разумно ограничиться приближением фиксированного мышления взрослого человека – все сразу не охватишь. Кроме того, не было еще теории происхождения видов Ч. Дарвина. Естественно, что после появления этой теории должна была произойти ревизия концепции априорного «чистого разума». И она произошла. Очень четко ее выразил один из основателей этологии (науки о поведении животных) лауреат Нобелевской премии К. Лоренц в статье «Кантовская концепция a priori в свете современной биологии» (1941 г.)³. Согласно К. Лоренцу кантовские априорные категории и другие формы «чистого разума» произошли в результате естественного отбора. Составляющие «чистого разума» возникали постепенно в процессе эволюции, в результате многочисленных взаимодействий с внешним миром. В эволюционном контексте «чистый разум» совсем *не априорен*, а имеет явные эволюционные *эмпирические* корни.

По существу, И. Кант и К. Лоренц показали, что если не рассматривать эволюционное происхождение методов познания, то нет ответа на вопрос о применимости логического мышления человека к познанию природы.

Как же разобраться в происхождении логических форм мышления? Можно ли промоделировать это происхождение? Как такие исследования связаны с основаниями науки, основаниями математики? Есть ли задел работ по моделированию эволюции познавательных способностей животных? Далее обсуждаются перечисленные вопросы. Но, прежде всего, кратко остановимся на вопросе: можно ли вообще в принципе провести такие исследования?

Итак, можно ли проследить эволюционные корни логических правил, используемых в дедуктивных доказательствах? По мнению автора настоящей статьи, да, можно. Приведем следующую аналогию.

Одно из элементарных правил, которое использует математик в логических заключениях, – правило *modus ponens*: «если имеет место *A*, и из *A* следует *B*, то имеет место *B*», или

$$\frac{A, A \rightarrow B}{B} \quad (1)$$

Перейдем от математика к собаке, у которой вырабатывают классический условный рефлекс. При выработке рефлекса в памяти собаки формируется связь «за УС должен последовать БС» (УС – условный стимул, БС – безусловный стимул). И когда после выработки рефлекса собаке предъявляют УС, то она, помня о хранящейся в ее памяти «записи» УС → БС, делает элементарный «вывод»:

$$\frac{УС, УС \rightarrow БС}{БС} \quad (2)$$

И собака ожидает БС.

Конечно, чисто дедуктивное применение формального правила *modus ponens* математиком и основанный на обобщении опыта индуктивный «вывод», который делает собака, явно различаются. Тем не менее, и в первом и во втором случаях речь идет о следственной связи между математическими утверждениями либо событиями: из *A* следует *B*, за УС следует БС. Хотя контексты следственной связи, следственной зависимости в этих двух случаях различны: в первом случае *B* есть формальное логическое следствие *A*; во втором случае в процессе наблюдений формируется и запоминается причинно-следственная связь между событиями УС и БС, следующими одно за другим во времени.

³ Лоренц К. Кантовская концепция a priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. Под ред. Меркулова И.П. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 15-41.

Итак, применение правила *modus ponens* при дедуктивном выводе аналогично «выводу» на основе классического условного рефлекса.

Указанная аналогия позволяет задуматься об эволюционных корнях логических правил, используемых в математике. Таким образом, можно анализировать эволюционные корни логического мышления и строить модели эволюционного происхождения логических правил, используемых в научном познании.

При этом результат эволюции – правила логического вывода, используемые при математических доказательствах, – известны и достаточно хорошо формализованы⁴. В основе этих выводов – элементарные правила, такие как *modus ponens*.

Важно подчеркнуть, что были и попытки пересмотра оснований математики в близком к исследованиям когнитивной эволюции контексте. В статье В.Ф. Турчина (1987 г.)⁵ предпринята весьма нетривиальная попытка пересмотра оснований математики и рассмотрена возможность построения предиктивных логических правил в контексте теории множеств и кибернетического подхода к обоснованию математики. В.Ф. Турчиным также была предложена концептуальная теория метасистемных переходов⁶, которая может быть использована при моделировании когнитивной эволюции.

Как же конкретно вести моделирование когнитивной эволюции? Есть ли задел таких исследований? Оказывается, что да, такой задел в той или иной форме существует в нескольких современных направлениях исследований вычислительного интеллекта. Эти направления кратко характеризуются в следующем разделе.

2. Заделы моделирования когнитивной эволюции

Адаптивное поведение. Направление «Адаптивное поведение» развивается с начала 1990-х годов⁷. Основной подход направления – конструирование и исследование искусственных «организмов» (в виде компьютерной программы или робота), способных приспосабливаться к внешней среде. Эти организмы часто называются «аниматами» (от англ. animal и robot: animal + robot = animat), агентами, автономными агентами. Исследователи адаптивного поведения разрабатывают такие модели, которые применимы к описанию поведения как реального животного, так и искусственного анимата⁸. Дальняя цель этих работ – анализ эволюции когнитивных способностей животных и происхождения интеллекта человека. Эта цель близка к задаче моделирования когнитивной эволюции.

Искусственная жизнь. Близким направлением к «Адаптивному поведению» является интересное направление исследований «Искусственная жизнь». Основной мотивацией исследований искусственной жизни служит желание понять и промоделировать формальные принципы организации биологической жизни. Как сказал руководитель первой международной конференции по искусственной жизни К. Лангтон, «основное предположение искусственной жизни состоит в том, что "логическая форма" организма может быть отделена от материальной основы его конструкции».

Сторонники направления «Искусственная жизнь» часто считают, что они исследуют более общие формы жизни, чем те, которые существуют на Земле. Т.е. изучается жизнь, какой она могла бы в принципе быть (“life-as-it-could-be”), а не обязательно та жизнь, какой мы ее знаем (“life-as-we-know-it”). Обзор ранних работ по искусственной жизни содержится в книге⁹.

Когнитивные архитектуры. Под когнитивными архитектурами понимаются структура и принципы функционирования познающих систем, которые можно использовать в искусственном интеллекте. Пример когнитивной архитектуры – система Soar (от

⁴ Математическая теория логического вывода. Под ред. Идельсона А.В. и Минца Г.Е. – М.: Наука, 1967.

⁵ Turchin V.F. A constructive interpretation of the full set theory // *Journal of Symbolic Logic*. 1987. V. 52. No. 1. P. 172–201.

⁶ Турчин В.Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. – М.: Наука, 1993.

⁷ From Animals to Animats. Proceedings of the First International Conference on Simulation of Adaptive Behavior. Eds. Meyer J.-A., Wilson S.W. – Cambridge: MIT Press, 1991.

⁸ Непомнящих В.А. Поиск общих принципов адаптивного поведения живых организмов и аниматов // *Новости искусственного интеллекта*. 2002. № 2. – С. 48–53.

⁹ Редько В.Г. Эволюция, нейронные сети, интеллект. Модели и концепции эволюционной кибернетики. – М.: УРСС, 2005.

англ. State, Operator And Result). Основная цель работ по Soar – создание системы функционирования интеллектуальных агентов, работающих в широкой области: от простейших форм до оперирования в сложных, заранее не предсказуемых условиях. Систему Soar предложили специалисты в области искусственного интеллекта еще в 1980 годах, тогда ее инициировали, как попытку построить унифицированную теорию познания. Обзор исследований по когнитивным архитектурам и Soar содержится в работах^{10,11}. В последние годы большое внимание уделяется биологически инспирированным когнитивным архитектурам¹².

Интеллектуальные автономные агенты. Это близкое к когнитивным архитектурам направление исследований, в котором большое внимание уделяется биологически обоснованным автономным агентам и компьютерным моделям агентов, обладающих когнитивными и некоторыми интеллектуальными свойствами. Обзор исследований по автономным агентам содержится в работе¹³. Необходимо подчеркнуть, что автономные агенты вполне могут рассматриваться как объединяющее понятие для указанных направлений исследований: агенты вполне естественно могут моделировать биологические организмы и искусственные аналоги организмов. Вполне естественно изучать познавательные свойства и знания автономных агентов.

Близкие работы по научным основам искусственного интеллекта. Такие работы включают исследования когнитивных систем роботов¹⁴, изучение нестандартных логик¹⁵, исследование познавательных методов, используемых человеком¹⁶.

Помимо исследований в области вычислительных наук интересные работы по когнитивным способностям живых организмов ведутся биологами. Эти работы также могут способствовать будущим исследованиям когнитивной эволюции.

3. Биологические эксперименты по «элементарному мышлению животных»

В последние годы проведены интересные биологические исследования, показывающие, что элементарные формы мышления присущи не только высшим животным, но и достаточно простым, например, насекомым (пчелам, муравьям), а также врановым птицам, которые способны самостоятельно создавать и целесообразно использовать «орудия труда». В данном разделе кратко характеризуются эти исследования.

Пчелы сообщают другим пчелам, где искать медоносные цветы. Еще в 20-е годы XX века Карл фон Фриш начал исследования способа передачи пчелами информации друг другу. К. фон Фриш обратил внимание на то, что возвращающиеся в улей пчелы-сборщицы совершают танец, привлекающий внимание других пчел. Угол, составленный осью танца и вертикалью, соответствует углу между направлением на пищу и направлением на солнце. Причем этот угол для танцующей пчелы меняется в соответствии с движением солнца. Скорость танца соответствует расстоянию между пищей и ульем. Танцующая пчела также пахнет, ее запах характеризует медоносный цветок. Другие пчелы наблюдают этот танец и затем находят те цветы, с которых прилетела танцующая пчела (на расстоянии до нескольких километров).

Интересно, что в 1990-е годы Б. Андерсен и А. Михельсен создали искусственную пчелу-робота, которая также танцевала и с помощью танца передавала информацию живым пчелам. Живые пчелы летели из улья на поляну, руководствуясь указаниями пчелы-

¹⁰ Langley P., Laird J.E., Rogers S. Cognitive architectures: Research issues and challenges // *Cognitive Systems Research*. 2009. V.10. No. 2. P. 141-160.

¹¹ Laird L.E. *The Soar Cognitive Architecture*. – Cambridge et al.: The MIT Press, 2012.

¹² *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2012. Proceedings of the Third Annual Meeting of the BICA Society* (A. Chella, R. Pirrone, R. Sorbello, K.R. Johansdottir, Eds). – Heidelberg et al.: Springer, 2012.

¹³ Vernon D., Metta G., Sandini G. A survey of artificial cognitive systems: Implications for the autonomous development of mental capabilities in computational agents // *IEEE Transactions on Evolutionary Computation*. 2007. V. 11. No. 2. P. 151-180.

¹⁴ Станкевич Л.А. Искусственные когнитивные системы // XII Всероссийская научно-техническая конференция «Нейроинформатика-2010»: Лекции по нейроинформатике. – М.: НИЯУ МИФИ, 2011. – С. 106-160.

¹⁵ Финн В.К. О машинно-ориентированной формализации правдоподобных рассуждений в стиле Ф. Бэкона – Д.С. Милля // *Семиотика и информатика*. 1983. – М.: ВИНТИ. Вып. 20. – С. 35-101.

¹⁶ Anshakov O., Gergely T. *Cognitive Reasoning: A Formal Approach*. – Heidelberg et al.: Springer, 2010.

робота. Подробнее об этой передаче символической информации см. обзор Ж.И. Резниковой¹⁷.

Муравьи могут передавать информацию со скоростью около 1 бита в минуту и запоминать небольшие целые числа. В семье рыжих лесных муравьев можно выделить рабочие группы, состоящие из одного разведчика и 3-8 фуражиров. Каждый разведчик, найдя пищу, вступает в контакт со своей группой и передает информацию фуражирам, где нужно искать пищу. В экспериментах и расчетах Ж.И. Резниковой и Б.Я. Рябко исследовалось поведение муравьев с помощью специально изготовленных ветвящихся лабиринтов небольшой глубины: каждый путь разветвлялся на два, было до 5-6-ти развилок в лабиринте. Было установлено, что муравьи-разведчики могли запомнить путь к кормушке, а затем путем контактов с фуражирами передавать им информацию о том, в каком месте лабиринта находится пища^{17,18}. Зная глубину лабиринта и время контакта, Ж.И. Резникова и Б.Я. Рябко определяли количество информации, передаваемой разведчиками фуражирам, и скорость передачи этой информации. В результате оказалось, что скорость передачи информации составляла около 1 бита в минуту.

Причем, если путь был достаточно простой, например, в каждой развилке лабиринта надо было поворачиваться в левую ветку, то разведчики могли использовать «сжатую» информацию и передавать ее фуражирам с большей скоростью. Образно говоря, муравьи «освоили» как информацию по Шеннону, так и информацию по Колмогорову (подробнее см. работы¹⁷⁻¹⁹).

Кроме этого, исследовалась передача информации между муравьями-разведчиками и фуражирами для более простых лабиринтов-гребенок, состоящих из одного основного канала, от которого ответвляются в одну сторону одинаковые каналы (до 40 веток)^{18,19}. Пища находилась в одном из ответвлений. Муравьи оказались способными запоминать и передавать друг другу сведения о номере ветки, т.е. они умели определенным образом считать.

Новокаледонские вороны могут изобретать способ изготовления орудий труда. Обычно в природе новокаледонские вороны могут обкусывать веточки так, что получаются простые орудия (заостренные палочки или крючки). На заостренную палочку ворона может насаживать личинки насекомых, а крючком вытаскивать личинок из-под коры.

В университете Оксфорда проводили исследования с воронами, находившимися долгое время в неволе²⁰. Двум воронам (молодой самке и самцу постарше) предлагали добывать ведро с пищей со дна прозрачного вертикального цилиндра. Рядом с цилиндром были прямая проволока и проволока, согнутая крючком. Ведро можно было вытащить крючком, но не прямой проволокой. Раньше с проволокой вороны дела не имели. Тем не менее, они сразу поняли, что ведро можно вытащить с помощью крючка.

Неожиданность произошла, когда самец утащил крючок. Тогда самка сначала попыталась подцепить ручку ведра прямым куском проволоки (что было безуспешно), а потом быстро научилась делать из прямой проволоки крючок, зажимая один конец проволоки в одной из щелей экспериментальной установки и загибая проволоку. А затем с помощью изготовленного ей крючка доставала ведро с пищей. В дальнейшем, если крючок убирала, а оставляли прямую проволоку, ворона сразу делала крючок и доставала пищу. Отметим, что самец не перенял опыт самки, он наблюдал за ней и иногда отнимал у нее пищу.

Таким образом, ворона сама, без какого-либо обучения, без каких-либо инструкций, изобрела способ изготовления орудия труда. Подробнее см. работу²⁰ и сайт исследо-

¹⁷ Резникова Ж.И. Современные подходы к изучению языкового поведения животных // Разумное поведение и язык. Коммуникативные системы животных и язык человека. – М.: «Языки славянских культур», 2008. – С. 293 – 337.

¹⁸ Резникова Ж. И., Рябко Б. Я. Теоретико-информационный анализ «языка» муравьев // Журнал общей биологии. 1990. Т. 51. № 5. – С. 601-609.

¹⁹ Резникова Ж.И., Рябко Б.Я. Передача информации о количественных характеристиках объекта у муравьев // Журнал высшей нервной деятельности, 1995. Т. 45. № 3. – С. 500-509.

²⁰ Weir A.A.S., Chappell J., Kacelnik A. Shaping of hooks in New Caledonian crows // Science. 2002. V. 297. No. 5583. P. 981-983.

вателей новокаледонских ворон университета Оксфорда
[<http://users.ox.ac.uk/~kgroup/index.html>,
<http://users.ox.ac.uk/~kgroup/tools/introduction.shtml>].

Новокаледонские вороны могут мысленно составлять планы цепочек целенаправленных действий. Еще одно интересное исследование с новокаледонскими воронами провели исследователи из Новой Зеландии²¹. Задание для ворон состояло из 3 следующих частей. 1) Сначала надо было подтянуть к себе шнуром и освободить от шнура маленькую палочку, которая висела на шнуре. 2) Затем с помощью маленькой палочки достать из одного зарешеченного контейнера длинную палочку. 3) Наконец, с помощью длинной палочки надо было достать пищу из второго контейнера. Причем, без короткой палочки нельзя было достать длинную, а короткой палочкой нельзя было дотянуться до пищи во втором контейнере. Т.е. весь процесс добывания пищи должен был состоять из трех последовательных шагов, на которых надо было использовать три «инструмента»: шнур, маленькую палочку, длинную палочку.

Предварительно вороны тренировались в более простых условиях: они могли использовать часть или все эти инструменты по отдельности. Когда им нужно было выполнить полное задание из трех шагов, то те вороны, которые имели опыт использования всех трех инструментов по отдельности, выполняли задание с первого раза, а те, которые предварительно освоили инструменты частично, выполняли задание не всегда с первого раза, но, тем не менее, тоже быстро научились с ним справляться.

Таким образом, вороны научились продумывать план решения новой задачи, мысленно связывая в плане ранее освоенный опыт.

4. Контуры программы будущих исследований когнитивной эволюции

Как же использовать очерченные заделы и знания при моделировании происхождения мышления. Каковы эволюционные уровни, на которых стоит остановиться? Как от простых форм адаптивного поведения идти к логическим формам, используемым в научном познании? Предложим контуры программы будущих исследований, нацеленных на моделирование когнитивной эволюции. При этом постараемся выделить наиболее существенные этапы, ведущие к логическому мышлению.

А. Моделирование адаптивного поведения автономных агентов с несколькими естественными потребностями: питания, размножения, безопасности. Это могло бы быть моделирование достаточно естественного и полноценного поведения простых модельных организмов. Моделирование в этом направлении уже начато, см. ниже.

Б. Исследование перехода от физического уровня обработки информации в нервной системе животных к уровню обобщенных образов. Такой переход можно рассматривать, как появление в «сознании» животного свойства «понятие». Обобщенные образы можно представить как мысленные аналоги наших слов, не произносимые животными, но реально используемые ими. Использование понятий приводит к существенному сокращению и требуемой памяти, и времени обработки информации, поэтому оно должно быть эволюционно выгодным.

В. Исследование процессов формирования причинных связей в памяти животных. По-видимому, запоминание причинно-следственных связей между событиями во внешней среде и адекватное использование этих связей в поведении – одно из ключевых свойств активного познания животным закономерностей внешнего мира. Такая связь формируется, например, при выработке условного рефлекса: животное запоминает связь между условным стимулом (УС) и следующим за ним безусловным стимулом (БС), что позволяет ему предвидеть события в окружающем мире и адекватно использовать это предвидение.

Естественный следующий шаг – переход от отдельных причинных связей к логическим выводам на основе уже сформировавшихся знаний.

²¹ Taylor A.H., Elliffe D., Hunt G.R., Gray R.D. Complex cognition and behavioural innovation in New Caledonian crows // Proc. R. Soc. B. 2010. V. 277. No. 1694. P. 2637–2643.

Г. Исследование процессов формирования логических выводов в «сознании» животных. Фактически, уже на базе классического условного рефлекса животные способны делать «логический вывод» вида: $\{УС, УС \rightarrow БС\} \Rightarrow БС$ или «Если имеет место условный стимул, и за условным стимулом следует безусловный, то нужно ожидать появления безусловного стимула». В определенной степени такие выводы подобны выводам математика, доказывающего теоремы (см. выше, раздел 1). И целесообразно разобратся в системах подобных выводов, понять, насколько адаптивна логика поведения животных и насколько она подобна нашей, человеческой логике.

Перечисленные пункты очерчивают круг исследований от моделирования простейших форм поведения к логическим правилам, используемым в математике. Опираясь на эти пункты, мы начали соответствующее моделирование, которое характеризуется в следующем разделе.

5. Начальные шаги моделирования когнитивной эволюции

Компьютерная модель автономных агентов, имеющих естественные потребности. В работе²² была построена и исследована компьютерная модель автономных адаптивных агентов, обладающих естественными для живых организмов потребностями: питания, безопасности и размножения. Предполагалось, что агент имеет определенный ресурс R , который уменьшался при выполнении действий и увеличивался при питании. Кроме того, ресурс агента существенно уменьшался, когда на агента нападал активный хищник. Потребностям агента соответствовали три фактора: фактор питания F_F , фактор безопасности F_S , фактор размножения F_R . Для каждого фактора имелся порог T_F , T_S и T_R , при превышении фактором которого удовлетворялась соответствующая потребность.

Между потребностями вводилась следующая иерархия: 1) пищевая потребность (наиболее приоритетна), 2) потребность безопасности, 3) потребность размножения (наименее приоритетна). Потребность считалась ведущей, если она была наиболее приоритетной из всех потребностей, для которых фактор меньше своего порога, т.е. $F_N < T_N$.

Система управления агента была основана на наборе правил вида: $S_k \rightarrow A_k$, где S_k – ситуация, A_k – действие. Ситуация S_k определялась активностью хищника рядом с агентом, предыдущим действием агента и ведущей потребностью. Агент мог выполнять одно из следующих действий A_k : 1) покой, 2) поиск пищи, 3) питание, 4) подготовка к размножению, 5) размножение, 6) оборона. Каждое правило имело свой вес W_k , веса правил настраивались методом обучения с подкреплением²³. Подкрепления определялись изменением фактора ведущей потребности. Агент выполнял действия, соответствующие правилам с большими весами.

Моделирование показало, что в результате обучения происходит формирование циклов поведения, в которых последовательно удовлетворяются потребности питания, безопасности и размножения.

Модель формирования обобщенных эвристик и простых обобщенных образов. Формирование обобщенных эвристик и простых обобщенных образов в процессе обучения агентов при поиске агентами пищи в двумерной клеточной среде было продемонстрировано в модели²⁴. Модель предполагала, что в части клеток были порции пищи. При съедании пищи ресурс агента пополнялся. Система управления агента также была основана на правилах вида $S \rightarrow A$, веса правил оптимизировались методом обучения с подкреплением.

Компьютерное моделирование показало, что в результате обучения агент формировал следующие обобщающие эвристики. Если имеется пища в той же клетке, в которой находится агент, то нужно съесть пищу. Если в клетке агента нет пищи, но есть пища в

²² Коваль А.Г. Редько В.Г. Поведение модельных организмов, обладающих естественными потребностями и мотивациями // Математическая биология и биоинформатика (электронный журнал). 2012. Т. 7. № 1. С. 266-273. URL: [http://www.matbio.org/2012/Koval2012\(7_266\).pdf](http://www.matbio.org/2012/Koval2012(7_266).pdf).

²³ Саттон Р.С., Барто Э.Г. Обучение с подкреплением. – М.: Бином, 2011.

²⁴ Бесхлебнова Г.А., Редько В.Г. Модель формирования обобщенных понятий автономными агентами // Четвертая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2-х томах. Т. 1. – Томск: ТГУ, 2010. – С. 174-175.

одной из ближайших клеток, то нужно выполнить действие или цепочку действий, направленных на движение в клетку с пищей.

Кроме этого, в компьютерную модель вводилась процедура усреднения, в результате которой агент формировал внутренние понятия «имеется пища в моей клетке», «имеется пища в клетке впереди меня», «имеется пища в клетке справа/слева от меня». Именно эти понятия использовались в обобщающих эвристиках агента.

Таким образом, построены первые модели, соответствующие предложенной программе (раздел 4), хотя пока эти модели целесообразно рассматривать только как начальный этап более полноценных исследований.

6. Междисциплинарные связи исследований когнитивной эволюции

Укажем потенциальные междисциплинарные связи будущих исследований когнитивной эволюции и тем самым подчеркнем актуальность этих исследований.

– Эти исследования связаны с основаниями науки, с основаниями математики, с серьезной проблемой: почему логические выводы, математические доказательства применимы к реальной природе.

– Данные исследования интересны с философской, эпистемологической точки зрения – они нацелены на прояснение причин применимости человеческого мышления в познании природы.

– В ряде направлений исследований вычислительного интеллекта развивается задел по математическому и компьютерному моделированию когнитивной эволюции.

– Эти исследования интересны с точки зрения развития когнитивных наук, так как они связаны с наиболее важными когнитивными процессами – процессами научного познания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, намечены подходы к моделированию когнитивной эволюции. Имеется ряд заделов этого моделирования в направлениях «Адаптивное поведение», «Искусственная жизнь», «Когнитивные архитектуры». Еще одно близкое направление работ – биологические исследования, направленные на изучение «элементарного мышления животных». Хотя работ на стыке биологии и вычислительного интеллекта, направленных на моделирование «интеллектуального» поведения животных, пока еще явно недостаточно.

Выше наиболее четко очерчен подход к исследованию эволюционного происхождения логического мышления, используемого в математических доказательствах (раздел 1). Существенное достоинство этого подхода – ясен конечный результат эволюции: правила логического вывода, используемые при математических доказательствах, известны и достаточно хорошо формализованы.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти томах. Т.3. – М.: Мысль, 1964. – С. 69-695.
2. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Соч. в 6-ти томах. Т.4, часть 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 67-210.
3. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. Под ред. Меркулова И.П. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 15-41.
4. Математическая теория логического вывода. Под ред. Идельсона А.В. и Минца Г.Е. – М.: Наука, 1967.
5. Turchin V.F. A constructive interpretation of the full set theory // Journal of Symbolic Logic. 1987. V. 52. No. 1. P. 172 -201.
6. Турчин В.Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. – М.: Наука, 1993.
7. From Animals to Animats. Proceedings of the First International Conference on Simulation of Adaptive Behavior. Eds. Meyer J.-A., Wilson S.W. – Cambridge: MIT Press, 1991.
8. Непомнящих В.А. Поиск общих принципов адаптивного поведения живых организмов и аниматов // Новости искусственного интеллекта. 2002. № 2. С. 48-53.

9. Редько В.Г. Эволюция, нейронные сети, интеллект. Модели и концепции эволюционной кибернетики. – М.: УРСС, 2005.
10. Langley P., Laird J.E., Rogers S. Cognitive architectures: Research issues and challenges // *Cognitive Systems Research*. 2009. V.10. No. 2. P. 141-160.
11. Laird L.E. The Soar Cognitive Architecture. – Cambridge et al.: The MIT Press, 2012.
12. Biologically Inspired Cognitive Architectures 2012. Proceedings of the Third Annual Meeting of the BICA Society (A. Chella, R. Pirrone, R. Sorbello, K.R. Johannsdottir, Eds). – Heidelberg et al.: Springer, 2012.
13. Vernon D., Metta G., Sandini G. A survey of artificial cognitive systems: Implications for the autonomous development of mental capabilities in computational agents // *IEEE Transactions on Evolutionary Computation*. 2007. V. 11. No. 2. P. 151-180.
14. Станкевич Л.А. Искусственные когнитивные системы // XII Всероссийская научно-техническая конференция «Нейроинформатика-2010»: Лекции по нейроинформатике. – М.: НИЯУ МИФИ, 2011. – С. 106-160.
15. Финн В.К. О машинно-ориентированной формализации правдоподобных рассуждений в стиле Ф. Бэкона – Д.С. Милля // *Семиотика и информатика*. 1983. М.: ВИНТИ. Вып. 20. С. 35-101.
16. Anshakov O., Gergely T. Cognitive Reasoning: A Formal Approach. – Heidelberg et al. Springer, 2010.
17. Резникова Ж.И. Современные подходы к изучению языкового поведения животных // *Разумное поведение и язык. Коммуникативные системы животных и язык человека* – М.: «Языки славянских культур», 2008. – С. 293 – 337.
18. Резникова Ж. И., Рябко Б. Я. Теоретико-информационный анализ «языка» муравьев // *Журнал общей биологии*. 1990. Т. 51. № 5. С. 601-609.
19. Резникова Ж.И., Рябко Б.Я. Передача информации о количественных характеристиках объекта у муравьев // *Журнал высшей нервной деятельности*, 1995. Т. 45. № 3. С. 500-509.
20. Weir A.A.S., Chappell J., Kacelnik A. Shaping of hooks in New Caledonian crows // *Science*. 2002. V. 297. No. 5583. P. 981-983.
21. Taylor A.H., Elliffe D., Hunt G.R., Gray R.D. Complex cognition and behavioural innovation in New Caledonian crows // *Proc. R. Soc. B*. 2010. V. 277. No. 1694. P. 2637–2643.
22. Коваль А.Г. Редько В.Г. Поведение модельных организмов, обладающих естественными потребностями и мотивациями // *Математическая биология и биоинформатика (электронный журнал)*. 2012. Т. 7. № 1. С. 266-273. URL: [http://www.matbio.org/2012/Koval2012\(7_266\).pdf](http://www.matbio.org/2012/Koval2012(7_266).pdf).
23. Саттон Р.С., Барто Э.Г. Обучение с подкреплением. – М.: Бином, 2011.
24. Бесхлебнова Г.А., Редько В.Г. Модель формирования обобщенных понятий автономными агентами // Четвертая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2-х томах. Т. 1. – Томск: ТГУ, 2010. – С. 174-175.

MODELING OF COGNITIVE EVOLUTION: PERSPECTIVE DIRECTION OF FUTURE RESEARCH

V.G. RED'KO

*Scientific Research Institute
for System Analysis, Russian
Academy of Science*

e-mail: vcredko@gmail.com

A new area of research, namely, modeling of cognitive evolution is discussed. Modeling of cognitive evolution is a study of the evolution of cognitive abilities of biological organisms. Origin of human intelligence is a result of this evolution. Backgrounds of investigations of cognitive evolution are characterized. The sketch program of future studies of cognitive evolution is proposed.

Key words: modeling of cognitive evolution, autonomous agents, cognitive abilities of biological organisms.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Д.А. АНИКИН*Саратовский государственный университет**e-mail:
Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

В рамках современного философского знания существуют различные методологические подходы, исследующие феномен социальной памяти. Как правило, можно свести эти подходы к объективизму, когда под социальной памятью понимаются механизмы воспроизводства исторического опыта, или к конструктивизму, когда социальной памятью называются способы репрезентации прошлого в принципиально иных политических и социальных контекстах. В статье исследуется методологический потенциал теории П. Бурдьё в выстраивании синтеза данных подходов на основании понятия «символический капитал».

Ключевые слова: социальная память, символический капитал, социальные практики, репрезентация, социальное пространство.

Дискуссии о социальной памяти, и шире – роли прошлого в современных социальных процессах оказываются зажаты среди двух полюсов. С одной стороны, методичный реализм Яна и Алейды Ассман, нацеленный на изучение механизмов превращения «живых» воспоминаний в обосновывающие мифы, но при этом не допускающий и тени сомнения в самом факте существования этого прошлого. С другой – не менее последовательная деконструкция любых историографических конфигураций прошлого от Пьера Нора и других историков-постмодернистов, благодаря усилия которых сам вопрос о статусе прошлого плавно перемещается из плоскости онтологической в плоскость гносеологическую¹.

Между этими полюсами, как между Сциллой и Харибдой современных «memory studies», так или иначе, оказываются зажаты точки зрения большей части исследователей, работающих в этой сфере. Вопрос, стоящий перед ними, вечен, но от не менее, а только более существенен: как сочетается субъективное и объективное в процессах воспоминания, социальные механизмы и индивидуальные устремления и, в конечном итоге, закономерности и случайности в историческом познании?

С целью нахождения компромиссных точек зрения в очередной раз провозглашается «возврат к истокам». Е.Г. Трубина справедливо обращается к Морису Хальбваксу как основоположнику «мемориальной» проблематики в социальных науках, находя в его работах системное видение воспоминаний как внутренней потребности индивида как объ-

¹ См. подробнее: Трубина Е.Г. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти. М.: ООО «Вариант», 2011. – С. 25-44.

ективной общественной потребности (не следует забывать, что по своим методологическим установкам М. Хальбвакс был примерным учеником дюркгеймовской школы).²

Другим исследователям (А.В. Дахин) выход видится в выведении социальной памяти из сугубо социального контекста и помещении данного понятия в контекст онтологический.³ Такая методологическая операция открывает несомненные перспективы и новые горизонты исследования памяти, но, к сожалению, уводит от выстраивания той концептуальной решетки, которая оказалась бы применима к решению прикладных «кейсов», которые щедро поставляет современная социальная реальность.

Поэтому дополняющим, а не взаимоисключающим рассмотренных выше вариантов представляется применение к анализу социальной памяти тех методологических подходов, которые были выработаны в социально-гуманитарных науках во второй половине XX века, но влияние которых в сфере «memory studies» было близко к нулю. В первую очередь, хотелось бы обратиться к фигуре французского философа и социолога Пьера Бурдьё, что объясняется целым комплексом достаточных оснований.

Во-первых, принцип «двойного структурирования» социальной действительности, предложенный П. Бурдьё предполагает отход от крайностей позитивизма дюркгеймовского толка (когда социальные явления должны рассматриваться как «вещи») и социальной феноменологии А. Шюца. Посредством введения понятия «габитус», характеризующего социально заданные схемы восприятия действительности, французский исследователь проводит определенную корреляцию между социальной структурой и системой внутренних смыслов индивида, причем ни одна из выделенных оппозиций не может быть абсолютизирована, поскольку в реальности всегда имеет место взаимовлияние. Объективные структуры социальной действительности и субъективные механизмы их восприятия оказываются настолько переплетены, что в конкретном случае, как правило, имеет место не жесткая детерминация, а именно пересечение разноуровневых способов упорядочивания действительности.

Для объяснения данной взаимосвязи П. Бурдьё использует понятие «габитус», понимая под ним устойчивые формы восприятия и объяснения действительности, задаваемые социальным контекстом (прежде всего, воспитанием и образованием), но подвергающиеся интериоризации и периодической проверке на соответствие изменяющимся социальным условиям.

Способ существования в социальной действительности рассматривается Бурдьё как непрерывный обмен ресурсами, поэтому ключевой характеристикой любого социального или политического субъекта является совокупность присущих ему в настоящий момент форм капитала – экономической, социальной или культурной (символической). Капитал не является статичной суммой накопленных ресурсов, а представляет собой непрерывное перемещение товаров, знаков и символов от одного актора к другому, в контексте чего все формы капитала не являются замкнутыми, а могут конвертироваться друг в друга, пусть даже с неременной утратой части своей ликвидности. По определению самого П. Бурдьё, «символический капитал – как капитал в любой его форме, представляемой (т.е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием – предполагает влияние габитуса как социально сконструированной когнитивной способности».⁴ По сути, символический капитал представляет собой форму престижа, которым обладает как индивидуальный, так и коллективный субъект в глазах окружающих. С этим обстоятельством связано подчеркивание Бурдьё индивидуального и даже личностного характера символического капитала, поскольку уважение не может передаваться по наследству, аналогично дворянскому титулу, а привязано непосредственно к своему носителю, по крайней мере, в хабиитуализированных структурах общественного сознания.

Эти наблюдения могут быть, с определенной долей опосредования, перенесены и на феномен социальной памяти. В рамках анализируемого подхода социальная память

² Там же. С. 30-31.

³ Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации memory studies // Вопросы философии, 2010, № 8. – С. 52-55

⁴ Бурдьё П. Культурный капитал // Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. – С. 61.

представляет собой важный элемент символического капитала любого общественного устройства, поскольку свойством символического капитала является его легитимация прошлым, подкрепление актуальных мировоззренческих установок обращением к определенным образам исторических событий и персонажей, воспринимающихся в качестве символических родоначальников или предшественников носителя символического капитала. Под социальной памятью подразумевается совокупность способов репрезентации прошлого, используемых в определенном политическом, культурном и экономическом контексте с целью легитимации существующего порядка или его изменения.

Определенные представления о прошлом оказываются востребованы исключительно в связи с тем, что они являются средствами политической борьбы, позволяя определенным политическим группировкам легитимировать свое существование и дискредитировать в глазах «молчаливого большинства» действия представителей иных политических субъектов. Можно согласиться с Д.В. Чайковским, что «капитал ценен не сам по себе, а в его соотносительности с теми потенциальными возможностями, которые он предоставляет для осуществления властного влияния».⁵

При этом, подобная интерпретация социальной памяти не сводится к утилитарному консумеризму, поскольку, кроме сугубо денотативного значения (ресурс символического противостояния), образы прошлого могут выполнять и коннотативные функции (сплочение нации, выстраивание определенных социальных практик и т.д.). Иначе говоря, символический капитал, как и другие виды капитала, оказывается органично вписан в общую картину социальной реальности.

П. Бурдые отмечает, что не существует неразрывной пропасти между экономическим и символическим капиталом, несмотря на то, что, на протяжении становления модернистского общества, экономический капитал претендовал на то, чтобы остаться единственной формой выражения имеющихся ресурсов.⁶ Хотя символический капитал оперирует совсем другими категориями (честь и престиж), нежели экономический капитал (товар), но это не означает, что он не может быть конвертирован в конкретную экономическую стоимость. В конце концов, на буме социальной памяти в современном российском обществе строится и разветвленная туристическо-развлекательная индустрия. Туристические маршруты обязательно включают в себя «исторические памятники» (которые помещены в данном тексте в кавычки исключительно для того, чтобы подчеркнуть вариативность и неоднозначность этого понятия в контексте тех политических и социальных перипетий, которые испытала Россия на протяжении последних десятилетий). Вокруг «мест памяти» разворачивается оживленная торговля сувенирами, которые построены на сознательной эксплуатации тех или иных образов прошлого (например, на Мамаевом Кургане в ходе флеш-карты, изготовленные в виде патронных гильз). В данном контексте товары, эксплуатирующие узнаваемые образы прошлого, представляют собой объективированный символический капитал, аналогичный символам власти (скипетр, держава), которые разбираются в одной из работ П. Бурдые.⁷

Обращение различных политических группировок к символическому капиталу социальной памяти является инструментом в символической борьбе за «произвольные (но не признаваемые за таковые) средства познания и выражения (таксономию) социальной реальности».⁸ Борясь за навязывание своих взглядов, политические группы используют образы прошлого в качестве способа легитимации собственных высказываний, аргумента обоснованности своих претензий на право говорить от имени общества в целом. Необходимо понимать, что сфера влияния символического капитала определяется не политическими границами государства, в котором воспроизводятся определенные образы прошлого, а степенью их востребованности на внутреннем и международном рынке. А.А. Гравер указывает, что «под ликвидностью «символического капитала» понимается спо-

⁵ Чайковский Д.В. Воспроизводство власти: к вопросу о символической легитимации // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. – С. 130.

⁶ Бурдые П. Практический смысл. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 132.

⁷ Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 96.

⁸ Там же. С. 90.

способность аккумулировать ресурсы (экономические, политические, военные и др.) с помощью государства-партнера или союзника ввиду общности восприятия политических явлений. Таким образом, «символические капиталы» являются неотъемлемой частью в структуре мир-системы». ⁹

Переноса эти характеристики на образы прошлого, следует отметить, что их ценность и ликвидность с ресурсной точки зрения заключается в возможности выстраивания конструктивных стратегий взаимоотношения с другими странами, прежде всего, экономическими и политическими партнерами. Общность прошлого, точнее говоря, пролонгирование существующих экономических и политических связей в отдаленную историческую перспективу, позволяет обеспечить определенное единство различных политических субъектов в решении актуальных вопросов. В то же время, выбор того или иного набора образов прошлого способен актуализировать тот символический капитал, который представляется предпочтительным с точки зрения текущих политических перспектив, и, соответственно, вызвать разрыв с другими политическими субъектами, по отношению к которым эти образы несут негативный характер. Например, политическая переориентация части бывших советских республик на Евросоюз привела к изменению оценок прошлого, в том числе таких ключевых для советского символического капитала событий, как Переяславская Рада или Великая Отечественная война. Пророссийские оценки этих событий оказались неликвидны с точки зрения экономических и политических перспектив вступления в Евросоюз, поэтому оказались отторгнуты. Разумеется, стоит учитывать, что немалое значение имеет и та историческая ситуация, в которой оказывается политический субъект, особенно, если конвертированием символического капитала социальной памяти занимаются структуры постимперского пространства. ¹⁰

В одной из своих работ П. Бурдые отдельно останавливается на вопросе воспроизводства символического капитала в сфере гуманитарных наук (в том числе, и истории), обращая внимание на следующую важную закономерность: гуманитаристика занимает промежуточное место между точными дисциплинами, которые опираются на следование строгим критериям научности, и политическими играми, строящимися на признании большинством. Поэтому гуманитарные науки всегда манипулируют сочетанием сугубо научных и политических критериев, осуществляя свою диспозицию на двух смежных уровнях культурного пространства. ¹¹

Особое значение, согласно П. Бурдые, имеет тот факт, производится ли символический капитал социальной памяти социальной группой в целом (то есть образы прошлого находятся в «коммуникативной» памяти, выражаясь терминологией Я. Ассмана), либо их производство институализировано и доверено группе специалистов, обладающих официально признанными полномочиями. Если определенные образы прошлого, относительно недавнего, находятся в достоянии всех социальных групп, что, однако, не исключает, разногласий в их трактовках, то более отдаленные события находятся в ведении профессиональной группы историков, которая пытается всячески легитимировать свое привилегированное положение по выработке исторического знания, устанавливая дистанцию между научными и ненаучными текстами.

Проблема заключается в том, что память о недавних событиях (очевидцы которых еще живы) является одновременно принадлежащей как профессиональным историкам, так и обществу в целом. Эта зона периферийной социальной памяти, которая является наиболее интересной с точки зрения символического использования, лежит между «настоящим» (то есть теми событиями, которые символически воспринимаются как неподлежащие историческому каталогизированию и упорядочиванию) и мифологизирован-

⁹ Гравер А.А. Символические капиталы путинской России в мир-системе XXI века. Опыт изучения // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2010. № 3. – С. 100.

¹⁰ См. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. – С. 121-126.

¹¹ Бурдые П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. – С. 520-521.

ным прошлым, которое, в силу утраты своей жизненной многообразности, превратилось в совокупность устойчивых мировоззренческих и идеологических формул, воспроизводимых для последующих поколений посредством системы образования. Эту зону польский антрополог Я. Вансина назвал *временной лакуной*, подчеркивая, что именно такой временной зазор человеческое сознание «проскакивает», не подвергая особой рефлексии.¹² Но именно содержащиеся во временной лакуне события и их оценки, еще не приобретающие характер догмы, могут подвергаться бесконечным интерпретациям, выступая в качестве материала для символической борьбы. С возрастанием продолжительности человеческой жизни увеличивается объем и коммуникативной памяти, следовательно, возрастают возможности использования образов прошлого в качестве символического капитала для противостояния политических группировок или социальных слоев.

Можно подвести итог, что с точки зрения социальной философии изучение социальной памяти как символического капитала позволяет выявить следующие важные характеристики образов прошлого в структуре современной социальной реальности:

1. Социальная память, представляя собой совокупность ликвидных с точки зрения внутреннего или внешнего рынка образов прошлого, выступает неотъемлемым элементом символической структуры общества.

2. В этом качестве она становится атрибутом символической борьбы между различными властными группировками за легитимацию/делегитимацию существующего политического порядка.

3. Являясь символическим капиталом, социальная память обладает способностью конвертирования в экономический капитал и возможностью объективации, что приводит к возникновению туристической и сувенирной индустрии.

4. Материалом для символической борьбы в большей степени выступает содержание «живой», коммуникативной памяти, еще не подвергшейся стандартизации и мифологизации, поэтому имеющей сильный эмоциональный оттенок.

5. Таким образом, обращение к изучению социальной памяти в контексте структуралистского подхода П. Бурдьё позволяет проанализировать ее тесную взаимосвязь с политическими и экономическими институтами, а также, посредством понятия «габитус», обратиться к антропологическому измерению пространства социальной памяти.

Список литературы

1. Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 121-126.
2. Бурдьё П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 518-538.
3. Бурдьё П. Культурный капитал // Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. С. 60-74.
4. Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87-96.
5. Бурдьё П. Практический смысл. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 562 С.
6. Гравер А.А. Символические капиталы путинской России в мир-системе XXI века. Опыт изучения // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2010. № 3. С. 99-118.
7. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации *memory studies* // Вопросы философии, 2010, № 8. С. 52-55.
8. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 С.
9. Трубина Е.Г. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти. М.: ООО «Вариант», 2011. С. 25-44.
10. Чайковский Д.В. Воспроизводство власти: к вопросу о символической легитимации // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 130-133.
11. Vancina J. Oral Tradition as History. London, 1965. – 208 pp.

¹² Vancina J. Oral Tradition as History. London, 1965. P. 12.

SOCIAL MEMORY AS SYMBOLICAL CAPITAL

D.A. ANIKIN

Saratov State University

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

Within modern philosophical knowledge there are the various methodological approaches investigating a phenomenon of social memory. As a rule, it is possible to reduce these approaches to an objectivism when social memory is understood as mechanisms of reproduction of historical experience, or to constructivism when ways of representation of the past in essentially other political and social contexts are called as social memory. In article the methodological potential of the theory of P. Bourdieu in forming of synthesis of these approaches on the basis of the concept "symbolical capital" is investigated.

Key words: social memory, symbolical capital, social practitioners, representation, social space.

УДК 316.74: 070.482

ПРАВОСЛАВНЫЙ МЕДИДИСКУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ¹**Л.А. ГУЛЮК***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: guluk@bsu.edu.ru*

Статья посвящена рассмотрению особенностей репрезентации религиозного сознания в православной периодике Белгородской области. Подтверждается, что изучение православных СМИ также дает возможность более глубокого анализа деятельности современной церкви, церковно-государственных отношений, взаимодействия церкви и общества.

Ключевые слова: православная журналистика, региональное религиозное сознание, образ, уровни религиозного сознания.

Задача религиозного возрождения России на сегодняшний день занимает центральное место в поисках преодоления духовного кризиса. Эта проблема актуализируется не только гуманитарным сообществом, но и открыто обсуждается на государственном уровне. В послании президента РФ от 12 декабря 2012 года акцент был сделан на формировании духовного, нравственного, культурного облика россиянина, на воспитании патриотизма, верности своему Отечеству: «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизованных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией»².

В конфессиональных образованиях видят ключ к социальной солидарности общества, а религиозный дискурс становится семиосферой ряда социальных групп.

Когда речь идет о религии, неизбежно встает вопрос о специфике религиозного сознания. Причем имеется в виду специфика экзистенциальная: религиозность как фактор душевной жизни человека не только определяет его поведенческие реакции, его склонность к тем или иным формам социальной жизни или его мировоззрение, но и детерминирует известное ценностное отношение к собственной жизни, к жизни других живых существ и к бытию вообще.

«Религиозное сознание – это причастность к определенным религиозным идеям и ценностям, а также принадлежность к конкретной религии и религиозной группе. Характер религиозного сознания, роль религии в жизни людей детерминированы определенными социально-экономическими и культурными условиями»³.

Религиозное сознание имеет два уровня – обыденный и концептуальный. Обыденное религиозное сознание предстает в виде образов, представлений, стереотипов, установок, мнений, настроений и чувств, направленности воли, привычек и традиций, которые являются непосредственным отражением условий бытия людей. Оно выступает в виде разрозненных представлений, взглядов. На этом уровне имеются рациональные, эмоциональные и волевые элементы, однако доминирующую роль играют эмоции – чувства и настроения⁴.

Религиозное сознание на концептуальном уровне – это специально разрабатываемая, систематизируемая совокупность понятий, идей, принципов, рассуждений, аргументаций, концепций.

Религиозные представления и чувства неразрывно связаны с практической деятельностью верующих и выступают в качестве побудительного мотива их поступков. Религиозные представления и чувства дополняют и усиливают друг друга, укрепляя тем

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2013 год (номер проекта 6.1239.2011)

² Послание президента РФ Федеральному собранию // <http://президент.рф/transcripts/17118>

³ Яковенко И. А. Тенденции развития религиозного сознания: социально-философский анализ / Автореф. дисс... к.филос.н. – Нальчик, 2012. – С. 9.

⁴ Яблоков И.Н. Основы религиозоведения. – М.: Высшая школа, 1994. – С. 53.

самым религиозное мировоззрение верующих. Интегрирующим элементом религиозной идеологии и религиозной психологии является вероучение, представляющее собой системное изложение догм, обосновывающих истинность религиозного мировоззрения. На основе вероучения формируется религиозная картина мира, дающая представление о Боге, мире, человеке.

Таким образом, основными чертами религиозного сознания являются: вера, чувственная наглядность, созданные воображением образы, соединение адекватного отражения действительности с неадекватным, символичность, аллегоричность, диалогичность, эмоциональная насыщенность, функционирование посредством языка религии⁵.

Одним из средств формирования религиозного сознания выступают религиозные СМИ. Религиозная журналистика – вид церковной деятельности, выраженной в слове. Ее специфика заключается в том, чтобы «восполнить потребность общества в вере и в определенной мере формировать ее»⁶.

Учитывая, что религиозная ситуация есть совокупность изменяющихся структурных элементов религии: отношение к ней общества, групп и индивидуумов, сила или слабость ее влияния на те или иные группы, характер межрелигиозного диалога, особенности государственно-конфессиональных отношений, то немаловажную роль начинает играть региональный фактор, зачастую став основой региональной религиозности. Представляется, что пространственно-временная схема региона образует пространственную форму региональной религиозности и может влиять на религиозное сознание. Региональный фактор является фактом религиозной идентификации жителей региона, а православные региональные СМИ – активным выразителем общественной жизни, регулятором отношений в парадигме «церковь-общество-государство».

За последние несколько лет значительно увеличилось количество православных массмедиа. На сегодняшний день, кроме единичных примеров представления православной тематики в общероссийских и региональных «светских» СМИ в виде отдельных телепрограмм, публикаций, существуют специализированные православные каналы («Спас», «Союз»), радиостанции (например, радиостанция Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров», радио «Радонеж»), газеты и журналы, сайты («Православие.ru», «Православие и мир»).

Православные СМИ представлены периодическими изданиями, радио, телевидением, подразделяются по следующим признакам: по способу распространения (епархиальные, приходские), по аудиторному признаку (обращенные к верующим церковным людям, обращенные к обществу в целом).

По мнению З. Г. Большаковой, сейчас все СМИ, освещающие деятельность РПЦ, можно разделить на три категории, учитывая региональный и федеральный уровень: светская пресса, интересующаяся жизнью РПЦ, частные православные издания и собственные информационные ресурсы РПЦ, получившие гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской православной церкви». На данный момент существует около 150 православных СМИ с этим грифом.

Представляется, что основные задачи современных православных СМИ лежат в плоскости современной социальной журналистики и православного знания. На V международном фестивале православных СМИ «Вера и слово» (г. Москва, 2012 г.) были сформулированы ряд требований к православной журналистике. Патриарх Кирилл, взявший курс на более активное общение церкви со всеми слоями общества, сформулировал основную задачу православной журналистики: «Православные журналисты призваны ориентироваться не только на церковную аудиторию, но и свидетельствовать о нравственных ценностях на языке, понятном для светских людей и убедительном для них. Главный редактор православного СМИ должен ставить перед собой по-хорошему амбициозную задачу – сделать собственное СМИ по-настоящему массовым и выйти на широкую аудиторию»⁷.

⁵ Яковенко, И. А. Тенденции развития религиозного сознания: социально-философский анализ / Автореф. дисс... к.филос.н. – Нальчик, 2012. – С. 9.

⁶ Костикова Н. А. Православная журналистика: методологические особенности изучения эффективности деятельности // <http://www.radonezh.ru/>

⁷ Выступление святейшего патриарха Кирилла на закрытии V международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово» // <http://www.orthedu.ru/>

Именно евангельская миссия, по мнению патриарха, должна стоять во главе угла православной журналистики. Причем под евангелизацией понимается прежде всего миссионерская деятельность, выраженная в «христианском свидетельстве миру», «миссии спасения человека», «служении Господу Спасителю»⁸. Отсюда круг компетенций православного журналиста рассматривается через призму христианских убеждений. Именно этим журналист православный отличается от любого другого журналиста. «Православная журналистика — это соединение профессионализма с верностью православной традиции, это способность представить информацию, дать оценку происходящим событиям с евангельских позиций»⁹.

Соответственно миссионерской деятельности (в ее широком понимании) СМИ РПЦ уделяет первостепенное значение. На большую роль «вхождения» церкви в жизнь общества, происходящее благодаря СМИ, указал вслед за патриархом и митрополит Калужский и Боровский Климент, управляющий делами Московской Патриархии: «Сейчас необходимо выработать новый язык и новые формы обращения к людям, новые формы миссии через СМИ, более влияющие на душу человека»¹⁰.

Владимир Легойда на V конгрессе дополнил основную миссию православных СМИ участием их в формировании общего информационного пространства: «Церковь — держатель общенациональной повестки дня. Православные СМИ должны демонстрировать высокую компетентность и культуру обсуждения... Важно разьяснение проблемы. Не крики, а обсуждение. Это повседневная работа православных СМИ»¹¹.

В целом можно констатировать, что стратегия православных СМИ сегодня — выражение стратегии церкви, проведение миссионерской деятельности в общенациональном контексте, развитие социального партнерства с российским государством и обществом, духовно-нравственное преображение последнего.

Особая роль отводится региональным православным СМИ, оказывающим большое влияние на религиозную жизнь общества, на функционирование и трансляцию православного дискурса в регионе. Рассмотрение особенностей церковно-государственных отношений Белгородской области сквозь призму православных СМИ значимо и актуально, так как концепция конструктивного сохранения духовности является приоритетной задачей не только РПЦ, но и руководства Белгородской области. Разработана программа «Основы духовно-нравственного воспитания населения Белгородской области» (2006 г.) по целенаправленному и планомерному духовному воспитанию населения области в рамках ценностной системы православного мироощущения: преданность своей вере в сочетании с веротерпимостью; соборность и взаимопомощь; общность и потребность населения в коллективной жизни; особая любовь к родной природе¹². В 2010 г. был разработан комплекс мероприятий по обеспечению духовной безопасности региона, сохранению традиционных основ православной русской культуры.

В системе духовно-нравственного воспитания важнейшая роль отводится работе государственных и общественных организаций, средств массовой информации и Русской православной церкви. Приоритет устойчивого развития области видится правительству области в создании конструктивного диалога именно с православной церковью, хотя представителей мусульманских народов по переписи 2002 г. в Белгородской области насчитывается 15 760 человек, и они составляют 1,04% всего населения области¹³. Думается, что здесь не учтена доля возрастающих мигрантов из Средней Азии — мусульман по преимуществу. При этом удовлетворению их религиозных потребностей не уделяется практически никакого внимания. Единственной религиозной организацией мусульман Бел-

⁸ Выступление святейшего патриарха Кирилла на закрытии V международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово» // <http://www.orthedu.ru/>

⁹ Там же.

¹⁰ Доклад митрополита Калужского и Боровского Климента // <http://www.ortho-media.ru/>

¹¹ Легойда В.Р. Задача церкви в информационном пространстве — формировать собственную повестку дня // <http://pravvega.ru>

¹² Основы духовно-нравственного воспитания населения Белгородской области // <http://www.opbo.ru/zakon>

¹³ Давлятшин А. Современная мусульманская община Белгородской области // <http://www.idmedina.ru/>

городской области является МРОМ «Мир и созидание», открытое в областном центре в 2006 году через два года после первой подачи документов на регистрацию.

Любопытно с точки зрения обсуждаемой темы рассмотрение контента православных изданий, отражающих некоторые составляющие современного религиозного сознания Белгородской области, (дискурсивно обозначаемой как «Святым Белогорьем»). Корреляция региона со святостью географического места расположения, безусловно, является символическим моментом в формировании «региональной религиозности».

Православная журналистика Белгородской области представлена официальными информационными ресурсами епархии: газета «Белгородские епархиальные ведомости», журнал «Миссионерское обозрение», молодежный журнал «Новый ковчег», официальный сайт епархии www.belgragh.ru, – а также приходскими изданиями: газета «Преображение» Спасо-Преображенского кафедрального собора, газета Старооскольского благочиния «Православное Осколье». Кроме того, под патронатом епархии выходят газета Православного Молодежного Миссионерского центра «Свет Христов», газета Православной Духовной семинарии «Семинарский вестник», журнал «Добродетель» Марфо-Мариинского сестричества милосердия. Отметим, что в религиозном массмедийном пространстве Белгородской области официально зарегистрированных изданий других конфессий не выявлено, что позволяет о православии говорить как о доминирующей, гомогенной религии региона.

«Белгородские епархиальные ведомости» – основной официальный печатный орган Белгородской и Старооскольской епархии, наиболее ярко отражающий ключевые смыслы религиозного сознания региона, социальную политику епархии. Изучение данного печатного издания позволит в полной мере составить впечатление об особенностях религиозного сознания региона, сделать выводы о характере церковно-государственных отношений.

Основная задача издания – распространение среди читателей информации православного, духовно-нравственного содержания, а также официальной епархиальной информации и РПЦ, новостей приходской жизни. Газета выходит ежемесячно, обращена в первую очередь к православным верующим. На газету сегодня оформляют подписку все приходы, монастыри и другие учреждения епархии, областные, городские, районные и сельские органы местного самоуправления, образования и культуры.

Проанализировав тематику издания за 2011, 2012 гг., нами было выяснено, что основная тема «Белгородских епархиальных ведомостей» (65%) – освещение официальной хроники событий епархии (проведение богослужений, религиозных праздников в различных районах области, информационное сопровождение восстановленных и построенных храмов, крестные ходы, обращения патриарха, митрополита, информирование о светских мероприятиях с участием митрополита, встреча с мирянами, проведение епархиальных собраний, указы епархии, выступление митрополита, документы). Материалы носят информационный отчетный характер, отражают официальные концепты религиозного сознания.

Большинство публикаций блока церковных мероприятий – открытие или реставрация храмов – 22%. «Нужда в духовном окормлении и утешении»¹⁴, – первостепенная идея увеличения храмов региона – одна из важных задач, озвученная патриархом Кириллом в докладе на Архиерейском Соборе. Храм традиционно ассоциируется со «знаком особого присутствия Бога» как «центра духовного притяжения»¹⁵.

Причем сакральное место не ограничивается храмом, расширяется диапазоном «святых мест»: монастыри, лес с «живоносными источниками», место рождения Иоасафа. На локальном уровне они несут определенную эмоциональную и функциональную нагрузку, способствуют формированию и укреплению в сознании жителей региона святости Белогорья. Обращает на себя внимание идея слитности концепта «Святое Белогорье» с концептом «Святая Русь». Основная идея – православие, отождествляемое со «святостью», описывается как единственный путь к социальному благополучию страны.

¹⁴ «Белгородские епархиальные ведомости», № 9, 2011. – С. 14.

¹⁵ «Белгородские епархиальные ведомости», № 11-12, 2012. – С. 5, 10.

Образ «Святое Белогорье» аккумулирует идеологию правительства области в формуле: «вера-державность-народ». Основываясь на проведенном контент-анализе публикаций «Белгородских епархиальных ведомостей», можно утверждать, что содержательные приоритеты православного сознания Белгородчины в концептуальном и обыденном уровнях напрямую связаны с нормативно-ценностными атрибутами государства: патриотизм, служение, целостность и солидарность между людьми. Дискурсные максимы Священного писания, отцов церкви используются основой для объяснения сути взаимоотношений между РПЦ, государством, человеком в современном социокультурном пространстве Белгородской области.

Церковь предстает носителем ценностей основ и тысячелетнего нравственного идеала общества. В этой связи как пример нерационального феномена православное мировоззрение реализует вполне рациональные задачи, проявляющиеся в программном социальном служении церкви.

Концептуальная сторона религиозного сознания в религиозных СМИ главным образом формируется вокруг символического образа «Святое Белогорье» как место деяний святителя Иоасафа. Мифообраз святого Иоасафа выступает примером высокого духовного авторитета для пастырей, для священнослужителей и символом региона. Особое значение святителя для земли подтверждается словами Патриарха: «Когда мы приблизим Евангелие, когда приблизим образ Спасителя к жизни современного человека, тогда изменится сама жизнь. Я говорю об этом, вспоминая Святителя Иоасафа. Пусть он будет примером в том числе и для священнослужителей... подвиг святителя может помочь понять и определить верное соотношение между верой и делами»¹⁶. Неслучайно около 5% всех материалов издания – о жизни, подвиге и вере благочестия святителя Иоасафа.

Складывается определенный образ медиатора, который с характерными для него функциями присутствует на всех уровнях религиозного сознания Белгородчины, начиная с образа святителя Иоасафа, заканчивая воцерковленным человеком. Ценностная составляющая посредника – духовный лидер с набором нравственных ценностей (совестливость, доброта, справедливость), проповедник православия. Причем миссионерское служение в образе посредника-праведника активно и диалогично репрезентируется через систему аргументаций, отсылающей к святым писаниям, текстам апологетов церкви.

Утверждению истинности православной веры способствуют также ряд публикаций миссионерской направленности, которым отведено примерно 8% от общего числа. Сегодня миссионерская деятельность РПЦ включает в себя внутреннюю миссию, то есть работу по возвращению в церковную ограду людей, которые в результате гонений на церковь в XX веке оказались оторванными от отеческой веры и, особенно тех чад церкви, которые подпали под влияние деструктивных культов и тоталитарных сект. Противостояние таким культам – одно из направлений миссионерской деятельности¹⁷.

Можно выделить два способа ведения миссионерской деятельности на страницах газеты: участие мирян в миссионерской деятельности и отчет о «перевоспитании неверных». Отчеты носят пропагандистский характер, служат созданию положительного образа белгородской епархии как миссионерской. Адресатом подобного рода публикаций являются, скорее всего, официальные представители РПЦ. Так, в 9 номере 2011 года читаем в заметке о крещении пятидесятников в православной вере: «два месяца дискуссий, катехизаторских бесед, и как результат – возвращение на путь истинный»¹⁸.

Данный дискурс сродни «чудесному», как и полагается такого рода «превращениям». Остается предполагать уровень развития аудитории, для которой пишутся подобного рода заметки. Заметка – жанр, который вряд ли эффективно обосновывает такие важные процессы, как «возвращение» блудных детей. Заметка просто сообщает. Задачи же миссионерской деятельности раскрываются через разъяснение, побуждение, проповедование и главное – доказательство правдивости данных слов, отнюдь не противоречащих истинам веры (по крайней мере со времён Оккама две истины спокойно уживались в лоне христианского дискурса средних веков).

¹⁶ «Белгородские епархиальные ведомости», № 9, 2011. – С. 5.

¹⁷ Концепция миссионерской деятельности РПЦ//<http://www.patriarchia.ru>

¹⁸ «Белгородские епархиальные ведомости», № 9, 2011. – С. 11.

То, что материал рассчитан на «народное сознание», очевидно из постоянно репрезентируемого жанра житейских историй, наиболее близкого народу во все века. В них артикулирован в доступной и наивной форме дискурсных клише опыт приобщения к православной вере в смоделированных самими же журналистами ситуациях повседневной жизни. Эта форма была бы наиболее эффективна в прямой коммуникации о вере, области специфической и деликатной, если бы это были действительно «народные рассказы», многочисленные примеры которых можно найти в русской устной и письменной традиции. Форма личного участия в передаче опыта, при котором сужается личное пространство, действительно оказывается действенным способом осуществления общей стратегии убеждения через частную стратегию изменения картины мира читателя. Например, в дискуссиях, в споре с воображаемым представителем секты аргументировано, с определенной долей экспрессивности разрушаются заповеди иеговистов, пятидесятников. Наглядно воссоздаются типичные ситуации вербовки в секту, которые в дальнейшем подвергаются конструктивной критике.

В качестве примера можно привести публикацию «Неслучайная встреча», которая вышла в 3 номере за 2012 год. Реконструируется типичная ситуация подробного разговора, жарких дискуссий с попутчиками в поезде, где один из собеседников является свидетелем Иеговым. Автор материала, Марина Захарчук опровергает все тезисы иеговистов: «Во всем Евангелии много раз говорится именно о Царстве Небесном. Иеговисты же доказывают будущую вечную жизнь не на Небе, а на земле даже словами Иисуса Христа, обращенными к раскаявшемуся разбойнику «Ныне же будешь со мною в раю». При этом их доказательства звучат так: «В разговоре с одним человеком, умоляющем о надежде на будущее, Иисус Христос сказал о намерении Бога восстановить рай на Земле: «Будешь со мной в раю» (Лк. 23, 43). О том, что «один человек» – это умирающий на кресте разбойник, что сам Христос произносит эти слова в последние мгновения Своей земной жизни и именно поэтому говорит раскаявшемуся злодею: «Ныне же будешь со Мною в раю» (слово «ныне» иеговисты опускают), – современные толкователи Библии молчат»¹⁹. Кроме того, создает «неприглядный» образ иеговистов, основанный на личных впечатлениях. «Этой отчужденностью и бесцветностью лиц они сразу напомнили мне шпионские фильмы, непременными героями которых всегда были такие вот личности без лиц»²⁰, – пишет автор. Видимо, автор при этом чувствует себя «пионером» (коммунистом), удачно разоблачающим даже безликих шпионов. Присутствие назидательности в подобных историях православных СМИ, направленные на проповедование и морализаторство, зачастую отталкивает от православных изданий искренне верующую часть общества.

Между тем православная миссия ставит перед собой еще другую задачу – «научение вероучительным истинам, восприятие христианского образа жизни, передачу опыта Богообщения посредством личного участия человека в таинственной жизни евхаристической общины»²¹. Вопросам катехезиса, разъяснения церковных таинств посвящено 6 % публикаций, носящий просветительский характер: растолковывается порядок поклонов, подготовка к причастию, крещению, имянаречению. Данные объяснения вписаны в сферу основных задач РПЦ – выработать принципы катехизации, не упуская ценного из святоотеческого огласительного наследия.

Концепция миссионерской деятельности Белгородской епархии, имеющая давний опыт православного свидетельствования, в «Епархиальных ведомостях» связана также с созданием образа «церковь – друг и помощник страждущего». Церковное социальное служение представлено в следующих тематических блоках: обозначение программ помощи населению по социальному контакту, о создании Епархиального центра защиты жизни, помощь специализированному дому ребенка, помощь священства населению в житейских проблемах и церковной жизни²². Однако репрезентация данного образа носит односторонний характер: пишут о выдающемся, благостном, положительном, а о проблемах и конфликтах в лучшем случае упоминают, если высказана официальная точка зрения.

¹⁹ «Белгородские епархиальные ведомости», № 3, 2012. – С. 14.

²⁰ Там же. – С. 13.

²¹ Концепция миссионерской деятельности РПЦ // <http://www.patriarchia.ru/>

²² «Белгородские епархиальные ведомости», № 11-12, 2012.

Так, 2 % публикаций издания отведено обсуждению известных общественности социальных проблем: улучшение демографической ситуации в регионе, проблема сиротства. Причем журналисты «Белгородских епархиальных ведомостей» избегают постановки острых проблем духовно-нравственного порядка. В данном случае политика редакции поддерживает распространенное в подобных типах изданий восприятие критики с негативным окрасом, разрушающей положительный имидж региона, деятельности епархии.

Одно из ключевых направлений деятельности редакции газеты – активное участие церкви в жизни общества: практически каждое мероприятие (начало учебного года, открытие выставки, культурного центра и т.д.) проходит при поддержке митрополита. Показателен визуальный ряд, сопровождающий подобные публикации: предлагается панорамные фотосъемки, фиксирующие большое количество верующих. Солидарность, всеобщее объединение белгородцев – основной посыл фоторабот. Именно таким образом регламентируется один из концептов православия – соборность, соединенный с общегосударственной риторикой о национальном единении российского народа.

Идея единства народа, верности Отечеству является лейтмотивом многих публикаций. Соединение патриотического и религиозного дискурсов наглядно представлено в публикации «Глава митрополии благословил бойцов Белгородского ОМОНа». В речи митрополита подчеркивается смелость, мужество, отвага, стойкость и любовь к близким, родственникам, друзьям и своему Отечеству»²³. Патриотические чувства приравниваются к религиозным и наоборот.

На фоне исторических текстов, составляющих около 7 %, концептуальная установка «православие-национальное, единство-патриотизм» выглядит еще более пафосной. Историческое служит подтверждением действенной силы и негибкости церкви в условиях «кровавых гонений». «В покаянии, вере, в очищении да обновится Русская земля, и да восстанет Святая Русь», – читаем в 6 номере от 2012 года. Введение данного рода информации необходимо для закрепления в сознании постулата о православной церкви как о единственной силе, способной объединить народ, способной выступить гарантом сохранения и укрепления нации. Однако в XXI веке этот анахронический дискурс не столько вдохновляет, сколько просто пугает.

Идея корреляции сильной веры и православного, молитвенного образа жизни – один из ключевых образов православного медиадискурса региона. Православная молитвенная этика раскрывается в идее, что «верующим человек становится не потому, что взял для себя что-то, создал в голове какую-то философскую конструкцию; вера определяется реальным опытом человека, каждый верующий знает, что молитва – это сила»²⁴. Центральный тезис – молитва Божья нужна в качестве помощи, чтобы уравновесить состояние человека в череде стрессов. Через молитву формируется ценностное отношение к жизни человека, «благословенного на всякое доброе дело». Озвучивается один из смысловых постулатов жизни современного человека – человек нуждается в молитве, может быть, сильнее, чем предшествующие поколения. Он нуждается в молитве именно потому, что «ни с чем не сравнимое бурное развитие жизни оказывает на человеческую личность огромное разрушительное воздействие. Мы знаем, что человеческая психика, человеческий организм не справляется с современными перегрузками, и множество пороков, которые возникают в личной и общественной жизни, является результатом тех болезней, что приносит сей век»²⁵. Однако концептуальных обоснований подобного рода воздействий не представлено.

В целом дискурсивная сторона описания религиозного сознания Белгородчины через совокупность понятий, идей, принципов, аргументаций (элементы концептуального уровня) транслирует стратегические цели РПЦ как охранительницы духовных ценностей, стабильности и национальной идентичности. Смысловые акценты данного уровня функционально обращены к созданию и поддержанию в сознании населения положительного образа Белгородской и Старооскольской епархии, региона в целом. Газета в полной мере освещает реализацию епархией намеченных путей развития РПЦ и местной власти.

²³ «Белгородские епархиальные ведомости», № 11-12, 2012. С. 6.

²⁴ «Белгородские епархиальные ведомости» № 9, 2011. – С. 5.

²⁵ Там же. – С. 3.

Однако религиозное сознание не ограничивается эмоционально-ортодоксальным компонентом, религиозность – сфера самосознания, мировоззрение, духовный мир верующих. Именно в обыденном уровне религиозного сознания раскрывается его сущность. Именно через наглядный чувственно-практический опыт данных материалов авторы издания обращаются к читателям.

В каждом номере представлен обывательский – читательский дискурс: эмоциональные отзывы, письма, впечатления мирян о приходской жизни, вопросно-ответные формы (5%). Все тексты литературные, написаны эмоционально, что, безусловно, оживляют официальный тон издания. Журналист предстает как «человек частный» (в терминологии Г.Я. Солганика, который писал о «взаимосвязанных гранях личности журналиста: автор – человек социальный», представитель определенного социума, и «автор – человек частный»²⁶), человек верующий, который ведет личную беседу с читателем, который может помочь советом и свидетельством в силу опыта церковной жизни, знаний о церкви. Его от журналистского медиа-дискурса отличает искренность и отсутствие морализаторства – недопустимое для православного мировоззрения. Найти такую искренность и текстуально зафиксировать – важно для СМИ, а тем более для православного.

Такого рода диалогические формы мы встретили в материалах, посвященных нравственным вопросам, в рассуждениях о духовных явлениях (милосердие, терпение). Объединяясь с читателем, воспроизводя его предполагаемые рассуждения и ощущения, а главное, воспроизводя его вопросы в трудной ситуации, автор выявляет предполагаемые и стереотипные пресуппозиции и ясно формулирует вопросы, вытекающие из базовых представлений гипотетического читателя. Это оказывается важным, потому что далеко не каждый читатель может сам ясно выразить свое сомнение в виде вопроса. На лексическом уровне это проявляется в наличии представлений о том, что жизнь держится на тех, кто не озлобился, а создал свой надежный, теплый мир; кто смиренно переносит все тяготы, тому воздастся. Жизненный путь человека воспринимается через определенные мировоззренческие установки: ни при каких обстоятельствах не терять веры и надежды²⁷, «служите Господу со страхом и радуйтесь (пред Ним) с трепетом», с благословенными детьми будет благословенна вся Россия, «вся жизнь человека не бывает простым чудом»²⁸.

В итоге ценностные установки на обыденном уровне строятся вокруг ценностей православного мироощущения: веротерпимость, милосердие, доброта, сострадание, приоритет духовного над материальным. Через представления, стереотипы, чувства, чаяния, которые являются непосредственным отражением условий бытия людей, также утверждается, как и на мифо-семантическом уровне, образ Святого Белогорья.

РПЦ, православные издания занимают важное место в постановке ряда вопросов общенациональной, государственной важности. Медийные православные ресурсы транслируют и оформляют максимы региональной религиозности Белгородской области, выполняют информационную, интегративную, имиджевую функции. В меньшей степени издания уделяют внимание духовно-нравственному воспитанию общества, социальному служению – главному постулату социальной концепции РПЦ.

Список литературы

1. Большакова З. Г. Взаимодействие Русской православной церкви и СМИ на региональном и федеральном уровне // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ. – Выпуск №4, 2011 // <http://www.mediascope.ru/node/967>.
2. Бурмистров С. Л. Специфика религиозного сознания: индийский и западный подходы // Хóра. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009, № 1, с. 11–23.
3. Выступление святейшего патриарха Кирилла на закрытии V международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово» // <http://www.orthedu.ru/>
4. Давлятшин А. Современная мусульманская община Белгородской области // http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/3/izmerenie_davlatshin.htm

²⁶ Солганик Г.Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. – С. 81.

²⁷ «Белгородские епархиальные ведомости», № 11-12, 2012. – С. 18-19.

²⁸ «Белгородские епархиальные ведомости», № 11-12, 2012. – С. 25.

5. Доклад митрополита Калужского и Боровского Климента // <http://www.orthomedia.ru/docs/252/>
6. Доклад святейшего патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе // <http://www.pravoslavie.ru/news/59206.htm>
7. Концепция миссионерской деятельности РПЦ // <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html>
8. Костикова Н. А. Православная журналистика: методологические особенности изучения эффективности деятельности // <http://www.radonezh.ru/analytic/9097.html>
9. Легойда В. Р. Задача церкви в информационном пространстве – формировать собственную повестку дня // <http://pravera.ru>
10. Основы духовно-нравственного воспитания населения Белгородской области // <http://www.opbo.ru/zakon/kontseptsiya-programmy-osnovy-duxhovno-nravstvenno>
11. Послание президента РФ Федеральному собранию // <http://президент.рф/transcripts/17118>
12. Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. С. 81.
13. Яблоков И. Н. Основы религиоведения. – М.: Высшая школа, 1994. – 368 с.
14. Яковенко И. А. Тенденции развития религиозного сознания: социально-философский анализ / Автореф. дисс... к.филос.н. – Нальчик, 2012. – 23 с.

THE SEMANTIC MAXIMS OF THE ORTHODOX PERIODICALS OF BELGOROD REGION

L. A. GULYUK

*Belgorod state national
research university*

e-mail: guluk@bsu.edu.ru

The article is devoted to the representation of the characteristics of the religious consciousness in the orthodox periodicals of Belgorod region. The authors suggest that the study of orthodox media also allows for more in-depth analysis of the contemporary church, church-state relations, the interaction of church and society.

Key words: orthodox journalism, regional religious consciousness, the image, the levels of religious consciousness.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ВИРТУАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»**Р.А. ДУНАЕВ**
А.Н. ЧЕРНЯКОВ*Белгородский государственный
институт искусств и культуры**e-mail: Ved_2_Phil@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается возможность построения онтологии субъекта в его виртуальном измерении. Авторы опираются на концепции М. Фуко и Ж. Делёза, в сравнении которых субъектность обнаруживается как пересечение «структуры» и «сингулярности».

Ключевые слова: субъект, онтология, виртуальность, сингулярность, структура.

Типология, касающаяся определений виртуального субъекта, локализует его онтологию по-разному и бытие как множественность вполне дополняется множественным социумом (как совокупностью различных практик и проч.). Мы ставим своей задачей выявить онтологию виртуального субъекта исходя из обозначенной локализации, при этом сознательно ограничивая «фокус» рассмотрения конкретными авторами и работами; осознавая, что нельзя объять необъятное. Два взгляда на проблему субъекта в работах Ж. Делёза и М. Фуко мы попробуем применить к нашей проблеме сквозь призму «Логика смысла» (Ж. Делёз) и «Герменевтики субъекта» (М. Фуко).

Оба избранных нами автора имеют ряд схожих черт, несмотря на очевидные различия. Одной из них является частое привлечение для анализа литературных источников, «Логика смысла», где Жиль Делёз часто ссылается на Л. Кэррола, не является исключением. Обращение к произведениям Л. Кэрролла Делёз объясняет заключенным в них «договором» между «хаосом и космосом», языком и бессознательным. Это дает возможность обосновать теорию смысла, что Делёз ставит целью своей работы.

В работах Кэррола (Алиса в Стране Чудес, Алиса в Зазеркалье) Делёз усматривает события, которые он называет «чистыми». Их «чистота» заключается в соединении двух смыслов, которые сопровождают эти события. Так Алиса становится больше, чем была, но, в то же время, меньше, чем она есть теперь. Серия парадоксов, приводимых Делёзом, связана с идеей становления, трактуемой следующим образом: «сущность становления – движение, растягивание в двух смыслах-направлениях сразу: Алиса не растёт, не сжимаясь, и наоборот. Здравый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но суть парадокса состоит в утверждении двух смыслов одновременно»¹.

Применительно к онтологии субъекта речь должна идти о действительно странном существовании – не существовании. Виртуальный субъект есть и в то же время его нет. Это то, что Делёз называет «парадоксом чистого становления». Тотальное тождество сопровождает само виртуальное и становление в нем человека. Алиса, на примере которой иллюстрируется такой порядок становления, является безусловным примером виртуального субъекта.

Фуко в «Герменевтике субъекта» преследует во многом схожие цели, пытаясь выяснить, что есть субъект и истина, соединенные в проблеме «заботы о себе». Если у Делёза проблема смысла упирается в онтологию, а точнее в проблему становления, то Фуко отправляется на поиски истины сквозь «двери» практики. «Забота о себе» представляет собой, безусловно, практику, но эта практика онтологична, посредством ее различных проявлений становится возможен субъект. «Забота о себе» или «концепция epimeleia» трактуется Фуко довольно обширно: «в концепции epimeleia следует различать такие аспекты: во-первых, налицо тема некоего общего отношения, своеобразной манеры смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. Epimeleia – это все: некое отношение к самому себе, к другим, ко всему на свете; во-вторых, epimeleia autou – это своего рода форма внимания, взгляда. Забота о себе подразумевает переключение взгляда, перенесение его с внешнего, окружающего мира с других и т.д. на самого себя...

¹Делёз Ж. Логика смысла. М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 13.

в-третьих, *epimeleia* также всегда означает определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе, а именно, действие, которым он проявляет заботу о самом себе, изменяет, очищает, преобразует...и преобразует...себя... Наконец, понятие *epimeleia* содержит свод законов, определяющих способ существования субъекта, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии, которые, благодаря своим собственным характеристикам, делают из этого понятия исключительный феномен не только истории представлений, но и истории самой субъективности или, если угодно, истории практических применений субъективности»².

То есть, путь Делеза и Фуко в результате сходится и местом схождения является субъект, только в одном случае он синтезирован через категорию становления, в другом через категорию практики. Причем в последнем случае, категория «*epimeleia*» не позволяет выйти ни к «странному» существованию субъекта, ни в перспективе к виртуальному как реальности.

Признание парадоксальности существования «странного» субъекта должно сопровождаться возможностью его описания. Бесконечное становление, ведущее к такому же бесконечному тождеству всех мыслимых различий, позволяет говорить об одной весьма важной черте виртуального субъекта, избегания любой определенности и любых определений.

Есть как бы два смысла и два субъекта, есть копия идеи и симулякр. Но это не значит, что действительно существуют два типа субъектов или два вида людей, виртуальных и не виртуальных. Но значит, что есть два различных бытия, соответствующих виртуальному и не виртуальному. Цитируя Эмиля Брейе, Делёз поясняет: «Когда скальпель рассекает плоть, одно тело сообщает другому не новое свойство, а новый атрибут – «быть порезанным». Этот атрибут не означает какого-либо реального качества...наоборот, он всегда выражен глаголом, подразумевающим не бытие, а способ бытия...»³. Виртуальность не новое бытие, а способ бытия. Виртуальный субъект причастен той же реальности, что и любой другой, но отличается способом существования.

Неустойчивость как главное свойство, отсутствие своего места, неуловимость отличает виртуального субъекта от других, но это же можно сказать и о виртуальных объектах. Отсутствие везде («субъект без места») в нашем случае означает присутствие везде, что вполне согласуется с пониманием виртуальных частиц в физике.

Возникновение такого субъекта не является случайным или аномальным, поверхность нуждается в нем, в границе между дуальностями. Такое понимание субъекта несколько отличается от большинства антропологических воззрений, которые акцентируют одну из сторон человека, одну сторону поверхности. Человек оказывается существом избыточным или недостаточным, но не тем и другим сразу. Между тем, как избыточность и недостаточность есть неразрывное целое, так же как духовное и телесное в человеке. Делёз показывает, что любая дуальность имеет границу – это структура, которая применима и к человеку – который становится субъектом поверхности и находится всегда «между»: «это символическая значимость нуля, то есть, знака, которым помечена необходимость символического содержания, дополнительного к тому содержанию, что уже наполняет означающее, но которое при том может принять какое угодно значение, лишь бы последнее находилось в доступном резерве. То, чего недостает в означаемой серии, это нечто сверхштатное, не имеющее собственного местоположения: неизвестное, вечный пассажир без места, или нечто всегда смещенное. Это две стороны одного и того же – две неравные стороны, благодаря которым серии коммуницируют, не утрачивая своего различия...»⁴.

Всякое «слово» о человеке, любая антропология есть пример «структуры». Это теоретическая схема и, в то же время, соответствующая ей реальность. Вещи, события и сло-

²Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб: Наука, 2007.

³Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrumphilosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 19.

⁴Там же. – С. 76.

ва о них, – все это выстраивается в серии, которые разнородны (те же бинарные оппозиции).

Субъект у Фуко, возникающий через практики «заботы о себе», тоже обладает схожими характеристиками: это часть социума, о чем говорят практики, создающие субъективность как таковую; выполняет функции преобразования и преображения самого себя; помогает овладеть практиками ведущими в созиданию субъекта (и в итоге овладению истиной); это свидетельство знания о различии единства (субъективности) и частичности (до-субъективности).

Можно ответить, что актуальное – это «здесь» и «сейчас», нечто воспринимаемое, локализуемое в настоящем времени и пространстве. Виртуальное же лишено такой локализации. Виртуальный субъект децентрирован, то есть лишен пространственной локализации. То, что у Кэррола обозначается словом «Это» – делящееся (событие): «Это – бестелесный Эон, который развернулся, стал автономным, освободившись от собственной материи, ускользя в двух смыслах-направлениях сразу – в прошлое и будущее... Чистое событие – это разом и весть, и вымысел, но никогда не актуальная реальность»⁵. То есть чистая актуальность – это не актуальность, а виртуальность. Виртуальный субъект всегда находится за гранью настоящего, он в прошлом и в будущем. Виртуальный субъект является собой пример соединения несоединимого. Он онтологически и функционально раздвоен и един: «Поскольку парадоксальный элемент связан сразу с двумя сериями, он обладает двумя сторонами. Но эти стороны никогда не бывают в равновесии, не соединяются вместе, не смешиваются, так как парадоксальный элемент всегда остается в неравновесии по отношению к самому себе. ...»⁶. Субъект поверхности определяется Делёзом также как номадический. Без места – но везде и во всем. Вне настоящего, пребывающий в Эоне. Эта фигура нонсенса и безумия, а также утраченного «места» – то есть тождества.

Так или иначе, фигура виртуального субъекта возвышается над базовой дуальностью: быть – говорить, этой серией венчается бесконечное множество других серий и наполняющих их анонимные сингулярности. Виртуальный субъект обнаруживается на границе вещей и слов, «поглощений – выражений», «дуальных платить – говорить и испражняться – говорить»⁷.

Виртуальный субъект локализуется как бы над потоком сингулярностей, наполняющих серии.

Субъект в «Генеалогии субъекта» также наделен волей, и Фуко специально упоминает об «обратной стороне» самореализации, то есть «заботы о себе». Этой стороной является невежество, которое связано с особым состоянием воли. До того, пока субъект не обратился к практике «заботы» он наделен частичной, децентрированной волей, которая не позволяет ему сосредоточиться на своем «Я». Эта воля «фрагментарная» и «изменяемая» не приводит к целостности индивидуума, не способствует его сборке всубъекта; что весьма схоже с «безразличием» воли у субъекта поверхности. «Забота о себе» стремится направить эту «испорченную»⁸ волю на свое «Я», сделать его объектом воления. То есть ставится задача обратная делёзовскому пониманию субъекта поверхности, как долично-го, частичного и децентрированного.

Вместе с тем, возникает вопрос вправе ли мы говорить о таком субъекте, субъекте без «Я», децентрированном, как о субъекте. Он образован сингулярностями, которые общают ему индивидуальность, но не более. Есть воля, которая анонимна, то есть также безлична. Субъект без возможности сказать о себе «Я», но «зависший» между вещью и словом: «что касается субъекта такого нового дискурса (если учесть, что больше нет никакого субъекта), то это ни человек, ни Бог, а еще меньше – человек на месте Бога. Субъектом здесь выступает свободная автономная и номадическая сингулярность, пробегающая как по человеку, так и по растениям и животным, независимо от материи их индивидуальности и форм их личности. «Сверхчеловек» не значит ничего другого, кроме этого –

⁵ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrumphilosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 92 Там же. – С. 92.

⁶ Там же. – С. 95.

⁷ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrumphilosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 119.

⁸ Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб: Наука, 2007.

высший тип всего, что есть...»⁹. А значит и сам субъект, названный Делёзом «пассажем без места», не имеет его в действительности, это не просто метафора. Он не прикреплен к поверхности изначально.

Более того, сама поверхность образована из сингулярностей и ее возникновение можно описать следующим образом: «...что мы называем миром? В общем, как мы видели, сингулярность можно рассматривать двумя способами: в ее существовании и распределении, но также и в ее сущности, согласно которой она простирается и распространяется в заданном направлении по линии обычных точек вплоть до окрестностей другой сингулярности, и так далее... Мир уже схватывает бесконечную систему сингулярностей, прошедших отбор на схождение. Но внутри такого мира утверждаются только те индивидуальности, которые отбирают и сворачивают конечное число сингулярностей этой системы. Они присоединяют последние к сингулярностям, воплощенным в их собственных телах, разворачивают их на мембранах, обеспечивающих контакт между внутренним и внешним»¹⁰.

Это первый уровень онтологии сингулярностей у Делёза, на нем идет построение индивидуальности субъекта и его тела как поверхности.

Отождествление субъекта с сингулярностью приводит к избеганию всякой иерархичности человека и бытия, следует говорить не о взаимодействии, а о наложении и пересечении, совпадении. Человек (субъект) случайное пересечение сингулярностей. Точка нестабильности, провоцирующая нестабильность ради нее самой, где цель уже содержит результат.

Язык один из основных элементов организующих поверхность наряду с телом. Метастабильность поверхности основана на схождении и расхождении серий, на притяжении и отталкивании глубины и высоты, получающий у Делёза психоаналитическую трактовку Бессознательного и соответственно Сверх-Я. При этом сохраняется опасность нарушения хрупкого равновесия, что выглядит теоретическим наследием фрейдизма, одержимого опрокидывание Эго в хаос бессознательного. Структура Делёза также подвержена этой угрозе, постулируя схождение серий, возникает угроза их слияния, хаосмос содержит возможность превращения в хаос.

Интенсификация схождений и различий достигается в фантазме – чистом событии, резонансе сторон поверхности, Фантазмы развиваются в той степени, в какой резонанс индуцирует форсированное движение, выходящее за пределы серий и сметающее их... Мы знаем, что самая большая опасность, связанная с этим форсированным движением, это слияние крайностей или, вернее, утрата всего в бездонной глубине ценой всеобщего крушения поверхностей»¹¹. Однако, Делёз преодолевает односторонность Фрейда, так как не только тело-инстинкт может поглотить речь-мышление но и тело может быть «спроецировано» на мышление; рискуя, тем самым, быть «съеденной» интеллектуально. И второй вариант не ведет к низвержению поверхности, но, наоборот, к ее утверждению.

Таким образом, мы приходим к той же самой дуальной структуре возвышающейся над хаосмосом сингулярностей, но только теперь структура переосмыслена в психоаналитическом духе.

Подводя итог сравнению трактовок субъекта у Делеза и Фуко, мы можем сказать, что искомый нами виртуальный субъект отождествим с делезовским «субъектом поверхности». Его онтологический статус раскрывается в категориях становления, сингулярности, структуры, смысла и ряда других. Субъект у Фуко конституируется, преимущественно, с помощью категории практики, что не позволяет прийти к базовому для нас противопоставлению актуальное – виртуальное и, соответственно, определить его как виртуального.

Онтологические основания виртуального субъекта определены нами следующим образом:

⁹Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrumphilosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 150.

¹⁰ Там же. – С. 151.

¹¹ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrumphilosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 312.

- Это элемент системы-структуры, под которой понимается как сущее, так и слово о сущем, то есть теория.
- Виртуальный субъект децентрирован, что соответствует ускользанию от определенности, в том числе и самоопределенности.
- В качестве элемента структуры субъект осуществляет коммуникации серий структуры, их разделения и соединения, а также «ветвления».
- Виртуальный субъект (субъект поверхности) обеспечивает распределение сингулярностей между сериями.
- Также наделяет смыслом (сообщает смысл) каждой из серий. Означающая становится, в результате, означающей; означаемая означаемой.

Список литературы

1. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrumphilosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.
2. Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб: Наука, 2007.

ONTOLOGICAL BASIS OF “VIRTUAL INDIVIDUAL”

R.A. DUNAEV
A.N. CHERNYAKOV

*Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: Ved_2_Phil@bsu.edu.ru

In this article the opportunity of construct the ontology of subject in virtual dimension is considered. The authors base on concepts of Foucault and Deleuze, in comparison of them, the subjectivity is considered as intersection of “structure” and “singularity”.

Key words: subject ,ontology, virtuality, singularity, structure.

УДК 316.64:159.947.5

УТОПИЯ КАК ОБРАЗ БУДУЩЕГО

И.В. ЖЕЛТИКОВА*Орловский государственный
университет**e-mail: in_g@orel.ru*

Статья посвящена рассмотрению утопии как носителя социального идеала направленного в будущее, образа желаемого будущего. Автор обращается к анализу традиции изучения утопии, для того чтобы обнаружить те аспекты, которые позволяют охарактеризовать ее в качестве позитивной картины будущего. Автор статьи полагает, что утопический образ будущего коренится в надежде на лучшее, его природа социально-психологическая. С этой позиции утопия как образ будущего определяется в статье как оправдание социального настоящего ее породившего. Утопия как образ будущего образуется путем выделения в настоящем сторон и тенденций, вселяющих надежду на продолжение их в будущем.

Ключевые слова: утопия, образ будущего, социальные ожидания, социальный идеал, социальная надежда, социальные иллюзии, прогноз, система ценностей, общественное сознание, общественное самосознание.

Предметом рассмотрения данной статьи будет утопия как определенный взгляд на будущее, взгляд, выражающий надежду на лучшее, и в силу этого несущий в себе заинтересованность в будущем. Учитывая многозначность и расплывчатость термина «утопия», позитивные картины будущего, лежащие в поле нашего рассмотрения, можно было бы обозначить и как-то иначе. Но мы сознательно не делаем этого, так как хотим подчеркнуть связь нашего подхода с более чем двухсотлетней традицией изучения утопий. Традиция эта на сегодняшний день перешла уже в стадию метатеории, анализирующей опыт предшествующего изучения утопий.

Современными исследователями отмечается семантическое разнообразие понятия «утопия». Так, Д.Е. Мартынов насчитывает 13 значений термина, функционирующих в современных научных и научно-популярных русскоязычных текстах. Им выделены следующие значения: утопия как литературный жанр близкий научной фантастике; утопия как несбыточная и не претендующая на реализацию мечта о прекрасном будущем; утопия как инструкция и/или попытка претворить в жизнь некий идеал; утопия как «форма сознания, испытывающего дискомфорт от несогласованности между внешним миром и внутренним восприятием»; утопия как форма мифа идеализирующего далекое прошлое, выступающее в качестве примера для подражания; утопия как некое реальное общество, возникшее в результате социальных экспериментов; утопия как «универсальная инвектива» указывающая на негативную, с позиции осуществимости, оценку политических или экономических проектов; утопия в значении утопического социализма; утопия как термин означающий «иное пространство» (например, киберпространство); утопия как нефункциональная модель экономики (например, монетаризм или либертарианство); историческая утопия как ретроспективная идеализация конкретного прошлого (чаще национального прошлого, как у славянофилов); религиозная утопия как попытка построения совершенной жизни религиозными общинами; научно-техническая утопия как уверенность в разрешимости социальных проблем средствами технократии¹. Этим перечислением отнюдь не исчерпывается семантическое разнообразие термина «утопия». Среди устойчивых его значений есть и такое как архитектурно-ландшафтный проект, призванный гармонизировать человека и окружающую его искусственно созданную среду². Рас-

¹ Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. – 2009. – №10. – С.156.

² Такое использование термина см. напр.: Быстрова Т.Ю. Перевод статьи Криса Уилкинсона «Город-утопия» // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2009. – № 2. – С.76–77; Игнатов Г.Е. Социальная утопия как модель проективного сознания // Социология города – 2009. – №2. – С. 28–34.

смотрение утопии в качестве образа желаемого будущего добавит еще одно значение в уже составленный перечень.

Анализируя утопию с позиции одного из образов видения будущего, сначала мы рассмотрим уже сложившиеся подходы исследования утопий, чтобы выделить в них те стороны и подходы которые могут быть полезны в нашем исследовании. Затем уточним, что мы понимаем под «образом будущего», и каково его место в социально-философском исследовании. И в заключении, попытаемся выявить природу утопического образа будущего, эвристический потенциал его дальнейшего исследования.

Все огромное количество уже существующих исследований утопии в зависимости от той или иной трактовки самого феномена может быть расположено в трех областях: литературоведческой, области исследования мировоззренческой установки, маркируемой как «утопическое», и социально-философской. В первой области происходит исследование утопии как литературного жанра. Материалом для анализа здесь выступают конкретные литературные произведения, обобщение которых направлено на выявление жанровых признаков утопических произведений, их видового разнообразия. Г. Негли и Д. Патрик, составители антологии «В поисках Утопии», называют три отличительных черты литературного жанра утопии. Они считают, что любая утопия представляет собой вымысел, описывает определенное государство или сообщество, её темой является политическая структура этого социума³. К этому можно добавить, что в литературной утопии описывается мир, представляющийся автору близким к идеалу⁴, в сюжете отсутствуют или слабо прописаны главные действующие лица, повествование строится как рассказ путешественника-очевидца оказавшегося в ином времени или месте⁵.

Исследования утопического жанра литературы включают оценку литературных достоинств и недостатков этого жанра в целом, рассмотрение специфики отдельных произведений, временное и национальное своеобразие утопий. Например, Т. Эткинд⁶, а за ним и многие отечественные исследователи, специфической чертой русской утопии называют «тутопию» – связь идеального состояния общества именно с Россией, упор в достижении совершенства не на социальные, а на моральные преобразования⁷, охранительные антипрогрессистские идеалы⁸. К этой же группе можно отнести самостоятельный анализ отдельных жанров, например, готического романа, научной фантастики, фэнтези, на предмет присутствия в них черт утопии.

Как своеобразный метажанр рассматривает утопию Н.В. Ковтун. Опираясь на установки М.М. Бахтина, он определяет специфику утопического жанра в его «пограничности», своеобразной межжанровости. «История становления и развития утопии свидетельствует о постепенном смещении акцента с Идеи на образные средства ее воплощения. Утопия беллетризуется, – замечает он. – Современная критика все чаще определяет утопию как общеинтеллектуальный дискурс, содержание которого выявляется через противостояние некой совокупности приемов, тематизируемой понятиями "миф", "ритуал"; "эсхатология", "идеология"»⁹.

Хотя единой классификации утопических субжанров не выработано, многие исследователи различают контрутопию, какотопию, антиутопию и др. Э.Я. Баталов полагал, что в основание субжанровой классификации должно быть положено позитивное или

³ Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. – N.Y., 1952. – 380 p.

⁴ Медведева Т.Б. Концепт утопия: современные исследования и многообразие интерпретаций // Гуманитарные и социально-экономические // Гуманитарные и социально-экономические науки . – 2009. – №2 – С. 113–117.

⁵ Шадурский М. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. – М: Издательство ЛКИ, 2007. –160 с.– С. 10–12.

⁶ Эткинд Т. Толкование путешествий. – Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М., 2001. – 564 с.

⁷ Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307 – № 5 – С. 179–183 . С. 180.

⁸ Постникова Е.Г. Миф об идеальном русском государстве в «Помпадурах и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №10. – С. 191–196.

⁹ Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Обоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. – 2004 – Т. 307 – № 5 – С. 179–183 – С. 179.

негативное отношение самого автора к описываемому обществу¹⁰. Позитивными утопиями он называет те, в которых автор положительно относится к моделированию идеального общества, и наделяет свой проект не только чертами социально-желаемого, но и совершенного общества. При этом утопией Баталов и его последователи¹¹ называют первичное моделирование, т.е. изображение собственного видения совершенного общества, а контрутопией – проект, создаваемый в оппозицию к утопическому. С этой позиции «Государство» Платона – утопия, «Утопия» Т.Мора – её контрутопия, а «Город Солнца» Т. Кампанеллы – контрутопия «Утопии». Негативные утопии – дистопия и какотопия, рисуют заведомо нежелательное, но возможное общество. При том, что негативность дистопии заключается в сатирически перевернутом изображении традиционных для утопий социальных порядков, тогда как авторы какотопий разрабатывают собственный вариант социального зла, по всем показателям «плохой страны». Антиутопия в корне отличается от позитивных и негативных утопий. Она демонстрирует практическую реализацию утопических проектов, указывает не только на их многочисленные недостатки и недоработки, но и на фундаментальные установки подобных конструкций, противоречащие человеческой свободе¹².

Вторая область исследования утопии – это анализ особой мировоззренческой установки, называемой «утопическое», «утопизм» или «утопическое сознание/мышление». В данном случае предметом рассмотрения оказывается разнообразный материал от философских и литературных сочинений, до экономических и политических проектов, программ, реформ. Здесь осуществляется анализ «природы утопического», выделяются социальные и психологические факторы, инициирующие данный тип мировоззренческой установки. Исследователи этой группы соотносят понятие «утопия» с такими понятиями как «фантазия», «социальные иллюзии», «социальный проект», «социальный идеализм», «проектерство». Причем, исследования располагающиеся в этой области акцентируют внимание на фантастичности, иллюзорности, ложности утопизма, противопоставляя его трезвому реалистическому подходу, идеологии, гуманизму.

В рамках данной области большое внимание уделяется определению типических черт утопического мышления. Родовой чертой и главным недостатком утопизма А. Фогт считал склонность его представителей к упрощению социальной жизни, что легитимизирует их стремление к быстрым и кардинальным решениям сложных социально-экономических проблем¹³. В.И. Мильдон находит в утопическом подходе универсальность мыслительного приема постулирующего конечное торжество добра, рационализацию веры в возможность достижения Царства Божия на земле, утверждение коллективного блага, всеобщего счастья, избавления от несправедливости и зла¹⁴.

М.Б. Ямпольский¹⁵, а вслед за ним А.М. Сафина, Л.Г. Фишман и др. видят в утопическом подходе попытку новоевропейского мышления абстрагировать, деперсонализировать и идеализировать такие социальные явления как власть, закон, порядок. Утопичность, по мнению Сафиной, отличительная черта нововременного общества, заключающаяся в отсутствии привязанности к месту, конкретному пространству¹⁶. Утопии и идеологии, по Фишману, в равной степени рационалистичны и ориентированы на науку, их отличает вера в возможность адекватного постижения общества и истории, в возможность связи между властью и массами в сфере публичной политики¹⁷.

¹⁰ Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 319с.

¹¹ Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – № 11 – С. 251–254.

¹² Араб-Оглы Э.Я. Антиутопия. – М.: Мысль, 1989. – С. 3.

¹³ Фогт А. Социальные утопии. – М.: КомКнига, 2007. – 192. – С. IX.

¹⁴ Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии – 2006 – № 1 – С. 15–24

¹⁵ Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 616 с.

¹⁶ Сафина А.М. Материк социального: утопия как репрезентационная структура // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 1. – С. 155–161.

¹⁷ Фишман Л.Г. «Утопия» ренессанса и «политический проект» постмодерна // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2003. – № 4. – С. 138–160.

Антитеза «утопизм–гуманизм», разрабатываемая советскими исследователями, нашла продолжение в подходах современных авторов. Так Э.Я. Баталов считал, что утописты в своих мечтаниях о всеобщем счастье опираются на постулируемые догмы. «Что такое утопия в пределе? – Вопросал он. – Это совершенный, а потому мертвый мир, которому просто некуда развиваться»¹⁸. Можно найти исследования солидарные с такой оценкой: «идеал как качественное состояние всегда статичен. Утопия, являясь неким постулатом – это всегда конечный результат, некая завершенная, логически замкнутая система, развития в которой не имеет места»¹⁹, противовес гуманизма, понимаемого как подвижный конструктивный подход, допускающий плюралистические, и в принципе «неправильные» модели дальнейшего развития²⁰. Напротив, французский исследователь Ж. Лабрика, противопоставляет утопизм как живой образ будущего, научности, как категориальной закреплённости настоящего, и не признает в нем догматизма. Лабрика напоминает о критичности утопического подхода по отношению к существующему обществу и о разработке утопистами альтернативных вариантов будущего. Так что для него отличительной чертой утопизма выступает проективность человеческого бытия, обращённость человека к будущему²¹.

Третья область исследования утопий – социально-философская. Обращаясь к анализу философских и публицистических сочинений, авторы этой группы рассматривают утопии как интеллектуальные проекты совершенного общества. Исследователей интересуют конкретные черты этих проективных обществ, связь их конфигурации с социальным настоящим автора утопии. При этом подходе утопии обычно типологизируются, выделяются черты, отличающие социально-философскую утопию.

Одна из первых классификаций утопий принадлежит А. Фогту, который подразделяет их, в зависимости от отношения к власти и подчинению, на анархические – для людей, ценящих свободу, и архические – для тех, кто согласен на подчинение взамен гарантий достатка и стабильности. По типу изображаемых общественных отношений различает утопии первобытно-общинные, рабовладельческие, феодальные, буржуазные²². Э.Я. Баталов классифицировал утопии в зависимости от того, кем и с какой целью они создавались. Он выделяет: стихийную «народную утопию», выражающую представления крестьян и горожан о «праведном общественном строе»²³, «официальную утопию», отражающую государственную систему национальных идеалов²⁴, литературно-теоретическую утопию и коммунистический эксперимент²⁵. Обобщая сложившиеся в классификации утопий подходы, Баталов выделял группировку утопий по социально-классовому содержанию идеала (социалистические, буржуазно-либеральные, анархистские и фашистские), по месту идеала на шкале времени (регрессивные, консервационистские, прогрессивные), по характеру утверждаемых жизненных ценностей (романтические утопии, ориентированные на единение человека с природой, технократические и теократические)²⁶.

Среди черт отличающих социально-философскую утопию чаще всего называют рационализм, попытку гармонизации всего человечества, теоретичность утопического

¹⁸ Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989 – С.270.

¹⁹ Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – № 11 – С. 251–254. – С. 252.

²⁰ Петрихин А.В. Антиутопия как способ осознания единства цели и различия путей ее достижения гуманизмом и утопией // Вестник воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – №6. – С. 138–141. – С. 140.

²¹ Лабрика Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2004. – № 5. – С. 268–293. – С. 290.

²² Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее: Современные проблемы социального прогнозирования. М.: Мысль, 1970. – С. 38.

²³ Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989 – С. 42.

²⁴ Там же. С.44

²⁵ Там же. С.48.

²⁶ Там же. С. 50.

идеала, рассмотрение его как задачи для реализации, экономику изобилия²⁷. Достаточно много внимания в этом подходе уделяется анализу зависимости содержания и формы утопии от места и времени ее создания. Ф. Аинса связывает формирование новоевропейских утопий с открытием Америки, нанесением на карту «места, которого нет», умозрительного обустройства его, опираясь на опыт колонизации и миссионерства²⁸. Т.С. Паниотова прослеживает попытки «первокрестителей» Америки превратить вновь открытый континент в «духовное продолжение Старого Света и образ будущего»²⁹. М.Д. Суслов показывает связь милитаристской, техногенной фантастики начала XX века с социокультурными реалиями кануна Первой мировой войны³⁰.

Прежде чем перейти к рассмотрению утопии в обозначенном нами ракурсе позитивного образа будущего, следует сказать несколько слов о самом понятии «образ будущего», которое мы определяем как обобщенную моделью, относительно целостную картину мира в его перспективе. Это понятие нередко встречается в качестве интуитивно ясного определения в философских, исторических, футурологических исследованиях. «Образ будущего» не выступает в роли понятия с четко определенным содержанием, однако однозначно указывает на наличие некой целостной картины будущего. По существу, образ будущего – это абстракция, умозрительное обобщение исследователя, выделяющего медиану ожиданий отдельных социальных групп и общества в целом, в конкретной исторической и социокультурной ситуации.

Можно найти определенные параллели между понятием «образ будущего» и «социальное воображаемое» К. Касториадиса, которое не есть образ чего-то существующего, а представляет собой «необусловленное творчество» в социально-исторической области³¹. В первую очередь, Касториадис использует свое понятие по отношению к истории, определяя его как «творчество из ничего» – творчество, отражающее аффекты и желания человека. Тем не менее, философ считает возможным проследить динамику социального воображаемого европейского общества, выделяя некий коррелят специфических черт воображения определенных периодов. Однако здесь следует иметь в виду, что Касториадис связывает свое «социальное воображаемое» скорее с особенностями человеческой психики (автономизация субъекта), чем со спецификой социума. Можно сказать, что «социальное воображаемое» – это среднее между свободой индивидуальной фантазии и репрессивным нормированием ее со стороны социума. Мы же склонны относить «образ будущего» к феноменам общественного сознания, выделяя в этой определенной направленности на будущее, устремление конкретных социальных групп того или иного общества. Можно указать на использование словосочетания «образ будущего» в качестве определенного понятия. В работе 1961 года «The Image of the Future»³² нидерландский социолог Ф. Полак определял «образ будущего» как позитивную модель ожидаемого будущего, проводя аналогии между образами будущего, существующего в нашем сознании, и образами искусства.

Исследование образов будущего конкретного общества обладает, по нашему мнению, самостоятельной значимостью, вне зависимости от того насколько удачным или нет, они оказались с позиции оправданности прогнозов. Картины будущего, функционирующие в социуме, могут быть рассмотрены в первую очередь как элементы социальной реальности этого социума, как параметры, характеризующие общественное бытие. Анализ отношения к будущему позволяет исследователю выявить темпоральные самоощущение социума в целом, или одной из его групп, то как обществом оценивалась его жизнеспособность.

²⁷ Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – Т.5. – № 11 – С. 251-254. – С.253

²⁸ Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе/ Пер. с франц. – М.: Editions UNESCO, 1999. – С. 149–151.

²⁹ Паниотова Т.С. Рождение Утопии: латиноамериканский контекст // Вопросы философии – 2005 – №10 – С. 77.

³⁰ Суслов М.Д. Феномен империалистического утопизма 1880-1914 гг. // Вопросы философии – 2010 – №3 – С. 18–29.

³¹ Касториадис К. Воображаемое установление общества. / Пер. с франц. М.: Гнозис; Логос, 2003. – С. 9.

³² Polak, F. The Image of the Future. Leiden-New York, 1961.

По характеру социальных ожиданий можно говорить о доминировании в образе будущего представлений о возможном, вероятном развитии событий (реалистически ориентированные прогнозы), размышлениях о должном состоянии общества и путях его достижения (утопиях), опасениях нежелательного развития событий. Каждая из этих «ориентаций на будущее» рассматривает одну из сторон общественного самосознания, и необходимо детально проанализировать каждую из них, для того, чтобы можно было понять почему в тот или иной период в обществе происходит всплеск упований на будущее или, напротив, развивается страх перед ним.

Здесь уместно будет коснуться вопроса нетождественности утопии утопическому образу будущего. Утопический идеал, по верному замечанию Баталова, не обязательно направлен в будущее. Утопии Т. Мора и Ф. Бэкона, располагались в «ином месте», современном рассказчикам, идеалы славянофилов ретроспективны, а идеальное государство мыслилось Платоном за пределами «хоры». Нас же интересуют только утопические образы, которые для их создателей ассоциировались с будущим, обнаруживая их позитивные надежды. Второе отличие социальной утопии от утопического образа будущего видно тогда, когда мы обращаемся к оппозициям утопии. Как обнаруживают исследователи жанрового своеобразия утопии, ей противостоит с одной стороны негативная утопия, с другой – антиутопия. И в том и в другом случае речь идет о моделировании дисгармоничного, несправедливого общества, общества которое вызывает неприязнь, протест. Однако неприятие такого проекта носит как бы отвлеченный характер, ни читатель, ни исследователь не рассматривает антиутопию или какотопию в качестве возможного будущего, и потому не видит в ней реальной угрозы. Поэтому антиутопия противостоит утопии, но не является антитезой утопического образа будущего. Что именно будет правильно противопоставить последнему, нам еще предстоит выяснить. Следовательно, под утопическим образом будущего мы будем иметь в виду совокупность идей, выражающих надежду на более совершенное социальное устройство общества, возможное или ожидаемое в будущем.

Одним из главных вопросов при исследовании утопии в качестве образа будущего мы считаем определение природы этого образа. От решения вопроса о том, что инициирует создание позитивных картин будущего, зависит то, какую информацию о времени своего создания несет образ будущего. Мы можем обозначить три существующие позиции в решении этого вопроса: онтологическую, эскапистскую и проективную. Непревзойденным авторитетом в анализе онтологического статуса надежды вообще, и социальной надежды выраженной в утопии, в частности, следует назвать Эрнста Блоха. В своем труде «Принцип надежды» Блох утверждает, что утопия есть не что иное, как «удивительно красивая модель будущего мира»³³. Он предполагает, что в основе утопического образа будущего лежат мечты, которые не являются произвольной фантазией, а отражают наилучшую из реальных возможностей. По его мнению, будущее, в том числе и социальное будущее, относится к сфере Еще-Не-Бытия. Еще-Не-Бытие, по Блоху, это объективно существующая, хотя и не реализовавшаяся еще реальность. Актуальное бытие содержит в себе элементы Еще-Не-Бытия, образующие наброски будущего – «пейзаж желаний». Утопист, как своеобразный дешифровщик, стремится найти и прочесть «следы» будущего в настоящем, поэтому если утопиями был «обещан осязаемый наилучший вариант, значит он был объективно реально возможным»³⁴. Таким образом, для Блоха природа утопического образа будущего – онтологична, надежда на лучшее будущее тождественна его прозрению, свидетельствует о реальности такой перспективы. Схожие, но менее проработанные, взгляды мы находим у отечественных мыслителей начала XX века С.Н. Трубецкого и Л.П. Карсавина, которые, размышляя о возможности исторического прогнозирования, говорили о «предчувствии будущего», будущего, которое существует еще не реализовавшись.

Определение природы утопического образа будущего мы можем найти и в эскапистских «мечтах-утешениях». Этот подход восходит к идеям Ф.Ницше о добровольном

³³ Bloch E. *Le Principe Esperance*. – Paris: Gallimard, 1982. – Т.2. – P.307.

³⁴ Блох Э. Тюбнгенское введение в философию /Пер. с нем. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 130.

стремлении к иллюзии, как универсальной основе культуры. По мнению Л.В. Шукшиной, к социальным иллюзиям относятся и утопические образы будущего. Социальные иллюзии, а вместе с ними и социальные утопии она относит к области ложных надежд, возникающих в силу несоответствия «между реальным и идеальным, между возможностями, желаниями и потребностями»³⁵. Выделяя как сознательные, так и бессознательные механизмы социальных иллюзий, к первым она причисляет мечту и фантазию, а вторым – механизмы вытеснения, идентификации, интроекции, самоограничения, рационализации, идеализации, проекции, переноса³⁶.

Эскапистская природа утопического образа будущего обнаруживается М.Д. Сусловым, рассматривавшим феномен империалистического утопизма 1880–1914 годов. «Вряд ли можно утверждать, – отмечает он, – что имперские утопии привели к первой мировой войне, но они определенно культивировали «военный менталитет» масс того времени. Эти сгустки геополитической ненависти выполняли компенсаторную функцию символической победы над реальным геополитическим противником, отвлекали от проблем повседневной жизни, и тем самым развязывали руки военным преступникам и тиранам»³⁷. Мечты о светлом будущем, нашедшие отражение в утопических образах, порождаются стремлением спрятаться от проблем. Поэтому чем драматичнее социальная реальность, тем ярче образы совершенного будущего, рождаемые ей.

Проективная природа утопического образа будущего утверждается третьей группой авторов. В названной нами работе «The Image of the Future» Ф. Полак подчеркивал конструктивистскую функцию образов будущего. Он настаивает на том, что настоящие представления о грядущем активно влияют на него. Художественные образы с раскрепощенным взлетом фантазии проектируют будущее в соответствии с желаниями современников. Следует отметить, что рассмотрение образа будущего как интеллектуального проекта в настоящее время достаточно распространено. Например, Р. Мертон в «Социальной теории и социальной структуре» замечает, что существующие в нашем сознании образы будущего способны оказывать активное воздействие на реальный ход событий³⁸. И. Валлерстайн считает, что наряду с социальными утопиями как догматическими иллюзиями, в общественном сознании присутствует и «утопийское» (Utopistics) как «облик альтернативного, наверняка лучшего и исторически возможного будущего». Такие образы исторических альтернатив, становятся особенно важны в моменты исторических переходов, когда открывается возможность для реализации таких проектов³⁹.

Мы согласны с авторами, утверждающими, что позитивный образ будущего утопистов имеет социально-психологическую природу. Создателям утопий, как и их читателям, свойственно стремление к лучшему, стремление обрести лучшую долю в будущем. В каждой утопии мы считаем возможным выделить базовый набор «социальных устремлений», включающий, по меньшей мере, пять пунктов: достаток, справедливость, возможность для самореализации человека, здоровье и долголетие. Однако конкретное наполнение каждого из этих пожеланий допускает бесконечное количество вариаций. Пожелание достатка может выглядеть страной изобилия (в народных утопиях), либо реализовываться через регламентацию потребления («Город Солнца» Т. Кампанеллы), или уравнивания потребления («Утопия» Т. Мора), а может подразумевать дифференциацию дохода (Бенсалем Ф. Бэкона). Еще более разнообразным предстает воплощение идеи справедливости, понимаемой, в одном случае, через описание устройства потребления, в другом, через провозглашение организации уравнительного распределения, но без утверждения того же принципа в производстве. Справедливое общество может носить вид бесконфликтного сообщества, общежития, устроенного в соответствии с разнообразием человеческих способностей, общества, гармонизированного с природой, или построенного в соответствии с формальными положениями права и т.д.

³⁵ Шукшина Л.В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – №2. – С.48–52.

³⁶ Там же.

³⁷ Сулов М. Д. Феномен империалистического утопизма, 1880-1914/М. Д. Сулов // Вопросы философии, 2010, N 3. – С.18–29. – С. 27.

³⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – С.335.

³⁹ Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. – 2006. – №1 – С.8

Такая вариативность если и не сводит на нет универсальность утопических устремлений, то значительно ограничивает чисто психологическую природу позитивного образа будущего. Коренясь в стремлении к лучшему, этот образ приобретает свой окончательный вид исходя из специфики социально-временного контекста. Именно он определяет как будет видеться «лучшее» общество создателям утопии. Но значит ли это, что образ будущего строится путем идеализации существующей социальной реальности? Мы не стали бы это утверждать. Важнейшей составляющей позитивного образа будущего является соответствующая ему система ценностей. Она имеет решающее значение в конкретизации идеалов достатка, справедливости, самореализации, и их иерархического взаиморасположения. В значительной степени система ценностей определяется социокультурным контекстом, однако в своем конечном виде зависит от гораздо большего количества факторов.

Для определения природы утопического образа будущего важно указать на одно из важнейших для его осмысления понятий – надежду. Надежда не тождественна желанию, скорее это такое устремление, которое имеет шанс реализоваться. Надежда связана не с прозрением еще не реализовавшихся пластов бытия, но с интуицией социальных возможностей. Социальная надежда порождается оптимистической оценкой существующих в реальности векторов развития социума. Мы не случайно использовали понятие «интуиция», поскольку не рискуем помещать феномен надежды в область рационального или иррационального, заметим только, что эмоциональная составляющая играет в нем не последнюю роль. Надежда как компас указывает на социальные возможности, реализация которых оценивается субъектом надежды как желательные.

Таким образом, мы полагаем, что появление конкретного утопического образа будущего обуславливается действием трех факторов: психологической универсалией стремления к позитивным изменениям; конкретно-исторической трактовкой этого устремления; интуицией социальных возможностей, позволяющей надеяться на такие изменения. Вывод из этого может быть таким: утопический образ будущего возникает не от безысходности, а как оправдание социального настоящего. Формирование утопического образа будущего свидетельствует о том, что его авторы находят в окружающей их социальной реальности позитивные стороны, тенденции, достойные продолжения. Выделяя в современности процессы, развитие которых дает право надеяться на улучшение социального бытия, авторы утопий видят в своих современниках людей, способных претворить в жизнь эту надежду.

Антитезой утопического образа будущего становятся образы, продуцируемые страхом перед грядущим. Исходя из этого подхода, можно предположить, что поскольку надежде противостоит страх, он отражает состояние социальной безысходности. Крайним вариантом негативного образа будущего выступает эсхатология. Эсхатологические образы не менее разнообразны, чем утопические, однако эти финалистические картины демонстрируют только одну разновидность социального страха перед будущим. Другим ее вариантом являются различные картины социальной нестабильности, кризисов, социальных, техногенных и экологических потрясений. Природа негативного образа будущего является темой отдельного исследования, которое поможет выявить механизмы формирования конкретных образов будущего.

Обращение к утопиям как носителям направленного в будущее социального идеала позволяет выявить систему ценностей, в ее отношении к перспективам развития того или иного общества, рассмотреть функционирующие в обществе идеалы с позиции возможности претворения их в жизнь. Сходным образом рассматривал утопию К.Мангейм, отмечавший, что так называемая «оторванность» утопии от жизни означает определение позитивного вектора в развитии общества, который с позиции социального настоящего оценивается как маловероятный. Мангейм полагал, что изучение утопий позволяет увидеть, какое будущее казалось желательным прошлым поколениям людей⁴⁰. Исследование образа желаемого будущего позволяет понять, как оценивали свое настоящее его

⁴⁰ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. – М.: Прогресс, 1991. – С.122–123.

творцы, какие его стороны интенционально выделяли, какие, напротив, оказывались скрытыми от их глаз.

Список литературы

1. Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. 2009. №10. С.156.
2. Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.
3. Медведева Т.Б. Концепт утопии: современные исследования и многообразие интерпретаций // Гуманитарные и социально-экономические // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. №2 С. 113–117.
4. Шадурский М. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М., 2007. С. 10–12.
5. Эткинд Т. Толкование путешествий. – Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.
6. Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. 2004.Т. 307. № 5. С. 180.
7. Постникова Е.Г. Миф об идеальном русском государстве в «Помпадурках и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №10. С. 191–196.
8. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.
9. Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т5. № 11. С. 251–254.
10. Араб-Оглы Э.Я. Антиутопия. М., 1989. С. 3.
11. Фогт А. Социальные утопии. М., 2007. С.IX.
12. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 15–24
13. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007.
14. Сафина А.М. Материк социального: утопия как репрезентационная структура // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. Т. 152, кн. 1. С. 155–161.
15. Фишман Л.Г. «Утопия» ренессанса и «политический проект» постмодерна // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. № 4. С. 138–160.
16. Петрихин А.В. Антиутопия как способ осознания единства цели и различия путей ее достижения гуманизмом и утопией // Вестник воронежского государственного технического университета. 2009. Т.5. №6. С. 140.
17. Лабрика Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 290.
18. Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее: Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970. С. 38.
19. Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе. / Пер. с франц. М., 1999. С. 149–151.
20. Паниотова Т.С. Рождение Утопии: латиноамериканский контекст // Вопросы философии. 2005. №10. С. 77.
21. Суслов М.Д. Феномен империалистического утопизма 1880-1914 гг. // Вопросы философии. 2010. №3. С. 18–29.
22. Касториadis К. Воображаемое установление общества. / Пер. с франц. М., 2003. С. 9.
23. Polak, F. The Image of the Future. Leiden-New York, 1961.
24. Bloch E. Le Principe Esperance. Paris: Gallimard, 1982. Т.2. Р.307.
25. Блох Э. Тюбнгенское введение в философию. / Пер. с нем. Екатеринбург, 1997. С. 130.
26. Шукшина Л.В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. №2. С.48–52.
27. Мергон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С.335.
28. Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. №1. С.8.
29. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. М., 1991. С.122–123.

UTOPIA AS AN IMAGE OF FUTURE

I.V. ZHELIKOVA

Orel State University

e-mail: in_g@orel.ru

The article is devoted to Utopia which is considered a bearer of social ideal, an image of wished future. The author analyses Utopia and tradition of its study. The author tries to reveal the aspects of Utopia which can give the opportunity to characterize it as a positive picture of future. The author of this article supposes that the image of future which given in Utopia bases on the hope for the best future. The nature of the image of future is in the social psychology. This position defines Utopia as a justification of the social present time which gave birth to this image of future. Utopia as an image of future is formed on the basis of the revelation of some trends in the Present Time. These trends can be continued in the future. This idea gives the hope to the future.

Key words: Utopia, image of future, social expectations, social ideal, social illusions, prognosis, the system of values, social consciousness, public self-consciousness.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Ю.В. НАЗАРОВА

*Тульский государственный
педагогический университет*

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

В статье дается попытка обоснования того, что именно в философской концепции либерализма сформировалось понятие «политической толерантности», когда из категории индивидуальной морали толерантность превратилась в нравственно-политическое понятие.

Ключевые слова: либерализм; утилитаризм; права человека; политическая толерантность.

Философские концепции либерализма формировались с периода эпохи Просвещения. Философия Просвещения была сконцентрирована на идеях антропоцентризма и свободы. Либерализм формировался, как доктрина, призванная развивать и поддерживать интересы простого человека, обывателя: в сфере экономике это выразилось в идее «свободного рынка», направление которого определяет потребительский спрос; в сфере политики – в идее представительной власти, парламентаризма. Политико-экономические идеи либерализма наиболее полно были изложены А. Смитом, философия же либерализма изначально была обоснована Дж. Локком, а также, утилитаристами И. Бентамом, Дж. С. Миллем и Г. Спенсером.

Западноевропейская этическая мысль эпохи Просвещения раскрывается в различных моральных обоснованиях эгоизма (желания блага себе). Цель этики того времени – достижение индивидуального счастья или всеобщего блага. Счастье и благо рассматривались как достижение удовольствий; удовольствие, в свою очередь, ассоциируется с пользой (удовольствия, полезные и для себя, для других) – так формируется этическая концепция утилитаризма.

Истоки либерализма коренились в утилитаристских концепциях, представители которых стремились сформулировать моральные обоснования политики. Со времен Аристотеля целью политики считалось достижение «всеобщего блага». Однако суть концепции утилитаризма заключалась в обосновании эгоизма, в убеждении, что действия каждого человека подчинены только его собственным, но не всеобщим интересам. Отталкиваясь от этой идеи, обоснованной еще Т. Гобсом в его теории «войны всех против всех», утилитаристы пытались найти некое моральное соглашение между индивидуальными и всеобщими интересами – когда интересы индивидуума и общества совпадают в своих конечных целях. Согласно некоторым концепциям, причины совпадения индивидуальный и всеобщих интересов могут быть естественными, поскольку эгоистические интересы отдельных индивидов вынуждены вступать во взаимодействие друг с другом, так как развитие общественных отношений невозможно без наличия некоего всеобщего интереса. Подобную идею выдвинул, например, Б. Мандевиль в «Басне о пчелах». С другой стороны, интересы могут совпасть только принудительно, искусственно, так как в этом заинтересовано само государство, в лице правителей и законодателей, поэтому сведение индивидуальных и общественных интересов ради достижения всеобщего блага является целью политиков. Такой точки зрения придерживались, например, Юм и Бентам. Таким образом, стремление к «всеобщему благу» становится ключевым фактором в попытке морального оправдания индивидуального эгоизма в утилитаризме, что впоследствии окажет огромное влияние на развитие философии, политики и экономики Европы.

Л. фон Мизес, в своей работе «Либерализм в классической традиции» утверждает, что идеи либерализма явились движущей силой в развитии экономики, политики и науки¹. Фон Мизес представляет классическую концепцию либерализма, описывая его цели, задачи и достижения, обосновывая либерализм как идеологическую доктрину капита-

¹ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. – М.: «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001.

лизма. Подавляющее большинство философских доктрин сходятся на том, что цель политики – достижение всеобщего блага, и разница между ними заключается в различном представлении о средствах достижения этого блага. Основываясь на этом, автор дает определение либерализма с точки зрения экономики, как «достижения всеобщего блага при помощи частной собственности на средства производства»². Однако либерализм слишком часто критикуют за излишнюю рациональность и за поддержку интересов социально обеспеченных классов. Тем не менее, нельзя не согласиться, что именно идеи либерализма до сих пор определяют институт частной собственности, институт государства и права, являясь фундаментом демократического общества. На либерализме построен парламентаризм, как политическая система; концепция прав человека также имеет в своем основании идею либерализма.

Можно выделить такие основные части классической доктрины либерализма, как свобода, собственность, равенство, мир, которые определяют и смысл современных институтов.

Несмотря на то, что современная доктрина капитализма изменилась со времен И. Бентама, Дж. Локка, Т. Гоббса и А. Смита, но ее фундаментальные принципы остались неизменными. В целом, основанием доктрины либерализма, ее основной ценностью, является материальное благополучие людей, что не касается напрямую их духовных, внутренних потребностей. В отличие от теорий, скажем, античной этики, либерализм не обещает душевный покой, гармонию и счастье, он направлен на достижение материального благосостояния. Однако, по мнению Людвиг фон Мизеса, либерализм реалистичен, и он знает, что внутреннее богатство человека невозможно обеспечить внешними средствами. Поэтому либерализм стремится обеспечить хотя бы минимальный уровень потребностей, то есть, внешние предпосылки внутренней жизни. Это стремление отражено в доктрине прав человека, как в современном варианте, так и в ранних декларациях независимости различных государств, особенно в американской и французской доктринах, где основными правами человека изначально выступали мир, свобода и собственность, а также, во французском варианте доктрины прав человека (свобода, собственность, безопасность, сопротивление угнетению). Можно сказать, что материальное благополучие, как конкретизированное «всеобщее благо» (цель политики по Аристотелю) определяет современный институт частной собственности. Поскольку право на собственность считается в либерализме неотъемлемым правом человека, частная собственность защищена законом и неприкосновенна, как и сама личность.

Сущность либерализма, который часто упрекают за излишний рационализм, заключается в том, чтобы признать право разума и рационального подхода в социально-экономической и политической сфере. Этот принцип связан с классическим понятием *справедливости* в этике, которая осуществляется при помощи закона. Он был представлен еще в «Государстве» Аристотеля. Аристотель предполагал, что общество – рационально, и государственная организация должна быть основана не на соглашении, а на законе.

Либерализм подвергается критике также и за то, что ставит интересы капиталистов выше интересов представителей других классов. Однако принцип равенства всегда лежал в основании либеральной доктрины, что нашло свое нормативное отражение с самого начала в *концепции прав человека*. Закон также предполагает всеобщее равенство перед ним; справедливость предполагает равенство прав и обязанностей. Людвиг фон Мозес утверждает, что изначально исторически либерализм был первым политическим движением, которое имело цель способствовать материальному благосостоянию всех людей. Таким образом, абстрактное «всеобщее благо» у Аристотеля, которое является основной целью политики, в либерализме конкретизируется как «всеобщее материальное благосостояние», что, в общем, и предполагает равенство. На эту тему есть известный анекдот: когда внучка декабриста спросила, к чему стремятся большевики, ей ответили, что они хотят богатые сравняться с бедными. Странно, ответила она, а мой дедушка хотел, чтобы

---

² Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. – М.: «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. С. 188.

бедные стали богаты. Таким образом, либерализм ищет не уравнивания, а равенства, пытаясь всеми возможными средствами искоренить нужду и страдания.

Само название «либерализм» произошло от слова свобода, поэтому принцип свободы является ключевым в доктрине либерализма. Свобода всегда выступала одним из естественных прав человека. В философии Нового времени, идея естественных прав человека исходила из теории «разумного эгоизма» личной безопасности и общественного договора (Т. Гоббс). Содержание естественных прав представлялось по-разному в разных философских концепциях и политических документах: так, они представлялись как «жизнь, свобода, собственность (Дж. Локк)»; как «безопасность, свобода, право на жизнь (Г. Спенсер, который в своей концепции естественных прав придерживался классического представления о правах)»; «жизнь, свобода, стремление к счастью» (Американская Декларация независимости Т. Джефферсона, который считал, что право собственности не является естественным правом человека); «свобода, собственность, безопасность, сопротивление угнетению (Французская Декларация независимости, где идея свободы, тем не менее, господствовала над идеей собственности)³. И. Кант полагал, что единственным естественным правом является только право человека на свободу.

Таким образом, очевидно, что в либерализме свобода является ключевым понятием, и едва ли не самым важным и естественным правом человека.

Институт государства и права, в либерализме, строится на принципах рационализма, свободы и равенства, что находит реальное выражение в институте парламентаризма.

Таким образом, содержание всеобщего блага в либерализме, состоит из ряда основных элементов, в основании понимания которых лежит *принцип рационализма*, или метод разумного подхода. Несмотря на разнообразие либеральных доктрин, ряд основных элементов либерализма остается неизменным. Так, в либерализме рационализм конкретизирует принципы свободы, равенства, мира и собственности с точки зрения утилитаризма, из соображений «всеобщей полезности». По словам Мизеса, «суть либерализма заключается в том, чтобы признать права разума в сфере социально-экономической политики, точно также, как они без лишних рассуждений признаются во всех остальных сферах человеческой деятельности»⁴. Таким образом, рациональный подход к понятиям равенства, свободы, мира и собственности в либерализме преобразует политическую и экономическую сферы. Эти принципы перестают быть абстрактными понятиями, находя свое институциональное выражение в экономической и юридической системах, в политических стратегиях, в концепции прав человека. Рассмотрим элементы данной доктрины либерализма подробнее:

Свобода как главное естественное право человека. Несмотря на то, что понятие свободы обосновывалось в европейской философии еще со времен Античности, либералы считают, что только благодаря появлению либерализма свобода была утверждена законодательно, результатом чего стала постепенная отмена рабства как института, в 18-19 веках. Л. фон Мизес обосновывает принцип свободы с позиций утилитаризма. Говоря о всеобщем благе как о частной собственности на средства производства, он утверждает, что система, основанная на свободе, гарантирует наивысшую производительность труда, что, в конечном итоге, и приводит ко всеобщему благу. Соответственно темпы экономического развития напрямую зависят от уровня свободы, и именно свободой Мизес объясняет резкий рост экономики и производства, произошедший в Европе и США в 19 – начале 20 века.

Равенство. В либерализме принцип равенства обозначает, главным образом, равенство каждого перед законом. Ранний либерализм утверждал принцип равенства, основываясь на убеждении, что все люди равны перед Богом, а все различия между ними являются результатом не божественных, но земных причин и условий. Концепция классического либерализма, в лице Мизеса, опровергает это убеждение. Как это не парадоксально, равенство перед законом, по мнению Мизеса, исходит не из того, что все люди

³ Этика прав человека: Материалы международной конференции / МГУ им. М. В. Ломоносова. – Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, 1994.

⁴ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. А.В. Куряева. – М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. – С. 11.

равны, а, напротив, из-за того, что каждый человек уникален и не похож на другого. Поэтому обоснование их равенства делается с позиций утилитаризма. С одной стороны, равенство перед законом так же естественно необходимо, как и свобода – потому что только равенство перед законом может окончательно утвердить свободу, что позволяет гарантировать наивысшую производительность труда. С другой стороны, равенство перед законом обеспечивает поддержание социального мира, уничтожая какие-либо классовые привилегии. Таким образом, принципы свободы и равенства обеспечивают всеобщее благо и мирное существование в государстве. Характерно, что Мизес подчеркивает, что либерализм, с его рационализмом и реалистичностью, настаивает на равенстве людей только перед законом (поскольку реально равными людей сделать невозможно, ибо каждый человек уникален), на обретении равных прав, именно с точки зрения утилитаризма, то есть, из соображений полезности такого равенства для общества.

Мир. Подход к вопросам мира и войны в либерализме также обосновывается с точки зрения рационализма. Возражая фразе Гераклита «борьба – отец всему и всему царь», или «война – мать всех вещей», доктрина либерализма утверждает, что мир – это отец всех вещей. Либерализм призывает не просто отказываться от ведения войны, исходя из гуманистических побуждений, но к рациональному осознанию того, что даже победа является злом, потому что, в любом случае, мир всегда лучше, чем война. Особенно пагубна война для человека как «общественного животного», потому что в обществе, где труд разделен, все зависит друг от друга, и последствия войны приводят к полному разобщению и экономическому упадку. Поэтому, с точки зрения либерализма, государства должны делать все возможное, чтобы гарантировать мир, в противном случае, экономические отношения между народами остановят свое развитие.

Собственность. В отличие от либеральных концепций, в которых собственность считалась естественным правом человека, но, тем не менее, уступала первое место принципам свободы и равенства, Л. фон Мизес утверждает, что именно из принципа собственности вытекают другие принципы либерализма. Это утверждение основывается на ранее упомянутом определении, что всеобщее благо достигается путем частной собственности на средства производства. Таким образом, принципы свободы, мира, равенства являются рационально необходимыми следствиями принципа собственности.

Рассмотрим, как в данных принципах либерализма отражается понятие толерантности.

В период философии Нового времени, начиная с трудов Дж. Локка и Т. Гоббса, постепенно формируется концепция прав человека. Вместе с тем, подвергается осмыслению понятие толерантности, или терпимости, как добродетели, которая рассматривается не как индивидуальная добродетель, а как добродетель социальной этики.

Среди классических теорий добродетелей в философии традиционно наибольшее значение придается теориям Аристотеля и И. Канта. Согласно Аристотелю, добродетели носят индивидуальный характер: добродетель – это сознательно формируемый слад души, с целью преобразования страстей, ведущий к достижению счастья, как высшего блага; для Канта характерно понимание добродетелей в прямой взаимосвязи с понятием долга, причем общественный долг у Канта ставится выше индивидуальной добродетели. В европейской философии, согласно с античными представлениями, было принято выделять 4 кардинальных добродетели: мудрость (рассудительность), справедливость, мужество и умеренность. Философия Нового времени дополнила список основных добродетелей общественно значимыми добродетелями, такими, как терпимость (толерантность), труд, бережливость; И. Кант определял добродетели, как обязанности – обязанности перед самим собой и обязанности перед другими. Добродетели в философии Нового времени стали тесно связаны уже не с индивидуальной моралью, а с моралью общественных отношений, что особенно очевидно на примере добродетели толерантности. Концепции «общественного договора» и «естественных прав» отводили толерантности роль средства избежания социальной и политической нестабильности. Толерантность по отношению к ближнему выступает как одно из условий успешного выполнения «общественного договора», как один из способов прекращения гоббсовской «войны всех против всех». По концепции Т. Гоббса, для обеспечения собственной безопасности и прекращения «войны всех против всех», индивиды отдают власть над собой в руки государства или правителя,

власть которых над ними абсолютна. Но Дж. Локк считал, что политическая власть должна осуществляться только над тем, что считается общественно необходимым: «Власть общества или созданного людьми законодательного органа никогда не может простирается далее, нежели это необходимо для общественного блага; эта власть должна сохранять собственность каждого»⁵. При этом власть должна заботиться о том, что чтобы естественное состояние было надежным и безопасным. Согласно концепции Локка, власть должна быть беспристрастной и справедливой, и должна действовать в рамках общественного договора, в интересах мира, безопасности, общественного блага, в соответствии с провозглашенным народом законами. По мысли В. В. Шалина, «в отличие от Гоббса вывод Локка заключается в том, что забота о самосохранении и собственной пользе не является законом природы или его источником. Независимость индивидов не может выступать исходным фактом их общественного бытия. Таким фактом является нравственный закон, скрепляющий общество и не дающий ему распасться. Он дает возможность для гармонизации интересов и стремлений людей»⁶.

Таким образом, государство у Дж. Локка формируется благодаря моральной общности людей, и представляется идеальным, четко отрегулированным механизмом с определенным набором функций, направленными на сохранение *мира* и *собственности* его граждан. В.В. Шалин, в своей работе «Толерантность. (п. 2.3. «Моральный консенсус и необходимое зло политики»)»⁷, указывает на то, что концепция толерантности Дж. Локка явилась новаторством для европейской культуры. С одной стороны, человек, по Локку, от природы наделен определенными моральными качествами, не зависящими от политики, государственных, национальных и культурных границ. С этой точки зрения, в этическом смысле, «толерантность есть понимание того существенного и всеобщего, что действительно объединяет всех людей в высшем нравственном законе. Это понимание обеспечивается светильником разума». С другой стороны, можно и не обладать некими общечеловеческими качествами, но быть лояльным по отношению к государству, построенному на моральной общности – и эта лояльность уже делает человека политическим субъектом. В отличие от античных представлений о «политии» (обществе), политика, согласно Локку, не совпадает с обществом в целом, возникая либо на основании моральной общности людей (по Локку), либо на основании экономики (как в либеральных доктринах 19-20 веков, что изложено, например, в концепции Л. фон Мизеса), либо на основании всеобщей воли (по Ж.Ж. Руссо) и т.д. *Концепция Локка выделяет политику как сферу общественной жизни, стоящую вне морали. Это и определяет особое понимание толерантности в либерализме.*

В чем же заключается это понимание? Если до Нового времени толерантность рассматривалась категория индивидуальной морали, преимущественно связанная с проблемой веротерпимости (лат. термин «tolerantia» – т.е. пассивное терпение, добровольное перенесение страданий; с 16 века – трактовался как сдержанность, уступка религиозной свободе)⁸, в период Нового времени, начиная с трудов Локка, толерантность выступает уже не только в виде нравственно-религиозной, но и в виде политической категории, которая может существовать в особых условиях, когда государство, как отлаженный механизм безразлично к плюрализму мнений своих граждан, поскольку эти мнения безопасны для государства. Это подчеркивает рациональность подхода по отношению к пониманию толерантности; в то же самое время, нетерпимость иррациональна, и поэтому бесполезна и пагубна.

Локковский подход к толерантности заставляет задать вопрос о рамках политической толерантности в целом. Если следовать логике философа, соблюдение условия сохранения мира и собственности предполагает безразличие ко всем мнениям, не нарушающим безопасность государства и не мешающим достижению высшей цели – всеобщего блага. Однако, иные мнения и действия выпадают за границу такой концепции.

⁵ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.

⁶ http://lit.lib.ru/a/alxbow_a_p/pravo.shtml

⁷ http://sbiblio.com/biblio/archive/shalin_tolerantnost/03.aspx

⁸ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац.общ.науч.фонд. – М.: Мысль, 2001. – С. 76.

Кроме того, условием сохранения толерантности должно быть идеальное устройство государства, когда оно выступает как отлаженный механизм, ведущий к всеобщему благу; в противном случае, в государстве иного типа, сами граждане могут и не проявлять толерантности к государству, что предполагает и оправдывает возможность восстания или переворота.

Вопрос о границах толерантности был актуален и в либеральных доктринах 19 – 20 веков. По словам Мизеса, «либерализм должен быть нетерпим к любому виду нетерпимости»⁹. Цель такой универсальной толерантности заключается в стремлении сохранить мир, ведь, согласно либеральной доктрине, гарантия мира в обществе должна быть наиболее приоритетной задачей. Тем не менее, и в либерализме толерантность имеет рациональные ограничения. Терпимость не предполагает полной свободы, так как все люди равны перед законом, который должен устанавливать рамки и границы толерантности: «Либерализм требует терпимости исходя из принципа, а не из противоречия... Требовать и проявлять терпимость либерализм побуждают не уважение к содержанию доктрины, к которой следует быть терпимым, а знание того, что только терпимость может сохранить мир в обществе, без которого человечество будет отброшено в варварство и нужду давно прошедших эпох»¹⁰.

Можно сделать общие выводы, касающиеся истории развития понятия «толерантность» в либерализме. Понимание толерантности в Новое время, в политическом смысле, тесно связано с понятием свободы, выражающемся в провозглашении политических свобод – это, с одной стороны, свобода слова, и с другой – свобода совести. Обе эти стороны толерантности выражены в английском «Билле о правах», основными принципами которого являлись: расширение гражданских прав и свобод; независимая законодательная деятельность; свобода слова; свобода обращения к монарху; расширение сословных границ при выборах в парламент. Все эти принципы легли как в основу современного парламентаризма, так и в основание современных прав человека.

Современное понимание толерантности в концепции прав человека прошло долгий путь, обусловленный не только борьбой за политические свободы в Новое время, но и жестким опытом XX века, полного войн, террора и тоталитарных политических режимов. Все это обусловило иное понятие основной цели политики. Понимание всеобщего блага конкретизировалось в триединстве целей – таких, как мир, свобода и справедливость. Толерантность выступила как основной нравственный признак гражданского общества; в современном понимании толерантность предстает как признание разнообразия идей, моральных убеждений, вероисповеданий, каждое из которых имеет право на существование, без тех или иных предпочтений. Эти идеи нашли свое нормативное выражение во всеобщей Декларации по правам человека, документе, идеологическим основанием которого служат наследие Аристотеля, Локка, Фомы Аквинского. Декларация представляет собой попытку создания некоей нормативной, универсальной общечеловеческой морали, поэтому документ часто критикуют за оторванность от реалий; ее правила, зачастую, вступают в конфликт с национальной и культурной нравственной спецификой. С точки зрения политической этики, это порождает так называемую дилемму международной политики – следование международным нормам и правилам или сохранение национальной самобытности. Как и все дилеммы прикладной этики, эта дилемма не может иметь универсального решения и вопрос о границах политической толерантности в международном масштабе всегда останется открытым. К сожалению, события последних десятилетий выводят эту проблему из чисто умозрительной сферы в жестокие реалии терроризма, религиозной, национальной нетерпимости, и различных военных операций на территориях государств, не соблюдающих международные нормы. Таким образом, институционализованная, зафиксированная в законе толерантность, с одной стороны, может выступать как некое абстрактное, универсализированное нравственное требование. Но, с другой стороны, любое право, становясь законом, предполагает наказание за его нарушение. Положительная сторона вопроса заключается в том, что современное обще-

⁹ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. А.В. Куряева. – М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. – С. 57.

¹⁰ Там же. С. 58.

ство декларирует толерантность на уровне закона, что не предполагает принятие чужих точек зрения в ущерб собственным, но, по крайней мере, помогает сориентироваться и выбрать верную моральную позицию в тех областях жизни, где нет точных критериев предпочтений.

Так, начиная с Нового времени, толерантность прошла путь от необходимого условия «общественного договора», являвшегося нравственным основанием политических свобод, до сознательно формируемой добродетели современного «человека политического», институционализировавшись в законах и декларациях. Являясь изначально добродетелью социальной этики, толерантность стала также и неотъемлемой частью индивидуальной морали современного человека, и новой идеологической предпосылкой формирования гражданского общества.

Границы толерантности размыты и расплывчаты, однако знание этих границ могло бы определить реальное содержание понятия «политическая толерантность». Однако, политика не статична, а ситуативна, поэтому содержание понятия «политическая толерантность» не может быть универсальным, оно зависит от конкретных исторических, идеологических, культурных, национальных и прочих условий. Если принимать во внимание ту точку зрения, согласно которой, государство – это некая общность людей, построенная на общеморальных принципах, то отправной точкой в определении толерантности могло бы быть рассмотрение этих принципов.

Тем не менее, мы выделим некоторые общие черты, которые описывают характер политической толерантности в концепциях либерализма.

Важно отметить, что, исходя из принципов либеральной доктрины, понимание толерантности обосновывается с точки зрения *рационализма*. Так, в либерализме институциональные качества *справедливости* проявляют себя в законе и правосудии. С этой точки зрения, концепция прав человека, утверждающая *свободу* каждой личности, имеет в своем основании принцип толерантности. Рационализм проявляется и в поддержании *мира*. Таким образом, толерантность в этом смысле – рациональный выбор избежания наибольшего зла, что наиболее ярко проявляется в политической стратегии либерализма. Принцип *собственности* также призывает к толерантности по отношению к другим, так как, исходя из предпосылки, что всеобщее благо – это частная собственность на средства производства, при разделении труда все люди зависят друг от друга, что вынуждает их быть терпимыми.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что принцип толерантности проявляется в либерализме в следующем:

Толерантность в либерализме основана не на принципе гуманизма, а на принципе рационализма.

Толерантность в доктрине либерализма отличается универсальностью, то есть, призывает быть терпимыми ко всем доктринам, сектам, политическим партиям и меньшинствам, что обеспечивает свободу каждой отдельной личности.

Несмотря на универсальность толерантности в либерализме, либерализм устанавливает определенные рамки толерантности, основывающиеся на принципе равенства всех перед законом.

Вопрос о границах толерантности всегда останется открытым. В этом смысле, политическая толерантность ставит ряд общезначимых этических дилемм в рамках либеральной культуры. По этой причине, содержание политической толерантности может быть определено только в общем смысле, либо в конкретном государстве, обществе, группе, на конкретном этапе развития, с учетом исторических, политических, культурных, национальных, экономических факторов.

Толерантность, исходя из принципов свободы и справедливости, институционально закреплена в нормативных документах, например, в концепции прав человека.

Универсальная толерантность в либерализме рационально осмысливается и допускается, не исходя из противоречия традиционным взглядам, а с целью сохранения мира. Таким образом, толерантность в либерализме – это вынужденная стратегия избежания наибольшего зла, выработанная из соображений общественной полезности и необходимости поддержания мира.

Необходимо отметить важный понятийный момент – несмотря на разносторонность современных трактовок толерантности, и обширные исследования феномена толерантности в современной науке, мы, в данной статье, концентрируем внимание на специфике понимания толерантности в либерализме, которую обозначаем термином «политическая толерантность». Этот термин раскрывает свое содержание не в контексте рассмотрения толерантности через призму политики, а в смысле понимания толерантности как качества государственного устройства. Таким образом, делается вывод, что толерантность в либерализме понимается как черта политической нравственности, а не индивидуальной морали. Логика такого вывода строится на следующих основаниях:

Изначально толерантность напрямую связана с принципом *свободы* – так, толерантность понималась как свобода совести, в религиозно-нравственном аспекте, в философии Средних веков. Либерализм расширил понимание толерантности в аспекте принципа свободы, понимая толерантность как спектр личных свобод каждого гражданина. Однако, понимание толерантности в либерализме в аспекте других его принципов, расширяет индивидуальные границы толерантности до универсальных, от личных – до государственных. Начиная с философской концепции Дж. Локка, политика может пониматься как область, стоящая вне морали. Поэтому понимание политической толерантности в либерализме специфично – толерантность понимается не как категория индивидуальной морали, а как политическая категория, то есть, как качество не только человека, но государства. Это обстоятельство связывает толерантность с принципом *справедливости*. Толерантность, как качество государства, имеет черты *универсальности и объективности*, в отличие от индивидуальной толерантности – ограниченной рамками личной морали и, оттого, субъективной. Универсальность и объективность, в свою очередь, являются содержанием категории справедливости. Поскольку справедливость напрямую связана с принципом *законности* (закон объективен и одинаков для всех, и конкретизирует также и принцип *равенства* в либерализме), толерантность, воплощается на практике – институализируясь в нормах и правилах (наиболее выраженный пример такой институализации – Всеобщая декларация прав человека). Либерализм нетерпим к любому виду нетерпимости, потому что нетерпимость может нарушить принцип *мира*. В этом смысле, толерантность в либерализме исходит не из гуманизма, а из принципа избежания наибольшего зла. В качестве политической категории, толерантность в либерализме может существовать только в особых условиях отлаженного механизма государственного устройства, построенного на либеральной модели управления. При этом государство поддерживает политику толерантности, поскольку оно *безразлично* к тому плюрализму мнений, который не несет угрозы для государственного устройства. Это определяет *рационалистический* подход к толерантности в либерализме. Таким образом, либерализм предполагает универсальную толерантность к любому разнообразию мнений. Однако такой подход имеет и обратную сторону медали – когда встает вопрос о *границах* толерантности. Этот вопрос является ключевым для современной политической толерантности, и имеет явно выраженный этический оттенок. Он формирует различные дилеммы политической этики, особенность которых заключается в том, что для них не может быть найдено универсального разрешения, для их решения нужен ситуативный подход. Особенно ярко подобные дилеммы проявляют себя в области международной политики.

Таким образом, можно утверждать, что толерантность в либерализме имеет специфические черты, выходя из рамок индивидуальной морали в принцип государственного устройства. Поэтому толерантность в либерализме целесообразно обозначить термином «политическая толерантность», что характеризует содержание данного термина как универсального, объективного, рационалистического и институционального.

Список литературы

1. Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. – М.: «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001.
2. Этика прав человека: Материалы международной конференции / МГУ им. М. В. Ломоносова. – Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, 1994.
3. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988.

4. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац.общ.науч.фонд. – М.: Мысль, 2001.
5. http://lit.lib.ru/a/alxbow_a_p/pravo.shtml
6. http://sbiblio.com/biblio/archive/shalin_tolerantnost/03.aspx

PHILOSOPHY OF POLITICAL TOLERANCE IN LIBERALISM

Y.V. NAZAROVA

*Tula State Pedagogical
University*

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

The conception of the Liberalism developed the idea of the political tolerance. The tolerance that was the term of individual ethics turned into the term of political ethics in the aspect of Liberalism.

Key words: Liberalism, utilitarianism, human rights, political tolerance.

УДК 37.017.92 (4 30/49.352)

СУЩНОСТЬ ГУМАНИЗМА И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л.А. ПЕТРОВА*Харьковский университет Воздушных Сил
имени Ивана Кожедуба**e-mail: Luida64@rambler.ru*

В статье рассматривается возникновение и развитие понятия “гуманизм”, влияние его тенденций на образование. Современная наука требует изменений в социально-гуманитарной сфере и реорганизации существующей системы образования. Показано, как в связи с возникновением современного понятия “гуманизм” реформируется система образования и воспитания.

Ключевые слова: гуманизм, калокагатия, образование, воспитание, гуманитаризация.

Коренные изменения фундаментальных ценностей современного общества самым прямым образом отражаются на понимании целей, задач и характера образования. Именно последнее, в наше время, становится главным и универсальным каналом исторической трансляции культурных завоеваний человечества. Переосмысление основных целевых ориентиров образования и поиск соответствующих им форм воспроизводства общечеловеческих приоритетов составляет важнейшее направление современной философской мысли.

Одним из таких приоритетов является гуманизация образования. Гуманизм сегодня рассматривается как базисная культурная ценность эпохи. Любые изменения в образовании в той или иной мере происходят под знаком внедрения идей гуманизма в учебно-воспитательный процесс. Поэтому столь важно теоретическое осмысление сущности гуманизма и тенденций его трансформации в условиях современного образования.

Понятие гуманизм (лат. *humanitas* – человечность) означает совокупность идей, выражающих отношение человека к миру и служащих положительным вектором для организации социальной практики. Источником гуманистических представлений является осознание активности субъекта, его творчески-преобразующих мир возможностей. В понятии гуманизм выражается исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми¹. Философский анализ понятия гуманизм всякий раз побуждается необходимостью переоценки и переосмысления места, типа и смысла существования человека в окружающем мире.

Гуманизм – это сложное многоплановое, исторически развивающееся явление. В научной литературе последних лет подробно освещены вопросы, связанные с его возникновением, проанализированы этапы развития гуманистической мысли, исторические формы гуманизма. Целью нашей статьи является рефлексия гуманистических идей в образовании.

Первые ростки гуманистических идей в европейской культурной традиции обычно связывают с древней Грецией. Освоение идей гуманизма сопряжено с формированием образа человека в философии. Еще римляне, в особенности Цицерон, называли гуманизмом высшее культурное и нравственное развитие человеческих способностей в эстетически законченную форму в сочетании с мягкостью и человечностью.

В сфере образования это нашло свое выражение в идее “калокагатии” – нравственно-прекрасной индивидуальности. Калокагатия – (греч. *kalos kai hagatos* – красивый и хороший) – этико-эстетический идеал древнегреческой культуры, предполагающий гармонию телесного и душевного совершенств, вызревающую в смене поколений. Общественно-этическое измерение калокагатии в античности трансформировалось в его этико-

¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1983, – С.130.

эстетический парафраз в границах классического философствования Европы Нового времени (гармоничное воспитание, реализующееся в адекватном образе жизни)². Понятию “Пайдейя” соответствовало понятие образование. “Пайдейя” означала путь (его руководство, организация), который проходил человек, изменяя себя, в стремлении к идеалу, духовного и физического совершенства “калокагатии”.

Одной из форм гуманизма был нравственно-ритуальный гуманизм Конфуция. Мораль, по Конфуцию, несовместима с насилием над человеком. Чуть позже в Греции Сократ сформулировал философскую программу предотвращения насилия путем нахождения в процессе диалога общечеловеческой истины. Это был, так сказать, философский вклад в гуманизм.

В древности имела место еще одна разновидность гуманизма, это был древнеиндийский принцип ахимсы – непричинения вреда всему живому, который стал основополагающим для индуизма и буддизма.

В конечном счете христианство победило древний мир не насилием, а силой духа и жертвенностью. Заповеди Христа – это образцы гуманности, которые вполне допускают распространение на природу. Христианский гуманизм обращен ко всем людям (монахам, рыцарям, бюргерам, крестьянам), а не только к свободным гражданам, как в античной Греции и Риме. Его реализация осуществляется во всех христианских государствах на основе обязательных стандартов образования в массовых школах и университетах. “Внутренний человек”, по словам Н.Бердяева, был открыт в эпоху средневековья, поскольку тогда “происходила внутренняя духовная работа, поскольку человек стоял тогда в центре христианской веры и христианского миросозерцания”³.

Гуманизм как мировоззрение подвергался осмыслению и рефлексии как основа ценностных подходов Ренессанса и более поздних философских систем, где происходит синтез двух, до сих пор несовместимых идей – античной идеи человеческой гармонии (калокагатии) и средневековой идеи творения (сакральной, священной, сверхестественной). Ренессансный человек мыслится первыми гуманистами сгустком творческой, преобразующей энергии, а смысл образования и воспитания ищется в освобождении и актуализации творческих возможностей человека. Основополагающее положение ренессансного гуманизма – антропоцентризм. Не Бог, а человек становится творческим началом мира, его центром. Гуманистические идеалы антропоцентризма оказались необычайно продуктивными в политике, науке, искусстве, культуре в целом.

Новые формы жизни, сложившиеся в период Нового времени воплощали новые представления о мире и месте человека в нем, новые идеалы и новые целеполагания, новую культуру, гуманистическую по своему существу, классические его формы находим в XVII и XVIII столетиях⁴. Но уже в XIX веке этот тип культуры обнаружил ряд фатально непреодолимых проблем, катастрофические последствия которых в XX веке вновь принудили человечество к мучительным поискам культуропорядка, удовлетворяющего требованиям современности. Новоевропейский гуманизм – это радость расцвета творческой индивидуальности, которая с самого начала была омрачена стремлением к покорению всего окружающего. Это подтачивало творчески-индивидуалистический западный гуманизм и вело к постепенной утрате доверия к нему. Произошла подмена гуманизма под влиянием развития западной материальной цивилизации, которая заменила гуманистическое желание “быть” агрессивно-потребительским желанием “иметь”.

В XIX веке человек превращается в инструмент, средство для производства, приток машины, лишенный способности рефлексировать в себе собственное ядро, самость, творческую самостоятельность. В ответ на социальную потребность в преодолении “разорванности” человека, возрождения и дальнейшего развития его творчески-продуктивных способностей формируется социалистический идеал гуманизма. Его сущность рассматривается теперь уже не как абстракт, присущий отдельному индивиду, а как исторически конкретная совокупность (тип) общественных отношений, который отстаивает необходимость развития “универсальных сущностных сил” человека.

² Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С.301.

³ Бердяев Н. А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969, – С. 157.

⁴ Найдорф М.И. Введение в теорию культуры. Курс лекций. – Одесса.: Оптимум, 2002. – С. 144–165.

Переосмысление идеалов гуманизма становится условием дальнейшего развития человека. Культура, образование должны давать ему возможность выхода из технологизма рефлексии (методов, шаблонов, схем), вернуть радость непосредственного творчества. Задача гуманизации образования требует осознания и преодоления его негативных технократических сторон в условиях современных социокультурных трансформаций.

Существующая система образования в основном сложилась в XIX веке в ответ на потребность машинного производства в подготовке узкопрофессиональных работников для специализированного разделения труда. Вступление авангардных либеральных государств XX века в стадию развития, близкую канонам "постиндустриального", "информационного" общества, актуализировало проблему оптимизации функционирования человеческого фактора в социальной жизни.

На рубеже XX-XXI веков обострились противоречия, обусловленные быстрыми глобальными и локальными изменениями в обществе, создающем и осваивающем новый мир, новые формы существования в мире. Возникли представления о новом гуманизме, интегральном гуманизме, универсальном гуманизме, экологическом гуманизме, трансгуманизме. Как предполагает Горелов А.А., что все эти предложения идут в одном направлении, которое может быть названо глобальным гуманизмом как качественно новой формы гуманизма XXI века⁵. Глобальный гуманизм в определенной степени возвращается к первому этапу с его ненасильственностью и экологичностью (принцип ахимсы) и приматом нравственности и человечности (Конфуций и философская традиция Древней Греции), и в то же время вбирает то лучшее, что внесла западная мысль – стремление к творческой самореализации человека.

Эколого-социальные кризисы требуют практического гуманизма, но они же вынуждают человечество подняться на новую теоретическую ступень. Путь к подлинно глобальному сознанию и всемирной культуре лежит не через подавление одних культур другими, а через объединение людей и наций на базе общечеловеческой нравственной мудрости. Современный универсальный гуманизм как гуманизм "планетарный", "глобальный" включает экологическую проблематику, понимание человеческой жизни в качестве высшей ценности современного мира, ориентирует на создание условий, способствующих максимальному развитию всех потенций человеческого духа и разума.

В связи с этим на первое место выходит проблема образования как базового процесса, направленного на формирование самого действующего субъекта общественных преобразований. Образование создает материальный проект будущего и представляет собою механизм развития и формирования, как индивида, так и всего общества в целом.

Современная система образования напоминает гигантский конвейер, на котором обучаемый изо дня в день перемещается от одного узкого специалиста (математика, языковед, биолога, химика, историка) к другому. Каждый из преподавателей учит своему предмету, а собственно человеческие, сущностные, универсальные качества личности остаются вне поля зрения современной педагогики и школы. Как правильно думать, какие существуют типы и формы мышления, как объяснять, доказывать, понимать, наконец, чувствовать выпускник школы, высшего учебного заведения, как правило, не знает и не умеет. Университеты и педагогические вузы просто не готовят к этому будущих учителей. Все чаще специалисты подчеркивают, что современный кризис образования имеет внутренние причины из-за несовершенства существующей программы, связанный с утратой концептуальных смыслов для образования человека. Различные исследования фиксируют феномен понижения качества человека, снижения его нравственной устойчивости, способностей к выживаемости, творчеству, культурному обустройству.

И тут, наверное оправданно привести мысли, представленные в работах Российского клуба Экология общественного сознания: "Образование по большей части рассматривается как подготовка кадров. Но общество должно воспроизводить не только все статусы человека, но и индивидуальности личности, которые будут пытаться найти ответ на во-

⁵ Горелов А.А. Развитие гуманизма (от древности до наших дней) [Электронный ресурс] /А.А.Горелов// Режим доступа к изд.: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-247592.html>.

прос о смысле жизни и уметь не только меняться при перемене обстоятельств, но и создавать такие условия, чтобы идти в нужном направлении”⁶.

Выходом в решении этих задач является гуманитаризация образования, которая позволит выявить, проявить и усилить все компоненты образования, относящиеся к человеку, его духовной культуре, позволит реализовать себя и адаптироваться в современном обществе. Гуманитаризация образования тесно связана с его гуманизацией.

Гуманистический характер образования обусловлен насущными потребностями человека в получении общих и специальных знаний, обеспечивающих его социализацию и профессионализацию. Гуманизация образования как процесс и результат переориентации его на личность и как средство ее устойчивости и социальной защиты в рыночных условиях, должна быть ориентирована на следующие аспекты: а) гуманитаризацию обучения и воспитания, которая включала бы эстетическую, этическую, в том числе профессионально-коммуникативную, экономическую, экологическую и правовую составляющие; б) создание в учебных заведениях "гуманитарной среды", благоприятной для студентов образовательно-воспитательного пространства, здорового морально-психологического климата; в) фундаментализацию, т.е. усиление общеобразовательной компоненты, переход на подготовку специалистов широкого профиля, выделение базисной подготовки, усиление научного потенциала и методологической подготовки; социально-ориентированный и личностно-деятельностный характер обучения и используемых педагогических технологий⁷.

Важнейшим условием гуманизации и гуманитаризации высшего образования является их взаимосвязь и взаимодействие с глобальными системами общества: наукой, культурой, производством, – без чего невозможна гуманизация личности специалиста.

Высшее образование и особенно его гуманитарные аспекты призваны способствовать обогащению духовного мира студентов, приобщению их к сокровищам национальной и мировой культуры и цивилизации, расширению кругозора, без чего невозможно формирование разносторонне развитой личности. В современных условиях кризиса и деградации культуры студенчество способствует гуманизации культурного процесса и преодолению отчуждения человека от культуры. Впитывая в себя достижения науки, производства, культуры, образование делает их органичной частью своего содержания, видя в них необходимые условия гуманитарного развития не только студенчества, но и всего общества. Образование становится мощным орудием подготовки не только специалистов определенного профиля, но и широко образованных и культурных людей, интеллигентов в самом широком смысле этого слова. Таким образом, вузы выступают не только как учебные и научные центры, но и как мощные очаги духовной культуры, приобщения молодого поколения к ценностям культуры, их дальнейшего развития и распространения. В этом состоит одна из главных задач гуманитаризации высшего образования.

Цель гуманизации образования и воспитания – развитие тех свойств личности, которые нужны ей и обществу для включения в социально значимую деятельность. Воспитание по своим целевым функциям выступает как условие (фактор) гармонического развития личности, обогащения ее творческого потенциала, роста сущностных сил и способностей. Гуманизация воспитания составляет важнейшую характеристику образа жизни педагогов и воспитанников. И, наконец, гуманизация воспитания – ключевой элемент нового педагогического мышления, изменяющий взгляд на характер и суть педагогического процесса, в котором и педагог, и воспитанники выступают как субъекты развития своей творческой индивидуальности⁸. Гуманизм как ценность, которая, будучи реализованной педагогом при достижении цели образования и воспитания, определяет характер и содержание пересечения действий учителя и ученика, их встречную активность по освоению ценностей, принятию друг друга⁹.

⁶ Колесникова Т.И. Мир человеческих проблем. – М.: Владос, 2003. 208 с.

⁷ Туаева Б.В. Современные проблемы гуманитаризации образования: региональный аспект / Б.В.Туаева // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 9 – С. 87-88. Режим доступа к изд.: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7784058.

⁸ Бондаревская Е. В. Гуманистическая парадигма личностно-ориентированного образования и целостная педагогическая теория / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 6.

⁹ Берулава М. Н. Состояние и перспективы гуманизации образования / М. Н. Берулава // Педагогика. – 1996. – № 1. – С. 9-11.

Обобщая разные взгляды ученых на гуманизацию и гуманитаризацию образования и воспитания, можно сделать вывод, что это прорыв к наиболее качественному образованию, в котором не будет места для бездуховности и отчуждению детей и подростков от мировой и национальной культуры, поскольку гуманизация – это многоплановое социально-нравственное явление духовной жизни общества. О гуманистической системе образования говорят как о формирующей человека с холистическим мышлением, ориентированной на воспитание гармонически развитой личности¹⁰.

Конечно, образованность не обязательно ведет к духовности. Но разностороннее социально-гуманитарное образование служит той базой, на которой может действительно развиваться утонченная человеческая культура. А стержневым моментом является культура взаимоотношений между людьми, гуманизм в самом широком смысле слова.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983, с.130.
2. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969, с. 157.
4. Найдорф М.И. Введение в теорию культуры. Курс лекций. – Одесса.: Оптимум, 2002. – С. 144–165.
5. Горелов А.А. Развитие гуманизма (от древности до наших дней) [Электронный ресурс] / А.А.Горелов // Режим доступа к изд.: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-247592.html>.
6. Колесникова Т.И. Мир человеческих проблем. – М.: Владос, 2003. 208 с.
7. Туаева Б.В. Современные проблемы гуманизации образования: региональный аспект / Б.В.Туаева // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 9 – С. 87-88 Режим доступа к изд.: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7784058.
8. Бондаревская Е. В. Гуманистическая парадигма личностно-ориентированного образования и целостная педагогическая теория / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 11-17.
9. Берулава М. Н. Состояние и перспективы гуманизации образования / М. Н. Берулава // Педагогика. – 1996. – № 1. – С. 9-11.
10. Кузнецова А.Я. Реальный гуманизм современного образования / А.Я. Кузнецова // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 5 – стр. 83-84. Режим доступа к изд.: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780886

THE ESSENCE OF HUMANISM AND THE TRENDS OF ITS TRANSFORMATION IN THE CONDITIONS OF MODERN EDUCATION

L.A. PETROVA

*Kharkiv Air Force University
named after Ivan Kozheduba*

e-mail: Luida64@rambler.ru

The article discusses the emergence and development of the concept of "humanity", its influence trends in education. Modern science requires a change in the social and humanitarian sphere and the restructuring of the current system of education. It is shown in connection with the emergence of the modern concept of "humanism" reformed system of education.

Key words: humanism, kalokagatiya, education, training, humanization.

¹⁰ Кузнецова А.Я. Реальный гуманизм современного образования / А.Я. Кузнецова // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 5 – стр. 83-84. Режим доступа к изд.: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780886

УДК 17.022.1

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Б.А. ПОПОВ*Воронежский
государственный
университет**e-mail:
popovb@mail.ru*

В статье рассматриваются возможности применения социально-этических идей русской философии в контексте современного образования на примере Воронежской школы философской этики.

Ключевые слова: духовный кризис, социальная этика, русская философия, образование, высшая школа.

Ф. М. Достоевский в своем «Дневнике писателя» за 1876 г. много и страстно говорил о самоубийстве, выявляя его духовно-нравственные и психологические причины. Главным же он считал всеобщий индифферентизм к высшим целям жизни, который проявляется в отсутствии высшей идеи существования в душе молодого (преимущественно) человека. Это и есть, полагал Достоевский, «современная русская болезнь», «заевшая все души», и ставшая причиной бессознательной тоски по нигде не найденному высшему смыслу жизни. Он остается верен своей убежденности, что социальные нестроения имеют несоциальный источник: «А у меня именно есть таинственное убеждение, что молодежь-то наша и страдает, и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни. ...Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни».

Экзистенциальный тупик существования, который так глубоко почувствовал Достоевский в XIX веке, тупик, выразившийся в духовной индифферентности самодержавной эпохи, отмеченной все же глубоким смыслогенерирующим влиянием консерватизма и традиционных институтов культуры, несопоставим с духовным кризисом современности, пораженной постмодернистским релятивизмом, который сейчас уже можно назвать тотальным метафизическим индифферентизмом существования.

Современная культура, в которой, с одной стороны, сильны глобалистские идеи, а также постмодернистские тенденции нигилизации, находится в непростой ситуации. Сама идея глобализации основывается, по мнению исследователя В. А. Кутырева, на философии будущего – пост(транс)модернизме, «сутью которого является нигилизм, нигитология»¹. Это означает приоритет материального над духовным, по сути деградацию духовности ради материального.

На конференции «Актуальные проблемы русской философии» (Институт философии РАН, 4-6 ноября, 2006 г.) А. А. Гусейнов в своем приветственном слове отметил, что потенциал русской философии в области этики не полностью (даже плохо) востребован, и что сейчас необходимо обратиться к русской философии (этой «огромной машине») для развития социальных размышлений.

Действительно, в русской философии силен и духовный, и этический потенциал. Известный исследователь русской философской культуры Н. М. Зернов таким образом характеризует русское религиозное мировоззрение в целом: «Основное убеждение русского религиозного мышления – признание потенциальной святости материи, единства и священности всего творения и призвания человека соучаствовать в конечном его преображении... для русских не только дух, но плоть святы, что природный порядок благ и что греховное состояние лишь временное его поразило»².

Это существенное наблюдение, которое раскрывает те грани русской мысли, которые могут стать основанием для положительной работы по воссозданию и преображению мира. Этим и определен характер отечественной этики, отраженной в

¹ Кутырев В.А. Философия постмодернизма. – Нижний Новгород, 2006. – С.90.

² Зернов Н. М. Русской религиозное возрождение XX века. – Paris : YMCA-PRESS, 1991. – С.290,292.

русской философии, которая в большей степени концентрируется на положительных ценностях и состояниях человеческого бытия, и личного и социального.

Можно привести в качестве примера и ценное наблюдение П. Сорокина как социолога над нравственными особенностями русской интеллигенции: «Оглядываясь на прошлое нашей истории и, в частности, на историю интеллигенции в России, мы видим, что вся она есть сплошное самопожертвование, постоянное и неустанное «положение души за други свои», постоянная яркая любовь, не останавливающаяся ни перед какими жертвами»³.

Современный исследователь духовных традиций отечественной культуры А. А. Корольков размышляет о современной ситуации в философии и культуре следующим образом: «разрыв в русской культуре наступил тогда, когда опустела душа от того, чем наполнялась она столетиями, когда отвернулись русские люди от своей истории, в том числе и духовной, забыли самые необходимые душе молитвы и стали мыкаться по свету, по чужим религиям, книгам в поисках какого-то пристанища».⁴ Такое пристанище русский человек может найти только в возвращении к собственной традиции, поскольку «русская философия была озабочена спасением России как духовного материка, пристанище на котором может найти человек любой нации». Такова миссия русской философии, ее сущность, в которой социальное неотделимо от духовно-нравственного.

В переводе на язык социальной проблематики можно сказать, что как культуре нужна духовность, основанная на национальных традициях, так и социуму нужна этика. Это соответствует духу русской философии. Можно привести слова П. Б. Струве, который высказывается в духе приоритетности человека перед социальными структурами: «положительное изучение хозяйства и его развития, на мой взгляд, доказывает самым ясным образом, что не мифологические «производительные силы», управляющие человеком, а человек и именно его и именно его религиозная природа имеют решающее значение для экономического «прогресса»⁵. В целом философ убежден в приоритете нравственности над общественными институтами – экономикой и политикой.

В этом плане важным является вопрос о механизмах трансляции социально-этических идей русской философии в современное общество, которое находится в состоянии «экзистенциального вакуума». Самым надежным механизмом этой трансляции выступает образование. Но образование в рамках академических стандартов высшей школы, увы, сегодня не в состоянии выполнить эту задачу. Важно поэтому искать такие нестандартные формы в образовательном пространстве, которые могли бы оказывать позитивное влияние на духовную жизнь современного общества.

В этом контексте хотелось бы остановиться на деятельности Воронежской школы философской этики, в рамках которой происходит формирования институтов социальной этики в современной обществе. В 2007 г. при Воронежском государственном университете был организован Научно-образовательный центр социальной этики. Основная миссия Центра заключается в том, чтобы способствовать развитию этики как философской науки и повышению нравственной культуры в современном обществе. В задачи Центра входит создание на базе ВГУ многоступенчатой системы этического образования, включающее открытие аспирантуры, кафедры, диссертационного совета по этике.

Приоритетными направлениями деятельности Центра являются: исследование фундаментальных теоретических и прикладных проблем современной этики; изучение нравственного пласта русской философии; исследование современных гуманитарных технологий в сфере этического образования и содействие содержательному и методологическому обновлению этики как университетской дисциплины.

В рамках Центра на базе факультета философии и психологии ВГУ с апреля 2007 г. проводится регулярный Этико-философский семинар им. Андрея Платонова. Образ писателя Платонова, олицетворяющий наиболее сущностные черты отечественной философской традиции, такие как этический онтологизм и литературоцентризм, задает должный уровень философской работе семинара. Выработка философской культуры, коренящейся в нравственных традициях русской мысли – такова главная задача семинара, сов-

³ Сорокин П. Социальная и культурная динамика : Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общест. отношений. – СПб. : Рус. Христиан. гуманит. ин-т, 2000. – С.165.

⁴ Корольков А.А. Русская духовная философия / А.А. Корольков. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1998. – С. 35.

⁵ Струве П.Б. *Patriotica* : Политика, культура, религия, социализм. – М. : Республика, 1997. – С.302.

падающая с духовным императивом для современного философского процесса в России. За это время прошло около тридцати семинаров, которые были посвящены различным темам, среди которых следующие: «Этический контекст современной культуры», «Этика и медицина», «Этика и литература», «Наука, религия, философия: современный контекст», «Смерть как феномен культуры», «Русская философия сегодня (идеи и направления)», «Андрей Платонов и Мартин Хайдеггер: философия языка и язык философии», «Этика и философия в образовании и культуре», «Тоска по русскому аристократизму», «Чем дорога нам философия?» и др.

Этико-философский семинар им. Андрея Платонова является продолжением традиционных межвузовских конференций по этике, проводимых ежегодно в Воронежской государственной лесотехнической академии с 1995 по 2007 гг. под руководством проф. В. П. Фетисова (1941-2009), сформировавшего школу современной этической мысли, основанную на традициях русской нравственной философии.

Эти конференции – пример попытки возвращения нравственных ценностей и смыслов в современную культуру через обращение к русской философии. В разные годы в работе конференции принимали участие современные философы-этики и историки русской философии из различных регионов: А.А. Гусейнов (Москва), В.Н. Шердаков (Москва), Т.А. Кузьмина (Москва), М.Н. Громов (Москва), Н.А. Куценко (Москва), В.А. Вазюлин (Москва), А.А. Никольский (Москва), Н.Д. Зотов-Матвеев (Тюмень), В.И. Бакштановский (Тюмень), Ю.В. Согомонов (Владимир), В.Т. Ганжин (Москва), В.Ш. Сабиров (Новосибирск), О.С. Соина (Новосибирск), О.С. Пугачев (Пенза), А.А. Скворцов (Москва), Е.Л. Дубко (Москва), Е.А. Зимбули (Санкт-Петербург), Н.И. Мартыненко (Воронеж), В.И. Авдеев (Воронеж), Б.В. Васильев (Воронеж), В.Ю. Даренский (Киев) и др.), а также гуманитарии широкого профиля, среди которых литературоведы, политологи, критики, педагоги, историки, писатели и богословы: С.Г. Семенова (Москва), Б.Н. Тарасов (Москва), А.С. Панарин (Москва), А.Г. Гачева (Москва), В. Меденица (Сербия), о. Андрей Кураев (Москва), Ю.М. Бородай (Москва), В.В. Будаков (Воронеж), Е.Г. Новичихин (Воронеж), В.М. Акаткин (Воронеж), Е.П. Белозерцев (Елец), С.В. Хатунцев (Воронеж), В.К. Невярович (Воронеж) и др.

Основная идея всех этих мероприятий – анализ явлений современной общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни в России через призму нравственных абсолютов. Перечень названий конференций свидетельствует об этом: «Нравственные основы предпринимательской деятельности» (1995); «Россия и США: пути равноправного сотрудничества» (1997); «Экология и нравственность» (1998); «Россия накануне XXI века: новые вехи» (1999); «Россия на перепутье: социализм или капитализм?» (2000); «Философия о смерти и бессмертии человека» (2001); «Философия и религия» (2002); «Особенности преподавания философии в вузе» (2003); «Трагическая философия Андрея Платонова» (2004); «Нравственная философия в России: состояние и перспективы» (2005); «Современная Россия: забвение Абсолютов» (2006), «Русская философия о преображении мира и человека» (2007).

Необходимо отметить, что уже на первой конференции «Нравственные основы предпринимательской деятельности» (1995) был дан глубокий социально-этический анализ современности на основе наработок русской мысли, который крайне актуален сегодня. Работы А. А. Гусейнова «Мораль и рынок», В. Н. Шердакова «Нравственность и предпринимательская деятельность», В. П. Фетисова «Экономика и нравственность», можно считать «классическими» в этой теме. В них сформулированы «нравственные каноны» для предпринимателей, исходя из особенностей отечественной историко-культурной и духовной традиции; показаны опасности, связанные с чисто прагматическими целями, которые может ставить перед собой бизнес; дан сравнительный анализ аксиологических парадигм экономической деятельности России и Запада в контексте православной и протестантской этики и т. д.

Эти конференции подтверждают верное наблюдение ученых из Института философии о «глубокой мировоззренческой нагруженности социальных наук в России»: «Традиционным обществам, в отличие от современных (modern) западных, присуще религиозное, не научное обоснование социальных сдвигов, преобладание мировоззренческого знания над научным и над технологиями»⁶.

⁶ Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В.Г. Федотова; Рос. акад. наук. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2001. – С.186.

В то же время эти конференции свидетельствуют о том, что в некотором роде сбываются пророчества П. Сорокина относительно неизбежности катарсиса после глубокого духовного кризиса. Мыслитель был убежден, что после очищения трагедией, страданием и распятием, люди снова обратятся к разуму, к вечным, непреходящим, универсальным и абсолютным ценностям. На смену атомизации должны прийти универсализация и абсолютизация ценностей.

В этом контексте можно согласиться с мнением Н. В. Голик относительно возможностей этики в современной культуре: «Этика вряд ли изменит мир, но она может помочь осознать тупики и парадоксы затянувшегося кризиса»⁷. Это не маловажная функция, которую способна осуществить лишь этика. Вот почему этический анализ незаменим в современной социальной мысли.

Таким образом, современный философский процесс в России отмечен значительной тенденцией в сторону этического анализа социальной реальности. Это императив времени, так как построение новой социокультурной действительности немислимо без этического осмысления и этического оправдания жизни. В этом сходятся представители различных философских направлений и идеологических убеждений. Хотелось бы закончить работу вдохновенными словами П. Б. Струве, которые можно считать этическим credo мыслителя, в котором органично и глубоко взаимосвязаны духовные, нравственные и социальные идеи, актуальные сегодня. Здесь этический пафос имеет социальное значение. Струве надеется, что возродится «идея личного подвига и личной ответственности», которая преобразует и личность и общество: «Человек как носитель в космосе личного творческого подвига – вот та центральная идея, которая мирно или бурно, медленно или быстро захватит человечество, захватит его *религиозно* и волеет в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера»⁸.

Итак, основные выводы, которые необходимо использовать в современной образовательной стратегии высшей школы таковы:

- современный духовный кризис культуры – кризис по-преимуществу нравственный;
- в современной философии и культуре имеет место сильная тенденция к построению институтов социальной этики;
- в современной философии и культуре существует понимание значимости русской нравственной философии для создания отечественного варианта социальной этики.

Список литературы

1. Кутырев В.А. Философия постмодернизма. – Нижний Новгород, 2006.
2. Зернов Н. М. Русской религиозное возрождение XX века. – Paris : YMCA-PRESS, 1991.
3. Сорокин П. Социальная и культурная динамика : Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общест. отношений. – СПб. : Рус. Христиан. гуманит. ин-т, 2000.
4. Корольков А.А. Русская духовная философия / А.А. Корольков. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1998.
5. Струве П.Б. *Patriotica* : Политика, культура, религия, социализм. – М. : Республика, 1997.
6. Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В.Г. Федотова; Рос. акад. наук. Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2001.
7. Голик Н.В. Этическое в культуре / Н.В.Голик. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

SOCIAL AND ETHIC PERSPECTIVE OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN MODERN EDUCATION

V.A. POPOV

Voronezh State University

e-mail:
popovb@mail.ru

The article discusses the possibility of social and ethical ideas of Russian philosophy in the context of modern education in the example of the Voronezh school of philosophical ethics.

Key words: spiritual crisis, social ethics, Russian philosophy, education, high school.

⁷ Голик Н.В. Этическое в культуре / Н.В.Голик. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 254.

⁸ Струве П.Б. *Patriotica* : Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С.334.

УДК 37.01:001.8

ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Д.В. ПЧЕЛЬНИКОВА*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина**e-mail: Ved2_Phil@bsu.edu.ru*

В данной статье автор рассматривает кризисные явления в современной системе образования с точки зрения глобального кризиса культуры.

Ключевые слова: глобализация, кризис образования, философия культуры, кризис культуры.

Сегодня в научной литературе, с телевизионных экранов, да и просто в обычном разговоре очень часто можно услышать слово «кризис» в его различных интерпретациях и сочетаниях. Этимология термина «кризис» восходит к греческому Κρίσις, который переводится как суд, поворотный пункт, решительный исход, резкий крутой перелом, тяжелое переходное состояние¹. Подобное понятие в настоящее время может быть отнесено к сферам медицины, культуры, экономики, политики и т.д., очень часто говорят о глобальном экономическом кризисе, кризисе культуры. Современное кризисное состояние важнейших социальных институтов – это обратная сторона научно-технического и социально-экономического прогресса мирового сообщества, это «не что иное, как необходимость определенной переоценки ценностей, в чем не сомневается современная научная мысль»². Начиная с 90-х гг. XX века данный термин регулярно употребляется и по отношению к образованию.

В образовании, как и во всем нашем обществе, «происходит процесс коренной трансформации, глубинного преобразования, перехода от одной системы отношений к другой, процесс, отвечающий вызовам современной эпохи»³. Каждое время предъявляет к образованию свои требования, их можно назвать «социальными вызовами времени»⁴.

В.М. Розин первым по значению вызовом считает «требования со стороны будущего»⁵, а будущее, о чем нельзя забывать, – это последствия действий и поступков в настоящем. Для успешной самореализации в профессии в будущем (мы имеем в виду прогнозы на ближайшее будущее) современность предлагает образование в течение всей жизни (life-long education), однако, по мнению А.Г. Пырина, данная модель считается «заведомо незавершенной»⁶. Еще несколько лет назад получение высшего образования предполагало приобретение фундаментальных знаний, и затем их дальнейшее пополнение в течение профессиональной деятельности. Сегодня быстрая смена требований к профессиональным компетенциям обесценивает такие знания. И именно здесь обнаруживается одно из глубоких противоречий современной системы образования, которое отражено в основополагающих принципах Болонского процесса. Так, например, многие исследователи данной реформы отмечают, что накопление академических единиц, а также возможность выбора собственного темпа и ритма обучения, полностью противоречат априорному представлению о высшем образовании. Накопление академических единиц предполагает, что однажды полученные знания остаются «действительными» на всю жизнь, и образовательная траектория человека складывается из всех прослушанных им курсов, даже если они относятся к различным наукам. Получается, что не надо более подтверждать квалификацию, постоянно совершенствоваться в профессии, однажды

¹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М. 1991. – С. 260.

² Шалимова Л.А. Кризис в эпоху глобальных проблем // Власть. – 2010. – № 10, – С. 93.

³ Миронов А.В. Приоритетные принципы развития современного российского образования // СТЗ. – 2010. – № 6, – С. 30.

⁴ Розин В.М. Объективная необходимость реформирования российского образования // СПЖ. – 1997. – № 3, – С. 145.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Пырин А.Г. Примитивизация в условиях глобализации // Вестник РФО. – 2010. – № 1, – С. 147.

приобретенные знания становятся «вечными», хотя при современных темпах развития науки и техники это практически невозможно. Исследования показывают, что «ежегодно обновляются 5% теоретических и 20% профессиональных знаний. Таким образом квалификация теряется менее, чем за 5 лет. Поэтому накопительный характер образовательных услуг объективно ведет к снижению качества образования»⁷. Можно предположить, что это само собой разумеющееся, когда человек самостоятельно повышает уровень своей профессиональной компетенции в свободное от работы время. И здесь, безусловно, срабатывает один из механизмов конкурентной борьбы, или принцип естественного отбора, когда «выживает сильнейший», или, чтобы достойно проявить себя в профессии, надо быть лучшим. Что же касается выбора собственного темпа и ритма обучения, то образование становится не комплексным и систематическим, а удобным студенту, что также может привести к снижению его качества.

Еще одним глобальным вызовом современности можно считать несоответствие современной системы образования запросам общества, или «исчерпанность педагогической парадигмы»⁸. Образование должно носить опережающий характер. Реформирование же сегодняшнего образования нацелено на «оптимизацию» старых образовательных традиций. Получается, что «студенты, родившиеся в новых современных условиях, приобретают старые знания, рассчитанные на иную социально-политическую и экономическую ситуацию»⁹. Профессорско-преподавательский состав склонен рассматривать студенчество как вполне устойчивую систему. Однако в современных условиях этот коллектив под влиянием глобально складывающейся искусственной среды предстает динамично воспроизводимой структурой; и педагогика должна учитывать его неизбежную изменчивость.

В настоящее время «глобализация не существует без глобализма, где глобализм – сведение всего к рынку. Главная черта глобализации – универсализация рынка как единственного средства якобы нормального развития общества»¹⁰. В контексте глобализации формируется общество потребления, и те аспекты человеческой деятельности, которые традиционно относились к духовно-нравственной сфере, подвергаются влиянию рынка, где главное – успешно продать свой товар. Сфера образования тоже подчиняется рыночным отношениям, и следует отметить, что язык достаточно четко отреагировал на подобные изменения. Сегодня уже говорят не об образовании, а о «предоставлении образовательных услуг». Образование сегодня – это также товар, а студенты, слушатели, – его потребители; потребитель всегда должен быть доволен, а если нет, то он будет получать необходимые ему услуги в другом месте. Ко всему прочему, образование – «это товар скоропортящийся»¹¹, если учитывать динамику современного общества.

С одной стороны, если вдуматься в этимологический аспект словосочетания «образовательные услуги», то образование всегда оказывалась на «службе» у государства, конкретной социальной общности, эпохи и выполняло социальный заказ на «требующегося специалиста», гражданина «с определенным набором качеств личности» и т.д. С другой стороны, в современном обществе потребления образование теряет свою аксиологическую составляющую, переходит из духовной сферы в сферу именно «получения/предоставления услуг», и последствия такого перехода непредсказуемы.

Коммерциализация образования и науки, превращение научных результатов в «продукты» потребления, создание инновационных проектов, обладающих исключительно рыночной (коммерческой) ценностью – это все характерные черты сегодняшнего времени¹². Панфилова Т.В. утверждает, что «реформа высшего образования оправдана,

⁷ Силичев Д.А. Болонский процесс и модернизация образования в России // ВФ. – 2009. – № 8, – С. 87-88.

⁸ Розин В.М. Объективная необходимость реформирования российского образования // СПЖ. – 1997. – № 3, – С. 145-152.

⁹ Неретина С.С. Рациональность и ценностно-духовные начала в науке и образовании. Круглый стол журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов // Человек. – 2009. – № 4, – С. 19.

¹⁰ Пырин А.Г. Примитивизация в условиях глобализации // Вестник РФО. – 2010. – № 1, – С. 148.

¹¹ Титов С.А. Образование в точке бифуркации // ОНС. – 2010. – № 4, – С. 79.

¹² Климова С.М. Рациональность и ценностно-духовные начала в науке и образовании. Круглый стол журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов // Человек. – 2009. – № 4, – С. 22.

если она направлена на совершенствование образовательного процесса, если она способствует развитию личности как студента, так и преподавателя»¹³. Нынешняя реформа высшего образования не в полной мере отвечает данным требованиям. А «модный сейчас компетентностный подход в образовании исходит из наделения человека конкретными компетенциями, позволяющими эффективно применять полученные знания в конкретных областях предметно-практической деятельности»¹⁴.

Как отмечалось выше, в кризисном состоянии находится не только сфера образования, которая неразрывно связана со всеми сферами человеческой жизнедеятельности. Образование неотделимо от культуры, национальные образовательные системы – от культуры страны, даже единое европейское образовательное пространство – от культуры Европы. То, что культура находится в состоянии кризиса, отмечается уже в течение длительного времени, а О. Шпенглер предсказывал это еще в начале XX века в своей работе «Закат Европы». Данный кризис многие связывают с формированием «массовой культуры», человека, ориентированного на потребление, что, естественно, находит свое отражение в социальном заказе общества на «образованного человека». Культура для многих ассоциируется с традициями, обычаями страны, человечества в целом, историческим наследием и т.д. Образование, являясь частью культуры, тоже должно иметь свои традиции и обычаи. Однако в последние 20 лет образование как на Европейском континенте (в том числе и в России, хотя причины реформирования различны) находится в состоянии перманентного реформирования, и данные реформы не всегда благоприятно сказываются на сохранении культурных традиций. Так Болонский процесс предполагает двухступенчатую систему высшего образования (бакалавр/магистр), что характерно для англосаксонских стран, а там, где структура высшего образования отличается, необходим переход к ней, что уже нарушает культурные традиции отдельных государств.

Один из основателей классической системы образования Я.А. Коменский в работе «Великая дидактика» отразил цели и назначение образования в виде трех принципов: социальной полезности (нужно преподавать то, что приносит пользу), социального равенства (все без социального различия могут получить образование) и универсальности знаний (многообразие изучаемых наук). Таким образом, образование понимается как «инструмент идеологического конструирования, механизм транслирования и утверждения принятой в данном обществе системы ценностей»¹⁵. Образование – это действительно ценность, и при проведении различного рода реформ нельзя забывать об этом. Ведь, как уже отмечалось выше, будущее – это результат настоящего.

Список литературы

1. Акулич М.М. Образование в условиях глобализации // Глобализация и университет. 2005. № 3, с. 50-57.
2. Бирюкова М.А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур//ФН. – 2001. – № 1, с. 33-42.
3. Виноградова Е.В. Трансформация национального самосознания в глобализирующемся мире//Вестник РФО. – 2010. – № 1, с. 142-145.
4. Воронович Б.А., Торукало В.П. Человек в глобализирующемся мире: проблемы и тенденции//СГЗ. – 2004. – № 4, с. 175-185.
5. Галаган А.И., Прянишникова О.Д. Интегрируется ли Россия в Европейскую зону высшего образования: проблемы и перспективы Болонского процесса//СГЗ. – 2004. – № 4, с. 219-238.
6. Гатиева А.М. Институт образования в контексте социокультурных смыслов и ценностей современного общества. – Власть. – 2010. – № 9, с. 34-37.
7. Гранин Ю. Что такое «глобализация»? // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 116-117.

¹³ Панфилова Т.В. Реформирование высшего образования в России: демократизация или бюрократизация? // ОНС. – 2010. – № 4, – С. 69.

¹⁴ Неретина С.С. Рациональность и ценностно-духовные начала в науке и образовании. Круглый стол журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов // Человек. – 2009. – № 4, – С. 28.

¹⁵ Рысакова П.И. Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности//ФН. – 2010.- № 10, – С. 117.

8. Грехнёв В.С. Образование как социальный феномен и объект исследования // Вестник МУ. Сер. 7. Философия. – 2010. – № 6, с. 66-78.
9. Григорьев С.И. Экспертные оценки отношения россиян к реформе высшей школы//Социс. – 2008. – № 11, с. 116-118.
10. Дергачёва Е.А. Социотехноприродная глобализация: процессы и проблемы//Вестник РФО, – 2010. -№ 1, с. 146-147.
11. Карпов А.О. Научное образование в современной школе//НО – 2004. – № 9, с. 47-56.
12. Карпов А.О. Образовательная эпистемология и трансформация знаний // Вестник МУ. Сер. 7. Философия. – 2010. – № 6, с. 79-92
13. Карпов А. О. Современная теория научного образования: проблемы становления//ВФ. – 2010. – № 5, с. 15-24.
14. Карпов А.О. Современное образование и знание//ФН. – 2010. – № 4, с. 127-138.
15. Колесников В.А., Коноплев Н.С., Тощева Е.Е. Образовательный настрой нашего времени//Вестник РФО. – 2010. – № 1, с. 16-21.
16. Колосова О.Ю. Глобальный кризис и проблема самоидентификации России//Вестник РФО. – 2010. – № 1, с. 140-142.
17. Краевский В.В. Науки об образовании и наука об образовании (методологические проблемы современной педагогики) // ВФ. – 2009. – № 3, с. 77-82.
18. Логунова О.С. Образование как составляющая качества жизни//Вестник МУ. Сер. Социология и Политология. – 2009. – № 3, с. 164-167.
19. Максимова М.В. Общество XXI века – «цивилизация инноваций»: методологические аспекты//Вестник РФО. – 2009. – № 1, с. 190-192.
20. Мариносян Х.Э. Императивы модернизации национального государства в эпоху глобализации //ФН. – 2011. – № 1, с. 5-17.
21. Межуев В.М. Российская модернизация и культура // ФН. – 2011. – № 1, с. 18-31.
22. Миронин С.С. Истинные цели реформы высшего образования и Болонского процесса//Конфликтология. – 2007. – № 2, с. 106-122.
23. Миронов А.В. Приоритетные принципы развития современного российского образования//СГЗ.- 2010. – № 6, с. 28-45.
24. Осипов А.М., Карстанье П., Тумалиев В.В., Зарубин В.Г. О социальном партнерстве в сфере образования//Социс. – 2008. – № 11, с. 108-115.
25. Панфилова Т.В. Реформирование высшего образования в России: демократизация или бюрократизация? //ОНС. – 2010. – № 4, с. 65-72.
26. Песегова Е.В. О некоторых аспектах развития образования в обществе рисков//Власть. - 2010.- № 10, с. 54-56.
27. Петрович О.Г. Глобализация системы высшего образования в России: основные направления деятельности // Известия Саратовского университета. 2009. Т.9. Сер. Социология. Политология. Вып.2. С. 31-34.
28. Пещеров В.Г. Россия перед выбором: проблемы отечественного образования//Власть. – 2010. – № 3, с. 62-64.
29. Понарина Н.Н. Базовые идеи концепции глобализации в современных условиях // Власть. – 2010. – № 9, с.64-65.
30. Понарина Н.Н. Базовые идеи концепции глобализации в современных условиях // Власть. – 2010. – № 9, с.64-65.
31. Порус В.Н. Интеллект как культурная ценность//Вестник РФО. – 2009. – № 1, с. 79-85.
32. Пырин А.Г. Примитивизация в условиях глобализации//Вестник РФО. – 2010. -№ 1, с. 147-152.
33. Ракитов А.И. Наука, образование и супериндустриальное общество: реалистический проект для России//ВФ. – 2009. – № 10, с. 60-69.
34. Розин В.М. Объективная необходимость реформирования российского образования //СПЖ. – 1997. – № 3, с. 145-152.
35. Рысакова П.И. Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности//ФН. – 2010.- № 10, с. 110-127.
36. Санина А.Г. Условия интеграции науки, образования и бизнеса в современной России//Социс. – 2010. – № 7, с. 122-129.
37. Силичев Д.А. Болонский процесс и модернизация образования в России//ВФ. – 2009. – № 8, с. 81-91.
38. Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 608 с
39. Сорина Г.В. Новый синкретизм в системе подготовки специалистов высшей квалификации//ФН. – 2009. – № 9, с. 89-101.
40. Титов С.А. Образование в точке бифуркации // ОНС. – 2010. – № 4, с. 73-81.

41. Торосян В.Г. Любовь к смыслу как смысл образования//Вестник РФО. – 2010. – № 2, с. 97-101.
42. Тощенко Ж.Т. Цивилизация. Опыт социологического анализа//ФН. – 2010. – № 11, с. 5-16.
43. Трубицын Д.В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ //ВФ. – 2009. – № 8, с. 39-55.
44. Трубицын Д.В. Онтологический статус культуры и ее роль в процессе модернизации//ФН. – 2010. – № 11, с. 36-52.
45. Тульчинский Г.Л. Глобализация, постчеловечность и проблема цивилизационного выбора России//ФН. – 2010. – № 11, с. 17-35.
46. Федотова В.Г. Механизмы ценностных изменений общества//ФН. – 2010. – № 11, с. 53-63.
47. Федотова В. Г. Российское развитие в условиях глобализации // ФН. 2001. № 1, с. 5-19.
48. Хагуров Т.А. Образование в стиле «пепси» (полемиические заметки)//Социс. – 2010. – № 7, с. 96-103.
49. Чумаков А.Н. Мировой кризис как шанс для России// Вестник МУ. Сер. Социология и Политология. – 2009. – № 3, с. 54-57.
50. Шалимова Л.А. Кризис в эпоху глобальных проблем//Власть. – 2010. – № 10, с. 93-95.
51. Шалимова Л.А. О природе современного кризиса в России//Власть. – 2010. – № 12, с. 58-59.
52. Шевченко В.Н. Модернизация или национальный путь развития России? // ФН. – 2011. – № 1, с. 46-59.
53. Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // ВФ. – 2008. – № 12, с. 3-21.

REFLECTION OF THE GLOBAL CRISIS OF CULTURE IN EDUCATION

D.V. PCHELNIKOVA

Yelets Bunin State University

e-mail:Ved2_Phil@bsu.edu.ru

In this article the author focuses on the crisis phenomena in modern system of education from the point of view of the global crisis of the culture, while education itself is considered to be its part.

Key words: globalization, crisis of culture, crisis of education.

УДК 811.161.1'243'27

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ)

Д.И. РОМЕРО ИНТРИАГО
О.Н. КРАВЧЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Ved2_phil@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются общие вопросы взаимосвязи понятий «язык» и «культура», а также проблемы анализа национально-культурного содержания русских и китайских поговорок и поговорок, который позволяет раскрыть особенности взаимодействия системы «язык – культура – личность», выявить специфику паремий с зоосемическим компонентом, включаемых в программу обучения иностранного студента-филолога.

Ключевые слова: соотношение языка и культуры; источник культурных знаний; национально-культурная специфика; языковые единицы; эмоциональная окраска; лингвометодический анализ; паремии; межкультурная коммуникация; языковая личность; зоосемический компонент.

Проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, начиная с 19 века и до настоящего времени, является одной из основных как в лингвистике, так и в лингвометодике. Решению этой проблемы были посвящены работы В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Е.М. Верещагина, В.В. Воробьева, С.А. Кошарной, Е.Ф. Тарасова и других исследователей, основные выводы которых можно свести к следующему:

- 1) всякая культура, как материальная, так и духовная, национальна, и воплощается она в языке (В. Гумбольдт, А.А. Потебня и др.);
- 2) национальный характер культуры выражен в национальном языке посредством видения мира, то есть языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением «народного» духа, его культуры (В. Гумбольдт и др.);
- 3) язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре; язык есть звено между человеком и окружающим его миром;
- 4) язык и действительность взаимосвязаны и структурно сходны; язык включен в культуру так же, как и культура включена в язык, то есть язык, культура, действительность взаимосвязаны (Е.Ф. Тарасов и др.).

Язык и культура, будучи семиотическими системами, имеют много общего. **Более того, язык является неотъемлемой частью культуры. Национальные особенности мышления, мировоззрение человека отражаются в языке.**

Таким образом, язык и культура существуют в диалоге между собой, язык включен в культуру, поскольку сам знак является культурным кодом, в форме которого определена языковая и речевая способность человека, а значение знака как культурного образования возникает только в деятельности человека. В свою очередь, культура включена в язык, так как она смоделирована в тексте.

Взаимосвязь языка и культуры проявляется: а) в процессе коммуникации; б) в процессе формирования языковых способностей человека. Различаются эти две сущности следующим: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура – знаковая система (подобно языку), но она неспособна самовыражаться; 3) как уже отмечалось нами, язык и культура – это разные семиотические системы.

Проблема соотношения языка и культуры сложна и многоаспектна, и в решении этой проблемы в лингвистике наметилось несколько подходов. **Первый подход** связан с работами Е.И. Кукушкина, Э.С. Маркарена и др., основные положения которых сводятся к следующему: так как язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык – простое отражение культуры. Изменяется действительность, меняются и культурно-национальные стереотипы, изменяется и сам язык. Одна из попыток ответить на вопрос о

влиянии отдельных фрагментов (или сфер) культуры на функционирование языка оформилась в **функциональную стилистику** Пражской школы и современную **социолингвистику**.

Таким образом, если воздействие культуры на язык вполне очевидно (именно оно изучается в первом подходе), то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым. Незавершенность этой проблемы вызвало появление **второго подхода**, представители которого (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир, Б. Уорф и др.) рассматривали язык «как мир, лежащий между внешними явлениями и внутренним миром человека»¹; язык не существует вне нас и как объективная данность находится в нас самих, в нашем сознании и в нашей памяти. При этом Э. Сепир и Б. Уорф подчеркивают, что а) язык обуславливает способ мышления говорящего на нем народа; б) от языка зависит способ познания реального мира. В рамках второго подхода исследовали эту проблему школа Э. Сепира и Б.Уорфа, различные школы неогумбольдтианцев, разработавшие так называемую гипотезу лингвистической относительности.

В основе этой гипотезы лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Для ее сторонников реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность при-сущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира».

Совершенно иную точку зрения имеют исследователи Б.А. Серебrenников, Г.В. Колшанский, Р.М. Фрумкина, Э. Холленштетт и другие, а именно:

- источником понятий являются предметы и явления окружающего мира, и новый язык в своем генезисе есть результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир;
- язык приспособлен к особенностям физиологической организации человека, которые возникли в результате длительного приспособления человека к окружающему миру;
- язык – факт культуры, потому что а) он составляет часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; б) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; в) важнейшее из всех явлений культурного порядка, так как если мы хотим понять сущность культуры (науку, религию, литературу), то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку. Поэтому концептуальное осмысление культуры может быть осуществлено только посредством языка.

Эти положения отражают суть **третьего подхода** к решению проблемы соотношения языка и культуры. Поскольку каждый носитель языка является одновременно и носителем культуры, то «языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат орудием представления основных установок культуры» (Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, В.Г.Костомаров). Более того, язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. При этом языковые нормы соотносимы с установками культуры. Культура формируется и развивается в «языковой оболочке». Язык же обслуживает культуру, но не определяет ее. Субъектом языка и культуры является личность или языковая личность, индивидум или социум.

В настоящее время как в собственно лингвистических, так и в прикладных (лингвометодических) целях проводятся значительные исследования национально-культурной специфики языковых единиц, то есть изучение зафиксированного в языке отображения особенностей духовной и материальной культуры того или иного народа.

В **лингвистическом плане** национальные особенности семантики языковых единиц представляют интерес с точки зрения выявления отраженной в них специфики языковой картины мира, присущей тому или иному народу. В **лингвометодическом плане** такие исследования позволяют выявить языковой материал, актуальный в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ценным источником культурных знаний являются пословицы. Они тесно связаны с историей и культурой русского народа. Русские пословицы позволяют иностранным студентам в процессе изучения русского языка получить информативные картины русской жизни и русского быта, представления о национальном характере, религиозных пред-

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.

ставлениях, традициях, обычаях, праздниках русского народа, так как их «можно назвать хранилищем многовекового коллективного опыта людей, народной мудрости и национальной культуры»².

Изучение паремий в иностранной аудитории и овладение ими способствует переходу на другую знаковую систему, необходимую для формирования «вторичной» языковой личности иностранных студентов-филологов.

Известный тезис о том, что обучение иностранному языку понимается как обучение общению (В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова, Ю.Е. Прохоров и др.) означает, что изучающие язык вынуждены находиться в измерениях двух различных социокультурных общностей, рефлектируя на специфику двух различных лингвосоциумов³. При этом следует подчеркнуть, что усвоение языка – это не только овладение средствами межкультурной коммуникации, но усвоение языка – это, прежде всего, овладение средствами социальной коммуникации через усвоение инокультурной картины мира, в том числе и иноязычной картины мира.

Эффективное овладение русским языком будет зависеть от того, насколько успешно будет усваиваться информация национально-культурного характера, выраженная национально-культурной семантикой языковых единиц (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

В последние годы во всех дисциплинах так или иначе связанных с языком не только в лингвистике, но и в психолингвистике, этнолингвистике существенно повысился интерес к личностному аспекту изучения языка (О.И. Блинова, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, Р.И. Павеленис, Р.М. Фрумкина, И.И. Халеева и др.).

Сегодня целью обучения иностранным языкам, в том числе русскому языку как иностранному, признается воспитание «вторичной» языковой личности, способной проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация⁴. Процесс формирования такой личности связан с формированием в сознании обучающегося языковой картины мира, присущей носителям изучаемого языка. Следовательно, базисным для современной концепции формирования «вторичной» языковой личности является понятие «картины мира». Каждому народу присуща своя картина мира, и в каждом случае можно говорить о национальной картине мира, которая всегда своеобразна.

В рамках процесса обучения русскому языку как иностранному формирование представлений о картине мира осуществляется посредством формирования в сознании иностранных учащихся *языковой картины мира*, являющейся компонентом картины мира народа, закодированном в системе его языка, т.е. в лексиконе и грамматике.

Лингвометодический анализ русских паремий позволил раскрыть особенности русской картины мира, показать взаимодействие системы «культура – язык – личность», выявить специфику культурно-значимых единиц языка как сложных знаковых образований.

Например, в китайском языке, как и в русском, имеются устойчивые речевые обороты, называемые пословицами и поговорками. Происхождение их различно, однако, функция вполне определенная – стилистическая. Служат они для придания речи определенного стиля и эмоциональной окраски. По-китайски они называются чэньюй 成语 (chengyu) и состоят обычно из четырех слогов, хотя бывает и больше. Основной костяк чэньюев составляют выражения, оставшиеся от вэньяня 文言 (wenyan) – древнекитайского письменного языка. Так как вэньянь имеет очень мало общего с современным языком, понять смысл многих чэньюев путем осмысления составляющих иероглифов весьма затруднительно. Их надо просто изучать. Поэтому знание чэньюев является признаком образованности. Но, не все чэньюи являются пришельцами из древности. Очень много таких, которые имеют недавнее происхождение и поэтому смысл их понятен. В китайском

² Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Учебное пособие для педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1992. – С.51.

³ Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высшая школа., 1989.

⁴ Игнатова И.Б. Учет родного языка студентов при формировании коммуникативной компетенции // Пути интенсификации процесса обучения иностранных студентов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1995. – С. 125-137., Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высшая школа., 1989.

языке много пословиц и поговорок с зоосемическим компонентом. При переводе на русский язык данные пословицы могут быть переданы по-разному:

1. В китайской пословице присутствует название животного, в русском эквиваленте не сохраняется название животного.

骑虎难下

qi hu nan xia

Дословный перевод: **Кто сидит на тигре, тому сложно с него слезть**

Значение: Волей-неволей приходится продолжать начатое

一丘之貉

Русский вариант: **Взялся за гуж, не говори, что не дюж.**

yi qiu zhi he

Дословный перевод: **Шакалы с одного холма.**

Русский вариант: **Одним миром мазаны; одного поля ягода.**

При переводе китайских пословиц с зоосемическим компонентом на русский язык может быть и полное совпадение.

老马识途

lao ma shi tu

Дословный перевод: **Старый конь знает дорогу.**

Значение: как ни крути, а опыт – важная вещь.

Русский вариант: **Старый конь борозды не испортит.**

Значение китайской пословицы без зоосемического компонента передано в русском эквиваленте с использованием зоонима.

官官相护

guan guan xiang hu

Дословный перевод: **Чиновники друг друга защищают.**

Значение: Покровительство друг друга. Эдакая цеховая солидарность.

Русский вариант: **Ворон ворону глаз не выклюет.**

养虎遗患

yang hu yi huan

Дословный перевод: **Разрушения и бедствия от взращенного тигра.**

Русский вариант: **Пригреть змею на груди.**

Таким образом, данные тексты высокоинформативные, так как в силу своего огромного лингвострановедческого потенциала они расширяют комплекс знаний инокультурного реципиента об истории, традициях, географии их народа-творца. Более того, они показывают совершенно особый и неповторимый взгляд народа на окружающую его представителей действительность. Часть фразеологизмов с зоонимом может совпадать лишь концептуально. Иными словами, картины мира китайской и русской лингвокультурных общностей, имея ряд общих пересечений, не являются полностью им тождественными.

Национальная специфика зооморфных единиц проявляется в различных приоритетах человеческой деятельности, свойств характера, предпочитаемых или осуждаемых личностных качеств мужчин и женщин в различных лингвокультурах, а так же в том, что одному и тому же животному в разных языках могут приписываться различные человеческие качества, или же различные животные могут быть «носителями» одного и того же качества.

Интересными для изучения являются также пословицы с ключевым словом «труд». В русском языке часто встречаются пословицы с ключевым словом *труд, дело*. *Ученье и труд все перетрут. Делу время, а потехе час. Без труда не выловишь рыбку из пруда. Кончил дело, гуляй смело.*

Следовательно, носитель русского языка предстает перед иностранными учащимися как трудолюбивый и исполнительный человек, что характерно и для носителей китайского

языка: 尊重只给予能完成自己工作的人 – *В народе уважают того человека, который может хорошо выполнять свой труд*, 根据工作能评定一个人 – *По труду можно определить человека, который ее делал*, 工作不好, 损失重大 – *Плохой результат работы приносит большой ущерб*.

Этнокультурные различия в представлении об отношении к труду на материале русского и китайского языков сводятся к своеобразному сочетанию тех или иных признаков. Идея труда в русском языке больше связана с умственным трудом (*Труд и наука – брат и сестра. Ученье и труд все перетрут*). Русские пословицы отражают негативное отношение к небрежной работе, к плохой мотивации в труде: *У плохого мастера и пила кривая*. Важное место в русской культуре занимает уважительное отношение к труду и трудящемуся человеку: *Дело мастера боится. Ремеслу везде почет. Мастерство везде в почете*. У китайского народа на первом месте в оценке достоинства человека, его нравственности стоит сам труд: *Труд славит человека. В труде рождаются герои*.

Паремии, являясь текстом, построенным по определенным законам грамматики, стилистики и т.д., функционируют и как языковые единицы. С другой стороны, будучи «источником национальной культуры», отображая типовые ситуации и представления, пословица начинает играть роль эталона и стереотипа культуры. В практике преподавания РКИ пословицы и поговорки представляют не только свод грамматических законов, но являются единицами, способными сыграть воспитательную роль. Таким образом, знакомство с культурой другой страны позволяет иностранным студентам быстрее и полнее сформировать необходимый уровень коммуникативной компетенции.

Формирование «вторичной» языковой личности иностранных студентов – филологов – необходимое условие в процессе обучения русскому языку как иностранному иностранному. Более того, это современная лингвометодическая интерпретация взаимодействия языка и культуры, отражающая новую систему ценностей и позволяющая по-новому моделировать этот процесс обучения.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Учебное пособие для педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1992. – 511 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы.: Монография – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
5. Игнатова И.Б. Учет родного языка студентов при формировании коммуникативной компетенции // Пути интенсификации процесса обучения иностранных студентов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1995. с. 125-137.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Отв. редактор Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 216 с.
7. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 7-22.
8. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высшая школа., 1989. – 238 с.

A LANGUAGE AND CULTURE INTERACTION IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CHINESE PAROEMIAS)

Д.И. РОМЕРО ИНТРИАГО
О.Н. КРАВЧЕНКО

*Belgorod state national
research university*

e-mail: Ved2_phil@bsu.edu.ru

The article deals with the analysis of general matters concerning the notions “language” and “culture” and the problems concerning the Russian and Chinese proverbs and sayings in particular. This analysis shows peculiarities of the interaction in the system “language – culture – personality” and singles out paroemias with animal component. The paper shows the role of paroemias in the process of teaching Russian as a foreign language.

Key words: Language, culture, paroemias with animal component, animal component, Russian proverbs and sayings, Chinese proverbs and sayings, cross-cultural communication, linguistic analysis, teaching Russian as a foreign language.

УДК 130.2

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

О.В. СЕНИНА*Калужский государственный
университет
им. К.Э. Циолковского**e-mail: solvaa@bmail.ru*

В статье обосновывается актуальность проблемы формирования цельного мировоззрения личности. Автор аргументирует правомерность выбора основополагающих идей русской религиозной философии в качестве методологического основания разрешения данной проблемы. Методологический потенциал идей русской религиозной философии раскрывается в содержании онтологической, гносеологической и аксиологической сторон мировоззрения. В работе определены теоретический источник и методологическая канва для формирования целостной личности.

Ключевые слова: мировоззрение, цельность мировоззрения, культура, русская религиозная философия.

9 сентября 2012 года на телеканале «Россия» было показано интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла журналисту Дмитрию Киселеву¹, в котором в связи с некоторыми событиями в нашей стране было рассказано об отношении Русской Православной Церкви к процессу формирования ценностных ориентаций в российском обществе. В лице Патриарха Церковь высказала озабоченность состоянием общественно-го сознания в России. Фокус этих проблем во влиянии Церкви на процесс формирования мировоззренческих ориентиров русских людей.

Современное российское общество находится в состоянии кризиса «ценностного измерения сознания». Причины проблем формирования сознания связаны с нарастанием темпов быстро изменяющегося мира, глобализацией и противостоянием культур, расчленением общества по материальным признакам и противостоянием на этой основе социальных групп внутри самих государств. Целый комплекс трудностей, сопровождающий современное мировое сообщество, все настойчивее ставит вопросы о реорганизации всей жизнедеятельности человека, пересмотре ключевых позиций во взаимодействии человека и человека, природы и общества. Это возможно через изменение условий и форм мировосприятия и поиска современных способов построения мировоззрения человека. Если понимать мировоззрение как систему знаний, представлений человека об окружающем мире и его месте в этом мире, то оно включает в себя знания отдельного человека и человечества о мироздании, о происхождении мира и происхождении в нем человека, о природе и космосе, человеке и Боге, мелочах жизни и глобальных процессах. Данная многофакторная структура мировоззрения не может нормально функционировать при раздробленности ее составляющих, отсутствии цементирующих начал мировоззрения. Этими обстоятельствами определяется актуальность обращения внимания современной гуманитарной науки на проблемы формирования цельного мировоззрения.

Мировоззренческая дихотомия (при свободе выбора и множества предложений) современного человека негативно отражается на существовании общества и приводит многих людей в состояние жизненной неопределенности. Господствовавшие ранее идеологии коллективизма, как парадигмы решения проблем взаимосвязи человека и общества, изжившие себя в XX веке, оставили людей без ценностных ориентиров и жизненных смыслов и породили мировоззренческую дезориентацию. Ситуация жизненной неопределенности и мировоззренческой дезориентации требует поиска новых способов формирования мировоззрения, в котором будут найдены цели и перспективы жизни людей с учетом происходящих сегодня социальных процессов и которое будет отличаться цельностью и устойчивостью взаимосвязи человека и мира.

¹ Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Формирование целостного мировоззрения осложняется, по нашему мнению, не только отжившими теориями, но и еще некоторыми обстоятельствами. Во-первых, мощным потоком информации, в котором очень трудно, даже при современной цифровой технологии, найти структурную канву, дающую возможность построить логически стройную систему мировоззрения, привести к единому знаменателю знания по самым разным направлениям науки и конкретным ее темам. Еще более осложняют положение вопросы о ценности социальных поступков, идей, фактов, разного рода программ, теорий, обосновывающих перспективы развития мира и человеческого общества. Более того поток информации затрудняет ее усвоение и не приводит к подлинному знанию. В результате формирование осмысленной мировоззренческой системы не облегчается, а серьезно осложняется.

Во-вторых, под натиском объема и широты информации, усиливающейся ее релятивности появился постмодернистский плюрализм подходов и решений в жизненной, мировоззренческой позиции, которая освобождает людей от поиска объективной, устойчивой истины. Движение все – конечная цель ничто. Однако находиться постоянно в состоянии движения, которое еще со времен Зенона Элейского обозначено как проблема или некая неопределенность, жизненно некомфортно. Возникает желание получить состояние, или, во всяком случае, некоторую устойчивость. Древняя философская проблема приобретает новое значение и актуальность. В нашем понимании она разворачивается в проблему внутренне цельного мировоззрения.

Любое представление о мире является культурно детерминированным. В сложном и многомерном понятии «культура» мы выделяем ее значение «как особого, присущего только человеку, способа жизнедеятельности, особого образа жизни, выделяющего его в природе и дающего ему возможность применить природные условия жизни для своего развития и совершенствования многообразных общественных форм организации его жизни»². В культуре как явлении весьма важном для образования и функционирования общества выделяются два наиболее существенных компонента: философия – светская мировоззренческая основа культурологических форм жизнедеятельности. Второй компонент – религия как религиозная мировоззренческая основа духовных форм жизнедеятельности. Современное положение человека общества заставляет искать новые способы не противопоставления философии и религии, как это было в истории общества, а, наоборот, их синтеза и взаимоподдержки.

Да, проблема человека всегда являлась и можно считать будет являться основной проблемой философии в любых ее направлениях и интерпретациях. Человек в мире – вот рефрен всех философских исследований и в этом плане актуальность исследования ценностных ориентаций человека несомненна. Ее значение в наши дни возрастает с новой силой, ибо многие факторы условий жизни человека, его места в мире и в обществе, его предназначение и судьба (будущее) воспринимаются по-разному и не всегда в пользу человеку. В связи с этим широко обсуждается феномен деантропологизации, «умирания» или «исчезновения» человека (П.С. Гуревич, Б.Г. Юдин, В.А. Кутырев, А.Г. Дутин, и др.), «антропологической катастрофы», связанный с проблемой «размывания» границ человеческой природы и утраты самого сознания «человеческого» в современной культуре. К сожалению, через многие века своей борьбы за существование, и сегодня присутствует озабоченность жизненным состоянием человека, выраженным в осознании его трагической покинутости, одиночества, заброшенности и «умаленности».

Из всех человеческих навыков и способностей мировоззрение, как кажется на первый взгляд, представляется наиболее легко возникающим и довольно легко изменяемым свойством человека. Но это на первый взгляд, в жизни мировоззрение человека формируется весьма непросто и даже сложно. Оно представляется неким срезом всех факторов жизни. На мировоззрение влияет экономическая ситуация, стечение обстоятельств, взаимные отношения окружающих людей, настроение и даже погода. Но методологическая (цементирующая) основа мировоззрения в философии или в религии. Мировоззрение – это отражение мира в сознании человека, это общий взгляд человека на мир и его место в нем, вырабатывающее определенные ценности, нравственные нормы его дея-

² Стрельцов А.С. Великое служение русской религиозной философии. Калуга: КГУ, 2009. – С. 89.

тельности, образа жизни людей и формирующее в общих границах соответствующий путь развития общества.

Существуют четыре основных мировоззренческих аспекта, формирующих целостное, системное мировоззрение: мир (сущность мира, его происхождение и формы существования), человек (происхождение и сущность человека, его место в мире и обществе), взаимодействие человека и мира и его отношение к миру (познавательное, ценностное, этическое и эстетическое отношение, формирующие образ жизни человека и направления развития общества). Первые три аспекта выполняют познавательную функцию, а четвертый – ценностно-ориентационную. Для формирования целостного мировоззрения необходимо четко понимать все вышеназванные аспекты, ибо все они взаимосвязаны и выстраиваются в единую мировоззренчески целостную систему.

Вот почему цельное мировоззрение является одним из важнейших условий нормальной жизни человека. «Человеку необходимо иметь цельное представление о мире, он не может ждать с удовлетворением этой потребности до тех пор, писал С.Н. Булгаков в начале прошлого века, – пока будущая наука даст достаточный материал для этой цели»³. Многообразие явлений, входящих в мировоззрение можно подвести под одну черту только на основе какой-либо философии, которая как некий инструмент дает нам возможность подвести эту черту. От нее очень многое зависит в жизни человека и в жизни человека в обществе. Место человека в мире и в обществе, отношение человека к миру и к обществу в большой степени зависят от мировоззрения человека, а оно в свою очередь зависит от философии или религии.

Таким образом, мировоззренческая ситуация настоящего времени характеризуется прежде всего дискретностью взглядов человека на мир, а духовный кризис начала XXI века проявляется в отсутствии целостного мировоззрения как одной из характеристик зрелости общества.

Построение цельного мировоззрения возможно на основании изучения широкого круга научной литературы. Однако, выполняя свою онтологическую функцию, поиска единства в многообразии форм бытия человека, философия сокращает путь к формированию единой научной картины мира. В этой связи особенно интересны и важны источники из русской философии: С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина, В.С. Соловьева, И.А. Ильина, С.Л. Франка. Идеи «ценностного измерения человека» в русской культуре исследовались в трудах И.В. Киреевского, В.Ф. Эрн, Г.Г. Шпета и других. Русская религиозная философия и по сей день является серьезным примером и источником миропонимания современного человека. На этом фоне идей очень хорошо смотрится религиозная проблема «верующего человека». В решении её «универсальность и всеобъемлемость религии дает ей возможность преодолеть традиционную дихотомию ума и чувства. Религия устанавливает связь между умом и сердцем, между мнением человека и его поступками»⁴.

По мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, современному мировоззрению характерны ценностный вакуум и отсутствие точек опоры, о чем свидетельствуют происходящие акты агрессии против Церкви. Культурным ядром, цивилизационным кодом, доминантой жизни русского народа названы понятия святости, святости и священного.

Также Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поддерживает мнение о важности нравственного измерения в общественных отношениях, так как нравственность – это внутренний посыл к общежитию, духовная скрепа, соединяющая людей, ценностное фундаментальное понятие, без которого распадается общество. Однако представляется необходимым заметить, что социально-нравственное мировоззрение – это уступка, безрелигиозному мышлению, цель которой не заместить, а частично восполнить существующий вакуум. Вне фундамента религиозных ценностей любой социальный договор, основанный на правовых или этических нормах, превращается во временное перемирие, хотя и нельзя не признать, что вера современного человека базируется на рассудочном понимании общечеловеческих ценностей.

³ Булгаков С.Н. «Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1993. – С. 47.

⁴ Стрельцов А.С. Педагогическая ценность внутренней цельности мировоззрения. // Известия Смоленского государственного университета .№2. Смоленск, 2012. – С.245.

Сегодня со стороны критиков религии, да и внутри сообщества верующих общества особое беспокойство вызывает возможность сращивания Церкви и государства. Патриарх говорит о мифичности этих страхов и представляет их исключительно как мировоззренческую позицию, выдуманную для критики Церкви. В подтверждение своих слов, Глава Русской Православной Церкви приводит Основы социальной концепции Русской Церкви, в которой Церковь защищает свою автономию. Церковь считает, что только свободная Церковь имеет возможность духовно влиять на людей, что всякое сращивание, всякая клерикализация архиопасна для проповеди.

Проблема современного общества заключается в том, что потеряно убедительное основание целостности изучаемого явления. Многообразие явлений, входящих в мировоззрение, можно подвести под одну черту только на основе философии или религии как цементирующих основ мировоззрения. Необходимо напомнить, что целостность – это свойство объектов, имеющих сложную внутреннюю структуру. Причем целое – это не просто сумма частей, а нечто единое, характеризующееся новыми свойствами, это новый иерархический уровень организации объекта. Целостный человек – это человек, имеющий целостное мировоззрение, понимающий всеобщие законы природы и следующий им, сознающий себя частью окружающего мира.

Если в европейской философии принято ставить водораздел между философским и религиозным пониманием мира, то в русской философии постулирован объединяющий синтез того и другого, с преобладающим началом религии Православия. Таким образом, религия приобретает функцию методологического основания в философии, в которой выражено единство онтологического, антропологического и феноменологического подходов к исследованию мировоззрения. А мировоззрение предстает особым способом включения человека в мир, который представляет собой объединение мира внешнего и мира внутреннего, а также способом создания жизненно значимых для человека смыслов и ценностей.

Для поиска объединяющих (целостных) форм мировоззрения обратимся к анализу некоторых идей русской религиозной философии с целью раскрытия выраженности в них единства онтологического, антропологического и аксиологического подходов к разрешению проблемы целостного мировоззрения.

В теоретических концепциях русских религиозных философов основополагающую роль играет идея единства мира как гармоничного целого. Мир трактуется как все сущее. Эта идея чрезвычайно важна в плане рассматриваемой проблемы, так как в ней находит свое выражение онтологическая составляющая мировоззрения личности. Онтологическим принципом, связующим все сущее, выступает идея всеединства. В философии Вл. Соловьева всеединое представлено абсолютной единой целостностью бытия. Идея всеединства позволяет рассматривать мир и лежащие в его основе закономерности как единое целое, как единство всего во всем. По Соловьеву, первенство бытия принадлежит не отдельным частям, а целому, безусловное первоначало и источник всякого бытия есть абсолютная целостность всего сущего, т.е. Бог. Соловьев говорит о единстве идеального и материального, материального и духовного мира. Это положение представляет принципиальную значимость в плане разрешения проблемы формирования целостного мировоззрения, так как указывает на неразрывную связь его онтологической и гносеологической сторон⁵.

Сила религиозного мировоззрения, по Соловьеву, в том, что религия дает истинное воссоединение человека и мира. В центре этого философского учения лежит положение о вере как акте духа. Существование всего окружающего нас мира может утверждаться только актом веры. Философия превращает предмет веры в систематическое знание посредством мышления о нем. Философия религии имеет своей задачей дать систематическое знание о существовании мира через Бога, через религию, дающую нам знания о Боге. В этом онтологическое отличие и обоснование русской философии⁶.

⁵ См. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т.2. – С.5-174.

⁶ Там же.

Если у С.Л. Франка важным постулатом является идея осмысления бытия общества, а потом осмысление бытия человека, то у Н. А. Бердяева – наоборот: бытие общества познается через первенство человека перед обществом. В этих теориях выражена установка на онто-антропологическую составляющую мировоззрения личности, определяющую место человека в мире. Но главное в том и другом варианте то, что человек гармонично связан с миром, образует с ним неразрывное единство и эта связь только посредством религиозного мировоззрения, которое и способно быть основой целостности мира. В чем и состоит самый значимый вывод для осуществления задач построения лучшего общественного устройства.

В русской религиозной философии идеалом человека выступает духовная творческая свободная личность, осознавшая свою ответственность перед миром и человечеством, постоянно стремящаяся к обретению единства и гармонии с ним. Одним из способов духовного совершенствования человека, которое ведет его к единению с миром, религиозные философы считают православную этику. Этические идеалы основываются на высшем духовном единстве человека и Бога, человека и мира. Вместе с тем, в данном контексте появляется опасность свести религиозное мировоззрение к варианту этики. Этические идеалы религиозных философов основываются на идее Богочеловечества. Воплощение есть не единичный факт, а постоянный процесс, происходящий в душе человека и ведущий все человечество к спасению. Богочеловечество заключается в становлении свободно-разумной личности, отрицающей в себе злую волю, осознающую себя частью универсальной личности, постоянно соотносящейся с ней. В этом выражается аксиологическая составляющая мировоззрения. Русская религиозная философия придает нравственным чувствам особую значимость и пытается найти свой свод правил поведения, построенный на единстве веры, знаний и традиций русского народа. По убеждению Соловьева, в нравственности мы находим реальные переживания действительности, против которых бессильны всякие отвлеченные рассуждения. Разум и слово – формальное условие включения человека в процесс становления всеединства, а содержание деятельности человека задают уже такие чувства, как стремление к истине, общему благу, красоте. Все эти понятия объединены одной категорией – «любовь», являющейся неотъемлемой частью духовности. Только религиозное творчество, исполненное внешне нелогичной беспричинной любовью к окружающему миру способно преодолеть противоречия, порожденные социумом и природой.

Русская религиозная философия как и подобает любой философии по-своему ставила вопрос о познании мира. Иван Киреевский вводит понятие «живознания» как единения веры и знания в целях получения истинного, полного познания. Истина в конечном счете дается только посредством внутреннего осознания и сопереживания. Таким образом гносеология у русских религиозных философов предстает частью онтологии.

Таким образом, принципиальная значимость идей русской религиозной философии для исследования целостности духовного бытия человека состоит в том, что в ней выражено единство антропологической, онтологической и аксиологической составляющих мировоззрения личности. Обращаясь к русской философии, мы получаем теоретический источник и методологическую канву для формирования целостной личности. «Сегодня, – сказал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, – я думаю, все те, кто затевал эти провокации, убедились в том, что перед ними не безликая масса тихого, аморфного большинства, а народ, который способен защищать свои святыни»⁷.

Список литературы

1. Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси.
2. Стрельцов А.С. Великое служение русской религиозной философии. Калуга: КГУ, 2009. 319 с.
3. Булгаков С.Н. «Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1993. С. 46-94.
4. Стрельцов А.С. Педагогическая ценность внутренней цельности мировоззрения. // Известия Смоленского государственного университета. №2. Смоленск, 2012. С.237-246.

⁷ Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси.

5. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т.2. С.5-174.

ABOUT SOME MODERN PROBLEMS OF FORMATION OF VALUABLE ORIENTATIONS IN PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIA THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

O.V. SENINA

*Kaluga state university
of K.E.Tsiolkovsky*

e-mail: solvaa@bmail.ru

The urgency of a problem of formation of integral outlook of the personality locates in article. The author gives reason for legitimacy of a choice of fundamental ideas of Russian religious philosophy as the methodological basis of permission of this problem. The methodological potential of ideas of Russian religious philosophy reveals in the maintenance of the ontologic, gnoseological and aksiologicheskyy parties of outlook. In work the theoretical source and a methodological outline for formation of the complete personality are defined.

Key words: outlook, integrity of outlook, culture, Russian religious philosophy.

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ИДЕАЛ-РЕАЛИЗМА

А.В. УСАЧЕВ

*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина*

e-mail: a-usachyov@mail.ru

Статья содержит размышления автора об основных категориях, понятиях и методах идеал-реализма, основателем которого считается Н.О. Лосский.

Ключевые слова: идеал-реализм, мышление, знание, интуитивизм, имманентизм, философия сознания

Мы не всегда решаемся вопрошать время. Какой смысл знать суть вещей и обстоятельство, которые окружают нас и составляют в данный момент неизменный обиход, если вопросы всегда оказываются переадресованными чему-то: лицам, фразам, опасности, состоявшемуся опыту, местам пережитого счастья, – чему угодно, только не времени. Вопросы приносят с собой предчувствие неточного ответа. В аналитике Гегеля¹, время есть действительность пространства и, следовательно, наше вопрошание времени, конечно, естественно. Оно отражает нашу волю организовать пространство по-нашему. «Пространство «есть» время, т.е. время есть истина пространства. Если пространство диалектически *помыслено (здесь и далее курсив автора - А.У.)* в том, что оно есть, то это бытие пространства открывается по Гегелю как время». ² Нам важно узнать, что есть на самом деле (?), в чем состоит действительность? Дело не в преодолении скепсиса или других следов наших переживаний и сомнений. Время представляет собой не что иное, нежели сущность и исполнение пространства, тех вещей, которые составляют наше присутствие. Все происходит наоборот. Время, как свершённое и действительное пространство, спрашивает у нас смысл тех вещей, которые нас окружают. Оно требовательно ждет от нас объяснения, почему мы вопрошаем именно этого философа и захвачены такой мыслью или идеей, а не другой. Значит наша зависимость от времени велика, а его вопросы всегда носят решающий характер. Не мы спрашиваем у времени, но оно встречает нас своими вопросами, и выдвигает различные формы ответственности за наши решения. Превосходят такое положение дел те, для которых сверх-временность и сверх-пространственность – это онтологически прозрачная структура, не требующая разъяснений, но исходная и во всем видимая особенность личности. В них появляется шанс для координированного отношения времени и вопроса, отношения и ответственности, личности и вещи. Мир оснащается органическим пониманием, где «целое-вечность», превосходит свою «часть-время». Его особым образом выражает идеал-реализм – русская школа философии, формировавшаяся на протяжении почти ста лет.

Отечественная школа интуитивистского познания, снискавшая большое доверие на территории России и не нашедшая большой поддержки в период эмиграции, тем временем обнаруживает сильные линии преемственности, как с русскими опытами мышления, так и с западноевропейской метафизикой. Один из важнейших ее идеологов соединил в себе подлинно философские интуиции и прекрасное знание европейских философских систем, которые позволили Н. Лосскому создать, по мнению, например Н. Бердяева³, оригинальную теорию знания, на которую должна обращать внимание получающая философское образование молодежь. В русском интуитивизме, который стал гносеологическим предисловием онтологии идеал-реализма, действительно немало открытий, которые позволяют говорить о нем как об одном из важнейших направлений философии XX века. В пользу такого вывода говорят явные переклички и диалоговые элементы со школами, которые сегодня входят в состав континентальной и англосаксонской философской образованности.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. II Часть. Философия природы. М. 1975. – С.253-271.

² Хайдеггер М. Бытие и время. ФОЛИО, 2003. – С.82.

³ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: ФОЛИО, 2000. – 375с.

Истоком философии идеал реализма можно признать несколько основополагающих идей Н.О. Лосского. Источники его философии могут пролить свет, или создать методологию объективного поиска сущности идеал-реализма в целом. Происхождение этой русской школы мысли – есть наиболее интересная страница в ее развитии, трансформация идей европейской философии, самое главное – решимость русской мысли на открытую редакцию всевозможных нововведений, чувство того, что бытие открыто мысли в России, его судьба может быть эксплицирована в русском языке, в категориях философии общеевропейского употребления. У Н. Лосского бытие открывается в познании. Было ли бытие до познания – вопрос не столько провокационный или ошибочный, он скорее ненужный, лишний. Ведь вопрос о бытии, т.е. структура понимания возникает как познавательный акт. До или после бытия этот познавательный акт, тоже вопрос риторический, т.к. там, где бытие, там человек открывает для себя такое явление как тождество. Такое положение дел возникает в результате следующих обстоятельств.

В начале XX века имел место случай.⁴ Основатель идеал-реализма и его теории познания – интуитивизма, Н. Лосский, находится в поиске предельных оснований оригинальной умозрительной системы, приходит к выводу, положенному в основу дальнейшего развития идей: «все имманентно всему». Он насколько прост по формулировке, настолько сложен для понятийной экспликации. Принцип имманентности сочетаем с развивавшейся в то время школой имманентизма, возглавляемой профессором В. Шуппе. Онтологические основания, на которых формировалось мышление данной школы, состояли в следующем: бытие имманентно мышлению, Бог имманентен миру. Одно из важнейших методологических введений состояло в дифференции мышления и сознания.

Н. Лосский, как и другие теоретики интуитивизма в гносеологии, пришел к идее самостоятельно в результате продолжительных размышлений, и поэтому его путь лежал в несколько другой плоскости, нежели та, которая была естественна для профессора из Грефсвальда⁵. Немецкий мыслитель находился в профессиональной переключке немецких кафедральных «гнезд», и в его задачу не входило обсуждение тех «мелочей» и «очевидностей», которые курсировали в германском философском сообществе, и не требовали к себе дополнительных разъяснений. Н. Лосский не находился в средоточии этого смыслового перекрестия очевидностей. Его диалог строился на конструктивной критике тех мыслителей, которые для того времени были в достаточной мере осмыслены, чтобы идти с четко прорисованным контуром развития философского знания вперед.

В силу данных обстоятельств, а также уроков, полученных в бытность лаборантом у В. Вундта, который кроме несомненного влияния, обладал большой продуктивностью, используя свой метод для изложения сути разных гуманитарных наук, русский философ начал свой путь. Это отчасти была дань структуре диссертации, которую необходимо бу-

⁴ Источниками философии Н. Лосского был ряд концепций, которые охватывают целые эпохи и надо сказать были выразителями идеального воззрения на бытие человека той поры. В докритическом этапе философии мы найдем у самого Н. Лосского ссылку на Лейбница. Это будет, безусловно, справедливо и источники оставили нам два, прямо скажем причудливых случая, которые сплели для него два имени – Лейбница и Козлова. случая – косвенный и прямой, влияния Лейбница на философию русского интуитивиста. Первое, это его знакомство, довольно позднее, с А.А. Козлова. По мнению Лосского, Козлов, вслед за немцем Тейхмюллером, довольно интересно работал с различием мышления и сознания, наметил новую концепцию, но стал ее развивать в том направлении, которое не дало эффекта новизны, хотя и было новаторским. Н. Лосский сокрушался о том, что необходимо было идти в совсем новую область органического мировоззрения, и тогда тень главным образом Канта, не заслонила бы подлинного смысла творческой работы провинциального мудреца. Именно он был в стане неолейбницацев, которые во всем полном значении слова не отрицали, но утверждали реальность идеального бытия и его исключительное значение для понимания бытия и построения онтологии. Второй случай тоже экзистенциального характера, он описан Лосским в разных книгах, но самым полным образом находим ссылку на него в «Обосновании интуитивизма». Речь о заурядной поездке в экипаже по вечернему окутанному туманом Питеру с сыном А. Козлова А. Аскольдовым, и ему мучившемуся интуитивным проникновением в мистическую составную онтологии пришла мысль «все имманентно всему», его озарило и по настоящему подтолкнуло к позднему варианту его мистического эмпиризма, который теперь мы знаем как идеал-реализм. Итак имена Лейбница и Козлова сплетены в экзистенциальную композицию, которая может быть названа поистине камнем судьбы. Однако были менее косвенные влияния, сформировавшие основной слой мировоззрения интуитивизма. Также не обошлось без перста судьбы и простой необходимости иметь небольшой заработок для возможности продолжать учиться, а результатом стал классический перевод «Критики чистого разума».

⁵ В. Шуппе.

дет защищать в свой час, в другом отношении – в истории русской философии остался пример эвристического исследования философского наследия, влившегося в теорию нового образца, имеющую не только родовые черты европейского философствования, но и видовые особенности русской постановки существенных вопросов.

Конгломерат категорий, который позже развернется в систему идеал-реализма, сочетает в себе различие сознания и мышления, мышления и познания, познания и сознания, знания и познания, на которых построены основные переходы, обеспечивающие единство теории познания и теории бытия, то есть то, что позже получит название онтологической гносеологии. Вопросы В. Эрна о Логосе и его сущности в условиях деформации Нового времени и вне его, а также строгая категориальная рефлексия, выполненная С. Франком, также органично вплетается в онтологию идеал-реализма, в ее персоналистическую, богословскую и культурную проблематику. Каждая из этих частей не может быть отделена от общего целого системы, приведшего русскую мысль к выводам, обращение к которым может быть всегда актуальным, играть определяющую роль.

Первое различие мышления и сознания было осмыслено Н. Лосским при изучении произведений В. Шуппе, изданных 1880-х годах⁶. В 1913 году в Санкт-Петербурге увидел свет сборник «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова, посвященный теории познания, куда были включены характерные размышления немецкого мыслителя. Тема была выбрана не случайно. Незадолго до этого Н.О. Лосский вел популярный среди студентов семинар (семинарий) «Обзор современных теорий знания», который, безусловно, был инструментом верификации основных идей его системы мистического эмпиризма. Для русского мыслителя эта идея была настоящей находкой, т.к. в субстанциальном единстве необходимо было найти неизменную структуру и в то же время органично соединенную с динамическими процессами постоянно множасьего мира и отражавших его концепций. В. Шуппе дал интерпретацию различия существенных характеристик содержаний сознания. Он выделил родовые свойства мышления, а мышление и бытие, согласно его теории, составляют единое, реально неразделимое целое сознания. Часть мышления, которое обладает родовыми чертами, а, следовательно, единством для всех и каждого, развивается в мышление как специфическую деятельность, в рамках которой различаются стороны познаваемого предмета. Это отражает ту сторону бытия сознания, которую не всегда развивается в мышление и особенно в научное или философское. Именно на этом уровне мышление вынуждено дистанцироваться от предмета исследования, вступить в его пристальное рассматривание и изучение, но в сознании предмет находится в оригинале и цельности. Все, кто когда-нибудь читал Н. Лосского, увлекался его идеями, не могут не признать, что В. Шуппе и его школа дали толчок ряду принципиальных решений, вынесенных Н. Лосским в своей философской системе.

В. Шуппе делает шаг, который явно вдохновляет Н. Лосского своей реалистичностью и перспективностью в построении другой философии, отличной от неокантианских углублений в частности разных аспектов учения «кенигсбергского мудреца», но все же не открывающие конфигурации движения вперед. Немецкий профессор онтологизирует логику, говоря о том, что мышление не орган наподобие руки и не имеет свойства сжиматься попусту, без предмета. Мышление – это всегда продумывание чего-то, схватывания предмета, в котором проявляются свойства мышления, а значит оно в достаточной мере материально (в противоположность формальному). Для русского типа мышления, определения которого сейчас мы не готовы дать, реализм и материализм в философии являются важнейшими чертами перспективности философствования. Отечественным философам, для которых Европа не была закрыта, как образовательная среда, глубина немцев как мастеров формального анализа, служила ориентиром. Она, впрочем, содержала амбивалентный потенциал в силу того, что воспроизводила в каждом вновь получившем немецкое философское образование один и тот же двутактовый режим: восторг – разочарование. Так было с П. Чаадаевым, И. Киреевским и др. Однако в этом говорила жизнь, рожденная в столкновении двух культур, одна из которых – российская – явно отдавала предпочтение содержанию, а не форме, что видно, за редким исключением, во

⁶ Schuppe W. "Erkenntnisstheoretische Logik" 1878, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik" 1894, 1911.

всем, другая – германская – форме, что также не ускользает даже от невнимательного взора.

Различие сознания и мышления, принадлежащее В. Шуппе, является новым шагом в развитии идей Канта о сущности мышления. При этом они приводят совсем к другим результатам. Изучение имманентизма образует для Н. Лосского новое исследовательское поле исследований, касающихся перспективных видов структурирования духовно-мыслительного пространства личности. У В. Шуппе различается сознание и мышление. У А. Козлова налицо также дифференция сознания и мышления. Видно, что В. Шуппе берет статический срез данной иерархии уровней духовно-мыслительного пространства, в то время как А. Козлов склонен подчеркивать динамическую сторону процесса, особенно заостряя внимание на тонкостях процесса познания, а не на его формах.

Анализ Н. Лосского приводит его к выводам, согласно которым он видит, заинтересовавшись идеями русского неолейбнищанина А. Козлова, сходный дифференциал у немца В. Шуппе.⁷ На предварительном этапе формирования онтологии идеал-реализма такие шаги, нетождественные ортодоксальному неокантианскому движению, стали для русского мыслителя вдохновляющей силой, которую он сумел закрепить категориально. И. Кант, разрабатывая систему категорий чистого рассудка, не говорит о мышлении как таковом, т.е. исключает из него все иррациональное, или говоря его же языком – апостериорное, обретаемое в опыте и не совсем понятное. В. Шуппе в этом смысле вводит инстанцию мышления, отводя ему статус первичной неразличности субъекта и объекта. Сознание не тождественно мышлению. Сущностная сторона его состоит в том, что оно видит предметы в оригинале, без копирования и переживания. Эти процессы неизбежны для мышления

Итак, идеал-реализм рождался в целом сонме творческих дерзаний по угончению в различиях структурных инстанций сознания и мышления. Один пример такой работы хорошо знаком российской философии, т.к. он играл для нее роль догматического конструкта.

Метод различения, который выводит обыденное мышление на простор философского универсального видения, дает ключ к пониманию нескольких характерных понятийных сочетаний. Вот каким образом сам Н. Лосский иллюстрирует онтические предпосылки своего метода, который уже после рационализации применяется в исследовательской работе. Автор пишет: «Если гуляю в жаркий летний день по берегу реки, окутанному пышной растительностью, и ни о чем не думаю, ничего не желаю, как бы утрачивая свое я, сливаясь в одно с природой, то для меня ничто не существует в отдельности, все сливается в один могучий поток жизни. Но вот что-то всплеснуло над водою, привлекло к себе мое внимание и начался интеллектуальный процесс различения...»⁸

Мышление и сознание, которое было основательно разработано в имманентной философии, и в частности В. Шуппе. Немецкий мыслитель был в полемике с теми, кто считал в начале 20 века мышление только лишь логикой. Его трактовка и теоретический подход расширяют возможности данного понятия. Термин имманентизм выбран не случайно, так как в унисон с феноменологией Шуппе предлагает не тратить время на исследование беспредметного мышления, которое подобно руке, сжимающей вместо камня пустоту, не раскрывает своих существенных характеристик. Сознанию всегда внутреннее присуще бытие, оно предметно и является сознанием о чем-то.

Сознание и познание, которые выделяются методом идеал-реализма позволяют данные понятия наполнить конкретным содержанием, отвечающим разным формам осмысления бытия.

Познание и знание. При работе с утонченной различающей деятельностью возникает необходимость ссылки не теорию познания Канта. Лосский, находясь в непрерывном поиске оснований для своей философской системы, был одним из немногих отечественных исследователей со сходным пониманием миссии в философии, который развивал учение Канта и воздерживался от того, чтобы игнорировать ее как локализованную в не-

⁷ Имманентная философия В. Шуппе // Новое в философии. Сборник №3. Под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова СПб, 1913. – С.3.

⁸ Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. – С. 194.

скольких задачах и снятых в последующих концепциях Гегеля и Шеллинга. Лосский нашел в его теории несколько ограничений, которые только в результате частичной редакции могут открыть возможность для реализации русской оптики в понимании наличного бытия. Он использует метод идеал-реализма, применяя категориальные средства и методы, чтобы осмыслить видимые стороны, открывающееся реальности. Идеал-реализм представляет собой концепцию, которая смогла увидеть в наследии классической философии, в произведениях Лейбница, Кузанца, Канта, Гегеля и др., инструменты актуализации в дискурсе объектов наличного бытия российской реальности. Это важно, например, потому, что в таком подходе исчезает важный недостаток отечественного мышления. Он состоит в том, чтобы мыслить русскую философию в качестве примысливания к основным философским направлениями и тенденциям.

Ту же проблему на полвека позже поставил немного в другом ключе Дж. Сёрль⁹, американский ученый, работа которого посвящена прерыванию (разрывам) рациональности в действительной жизни. Н. Лосский, – мы должны это признать, – интересовался сходством основной своей философии и ряда ее выводов с американским неореализмом, в частности с деятельностью Монтегю. Синхронизация ряда исследовательских линий может быть продолжена. Исследовательская практика Дж. Сёрля приводит к некоторым выводам, которые согласуются с подробными различиями сознания и мышления, познания и знания и др. Дж. Сёрль дает аналитику и подробное описание знакомых всем ситуаций, когда в осмысленное и уже принятое решение вступает в качестве блокирующей силы внезапно возникший мотив, эмоция, изменение душевного тонуса, настроения, и действие в результате не выполняется, не имея под собой при этом никакого решительного смысла. В результате, мы получаем право в очередной раз говорить о незавершенности стабилизирующих факторов культуры и несовершенстве *ratio* перед лицом бытия. Деятельность Дж. Сёрля составлена многолетним продумыванием итогов постпозитивистской работы в контексте феноменологии. Возможность прерывания действия, рационально обеспеченного обоснованной мотивацией, логикой, внезапно нахлынувшими воспоминаниями и невольное переключение внимания на другие цели, ориентиры, предметно приводят нас к методу интеллектуального различения, который находится в действии и всегда допускает различное развитие сформированных телесных действий. Если учесть инстанции, приведенные выше (мышление и сознание, познание и знание, сознание и познание), которые могут не только согласованно действовать в целостной идеальной личности, стремящейся к поставленной цели, но и быть в разладе, временной несогласованности, то переключка идеал-реализма и теории американской философии сознания представляется очевидной и потенцированной для компаративного и феноменологического анализа. Другое дело, что не будет лишней ссылка на то, что идеал-реализм – это онтологическая концепция, а в философии сознания налицо превалирование операциональных аспектов.

Трансубъективность. Категория трансубъективности уточняет познавательные возможности субъекта, выделяя ряд *принудительных* качеств бытия. В трансубъективности раскрывается большая зависимость от субъекта познания, которая чуть выше отмечена у американского мыслителя, но раскрытие в нем качеств в то же время от него независимых. В трансубъективность включена принудительность объекта, т.е. фактор, согласно которому мы вынуждены подчиниться и признать некоторые предметные константы, свидетелями которых мы являемся, если входим в познавательную ситуацию. Например, я предстою вниманию наблюдателей в процессе выступления и согласно классическому эмпиризму можно предположить, что в сознания наблюдателей ровно столько психических копий, сколько наблюдателей. Идеал-реализм устраняет данную неоднозначную ситуацию тезисом о том, что изучаемый предмет находится в сознании в оригинале. Его адекватное изучение не нуждается в удвоении в психических копиях. Если сменить качество любого изучаемого сущего произвольно, ради интереса или интеллектуального интереса, в языке Н. Лосского: сменить «субстанциального деятеля», сразу получаем ответ на вопрос о сущности онтологического качества объекта – он обладает принудительностью для нас, т.е. он заставляет признать нас в себе наличное качество, явленное

⁹ Сёрль Дж. Рациональность в действии. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С.336.

в нем. В онтологии Н. Лосского такое различие модальностей в восприятии не заслоняет от нас уникальность сущего и его качественную определенность. Это один из главных выводов философии представителя отечественной мысли, который в эпоху массового симулирования подлинности и превращенного сознания, оставляет возможности для языка, который способен проявить смысл и его значение, выявить существенные различия важные для самоопределения.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: ФОЛИО, 2000.
2. Гегель. Энциклопедия философских наук. II Часть. Философия природы. М. 1975
3. Имманентная философия В. Шуппе//Новое в философии. Сборник №3. Под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова СПб, 1913.
4. Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991.
5. Сёрль Дж. Рациональность в действии. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
6. Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000
7. Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991.
8. Соловьев В.С. Сочинения в 2 томах. М.: «Мысль», 1988.
9. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
10. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
11. Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. ФОЛИО, 2003.

SOME PREMISIES OF IDEAL-REALISM

A.V. USACHYOV

Yelets Bunin's State University

e-mail: a-usachyov@mail.ru

The article contains meditation of author about the main categories and methods of ideal-realism by Nicolas Lossky.

Key words: ideal-realism, thinking, knowledge, intuitivism, immanent philosophy, philosophy of conciseness.

УДК 316.7

ДОВЕРИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЕДИЙНОГО СООБЩЕСТВА К РАЗЛИЧНЫМ ТИПАМ МЕДИАТЕКСТОВ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.Р. КРАСИКОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail:
tkrasikova@inbox.ru*

В статье представлены результаты исследования (с использованием метода семантического дифференциала), направленного на оценку доверия представителей профессионального медийного сообщества (журналистов, специалистов по рекламе и PR) к журналистским, рекламным и PR-текстам. В работе оценка доверия / недоверия к данным типам текстов рассматривается в зависимости от социальных факторов.

Ключевые слова: доверие, медиатекст, семантический дифференциал, социальные факторы.

Введение

На территории постсоветского пространства в условиях рыночной экономики меняется содержание и особенности взаимодействия с аудиторией традиционных средств массовой информации. Особенно интересны в этом плане периодические издания. Каждый выпуск, например газеты, содержит в себе тексты разного характера: журналистские, рекламные, PR-тексты. В результате, мы наблюдаем отсутствие четкого разделения между каналами журналистской, рекламной и PR-коммуникацией.

Более того, стираются границы между конкретными типами текстов. Особенно трудно разделить информационные продукты журналистики и PR. Тексты паблик рилейшнз в силу своих коммуникативных задач «подстраиваются» под журналистские, используя те же самые жанровые формы – информационную заметку, интервью, статью и т.д. Кроме того, и журналистика, и PR, сходны по предмету отображения, одинаковы по каналу распространения, оперируют фактами и имеют одной из своих задач информирование. «Классический» рекламный текст становится близким к художественному тексту (в частности, к жанрам художественной фотографии), поскольку в рекламном сообщении сокращается количество вербальной информации. Задачей становится передача не просто прагматической информации, а той, которая позволит обратиться к коннотативным значениям, к подсознанию потребителя информации.

В этой связи определить характер медиатекстов бывает трудно даже профессиональным коммуникаторам – представителям профессионального медийного сообщества: журналистам, специалистам по рекламе и PR. Поэтому, нам представляется интересным выяснить, могут ли члены профессионального медийного сообщества грамотно идентифицировать данные типы медиатекстов и как они оценивают их в отношении доверия / недоверия.

В контексте современных исследований доверие рассматривается как сложное явление, природа которого определяется как минимум двумя возможностями субъекта: во-первых, проявлять доверие непосредственно к себе и, во-вторых, к окружающему миру. Отсюда следует важная особенность доверия: формируясь на основе внешних и внутренних факторов, оно рассматривается как социально-психологическое явление.

В отечественной научной традиции доверие определяют как «способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости)»¹.

Однако, что лежит в основе доверия? Что приводит субъект к переживанию этого состояния? Английский социолог Э. Гидденс указывает на то, что доверие основывается на «соединение» веры и уверенности. Он утверждает, что «доверие может быть определено как уверенность в надежности некоторой личности или системы относительно дан-

¹ Скрипкина Т.П. Психология доверия. – М.: Академия, 2000. – С.85.

ного комплекса последствий или событий, где эта уверенность выражает веру в честность или любовь другого лица или в правильность абстрактных принципов»². По мнению, Гидденса способность проявлять доверие / недоверие зависит от опыта усвоенного в процессе социализации.

Данный тезис сближает объяснение происхождения исследуемого феномена с микрокультурологическими теориями доверия, в которых утверждается, что доверие зависит от индивидуального опыта социализации.

В этой связи мы выдвинули следующую гипотезу. Мы полагаем, что уровень доверия/недоверия к исследуемым типам медиатекстов зависит от некоторых социальных характеристик коммуникантов, в том числе и тех, которые формируются в ходе социализации. В результате это процесса индивид усваивает определенные нормы и ценности, у него формируются социальные и психологические установки, оказывающие влияние на восприятие окружающего мира, в том числе и на рецепцию медиапродуктов в отношении доверия / недоверия.

Для членов профессионального медийного сообщества мы выделили следующие социальные факторы: возраст, должность, стаж работы, образование и специальность.

Эмпирическая база и методы исследования

Исследование проходило по репрезентативной выборке представителей профессионального медийного сообщества – журналистов, специалистов по рекламе и PR. Общее количество респондентов составило 60 человек. Каждый участник исследования должен был прочитать три текста (журналистский, PR и рекламный), идентифицировать их тип и оценить по бимодальным шкалам. Подчеркнем, что особенность всех трех медиатекстов состоит в том, что они представляют типичные образцы журналистской, рекламной и PR-коммуникации. По организации и подаче информации это наиболее «стандартные» и часто встречаемые типы текстов. Основные типобразующие признаки данных текстов были предложены в работах А.А. Тертычного³, Л.Е. Кройчика⁴, В.В. Ученовой⁵, Н.А. Лебедева-Любимого⁶ и А.Д. Кривоносова⁷.

Оценка респондентами объекта с позиции доверия/недоверия является субъективным процессом, основанным на личностных значениях. Именно поэтому нам представляется необходимым использовать *проективные процедуры*. Подобные методы позволят «зафиксировать» неосознаваемое самими респондентами отношение к медийным текстам, с учетом их психологических особенностей.

В исследовании мы использовали *метод семантического дифференциала* – один из основных методов проективных процедур. Учитывая, что доверие относится к сложным социально-психологическим явлениям, которые трудно поддаются саморефлексии, зависят от множества как внутренних, так и внешних установок, данный метод позволит нам обратиться к оценочно-аффективной рецепции текстов в сознании респондентов, к бессознательным, коннотативным значениям.

В качестве инструментария мы взяли за основу авторскую методику А.Б. Купрейченко, несколько изменив семантическое пространство факторов с учетом предмета нашего исследования. В результате получили следующие группы вербальных антонимов: *когнитивный* (непонятный / понятный; привлекающий внимание / непривлекающий внимание; оригинальный / неоригинальный; сложный / простой; запоминающийся / незапоминающийся, язык мне понятен / не понятен), *эмоциональный* (притягивающий / отталкивающий; огорчающий / радующий; возбуждающий / успокаивающий; хороший / плохой; враждебный / дружественный), *идентификационный* (реалистичный / нереальный; образы мне близки / не близки); *рациональный* (точный / неточный, надежный /

² Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. – P.35.

³ Тертычный А.А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2000.

⁴ Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров / под ред.С.Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000.

⁵ Реклама: палитра жанров / В. В. Ученова, С. А. Шомова, Т. Э. Гринберг, К. В. Конаныхин. – М.: РИП-холдинг, 2000.

⁶ Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2003.

⁷ Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб.: СПбГУ, 2002.

ненадежный, убедительные факты / неубедительные факты, информация важна для меня / не важна для меня).

Результаты исследований профессионального медийного сообщества

Для начала посмотрим, как практикующие журналисты, специалисты PR и рекламы идентифицировали типы медиатекстов. Затруднения вызвал PR-текст. Ошибки допустили 23,3% опрошенных. Из них подавляющее большинство членов профессионального медийного сообщества отождествляют данный тип текста с рекламой или симбиозом рекламы и PR. Так как исследование проходило очно, мы смогли узнать, почему данных текст они отождествляют с рекламой. Мы сделали вывод, что неточная идентификация зависит от неверного представления о функциях и задачах рекламной и PR-коммуникации. Данные убеждения, возможно, обусловлены тем, что большая часть респондентов-практиков не имеет профессионального медийного образования. В основном, среди тех, кто ошибся в определении текстов, были респонденты с педагогическим, филологическим, экономическим и техническим образованием. Лишь незначительную часть среди них составили журналисты. Наиболее «медиаграмотными» мы можем назвать специалистов по рекламе. Кроме того, выделим еще некоторые социальные характеристики данных респондентов. Итак, это, в основном, респонденты в возрасте от 23 до 29 лет, занимающих не руководящие должности, с опытом работы не менее 5 лет, высшим гуманитарным (не журналистским) образованием.

Результаты нашего исследования по проблеме доверия / недоверия профессионального медийного сообщества к медиатекстам отображены в таблице.

	Журналистский текст	PR-текст	Рекламный текст
Недоверие	1.7%	1.7%	6.6%
Сомнение	91.7%	88.3%	81.7%
Доверие	6.6%	10%	11.7%

Как следует из таблицы, однозначная рецепция данных текстов не превалирует. Мы не можем утверждать о влиянии социальных факторов на отношение доверия / недоверия. Посмотрим, от каких социальных факторов зависит «сомнение» в отношении доверия / недоверия к каждому из текстов.

I. Проявленное сомнение респондентов к журналистскому тексту зависит от следующих факторов:

1. *Возраст.* Большая часть респондентов данной категории по возрасту делится на две группы: в первой находятся респонденты 18-22 лет, во второй – от 35 лет и старше;
2. *Стаж работы.* Неоднозначно оценили текст те респонденты, которые занимаются профессиональной деятельностью больше года;
3. *Специальность.* В категорию «сомневающихся» вошли респонденты, имеющие экономические и технические специальности;

II. Рассмотрим, от каких факторов зависит «сомнение» к PR-тексту.

Здесь влияние оказывают следующие социальные факторы:

1. *Возраст.* Сюда вошли респонденты в возрасте от 18 до 22 лет, и опрошенные от 40 лет и старше;
2. *Стаж работы.* Интересно, что данную категорию составили две группы, находящиеся друг от друга на большой дистанции. Это профессионалы-практики с опытом работы до 1 года и респонденты, имеющие стаж более 10 лет;
3. *Образование.* В данную категорию вошли представители профессионального медийного сообщества со средним и неоконченным высшим образованием;
4. *Специальность.* Под влиянием этого фактора категорию «сомневающихся» дополнили респонденты с журналистским и техническим образованием.

III. Представим социальные факторы в отношении к рекламному тексту:

1. *Возраст.* Рассматриваемую категорию составили респонденты старше 40 лет;
2. *Стаж работы.* В этой группе находятся опрошенные, имеющие опыт работы более 10 лет;
3. *Специальность.* Сюда вошли респонденты, имеющие экономические и технические специальности.

Из таблицы видно, что доверие в отношении рекламного текста выше. Представим основные социальные характеристики данной группы респондентов. В большинстве случаев это респонденты в возрасте от 30 до 40 лет, занимающие руководящие должности, имеющие стаж работы 5-10 лет, высшее образование по специальности «журналистика». По гендерному признаку данную группу составляют преимущественно женщины.

Не намного отличается доверие в отношении PR-текста. Рассмотрим социальные характеристики этой группы опрошенных. В целом, это респонденты-женщины, возраст – от 23 до 29 лет, стаж работы 5-10 лет, имеющие высшее образование по гуманитарным (кроме журналистики) и экономическим специальностям.

Выводы

Применение в исследовании проективных процедур, в частности, метода семантического дифференциала, позволило нам выявить оценку медиатекстов респондентами в отношении доверия / недоверия при помощи обращения к аффективной и коннотативной рецепции текстов. В результате эксперимента мы выяснили, что большая часть профессионального медийного сообщества не может однозначно воспринять медийные продукты.

Отметим, что подтвердилась наша гипотеза о зависимости рецепции медиатекстов по уровням доверия / недоверия. Социальные факторы в случае «сомнения» в отношении доверия / недоверия к журналистским и PR-текстам практически идентичны. К ним относятся пол и профессиональные планы.

Количество опрошенных представителей профессионального медийного сообщества доверяющих рекламному и PR-тексту примерно одинаково (см. табл.1), а вот к журналистскому тексту доверие проявило меньшее количество респондентов. Отметим, что положительная рецепция последнего текста была проявлена специалистами по связям с общественностью и журналистами. Доверие к рекламному тексту, как и доверие к PR-тексту проявили в основном практики паблик рилейшнз. Возможно, такая рецепция данных текстов связана с тем, что специалисты по связям с общественностью положительно восприняли эти тексты именно с профессиональной точки зрения.

Однако для профессионального медийного сообщества по-прежнему лидирует «сомнение». Факторы, от которых зависит подобное отношение, практически одинаковы: возраст, стаж работы, специальность. Только лишь для PR-текста дополнительным фактором выступило образование.

Зависимость рецепции текстов в отношении доверия / недоверия от социальных характеристик респондентов подтверждает утверждения о том, что доверие является социально-психологическим явлением. Оценка текстов отражается под действием факторов социализации, а значит, определенных установок и представлений об окружающей действительности. Следовательно, доверие / недоверие к текстам массмедиа в большей степени определяется внетекстовыми характеристиками.

Список литературы

1. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб.: СПбГУ, 2002.
2. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров / под ред.С.Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000
3. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2003.
4. Реклама: палитра жанров / В. В. Ученова, С. А. Шомова, Т. Э. Гринберг, К. В. Конаныхин. – М.: РИП-холдинг, 2000.
5. Скрипкина Т.П. Психология доверия. – М.: Академия, 2000.

6. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2000.
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

TRUST OF MASS MEDIA PROFESSIONALS TO DIFFERENT TYPES OF MEDIA TEXTS: EXPERIMENTAL RESEARCH

T.R. KRASIKOVA

*Belgorod State National
Research University*

*e-mail:
tkrasikova@inbox.ru*

The article presents the results of the research (with use of the method of semantic differential) aimed at evaluation of trust of mass media professionals to journalistic, advertisement and PR texts. The paper shows that trust / mistrust to media texts depend on social factors.

Key words: trust, media text, semantic differential, social factors.

ПОНЯТИЕ ЗЛА В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Л.Н.ТОЛСТОГО

Е.Д. МЕЛЕШКО

Тульский государственный педагогический университет им.Л.Н. Толстого

e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru

В статье анализируется концепция зла в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого, раскрывается двойственность и парадоксальность зла, определяются его истоки, содержание и смысл, а также возможности преодоления, как способы духовного возрождения и нравственного самосовершенствования личности. В статье анализируются различные подходы понимания нравственной природы человека в истории культуры, их влияние на концепцию зла в религиозно нравственном учении Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: зло, грех, насилие, непротivление злoму, благо, добро, нравственное совершенствование, любовь, радость.

Основополагающая мысль Толстого в понимании природы зла имеет парадоксальный смысл. «Мы называем злом все то, - пишет Толстой во ввoдном, ключевом изречении к разделу «Зло» в «Пути жизни», - что нарушает благо нашей телесной жизни. А между тем вся жизнь наша есть только постепенное освобождение души от того, что составляет благо тела. И потому для того, кто понимает жизнь такую, кака я она действительно есть, *нет зла*» (курсив мой. - Е. М.)¹. Эту мысль Толстой приводит в еще более парадоксальной и лаконичной форме: «То, что мы считаем для себя злом, есть большею частью не понятое еще нами добро»².

Итак, в первом случае зла вообще нет, во втором - зло есть «непонятое добро». Эти положения имеют принципиально важное значение для основополагающего принципа религиозной философии Толстого - принципа непротivления, ибо они ставят под сомнение *предметность* самой заповеди «не противься злoму». Если зла нет, или, если зло есть иллюзия и в действительности является всего лишь «непонятым добром», то чему же тогда следует не противиться и какова цена самого непротivления, если предметом его фактически оказывается не зло, а благо?

Следует отметить, что Толстой не делает сколь-нибудь последовательных выводов из идеи иллюзорности зла. В противном случае это заставило бы его в корне пересмотреть все свое учение. Действительно, согласно толстовской трактовке злого, речь должна идти не о «зле» как таковом, как некоем предметном, субстанциальном качестве, а о некотором явлении ценностно неопределенной природы, протivление которому *силой* создает *видимость зла*. Эффект зла возникает здесь в результате соединения двух начал: определенного субъекта (или, возможно, объекта), обладающего качествами силы, агрессии, экспансии, угрожающими «благу», жизни и т. п., и ответного *насилия*, как средства протivостояния этим качествам. Заметим, что ни эти силы, ни ответное насилие сами по себе не есть зло. Только их соединение создает эффект зла, которого в действительности нет.

Такая точка зрения в какой-то мере объясняет парадокс принципа непротivления. С одной стороны, Толстой считает зло иллюзией, а также совершенно неопределимым, условным, субъективно-относительным качеством, а с другой, - видит в насилии *абсолютное зло*. Парадокс здесь заключается в следующем: если зла нет, то и насилия тоже нет, что это - всего лишь иллюзии. В действительности же насилие реально, абсолютно в том смысле, что оно всегда создает эффект зла, хотя само по себе и не является таковым. «Эффект зла» означает здесь то, что данное «зло» существует в чисто человеческой, духовной проекции, как своего рода аберрация ума. Поэтому, в строгом смысле слова, заповедь «не противься злoму насилieм», или «не противься злoму», сформулирована неточно.

¹ Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993. - С. 358.

² Там же. С. 363.

Если Христос признавал зло реальной силой, то в этом случае подобная формулировка оправдана. Но если признавать, как это делает Толстой, зло иллюзией, или «непонятым добром», то тогда данную заповедь следовало бы переформулировать таким образом: не противься какой бы то ни было силе с помощью ответной силы (насилия), ибо соединение двух *противоборствующих* сил создает эффект зла, т. е. порождает *иллюзию зла*, хотя, в действительности, за этой иллюзией кроется реальность еще не понятого добра.

Совершенно очевидно, что евангельская заповедь непротивления строится на признании реальности, предметности зла. Другое дело, что из текста Евангелия невозможно однозначно понять, о каком зле идет речь. То ли Иисус говорит о зле самом по себе, в значении субстанциальной противоположности добра; то ли он имеет в виду некое олицетворение зла, злую силу в виде дьявола, «лукавого» или просто человека-злодея и т. д. Однако в любом случае, с этой точки зрения, зло не является иллюзией. Контекст евангельской заповеди позволяет предположить, что зло не просто реально, оно *суперреально*. «Дьявольская» реальность зла узурпирует все права сущего быть онтологически значимым. Христос заповедует не противиться *человеческой силой* этому дьявольскому онтологизму зла, противопоставив ему *духовную сверхсущую реальность* кротости, терпения и милосердия.

В учении Толстого, безусловно, присутствует и этот евангельский момент понимания природы зла, который особенно ярко выражен в его системе грехов, соблазнов и суеверий, в признании этих грехов реальным и даже неискоренимым свойством человеческой природы. «Если люди думают, что можно в этой жизни освободиться от грехов, то они очень ошибаются. Человек может быть более или менее грешен, но никогда не может быть безгрешен. Не может живой человек быть безгрешен потому, что в освобождении от грехов вся жизнь человеческая, и только в этом освобождении есть истинное благо жизни»³. Как видим, в данном случае точка зрения Толстого подвергается корректировке. Речь здесь уже не о том, что зло, грехи есть «непонятое добро», а о том, что в *освобождении* от зла, грехов и состоит истинное благо. Эту мысль Толстой формулирует еще более четко и образно: «Грехи, соблазны и суеверия - это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти»⁴.

Признавая в данном случае самостоятельность и реальность зла, Толстой все-таки рассматривает его как почву для обретения блага. Реальность «почвы» в любом случае относительна или вспомогательна; она меркнет перед реальностью блага, «семян любви».

Таким образом, толстовская концепция зла остается по самой своей сути двойственной: зло для Толстого эфемерно, иллюзорно и в то же время реально. Что же лежит в основе этой двойственности в понимании природы зла? Как Толстому удастся сохранять единство в понимании смысла непротивления? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к основным концепциям зла в истории культуры, оказавшим явное или скрытое влияние на учение Толстого.

В какой-то мере этим вопросом задавался С. Н. Булгаков в своей работе «Человекобог и человекозверь», посвященной анализу последних художественных произведений Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей». Поэтому наше дальнейшее исследование мы будем соотносить с теми или иными положениями булгаковской статьи.

В истории культуры можно выделить два основных подхода к нравственной природе человека: одно учит о врожденности зла и коренной поврежденности человеческой природы, другое исходит из того, что человек по своей природе добр и что причина зла заключается не в человеческом сердце, а в заблуждениях ума, невежестве или общественной несправедливости.

Первая точка зрения находит свое полное и окончательное выражение в христианском учении о человеке, его неспособности собственными силами преодолеть соблазн зла, победить в себе грех. Эта точка зрения получила свое философско-этическое развитие в учениях Августина, Канта, Вл. Соловьева и др. мыслителей. Так, согласно Августину, человек есть раб греха; его собственная свобода есть лишь *влечение ко злу*; самостоятельная же способность к добру у него отсутствует. В этом смысле зло в человеческом ми-

³ Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993. - С. 74.

⁴ Там же. С. 81.

ре для Августина суперреально и сам человек без помощи божественной благодати, порождающей в нем волю и силу к добру, не способен противоборствовать злу. Этика Канта также стоит на точке зрения «радикального зла» в человеческой природе, усматривая в человеке «естественное предрасположение ко злу»⁵. И хотя Кант отрицает первородный общечеловеческий грех, повреждающий саму природу человека, он все-таки полагает, что склонность ко злу «не может быть уничтожена человеческими силами», хотя ее и возможно превозмочь, так как она проявляется в человеке как свободно действующем существе. Однако сам момент «превозможения» приобретает у Канта «сверхъестественный» характер: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, - это выше нашего понимания; в самом деле, каким образом злое дерево может приносить добрые плоды?»⁶. По Канту, зло вполне совместимо с доброй волей, «и возникает из слабости человеческой природы, недостаточно сильной для следования принятым принципам»⁷.

Кантовская мысль о том, что зло есть всего лишь следствие *слабости* человеческой природы, была очень близка Толстому, ибо она делала проблематичной саму *предметность* зла. Не «злостность», в основе которой лежит мотив «чистого», «сатанинского» зла, а *слабость*, т. е. неумение быть последовательным и принципиальным в своем поведении, - вот в чем Толстой «согласен» был видеть корень порочности и греховности человека. В его «Дневниках» (7 октября 1892 г.) мы находим весьма характерную мысль: «Злой человек! Негодяй, мерзавец, злодей! Преступник. Страшный! Люди слишком слабы для того, чтобы они могли быть злы. Все они хотят быть добры, только не умеют, не могут. Это неумение быть добрым и есть то, что мы называем злым».

Кантовская концепция «радикального» зла оставляет определенную надежду на компромисс с добром, возможность «деонтологизации» зла в пользу блага. Напротив, точка же зрения В. С. Соловьева в этом вопросе выглядит совершенно бескомпромиссной. В своем последнем произведении «Три разговора» Соловьев не только признает самостоятельную реальность зла, но также и его власть над добром в различных сферах жизни. «Зло действительно существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях бытия. Есть зло индивидуальное - оно выражается в том, что низшая сторона человека, скотские и зверские страсти противятся лучшим стремлениям души и *осиливают их* в огромном большинстве людей. Есть зло общественное - оно в том, что людская толпа, индивидуально поработанная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их; есть, наконец, то физическое в человеке - в том, что низшие материальные элементы его тела сопротивляются живой и светлой силе, связывающей их в прекрасную форму организма... Это есть крайнее зло, называемое смертью»⁸.

Для Толстого подобное понимание зла оказалось неприемлемым, ибо сама констатация перевеса «низших качеств над высшими», тем более, «во всех областях бытия», расценивалась им --в метафизическом плане - как следствие чисто материалистического и эмпирического воззрения на мир, а в этическом - гедонистической и утилитаристской жизненной установки. «Страдания и смерть представляются человеку злом только тогда, - отмечал он, - когда закон своего плотского, животного существования человека принимает за закон своей жизни. Только тогда он, будучи человеком, спускается на степень животного, только тогда для него становятся страшны страдания и смерть... Страдания и смерть есть только нарушение человеком закона своей жизни. Если бы человек жил вполне духовной жизнью, для него не было бы ни страданий, ни смерти»⁹.

Разумеется, концепция зла в философии Вл. Соловьева не подходит под такие оценки. В ней углубляются христианские представления об укорененности зла в человеческой природе и бессилии «человеческого» добра перед «демоническим» злом. Вполне

⁵ Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. - С. 108.

⁶ Там же. С. 116.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. - С. 727.

⁹ Толстой Л. Н. Путь жизни. - С. 375.

в августиновском духе Соловьев говорит о сверхъестественной, божественной благодати, призванной для действительной борьбы со злом и выступающей у него в виде некоего «вдохновения добра», или прямого и положительного действия доброго начала на нас и в нас. Только при таком содействии свыше ум и совесть человека становятся надежными помощниками самого добра, и нравственность, вместо всегда сомнительного «хорошего поведения», становится несомненно «жизнью в самом добре».

В учениях второго типа, наличие сил греха и зла в человеке, либо игнорируются, либо отрицаются. Причиной зла считается здесь либо *неведение* и *зablуждение* человеческого ума, либо ложное социальное устройство жизни, т. е. *незнание закона жизни*. Обе эти точки зрения на природу зла оказались весьма близки Толстому и нашли свое отражение в его концепции зла.

Существенное влияние на учение Толстого оказало *буддийское* понимание природы зла, хотя это влияние во многом было скрытым. Толстой заимствовал из буддийской философии зла прежде всего идею обратного воздействия зла на того, кто его совершает. «Зло возвращается на того, кто его сделал, так же как пыль, брошенная против ветра» (Дхаммапада)¹⁰. Иными словами, зло есть продукт человеческого деяния, причем такого деяния, в основе которого лежит незнание истинной природы вещей, порожденное иллюзией собственного «я». Вследствие этого «дурные поступки, имеющие целью своекорыстный интерес и счастье на земле и ведущие к зависимости от рождения, возникают в результате *ложного видения*, вождления и ненависти. Моральное зло есть следствие *неведения* или *неправильного понимания* ценности и природы вещей»¹¹.

Не менее существенное влияние оказал на учение Толстого и античный рационализм сократовского образца, исходящий из той предпосылки, что никто не может быть порочен по собственной воле, что зло есть заблуждение, незнание добра, неумение научиться добродетели. Сократовский рационализм в понимании сущности зла сочетается у Толстого с нравственным утилитаризмом. В «Круге чтения» он приводит следующую мысль Сократа: «Злой человек вредит другим без всякой для себя выгоды; мало того, вредя другим, делает и себе вред»¹². Отсюда убеждение Толстого в том, что зло - «это наши ошибки»¹³.

В своем понимании природы зла Толстой опирается также на учения, в которых источник зла усматривается в забвении или незнании естественного порядка и нарушении его норм, а также в *ложном устройстве жизни*. Незнание закона жизни проявляется, например, в «добровольном рабстве» (Э. ла Бозети), когда люди «сами упорствуют в своем зле и не видят лежащего перед ними добра».

Эту «иллюзию зла» Толстой рассматривает в контексте возможной практики *массового непротивления злему*. В «Письме к китайцу» он подчеркивает ту мысль, что причина порабощения людей - это фактическая поддержка ими закона насилия. Чтобы избавиться от зла, т. е. разрушить иллюзию зла, надо бороться не с его последствиями (злоупотреблением властью, захватами и грабежами соседних народов и т. п.), а с самим корнем зла: с *ложным отношением* народа к власти. «Если народ считает политическую власть выше власти *нравственного закона*, то он всегда останется рабом, какой бы характер эта власть не носила»¹⁴.

Объясняя эту «иллюзию зла», Толстой, теперь уже в «Письме к индусу», показывает истинную причину «самопорабощения», при котором граждане в собственном государстве становятся как бы угнетателями самих себя. «Как может кучка англичан поработить и держать в порабощении 200-миллионный народ? Скажите это человеку, свободному от суеверия, он не поймет, что значат эти слова. Разве не ясно по одним только цифрам, что не англичане, а сами индусы поработили себя тем, что они жили насилием,

¹⁰ Толстой Л. Н. Круг чтения. М., 1991. Т. 1. - С. 305.

¹¹ Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1993. Т. 1. - С. 356-357.

¹² Толстой Л. Н. Круг чтения. Т. 1. - С. 53.

¹³ Толстой Л. Н. Путь жизни. - С. 365.

¹⁴ Толстой Л. Н. Письмо к китайцу // Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 36. - С. 297.

живут насиллием и не признают закона любви?»¹⁵. Толстой убежден, что человек сам создает «эффект» зла, поскольку живет не по закону любви, а по закону насилия.

Таким образом, проведенный анализ позволяет судить, что толстовская концепция зла не укладывается целиком ни в одно из рассмотренных направлений в понимании зла, но включает в себя элементы и того и другого. С одной стороны, по основам своего *понимания мира и человека* толстовская концепция зла, несомненно, должна быть отнесена ко второму типу учений, поскольку Толстой разделяет веру в естественного человека, неповрежденного в своей основе и извращенного лишь ложным устройством жизни, дурным воспитанием и незнанием «закона любви».

В этом отношении Толстой не приемлет идею первородного греха, «радикального зла» в человеческой природе, отвергая тем самым и действие сверхъестественной, божественной благодати на человеческую волю. Религия Толстого раскрывается здесь как религия «разумного самоспасения». Неслучайно Толстой так любил повторять мысль из «Дхаммапады», несколько раз включив ее в «Круг чтения»: «Сам совершаешь грех, сам замыслишь зло, сам убегаешь от греха, сам очищаешь помыслы, сам собой ты порочен или чист, другому не спасти тебя»¹⁶.

Однако, с другой стороны, по своему *духовному опыту*, по своей *художественной интуиции* Толстой безусловно стоит на позиции христианского понимания зла, признавая зло самостоятельной, реальной силой, изначально повреждающей нравственную природу человека. «Он слишком глубоко заглянул в человеческую душу, -- пронизательно замечает С. Н. Булгаков, - он слишком много познал опытом своей собственной жизни, чтобы вместе с оптимистами совершенно отвергать силу греха, провозглашать нравственное здоровье естественного человека»¹⁷. По мысли Булгакова, Толстой ни в чем так не был близок к *церковному христианству*, как в сознании греха, его силы и непобедимости, перед которой «детским лепетом» кажутся разговоры о самоспасении. «Толстой слишком хорошо знал в надменном человекобоге грязного человекозверя», - заключает свою мысль С. Н. Булгаков.

Особенно явно эта точка зрения на природу зла открылась в поздних художественных произведениях Толстого - повестях «Отец Сергей» и «Дьявол». В своем анализе этих произведений С. Н. Булгаков приходит к выводу: их жизненный смысл в том, что «ясное сознание силы зла и греха без духовной опоры вне себя, без покаяния и отпущения грехов, без благодатной помощи и возрождения ведет или к духовному одеревенению, «нечувствию» и самообольщению, или же к отчаянию»¹⁸.

Христианский взгляд на природу зла заявляет о себе и в религиозной философии Толстого. Мы уже отмечали, что в своем последнем произведении «Путь жизни» Толстой считает, что в этой жизни человек не может освободиться от грехов, что он может быть только более или менее грешен, но безгрешным не может быть никогда. Однако в самом сознании своей греховности, мобилиующим человека на борьбу с собственными пороками и скрывается тот момент «благодати» и «спасения свыше», которые характеризуют истинно христианский путь преодоления зла. «Толстой не устаёт повторять, что самый путь борьбы с грехом исполнен чувства приближения к Богу и потому радостен, - замечает С. Н. Булгаков. В этом главный нерв религиозной проповеди Толстого и ее пафос: *радость пути* и радость сознания, как много этого пути осталось. Радость есть сила всякой религии. Радостью победило мир христианство... радость о «Духе Святом» есть, может быть, единственный документ религиозной подлинности вообще. И Толстой хорошо понимал это, а потому он часто и настойчиво говорил и достигнутой им радости, как будто стараясь в этом кого-то уверить, может быть, раньше всех самого себя»¹⁹.

И действительно, Толстой ни о чем так часто не говорил и не писал, как о *радости* освобождения от грехов, о радости *преодоления зла*. «Тяжело бывает человеку знать про

¹⁵ Толстой Л. Н. Письмо к индусу // Там же. - С. 189-190.

¹⁶ Толстой Л. Н. Круг чтения. Т. 1. - С. 250, 438.

¹⁷ Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н.Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей» // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993, Т. 2. - С. 477.

¹⁸ Там же. С. 490.

¹⁹ Там же. С. 478.

свои грехи, но и зато большая радость чувствовать, что освобождаешься от них. Не было бы ночи, мы не радовались бы свету солнца. Не было бы греха, не знал бы человек радости праведности»²⁰.

Само понятие и состояние «радости преодоления зла», как нам кажется, лучше всего передают противоречивость толстовского понимания природы зла. Зло выступает здесь и как самостоятельная, реальная сила, которую необходимо побороть и преодолеть, и как иллюзия, разрушение которой и создает ощущение радости и свободы. Ибо абсолютная, «совершенная радость» возможна только в случае ощущения абсолютного преодоления злой силы, полного освобождения от нее, что достигается только в результате радикального искоренения зла как иллюзии. И вместе с тем радость приобретает высший смысл, если речь идет о преодолении реальной, предметной силы зла. Сама иллюзия зла играет здесь своеобразную роль «божественной благодати», способствующей окончательному преодолению силы зла в человеке: для Бога зло действительно есть чистая иллюзия.

В этом плане толстовское понимание природы зла, определяющее уникальность его философии непротivления, больше всего соответствует духу и смыслу зла в философии Упанишад: «Зло не реально в том смысле, что оно связано с возможностью превращения его в добро. Оно реально по размерам тех усилий, которые требуются для его преобразования»²¹. В систематической форме концепция зла излагается Толстым в учении о *грехах, соблазнах и суевериях*, которое представляет собой своеобразный сплав христианских (святоотеческих), буддийских и античных взглядов на проблему пороков и злых страстей в человеке.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н.Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергей» // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993, Т. 2.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
3. Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1993. Т. 1.
4. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
5. Толстой Л. Н. Круг чтения. М., 1991. Т. 1.
6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 36.
7. Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993.

NOTION OF "EVIL" IN THE RELIGIOUS PHILOSOPHY OF LEO TOLSTOY

E.D. MELECHKO

*The Tula state
pedagogical
university n.a. I. Tolstoy*

e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru

The article analyzes the concept of evil in the religious and moral teachings of L. Tolstoy reveals the paradoxical duality and evil are defined by its origins, content, and meaning, as well as opportunities to overcome, as the methods of spiritual revival and moral self-identity. This article analyzes the different approaches of understanding the moral nature of man in the history of culture and their impact on the concept of evil in religious moral teachings of Leo Tolstoy.

Key words: evil, sin, violence and non-resistance to evil, good, good, moral perfection, love, joy.

²⁰ Толстой Л. Н. Путь жизни. - С. 81.

²¹ Радхакришнан С. Указ. соч. - С. 202.

УДК 159.922.27

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ВНУТРИУТРОБНОГО РАЗВИТИЯ

М.А. НАБЕРЕЖНЕВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru

В данной статье рассмотрена проблема задержки внутриутробного развития плода с психологической точки зрения. Сделан акцент на недоношенных детях. Показана роль необходимости организации специальной социально-психологической реабилитации таких детей.

Ключевые слова: задержка внутриутробного развития плода (ЗВУР), недоношенный ребенок, социально-психологическая реабилитация.

Проблема нарушения внутриутробного роста и развития плода (ЗВУР) остается одной из актуальных не только в современном акушерстве и перинатологии, но и в социологии и психологии. Последствия перенесенного длительного внутриутробного страдания плода обуславливают в постнатальном периоде нарушение адаптации, снижение сопротивляемости организма младенца, могут привести к отклонению физического, соматического и нервно-психического развития в последующем онтогенезе¹. В этой связи проблема нарушения роста и развития плода должна привлекать пристальное внимание социологов и психологов.

Последнее время отмечен значительный рост числа новорожденных с задержкой внутриутробного развития (ЗВУР) с высокой частотой неврологических нарушений не только в перинатальном периоде, но и в последующие годы жизни^{2 3}.

В развивающихся странах число новорожденных с низкой массой тела достигает уже 40%, при этом почти 75% из них могут быть расценены как дети с ЗВУР. В нашей стране частота ЗВУР оценена лишь в немногих исследованиях, и из-за отсутствия единых подходов к диагностике данные, представленные в них, существенно различаются⁴.

Как отмечают отечественные авторы: ЗВУР плода в России колеблется в широких пределах и составляет 3,5-17,5%⁵.

В соответствии с данными всероссийской диспансеризации 2002 г., у 21 % новорожденных выявляется задержка внутриутробного развития⁶. По данным того же автора, частота ЗВУР коррелирует со степенью недоношенности новорожденного: чем меньше гестационный возраст ребенка, тем чаще встречается ЗВУР. Среди недоношенных детей, воспитывающихся в домах ребенка, ЗВУР диагностируется более чем в 50 % случаев.

Согласно Г.М. Савельевой и Л. Г. Сичинава, ЗВУР плода занимает одно из ведущих мест в структуре перинатальной заболеваемости и смертности, достигая 24% и превышая данный показатель у детей с нормальной массой тела при рождении до 10 раз.

ЗВУР плода ассоциируется не только с повышенным риском нео-натальной заболеваемости и смертности, но и грубыми постнатальными нарушениями физического и

¹Задержка внутриутробного развития плода // http://www.medport.info/index.php?option=com_content&view=article&id=6288:2010-08-10-09-43-07&catid=160:2009-12-23-21-32-38&Itemid=73

²Барашнев Ю.И. Перинатальная неврология. – М.: Триада-Х, 2001. – 640 с.

³Дементьева Г.М.- Низкая масса тела при рождении. Гипоксия плода и новорожденного. - М., 2003. - 89 с.

⁴Алиева А. А. Медико-социальные аспекты инвалидности и медицинской реабилитации детей с последствиями перинатальной ишемии мозга и задержкой внутриутробного развития: Автореферат дисс... к. мед.н. – М., 2008.

⁵Малевиц Ю.К., Шостак В.А. Фетоплацентарная недостаточность. – Беларусь, 2007. – 158 с.

⁶Доскин В.А., Макарова З.С., Ямпольская Р.В. Реабилитация детей в домах ребенка. – ВЛАДОС, 2007. - 400 с.

нервно-психического развития, приводящими к тяжелой инвалидизации детей⁷.

Частота аномалий у недоношенных детей по сравнению с детьми, рожденными в срок, превышает в 6-10 раз. Наследственная моногенная, полигенная и врожденная патология служит основанием для возникновения 90 % хронических заболеваний и является одной из главных причин детской инвалидности⁸.

По данным Ю.И. Барашнева, при обнаружении у досрочно родившихся детей неврологических нарушений легкой и средней степени тяжести инвалидность наступает в 28,5 и 60,6 % случаев соответственно. Тяжелые повреждения, перенесенные в перинатальном и неонатальном периодах и потребовавшие применения методов интенсивной терапии и реанимации, способствуют возникновению инвалидности в 97 % случаев. Наиболее частые причины инвалидности: детский церебральный паралич, слепота, глухота, задержка умственного развития тяжелой степени, гидроцефалия, эпилепсия.

Несмотря на злободневность обозначенной проблемы на данный момент в научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные изучению особенностей психического развития детей с диагнозом задержка внутриутробного развития и динамики нарушений у них в различные возрастные периоды и как следствие не оказывается своевременная и актуальная социально-психологическая помощь таким детям. Между тем, наблюдаемое в последнее время повышение выживаемости преждевременно родившихся детей, особенно глубоко недоношенных, еще более обостряет обозначенную проблему и требует постоянного комплексного социально-психологического наблюдения за ними и проведения реабилитационных мероприятий на всех этапах их выживания.

К настоящему времени имеющиеся исследования относительно психоневрологических нарушений у детей с ЗВУР на различных этапах их возрастного развития позволяют прийти к следующим выводам.

Результаты исследования Х.М. Алиевой новорожденных детей с ЗВУР показывает вариант динамики их развития. При рождении у таких детей наблюдалась повышенная нервно-рефлекторная возбудимость, синдром угнетения, быстрая истощаемость, низкие реакции на слух и зрительные стимулы; на первой неделе – нарушение соотношения сна и бодрствования как следствие снижения порога раздражимости и недостаточной тормозимости влияний со стороны ретикулярной формации; к концу первого месяца – синдром двигательных нарушений, гиперкинезы; к 4-му месяцу наблюдалось отставание локomotorных функций, что свидетельствует о дальнейших речевых нарушениях. К 9 месяцам эти дети догоняют по моторному развитию, но отстают по сенсорному восприятию.

По результатам исследований другого автора А.А. Алиевой в возрасте 1 года в структуре психоневрологических нарушений у детей с ЗВУР превалировала грубая задержка моторного развития, психического развития, задержка предречевого и речевого развития. Существенно, что практически у каждого пятого ребенка с ЗВУР с 6-ти месячного возраста диагностирован ДЦП. При этом, по данным того же автора, почти у четверти детей наблюдались грубые сочетанные расстройства.

В возрасте 3-4 лет у детей с ЗВУР к перечисленным А.А. Алиевой расстройствам добавились неврозы и психо-соматические нарушения.

В возрасте 6-7 лет у пациентов с ЗВУР наблюдалась задержка в формировании навыков опрятности, стойкий дневной и ночной энурез и энкопрез. Наряду с двигательными нарушениями практически постоянно отмечались выраженные вегетативные проявления (чрезмерная потливость, покраснение и побледнение кожных покровов, дрожание подбородка, рук, ознобоподобная дрожь всего тела при плаче и т. п.), колебания настроения в течение суток с усилением двигательного беспокойства, непродуктивная деятельность в вечернее время с последующим нарушением сна, отмечались жалобы на неопределенные неприятные ощущения, в том числе и болееобразные в различных частях тела. Возникновение симптомов гиперкинетических расстройств поведения или их уси-

⁷ Алиева А. А. Медико-социальные аспекты инвалидности и медицинской реабилитации детей с последствиями перинатальной ишемии мозга и задержкой внутриутробного развития: Автореферат дисс... к. мед.н. – М., 2008.

⁸ Вельтищев Ю.Е. Проблемы охраны здоровья детей России // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2000. - №1. – С.5-9.

ление нередко наблюдалось к началу посещения школы, что можно объяснить морфо-функциональной неспособностью определенных структур головного мозга ребенка в этом возрасте справиться с новыми требованиями в условиях увеличения психических и физических нагрузок. Значительные психологические трудности нередко приводили к разнообразным психосоматическим нарушениям, в частности тяжелой вегето-сосудистой дистонии.

Все эти негативные проявления еще больше усиливались в возрасте 9-10 лет. По данным исследования А.А. Алиевой грубые эмоциональные и волевые нарушения отмечались практически у 7 из 10 пациентов.

Эти исследования согласуются с данными профессора К. Л. Печоры: у детей, родившихся недоношенными, отмечается снижение уровня НПР. Особенно страдает речевое, сенсорное развитие, в дошкольном возрасте – мышление, внимание, память.

Так, более 40% дошкольников не готовы к обучению в условиях общеобразовательной школы в связи с умеренно выраженными нервно-психическими расстройствами; среди детей-сирот в домах ребенка и в детских домах этот показатель достигает 70-80%⁹.

Таким образом, проведенные различными авторами исследования, показывают динамику психоневрологических нарушений у детей с синдромом задержки внутриутробного развития. Без учета специфики этих нарушений на каждом возрастном этапе невозможна адекватная психологическая и социальная помощь эти детям. И чем раньше будет оказана эта помощь, тем благоприятнее прогноз в развитии данной категории детей.

Чрезвычайно важным является тщательное динамическое наблюдение за ростом и развитием недоношенных детей. Это позволяет более результативно осуществлять профилактику формирования тяжелой инвалидности и раннюю реабилитацию детей, которым угрожает развитие инвалидности¹⁰.

Профессором Г.В. Яцык были сформулированы основные принципы реабилитации детей (Доскин В.А.):

1. Раннее начало реабилитации: вторая-третья неделя жизни (включая крайне маловесных недоношенных детей).
2. Строго индивидуальный подход к больному ребенку (в зависимости от возраста, степени зрелости, тяжести основной патологии и т. п.).
3. Подход с позиций целостного организма (нельзя заниматься только коррекцией неврологических нарушений). У большинства детей раннего возраста нарушения носят нейросоматический характер.
4. Комплексное использование различных средств: медикаментозных, физических, психолого-педагогических.
5. Преимущество мер реабилитации на различных этапах оказания помощи. Этапность реабилитационных мероприятий предполагает последовательность в использовании различных приемов и способов коррекции, обеспечения процесса реабилитации в различных условиях.

К изложенным профессором Г.В. Яцык принципам хотелось бы добавить еще более ранне начало реабилитации детей с ЗУВР начиная с антенатального этапа их развития, что, на наш взгляд, позволит существенно снизить детскую инвалидность за счет повышения оказания социально-психологической помощи беременным женщинам, а также роженицам и новорожденным детям.

Заслуживает внимания другой вид регулирующей терапии - психологическое воздействие на мать с целью гармонизации психоэмоционального состояния беременной, которая может служить одним из механизмов нормализации физиологических, в частности, гестационных, функций¹¹.

Согласно результатам исследования Л.А. Бахмутовой «установлена целесообраз-

⁹ Алиева Х. М. Особенности нервно-психического развития детей, родившихся с перинатальным поражением ЦНС и задержкой внутриутробного развития. - Москва, 2005.

¹⁰ Доскин В.А., Макарова З.С., Ямпольская Р.В. Реабилитация детей в домах ребенка. – ВЛАДОС, 2007. - 400 с.

¹¹ Абрамченко В.В., Коваленко Н.П. Перинатальная психология: Теория, методология, опыт. Петрозаводск, 2004. 350с.

ность включения в комплекс реабилитационных мероприятий при ХВГ и ЗВУР плода программы медико-психологического сопровождения беременности, эффективность которой заключает в оптимизации клинико-лабораторных и инструментальных показателей течения беременности и состояния плода, улучшении исхода беременности и течения родов, более гладкого течения ранней адаптации и развития детей на 1-ом году жизни”.

Когда речь заходит о детях с синдромом задержки внутриутробного развития на первый план выступает медицинский аспект реабилитации таких детей. Исходя из такой политики ребенок, рожденный с диагнозом ЗВУР приобретает статус «инвалида», оторванного от общества, идущего в разрез «с нормой». Вследствие чего такие дети в нашем обществе уже априори изолированы от «нормального общества».

Следственно проблема детей с задержкой внутриутробного развития не ограничивается медицинским аспектом. Она является социальной проблемой. И здесь на первый план выходит социальная реабилитация таких детей, которая понимается нами как комплекс мер, направленных на восстановление разрушенных или утраченных индивидом общественных связей и отношений¹².

Но поскольку такие дети нуждаются в особом подходе и взаимодействии с ними предполагает глубокие знания закономерностей их психологического развития на различных возрастных этапах, то корректнее тогда было бы говорить о социально-психологической реабилитации детей с задержкой внутриутробного развития.

В основе социально-психологической реабилитации детей с ЗВУР лежит социально-психологическая помощь семьям, в которых рождаются такие дети. И цель такой помощи прежде всего, на наш взгляд, заключается в преодолении негативных стереотипов в сознании родителей относительно их ребенка и бесполезности его лечения.

Проблемы семьи ребенка с особенностями развития затрагиваются в работах многих авторов (Т.Г. Богдановой, Н.В. Мазуровой, В.А. Вишневого, Т.А. Добровольской, А.И. Захарова, И.Ю. Левченко, Р.Ф. Майрамяна, И.И. Мамайчук, А.И. Раку, М.М. Семаго, А.Р. Шарипова, В.В. Юртайкина, В.А. Доскина, Г.Г.Опарова и др.)¹³. Эти авторы видят решение проблемы в рамках социально-психологического подхода, в центре которого находится ребенок с ограниченными возможностями. Суть его заключается в оказании квалифицированной помощи родителям медиками, психологами, социальными работниками, педагогами по преодолению имеющихся у ребенка проблем.

Действительно, основной проблемой, имеющей важнейшее значение для воспитания ребенка-инвалида, является отношение родителей к его дефекту. Многие родители в такой ситуации оказываются беспомощными. Их положение можно охарактеризовать как внутренний (психологический) и внешний (социальный) тупик. Между тем дети с ЗВУР нуждаются в особых эмоциональных отношениях с мамой или лицом ее заменяющим. На это указывают и результаты наблюдений А.А. Алиевой, указывающие на выраженную эмоциональную депривацию таких детей, обусловленную даже недолгой разлукой с матерью.

При реализации реабилитационных мероприятий необходимо привлечение не только медицинских работников, но и психологов и социальных работников в самой системе здравоохранения, выработку совместных усилий по приспособлению ребенка к социальной среде, поскольку необходимо предупреждать возникновение вторичных дефектов у детей с ЗВУР, возникающих в результате искаженных взаимодействий семьи с таким ребенком.

Программа социально-психологической реабилитации детей с ЗВУР должна разрабатываться командой специалистов совместно с родителями и проводиться на трех уровнях: на уровне “семейная пара”, на уровне “ребенок” и на уровне “родители-ребенок”.

¹² Фирсов М. В., Шапиро Б. Ю. Психология социальной работы: Содержание и методы психосоциальной практики: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. - 192 с.

¹³ Володина О. А., Петрова В. Г. Формирование детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с умственной отсталостью // Современные проблемы специальной педагогики и специальной психологии: Материалы научно-практических конференций студентов, аспирантов, соискателей и практических работников «Дни науки МГПУ – 2010» - март - апрель 2010 года. - М.: ГОУ ВПО МГПУ, 2010. // http://www.pedlib.ru/Books/7/0068/7_0068-51.shtml

Рождение ребенка с диагнозом задержка внутриутробного развития влечет за собой изменения, происходящие в отношениях семейной пары. И в первую очередь, это касается психологического настроя. Предупреждение и работа с психологическими проблемами и хроническим стрессом, возникающим у родителей в связи с заболеванием ребенка – основная цель работы специалистов на этом уровне.

Изменения, происходящие в семье в связи с рождением ребенка с подобным диагнозом могут привести к распаду семьи, сужению круга социальных контактов, потере родовых навыков, так как матери таких детей чаще всего оставляют работу.

На этом уровне необходима психологическая поддержка семьи, помощь семье в организации отдыха, восстановление сил и т.д.

Реабилитационная программа с семьей должна включать в себя такие направления как групповая психотерапия, семейная терапия, трудовая терапия и терапия средой.

Реабилитационные мероприятия на уровне «ребенок» направлены на развитие общей или точной моторики, языка и речи ребенка, его умственных способностей, навыков самообслуживания и общения и т.д.

Реабилитационные мероприятия на уровне «родители-ребенок» включают в себя приобретение родителями специальных знаний в отношении тонкостей развития детей с ЗУВР, создание благоприятного микроклимата для ребенка (включая обстановку, специальное оборудование, способы взаимодействия, стиль общения в семье), чтобы не усугубить первичные дефекты развития неблагоприятными воздействиями извне.

Таким образом, необходимо учитывать, что реабилитация – это не просто оптимизация лечения, а комплекс мероприятий, направленных не только на самого ребенка, но и на его окружение в первую очередь на его семью.

Список литературы

1. Абрамченко В.В., Коваленко Н.П. Перинатальная психология: Теория, методология, опыт. Петрозаводск, 2004. 350с.
2. Алиева А.А. Медико-социальные аспекты инвалидности и медицинской реабилитации детей с последствиями перинатальной ишемии мозга и задержкой внутриутробного развития. Диссертация на соискание степени кандидата медицинских наук. – Москва, 2008. – 127 с.
3. Алиева А. А. Медико-социальные аспекты инвалидности и медицинской реабилитации детей с последствиями перинатальной ишемии мозга и задержкой внутриутробного развития: Автореферат дисс... к. мед.н. – М., 2008.
4. Алиева Х. М. Особенности нервно-психического развития детей, родившихся с перинатальным поражением ЦНС и задержкой внутриутробного развития. – Москва, 2005.
5. Барашнев Ю.И. Перинатальная неврология. – М.: Триада-Х, 2001. – 640 с.
6. Бахмутова Л. А. Комплексный подход к диагностике и коррекции задержки внутриутробного развития у новорожденных детей: Автореферат дисс... д. мед.н. – Астрахань, 2009.
7. Вельтишев Ю.Е. Проблемы охраны здоровья детей России // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2000. - №1. – С.5-9.
8. Володина О. А., Петрова В. Г. Формирование детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с умственной отсталостью // Современные проблемы специальной педагогики и специальной психологии: Материалы научно-практических конференций студентов, аспирантов, соискателей и практических работников «Дни науки МГПУ – 2010» - март - апрель 2010 года. - М.: ГОУ ВПО МГПУ, 2010. // http://www.pedlib.ru/Books/7/0068/7_0068-51.shtml
9. Дементьева Г.М.- Низкая масса тела при рождении. Гипоксия плода и новорожденного. - М., 2003. - 89 с.
10. Доскин В.А., Макарова З.С., Ямпольская Р.В. Реабилитация детей в домах ребенка. – ВЛАДОС, 2007. - 400 с.
11. Задержка внутриутробного развития плода // http://www.medport.info/index.php?option=com_content&view=article&id=6288:2010-08-10-09-43-07&catid=160:2009-12-23-21-32-38&Itemid=73
12. «Защищенное детство» - модель психолога педагогического сопровождения родителей, имеющих детей инвалидов // <http://zrenielib.ru/docs/index-3182.html>
13. Малевич Ю.К., Шостак В.А. Фетоплацентарная недостаточность. – Беларусь, 2007. – 158 с.
14. Савельева Г.М., Сичинава Л.Г. – Гипоксические перинатальные повреждения центральной нервной системы у плода и новорожденного — Рос.вест. перинат. и педиатр., 1995, 3, 19–23.
15. Фирсов М. В., Шапиро Б. Ю. Психология социальной работы: Содержание и методы пси-

хосоциальной практики: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. - 192 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF CHILDREN WITH INTRAUTERINE GROWTH RETARDATION

M.A. NABEREZHNEVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru

In this article the problem of a delay of pre-natal development of a fruit from the psychological point of view is considered. It is emphasized premature children. The role of need of the organization of special social and psychological rehabilitation of such children is shown.

Key words: Delay of pre-natal development of a fruit (ZVUR), premature child, social psychological rehabilitation.

УДК 130.2

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА КАК НОРМАТИВНАЯ ТРАНСРЕГУЛЯЦИЯ**В.Н. НАЗАРОВ***Тульский государственный
педагогический
университет
им.Л.Н. Толстого**e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается феномен религиозной этики как особый тип нормативной регуляции, основанный не на стыде, жалости, справедливости, равенстве и др. традиционных ценностях, выражающих интересы межчеловеческого общения, а на неравенстве (уничижении и превосходстве) и несправедливости (повиновении и свободном подчинении человеческой воли требованиям высшего начала). В статье доказывается, что предметом религиозной этики является совокупность норм и правил, регулирующих отношения человека со сверхчеловеческим (сверхъестественным) миром в целом и субъектами этого мира, к каковым можно отнести души умерших предков, духов, демонов, героев, богов и другие сверхчеловеческие (а также и иночеловеческие, инфернально-мифологические) сущности. На основании иерархического ряда сверхчеловеческих сущностей, наиболее полно представленном в трактате Ямвлиха «О египетских мистериях», в статье предлагается оригинальная типология религиозной этики.

Ключевые слова: нормативная трансрегуляция, иерархия божественных сущностей, типы религиозной этики, этика веры в духов, этика *imitatio Dei*, богочеловеческая этика.

Исходным пунктом намечаемой нами концепции религиозной этики является ее определение как нормативной трансрегуляции (и транскомуникации). Что вкладывается в это определение? Известно, что В.С.Соловьев в «Оправдании добра» разделил всю сферу регуляции поведения человека на три типа: 1) отношение человека к тому, что ниже его (мир чувственной и материальной природы, где главным регулятором поведения является стыд); 2) к тому, что равно ему (мир человеческих и социальных отношений, где главным регулятивным началом является жалость и сострадание); и 3) к тому, что выше его (божественный, сверхъестественный, сверхчеловеческий мир, отношения с которым регулируются на основе чувства благоговения).

Первые два типа регуляции можно отнести к светской (внерелигиозной, секулярной) этике, основными формами которой принято считать индивидуальную этику добродетелей, социальную этику и прикладную этику. Третий тип принципиально отличается от двух первых. Его можно с полным основанием отнести к религиозной этике. В чем же его коренное отличие? Согласно В.С.Соловьеву, данный тип регуляции в противоположность традиционной этической парадигме не основан на равенстве, не сводим к справедливости и не выводит из жалости. Он строится на превосходстве божественного (сверхчеловеческого) начала, определяется зависимостью от него, связан с необходимостью повиновения и послушания ему и, в конечном счете, основан на свободном подчинении своей воли требованиям высшего начала, поклонения и уподобления ему. Такого рода регуляцию можно назвать трансрегуляцией в силу того, что она ориентирована на божественную, сверхчеловеческую, трансцендентную реальность. Исходя из этого, предметом религиозной этики можно считать совокупность норм и правил, регулирующих отношения человека со сверхъестественным миром в целом, а также субъектами этого мира, к каковым можно отнести души умерших предков, духов, демонов, героев, богов и другие сверхчеловеческие (а также и иночеловеческие, инфернально-мифологические) сущности.

Предмет религиозной этики во многом определяет ее содержание и структуру. Понимание религиозной этики как нормативной трансрегуляции предполагает установление иерархии сверхчеловеческих сущностей, поскольку характер или тип поведения че-

ловека в отношении того, что выше его, зависит от иерархической ступени или ряда, занимаемого той или иной сущностью.

Наиболее полное и универсальное учение об иерархии божественных сущностей, позволяющее рассматривать религии человечества в единой иерархической проекции, мы находим в неоплатонизме, в частности в трактате Ямвлиха «О египетских мистериях». Ямвлих выделяет следующие уровни или ряды сущностей (в порядке их возвышения)¹:

- духи;
- герои;
- демоны (добрые и злые);
- телесные (видимые) боги;
- бестелесные (умопостигаемые, невидимые) боги;
- единый бог¹⁴.

Исходя из этой классификации можно выделить следующие типы религиозной этики: 1) этику веры в духов; 2) этику общения с видимыми богами (включая героическую этику); 3) этику взаимоотношений с невидимыми богами; 4) этику поклонения и почитания единого (невидимого и одновременно видимого) бога. Кратко охарактеризуем эти типы.

1. Термин «этика веры в духов» был введен Максом Вебером применительно к «магической этике». «Там, где вера в духов рационализирована и стала верой в богов, - писал Вебер, - где, следовательно, не оказывают магического воздействия на духов, а почитают богов посредством культа и обращаются к ним с мольбой, магическая этика веры в духов переходит в представление, что нарушителя угодных богу норм ждет этическое недовольство бога, особо их охраняющего»¹⁵.

К данному типу этики следует отнести, прежде всего: а) этику шаманизма как универсальный религиозный элемент общения человека с миром духов; б) этику так называемых «примитивных религий» и архаических культов, а также этику таких религий, как бон (этика осознания реальности устрашающих духов), синто (этика поклонения камми), даосизм (этика алхимии духов) и др.

2. Второй тип религиозной этики коренится в религиях древних культур, особенностью которых является постоянное присутствие богов в пространстве человеческого этоса, перманентная теофания. К этому типу можно отнести древнемесопотамскую этику богооставленности, древнеегипетскую этику царства мертвых (загробного воздаяния) и древнегреческую (а также древнеримскую) этику *imitatio Dei* (подражания богу). Характерной особенностью данного типа этики является ее неразрывная связь с имитационными и искупительными ритуалами. Кроме того, богочеловеческое взаимодействие порождает особый тип сверхчеловеческих существ – полубогов-полулюдей: героев, руководствующихся трансрегулятивными нормами героической этики.

3. Этика поклонения невидимым богам вырастает на почве индуизма, ядром которого является ведическая этика восхваления и воспевания подвигов и достоинств невидимых богов древних Ариев (Индра, Агни, Варуна и др.). К данному типу относится также и дуалистическая этика зороастризма, включающая в себя принцип регуляции отношений человека со злыми демонами (богами).

4. Четвертый тип – этика почитания единого бога - определяется характером богочеловеческого взаимодействия, степенью взаимопроникновения божественной (сверхчеловеческой) и человеческой природ (воль). В зависимости от этого можно говорить о двух типах этики богопочитания: этики имманентного присутствия бога (буддизм, христианство) и этики трансцендентного богоприсутствия (иудаизм, ислам). Первый тип в большей степени выражает момент сострадания и любви; второй - послушания и повиновения.

¹⁴ В данном случае мы опускаем ряд сущностей (таких как, ангелы, архангелы, архонты и т.п.), так как они не влияют на типологическую особенность той или иной религии. См.: Ямвлих. О египетских мистериях. М., 1995. - С. 278-281.

¹⁵ Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ)// Работы М.Вебера по социологии, религии и культуре. Выпуск 2. М., 1991. - С. 53.

В этой связи становится очевидным, что основным содержанием религиозной этики являются нормы, устанавливающие непосредственные отношения между человеком и богом (богами, духами и т.п.). Традиционно этот элемент религии принято относить к обрядам и ритуалам и рассматривать с точки зрения теологии и философии культа¹⁶. Однако, здесь имеет место также особый тип регуляции поведения человека в отношении того, что не равно ему, что не может быть мотивировано справедливостью или равенством; одним словом, в отношении к тому, что выше его. В данном случае мы имеем дело с метаэтической функцией ритуала, в котором, говоря словами С.Кьеркегора, происходит «телеологическое устранение этического». Именно датскому философу удалось убедительно показать отличие «религиозно-этического» от «морально-этического». Суть этого отличия сводится к тому, что в основе «морально-этического» лежит отношение человека ко всеобщему (общечеловеческим нормам морали), тогда как в основе «религиозно-этического» лежит его отношение к абсолютному. Это хорошо видно на примере жертвоприношения Авраама.

«И Господь испытывал Авраама и сказал ему: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Бытие, 22, 1-2).

Казалось бы, рассуждает Кьеркегор, отношение Авраама к Исааку с «морально-этической» точки зрения состоит в том, что отец должен любить сына (что, кстати, и подчеркивается, в обращении Господа к Аврааму). Это его высший долг, совпадающий с высшей любовью. «Отношение Авраама к Исааку этически выражается очень просто: отец должен любить сына больше, чем самого себя»¹⁷. Однако в случае с Авраамом данное «морально-этическое» правило не срабатывает. Оно оказывается сведенным к чему-то относительному, в противоположность абсолютному отношению к Богу. Благодаря своему действию Авраам «перешагивает через все этическое», и обретает за его пределами более высокую цель, во имя которой он и устраняет этическое. «Хотел бы я знать, - вопрошает Кьеркегор, - каким образом можно привести действие Авраама в отношении ко всеобщему; можно ли найти какое-либо другое соприкосновение между тем, что делает Авраам, и всеобщим, помимо того что Авраам переступил через это всеобщее? Поступок Авраама – это не что-то спасающее народ или идею государства; Авраам делает это не для того, чтобы умиротворить разгневанных богов. Если бы речь вообще могла идти о Божьем гневе, гнев этот был бы обращен именно против Авраама, но все действие Авраама никак не связано со всеобщим, это его собственное, частное предприятие»¹⁸.

Ситуацию с Авраамом Кьеркегор характеризует как «парадокс веры». Этическая суть этого парадокса состоит в следующем: единичный индивид выше, чем всеобщее; единичный индивид определяет свое отношение ко всеобщему через свое отношение к абсолютному, а не свое отношение к абсолютному через свое отношение ко всеобщему. Отсюда, однако же, не следует, будто этическое должно быть устранено; просто оно получает теперь совершенно новое парадоксальное выражение, новую моральную санкцию, так что, например, любовь к Богу может побудить человека веры придать своей любви к ближнему выражение, совершенно противоположное тому, чего с этической точки зрения требует от него долг¹⁹.

Тем не менее, речь здесь не идет об инверсии морально-этических ценностей, когда во имя абсолютной любви к Богу необходимо отказываться от любви к ближнему, приносить его в жертву (как это на практике было истолковано многими ревнителями религиозной идеи). Абсолютный долг, подчеркивает Кьеркегор, может привести к совершению того, что противоречит общечеловеческой морали и что запрещает этика, но он не может искоренить в верующем сердце любовь к ближнему. Это как раз и доказывает Авраам. Когда он собирает принести в жертву Исаака, он с этической точки зрения как бы ненавидит его. Но если бы он действительно его ненавидел, Бог не потребовал бы от него этой

¹⁶ См., например, Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2004.

¹⁷ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. - С. 56.

¹⁸ Указ. соч. - С. 57-58.

¹⁹ См.: Указ. соч. - С. 67.

жертвы. Авраам должен был любить Исаака всей душой. Когда же Бог потребовал его в жертву, Авраам должен был полюбить сына еще больше, ибо лишь в этом случае его жертва имела бы истинный смысл.

Религиозная этика не устраняет мораль; она преодолевает ее всеобщую (общечеловеческую) нормативность, ставя индивида в непосредственное отношение к абсолютному, т.е. тому, что не равно ему и выше его (индивида)²⁰.

Религиозная этика как бы искушает мораль. Очевидно, что Бог требует от Авраама не жертвы; он испытывает его веру, «искушает» его. Что значит, «искушать», задается вопросом Кьеркегор. «Обычно мы называем искушением то, что удерживает человека от исполнения своего долга; однако здесь само этическое является искушением, поскольку оно может удержать человека от исполнения воли Божьей. А что же тогда здесь долг? Долг – это как раз и есть выражение для обозначения воли Божьей»²¹.

Ядром религиозной этики является ритуал жертвоприношения. Это – базовая трансрегулятивная норма, подобная норме справедливости (правосудия) в социальной этике, заповеди любви к ближнему в этике индивидуальных добродетелей и золотому правилу нравственности в этике межличностных отношений. Жертвоприношение – это не просто культовый акт; это этический акт богочеловеческого общения. Если благоговение является выражением нравственного сознания и нравственного чувства в отношении человека к тому, что выше его, то жертвоприношение является выражением нравственного действия. Одним словом, жертвоприношение есть поступок человека по отношению к тому, кто выше его.

Трансрегулятивную сущность религиозной этики можно проиллюстрировать на примере христианской этики. Христианская этика во многом является идеальным типом религиозной этики, поскольку в ней соотношение божественного и человеческого начал дано в одном лице – Богочеловека Иисуса Христа. Данный тип религиозной этики можно назвать Богочеловеческой этикой в целом.

Богочеловеческая этика предстает как этика двух воль – Божественной и человеческой – взаимодействующих в диалогическом пространстве единого самосознания. Парадокс в том, что видимое единство «моночеловеческой» этики ведет к противоречиям и антиномичности в следовании нравственным требованиям, тогда как «амбивалентная», двуприродная этика Богочеловечества отличается цельностью и непреклонностью в соблюдении нравственных норм. Это достигается благодаря взаимосогласованности двух векторов Богочеловеческого воления: кенотического самоумаления (свободного отречения) Божественной воли и свободного подчинения (Сыновнего послушания) человеческой воли с последующим согласованием Богочеловеческого воления в целом. Схематически это может быть выражено следующим образом:

Божественная воля - Человеческая воля = свободное отречение;

Человеческая воля - Божественная воля = свободное подчинение;

Божественная воля + Человеческая воля = согласие.

Данная структура Богочеловеческой этики является оптимальной формой реализации нравственных норм. Все остальные способы регуляции, основанные на межчеловеческом взаимодействии, вынуждены довольствоваться частичной «одноволевой» стороной реализации нравственных требований. «Одноволевая» человеческая (светская) этика в конечном итоге всегда оказывается этикой половинчатой, абстрактной, моралистически-утопической. Ей не достает свободы воли и силы воли, т.е. Божественной проекции воления.

Необходимо сразу же определить главное качественное отличие этого типа этики: она строится на принципе «двойства воль», соединения двух природ и двух воль в единой

²⁰ Заметим, что данное положение весьма напоминает идею переоценки моральных ценностей в этике Ф.Ницше, тем более, что речь здесь также идет об отношении человека к сверхчеловеческому. Бунт Ницше против религиозной морали и этики христианства – это попытка преодоления морально-этического (всеобщего) во имя религиозно-этического (абсолютного). Этика Ницше глубоко религиозна в подлинном смысле этого слова. Она основана не на равенстве, справедливости или жалости, а на преклонении перед тем, что выше человека, на любви к Сверхчеловеку.

²¹ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. - С. 58.

ипостаси, лице Богочеловека Иисуса Христа. Парадокс в том, что человек как одноприродное, одновольевое существо в нравственном отношении обнаруживает себя раздвоенным, двойственным, что находит свое выражение в известных формулах: «Благое вижу, хвалю - но к дурному влекусь» (Овидий); «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». (Рим., 7,19). Богочеловек же, обладающий двойственной природой и двумя волями, оказывается нравственно цельным, единым.

Разгадка этого парадокса кроется в тождестве ипостаси (личного самосознания) и природы в Боге и непостижимости человеческой природы как основы амбивалентности моночеловеческой этики. Божественная природа «прозрачна» для ипостаси, т.е. духовного самосознания. В жизни Божества не может быть места никакому подсознанию или сверхсознанию, нет ничего чуждого его природе, ничего неосознанного. Напротив, человеческая природа в основном пребывает вне фокуса личного самосознания, вне «я» и потому покрыта мраком подсознательного и бессознательного. Следствием этого является «игра страстей», ибо страсть, согласно меткому определению Спинозы, есть «смутная идея», т.е. неосознанное требование человеческой природы. Несовпадение природы и ипостаси в человеке, их несоразмерность друг другу и определяет характер человеческой этики, главной чертой которой является ее эгоистическо-альтруистическая амбивалентность.

Ипостижимость Божественной природы, т.е. абсолютная личная осознанность всего внеположенного, определяет тот факт, что в едином личном Божественном самосознании соединяются все модусы личного начала: «я», «ты», «он», «мы», «вы»; между тем как в личности с непостижимой природой все модусы, кроме «я», оказываются внеположенными, т.е. пребывают в других личностях²². Актуальное самополагание модусов личного начала внутри себя и есть любовь, полностью побеждающая личное обособление. Таким образом, Богочеловеческий принцип этики делает единственно возможным начало самоотвергающей личной любви как основания всех этических добродетелей.

Богочеловеческая этика проливает совершенно новый свет на нравственные заповеди, данные Христом в Нагорной проповеди. Центральные из этих заповедей – о любви к врагам и непротивлении злему - вызывающие непрекращающиеся этико-богословские споры об их фактическом содержании, границах функционирования и возможностях личностной реализации, получают свое полное объяснение именно в рамках двуприродной, единоипостасной этики, при условии трех взаимосвязанных факторов, выражающих динамику взаимодействия Божественной и человеческой воли: 1) Божественного уничтожения (кенозиса) или вольного самоограничения через любовь; 2) Свободного человеческого подчинения («Сыновнего послушания»); и 3) Богочеловеческого согласия.

Вывод: Богочеловеческая структура нравственного сознания

Исходным системообразующим элементом религиозного нравственного сознания Богочеловеческого типа должен стать кенотический мотив свободного отречения высшей воли, опознаваемый человеком в качестве «голоса совести». Сам по себе этот голос есть смутное и опосредованное отражение внутреннего подвига самоумаления высшего «Я». Так же, как «голос совести» вызывает соответствующий ему должный поступок, так и самоумаление высшего «Я» получает неизбежный отклик свободного подчинения той или иной стороны человеческой природы высшей доминантной воле: подчинение плоти, подчинение ума, подчинение духа. Это свободное подчинение опознается несовершенным (необоженым) человеком как следование принципам долга, чести и т.д. Отрываясь от своей кенотической и волютивно-гармонизирующей основы, свободное подчинение вырождается здесь в формальное следование тем или иным нравственным требованиям, что совершенно неизбежно в рамках «одновольевой», «моночеловеческой», светской этики, создающей иллюзию формально-императивной природы нравственности в целом.

Однако в Богочеловеческой этике момент свободного подчинения органически вытекает из кенотического отречения и необходимо переходит на уровень волевого согласия, свободно гармонизирующего Божественную и человеческую воли, высшее «Я» и природное «я» в человеке. Это согласие опознается как нравственная, благая деятельность на

²² См.: Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Часть 1. – М.: Общедоступный православный университет, 2000. – С.211.

основе любви к Богу. Человек действует не просто от лица высшей Божественной воли, подчиняя ей свою собственную волю; содержание Божественной воли целиком наполняет здесь волю личную, становясь тем самым личным мотивом. Естественно, само это согласие обретается в борении, но когда искушение преодолено, и победа над силами зла одержана, человек полностью движим Божественным волением, реальным выражением которого и является любовь к ближнему.

Список литературы

1. Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ)// Работы М.Вебера по социологии, религии и культуре. Выпуск 2. М., 1991.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
3. Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Часть 1. – М.: Общедоступный православный университет, 2000.
4. Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2004.
5. Ямвлих. О египетских мистериях. М., 1995.

RELIGIOUS ETHICS AS A NORMATIVE TRANSREGULATION

V.N. NAZAROV

*The Tula state
pedagogical
university n.a. I. Tolstoy*

e-mail: Ved_2_phil@bsu.edu.ru

The article discusses the phenomenon of religious ethics as a special type of normative regulation, based not on shame, pity, justice, equality, and other traditional values, expressing the interests of inter-human communication, and on the inequality (humiliation and superiority) and injustice (obedience and subordination of the free human will requirements of the higher principle). It is proved that the subject of religious ethics is a set of rules and regulations governing the relationship of man with superhuman (supernatural) world in general and the subjects of this world, can be attributed to what are the souls of dead ancestors, spirits, demons, heroes, gods and other superhuman (and also infernal and mythological) entity. Based on the hierarchical series of superhuman beings, the most complete picture of Jamblichus in his treatise "On the Egyptian Mysteries," the article suggests an original typology of religious ethics.

Key words: transregulation, the hierarchy of divine beings, types of religious ethics, the ethics of belief in spirits, ethics imitatio Dei, the divine-human ethics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акинфиева Н.И.** – аспирантка кафедры административного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Акинъшина А.В.** – аспирантка юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, помощник судьи Яковлевского районного суда
- Алексеев И.М.** – адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России
- Амрахов Н.И.** – кандидат юридических наук, проректор по научной работе и инновационным технологиям Воронежского института экономики и права
- Аникин Д.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
- Астафьев А.Ю.** – преподаватель кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета
- Борисов Г.А.** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бровдий А.М.** – аспирант кафедры хозяйственного права Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»
- Вантеева Н.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- Галяшина Е.И.** – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующей кафедрой судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина
- Долин В.А.** – кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России
- Дунаев Р.А.** – кандидат философских наук, заведующий кафедрой информатики Белгородского государственного института искусств и культуры
- Ермаков В.Г.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Желтикова И.В.** – аспирант кафедры философии Орловского государственного университета
- Иванов А.В.** – начальник отдела защиты конституционных прав и свобод граждан прокуратуры Днепропетровской области (Украина), соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»
- Иванский В.П.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права РУДН

- Игнатенко В.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права № 1 Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»
- Ильина Т.Н.** – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, кандидат юридических наук
- Каторгина Н.П.** – ассистент кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кислицина И.Н.** – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Комаров И.М.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кравченко О.Н.** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации международного факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Красикова Т.Р.** – магистрант факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кузьмина Н.В.** – преподаватель Костромского государственного технологического университета
- Куксин И.Н.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры теории и истории Московского городского педагогического университета
- Макогон Б.В.** – докторант кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России
- Мархгейм М.В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мелешко Е.Д.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии, прикладной этики, теологии и религиоведения им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им.Л.Н. Толстого
- Михайликов В.Л.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Москаленко С.А.** – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Набережная М.А.** – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Назаров В.Н.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, прикладной этики, теологии и религиоведения им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им.Л.Н. Толстого

- Назарова Ю.В.** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Невлев В.В.** – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Нифанов А.Н.** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Новикова А.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Носков В.А.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Петрова Л.А.** – секретарь ученого совета Харьковского университета Воздушных Сил имени Ивана Кожедуба
- Подкатилина М.Л.** – заведующая учебно-экспертной лабораторией Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина
- Полухин О.Н.** – ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор политических наук, профессор
- Попов Б.А.** – кандидат философских наук, старший преподаватель факультета философии и психологии Воронежского государственного университета
- Проценко Е.Д.** – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Московского университета МВД России по переподготовке, повышению квалификации
- Пчельникова Д.В.** – аспирант кафедры философии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Редько В.Г.** – доктор физико-математических наук, заместитель руководителя Центра оптико-нейронных технологий НИИ системных исследований РАН
- Резников Е.В.** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права МБОУ ВПО «Волжский институт экономики, педагогики и права», судья Дзержинского районного суда г. Волгограда
- Романенко Д.И.** – студент Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ромеро Интриаго Д.И.** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации международного факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Россихин В.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Украины и зарубежных стран, заместитель директора Института подготовки следственных кадров для

- МВД Украины НУ «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»
- Рутман В.Г.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сенина О.В.** – преподаватель Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
- Синенко В.С.** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Костромского государственного технологического университета
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тонкова Г.П.** – магистрант кафедры трудового и предпринимательского права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Третьяков М.Ю.** – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тычинин С.В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Уваров В.Г.** – докторант Днепропетровского государственного Университета внутренних дел кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Украины, генерал-майор милиции
- Усачев А.В.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Елецкого государственного университета
- Федорященко А.С.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Хрисанов В.А.** – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Белгородского юридического института МВД России
- Черняков А.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры информатики Белгородского государственного института искусств и культуры
- Шумилин С.Ф.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ююкин А.В.** – преподаватель кафедры уголовного права и процесса ВФ Московского гуманитарно-экономического института
- Якубина Ю.П.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в двух экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Vabintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи. 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков). 3. Ключевые слова. 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы). 5. Библиографический список. 6. Ссылки. 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов). 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны). 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц) 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц). 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).	<table border="0"> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском и английском языках</td> </tr> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском языке</td> </tr> </table>	}	на русском и английском языках	}	на русском языке
}	на русском и английском языках				
}	на русском языке				

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
  - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
  - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
  - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
  - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
    - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
    - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
    - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
    - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

---

*Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах***УДК 130.2****ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ****А. В. ИВАНОВ¹
Л. Н. ПЕТРОВ²***¹Департамент
экономического развития
Белгородской области**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru**²Белгородский
государственный
университет**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES****A. V. IVANOV¹
L. N. PETROV²***¹Department of economic
development of the Belgorod area**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru**²Belgorod state university**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванов А.В.**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

---

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

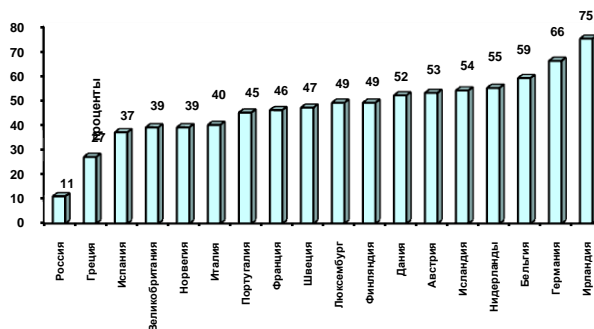

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

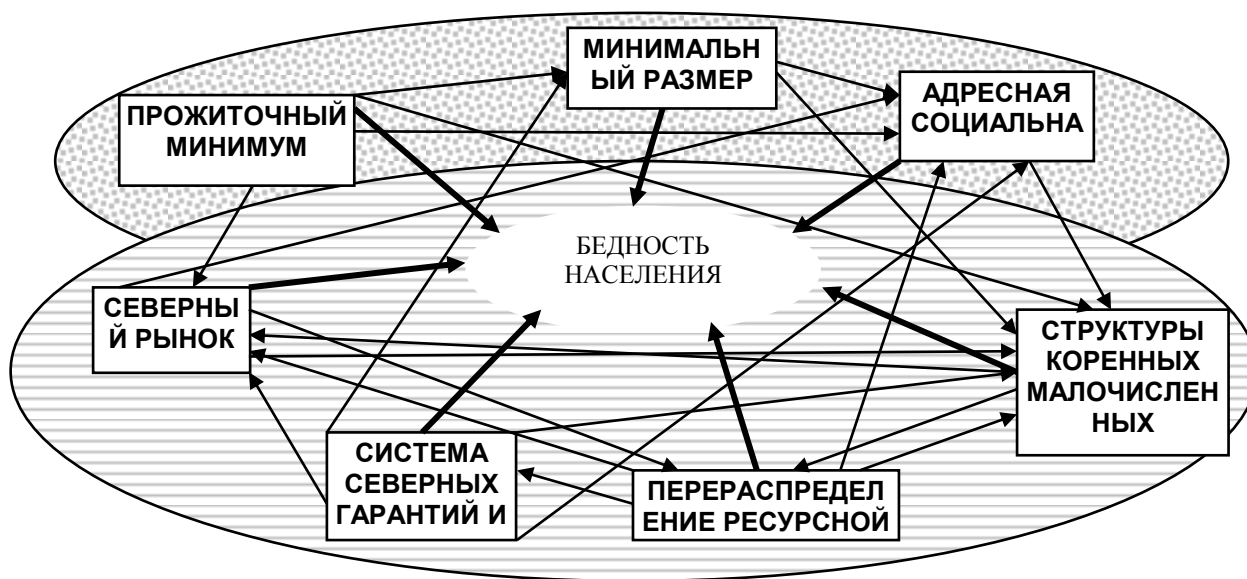

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

